

ISSN 0820-2672

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ПУШКИН
ИССЛЕДОВАНИЯ
И МАТЕРИАЛЫ

ПУШКИН
ИССЛЕДОВАНИЯ
И МАТЕРИАЛЫ

XI

XI

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р
И Н С Т И Т У Т Р У С С К О Й Л И Т Е Р А Т У Р Ы
(П У Ш К И Н С К И Й Д О М)

П У Ш К И Н

И С С Л Е Д О В А Н И Я
И М А Т Е Р И А Л Ы

Т О М
X I

Л Е Н И Н Г Р А Д
« Н А У К А »
Л Е Н И Н Г Р А Д С К О Е О Т Д Е Л Е Н И Е

1 9 8 3

Пушкинский кабинет ИРЛИ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

*Д. Д. Благой, В. Э. Вацуро (ответственный редактор), Р. В. Иезуитова,
Я. Л. Левкович, Н. Н. Петрунина, С. А. Фомичев*

Рецензенты: *Л. Н. Назарова, Ю. В. Стенник*

Пушкин. Исследования и материалы

Том XI

*Утверждено к печати Институтом русской литературы (Пушкинский Дом)
Академии наук СССР*

Редактор издательства *Н. А. Храмузова*
Художник *М. И. Разулевич*. Технический редактор *Г. А. Смирнова*
Корректоры *А. И. Кац, Н. Э. Петрова и Л. А. Привалова*

ИБ № 20741

Сдано в набор 29.11.82. Подписано к печати 16.06.83. М-32009. Формат 70×108¹/₁₆. Бумага
типографская № 2. Гарнитура обыкновенная. Печать высокая. Усл. печ. л. 31.50. Усл. кр.-отт.
31.50. Уч.-изд. л. 35.95. Тираж 15650. Тип. зак. 2011. Цена 2 р. 80 к.

Издательство «Наука». Ленинградское отделение. 199164, Ленинград, В-164, Менделеевская лин., 1.
Ордена Трудового Красного Знамени Первая типография издательства «Наука».
199034, Ленинград, В-34, 9 линия, 12.

П $\frac{4603010101-656}{042(02)-83}$ 370-83-III

© Издательство «Наука», 1983 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	4
-----------------------	---

I. СТАТЬИ

Я. Л. Левкович. Кавказский дневник Пушкина	5
С. А. Фомичев. Рабочая тетрадь Пушкина ПД № 835 (из текстологических наблюдений)	27
В. Б. Сандомирская. Стихотворения Пушкина «А. Олениной» и «Е. Н. Ушаковой. (В альбом)». (К вопросу о двух редакциях)	66
Ю. В. Стенник. Концепция XVIII века в творческих исканиях Пушкина	76
Р. В. Иезуитова. К истории декабристских замыслов Пушкина 1826—1827 гг.	88
В. С. Баевский. Время в «Евгении Онегине»	115
Н. Н. Петрунина. От «Арапа Петра Великого» к «Капитанской дочке»	131
О. С. Муравьева. Из наблюдений над «Песнями западных славян»	149
Г. М. Фридлиндер. Поэтический диалог Пушкина с П. А. Вяземским	164
М. А. Турьян. Из истории взаимоотношений Пушкина и В. Ф. Одоевского	174
В. Э. Вацуро. К биографии В. Г. Теплякова	192

II. МАТЕРИАЛЫ И ПУБЛИКАЦИИ

Н. И. Михайлова. Письма В. Л. Пушкина к П. А. Вяземскому	213
В. П. Степанов. Заметки о В. Л. Пушкине	250
А. А. Карпов. Эпоха 1830-х годов в письмах Н. М. Языкова	268
Г. И. Назарова, В. А. Зызина. Из семейного архива Нащокиных	296

III. ИЗ ИСТОРИИ ПУШКИНОВЕДЕНИЯ

М. П. Алексеев как исследователь Пушкина	323
Список трудов М. П. Алексеева по пушкиноведению	327
О пушкиноведческих работах Н. В. Измайлова	336
Список трудов Н. В. Измайлова по пушкиноведению	338
Указатель имен	347
Указатель произведений Пушкина	357

ПРЕДИСЛОВИЕ

Очередной, XI том неперIODической серии «Пушкин. Исследования и материалы» следует уже ставшему традиционным плану издания. Первый раздел сборника, «Статьи», включает историко-литературные исследования достаточно широкого тематического диапазона — от общих проблемных статей, освещающих значительные хронологические отрезки творческой биографии Пушкина (статья Ю. В. Стенника) до исследований, посвященных отдельным произведениям или группам произведений и рассматривающих свой предмет монографически или в выделенных автором наиболее существенных аспектах (статьи В. С. Басевского, Н. Н. Петруниной, О. С. Муравьевой и др.). Среди работ первого раздела выделяется особая группа, специально посвященная изучению пушкинских рукописей и на их основе предлагающая новые выводы, уточнения и реконструкции пушкинского текста (статьи Я. Л. Левкович, С. А. Фомичева, Р. В. Иезуитовой, В. Б. Сандомирской). Эти статьи, возникшие как результат предварительных работ над пушкинским рукописным фондом — начального этапа подготовки нового академического собрания сочинений Пушкина, — открывают первый раздел настоящего тома. Заканчивают его работы, выходящие за пределы собственно пушкинского творчества в область взаимоотношений Пушкина с современной ему литературой и восприятия его наследия последующей литературной традицией (работы Г. М. Фридляндера, М. А. Турьян, В. Э. Вацуро и др.). Некоторые из них были прочитаны первоначально как доклады на XXVI Пушкинской конференции, посвященной проблеме связи Пушкина с литературой XIX в.

В сборнике, таким образом, оказываются представленными не только темы, связанные непосредственно с жизнью и творчеством Пушкина, но и дающая им более широкий историко-культурный контекст тема «пушкинская эпоха». Это в особенности касается второго раздела настоящего сборника — «Материалы и публикации». Хорошо известно, что сотни писем и документов, характеризующих общественно-литературную жизнь пушкинской эпохи, не введены в научный оборот и еще ожидают своей научной публикации. В значительной своей части несобраным остается эпистолярное наследие современников Пушкина, даже наиболее значительных из них. В «Материалах и публикациях» настоящего тома печатаются три крупных эпистолярных комплекса, характеризующие литературное и бытовое окружение Пушкина: письма В. Л. Пушкина к П. А. Вяземскому за 1810—1820-е годы, шаг за шагом показывающие нам жизнь ближайшей пушкинской литературной среды, письма Н. М. Языкова 1831—1833 гг. — часть обширного неизданного собрания языковских писем, хранящихся в архивах страны, и, наконец, материалы архива Нащокиных, до последнего времени сохранявшегося у потомков П. В. Нащокина и недавно приобретенного Государственным Пушкинским музеем. Все эти документы интересны не столько содержащимися в них непосредственными упоминаниями о Пушкине, сколько характеристикой культурно-бытовой атмосферы, в которой развивалось пушкинское творчество; некоторые из них, как письма Н. М. Языкова или В. Л. Пушкина, имеют и совершенно самостоятельную литературную и историческую ценность. В этом же разделе печатается и работа В. П. Степанова, посвященная поэме «Опасный сосед» В. Л. Пушкина и известному шуточному «Путешествию» И. И. Дмитриева, героем которого также является В. Л. Пушкин. Оба произведения, как известно, были в поле зрения А. С. Пушкина; и вторым из них он начал набрасывать специальную статью.

Последний, третий раздел сборника — «Из истории пушкиноведения» — также опирается на традицию, начатую предшествующими выпусками «Исследований и материалов». Он включает библиографические списки работ о Пушкине двух виднейших советских филологов — акад. М. П. Алексеева и Н. В. Измайлова, с вступительными очерками их пушкиноведческой деятельности.

Все цитаты из Пушкина приводятся по изданию: Пушкин. Полн. собр. соч., т. I—XVI. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1937—1949; т. XVII («Справочный»), 1959. При цитатах указываются том (римской цифрой) и страница (арабской цифрой).

И. СТАТЬИ

Я. Л. ЛЕВКОВИЧ

КАВКАЗСКИЙ ДНЕВНИК ПУШКИНА

В 1836 г. в первом томе «Современника» Пушкин напечатал свое «Путешествие в Арзрум во время похода 1829 года». До этого он готовил «Путешествие» для отдельного издания. Об этом свидетельствует чистовая рукопись «Путешествия» (ЛБ № 2383; ПД № 1028—1035) — ее оформление и ее состав: кроме непосредственно самого текста «Путешествия», она включает «Предисловие» и «Приложение к Путешествию в Арзрум». На листе, представляющем как бы обложку к предисловию, рукою Пушкина, с его же графическим начертанием типографических концовок, обозначено: «Предисловие. 1835. СПб.»¹

После работы Ю. Н. Тынянова² считается безусловным, что замысел «Путешествия» возник после выхода книги Фонтанье «Voyages en Orient entrepris par les ordres du Gouvernement Français de 1830 à 1833. Deuxième voyage en Anatolie» (Paris, 1834) («Путешествия на Восток, принятые по поручению французского правительства в 1830—1833. Второе путешествие в Анатолию»). Пушкин был задет ироническим упоминанием Фонтанье о «бардах, находящихся в свите» Паскевича, и счел необходимым парировать высказывание Фонтанье, что поэт нашел в Арзрумском походе «сюжет не поэмы, а сатиры».

Работая над «Путешествием в Арзрум», Пушкин пользовался своими так называемыми «путевыми записками». В предисловии к «Путешествию» он связывал его публикацию с книгой Фонтанье. В одной из редакций этого предисловия он писал: «Сии записки, будучи занимательны только для немногих, никогда не были бы напечатаны, если б к тому не побудила меня особая причина» (VIII, 1024). Дальше идет рассказ о «важнейшем обвинении», которое содержится в книге Фонтанье и которое заставило поэта «прервать молчание». В этом же варианте предисловия Пушкин пишет: «... частная жизнь писателя, как и всякого гражданина, не подлежит обнаруживанию». Таким образом, записки, которые велись во время путешествия, он рассматривает как проявление его частной жизни. Они «занимательны» только для близкого круга знакомых и друзей, как были «занимательны» для них письма поэта, которые читались в дружеском кругу и переписывались для близких знакомых.

Тынянов впервые указал, что, работая над «Путешествием», Пушкин, кроме «путевых записок», использовал большой литературный и научный аппарат. Круг этих источников и установил Тынянов.

Обращение Тынянова к источникам «Путешествия» шло от сопоставления дорожных записей и самого «Путешествия», от их текстового и функционального несовпадения. Иными словами, характер обработки «путевых записок» вел исследователя к необходимости искать печатные источники «Путешествия». По-видимому, как результат этих наблюде-

¹ По-видимому, эту рукопись Пушкин 11 апреля 1835 г. передал для просмотра Николаю I, см.: Левкович Я. Л. К цензурной истории «Путешествия в Арзрум». — В кн.: Временник Пушкинской комиссии. 1964. М.—Л., 1967, с. 34—37.

² Тынянов Ю. Н. О «Путешествии в Арзрум». — В кн.: Пушкин. Временник Пушкинской комиссии, т. 2. М.—Л., 1936, с. 57—73; перепечатано в кн.: Тынянов Ю. Н. Пушкин и его современники. М., 1968, с. 192—208.

ний явилось сомнение в правильности и правомочности общепринятого текста «Путешествия в Арзрум». Тынянов пишет: «Оставляя в стороне вопрос о том, можно ли в окончательный текст произведения, написанного в 1835 году, вносить произвольные и случайные дополнения по черновым записям 1829 года, когда замысел „Путешествия“ еще никак не был оформлен, — следует указать, что выбор первопечатного текста „Современника“ крайне неудачен».³ Далее исследователь указывает на опечатки в «Современнике» и предлагает печатать «Путешествие» по белой рукописи. Это замечание Тынянова было учтено им самим при подготовке текста «Путешествия» для «большого» академического издания, где читаем: «Основной текст „Путешествия в Арзрум“ печатается по ЛБ 83 с поправками по „Современнику“ и со вставками из белой части „Путевых записок“ 1829 г. 1) отрывка о посещении А. П. Ермолова (в главе 1), 2) отрывка о жалком положении черкесских аманатов (в гл. 1), 3) содержания глав — из „Современника“» (VIII, 1065).

Нам кажется, что «вопрос», который Тынянов «оставляет в стороне», имеет первостепенное значение не только для установления текста «Путешествия в Арзрум», но и для выяснения того обстоятельства, что же такое «черновые записи 1829 года».

Тот текст, который Тынянов назвал в статье «черновыми записями 1829 года», в «большом» академическом издании напечатан в разделе «Другие редакции и варианты» к «Путешествию» под заголовком «Путевые записки 1829 года». Эти записи и есть те «записки», о которых Пушкин пишет в предисловии и которые он вел во время арзрумской поездки. В тетради (ПД № 841), где велись эти записи, заглавия нет, и оно выбрано Тыняновым и редакцией потому, что так называл их сам поэт. Печатаемая отрывки из них в «Литературной газете» (1830, № 6) под названием «Военная грузинская дорога», он сопроводил их подзаголовком: «Извлечено из путевых записок А. Пушкина».

Следует подчеркнуть, что отрывок «Военная грузинская дорога» действительно является публикацией (с рядом поправок и изъятий) арзрумских записей, в то время как «Путешествие в Арзрум» — очерки, которые писались не только на основе непосредственных наблюдений, зафиксированных в «путевых записках», но и с привлечением литературных источников, т. е. оно вполне соответствует столь распространенному в первой четверти XIX в. литературному жанру «путешествий».

Уже цитированный черновой вариант предисловия завершается следующим текстом: «Обвинение в неблагодарности касается до чести и не должно быть оставлено без возражения, как ничтожная критика или литературная брань. Вот почему решился я написать это предисловие и выдать свои путевые записки, как все, что мною было написано о походе 1829 года» (VIII, 1027). Здесь же, как мы видели, Пушкин называет свои арзрумские записи и просто записками («Сии записки» и т. д.).

Какой смысл вкладывал Пушкин в слово «записки»? Известно, что свои уничтоженные мемуары он называл то «биография», то «mémoires», то «записки». Но слово «записки» равным образом он относил и к дневникам. Отметим, что слова «дневник» в «Словаре языка Пушкина» нет. В качестве синонима к «дневнику», кроме «записок», трижды упоминается «журнал»: один раз применительно к XVII веку (речь идет о «Журнале Петра I»), второй раз — в шутовском употреблении (в письме к жене: «Теперь послушай мой журнал. . .» — XVI, 49), третий — в черновом варианте строк, предвещающих «Альбом Онегина»:

Отрывки, письма черновые
И, словом, искренний журнал,
В котором сердце изливал
Онегин в дни свои младые,
Дневник мечтаний и проказ,
Незанимательный для вас.

(VI, 430—431)

³ Тынянов Ю. Н. О «Путешествии в Арзрум», с. 198.

В так называемом «Начале автобиографии» (1833) Пушкин пишет: «Несколько раз принимался я за свои ежедневные записки и всегда отступался из лениности. В 1821 году начал я свою биографию» (XII, 310). Таким образом, свои дневники он называет «ежедневными записками». Синонимом к «дневнику» слово «записки» является, нам кажется, в следующей записи Пушкина (в дневнике 1833—1835 гг.): «Государыня пишет свои записки... Дойдут ли они до потомства? Елисавета Алексеевна писала свои, они были сожжены ее фрейлиною; Мария Федоровна так же. — Государь сжег их по ее приказанию. Какая потеря!» (XII, 316). В данном контексте очевидно, что под «записками» Марии Федоровны подразумеваются не мемуары, которые пишутся для будущих времен и в которых восстанавливаются и осмысливаются события уже прошедшие, а дневниковые записки, которые заносятся по свежим следам и отражают не только факты, но и их эмоциональное восприятие. Со временем это восприятие может потускнеть или быть переосмыслено, и поэтому дневники скорее могут быть обречены на уничтожение, чем мемуары.

Именно в дневнике вдовствующей императрицы могли быть записки, относящиеся к убийству мужа (Павла I) и обличающие сына (Александра I) в заговоре против отца, — известно, что обстоятельства этого заговора вызывали постоянный интерес Пушкина.

Так называемые «путевые записки» Пушкина — это «ежедневные записки», которые он вел по дороге в Арзрум; иначе говоря, это дневник, который Пушкин вел в пути. Можно предположить, что если бы «из лениности» поэт не «отступался» от «ежедневных записок», то они нередко писались бы «в пути», так как большая часть его жизни проходила «в коляске» (вспомним «Дорожные жалобы»). В «коляске» Пушкин работал,⁴ некоторые его стихотворения помечены словом «дорога», некоторые — названиями мест, где он был только проездом. Следует особенно подчеркнуть, что одна из немногих дневниковых записей 1820-х годов касается именно «дорожного происшествия» — это «Встреча с Кюхельбекером», записанная (как помечено в автографе) 15 октября 1827 г. в Луге.

Встреча с Кюхельбекером — случайная встреча с другом юности, с одним из тех, о которых упоминалось в уничтоженных записках поэта и которые «после сделались историческими лицами», как писал он в «Начале автобиографии». Неожиданность, случайность события определила и характер автографа — он записан на отдельном листе бумаги. Запись сделана, по-видимому, наспех, на почтовой станции; возможно, у Пушкина не было под рукой рабочей тетради.

Иное дело арзрумская поездка. Отправляясь в Арзрум, Пушкин знал, что он едет к тем же друзьям юности, которые не только стали «историческими лицами», но и вновь участвовали в событиях исторических. Так как мысль о «биографии» не оставляла поэта, то он, отправляясь на театр военных действий, заранее приготовился собирать для нее материал. Поэтому он взял с собой специальную тетрадь (теперь это тетрадь ПД № 841), чтобы вести «ежедневные записки», а так как они делались в разных географических пунктах, т. е. там, где находилось время и предоставлялась возможность спокойно записать увиденное и пережитое, — эти «ежедневные записки» были одновременно и путевым дневником поэта. «Путевые записки» — это дневник, который Пушкин вел во время арзрумской поездки. То, что эта тетрадь была задумана как дневниковая, подтверждают и характер записей в ней, и сопоставление их с другими дневниками Пушкина.

В описании рукописей Пушкина тетрадь ПД № 841 называется «арзрумской». Название это не случайно. В. Е. Якушкин так начинает описание этой тетради: «Листы» 1—14. Черновые к „Путешествию

⁴ См., например, в письме к жене от 19 сентября 1833 г.: «Я и в коляске сочиняю, то ли будет в постеле?» (XV, 81).

в Арзрум". Некоторые листы были вырваны и вклеены не на своем месте. Против печатной редакции есть некоторые дополнения и пометы, которые и привожу». ⁵ Далее следует эпизод встречи с калмычкой. Так путевой дневник Пушкина впервые был определен как «черновые» к «Путешествию в Арзрум», хотя в то время, когда Пушкин делал свои записи, не было еще и замысла «Путешествия» и сам Пушкин еще полагал, что «сии записки» могут быть «занимательны только для немногих».

Вслед за Якушкиным многие публикаторы и исследователи, вплоть до наших дней, считают кавказский дневник поэта заготовками к «Путешествию в Арзрум». Тынянов, усомнившись в правильности выбранного для «Путешествия» текста, также не сомневался, что дневник, который Пушкин вел во время поездки, не что иное, как его «черновые записи».

Обратимся к арзрумской тетради. Записи в ней начинаются с даты и указания места, где та или иная запись делается. Первая запись: «15 мая. Георгиевск». Далее идет описание событий, происшедших с момента выезда Пушкина из Москвы. Следующая запись, на л. 7, помечена: «Мая» 22. Владикавказ». Открывается она словами: «С Екатеринограда начинается военная Грузинская дорога...», кончается: «Завтра святилище (дикий) природы будет нам доступно». В конце ее, на л. 11, повторена дата: «Влад. 22 мая 1829». Таким образом, дневниковые записи занимают подряд 10 с половиной начальных листов тетради (л. 2—11). ⁶

Переход через Кавказский хребет, с короткими перерывами на ночевки, не оставлял времени для дневника. Передышка появилась в Тифлисе. Первой тифлисской записью был черновик письма к Ф. И. Толстому. Начинается он на л. 11 сразу же после дневниковой записи, датированной 22 мая, и переходит на следующую страницу — л. 11 об. Этот черновик уже в то время, когда В. Е. Якушкин описывал пушкинские тетради, был «полустертым, неразборчивым». ⁷ Разобран и напечатан он только при подготовке «большого» академического издания (XIV, 45—46). В письме имеются строки, которые объясняют перерыв в дневниковых записях Пушкина: «Дорога через Кавказ скверная и опасная — днем я тянулся шагом с конвоем пехоты и каждую дневку ночевал — зато видел Кавказ и Терек, которые стоят Ермолова. Теперь прею в Тифлисе, ожидая разрешения графа Паскевича» (XIV, 46).

В Тифлисе Пушкин пробыл две недели. Когда же он вновь приступил к дневнику? Ответить на этот вопрос можно, если внимательно приглядеться к тому, в какой последовательности велись дальнейшие кавказские записи Пушкина в этой тетради. Не преследуя цели дать детальную историю заполнения тетради, мы наметим только последовательность записей, имеющих прямое отношение к дневнику поэта.

22 мая сделана владикавказская запись в дневнике. Этим же числом с указанием «Кап-Кой» (старое название Владикавказа) помечен перебеленный текст стихотворения «Калмычке» (л. 127 об.). В дневниковую запись от 15 мая, где рассказывается о встрече со «степной Цирцеей», вставлена фраза: «Вот послание к ней, которое вероятно никогда до нее не дойдет». Стихотворение и вводящая его фраза записаны одинаково заточенным пером и одними и теми же чернилами, т. е. писались в один прием. Но перебеленному тексту стихотворения на л. 127 об. предшествует черновик; почерк, которым написан этот черновик, близок к почерку записи 15 мая. По-видимому, эпизод с калмычкой вызвал мысль о стихотворении, но стихи, тем более только что задуманные, требовали

⁵ Русская старина, 1884, т. XLIV, ноябрь, с. 346.

⁶ Первый лист архивной нумерации незаполнен. Позднее рукой Л. Дубельта на нем написано: «№ 16» (см.: Цявловский М. А. «Посмертный обыск» у Пушкина. — В кн.: Цявловский М. А. Статья о Пушкине. М., 1962, с. 297).

⁷ Русская старина, 1884, т. XLIV, ноябрь, с. 347.

работы — беловой текст у Пушкина часто появляется после тщательно отработанных черновых вариантов. Поэтому, чтобы не прерывать дневниковых записей заведомо черновыми строками, Пушкин обращается к последним листам тетради и в конце ее, на л. 128 об., по-видимому того же 15 мая, набрасывает черновой текст стихотворения, а 22 мая, уже во Владикавказе, переписывает его набело. Национальный колорит стихотворения вызывает замену русского названия Владикавказа старинным Кап-Кой. Вернувшись к записи от 15 мая, он указывает место, где это стихотворение должно находиться (аналогичное сопряжение прозаического текста со стихотворным имеется и в автобиографическом письме к брату от 24 сентября 1820 г.: «Ночью, на корабле, написал я элегию, которую тебе присылаю» — XIII, 19).

Стихотворение «Калмычке» находится в тетради в окружении других «кавказских» стихов Пушкина. Лист 128, где записан его черновик, начинается с концовки чернового варианта «На холмах Грузии лежит ночная мгла», который располагается в верхней части листа, в правом столбце. Перед стихотворением (на л. 128 об.) дата: «15 мая». Вслед за ним, после разделительной черты, и следует черновик «Калмычке». Пушкин перебеливает его на соседнем листе (на л. 127 об., на одном развороте с л. 128), заполняя левую колонку листа. Рядом, уже 24 мая, пишется черновик письма к Б. Г. Чилиеву⁸ (XIV, 45). Затем поэт переворачивает страницу и начинает записи на л. 127: сверху набрасывает три черновые строки послания Фазиль-хану («Благословен и ты, поэт»), потом заполняет весь лист рисунками, фиксирующими его зрительные впечатления; здесь и кавказский пейзаж, и автопортрет, и фигура грузинки, и несколько портретных набросков. Посредине листа (л. 127), справа, крупным четким почерком записано: «25 мая. Коби». Дата не относится к стихотворению (на этом листе оно только начато, второй его черновик, на отдельном листе, помечен датой «Душет, 27 мая»). Таким образом, 25 мая Пушкин обозначает не дату, когда написано стихотворение, а день, когда он находился в Коби, иначе говоря, «25 мая. Коби» является дневниковой записью.

Так, начиная с 15 мая собственно дневниковые записи и записи, связанные с «ежедневными впечатлениями» поэта, ведутся с двух сторон тетради. Прозаическая их часть (за исключением записи в Коби) — в начале тетради, стихи (их можно назвать лирическим дневником поэта) — в конце ее.

В лагере действующей армии Пушкин появился 13 июня. Дни, насыщенные событиями и встречами, не давали поэту времени продолжать дневник с неторопливыми подробностями. Следующую дневниковую запись он делает только 12 июля («Вот уже 6 дней, как я в Арзруме»). Автограф этой записи находится на отдельном листе (ПД № 253), но еще в описании рукописей Пушкина, составленном Б. Л. Модзалевским и Б. В. Томашевским,⁹ указано, что лист этот вырван из арзрумской тетради. Место, где он первоначально находился, устанавливается легко (по характерной линии обрыва) — это следующий лист после тифлисского письма к Ф. Толстому (т. е. после л. 11 об. — обозначим его как л. 11а).

Набегавшие события не оставляли по-прежнему времени для развернутых записей. 14 июля, возвращаясь из бани, Пушкин узнал, что «в Арзруме открылась чума». В «Путешествии» читаем: «Мне тотчас представились ужасы карантина. Мысль о присутствии чумы очень неприятна с непривычки» (VIII, 481). В тетради Пушкин записывает: «14 июля. — Арзр.кум» баня. — чума». Так эта запись читается в академическом издании (VIII, 1046). Б. В. Томашевский читает ее иначе:

⁸ В тетради даты нет; письмо датируется по упоминанию в «Путешествии в Арзрум».

⁹ Модзалевский Б. Л., Томашевский Б. В. Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском Доме. Научное описание. М.—Л., 1937, № 253.

«Арзрумская баня 14 июля — чума».¹⁰ Запись сделана на л. 123 тетради, в перевернутом ее положении. По-видимому, потрясенный известием, Пушкин открыл тетрадь наугад и в верхней части листа, как делал, начиная новую дневниковую запись, написал: «14 июля — чума». Затем вписал сверху, над тире: «Арзр. баня». Аббревиатурная запись позволила читать эту вставку и как «Арзрум, баня», и как «Арзрумская баня». Однако подробностей, связанных с чумой, в дневнике не появилось, и ниже записи 14 июля сразу следует текст стихотворения «Критон, роскошный гражданин». Сбоку, с левой стороны, стоит торопливо записанная дата: «16 июля». Нам представляется, что 16 июля написано не только стихотворение, но сделана и аббревиатурная вставка в дневниковую запись. Стихотворение, как и вставка, вызваны одним событием — посещением арзрумской бани.

В «Путешествии в Арзрум» мало реальных, обозначенных числами дат,¹¹ и, чтобы составить представление о передвижениях поэта, приходится устанавливать конкретные числа по таким его замечаниям, как «на другой день», «поутру», «переночевав» и т. д. Но день 14 июля там назван, и рассказ о событиях этого дня ведется в соответствии с дневниковой записью: «Война казалась кончена. Я собирался в обратный путь. 14 июля пошел я в народную баню и не рад был жизни. Я проклинал нечистоту простынь, дурную прислугу и проч. Как можно сравнить бани арзрумские с тифлискими!» (VIII, 484). Дальше в «Путешествии» следует эпизод, обозначенный в дневнике словом «чума».

В приведенном отрывке из «Путешествия» обращает внимание сравнение арзрумских бань с тифлискими. Описание последних также находим в «Путешествии». Пушкин попал в «славные тифлиские бани» в женский день. Это обстоятельство позабавило поэта. Он был удивлен, что появление его «не произвело никакого впечатления» на женщин и что ни одна из них не поторопилась покрыться своею «чадрой». «Казалось, — пишет он, — я вошел невидимкой. Многие из них были в самом деле прекрасны и оправдывали воображение Т. Мура» (VIII, 456). Далее следует отрывок из «Лалла-Рук», где рисуются «прелестные грузинские девы», когда они выходят «разгоряченные из тифлиских ключей». Страх перед чумой вскоре пропал, уже 15 июля Пушкин вместе с лекарем посетил лагерь зараженных, увидел турков, которые ухаживали за больными, и «устыдился своей европейской робости в присутствии такого равнодушия». Никаких дополнений, связанных с чумой, он в дневнике не стал делать (они по памяти были потом восстановлены в «Путешествии»), но арзрумские бани напомнили ему тифлиский эпизод (вполне вероятно, что в этот же день он рассказывал о нем своим арзрумским друзьям). С воспоминанием об этом эпизоде и связан набросок «Критон, роскошный гражданин». Содержание его опирается на эпизод, который произошел с Пушкиным в Тифлисе. Житель столицы (Афин) попадает в другой город (Керамик) и оказывается перед входом в бани, куда направляется «нимфа молодая». Собственная пушкинская ситуация облекается в античный маскарад, а все стихотворение окрашивается легкой шутливой интонацией (как и весь эпизод, связанный с тифлискими банями, в «Путешествии»). Набросок остался незавершенным — он был оттеснен новыми впечатлениями.

Когда Пушкин вновь вернулся к дневнику, короткая запись от 14 июля затерялась среди стихотворных строк. Между нею и набросками трех стихотворений («На холмах Грузии», «Калмычке» и началом послания Фазиль-хану с записью 25 мая и рисунками) оставалось только два свободных листа (л. 123 об.—125). Продолжать дневник в том же положении тетради не имело смысла — могли возникнуть по-

¹⁰ Пушкин А. С. Полн. собр. соч. в 10-ти т., т. VIII. Л., Изд. АН СССР, 1978, с. 19.

¹¹ Всего Пушкин упоминает 10 дат; семь из них касаются передвижений войска и сражения под Арзрумом, одна связана с последним его визитом к Паскевичу и известием о смерти Бурцова.

вые творческие записи и дневник превратился бы в «скучную, сбивчивую черновую тетрадь» (так Пушкин назвал свою кишиневскую тетрадь, когда, работая над записками в 1824—1826 гг., переписывал ее набело, выбирая из груды черновых текстов свои дневниковые записи и черновики писем). Неудобство такого ведения дневника уже тогда стало для него очевидным.

Следующая запись делается через четыре дня: «18 июля. Арзрум — карантин — Обед у графа Паскевича». Обед у Паскевича — последний из описанных в «Путешествии» эпизодов арзрумской жизни (далее Пушкин коротко пишет об обратном пути). Запись 18 июля делается вновь в изначальном положении тетради, после записи 22 мая во Владикавказе. Набрасывается она поверх карандашного черновика письма Ф. И. Толстому (т. е. на л. 11). Мы видели, что первая арзрумская запись, 12 июля, сделана после листа с письмом к Толстому на вырванном листе, который находился между л. 11 и 12 (лист 11а); таким образом, более поздняя запись, от 18 июля, опережает ее. Почему? Можно предположить, что, набросав в Тифлисе черновое письмо к Толстому, Пушкин не удосужился сразу переписать и отослать его или сделал это позднее, а может быть, и не отослал вовсе (беловой текст письма неизвестен). Дело в том, что Пушкин отвечает на письмо, адресованное неизвестным лицом на его имя в Тифлис, а оттуда пересланное в «действующий отряд». Он не уверен, кто был отправителем, и лишь «полагает», что это мог быть Толстой. Поэтому вполне возможно, что, прежде чем переписывать ответ на неизвестное письмо, он решил удостовериться, действительно ли его писал Ф. И. Толстой. Во всяком случае очевидно, что текст черновика стал поэту не нужен после 12 июля. Тогда он пишет сверху новый текст, группируя таким образом дневниковые записи.

Сразу после короткой, тезисной записи 18 июля, на обороте л. 11, частично также по карандашному черновику письма к Ф. И. Толстому, сделана следующая запись:

Переход через Кавказ
Дариял, Казбек, осетинцы, похороны
Поэт Персидский
Принц Персидский / Снеговая Крестовая гора
Грузия, Арагва, Душет
Тифлис
дорога до крепости? Карса. Гумры, Арарат. Граница. Гергеры. Карс.
Лагерь гр. Паскевича
Перестрелка, рекогносцировка
война
Источник Мост.
Гассан Кале
27 июня. Арзрум
дворцы
обратный путь

В «большом» академическом издании эта запись и дневниковые записи от 14 и 18 июля напечатаны под общей шапкой «Планы в рукописи „Путевых записок“». Б. В. Томашевский же записи 14 и 18 июля поместил под рубрикой «Дневники»,¹² присоединив к ним хронологические пометы, как в арзрумской тетради («Владикавказ. 22 мая 1829»; «25 мая. Коби»), так и на отдельных листах («Душет. 27 мая» — эта запись сделана на перебеленном тексте послания к Фазиль-хану).

Что представляет собой так называемый «план»? Здесь мы вновь видим перечень «опорных моментов» путешествия. В отличие от записей 14 и 18 июля, «план» возвращает поэта к эпизодам полуторамесичной давности, заполняет временной промежуток между Владикавказом и Арзрумом, т. е. восполняет недостающее звено в дневнике. Кроме

¹² Пушкин А. С. Полн. собр. соч. в 40-ти т., т. VIII. Л., Изд. АН СССР, 1978, с. 19.

того, он фиксирует дату приезда в Арзрум и дополняет арзрумские записи такими опорными словами, как «дворцы», «обратный путь».

Когда же появился в тетради этот «план»? Скорее всего в тот же день, 18 июля, когда пребывание поэта в Арзруме подходило к концу. Занеся в дневник события последних дней, он сразу же отметил пропуск («дворцы»). Слова «обратный путь» свидетельствуют и о готовности поэта пуститься в обратный путь, и о том, что на обратном пути он собирался продолжать дневник.

В Арзруме у Пушкина, по-видимому, так и не появилось времени всерьез заняться дневником. Попытка 12 июля начать обстоятельный рассказ оказалась единственной. Остальные записи носят тезисный характер. Этими записями Пушкин закрепил недавно пережитые эпизоды и набросал, также в тезисной форме, последовательность событий после отъезда из Владикавказа до конца своего пребывания в Арзруме. Из этой последней записи-плана очевидно, что он не оставил мысли в один из свободных дней или часов вернуться к впечатлениям от своей поездки по Военно-Грузинской дороге и внести их в дневник, пока они не стерлись в памяти.

18 июля Пушкин нанес последний визит Паскевичу, уже написал в «плане» слова «обратный путь», но из Арзрума уехал только через три дня после этого — 21 июля. Как после 18 июля велись записи в тетради? После «плана» два листа из тетради вырвано, на одном из них была запись от 12 июля (л. 11а — ПД № 253), на другом — неизвестные нам записи. На ближайшем из сохранившихся листов (л. 12 тетради) после даты «19 июля 1829. Арзрум» (она находится сверху листа, как и дневниковые пометы) следует текст, который печатается в качестве одного из набросков предисловия к «Борису Годунову»: «С величайшим отвращением решаюсь я выдать в свет „Бориса Годунова“...» и т. д., а на следующих листах (л. 13, 13 об., 14) уже идет обещанная самому себе запись об «обратном пути» («Мы ехали из Арзрума»).

Почему вдруг в Арзруме среди дневниковых записей появляется набросок о «Борисе Годунове»? Перед отъездом в Арзрум Пушкин с помощью Жуковского стал хлопотать об издании трагедии. Из воспоминаний М. В. Юзефовича мы знаем, что трагедия была в «походном чемодане» Пушкина, что поэт читал ее в палатке Раевского и Юзефович однажды присутствовал при этом чтении.¹³ Очевидно, в лагере и в Арзруме Пушкин не раз читал трагедию своим друзьям (как это делал в Москве, вернувшись из ссылки). Набросок предисловия несомненно вызван разговорами и спорами о трагедии, которые велись в Арзруме. Говорить об этом с определенностью позволяет еще один документ — черновик письма, адресатом которого предположительно считается Н. Н. Раевский и в котором Пушкин излагает свои размышления о жанре трагедии и основные принципы поэтики «Бориса Годунова». Письмо написано по-французски, в конце его дата «30 j», которая расшифровывается как «30 января» или «30 июня» (соответственно и место, где это письмо пишется, определяется как «Петербург или Арзрум», см.: XIV, 46). Нам кажется, что арзрумская запись на л. 12 тетради о Борисе Годунове дает основания для того, чтобы из двух предложенных вариантов датировки письма выбрать последний.

Письмо писалось скорее всего после чтения трагедии вслух; возможно, Раевский попросил рукопись, чтобы еще раз перечитать ее в свободные часы.¹⁴ Фразу Пушкина о Карамзине («я требую, чтобы прежде,

¹³ Юзефович М. В. Памяти Пушкина. — В кн.: Пушкин в воспоминаниях современников, т. 2. М., 1974, с. 106.

¹⁴ Предположение о Раевском как адресате письма связано с тем, что еще в Михайловском, в 1825 г., Пушкин писал ему пространно о своей трагедии. Арзрумская запись позволяет, нам кажется, более определенно относить письмо к Н. Н. Раевскому. В январе Пушкин был в столице, а Раевский на Кавказе. Даже если допустить, что Пушкин переписал трагедию и послал Раевскому рукопись вместе с письмом, то тогда на Кавказе она была и везти ее с собой не имело бы смысла.

чем читать ее, вы перелистали последний том Карамзина») следует понимать не как просьбу тотчас же открыть том Карамзина, а как указание на источник сюжета и характеров — вряд ли у Раевского на Кавказе была «История государства Российского».

Если разъяснения потребовались для доброжелательного читателя, то тем более они казались необходимыми для публики; таким образом, возникшая в Арзруме потребность объяснить трагедию друзьям могла проявиться в попытке сразу же набросать предисловие к ее печатному изданию. Иными словами, нам кажется, что оба текста были написаны на Кавказе и письмо предшествовало наброску в тетради, т. е. датировать его следует 30 июня 1829 г.

Набросок предисловия остался незаконченным; принимаясь вновь за дневник, Пушкин пропускает страницу (л. 12 об.) и на л. 13 записывает эпизод с казаками («Мы ехали из Арзрума»). Лист 12 об. оставлен был, вероятно, для продолжения предисловия к трагедии. Тема, обозначенная в записи 18 июля как «обратный путь», ограничилась единственной записью о встрече с казаками на пути из Арзрума во Владикавказ. Напомним, что в «Путешествии в Арзрум» этот эпизод не упомянут. Воспоминанием о нем вызваны стихотворения «Был и я среди донцов», «Здравствуй, Дон» и набросок поэмы о казачке и черкесе («Полюби меня, девица»), но написаны они уже позднее. Запись «Мы ехали из Арзрума» не имеет даты. Мы помним, что после «плана» и перед наброском предисловия к «Борису Годунову» кроме вырванного листа с записью 12 июля был еще один лист. Возможно, запись «Мы ехали из Арзрума» имела не дошедшее до нас начало с датой (здесь могли излагаться последние арзрумские впечатления, известие о смерти Бурцова; см. сборы, начало обратного пути в «Путешествии в Арзрум» — VIII, 482), но, может быть, Пушкин не поставил дату случайно.

Еще одна дневниковая запись в тетради сообщает о поездке по Военно-Грузинской дороге от Владикавказа к Тифлису (т. е. реализует частично в развернутом повествовании тезисную запись от 18 июля). Сделана она на л. 104 об.—100 в перевернутом положении тетради. Необходимо объяснить, почему Пушкин, для того чтобы записать впечатления от Военно-Грузинской дороги, перевернул тетрадь, раскрыл ее наугад (вся середина тетради была тогда еще чистой) и стал писать на свободных листах, а не стал заполнять тетрадь подряд, избавив нас от необходимости разгадывать ход его мыслей.

Объяснение, нам кажется, может быть только одно: запись «Мы достигли Владикавказа» делалась раньше, чем поэт приступил к описанию обратной дороги. Начав группировать арзрумские записи, Пушкин, по-видимому, не хотел нарушать хронологического течения дневника. Предполагая вести дневник во время «обратного пути» и, естественно, не зная, сколько листов для этого потребуется, он перевернул тетрадь и образовавшуюся лауну в дневнике стал заполнять с обратного ее конца.

Предположенная нами последовательность записей может вызвать сомнения. В конце 1829—начале 1830 г. Пушкин готовил материалы для «Литературной газеты» — в тетради № 841 мы находим некоторые заметки, как напечатанные в газете, так и предназначавшиеся для нее. Соблазнительно было бы эту, отколовшуюся от основного текста дневника, запись связать с подготовкой статьи «Военная Грузинская дорога», напечатанной в № 6 газеты. Однако к тому времени, когда Пушкин готовил материалы для газеты, дневниковая запись уже была окружена другими текстами — прежде всего «Романом в письмах».¹⁵

Кроме того, после выговора, который Пушкин получил от Бенкендорфа за чтение трагедии в Москве (см. письмо Бенкендорфа к Пушкину от 22 ноября 1826 г.: XIII, 307), было бы рискованно посылать ее опальным кавказским друзьям.

¹⁵ «Роман в письмах» занимает с небольшими перерывами, соседствуя, в частности, со строфами «Путешествия Онегина», л. 111 об.—105 об. тетради (до отрывка «Мы достигли Владикавказа») и продолжается на л. 100 (после этого отрывка). Лист 105 не заполнен; верхняя часть л. 100 начинается с середины фразы:

Весь кусок кавказского дневника на л. 104 об.—100 отличается необыкновенным разнообразием почерков: то это аккуратный беловой почерк, то скоропись; поэт пользуется то тонко отточенным пером, то более тупым. Даты нет. Возможно, что, принявшись писать, Пушкин забыл поставить дату или собирался указать ее в конце (как это было 22 мая, когда дата стоит не только в начале, но и в конце записи). Но записи в дневнике почему-то прервались, рассказ не был окончен в один день и продолжался в следующие дни. В этом случае дневниковые даты, будь они проставлены, внесли бы в рассказ о путешествии (т. е. о последовательных переездах из одного места в другое) хронологическую путаницу. Последовательность событий разбивалась бы хронологической последовательностью записей.

Приняться за столь подробный рассказ о днях переезда из Владикавказа к Тифлису можно было только рассчитывая на оседлый образ жизни. Скорее всего, Пушкин начал эту запись в Арзруме 19 июля или на следующий день. К этому времени друзья разъехались, с Паскевичем поэт распрощался, новых встреч или волнующих событий не ожидалось. Начало записи сделано аккуратным, «беловым» почерком, и только потом становятся заметны торопливость, прерывистость почерка — создается впечатление, что заканчивал эту запись Пушкин уже в пути.

Запись «Мы ехали из Арзрума» сделана почти без помарок, мы снова видим ровный почерк, свидетельствующий, что поэт располагал временем. Можно предположить, что эта запись делалась уже в Тифлисе, где Пушкин, по его словам, «провел несколько дней в любезном и веселом обществе». Этой записью кончается кавказский дневник Пушкина. После эпизода с казаками поставлена черта, а затем начинаются тексты творческих замыслов, и первый из них — план поэмы о русской девушке и черкесе. Во Владикавказе, прочитав статью Надеждина о «Полтаве» (см. «Путешествие в Арзрум» — VIII, 483), Пушкин пишет направленную против него эпиграмму «Саложник». Эпиграмма записана на л. 126 об., т. е. поэт снова обращается к концу тетради, где группировались стихи, написанные во время поездки (см. выше). Однако дальнейшее рассмотрение истории заполнения тетради ПД № 841 не входит в задачу настоящей статьи.

Заканчивая обзор дневниковых записей в арзрумской тетради, следует упомянуть еще два наброска, которые в академическом издании отнесены к «другим редакциям» «Путевых записок 1829 года». Первый («Недавно поймали черкеса») записан на л. 12 об., второй («Пушка оставила нас») — на л. 15 об. Оба они написаны позже остальных текстов, может быть уже в Петербурге, когда Пушкин готовил статью «Военная Грузинская дорога» для «Литературной газеты».¹⁶ Основания для такого предположения дает топография отрывков. Лист 12 заполнен

«... и любила его слушать, а ему только того и надо было» — это один из вариантов к письму третьему «Романа в письмах». Этот вариант приведен в описании Якушкина (без указания на «Роман в письмах», см.: Русская старина, 1884, т. XLIV, ноябрь, с. 364), но не учтен в «большом» академическом издании. Отметим, что Пушкин набрасывает строфы «Путешествия Онегина», проводя своего героя по тем местам, где совсем недавно был он сам. Строфы эти начинаются на л. 121 и соседствуют с арзрумскими записями (на двух предыдущих листах расположены дневниковая запись 14 июля и стихотворение «Дон»). Строфы «Он видит Терек своенравный (в черновике: «разъяренный»)», «Уже пустыни сторож вечный», «Питая горьки размышленья» повторяют пейзаж, описанный Пушкиным в дневнике (а затем напечатанный в «Литературной газете» и вошедший в текст «Путешествия в Арзрум»). Здесь мы видим и «Терек [разъяренный] своенравный», и «конь черкеса», и «овцы [стада с...] калмыков», и «вдали кавказские громады», и «[снеговых обвалов грохот]», и «Бешту острокопечный», и «зеленеющий Машук», и даже «[струи целебные]» серных источников. Потом эти образы повторяются в стихотворениях кавказского цикла («Обвал», «Кавказ» и др.), которые, возможно, писались одновременно с работой над статьей «Военная Грузинская дорога» по материалам дневника.

¹⁶ В тетради ПД № 841 большая часть прозаических текстов — черновые наброски статей для «Литературной газеты».

наброском предисловия к «Борису Годунову», а на л. 13 начинается уже запись «Мы ехали из Арзрума». Таким образом, лист 12 об. явно был оставлен для продолжения предисловия к трагедии. Вернувшись в Петербург, Пушкин узнал, что хлопоты Жуковского об издании «Бориса Годунова» не увенчались успехом, — актуальность предисловия отпала, и свободную страницу он заполнил вариантом записи о черкесах для печати. На л. 15 Пушкин начал заметку «Многие недовольны нашей журнальной критикой», оставил оборот листа для продолжения заметки и также позднее написал на этом обороте отрывок «Пушка оставила нас». В «Литературной газете» оба эти отрывка даны в редакции, отличной от дневниковой записи. Наброски «Недавно поймали черкеса» и «Пушка оставила нас» связаны с подготовкой статьи и уже не относятся к дневнику Пушкина.

Следует сказать, что в дневнике поэта большие куски текста зачеркнуты (например, эпизод с калмычкой, встреча с графом Пушкиным и описание его кареты и др.). Палеографические данные (цвет чернил, толщина пера, характер этих вычерков) свидетельствуют, что Пушкин зачеркивал эти места в два приема, подготавливая текст дневника для печати. Вычеркнутые куски не вошли в публикацию «Литературной газеты» и «Современника», но несомненно являются частью дневника Пушкина.

Мы видели, что начиная с 15 мая до начала августа (в Тифлис Пушкин приехал 1 августа) поэт вел «ежедневные записки», т. е. мы имеем все основания говорить о «кавказском дневнике» Пушкина. Оформление записей, их характер, стилистические особенности — все это сближает кавказский дневник с другими «записками» поэта, жанровая принадлежность которых к дневникам никогда не вызывала сомнения.

В сочинениях Пушкина в разделе «Дневники» печатаются следующие материалы: отрывок из лицейского дневника, несколько кишиневских записей (в том числе запись о встрече с Пестелем и деятелями греческой революции), отрывок одной из записей 1824 г. в Михайловском, «Встреча с Кюхельбекером», записи 1831 г. о холерных бунтах, наконец, дневник 1833—1835 гг. Одни из этих записей — случайно сохранившиеся отрывки из подневных записок за более продолжительные периоды (лицейский и кишиневский дневники). Другие фиксируют знаменательные события в отдельных дни жизни поэта и не связаны с намерением вести дневник постоянно (встреча поэта с Кюхельбекером). Они смыкаются с заметками дневникового характера на полях рукописей, которые в сочинениях Пушкина также относятся к «Дневникам», и лишь дневник 1833—1835 гг. по намерению и продолжительности записей возвращает нас к кишиневскому и лицейскому дневникам. Следует особо отметить, что только для последнего дневника Пушкин завел специальную тетрадь. Кишиневский дневник велся в рабочей тетради Пушкина (так же как и записи михайловского периода).

Особняком в ряду пушкинских дневников стоят записи 1831 г. Их политическая направленность, стилистическая отточенность, сюжетное единство вызывали сомнение в их жанровой принадлежности. Некоторые исследователи считали их не дневником, а материалами для газеты, которую Пушкин затевал в 1831 г.¹⁷ Не исключено, что, надеясь печатать в своей газете известия, касающиеся внутренних дел России, Пушкин предполагал использовать в ней и эти материалы. Следовательно, эти записи могли выполнять две функции: отражать впечатления дня (или дней), т. е. быть «ежедневными записками» поэта, и одновременно содержать информацию о политических событиях в стране, которая предназначалась для публики.

Конечно же, к внутренней политике и, соответственно, к газетным материалам не имеют отношения записи о том, что «государыня позво-

¹⁷ В «большом» академическом издании, например, эти дневниковые записи напечатаны с заголовком «Материалы для заметок в газете „Дневник“» (XII, 199—202).

лила фрейлине Россет выйти за Смирнова»¹⁸ и что «государь приехал перед самыми родами императрицы». После незначительной обработки записи 1831 г. могли быть оформлены в газетные статьи, но Пушкин писал их как пишут дневники, т. е. в течение определенного периода, обозначая дату, когда запись делается, и фиксируя события, происшедшие в этот день или в период между двумя записями. Записи сопровождаются размышлениями поэта о пережитых событиях. Так, занеся в дневник разговор Николая I с депутатами из восставших военных поселений, Пушкин пространно ее комментирует: «Народ не должен привыкать к царскому лицу...» и т. д. Комментарии такого рода также не были пригодны для печати.

Несмотря на большие временные интервалы между отдельными приступами Пушкина к «ежедневным запискам», все они имеют общие композиционные и стилистические признаки. В кавказском дневнике две записи («Мы достигли Владикавказа» и «Мы ехали из Арзрума») не имеют даты. Записи без дат можно встретить в лицейском и кишиневском дневниках поэта («Вчера не тушили свечей»; «4 мая был я принят в масоны» — в этом последнем случае помечена дата события, а не дата записи). Для кавказского дневника характерна манера включать в одну запись события сразу нескольких дней, давать не описание отдельных дней, а сразу большого отрезка пути. Такие же собирательные записи мы находим и в последнем дневнике поэта. Пропустив в дневнике несколько дней, Пушкин заносит в него события, происшедшие в промежутке между двумя датами, т. е. его «ежедневные записки» в действительности никогда не были ежедневными в буквальном смысле слова. В последнем дневнике мы находим суммарную запись сразу за три месяца (после поездки по пугачевским местам).

В ранней редакции предисловия к «Путешествию в Арзрум» Пушкин пишет, что он полагал «сии записки» занимательными «только для немногих» (VIII, 1024). Это признание свидетельствует, что читатели или лица, которых поэт собирался знакомить со своим дневником, предполагались изначально, но число их было ограничено. «Немногие», т. е. малое число лиц, которые знакомы и с другими произведениями Пушкина «не для печати». И здесь особое внимание следует обратить на мотив воспоминаний в дневнике.

Пушкин дважды путешествовал по Кавказу. Первый раз в 1820 г. вместе с Раевскими он ехал из Екатеринослава на воды (а оттуда в Гурзуф). Об этом путешествии он подробно писал брату 24 сентября 1820 г.¹⁹ Письмо это было хорошо известно ближайшему окружению Пушкина.

¹⁸ Отмечено Т. Г. Цявловской, см.: Пушкин А. С. Полн. собр. соч. в 10-ти т., т. VII. М., Гослитиздат, 1976, с. 358.

¹⁹ Первое свое путешествие по Кавказу Пушкин описал два раза — в письме к Л. С. Пушкину и в так называемом «Отрывке из письма к Д.». И. Л. Фейнберг, исходя из постулата, что часть записок была напечатана Пушкиным, предложил считать «Письмо к Д.» готовым отрывком из его записок. Как отрывок из записок оно было напечатано в Полном собрании сочинений Пушкина (т. VII. М., Гослитиздат, 1976). Анализ «Отрывка из письма к Д.», сделанный Томашевским, опровергает это мнение (см.: Томашевский Б. В. Пушкин, т. 1. М.—Л., 1956, с. 567). Соглашаясь с Томашевским, мы считаем, что с записками Пушкина тесно связано письмо к брату. Г. О. Винокур назвал его «образчиком особого литературного жанра — путешествия» и отметил общность «элементов внешнего стиля», композиционного построения письма к брату и «Путешествия в Арзрум». Эта общность несомненна, но именно она позволяет сближать письмо к Л. С. Пушкину и с «путевыми записками». Было бы рискованным утверждать, что оно является готовым, законченным фрагментом записок, но то, что значительная часть его (кроме обращений, лирических восклицаний и т. д.) была переписана в тетрадь записок, представляется не праздным домыслом. Косвенным подтверждением того, что именно его (а не «Отрывок из письма к Д.») Пушкин собирался использовать для записок, является судьба автографа. В 1844 г. Л. С. Пушкин передал С. А. Соболевскому все находившиеся у него письма брата. Они были сшиты в одну тетрадь. Автограф письма с описанием путешествия вложен в тетрадь отдельно — это предполагает и его отдельное местонахождение. Напрашивается предположение: не взял ли его

Рассказывая о своей поездке в 1829 г., Пушкин учитывает описание первого путешествия по тем же местам. Дневник повторяет те же опорные моменты, мотивы, что и письмо к брату, — более того, он прямо ориентирует читателей на это письмо. «Снежные вершины кавказских гор», «величавый Бешту», «Горячие воды», «лица исторические» — Ермолов, Раевские — обо всем этом Пушкин уже писал девять лет назад. Говоря о настоящем, поэт вспоминает прошлое, в описание включается романтическая интонация, характерная для первого восприятия Кавказа. Определение «те же горы», т. е. горы, которые Пушкин видел девять лет назад, отсылает слушателя к первому впечатлению о них. В письме «пятихолмный Бешту» вписывается в романтический пейзаж («Жалею, мой друг, что ты со мною вместе не видал великолепную цепь этих гор; ледяные их вершины, которые издали, на ясной заре кажутся странными облаками, разноцветными и неподвижными; жалею, что не всходил вместе со мною на острый верх пятихолмного Бешту. . .» (XIII, 17); в дневнике «остроконечный Бешту» упоминается только как одна из примет по дороге к Георгиевску. Сопоставление отъезда в Ермолове в письме («Ермолов наполнил его (Кавказский край, — Я. Л.) своим именем и благотворным гением») и эпизода встречи с ним в дневнике, где Ермолов показан в окружении бытовых реалий — «памятников его владычества», дает представление о судьбе «лица исторического» в России.

Описание Кавказских горячих вод также построено на сопоставлении настоящих впечатлений с прошлыми. То, что при первом посещении и при первом описании было жизненной необходимостью («воды были мне очень нужны и чрезвычайно помогли»), теперь окрашивается приметами исчезнувшего романтического восприятия. Также и описание переезда по Военно-Грузинской дороге и замечания о черкесах ориентированы на письмо. В 1820 г. казалось, что «древняя гордость» черкесов исчезает, что дороги становятся час от часу безопаснее, многочисленные конвой излишними. Прошло девять лет и все повторилось: тот же конвой, та же пушка, та же «дерзость», которая возросла («у них убийство — простое телодвижение»). Если девять лет назад «тень опасности правилась мечтательному воображению» поэта, то теперь «несносная жара», медленность перехода — все вызывает раздражение. «Благословенный гений Ермолова» не принес плодов, и Пушкин продолжает свои размышления о черкесах, начатые девять лет назад. Не оружие, а просвещение, культура и «христианские миссионеры» — вот что может благоприятствовать сближению горских народов и России.

Эта повторность сюжетов, противопоставление трезвого, реалистического взгляда зрелого человека прежнему романтическому восприятию могли быть отмечены действительно лишь «немногими», т. е. теми, кто знал о первом путешествии поэта не только в общих чертах (где, когда, почему), но был знаком в свое время (или имел возможность познакомиться) с текстом его автобиографического письма. Когда в наброске предисловия к «Путешествию в Арзрум» Пушкин писал, что его записки — не более чем эпизоды его «частной жизни» и потому могут быть занимательны только для «немногих», он не кривил душой. Чтобы стать интересными для многих (для современников и для «потомства»), они требовали дополнительной работы. «Ежедневные записки» были только материалом для «биографии» — так и рассматривал их Пушкин.

Итак, очевидно, что наряду с лицейским дневником, с дневником кишиневским, с дневником 1833—1835 гг. до нас дошел «кавказский»,

Пушкин у брата, когда работал над записками в Михайловском или при вторичном приступе к запискам, где «Приезд из Кавказа в Крым» выделен отдельным пунктом. Напомню, что большой отрывок из него был напечатан впервые, как часть мемуарной прозы, в составе «Библиографического известия об А. С. Пушкине», составленного Львом Пушкиным по просьбе П. В. Анненкова, т. е. письмо осмыслилось им как часть биографии брата. Л. С. Пушкин вполне мог знать, что оно использовалось Пушкиным в его уничтоженной «Биографии».

или «арзрумский», дневник Пушкина. Печатать его следует не в разбивку и не в «других редакциях и вариантах» к «Путешествию в Арзрум», а в последовательности записей и там, где ему надлежит быть, — среди дневников поэта.

К кавказскому дневнику относятся записи 15, 22 и 25 мая, 12, 14 и 18 июля, отрывок «Мы достигли Владикавказа» (его можно датировать 19 июля—началом августа 1829 г.) и, наконец, запись «Мы ехали из Арзрума» (с датой: начало августа 1829 г.). В запись от 15 мая необходимо включать стихотворение «Калмычке» — его место в дневнике сразу было определено самим Пушкиным.²⁰

В литературе неоднократно высказывались предположения, как и для чего собирался и мог использовать Пушкин свои дневники: для «Истории о коротком времени», как заготовки для художественных произведений своих или «будущего Вальтер-Скотта».²¹ Отметим, что часть дневниковых записей была использована, обработана и напечатана Пушкиным при жизни. Его «путевые записки» нельзя рассматривать как заготовки для еще не родившегося замысла «Путешествия в Арзрум». Однако «Путешествие» могло быть создано только потому, что в 1829 г., во время поездки по Кавказу, Пушкин вел дневник.²²

Мы предлагаем реконструкцию кавказского дневника Пушкина. При подготовке текста учитывалось следующее обстоятельство: работая в 1829 г. над статьей «Военная Грузинская дорога» для «Литературной газеты», Пушкин пользовался дневником как основой для статьи. В дневнике вычеркнуты некоторые слова, фразы, абзацы, которые он считал неприемлемыми для статьи. Убирая куски текста, Пушкин делал это в большинстве случаев однотипно — несколькими косыми, иногда почти перпендикулярными к тексту штрихами, сохраняя таким образом неиспорченным первоначальный текст, не нужный ему в данном случае. Отдельные места были им заново сформулированы. Эти позднейшие формулировки можно определить при помощи палеографических данных.

В настоящей публикации мы по возможности исключаем правку, которая делалась при перестройке дневника в статью. Слова и отрывки, которые Пушкин вычеркивал в процессе работы над текстом, заключены в квадратные скобки.

Делая дневниковые записи, Пушкин обычно работал над текстом, подвывая его стилистической правке или выбирая слова, наиболее точно выражающие мысли и впечатления. Подобная правка имеется и в кавказском дневнике. Варианты текста этого дневника приведены в академическом издании (VIII, 1027—1046) и в настоящую публикацию не вводятся.

Без каких-либо помарок или переделок осталось только начало дневника (посещение Ермолова), которое при жизни Пушкина не печаталось (см. выше, с. 19). Этот отрывок дневника полностью совпадает с текстом «Путешествия в Арзрум» (VIII, 445—446). При издании сочинений Пушкина возможны два текстологических решения: печатать рассказ о посещении Ермолова дважды (в дневнике и в «Путешествии в Арзрум») или давать в начале дневника отсылку к тексту «Путешествия».

²⁰ Б. В. Томашевский ввел в дневники Пушкина запись «Душет. 27 мая» (Пушкин А. С. Полн. собр. соч. в 40-ти т., т. VIII. М., Изд. АН СССР, 1958, с. 19). Эта запись, на отдельном листе, фиксирует день, когда Пушкин обрабатывал послание Фазиль-хану. Дата 27 мая несомненно должна войти в «Летопись жизни и творчества Пушкина», но ее нельзя относить к дневникам, как и другие многочисленные даты, которые Пушкин в разные годы ставил под своими стихами.

²¹ См.: Левкович Я. Л. Автобиографическая проза. — В кн.: Пушкин. Итоги и проблемы изучения. М.—Л., 1966, с. 522—528.

²² Подобное соотношение мы видим и между письмом к Л. С. Пушкину от 24 сентября 1820 г. и так называемым «Отрывком из письма к Д.».

15 мая. Георгиевск.

Из Москвы поехал я на Калугу, Белев и Орел, и сделал таким образом 200 верст лишних; зато увидел Ермолова. Он живет в Орле, близ коего находится его деревня. Я приехал к нему в восемь часов утра и не застал его дома. Извозчик мой сказал мне, что Ермолов ни у кого не бывает, кроме как у отца своего, простого, набожного старика, что он не принимает одних только городских чиновников, а что всякому другому доступ свободен. Через час я снова к нему приехал. Ермолов принял меня с обыкновенной своей любезностью. С первого взгляда я не нашел в нем ни малейшего сходства с его портретами, писанными обыкновенно профилем. Лицо круглое, огненные серые глаза, седые волосы дыбом. Голова тигра на Геркулесовом торсе. Улыбка неприятная, потому что неестественна. Когда же он задумывается и хмурится, то он становится прекрасен и разительно напоминает портрет, писанный Довом. Он был в зеленом черкесском чекмене. На стенах его кабинета висели пашки и кинжалы, памятники его владычества на Кавказе. Он, по-видимому, нетерпеливо сносит свое бездействие. Несколько раз принимался он говорить о Паскевиче и всегда язвительно; говоря о легкости его побед, он сравнивал его с Навином, перед которым стены падали от трубного звука, и называл графа Эриванского графом Ерихонским. «Пушкай нападёт он, — говорил Ермолов, — на пашу не умного, не искусного, но только упрямого, например на пашу, начальствовавшего в Шумле, — и Паскевич пропал». Я передал Ермолову слова гр. Толстого, что Паскевич так хорошо действовал в персидскую кампанию, что умному человеку осталось бы только действовать похуже, чтоб отличиться от него. Ермолов засмеялся, но не согласился. «Можно было бы сбереечь людей и издержки», — сказал он. Думаю, что он пишет или хочет писать свои записки. Он недоволен Историей Карамзина; он желал бы, чтобы пламенное перо изобразило переход русского народа из ничтожества к славе и могуществу. О записках кн. Курбского говорил он *con amore*.^a Немцам досталось. «Лет через 50, — сказал он, — подумают, что в нынешнем походе была вспомогательная прусская или австрийская армия, предводительственная такими-то немецкими генералами». Я пробыл у него часа два. Ему было досадно, что не помнил моего полного имени. Он извинялся комплиментами. Разговор несколько раз касался литературы. О стихах Грибоедова говорит он, что от их чтения — скулы болят. О правительстве и политике не было ни слова.

Мне предстоял путь через Курск и Харьков; но я своротил на прямую тифлисскую дорогу, жертвуя хорошим обедом в курском трактире (что не безделица в наших путешествиях) и не любопытствуя посетить Харьковский университет, который не стоит курской ресторации.

До Ельца дороги ужасны. Несколько раз коляска моя вязла в грязи, достойной грязи одесской. Мне случалось в сутки проехать не более 50 верст. —

Смотря на маневры ямщиков, я со скуки пародировал американца Купера в его описаниях морских эволюций. Наконец воронежские степи оживили мое путешествие. Я свободно покати(лся) по зеленой равнине — и я благополучно прибыл в Новочеркасск, где нашел графа Вл. Пушкина, также едущего в Тифлис, — я сердечно ему обрадовался, и мы поехали вместе. Он едет в огромной бричке. Это род укрепленного местечка, мы ее прозвали *Отрадною*. В северной ее части хранятся вина и съестные припасы. — В южной — книги, мундиры, шляпы etc. etc. — С западной и восточной стороны она защищена ружьями, пистолетами, мушкетонами [саблями] и проч. — На каждой станции выгружается часть северных запасов, и, таким образом, мы проводим время как нельзя лучше. —

Переход от Европы к Азии делается час от часу чувствительнее. — Леса исчезают, холмы сглаживаются, трава густеет и являет ббльшую

^a с увлечением (*итал.*).

силу растительности (végétations); показываются птицы, неведомые в наших дубравах; орлы как часовые на пикетах сидят на кочках, означающих большую дорогу, и спокойно смотрят на путешественника; по тучным пастбищам

Кобылиц неукротимых
Гордо бродят табуны.

Кочующие кибитки полудиких племен начинают появляться, оживляя необразимую однообразность степи. Разные народы разные каши варят. Калмыки располагаются около станционных хат. — Татары пасут своих вельблюдов, и мы дружески навещаем наших дальних соотечественников.

На днях, покамест запрягали мне лошадей, пошел я к калмыцким кибиткам (т. е. круглому плетню, крытому шестами, обтянутому белым войлоком, с отверстием сверху). У кибитки паслись уродливые и косматые кони, знакомые нам по верному карандашу Орловского. В кибитке я нашел целое калмыцкое семейство; котел варился посередине, и дым выходил в верхнее отверстие. Молодая калмычка, собой очень недурная, шила, куря табак. Лицо смуглое, темно-румяное. Багровые губки, зубы жемчужные. — Замечу, что порода калмыков начинает изменяться и первобытные черты их лица мало-помалу исчезают. — Я сел подле нее. — Как тебя зовут? — — — сколько тебе лет? — Десять и восемь. — Что ты шьешь? — Портка. — Кому? — Себя. — Поцалуй меня. — Неможна, стыдно. — Голос ее был чрезвычайно приятен. Она подала мне свою трубку и стала завтракать со всем своим семейством. В котле варился чай с бараньим жиром и солью. Не думаю, чтобы кухня какого б то ни было народу могла произвести что-нибудь гаже. Она предложила мне свой ковшик — и я не имел силы отказаться. — Я хлебнул, стараясь не перевести духа, — я попросил заесть чем-нибудь — мне подали кусочек сушеной кобылятины. И я с большим удовольствием проглотил его. После сего подвига я думал, что имею право на некоторое вознаграждение. Но моя гордая красавица ударила меня по голове мусикийским орудием, подобным нашей балалайке. — Калмыцкая любезность мне надоела, я выбрался из кибитки и поехал далее. Вот к ней послание, которое вероятно никогда до нее не дойдет — — — ⁶

В Ставрополе увидел я на краю неба белую недвижную массу облаков, поразившую мне взоры тому ровно 9 лет. — Они всё те же, всё на том же месте. — Это были снежные вершины Кавказа — —

Подъезжая к Георгиевску, яснее увидел я их светлую цепь и темные массы передовых предгорий. Они обнимали всю правую сторону горизонта и ярко рисовались на ясном утреннем небе. Я увидел остроконечный Бешту, окруженный Машуком, Змеиной и Лысой горою — [как царь своими вассалами].

Несмотря на мое намерение доехать до Грузии, я решил пожертвовать одним днем и из Георгиевска отправился в телеге к Горячим водам. Я нашел на водах большую перемену. — В мое время ванны находились в [бедных] лачужках, наскоро построенных. — Посетители жили кто в землянках, кто в балаганах. Источники, по большей части в первобытном своем виде, били, дымилась и стекали с гор по разным направлениям, оставляя по себе серные и селитровые следы. — У целебных ключей старый инвалид подавал вам ковшик из коры или разбитую бутылку. Нынче выстроены великолепные ванны и дома. Бульвар, обсаженный липками, проведен по склонению Мапука. — Везде чистенькие дорожки, зеленые лавочки, правильные партеры, мостики, павильоны. — Ключи обделаны, выложены камнем, и на стенах ванн прибиты полицейские предписания. — Везде порядок, чистота, красивость — — —

Что сказать об этом. — Конечно, Кавказские воды нынче представляют более удобностей, более усовершенствования. — Таков естественный ход вещей. — Но признаюсь: мне было жаль прежнего их дикого, воль-

⁶ Последняя фраза приписана позже, когда было уже написано стихотворение «Калмычке», датированное в тетради ПД № 841 22 мая.

ного состояния. — Мне было жаль наших крутых каменистых тропинок, кустарников и неогражденных пропастей, по которым бродили мы в прохладные кавказские вечера. — Конечно, этот край усовершенствовался, но потерял много прелести. — Так бедный молодой шалун, сделавшись со временем человеком степенным и порядочным, — теряет свою прежнюю любезность — — —

С неизъяснимой грустью пробыл я часа три на водах; с полнотою чувства разговаривал я с любезными Же... и Жи... и старался изъяснить им мой печальный впечатления. Они меня поняли и дружески со мною распростились. Я поехал обратно в Георгиевск — берегом быстрой Подкумки. Здесь, бывало, сиживал со мною Н. <иколай> Р. <аевский>, молча прислушиваясь к мелодии волн. — Я сел на облучок и не спускал глаз с величавого Бешту, уже покрывавшегося вечернею тенью. Скоро настала ночь. — Небо усеялось миллионами звезд — Бешту чернее и чернее рисовался в отдалении, окруженный горными своими вассалами. Наконец он исчез во мраке. Я приехал в Георгиевск поздно и застал гр. <афа> Пуш<кина> уже спящего.

М<ая> 22. Владикавказ.

С Екатеринограда начинается военная Грузинская дорога. — Почтовый тракт прекращается, нанимают лошадей до Владикавказа — дается конвой казачий и пехотный — и одна пушка — почта отправляется 2 раза в неделю, и приезжие к ней присоединяются — это называется *оказией*. Мы дожидались оной недолго — почта пришла на другой день [нашего приезда] — и на третье утро в 9 часов мы были готовы отправиться в путь. На сборном месте соединился весь [наш] караван, состоявший из 500 человек или около. — [Наше общество представляло зрелище самое оживленное —]. Пробили в барабан. Мы тронулись. — Впереди поехала пушка, окруженная пехотными солдатами — фитиль горел, и они им раскуривали свои трубки — за нею потянулись коляски, брички, кибитки солдаток, переезжающих из одной крепости в другую, за ними заскрыпел необозримой обоз двукольных ароб. — По сторонам бежали конские табуны и стада волов, около них скакали проводники в бурках, в косматых шапках и с арканами. — Сначала нам это очень нравилось, но скоро надоело; нестерпимая медленность нашего похода (в первый день от Екатеринограда до Пришиба мы прошли только 15 верст), несносная жара, недостаток припасов, беспокойные ночлеги, наконец беспрерывный скрип ногайских ароб вывели нас из терпения. Татары тщеславятся этим скрыпом, говоря, что они разъезжают как честные люди, не имеющие нужды укрываться. — На сей раз приятнее было бы нам путешествовать с плутами. — Дорога довольно однообразна — равнина, по сторонам холмы — на краю неба вершины Кавказа, каждый день являющиеся выше и выше — крепости достаточные для здешнего края — со рвом, который каждый из нас перепрыгнул <бы> не разбегаясь, с заржавой пушкой, не стрелявшей со времен гр. <афа> Гудовича, с обрушенным валом, по которому бродит гарнизон уток и цыплят. В крепости несколько лачужек, где с трудом можно достать десяток яиц и кислого молока —

Первое замечательное место есть крепость Минарет — приближаясь к нему, наш караван ехал по прелестной долине — между курганами, обросшими липой и чинаром. — Это могилы нескольких тысяч умерших чумою — блистали цветы, порожденные зараженным пепелом. — Справа всё сиял снежный Кавказ. — Слева шумел Терек, впереди возвышалась огромная лесистая гора. За нею находится крепость. Кругом ее видны следы разоренного аула. — И легкий одинокий минарет свидетельствует о бытии исчезнувшего селения, называемого Татартуб и бывшего одно из главных в Б<ольшой> Кабарде. — Кругом его высокие горы. Он стройно возвышается между грудями камней на берегу иссохшего потока — памятник, переживший многое. Внутренняя лестница еще не обрушилась. Я взобрался на то место, где уже не раздастся голос муллы. —

Там нашел я несколько неизвестных имен, нацарапанных на кирпичках проезжими офицерами. — Суета сует. Гр. П[ушкин] последовал за мною. — Он начертил на кирпиче имя ему любезное — имя своей жены — счастливая — а я свое

Любите самого себя,
Любезный милый мой читатель.

Дорога наша сделалась очень живописна. — Горы тянулись над нами — на вершинах ползали чуть видные стада. — Мы различили и человека, их пасущего. Кто ж это был, вольный черкес или пленник? Он видит нас, но с каким чувством, с сильной <?> ненавистью или с волнением груди и жаждой свободы? — Мы встретили еще курганы, еще развалины. — Два, три надгробных памятника стояли на краю дороги. — Там по обычаю старых черкесов погребены их наездники. — Татарская надпись, изображения пашек, кинжалов — танга — оставлены хищнику-внуку в память хищного предка. —

Черкесы нас ненавидят, и русские в долгу не остаются. — Мы вытеснили их из привольных пастбищ — аулы их разрушены — целые племена уничтожены. — Они далее, далее уходят и стесняются в горах, и оттуда направляют свои набеги — дружба мирных черкесов не надежна. — Они всегда готовы помочь буйным своим одноплеменникам. Все меры, предпринимаемые к их укрощению, были тщетны. — Но меры жестокие более действительны. — Дух дикого их рыцарства заметно упал. Они редко нападают в равном числе на казаков — никогда не на пехоту, и бегут, завидя пушки. — Зато никогда не пропустят случая напасть на слабый отряд — или на беззащитного. — Здепняя сторона полна молвой о их злодействах. Не имеют никакой надежды их усмирить, пока их не обезоружат, как обезоружили крымских татар, что чрезвычайно трудно исполнить по причине господствующих между ими наследственных мщений и так называемого *долга крови*.

Кинжал и пашка суть члены их тела — и младенец начинает владеть ими прежде, нежели языком. — У них убийство — простое телодвижение. — Пленников они сохраняют в надежде на выкуп, но обходятся с ними с ужасным бесчеловечием — заставляют работать сверх сил, кормят сырым тестом, бьют, когда вздумается, — и приставляют к ним для стражи своих мальчишек, которые за одно слово вправе их изрубить своими детскими пашками. Что делать с таким народом?

Пока черкес вооруженный не будет почитаться вне закона, можно попробовать влияние роскоши — новые потребности мало-помалу сблизят с нами черкесов — самовар был бы важным нововведением.^в Есть наконец средство более сильное, более нравственное — более сообразное с просвещением нашего века, но этим средством Россия доньше не брежет: проповедание Евангелия. Терпимость сама по себе вещь очень хорошая, но разве Апостолство с нею несовместно? Разве истина дана для того, чтобы скрывать ее под спудом? Мы окружены народами, пресмыкающимися во мраке детских заблуждений, — и никто еще из нас не подумал препоясаться и идти с миром и крестом к бедным братьям, доньше лишенным света истинного. Легче для нашей холодной лености в замену слова живого выливать мертвые буквы и посылать немые книги людям, не знающим грамоты. — Нам тяжело странствовать между ими, подвергаясь трудам, опасностям по примеру древних Апостолов и новейших римско-католических миссионеров.

Лицемеры! Так ли исполняете долг христианства. — Христиане ли вы. — С сокрушением раскаяния должны вы потушить голову и безмолствовать. — — — Кто из вас, муж Веры и Смирения, уподобился свя-

^в Позднее приписано: «Должно надеяться, что с приобретеннем части восточного берега Черного моря — черкесы, отрезанные от Турции». Мысль эта закончена в печатном издании. Другую редакцию этого места см. в «большом» академическом издании: VIII, 1045 («Недавно поймали черкеса»).

тым старцам, скитающимся по пустыням Африки, Азии и Америки, без обуви, в рубищах, часто без крова, без пищи — но оживленным теплым усердием и смиренномудрием. — Какая награда их ожидает? Обращение престарелого рыбака или странствующего семейства диких, нужда, голод, иногда — мученическая смерть. Мы умеем спокойно блистать велеречием, упиваться похвалами слушателей. — Мы читаем книги и важно находим в суетных произведениях выражения предосудительные. —

Предвижу улыбку на многих устах. — Многие, сближая мои калмыцкие нежности с черкесским негодованием, подумают, что не всякий и не везде имеет право говорить языком высшей истины — я не такого мнения. — Истина, как добро Молиера, там и берется, где попадается. —

Мы в первый раз переехали Терек.

Но мы во Владикавказе в самой преддверии гор. Снежные горы над нами. Мы окружены аулами. Завтра святилище дикой природы будет нам доступно. —

Владикавказ. 22 мая 1829.

25 мая. Коби.

Арзрум. 12 июля 1829.

Вот уже 6 дней, как я стою в Арзруме в доме Сераскира и долго не мог привыкнуть к этой мысли. Целый день бродил я по бесчисленным переходам, из комнаты в комнату, с лестницы на лестницу, с кровли на кровлю и долго не знал топографии этого лабиринта. — Везде следы роскоши, но Сераскир, предполагая бежать, вывез из него что только мог. — Тюфяк и подушки диванов были ободраны, ковры сняты — дворец казался разграбленным.

Здесь воображение мимолучно поражено противуречием Случая. — Там, где грозный Паша молчаливо курил свою длинную трубку, окруженный бесчестными отроками, там ныне счастливый его победитель принимает донесения о победах своих генералов, разговаривает с ними о Байроне и Наполеоне, отпускает пленных, раздает подарки, там Султ<ан> <...>

14 июля. Арзр.<умская> баня — чума.

18 июля. Арзрум — карантин. Об<ед> у гр.<афа> Паск.<евича>. — Харем. — Сабля.

Переход через Кавказ

Дариал, Казбек, осетинцы, похороны

Поэт Персидский

Принц персидский. / Снеговая Крестовая гора

Грузия, Арагва, Душет

Тифлис

дорога до крепости <?> Карса. Гумры, Арарат, Граница. Гергеры.

Карс.

Лагерь гр. Паскевича

Перестрелка, рекогносцировка

война

Источник Мост.

Гассан Кале

27 июня. Арзрум

дворцы

обратный путь.

<19 июля—начало августа. Арзрум—Тифлис(?)>.

Мы достигли Владикавказа, прежнего Кап-Кая — преддверия гор. Он окружен аулами, — и я посетил один из них — и попал на осетинские похороны. — Около сакли толпился народ. — На дворе стояла арба, запряженная двумя волами, — родственники и друзья умершего съезжались со всех сторон — [подъехав к сакле, они слезали с седла] и с громким плачем шли в саклю, ударяя себя кулаком в лоб, что меня очень

«нрзб.»^г — Женщины молчали. — Мертвеца вынесли на бурке и положили в арбу. Один из гостей взял ружье покойника, сдул порох с полки и положил его подле тела — волю тронулись, и гости поехали следом. — Тело должно было быть похоронено в горах, в 30 верстах от аула. — К сожалению, никто не мог объяснить мне сих обрядов.

Осетинцы самое бедное племя из племен, обитающих Кавказ. — Женщины их прекрасны и, как слышно, очень благосклонны к путешественникам. —

У ворот крепости встретил я двух — жену и дочь заключенного осетинца; они принесли ему обед. — Обе казались спокойны и смелы. — Однако ж при моем приближении обе потупили голову и закрылись изодранными своими чадрами. — В крепости видел я черкесских аманатов — красивых и резвых мальчиков. — Они поминутно проказничают и убегают из крепости. Их держат в жалком положении. — Они ходят в лохмотьях, полунагие — и в отвратительной нечистоте — на иных видел я деревянные колодки. — Мудрено таким образом достичь желаемой цели: заставить их полюбить [русские] наши обычаи.

Вероятно, что аманаты, выпущенные на волю, без большого сожаления вспомнят свое пребывание во Владикавказе.

Пушка оставила нас, мы отправились с пехотой и казаками. — Кавказ принял нас в свое святилище. Мы услышали глухой рев, скоро увидели Терек, разливающийся в разных направлениях. — Мы поехали по его левому берегу — чем далее углублялись мы в горы, тем уже становилось ущелье. Стесненный Терек с ужасным ревом бросал свои аспидные волны через камни, преграждающие ему путь. — Погода была пасмурная, облако тянулось около черных вершин, туманное ущелье извивалось по течению Терека. Каменные подошвы гор обточены были его волнами. — Я шел пешком и поминутно останавливался, пораженный дикими красотами природы. — Гр. «аф» Пушкин и Ш. «ерваль», смотря на Терек, вспоминали Иматру и отдавали преимущество реке на севере гремящей. Но я ни с чем не мог сравнить мне предстоявшего зрелища.

Не доходя до Ларса,^д отстал я от конвоя, засмотревшись на огромные скалы, между которыми хлещет Терек с бешенством неизъяснимым. Вдруг бежит ко мне солдат, говоря: — Ваше благородие, не останавливайтесь: убьют! — Это предостережение с непривычки показалось мне чрезвычайно странным — дело в том, что осетинские разбойники, совершенно безопасные на той стороне Терека, здесь иногда из-за утесов стреляют по путешественникам. — Накануне нашего перехода они таким образом по тревожили конвой ген. «ерала» Бековича, проскакавшего под их выстрелами, — убили одну лошадь и ранили одного солдата.

В Ларсе остановились мы ночевать. Там нашли путешествующего француза, который напугал нас предстоящею дорогою — переход через Крестовую Гору в коляске, по его мнению, была вещь невозможная. Он пророчил, что мы бросим экипажи в Куби и проедем верхом в Тифлис. С ним в первый раз мы пили кахетинское вино из бурдюка — вспоминая пирвания Илиады:

И в козих мехах вино, отграду нашу.

Здесь нашел я у комendanта рукопись Кавказского Пленника и, признаюсь, перечел его с удовольствием. Всё это мол^одо, многое неполно, но многое угадано. — Сам не понимаю, каким образом мог я так верно, хотя и слабо, изобразить нравы и природу, виденные мною издали.

^г «Что меня очень» вписано сверху, другим почерком, после «кулаком в лоб», однако мысль осталась незаконченной.

^д У Пушкина ошибочно: «Карса».

На другой день поутру отправились мы далее. — Турецкие пленные разрабатывали дорогу; они жаловались на пищу, им выдаваемую. Им невозможно было привыкнуть к черному хлебу. Это напомнило мне слова приятеля моего Ш. <ереметева> — приехавшего из Парижу: — Худо жить, брат, есть нечего — черного хлеба не допросишься.

Скоро пригугляются наши впечатления. — Едва прошли одни сутки, уже шум Терека, уже его беспорядочное течение, уже утесы и пропасти не привлекали моего внимания. — Нетерпение доехать до Тифлиса исключительно овладело мною. — Я ехал мимо Казбека столь же равнодушно, как некогда плыл мимо Чатырдага. Правда и то, что дождливая и туманная погода мешала мне видеть его снеговую гряду, по выражению поэта, *подпирающую небосклон*.

На дороге ждали персидского принца. В некотором расстоянии от деревни Казбек попались нам навстречу несколько колясок — и дорога затруднилась. — Конвойный офицер объявил, что он сопровождает придв. <орного> поэта Фазиль Хана, — и по моему желанию представил меня ему — я через переводчика начал было ему высокопарное восточное приветствие, отчасти увлеченный врожденной наשמешливостью. — Но как мне стало совестно, когда Ф. <азиль> Х. <ан> отвечал на мою неуместную затейливость просто, <с> умом <и> учтивостию порядочного человека. «Я надеялся застать вас в П. <етер>бурге». Он жалел, что знакомство наше будет столь непродолжительным и проч. — Со стыдом принужден <был> я оставить полусуточный тон и съехать на обыкновенные европейские фразы. Это мне был урок — не судить человека по бараньей папаше и по крашеным ногтям.

[В Коби остались мы ночевать]. Местечко Коби находится у подошвы Крестовой горы, чрез которую предстоял нам переход. — Мы тут остановились ночевать и стали думать о том, каким образом совершить ужасный подвиг — бросить ли наши коляски и брички и сесть на казачьих лошадях, или послать за осетинскими быками. — На всякий случай я написал от имени всего нашего каравана красноречивую просьбу к***, начальствующему в здешнем краю, и <мы> легли спать в ожидании подвода. —

На другой день около 12 часов мы услышали шум, дикие крики <и> увидели зрелище необыкновенное. 15 пар топчих и малорослых быков, окруженных полунагими осетинцами, тащили легенькую Венскую коляску моего приятеля Ор — — — —. Это зрелище разрешило все мои сомнения. — Я решил отправить мою тяжелую коляску обратно в Влади<кавказ> и верхом доехать до Тифлиса. — Гр. <аф> П. <ушкин> не хотел следовать моему примеру. Он préfère впречь целое стадо в огромную свою бричку, нагруженную запасами всякого рода, — и торжественно перевезти ее через снеговой хребет. — Мы расстались. Я поехал с полк. <овником> Ога<ревым>, осматривающим здешние дороги. —

Мы подымались все выше и выше. Лошади наши вязли в рыхлом снегу. Я с удивлением смотрел на дорогу и не понимал возможности езды на колесах. Мы достигли снежной вершины Кавказа. — В это время услышал я глухой грохот. — Обвал, — сказал мне полковник. Я оглянулся и увидел в стороне огромную гряду снега, которая съехала и медленно съезжала с крутизны. Наконец увидели мы на самой вершине горы *крест* — памятник Петра, обновленный Ермоловым, и начали спускаться. —

Мгновенный переход от грозного дикого К. <авказа> к прелестной, милостивой Грузии восхитителен. С высоты Гут-горы открывается Кашаурская долина — с ее обитаемыми скалами, с ее цветущими нивами, — с ее богатыми темно-зелеными садами, — с ее синим, синим, прозрачным небом, с ее светлой Арагвой, *милой* сестрою свирепого Терека. — Дыханье благовонного Юга вдруг начинает повеивать на путешественника. — Видны развалины старинного замка, облепленного бедными саклями, как будто гнездами ласточек. — [Здесь Челябин]

«Начало августа 1829, Тифлис(?)».

Мы ехали из Арзрума в Тифлис. — 30 человек линейских казаков нас конвоировали, возвращающихся на свою родину, — перед нами показался линейский полк, идущий им на смену. — Казаки узнали своих земляков и поскакали к ним навстречу, приветствуя их радостными выстрелами из ружей и пистолетов. — Обе толпы съехались и обнялись на конях при свисте пуль и в облаках дыма и пыли — обменявшись известиями, они расстались — и догнали нас с новыми прощальными выстрелами.

— Какие вести, — спросил я у прискакавшего ко мне урядника, — всё ли дома благополучно. — Слава богу, — отвечал он, — старики мои живы; жена здорова. — А давно ли ты с ними расстался? — Да вот уже три года, хоть по положению надлежало бы служить только год. — А скажи, — прервал его молодой арт.киллерийский офицер, — не родила ли у тебя жена во время отсутствия? — Ребята говорят, что нет, — отвечал веселый урядник. — А не <.....> ли без тебя? — Помаленьку, слышно, <.....>. — Что ж побьешь ты ее за это? — А зачем ее бить? Разве я безгрешен. — Справедливо; а у тебя, брат, — спросил я другого казака, — так ли честна хозяйка, как у урядника? — Моя родила, — отвечал он, стараясь скрыть свою досаду. — А кого бог дал? — Сына. — Что ж, брат, побьешь ее? — Да посмотрю, коли на зиму сена припасла, так и прощу, коли нет — так побью. — И дело, — подхватил товарищ, — побьешь, да и будешь горевать, как старик Черкасов; с молоду был он дюж и горяч, случился с ним тот же грех, как и с тобой, поколотил он хозяйку, так что она после того 30 лет жила калекон. — С сыном его случилась та же беда, и тот было стал колотить молодицу — а старик-то ему: «Слушай, Иван, оставь ее — посмотри-ка на мать, и я с молоду поколотил ее за то же, да и жизни не рад». — Так и ты, — продолжал урядник, — жену-то прости, а выблядка посылай чаще по дождю. — Ладно, ладно, посмотрим, — отвечал казак [уряднику]. — А в самом деле, — спросил я, — что ты сделаешь с выблядком? — Да что с ним делать, корми да отвечай за него как за родного. — Сердит, — шепнул мне урядник, — теперь жена не смей и показаться ему — прибьет до смерти. —

Это заставило меня размышлять о простоте казачьих нравов. — Каких лет у вас женят? — спросил я. — Да лет 14-ти, — отвечал урядник. — Слишком рано, муж не сладит с женою. — Свекор, если добр, так поможет — вот у нас старик Суслов женил сына да и сделал себе внука.

С. А. ФОМИЧЕВ

РАБОЧАЯ ТЕТРАДЬ ПУШКИНА ПД № 835

(ИЗ ТЕКСТОЛОГИЧЕСКИХ НАБЛЮДЕНИЙ)

Всестороннее изучение рабочих тетрадей Пушкина остается одной из актуальнейших задач пушкиноведения. Мы избрали для анализа тетрадь ПД № 835,¹ в которой записи поэтом велись в основном во время михайловской ссылки, в пору становления реалистического метода в творчестве Пушкина.

Напомним, что до сих пор вышло в свет лишь одно фототипическое издание рабочей тетради Пушкина, подготовленное С. М. Бонди, — «Альбом 1833—1835 гг.» (ПД № 845), с транскрипциями и комментариями к каждой странице рукописи, а также со статьей об истории ее заполнения.² С. М. Бонди же принадлежит статья, представляющая собою исследование истории заполнения «последней тетради» Пушкина — ПД № 846.³ В X томе издания «Пушкин. Исследования и материалы» опубликована работа В. Б. Сандомирской, посвященная описанию тетради ПД № 838.⁴ Нам представилась также возможность ознакомиться с описанием так называемой лицейской тетради (ПД № 829), подготовленным М. А. и Т. Г. Цявловскими в составе комментариев (не вышедших в свет) к первому тому академического издания Пушкина (корректурa их хранится в Рукописном отделе Пушкинского Дома).

Наша работа построена по иному плану, чем все названные выше. Не стремясь к полистному описанию рукописи, но и не ограничиваясь анализом последовательности ее заполнения, мы сосредоточили внимание на отдельных произведениях Пушкина, рассматривая их в контексте всей тетради и преследуя вполне прагматическую цель — проверку общепринятых датировок этих произведений, а также осмысление истории текстов на основании текстологического изучения рукописи. При этом не было необходимости цитировать пушкинские тексты в их динамике. Данная задача выполнена в «большом» академическом издании Пушкина, впервые представившем полный свод вариантов к его сочинениям. Поэтому, говоря о том или ином произведении, мы в большинстве случаев ограничивались лишь отсылкой к соответствующим томам и страницам академического издания. Разумеется, в тех случаях, когда предложенное в этом издании прочтение отдельных слов и строк нам казалось спорным, мы давали собственную трактовку пушкинского черновика.

¹ Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР (ИРЛИ), ф. 244, оп. 1, № 835.

² Рукописи А. С. Пушкина. Фототипическое издание. Альбом 1833—1835 годов. М., 1939.

³ Бонди С. М. Из «последней тетради» Пушкина. — В кн.: Стихотворения Пушкина 1820—1830-х годов. Л., 1974, с. 377—395.

⁴ Сандомирская В. Б. Рабочая тетрадь Пушкина 1828—1833 гг. (ПД № 838). — В кн.: Пушкин. Исследования и материалы, т. X. Л., 1982, с. 238—271.

Общие сведения о тетради

Тетрадь, ныне хранящаяся в Рукописном отделе Пушкинского Дома, была в 1880 г. передана старшим сыном поэта А. А. Пушкиным в Московский Румянцевский музей. По шифру этого музея (впоследствии Государственной библиотеки им. В. И. Ленина) она известна в старой литературе под № 2370. Тетрадь пользовался при издании посмертного собрания сочинений Пушкина П. В. Анненков, а после передачи в музей — П. И. Бартев. В 1884 г. тетрадь была полностью описана В. Е. Якушкиным.⁵ Впоследствии тексты этой тетради неоднократно воспроизводились в научной литературе (исчерпывающе в «большом» академическом издании сочинений Пушкина, 1937—1949 гг.), а отдельные пометы — в книге «Рукою Пушкина».⁶ В связи с изучением отдельных произведений, входящих в данную тетрадь, неоднократно также комментировалась последовательность заполнения Пушкиным ряда листов этой рукописи.

Тетрадь ПД № 835 известна в научной литературе также под названием «второй масонской» тетради. В 1822 г. после закрытия в Кишиневе масонской ложи «Овидий» казначей этой ложи и приятель Пушкина Н. С. Алексеев подарил поэту не менее трех тетрадей, предназначенных для бухгалтерских записей. Подобно двум другим (ПД № 834 и ПД № 836), ПД № 835 — это тетрадь в лист (362×232 мм) в кожаном переплете, на передней крышке которого отгиснут масонский знак «Ov» (остальное соскоблено) в треугольнике. По описанию пушкинской бумаги, выполненному Б. В. Томашевским и хранящемуся в Рукописном отделе Пушкинского Дома, это № 46а.

Бумага белая, грубоватая, верже, с частой горизонтальной и редкой вертикальной сетками. Водяные знаки: на левом полулисте в центре

изображено , на правом полулисте — F. Hollub in Teitsch.

В рукописи 85 листов; первоначально было 94, так как она сброшюрована из 12 тетрадок, каждая из которых состоит из четырех писчих двойных листов (8 одинарных тетрадных листов), причем крайние у переплета листы приклеены к крышкам переплета (форзац). Так как нумерация листов — и жандармская (красными чернилами посреди листов), и опекунская (черными чернилами в правом верхнем углу), и архивная (карандашом, чуть выше) — полностью совпадает, это означает, что 9 листов были вырваны из тетради еще при жизни Пушкина. Вырванные листы находились после следующих из сохранившихся: после л. 6 (два листа), 12 (один), 13 (один), 14 (два), 41 (два), 82 (один). В подавляющем большинстве случаев, как об этом можно судить из анализа рукописи, листы были вырваны до заполнения тетради, и порядок записей в ней не нарушен. Исключение, собственно, лишь одно — два листа, вырванные после л. 41; на них, вероятно, содержались черновики онегинских строф (см. об этом ниже). Но и в этом случае Пушкин вырвал листы задолго до заполнения тетради до конца (а следовательно, и не в связи с общей чисткой черновиков в ожидании жандармского обыска после восстания 14 декабря). Дело в том, что на обороте л. 50 в левом верхнем углу сохранилась помета Пушкина — «50». О том, что здесь действительно означен порядковый номер листа, свидетельствует черточка, идущая

⁵ Якушкин В. Е. Рукописи Александра Сергеевича Пушкина, хранящиеся в Румянцевском музее в Москве. — Русская старина, 1884, т. XLIII, июль, с. 1—37. (Далее ссылки на эту работу даются в тексте: Як., с указанием страницы).

⁶ Рукою Пушкина. Несобранные и неопубликованные тексты. Подгот. к печати и коммент. М. А. Цявловский, Л. Б. Модзалевский, Т. Г. Зенгер. М.—Л., 1935. (Далее ссылки на это издание даются в тексте: РП, с указанием страницы).

щая к этому числу из самого угла страницы. Следовательно, и эти листы были вырваны не позже конца декабря 1824 г. (когда был заполнен л. 50).

На передней крышке переплета имеется ярлык с надписью: «Рукописная книга подлинного оригинала А. С. Пушкина выпущенного в свет при жизни его сочинений». Ниже помечено: красными чернилами — № 5, черными — № 3.

На переднем форзаце экслибрис Московского Румянцевского музея, на нем инвентарный номер — № 2370. Ниже экслибриса посреди страницы чернилами — № 8 (сначала было 18, но первая цифра перечеркнута) и росчерк.

На заднем форзаце рукою Пушкина написано: «1824 $\frac{19}{7}$ avg. mort de Byron». Ниже помета: «В сей книге писанных и пронумерованных листов восемьдесят пять (85). Опекун: (подписи опекуна нет, — С. Ф.)».

Тетрадь ПД № 835 заполнялась с разной степенью интенсивности. Главным образом это объясняется тем, что одновременно с ней Пушкин использовал и другие рабочие тетради. Соотношение тетради ПД № 835 с ними следующее. Заведена тетрадь ПД № 835 была в то время, когда основной рабочей тетрадью Пушкина была тетрадь ПД № 834, конец которой был занят строфами третьей главы «Евгения Онегина» и рядом других произведений (последние листы этой тетради были Пушкиным впоследствии вырваны).

Ряд стихотворений из тетради ПД № 834 был переписан набело в тетрадь ПД № 833, на л. 26—28; здесь содержатся автографы «В альбом» («На языке, тебе невнятном») — с пометой «19 мая 1824 г.», «Прозерпина» — с пометой «26 августа 1824 г.», и другие стихотворения; здесь же (на л. 28 об.—34 и л. 10 об.) была переписана (уже в Михайловском) и часть стихотворений из тетради ПД № 835.

Тетрадь ПД № 836 была заведена, вероятно, в декабре 1824 г. для белого автографа «Цыган» (л. 3—15), потом в ней был записан эпизод поэмы, содержащий монолог Алеко над колыбелью сына (см. также л. 50 в тетради ПД № 835); очевидно, еще во время михайловской ссылки сюда были переписаны белые редакционные стихотворения «С португальского» (л. 1) и «Какая ночь! Мороз трескучий» (л. 18—19); после второго из них множество листов было вырвано.

Анализ сохранившегося рукописного наследия Пушкина приводит к несомненному выводу, что с ноября 1824 г. он завел еще одну рабочую тетрадь, до нас не дошедшую (далее мы будем называть ее михайловской тетрадью). Она была заведена, вероятно, для автобиографических записок; после января 1825 г. здесь же продолжалась работа над трагедией «Борис Годунов». С июня—июля 1825 г. эта тетрадь становится основной рабочей тетрадью Пушкина, так как тетрадь ПД № 835 с этого времени оставляется им исключительно для черновиков «Евгения Онегина»; однако после января 1826 г. и эта работа переносится в тетрадь ПД № 836.

В тетради ПД № 835, как это обычно для пушкинских рукописей, мы находим много рисунков поэта.⁷ Иногда они идут целыми графическими сюжетами — и это всегда знак перерыва работы над рукописью, своеобразного отдыха. В основном здесь содержатся портретные зарисовки (в том числе более 10 автопортретов) и иллюстрации к собственным произведениям (они будут далее отмечены).

Что касается нетворческих помет, которые содержатся в черновиках произведений Пушкина, то некоторые из них будут подробно проанализированы ниже: во многих случаях они проясняют хронологию записей в тетради ПД № 835.

⁷ Ряд рисунков из этой тетради проанализирован и воспроизведен в следующих изданиях: Эфрос А. 1) Рисунки поэта. М., 1933; 2) Автопортреты Пушкина. М., 1945; 3) Пушкин-портретист. М., 1946; Цявловская Т. Г. Рисунки Пушкина. М., 1981.

Хронология заполнения тетради

Тетрадь ПД № 835 начата была в Одессе и заполнялась Пушкиным в основном последовательно, что уже во многом определяет хронологию записей в ней. Достаточно время от времени иметь датированные страницы, чтобы — с учетом интенсивности записей — определить, когда примерно был занесен в тетрадь тот или иной текст. Пушкин не пренебрегал точными датами — в нашей тетради (на 85 листов) их 10. Кроме того, здесь находятся 11 черновиков писем, которые даже в случае отсутствия точных данных обычно насыщены биографическим материалом, позволяющим уточнить время их написания. И наконец, биографические реалии «просвечивают» в некоторых произведениях, а также в пушкинских пометах и рисунках.

Само собой разумеется, нужно постоянно учитывать и нередкие отступления Пушкина от последовательности заполнения тетради: наличие в ней до поры до времени незаполненных страниц и частей страниц, используемых для работы позже. Особо сложны для анализа в этом отношении начало и конец тетради.

Тетрадь ПД № 835 открывается пушкинской датой «22 мая 1824 г.», которую мы находим в начале л. 1 перед черновиком письма А. И. Казначееву с отказом ехать «на саранчу». Трудно, однако, допустить, что новую рабочую тетрадь Пушкин завел для черновика письма. Действительно, просматривая первые листы тетради, можно понять, для чего она первоначально понадобилась поэту. Выше уже отмечалось, что предыдущая рабочая тетрадь (ПД № 834) в конце была занята в основном онегинскими строфами, а между тем у Пушкина к этому времени возник новый замысел большого произведения. Таким произведением была поэма «Цыганы».

На л. 3 он начинает переписывать из тетради ПД № 834 набело эпизод поэмы, посвященный появлению в таборе Алеко. Два предыдущих листа были оставлены чистыми — вероятно, для перенесения сюда из тетради ПД № 834 начала поэмы. Как это обычно случается у Пушкина, беловик уже к концу л. 3 начинает пестреть поправками, а потом, на обороте листа, вообще переходит в черновик, и здесь Пушкин на время остывает к своему замыслу. Вверху на левом поле он тщательно прорисовывает профиль неизвестного с усами, бакенбардами и щегольской бородкой, а потом увлекается какими-то подсчетами. Цифры на л. 3 об. расположены в таком порядке:

	150	
	[100]	
150		
200 Б		
300 О.	150	
300 Ч.	150	
200		
	150	
	15	
	20	15
		[14]

Мы полагаем, что это денежные записи. Очевидно, числа, после которых стоят прописные буквы, обозначают долги Пушкина определенным его одесским знакомым.⁸ Естественно предположить, что подсчет долгов (наверное, первоочередных) предпринят Пушкиным в связи с получением

⁸ Это могли быть Ф. И. Брунов или В. М. Бер (менее вероятны в качестве кредиторов аббат Буавен, Д. Е. Башмаков, И. П. Бларамберг, М. Д. Бутурлин), М. Ф. Орлов или Ц. Л. Отоя, а также Чернявский. См. о них в кн.: Черейский Л. А. Пушкин и его окружение. Л., 1975.

какой-то значительной суммы денег. Мы знаем, когда это произошло. 8 марта 1824 г. Пушкин пишет Вяземскому: «От всего сердца благодарю тебя, милый Европеец, за неожиданное послание, т. е. посылку. Начинаю думать, что ремесло наше, право, не хуже другого — и почитать наших книгопродавцев. Одно меня затрудняет: ты продал все издание за 300<0> рублей, а сколько же стоило тебе его напечатать? Ты все-таки даришь меня, бессовестный! Ради Христа, вычти из остальных что тебе следует, да пришли их ко мне. Расти им незачем. А у меня не залежатся, хотя я, право, не мот. Уплачу старые долги и засяду за новую поэму, потому что мне полюбилося — я к 18 веку уже не принадлежу» (XIII, 358—359).

Речь здесь идет о гонораре за поэму «Бахчисарайский фонтан». Вяземский, как видим, послал только часть денег. Подсчет общей суммы записанных столбиком чисел (между двумя горизонтальными линиями) позволяет определить, что Пушкин получил в тот день тысячу рублей. Из них 800 нужно было срочно отдать кредиторам. Оставалось у Пушкина, следовательно, лишь 200 рублей — это число и записывается ниже без буквенной пометы. После этого Пушкин, вероятно, пометил справа мелкие свои долги. От двухсот рублей оставалось лишь 150. Это число и повторено Пушкиным несколько раз, причем дважды в рамке.

Письмо Вяземскому Пушкин пишет едва ли не в тот день, когда получает «посылку». Стало быть, работа над «Пыганями» — в новой тетради — возобновилась вскоре после 8 марта 1824 г.

Следующую дату (по порядку заполнения) в тетради ПД № 835 мы можем определить также гипотетически. На л. 8 Пушкин записывает по памяти стихотворение Жуковского, напечатанное в 1816 г. в журнале «Сын отечества» (№ 14) под названием «Стихи, петье на празднестве английского посла лорда Каткарта, в присутствии е. и. величества» и с примечанием: «Сей великолепный праздник был дан ныне 28 марта в день падения и отречения Бонапартова за два года перед сим...».

28 марта 1824 г. Пушкин возвратился из кратковременной поездки в Кишинев.⁹ В дороге было достаточно времени для размышлений, и, вероятно, Пушкин именно тогда вспомнил о десятой годовщине отречения Наполеона от власти. Известно, что Пушкин бережно хранил в памяти даты важнейших событий своего времени.¹⁰ Именно потому, как нам кажется, не будет слишком смелым предположением датировка записи Пушкиным стихотворения Жуковского 28 марта 1824 г.

После этой даты, очевидно, следует дата, поставленная в начале тетради (22 мая); к началу июня (после 2-го) относится второе письмо к Казначееву (л. 8 об.—9; см.: XIII, 394—395), и, наконец, на л. 7 об. (на оставшейся свободной нижней половине листа) Пушкин пишет стихотворение «Кораблю», которое (как полагают) посвящено отъезду Е. К. Воронцовой в Гурзуф 14 июня 1824 г.

Таким образом, работа в начале тетради ПД № 835 велась с первых чисел марта (около 8-го) 1824 г., с л. 3, с постоянным возвращением время от времени к пробельным листам и частям страниц.

Следующую твердую дату мы находим на л. 11 об., где значится 5 сентября 1824 г. К этому времени, обосновавшись в Михайловском, Пушкин вошел в ритм работы и начинает писать очень интенсивно, посвящая творчеству по обыкновению каждое утро. По сути дела, сентябрь—октябрь 1824 г. — это первая по-пушкински богатая осень, щед-

⁹ Дата приезда Пушкина в Одессу определяется предположительно, см. в кн.: Цявловский М. А. Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина, т. I. М., 1951, с. 452. (Далее ссылки на это издание даются в тексте: Летопись, с указанием страницы).

¹⁰ Так, одно из своих писем Н. И. Гнедичу Пушкин помечает следующим образом: «23 февр., день объявления греческого бунта» (XIII, 145), а 7 апреля того же 1825 г. сообщает Вяземскому, что отслужил обедню по Байрону (XIII, 160; дата смерти Байрона, как уже указывалось выше, помечена на заднем форзаце ПД № 835).

рая и по количеству написанных произведений, и по их разнообразию. Работа в тетради ПД № 835 в это время ведется размеренно, последовательно, от листа к листу, без обширных пробелов (пробельными остаются, как правило, только части страниц, которые будут заполнены позже). Сентябрьские и октябрьские даты мы встречаем далее на л. 17 (26 сентября — после белого автографа «Разговора книгопродавца с поэтом»), на л. 20 (2 октября — в конце третьей главы «Евгения Онегина») и на л. 27 об. («[8] 10 октября» — в конце первоначальной редакции поэмы «Цыганы»). Кроме того, гипотетически можно определить еще одну октябрьскую дату. На л. 32 Пушкин набрасывает черновик стихотворения «Графу Оклизару», которое связано с воспоминанием о неудачном сватовстве графа к М. Н. Раевской: отец последней отказал ему, указав на различие религий и национальностей. Почему спустя несколько лет Пушкин вспомнил об этом? Вполне очевидно, по той причине, что в самом начале 20-х чисел октября 1824 г. он получил письмо от С. Г. Волконского (отправленное из Петербурга 18 октября, см.: XIII, 112) с сообщением о его помолвке с М. Н. Раевской. Следовательно, этим временем можно датировать и запись на л. 32.

К концу октября интенсивность творчества Пушкина несколько ослабевает, что связано с крупной ссорой с отцом, выбившей поэта из колеи и заставившей его до отъезда родителей в Петербург (17—18 ноября 1824 г., см.: Летопись, с. 536) скрываться по целым дням в Тригорском.

С отъездом родных (сначала, 3—5 ноября, отбыл брат, а 10—12 ноября — сестра, см.: Летопись, с. 531—532) уклад жизни Пушкина заметно меняется. Единственным постоянным его собеседником в Михайловском остается няня, Арина Родионовна. С ее слов, вероятно, именно в эти ноябрьские дни он записывает народные сказки и песни в тетради ПД № 834, с обратной ее стороны. В то же время Пушкин заводит и другую (михайловскую) рабочую тетрадь, где пока пишет только автобиографические записки. В одном из первых писем брату, в начале ноября, он сообщает: «Знаешь ли мой занятия? до обеда пишу записки, обедаю поздно...» (XIII, 121). В 20-х числах ноября он повторяет ему же: «Образ жизни моей все тот же, стихов не пишу, продолжаю свои „Записки“...» (XIII, 123). Работа над записками, вероятно, движется скоро; уже в самом первом письме к брату он просит прислать ему, в частности, «Путешествие по Тавриде» И. М. Муравьева-Апостола, что, наверное, связано с желанием освежить в памяти крымские впечатления 1820 г.

Отметим и еще одну особенность листов 31—41 в тетради ПД № 835: здесь содержится необычайно большое количество черновиков писем, которые и позволяют наметить хронологические вехи заполнения тетради в этот период. В конце октября Пушкин пишет письма П. А. Плетневу (л. 31), В. Ф. Вяземской (л. 34 об.—35), Н. В. Всеволожскому (л. 36), 31 октября — Жуковскому (л. 36 об.—37), 29 ноября — ему же (л. 37; письмо это написано позже заполнения следующих листов тетради, на оставшейся от предыдущего письма части страницы), в тот же день — Вяземскому (л. 40—40 об.) и, наконец, 4—8 декабря (см.: Летопись, с. 542) — Д. М. Шварцу (л. 41 об.). Само по себе такое скопление писем в рабочей тетради легко объясняется: у Пушкина к этому времени иссяк запас почтовой бумаги; недаром, намечая перечень вещей, которые, вероятно, должен ему выслать в Михайловское отъезжающий в Петербург Л. С. Пушкин, поэт на л. 33 об. ставит первым пунктом: «Бумаги». То же самое мы видим и в окончательно составленном на отдельном листе перечне необходимых вещей (см.: XIII, 131).

В декабре 1824 г. (начиная с л. 44) Пушкин приступил к работе над трагедией «Борис Годунов». Вскоре, впрочем, для этого стала использоваться Пушкиным другая тетрадь, и с этого времени становится особенно заметным доминирующее отныне в ПД № 835 положение онегинского текста, который в конечном счете вытесняет все остальное. Все другие

произведения михайловской поры, очевидно, теперь заносятся (чем дальше, тем больше) в ту тетрадь, которую мы условно назвали михайловской и которая была заведена для автобиографических записок, но постепенно потеряла свой «монографический» характер. В тетради же ПД № 835 записи по-прежнему ведутся в основном последовательно, хотя порядок этот отчасти и нарушен тем, что тетрадь на каком-то этапе (см. об этом ниже) начинает заполняться с конца перебеленными произведениями. К тому же Пушкин обращается к тетради ПД № 835 все реже, что затрудняет датировку ее текстов. После записей на л. 52, датированных рубежом двух лет («1 генв. 1825» и «31 дек. 1824»), пушкинские даты встречаются только в самом конце тетради: на л. 76 об. («2 генв. 1826»), на л. 79 («3 генв.» — в конце четвертой главы «Евгения Онегина»), на л. 79 об. («4 генв.» — перед началом пятой главы). В январе 1826 г. работа Пушкина в тетради ПД № 835 в основном и заканчивается.

Кроме того, ориентировочно можно наметить еще несколько дат. Так, на л. 58 об. — 59 Пушкин набрасывает заметку о стихотворении «Демон» — это непосредственный отклик на проникшие в печать слухи о том, что «Демон Пушкина не есть существо воображаемое» (имелся в виду А. Н. Раевский). Такое, столь сейчас неприятное для поэта предположение он прочитал в № 3 журнала «Сын отечества» (ч. 99, с. 309) — вероятно, уже в феврале 1825 г. (петербургские журналы посылались Пушкину регулярно; о вышедшем же № 3 «Сына отечества» Плетнев сообщал ему 7 февраля, см.: XIII, 147). В первой половине февраля (по крайней мере не ранее), по-видимому, и заполнены листы 58 об.—59.

На л. 65 об. набросано письмо к министру просвещения А. С. Шишкову относительно «плутни Ольдекопа»: самовольной перепечатки «Кавказского пленника» (в письме описки: «Бахчисарайский фонтан»), что сорвало второе издание поэмы и тем самым привело Пушкина к материальным издержкам. В «большом» академическом издании письмо датируется так: «около 7 апреля 1825 г.» — со ссылкой на Б. Л. Модзалевского (XIII, 465). Напомним, что в дореволюционных изданиях это письмо считалось черновым вариантом послания к А. Х. Бенкендорфу от 20 июля 1827 г. Б. Л. Модзалевский правильно определил адресата письма, и он же доказал, что письмо было написано не в 1827 г., а в 1825 г. Попутно им же было замечено, что «в письме к брату от 7 апреля 1825 г. <...> чувствуется еще неизжитость обиды на Ольдекопа».¹¹ Как видим, это замечание и было принято в качестве основания примерной даты письма в академическом издании, хотя сам Б. Л. Модзалевский датировал письмо к Шишкову январем 1825 г., что, конечно, неверно (предыдущие страницы тетради заполнялись значительно позже — в феврале—марте). Но дату, предложенную в академическом издании, следует несколько уточнить. В письме к Шишкову Пушкин, в частности, пишет: «Отец мой, статский советник С. Л. Пушкин, хотя и жаловался вашему превосходительству за сие неуважение собственности, но не только не получил удовлетворения, но еще уверился из письма вашего в том, что Ольдекоп пользуется вашего превосходительства покровительством» (XIII, 162). Следовательно, необходимо определить, когда именно Пушкин узнал об ответе Шишкова на письмо Сергея Львовича, что и послужило, очевидно, непосредственным поводом пушкинской жалобы министру. Ответ на этот вопрос мы находим в письме Плетнева от 3 марта 1825 г.: «Думается, что вестун Д<ельви>г возвратился из Виттебска в Михайловское <...> От него узнаешь, что с Ольдекопом делать нечего» (XIII, 147). Значит, после приезда Дельвига в Михайловское (8—18 апреля 1825 г., см.: Летопись, с. 590) Пушкин уже наверняка знал обстоятельства дела. Конечно, в связи с задержкой лицейского

¹¹ Пушкин. Письма, т. I. Под ред. Б. Л. Модзалевского. М.—Л., 1926, с. 386—387. Заметим, что не изжита обида на Ольдекопа у Пушкина была и позже — вплоть до 1827 г., когда он вспоминал о его «плутне» в письме к Бенкендорфу.

друга Пушкин мог об этом узнать и раньше (из не дошедшего до нас письма). Во всяком случае письмо Пушкина к Шишкову написано не позже середины апреля (и не раньше начала марта).

Не имеет в академическом издании твердой датировки записанный на л. 69 об.—70 черновик письма к Александру I (оно условно датируется началом июля—сентябрем 1825 г., см.: XIII, 481). Крайняя первая дата, очевидно, мотивируется в данном случае тем, что только в начале июля Пушкин узнал об отказе властей на его просьбу разрешить уехать в Ригу «для лечения от аневризма»; вторая — тем, что уже к концу сентября Пушкин решил отказаться от своей просьбы (XIII, 228). Нам кажется более психологически мотивированной первая из этих дат: письмо, вероятно, было непосредственной реакцией Пушкина на решение властей. Этим и объясняется его экзальтированный тон, едва ли возможный после сколько-нибудь длительного обдумывания ответа. В таком случае датировку письма можно предположительно сдвинуть и на несколько более ранний срок: псковским губернатором извещение канцелярии Главного штаба по поводу просьбы Пушкина было получено 26 июня (см.: Летопись, с. 615) — возможно, уже в конце июня и поэт узнал об этом.

Уже упоминалось выше о том, что три последние страницы тетради ПД № 835 заполнены текстами перебеленных произведений Пушкина, внесенных сюда, по всей вероятности, задолго до хронологически последних записей в тетради. Надо полагать, что произведения эти были переписаны одно за другим примерно в одно время, в направлении от последней страницы. Таким образом, важно определить, когда занесено было в тетрадь одно из этих произведений, для того чтобы понять, когда сюда попали и все остальные из них.

На л. 85 (т. е. на предпоследней странице тетради) мы находим стихотворение «Приятелям» («Враги мои, покамест я ни слова») — его приводит поэт в своем письме к Вяземскому от 25 января 1825 г. (XIII, 136). Очевидно, примерно в это время стихотворение было записано и в тетради ПД № 835 (едва ли позже).

Что же касается самых последних записей в тетради ПД № 835, то они сделаны, по всей вероятности, тогда, когда Пушкин уже перестал к ней обращаться постоянно. Это наброски перевода из Ариосто (л. 69 и 79—79 об.), а также несколько строк из «Послания к Дельвигу» («Прими сей череп, Дельвиг, он»). Первый из этих замыслов традиционно датируется январем—июлем (?) 1826 г., второй — июлем—сентябрем 1827 г.

Прежде чем перейти к разделам, посвященным обоснованию датировок произведений, записанных в тетради ПД № 835, приведем для наглядности дальнейших выкладок все датированные выше листы тетради ПД № 835 в хронологической последовательности:

- л. 3 об. — после 8 марта 1824 г. (в Одессе)
- л. 8 — 28 марта
- л. 1 — 22 мая
- л. 8 об. — начало (после 2-го) июня
- л. 7 об. — около 14 июня
- л. 11 об. — 5 сентября (в Михайловском)
- л. 20 — 2 октября
- л. 27 об. — 8—10 октября
- л. 32 — 20-е числа октября
- л. 34 — конец октября
- л. 34 об. — конец октября
- л. 36 об. — 31 октября
- л. 37 — 29 ноября
- л. 40 — 29 ноября
- л. 41 об. — 4—8 декабря
- л. 52 — 31 декабря 1824 г.—1 января 1825 г.
- л. 85 — январь (около 25-го) 1825 г.
- л. 58 об. — не раньше первой половины февраля
- л. 65 об. — не позже середины апреля
- л. 69 об. — конец июня

л. 76 об. — 2 января 1826 г.
л. 79 — 3 января¹²
л. 79 об. — 4 января

Таким образом, дальнейшая мотивировка дат записи произведений в тетради ПД № 835 сводится к определению (по палеографическим признакам: почерку, перу, чернилам и т. п.), произведена ли та или иная запись по ходу последовательного заполнения тетради или же она появилась на этой странице позже. В первом случае примерная дата записи определяется в соответствии с положением данной страницы между двумя датированными листами. Во втором — мы можем констатировать, что запись произведена не раньше того, как стала заполняться данная страница (или же окружающие страницы). Разумеется, наряду с учетом положения в тетради того или иного текста он должен быть подвергнут анализу с точки зрения всей совокупности сведений об этом произведении, накопленных в пушкиноведении, что в ряде случаев ведет к сужению хронологических границ датировки.

«Евгений Онегин»

Возникновение замысла романа «Евгений Онегин» Пушкин относил к 9 мая 1823 г. — эту дату мы находим в тетради ПД № 834 на л. 4 об., перед первой строфой романа. Впоследствии в Болдине (1830), закончив в первой редакции последнюю главу, Пушкин вычислял срок работы над романом исходя из начальной даты 9 мая 1823 г. Однако ранние его наброски до нас не дошли: в тетради ПД № 834 работа над романом была начата 28 мая ночью (эта дата записана чуть ниже первой пометы на л. 4 об., справа, непосредственно над строкой «Мой дядя самых честных правил»). Закончена первая глава была в Одессе 22 октября 1823 г. на л. 22 об., а на следующей странице тогда же была начата и вторая глава, в свою очередь законченная ночью 8 декабря 1823 г. на л. 41 об. — первоначально строфой «Покамест упивайтесь ею...». Над этой строфой Пушкин работал на л. 39—39 об.; на л. 39 об. мы находим и первоначальный набросок первой строфы третьей главы романа.

Однако всерьез приступил к третьей главе Пушкин лишь два месяца спустя: 8 февраля 1824 г. ночью (помета на л. 48 об.). Столь долгий перерыв в работе между второй и третьей главами объяснялся, вероятно, тем, что именно с третьей главы начиналось непрерывное фабульное действие романа, едва намеченное в двух предыдущих главах. Первая глава была посвящена в основном описанию одного дня Евгения Онегина, во второй — давались подробные характеристики других главных героев. По-видимому, Пушкину требовался некий срок на обдумывание фабулы романа. Третья глава начиналась непосредственно с диалога Онегина и Ленского (до сих пор разговоры между героями давались в авторском изложении).

В тетради ПД № 834 сохранились черновики семи строф третьей главы (в их числе и строфы Va, не вошедшей в окончательную редакцию). После л. 51 вырван конец тетради; на этих листах кроме онегинских строф содержались, очевидно, и другие записи. Если учесть, что онегинский текст в тетради ПД № 835 продолжается начиная со строфы ХХІХ третьей главы,¹³ то можно предположить, что на вырванных в конце тетради ПД № 834 листах содержалось более двадцати строф. Однако на самом деле их тут было значительно (примерно вдвое) меньше.

Тетрадь ПД № 834 по объему была равна тетради ПД № 835 (обе масонские); следовательно, и здесь содержалось первоначально 94 листа,

¹² В «большом» академическом издании эта дата прочитана неверно как 6 января (VI, 377).

¹³ О строфе ХХУ, записанной на л. 12 тетради ПД № 835, см. ниже.

но в ней было уже ранее вырвано много листов: после л. 1 (не менее 18 листов), 3, 7, 10, 15, 38. Двадцать строф наряду с другими пушкинскими произведениями не могли уместиться на вырванных листах в конце тетради ПД № 834.

Понять отчетливее творческую историю третьей главы романа помогает помета, которую мы находим на л. 12 тетради ПД № 835:

15

17

[27]

Опишем эту страницу рукописи подробно.

Она содержит три разновременных слоя заполнения. Вскоре после 5 сентября 1824 г. (эта помета на предыдущей странице) здесь была вверху записана чернилами строфа XXXIV, не доведенная до конца, и, вероятно, тогда же внизу страницы чернилами начертаны три крупные печатные буквы: «П О У». Явно позже строфа XXXIV дописывается уже карандашом, и тогда карандашом же записывается и строфа XXXV («Как недогадлива ты, няня...»). По бокам страницы делаются зарисовки двух женских фигур в рост, со спины, а внизу — сидящей женщины (без головы). Рядом с левой женской фигурой намечается мужская фигура в рост, обращенная к нам лицом (она перечеркнута); в лице этом заметно несомненное сходство с пушкинскими профилями. Под мужской фигурой записаны (также карандашом) приведенные выше цифры.

В третий раз Пушкин обратился к этой странице еще позже: на этот раз он чернилами поверх строфы XXXV записывает строфу XXV («Кокетка судит хладнокровно...»).

Нас сейчас интересует второй этап работы на этой странице.

Мы полагаем, что здесь содержится подсчет общего количества строф третьей главы, написанных к этому времени. В тетради ПД № 835 содержится именно 15 строф третьей главы. Следовательно, если исходить из пушкинского расчета, в тетради ПД № 834 их было всего 17. Поэтому, подсчитав в уме результат сложения (32) и убедившись, что глава получилась намного короче двух предыдущих, Пушкин пометил для себя, что вместо 17 строф их должно быть 27. Конец главы в самом деле более или менее сложился и значительно увеличивать главу можно было только за счет строф, предшествующих письму Татьяны (в окончательном тексте главы, включая письмо Татьяны и песню девушек, содержится 41 строфа).

Обратившись к беловому автографу третьей главы, мы действительно убеждаемся в том, что строфы, посвященные ночной беседе Татьяны с няней (XVII—XXI), а также последующие строфы (до XXVIII включительно) были дописаны, вероятно, уже при окончательной доработке главы — очевидно, в Михайловском. Строфа XVIII в беловом автографе обозначена точками (см.: VI, 578), что указывало на перерыв в последовательном изложении. Следует заметить, что XVII строфой в беловом автографе является та, которая в окончательной редакции станет XVI строфой, так как первоначально после X строфы следовала еще одна, не вошедшая в окончательный текст («Увы! друзья! мелькают годы» — VI, 577).

Однако в окончательной редакции между XVI и XVII строфами нет никакого фабульного «зияния», оправдывающего пропуск между ними еще одной строфы:

XVI

.....
Татьяна в темноте не спит
И тихо с няней говорит:

XVII

— Не спится, няня: здесь так душно!
Открой окно, да сядь ко мне...

(VI, 58)

Очевидно, в черновой редакции кода XVII (в окончательной редакции XVI) строфы была несколько иной, с упоминанием письма к Онегину (характерно, что предпоследняя строка в первоначальной редакции звучала несколько иначе: «Татьяна в тишине не спит» — VI, 578). Впрочем, об этом письме упоминалось уже и раньше, в строфе X:

Татьяна в тишине лесов
Одна с опасной книгой бродит,
Она в ней ищет и находит
Свой тайный жар, свои мечты,
Плоды сердечной полноты,
Вздыхает, и себе присвоя
Чужой восторг, чужую грусть,
В забвеньи шепчет наизусть
Письмо для милого героя...

(VI, 55)

Третья глава в тетради ПД № 835 начиналась со строф, предшествующих письму: «Я помню море пред грозою...» (впоследствии эта строфа была перенесена в первую главу) и «Неправильный, небрежный лепет...» (впоследствии XXIX строфа третьей главы). Несомненно, что хотя перед ними и ощущался некий «сбой» в повествовании (потому Пушкин и обозначил здесь пропущенную строфу), но все же они продолжали тему, намеченную в одной из последних строф, а именно в XV (в окончательной редакции XIV) строфе:

Я вспомню речи неги страстной,
Слова тоскующей любви,
Которые в минувши дни
У ног [Амалии?] прекрасной
Мне приходили на язык,
Но я теперь от них отвык.

(VI, 37, 578)

Но фактически работа над романом «Евгений Онегин» в тетради ПД № 835 началась на л. 5 с плана-конспекта письма Татьяны:

«[У меня нет никого. Я знаю вас уже] Я знаю, что вы презираете и пр. Я долго хотела молчать — я думала, что вас увижу, [вы] я ничего не хочу, я хочу вас видеть — [я] у меня нет никого. Придите, вы должны быть то и то. Если нет, меня бог обманул [и я] — но перечитывая письмо, я силы не имею подписать» отгадайте, я же...» (VI, 314).

В академическом издании эта программа напечатана после начала стихотворного текста письма (после строки «Вы не покинете меня»). Однако и по содержанию своему, и по палеографическим признакам она несомненно предшествовала XXXI строфе и первым восьми строкам письма Татьяны, хотя они и записаны на смежной предшествующей странице (л. 4 об.). Перо, характер почерка и оттенок чернил свидетельствуют, что несколько позже конспекта Пушкин начинает работу над XXXI строфой и непосредственно над письмом; дописав до конца оборот л. 4, он, не останавливаясь, продолжил письмо ниже написанного ранее конспекта на л. 5.

Дата заполнения л. 3 об. установлена выше (вскоре после 8 марта 1824 г.). Строфы Va и VI в тетради ПД № 834 (л. 51 об.) писались примерно в то же время: им предшествует черновик упоминавшегося выше письма к Вяземскому от 8 марта (л. 50 об.—51). Следовательно, должен был пройти некоторый срок, необходимый для работы над десятью следующими онегинскими строфами, также содержащимися в тетради ПД № 834, и потому работу над письмом Татьяны нужно было бы, кажется, отнести к концу марта (28 марта заполнен лист 8). Однако примерно 12 марта 1824 г. Пушкин уехал из Одессы в Кишинев (см.: Летопись, с. 447). На первый взгляд, этот факт опровергает все

выше приведенные выкладки. Трудно представить, что за четыре дня (с 8 по 12 марта) Пушкин мог написать более десяти строф.

Между тем все становится на свое место, если предположить, что в Кишинев Пушкин взял с собой тетрадь ПД № 835, намереваясь, вероятно, работать над «Цыганами» (в тетради ПД № 835 в то время был записан только фрагмент из этой поэмы на л. 3—3 об.). Однако здесь неожиданно возник замысел письма Татьяны. В свою очередь данное предположение объясняет сравнительную бедность творческих записей Пушкина в тетради ПД № 835, относящихся к одесскому периоду, а главное то, что, окончив в марте 1824 г. письмо Татьяны, Пушкин вплоть до сентября не продолжил третью главу (в Одессе был только начат набросок XXXII строфы, оконченный тем не менее уже в Михайловском). Если же письмо Татьяны было написано раньше, чем начало третьей главы, то вполне естественным было желание Пушкина задним числом дописать предшествующие письму строфы.

До возвращения из Кишинева (28 марта, см.: Летопись, с. 452) письмо Татьяны писалось на л. 5 об. и 6. На л. 6 об. вверху записано несколько строк, тут же зачеркнутых:

[Я забываюсь] [Жар волнует]
[Во мне и мысль и кровь]
[Душа тоскует]
[Быть может нам совсем иное]
[Судьбою в жизни]

(VI, 320)

Здесь возникает характерное для Пушкина состояние, когда не поддающиеся немедленному решению развитие замысла порождает раздумья, которые уводят мысль по прихотливым ходам неожиданных ассоциаций. Страница покрывается рисунками. Прежде всего рисуются три автопортрета. По наблюдению А. Эфроса, поэт «вообразил себя современником и участником великой революции: автопортреты изображают „Пушкина-жировдиста“ и „Пушкина-якобинца“». ¹⁴ Между автопортретами набрасывается профиль женщины — он повторен несколько ниже (тот же профиль мы находим на л. 4 об., 5, 5 об., а также в тетради ПД № 834 на л. 42). Рядом рисуется длинная нескладная фигура с кием у края бильярдного стола (мы считаем, что здесь нарисован Кюхельбекер — ср. его профили на л. 82 об.). После трех попыток справа прорисовывается женский портрет в головном уборе, и наконец тот же портрет (уже с распущенными черными волосами) переносится в левый верхний угол следующей страницы (л. 7). Только после этих зарисовок начинается творческая работа, но начинается она не с продолжения письма Татьяны, а с разработки нового замысла — стихотворения «Зачем ты послан был и кто тебя послал?», которое первоначально записывается в верхней части л. 7, а потом — после того как там продолжено было письмо Татьяны — переносится на л. 6 об., куда заносится и окончание письма Татьяны. Учитывая, что работа над окончанием письма Татьяны и над стихотворением «Зачем ты послан был» шла одновременно, их можно датировать 28 марта (и ближайшими днями), так как одновременно с этим было записано, очевидно, и стихотворение Жуковского, посвященное Наполеону (л. 8), о чем шла речь выше. Отметим, что на л. 7, непосредственно после начала стихотворения «Зачем ты послан был», Пушкин первоначально написал было не продолжение письма Татьяны, а новую онегинскую строфу:

Он улыбался равнодушно,
Когда советы матерей...

Строки эти не попали в академическое издание, но помещены среди отрывков стихотворений в 10-томном собрании сочинений под редакцией

¹⁴ Эфрос А. Рисунки поэта, с. 298.

Б. В. Томашевского.¹⁵ Однако, скорее всего, это все же вариант, относящийся к роману, связанный с мыслями героя, вызванными «посланием Тани» (ср. строфы IX и X четвертой главы романа).

Письмо Татьяны дописано в основном на л. 7 об. (со слов: «Иль суждено совсем иное») и первоначально кончалось строкой «Увы! заслуженным укором». Ниже ее Пушкин начинает было писать иное стихотворение:

О да простит [отчизна] мне
Моей отчизны...

Но после этих строк опять обращается к концовке письма Татьяны:

[Кончаю] [не смею] [перечестъ]
[Не смею прочистать] строки]

Концовка эта обрабатывается первоначально рядом, на левом нижнем поле, и наконец на л. 6 об. (строки записаны по диагонали, отчасти поверх нижнего женского портрета). Рядом с последним четверостишием цифры:

$$\begin{array}{r} 24 \\ 17 \\ \hline 87 \end{array}$$

Это подсчет строк в письме Татьяны: сначала Пушкин сосчитал строки на л. 4 об.—5 (здесь их в действительности 25, но две строки — 4-я и 23-я — почти целиком вычеркнуты), потом — на л. 7—6 об. (здесь насчитывается 17 строк); третья слагаемая (46), которое Пушкин не записал, но при расчете принял во внимание, примерно соответствует количеству строк на л. 5 об.—6 (их здесь 47 и еще одна зачеркнутая строка, дающая, однако, ритму следующей строке — на л. 7; но не исключено, что одна-две строки на этих страницах были написаны Пушкиным после подсчета, при позднейшей доработке письма Татьяны).

На левом нижнем поле, поперек л. 6 об., записываются еще две строки:

Подумала, что скажут люди?
И подписала Тквердо» Лкюди»
(VI, 320)

Строфы же XXIX (л. 2 об., 2, 4), XXX (л. 2 об., 3 об., 4) и строфа «Я помню море пред грозою...» (впоследствии перенесенная в первую главу — см. л. 4) хотя и предшествуют по местоположению в тетради письму Татьяны, но написаны позже его — после 22 мая 1824 г. Дело в том, что на л. 2 об., который заполнялся после того, как выше было написано письмо Казначееву (л. 1—2), мы находим первоначальные наброски к строфам XXXII, XXX, XXIX (см.: VI, 311; здесь, однако, не упомянута строфа XXIX). С другой стороны, эти строфы (в том числе и XXXII) были написаны, по всей вероятности, до второго письма к Казначееву, датированного началом (после 2-го) июня 1824 г., — иначе оно было бы Пушкиным записано вслед за первым письмом, на оставшемся свободном нижнем поле л. 2 и на л. 2 об. (на л. 3—3 об. записаны строки «Цыган»).

Продолжена работа над третьей главой была уже в Михайловском на л. 11 об.; здесь выше даты «5 сентября 1824 г.» записывается новая редакция 5—14-й строк XXXII строфы (первоначальный набросок ее см. на л. 7 об. — VI, 320—322), а ниже даты — строфа XXXIII (VI, 322—323); в те же дни на следующей странице записывается чернилами и строфа XXXIV (VI, 323—324). Строфа же XXXV (VI, 324—325), как уже говорилось выше, была записана карандашом несколько

¹⁵ Пушкин А. С. Полн. собр. соч. в 10-ти т., т. II. Л., Изд. АН СССР, 1977, с. 218.

позже, при окончательной обработке третьей главы перед ее перебеливанием.

Аббревиатура, записанная рядом с датой «5 сентября 1824 г.» на л. 11 об., давно разгадана, что касается первых трех французских букв, то они всеми исследователями расшифровываются как «и<п> <ette> d<e>»; авторство же письма, полученного Пушкиным 5 сентября, определялось по-разному. Последняя буква (вензель из букв?) здесь тщательно зачеркнута и не поддается уверенному чтению. В настоящее время общепринятым является мнение, что в данном случае Пушкин сохранил память о получении письма от Е. К. Воронцовой (см.: РП, с. 301—302). Думается, что так оно и было.

Подтверждение этому мы находим, как нам кажется, прежде всего на той же странице тетради, где имеется загадочная помета. Ниже ее онегинские строки:

Она зари не замечает,
Сидит с поникшей головой
И на письмо не назирает
Своей печати вырезной.

(VI, 68)

Едва ли у провинциальной барышни была «своя печать вырезная» — скорее всего поэт вспоминает знаменитый перстень Е. К. Воронцовой, дубликат которого она подарила Пушкину перед расставанием (ср. в вариантах: «И на письмо не опирает Сердоликовую печать» — VI, 323).

До сих пор оставалась нераскрытой помета, сохранившаяся на смежной странице (л. 12), внизу, крупными буквами: «П О У». Между тем по аналогии с французской аббревиатурой буквы П и О расшифровываются уверенно как «Письмо от...». Сходно, например, отмечал Пушкин в Болдине получение писем от невесты: «Письмо от Nat.» (ПД № 844) и «Письмо от N.» (ПД № 535). Что касается последней буквы, то ее, на наш взгляд, следует раскрыть как «Уоронцовой». Такая транскрипция данной фамилии встречается у Пушкина: в письме к Д. М. Шварцу (черновик его находится в этой же тетради на л. 41 об.) читаем: «Вот уже 4 месяца, как я нахожусь в глухой деревне — скучно, да нечего делать; здесь нет ни моря, ни неба полудня, ни италянкой оперы. Но за то нет — ни саранчи, ни милордов Уор<онцовых>» (XIII, 129).

В свою очередь с этой пометой связана, как нам кажется, записанная выше ее (л. 12) и значительно позже строфа XXV третьей главы романа. Ее не было в беловой рукописи главы (см.: VI, 580—582). На л. 12 она появилась позже и поверх записанной здесь карандашом строфы XXXV. В «большом» академическом издании по поводу строфы XXV сделано следующее замечание: «Эта строфа писана в тетради вне связи с остальным текстом, в соседстве с автографом „Разговора книгопродавца с поэтом“, одинаковыми с ним чернилами и, по-видимому, одновременно с ним (26 сентября 1824 г.)» (VI, 310). Замечание это нельзя считать обоснованным. Во-первых, чернила, которыми написана большая часть стихотворения, очень бледные, резко отличающиеся от чернил строфы XXV; в той же части (на л. 16 об.), где «Разговор» переписывается более темными чернилами, — явно иной характер почерка, нежели в онегинской строфе. Главное же, строфа XXV могла быть записана лишь после того, как скрывшаяся под ней строфа XXXV была уже переписана в беловую рукопись. И, наконец, как нам кажется, побудительной причиной возникновения этой строфы послужили рисунки карандашом, имевшиеся на л. 12 (женские фигуры со спины — это, вероятно, изображение Воронцовой), и помета «П О У». Спустя два года (мы предполагаем, что строфа XXV написана после доработки белового автографа перед передачей главы в печать) поэт, очевидно, по-новому оценивал отношение Е. К. Воронцовой к нему, вспоминая ее письмо:

Кокетка судит хладнокровно,
 Татьяна любит не шутя
 И предается безусловно
 Любви как милое дитя.
 Не говорит она — отложим!
 Любви мы цену тем умножим,
 Мужчину в сети завлечем,
 Сперва тщеславие кольнем —
 Надеждой, там недоуменьем
 И сердце слабое потом
 Ревнивым утомим огнем,
 А то, скучая наслажденьем,
 Невольник хитрый из оков
 Всечасно вырваться готов.

(VI, 309—310)

Третья глава дописывается Пушкиным на л. 17 об., 18, 19, 19 об., 20, между 26 сентября и 2 октября 1824 г. (даты на л. 17 и 20). Несколько позже на л. 28 записана строфа XXXVI взамен написанной ранее строфы XXXVa (см.: VI, 325—326). Хотя при этом Пушкин и отвлекается другими замыслами, работа над онегинскими строфами идет споро, так как план окончания главы ему теперь почти ясен, и именно потому, вероятно, она начинает ему несколько надоедать, что и заставляет его невольно набрасывать рядом далекие по теме от онегинских строфы о Байроне и Наполеоне, дополняющие стихотворение «К морю», а также строки стихотворений «Смутясь, нахмурился пророк», «Мне жаль великия жены».

Создается впечатление, что современная политическая тема вторгается в онегинские строфы. Однако к этому времени Пушкин уже всерьез обдумывает возможность издания первой главы. Когда-то ему казалось, что «Онегин» не предназначен для печати (ср. в письме к Вяземскому от 4 ноября 1823: «О печати и думать нечего: пишу спустя рукава...» — XIII, 73). Но уже в Одессе он начинает думать иначе. «Сленин предлагает мне, — сообщает он Вяземскому в начале апреля, — за Онегина сколько я хочу. Какова Русь, да она в самом деле в Европе — а я думал, что это ошибка географов. Дело стало за цензурой, а я не шучу, потому что дело идет о будущей судьбе моей, о независимости — мне необходимой» (XIII, 92). 13 июня он пишет брату: «Попытаюсь толкнуться к воротам цензуры с первой главой Онегина. Авось пролезем» (XIII, 98).

Вероятно, в связи с этими планами Пушкин начинает работать в тетради ПД № 835 над предисловием к первой главе, начало которого он пишет карандашом на л. 10. Можно предположить, что по крайней мере начато это предисловие еще в Одессе (т. е. до 31 августа 1824 г.). Как отметил Ю. Н. Тынянов,¹⁶ во фразе: «...некоторые строфы, писанные в утомительном роде модных элегий, в коих чувство уныния поглотило все прочее» — Пушкин цитирует статью Кюхельбекера «О направлении нашей поэзии, особенно лирической, в последнее десятилетие», напечатанную во 2-й части альманаха «Мнемозина». Цензурное разрешение на издание этой части было получено 14 апреля 1824 г., но вышла она позже: отклики на статью Кюхельбекера содержатся лишь в июльских письмах Вяземского;¹⁷ вероятно, лишь в конце июля, незадолго до отъезда Пушкина в Михайловское, альманах попал и в Одессу. Может быть, работа над предисловием, а потом и примечаниями к первой главе романа (л. 10—11 об.) делится между Одессой и Михайловским (границей здесь мог служить лист 10 об., на котором после первой строки предисловие пишется уже не карандашом, а чернилами, или же начало л. 11, где записи сделаны более бледными чернилами, нежели на л. 10 об.).

¹⁶ Тынянов Ю. Н. Пушкин и его современники. М., 1968, с. 103.

¹⁷ См.: Мордовченко Н. И. Русская критика первой четверти XIX века. М.—Л., 1959, с. 221.

В 20-х числах октября на л. 33—33 об. пишется примечание об А. П. Аннибале, и, как нам представляется, примерно тогда же на л. 20 об. (который остался пробельным после завершения третьей главы романа) пишутся две строфы о театре (XVIII и XIX) и дорабатываются XXII и XVI строфы первой главы романа (см.: VI, 259—260).

К этому выводу приводит анализ пометы на л. 30 (напомним, что на л. 32 записано стихотворение «Графу Олизару», которое мы датируем началом 20-х чисел октября 1824 г.):

$$\begin{array}{r} 700 \\ 4 \\ \hline 2800 \end{array}$$

[2800] [700]

Очевидно, это подсчет возможной выручки за первую главу «Онегина», которая к тому времени состояла из 50 строф (ср. подсчет строк на л. 20 тетради ПД № 834, рядом со строфой LIV первой главы — РП, с. 297). За «Бахчисарайский фонтан» Пушкин получил по пяти рублей за строку. Может быть, такого финансового успеха от «Онегина» Пушкин не ожидает и потому кладет по четыре рубля за строку.

Следовательно, четыре строфы были присоединены к первой главе несколько позже, нежели был произведен указанный подсчет. Это строфа XXIII («Я помню море пред грозю...»), написанная сначала для третьей главы, две строфы о театре (XVIII и XIX), а также, вероятно, строфа LV.¹⁸

В конце октября пишется письмо Плетневу (часть чернового наброска которого мы находим на л. 34) — об издании первой главы (XIII, 113), которая в это время переписывается набело, а в начале ноября отправляется в Петербург с Л. С. Пушкиным.

Одновременно с подготовкой к печати первой главы Пушкин начал работу и над четвертой главой романа. В начале 10-х чисел октября на л. 29 (на л. 27 об. дата: 10 октября) записываются полторы строчки новой главы:

Сегодня вы ко мне писали
[Не отпирайтесь]

На обороте записываются строфы «Минуты две они молчали...» (впоследствии строфа XII — см.: VI, 343—344) и «Я жертва долгих заблуждений...» (впоследствии строфа IX — см.: VI, 342—343). В продолжение объяснения Онегина с Татьяной на л. 31 записывается строфа «Я отрок был и мною правил», впоследствии передвинутая в самое начало главы уже в качестве лирического отступления о женщинах (VI, 333). В конце октября — пока опять же в составе исповеди Онегина — набрасываются и другие строфы, посвященные резкой характеристике женщин (VI, 334—338) — на л. 32 об., 33, 33 об., 34. Между прочим на последней странице записана фраза, выделенная в издании «Рукою Пушкина» (РП, с. 158) в особый прозаический набросок: «Я мнил иной успех оправдал меня — тут я их узнал»; третье слово здесь надо читать как «мой», а всю фразу следует понимать как обычную помету-конспект, предвещающую дальнейший стихотворный онегинский текст (а следовательно, и печатать в составе черновиков романа — ср.: VI, 314, 316, 346).

Продолжена работа над исповедью Онегина в конце ноября на л. 39 об., 41, 41 об. (на л. 40—40 об. письмо Вяземскому от 29 ноября

¹⁸ Обратим также внимание на помету на левом поле л. 20 об., записанную позже стихов (рыжеватыми чернилами): «Фонвизин». Смысл ее очевиден. Строка о Фонвизине на этой странице записана так: «Блистал Ф. В. друг свободы», т. е. Пушкин обозначил здесь фамилию драматурга в соответствии с принятым в то время написанием: Фон Визин. В таком виде строка попала и в беловой автограф. Однако в ноябре 1824 г., осведомляясь о судьбе издания «Онегина», Пушкин между прочим заметит брату: «Не забудь фон-Визина писать Фонвизин. Что он за нехрист? он русский, из прерусских русский» (XIII, 121).

1824 г.). После л. 41 вырваны два следующих листа — это единственное место в тетради ПД № 835, когда на вырванных листах был, возможно, текст. В академическом издании указывается: «Текста строф V и VI не сохранилось, и, возможно, что эти строфы не были написаны. Черновые рукописи строф VII и VIII утрачены» (VI, 342). Очень вероятно, что все эти четыре строфы были записаны на вырванных листах (см. об этом ниже).

Исповедь Онегина дорабатывается уже в конце декабря на л. 50 об., 51 об., 52 (строфы XV, XVII, XVIIa, XXIII); под последней строфой даты: «1 генв. 1825» и «31 дек. 1824», а на полях помета: «Sotisse et Impertinence» («глупость и нахальство»), смысл которой не совсем ясен.

На л. 51 об. у строфы XVII («Так проповедовал Евгений...» — VI, 350) снова подсчет:

11

5
6

Это несомненно подсчет количества строф «Онегина», написанных для четвертой главы. Здесь обозначены два массива онегинских строф — на л. 29 об.—34 и на л. 39 об.—51 об. Если принимать во внимание только дописанные до конца строфы (неоконченные строфы, вероятно, были Пушкиным забракованы), то в первом случае мы действительно насчитываем пять строф — XII, IX, I, II, IV, а во втором лишь две — IVb и XVII (во втором случае, вероятно, и следует учитывать строфы V—VIII, которые могли быть записаны на листах, вырванных после л. 41).¹⁹

В январе 1825 г. на л. 52 об.—54 об. пишутся строфы XXIV, XXIVa—d (VI, 356—361), намечающие новый поворот сюжета романа, который в окончательной редакции наступит лишь в седьмой главе: планы матери Татьяны вести ее в Москву на «ярманку невест». При таком повороте столкновение Онегина и Ленского, очевидно, не предусматривалось; тем более примечательно, что в конце января—начале февраля (ср. текст на л. 58 об., датируемый нами первой половиной февраля) на л. 57 об.—58 об. пишутся строфы XXV—XXVII (IV, 361—363), посвященные Ленскому, — очевидно, Ленскому была уготована в сюжете романа какая-то совершенно иная роль, нежели в окончательной редакции.

Здесь же, на л. 58, находятся наброски строф второй главы: VII, VIII, VI, X строфы, которые отмечены в описании В. Е. Якушкина (Як., с. 31), но пропущены в академическом издании. Л. С. Сидяков справедливо связывает эти наброски с перебеливанием второй главы романа и относит их к концу марта—началу апреля 1825 г.²⁰ Заметим, что строфы эти также посвящены Ленскому.

На л. 64 об. записывается строфа XIV четвертой главы романа («Нет, я не создан для блаженства...» — VI, 347—348), а на л. 65—68 об. — одесские строфы, позже включенные в «Путешествие Онегина». Однако во второй половине марта—апреле 1825 г. (ср. лист 65, датируемый нами временем не позже середины апреля) строфы эти писались для четвертой главы. Уже говорилось о том, что, судя по написанным к этому времени строфам, они выстраивались отчасти по плану, предвосхищающему седьмую главу окончательного текста. В 1828 г., намечая дальнейший план романа (уже после того как были написаны пятая и шестая главы), Пушкин использует, вероятно, более ранний замысел: «... дорога — Москва — Генерал — Одесса». В Одессе, вероятно, Онегин

¹⁹ Вполне вероятно, что при доработке первой половины третьей главы сюда были перенесены строфы, соответствующие V и VI строфам четвертой главы (см. строфы XXII и XXIII третьей главы: «Я знал красавиц равнодушных...» и «Среди поклонников послушных...» — VI, 61—62).

²⁰ См.: Сидяков Л. С. К истории работы над второй главой «Евгения Онегина». — В кн.: Временник Пушкинской комиссии. 1973. Л., 1975, с. 5—11.

снова должен был встретиться с автором. Что же касается Ленского, то, определяя его судьбу, Пушкин, надо полагать, колебался между несколькими вариантами, которые будут упомянуты уже как нереализованные (хотя и возможные некогда для Ленского) в строфах XXXVII—XXXIX шестой главы романа.

С л. 70 начинается сплошной онегинский текст — сначала с перепланировки начала четвертой главы (л. 70—71 об.). Лист 69 об. (письмо к Александру I) заполнялся в конце июня—начале июля 1825 г. — следовательно, онегинские строфы пишутся позже этого времени. С л. 75 записи ведутся карандашом (с более поздней правкой чернилами) — возможно, уже в декабре. Об интенсивности работы над «Онегиным» в это время можно судить по датам на л. 77 об. (2 января) и на л. 79 (3 января)²¹ — между этими датами записаны (за два дня!) семь последних строф четвертой главы (см.: VI, 373—376).

На л. 78 у строфы XLVIII дан подсчет количества стихов в 47 строфах (см.: РП, с. 306; строфы XLVII в черновой рукописи не было, см.: VI, 375).

Мы полагаем, что в работе над четвертой главой следует выделить два этапа, границей которых является начало карандашных записей на л. 75. Первая половина главы, записанная чернилами, до л. 75 (кончая строфой XXX, см.: VI, 366), возможно, появилась в июле; вторая, с л. 75 об., представляющая карандашную запись, — в конце декабря. Между этими датами Пушкин работал над другими произведениями. Напомним, что в июле Пушкин продолжил работу над трагедией «Борис Годунов» (см. об этом ниже), которая была кончена 7 ноября. Одновременно он работал над автобиографическими записками. В первой половине сентября Пушкин сообщал Катенину: «Стихи покамест я бросил и пишу свои memoires, то есть переписываю набело скучную, сбивчивую черновую тетрадь» (XIII, 225).

Пятая глава начата 4 января 1826 г., и писалась она столь же интенсивно, как и конец четвертой. Очевидно, уже в январе глава эта в тетради ПД № 835 была дописана до строфы XXI (см. л. 61) и далее перенесена в тетрадь ПД № 836. Работа над шестью главами была закончена в основном в 1826 г., как ясно из письма Пушкина к Вяземскому от 1 декабря 1826 г., где он сообщает: «Во Пскове вместо того, чтобы писать 7-ую главу Онегина, я проигрываю в шtos четвертую, не забавно» (XIII, 310). Впрочем, дошедшие до нас черновые строфы XLIII—XLV шестой главы помечены уже 10 августа 1827 г. — они находятся среди черновиков романа о царском арапе в той же тетради ПД № 836 (л. 24—24 об.; см.: VI, 408—410); остальные строфы шестой главы были записаны, вероятно, в уничтоженной михайловской тетради. О возможной переработке конца пятой и шестой глав (в связи с изменением первоначально намеченной судьбы Ленского) говорилось выше.

В заключение отметим несколько автоиллюстраций в черновиках романа.

На л. 6 об. и 7 нарисованы, очевидно, портреты Татьяны (возможно, одной из знакомых Пушкина, которая ему напоминала героиню), оба в профиль, первый — в головном уборе, другой — с распущенными черными волосами; на л. 7 нарисована Татьяна в рост, спрятавшая лицо в ладонях; на л. 7 об. — Татьяна, сидящая на постели. Последний рисунок находится рядом с черновыми строками:

Окаменев облокотилась
Постель горяча
С ее прелестного плеча
Сорочка легкая спустилась

²¹ Снова подчеркнем, что в академическом издании дата эта прочтена неверно — как 6 января (VI, 377). Попутно отметим и другие опечатки в VI томе. Так, в указании на рукописные источники при строфе XXI пятой главы (VI, 393) следует читать: ЛБ 70, л. 61; ЛБ 68, л. 50; при строфах XXXII—XXXVIII (VI, 401—407) — ЛБ 68.

Вновь обратился к продолжению «Цыган» Пушкин, однако, спустя несколько месяцев — очевидно, незадолго до отъезда из Одессы (31 августа). На л. 9 об.—10 записано продолжение «Цыган»:

Оставьте, дети, ложе сна
Такой глубокий чудный стон
(IV, 412—415)

Между прочим, примерно к этому времени относится первое упоминание «Цыган» в переписке современников поэта. 27 июня 1824 г. В. Ф. Вяземская сообщает мужу: «Он еще начал <...> „Цыганку“ <...> которую не хочет кончить» (Летопись, с. 484).

Понадобилось лишь еще одно обращение Пушкина к поэме, чтобы она была — в первоначальной редакции — окончена. Это произошло в начале октября 1824 г.

На л. 24 Пушкин начинает набрасывать в два столбца стихотворные строки, обращенные к младенцу: «Дитя, не смею над тобой» (II, 883). Давно замечено, что они перекликаются с монологом Алеко над колыбелью сына, который Пушкин будет писать в конце 1824 г., но так и не включит в состав поэмы. На наш взгляд, на л. 24 Пушкин и пишет не что иное, как продолжение «Цыган». По плану, намеченному в начале работы над поэмой, он уже подошел примерно к середине произведения и должен был приступить к пункту «Ревность». В дальнейшем, спустя всего тридцать с небольшим строк повествования, Алеко суждено услышать песню Земфиры над колыбелью ребенка «Старый муж, грозный муж». Вероятно, сначала у той же колыбели Пушкин намеревался показать Алеко.

Однако, возобновив работу с драматической сцены, Пушкин, вероятно, почувствовал необходимость подготовить ее эпическим рассказом. На том же листе (л. 24) повествование пошло по новому руслу: «Прошло два лета — так же бродят...» (IV, 415), и намеченный в начале страницы эпизод не вошел в ткань поэмы. Он так и остался в черновике, впрочем, незачеркнутым, более того — ему дается особое заглавие «Младенцу» (первоначально — «Ребенку»), и набросок сокращается до двух (до конца не отделанных) четверостиший. Теперь он воспринимается Пушкиным в качестве отдельного стихотворения. Однако перечитывая впоследствии текст поэмы, он почувствовал в ней ощутимый для него пробел и пытался позже несколько по-новому обработать монолог Алеко, но так и не нашел для него места.

Работа над поэмой «Цыганы» продолжается без длительных остановок вплоть до л. 28. В начале л. 27 об. Пушкин ставит дату — 8 октября, потом зачеркивает восьмерку и ставит 10, зачеркивает и эти цифры, а затем снова записывает их. Надо полагать, что 8 октября он приступил к заполнению листа 27 об., а 10 октября кончил эпилог поэмы на л. 28. Переписав впоследствии текст поэмы в тетради ПД № 836, Пушкин так же колеблется в определении даты: «[8] 10 окт.».

Очевидно, еще не доведя работу над поэмой до конца, Пушкин начинает на л. 29 записывать в два столбца начало лицейского стихотворения «Гроб Анакреона» (1815). Может быть, оно приходит ему на ум по ассоциации, закрепленной в эпилоге поэмы. Ср. в «Гробе Анакреона»:

Здесь, подняв на лиру длани
И нахмуря важно бровь,
Хочет петь он бога брани,
Но поет одну любовь...

(II, 16)

и в «Цыганах»:

В стране, где долго-долго брани
Не умолкал ужасный гром

В пустыне дикой я любил
Их песен радостные гулы
И нежны пмена твердил
Земфиры, милой Маршулы...

(IV, 436—437)

Но характерно, что сходная античная тема впоследствии будет прямо введена в состав поэмы — в написанном позже эпизоде рассказа старого цыгана об Овидии.

Под началом стихотворения «Гроб Анакреона» (возможно, несколько позже) Пушкин записывает на л. 29 заметку о Бессарабии (предполагаемое примечание к «Цыганам»), которую следует печатать в составе черновых редакций поэмы (XI, 22, 293), и здесь же набросаны строки, где Алеко сравнивается с журавлем (первоначально — с голубем), оставшим от стаи, — строки эти окончательно отработаны на л. 29 об. (IV, 438—439). Закончив поэму, Пушкин испытывает вполне понятное после напряженной работы (по сути дела, большая часть поэмы написана за несколько дней) состояние опустошенности, что получило отражение в письме к Вяземскому: «Кстати о стихах: сегодня ковчил я поэму „Цыгане“. Не знаю, что о ней сказать. Она покамест мне опротивела» (XIII, 111). 25 января 1825 г. Пушкин уточняет: «Я кажется писал тебе, что мои Цыгане никуда не годятся: не верь — я соврал — ты будешь ими очень доволен» (XIII, 135).

Возвращается к «Цыганам» Пушкин незадолго до 20 октября 1824 г.; теперь на л. 31—31 об. он пишет вставной эпизод «Скажи, мой друг, ты не жалеешь...» и т. д. (IV, 439—443), включающий, в частности, и легенду об Овидии. Надо полагать, что работа на л. 31 об. велась и тогда, когда следующая страница была занята текстом стихотворения «Графу Олизару» (а следовательно, уже в 20-х числах октября); об этом свидетельствует густота записей на л. 31 об. (на полях поперек листа).

Очевидно, в ноябре—декабре беловик поэмы переписывается в тетради ПД № 836 (л. 3 об.—15; см.: IV, 453—463), а в конце декабря на л. 50 об. Пушкин начинает вновь работать над монологом Алеко над колыбелью сына (IV, 447—448); позднее, уже после перебеленного текста поэмы, этот эпизод будет тщательно отработываться в тетради ПД № 836 на л. 15 об.—16 об. (IV, 444—447, 448—452), но в окончательную редакцию так и не включится.²²

Отметим иллюстрации Пушкина к поэме «Цыганы»: на л. 10 — всадник с плетью, вол (к описанию цыганского табора), на л. 50 об. — медведь, рядом со строками монолога Алеко (зарисовка эта связана, вероятно, с воспоминанием о занятиях Алеко; напомним, что медведь специально упомянут в первоначальном плане поэмы).

²² Как нам представляется, с работой над этим эпизодом связан подсчет количества стихов, который мы находим среди черновиков «Письма к Д.» на л. 43 об.:

$$\begin{array}{r} 591 \\ 13 \\ \hline <60>4 \end{array}$$

Первоначальный подсчет стихов поэмы был произведен Пушкиным в беловом автографе в тетради ПД № 836, на л. 15, с окончательным итогом — 570 строк. М. А. Цявловский, проверив запись Пушкина (РП, с. 303—304), заметил, что поэт ошибся в подсчете, написав 570 вместо 571. Скорее же всего, Пушкин просто округлил цифру. Позже, как уже сказано выше, он записывает на л. 50 монолог Алеко, который здесь содержит 20 строк — они, на наш взгляд, уже включены в первое слагаемое. Что же касается второго, то это, вероятно, количество строк, которые предваряли монолог Алеко. Черновой набросок их до нас не дошел, но о том, что таковой существовал, свидетельствует следующее: когда на л. 15 об. тетради ПД № 836 Пушкин начинает перерабатывать данный эпизод, вступительные строки («Бледна, слаба Земфира дремлет...» — IV, 444—445) записываются совершенно без помарок, явно с какого-то более раннего черновика; правда, их остается здесь всего 4, но это, очевидно, результат предварительной правки первоначального текста.

Наброски «Подражаний Корану» встречаются на различных листах тетради ПД № 835 — от л. 9 до л. 68, но далеко не во всех случаях эти стихотворения занимают доминирующее положение на странице; нередко они записаны на свободных частях страниц — как правило, позже их последовательного заполнения.

Первое (по времени создания) стихотворение этого цикла записано на л. 18 об. (в самом конце сентября 1824 г.). Это интерпретация суры «Слепый», которая понята Пушкиным как рассказ о гонимом пророке. Стихотворение начинается в левом верхнем углу — первоначально хорейскими строками (вероятно, Пушкин намеревался писать на странице в два столбца):

Слаб и робок человек
Слеп умом и все тревожит.

В академическом издании (II, 473) эти две строки отнесены к наброскам ненаписанных «Подражаний Корану». Однако смелая метафора «слеп умом» уже достаточно определяет основную тему стихотворения о «слепых». Столь же неправомерно, на наш взгляд, относить к вариантам второго (по окончательному счету) «Подражания Корану» (II, 886) строки, записанные на левом поле, ниже перебеленного четверостишия «С небесной книги список дан»:

Пророк мой вам того не скажет
[Мой законы]
[Он вежлив, скромн]
[Не плат<ит?>]

Положение этих строк в черновом автографе со всей несомненностью свидетельствует об их непосредственной связи именно с названным четверостишием. В левом нижнем углу страницы после окончания данного стихотворения появляются наброски:

в боях
[ничем не знамениты]

В академическом издании эти слова отнесены к вариантам стихотворения «Клеопатра» (III, 685), так как там имеется строка «Никем не знаемый — ничем не знаменитый». Между тем на л. 18 об. эти слова по почерку одинаковы с последними строками стихотворения «Смутясь, нахмурился пророк» и несомненно написаны одновременно с ним. Трудно предположить, что замысел «Клеопатры» впервые намечен у Пушкина словами, второстепенными для данного стихотворения. Иное дело — шестое (по окончательному счету) «Подражание Корану» («Недаром вы приснились мне»): здесь эти слова можно считать опорными; над ним Пушкин и начинает работать на следующей странице (л. 19), но пишет пока только полтора четверостишия.

Пушкин еще не собирается писать цикл: стихотворение «Смутясь, нахмурился пророк» переписывается набело в тетради ПД № 833 (л. 28 об.—29) под заглавием «Подражание Корану. Из главы „Слепый“ в 42 стихах» (несколько позже исправлено на «Подражания...», и тогда же перед стихотворением поставлен порядковый номер — I).

Вновь обратился к Корану Пушкин 2 октября 1824 г., когда он, только что закончив третью главу «Онегина» и поставив дату, тут же, на л. 20 (те же чернила и почерк), начинает набрасывать новое подражание, обрабатывая один стих из суры «Крава» о споре Авраама и Нимврода. Первоначально этот черновик кончался строкой «На все про-

²³ См.: статью, посвященную этому циклу: Фомичев С. А. «Подражания Корану». Генезис, архитектоника и композиция цикла. — В кн.: Временник Пушкинской комиссии. 1978. Л., 1981, с. 22—45. В настоящем описании даются краткие выводы этой статьи, в ряде случаев уточненные.

стерта длань моя». Вернувшись позже (может быть, на следующий день) к этому черновику, Пушкин пытается его дописать. Некоторое (заметное на глаз) изменение почерка, а также крайняя неразборчивость черновика (Пушкин, стараясь уместить на остатке страницы все стихотворение, пишет мелко, а перо у него уже сработалось) заставили заподозрить здесь новый, неоконченный набросок, который в академическом издании расшифрован так:

[Отец] В глаза —
А за глаза Матап, Папá
(II, 472, 993)

Трудно представить себе, что, начиная столь отличный от всего предыдущего текста набросок, Пушкин не отделил бы его — пробелом или же разделительной чертой. На самом деле эти строки (начало первой из них зачеркнуто), по-видимому, читаются так:

[Он] [Я] [Но люди]
О да сказа«л» [Ним«врод»] Ним«врод»
ты рек

После этого Пушкин отчеркивает незаконченный черновик, ниже начинает перебеливать его и в основном заканчивает. Окончательную правку он проводит уже в беловом автографе, записанном вслед за стихотворением «Смутись, нахмурился пророк» в тетради ПД № 833 (л. 29 об.) с пометой «Подражание» 2».

В начале же октября, закончив в тетради ПД № 835 «Второе послание к цензору», на л. 22 Пушкин работает над новым подражанием Корану — «Земля недвижна — неба своды». Несомненно, что черновик этого стихотворения писался не какое-то время спустя, а непосредственно после «Второго послания к цензору» и до следующего далее стихотворения «Клеопатра». Именно в таком порядке, вслед за стихотворением «С тобою древле...», переписаны в тетради ПД № 833 «Второе послание...», «Земля недвижна...» (на л. 32 с пометой «3 подражание» Корану») и «Клеопатра». Следовательно, в первых числах октября цикл «Подражания Корану» состоял только из трех стихотворений (впоследствии занявших в цикле 3-е, 4-е и 5-е места). В новой же редакции этот цикл оформился гораздо позже, когда уже не имело смысла переносить новые перебеленные стихотворения, вошедшие в его состав, в тетрадь ПД № 833, хотя место там для них нашлось бы: листы 34 об. — 35, идущие за «Клеопатрой», остались незаполненными.

В начале ноября 1824 г. Пушкин пишет брату: «Я тружусь во славу Корану» (XIII, 119). Он имеет в виду стихотворение «Торгуя совестью пред бледной нищетою» (л. 38 об.), в котором также интерпретирует один стих из суры «Крова». Заметно, однако, что теперь характер ее переработки у Пушкина совершенно иной, нежели в стихотворении «С тобою древле...». Теперь «подражание» совершенно лишено арабского колорита, имеет форму назидательной притчи, пишется изощренной строфой и обособляется особым (не «кораническим») заголовком — «Милостыня», который появляется перед перебеленным текстом, записанным на той же странице, ниже трудно дававшегося Пушкину черновика.

Очевидно, несколько позже, уже во второй половине ноября, заканчивается еще одно «подражание» — «И путник усталый на бога роптал». К его теме Пушкин обратился ранее, в конце октября, в наброске на л. 34 «Я не дремал — но усыпленье» (II, 896—897), в котором тот же мотив обрабатывается в лирическом ключе. Теперь же (на л. 39—39 об.) по-прежнему свободно интерпретируя два стиха суры «Крова», Пушкин создает довольно большое — в духе восточных сказок — стихотворение, написанное «балладным» размером, амфибрахийем, и опять в строфической форме. Однако и это стихотворение в то время, кажется, еще не

мыслилось в составе цикла. Вероятно, значительно позже (может быть, в апреле—мае 1825 г. — см. об этом ниже), предполагая включить его в цикл, Пушкин попытался унифицировать ритмику этого стихотворения с другими стихотворениями цикла, начав «переписывать» его на л. 11 об. (снизу вверх листа) четырехстопным ямбом:

В пустыне древле человека
Господь узрел и усыпил...

(II, 896)

Пока же на свободном клочке л. 36 Пушкин продолжает начатое в начале октября стихотворение «Недаром видел я во сне», заканчивая обработку его в составе трех четверостиший, имеющих выразительную, аскетическую форму:

Недаром видел я во сне
В бою с обритыми главами
Во рву, на башне, на стене
С окровавленными мечами.

Вы победили! Слава вам —
А малодушным посмеянье,
Они, не веря дивным снам,
Не шли на бранное призыванье.

Прельстясь добычей дорогою,
Они в раскаянье своем
Рекут: Возьмите нас с собою!
Но вы скажите: не возьмем!

(II, 892—893)

Очевидно, несколько позже на смежном листе, л. 35 об., к стихотворению дописывается еще одно четверостишие: «Блаженны падшие в сраженье...» (II, 893), а еще позднее оно перебеливается на свободной нижней половине л. 37 об. (ниже черновых набросков «Клеопатры») — уже в составе пяти четверостиший (после первого следовали строки «Внемлите радостному кличу...» — II, 355). Закончив же переписывать стихотворение, Пушкин набрасывает на полях его шестое четверостишие, должное стать четвертой строфой:

Они твердили: пусть виденья
Толкует хитрый Магомет.
Они ума его творенья?
Его ль нам слушать? он поэт.

В академическом издании эти строки напечатаны в качестве самостоятельного наброска «Подражаний» (II, 473, 983), что неверно.

Новое обращение к Корану мы находим на л. 68 об., где поперек листа на левом поле записан набросок «В пещере тайной в день гоненья» (II, 475, 998—999). На этом же листе Пушкин закончил (в апреле 1825 г.) работу над одесскими строфами «Евгения Онегина». В пушкиноведении существует стойкая традиция относить этот набросок к «воронцовскому» лирическому циклу (в связи с упоминанием здесь «талисмана»: «Внезапно ангел утешенья Влетев принес мне талисман»). Однако еще в дореволюционном академическом издании сочинений Пушкина справедливо замечено: «Этот набросок, может быть, находится в связи с „Подражаниями Корану“, к которым он близок и по месту своему в рукописи, хотя Анненков, стараясь в 1855 году провести его через цензуру, не позволявшую называть Коран „сладостным“, писал, что „автор здесь набрасывает первый очерк известного стихотворения «Талисман»...“».²⁴ Действительно, смысл стихотворения совершенно проясняется, если вспомнить, что, согласно легенде, в пещере

²⁴ Соч. Пушкина, т. 3. СПб., Изд. Акад. наук, 1912, с. 466.

на горе Тор (близ Мекки) архангел Гавриил по обыкновению вручал Магомету очередные суры Корана. В той же пещере Магомет провел ночь после изгнания из Мекки.

Уже отмечалось, что первоначально цикл «Подражания Корану» состоял из трех стихотворений. Три других стихотворения на кораншческие темы, написанные уже в конце 1824 г., по тональности резко отличались от этого цикла. Нам представляется, что именно в наброске «В пещере тайной...» Пушкин намечает новую кульминацию цикла: изгнание Магомета, которое обернется торжеством его учения. Нельзя не заметить, что, в сущности, вариантом этого наброска станет седьмое «подражание» («Встань, боязливый...»); о «дне тяжкого гоненья» будет упомянуто и в первом стихотворении цикла. Стихотворение «Встань, боязливый...» записано без предварительного черновика на левом поле рядом с шестым «подражанием» Корану (л. 37) — резкая смена ритма давала смелый переход к стихотворениям «Торгуй совестью пред бледной ницетою» и «Путник усталый на бога роптал», которые, на наш взгляд, только после этого и включаются в общий цикл. Работа же над двумя первыми (по окончательному счету) стихотворениями цикла велась, вероятно, в михайловской тетради, но не случайно оттуда Пушкин переносит беловые редакции этих стихотворений в тетрадь ПД № 835 (собирая весь цикл в одной тетради); на свободных полях л. 13 и 9 записываются соответственно «Клянусь четой и нечетой» и «О жены чистые пророка».

Когда произошло переоформление цикла? На наш взгляд, в апреле — мае 1825 г. Хотя «Подражания Корану» и числятся в перечне тетради Капниста, отосланной для издания 15 марта 1825 г. (см.: РП, с. 230), этот цикл тогда, вероятно, состоял или из трех стихотворений, записанных в тетради ПД № 833, или же из семи, созданных к тому времени. В новой редакции цикл был создан не позже конца мая 1825 г. (и не раньше конца апреля, когда появился набросок «В пещере тайной...»). Тогда Пушкиным досылались в Петербург последние стихотворения, добавленные к тетради Капниста, для передачи в цензуру.

Цикл «Подражания Корану» заключал книгу «Стихотворения Александра Пушкина» (СПб., 1826) и помечен здесь 1824 г. (ряд других датировок помещенных здесь стихотворений также неточен, так как давался едва ли не Плетневым, — см. об этом ниже).

В заключении отметим иллюстрации Пушкина к стихотворениям цикла «Подражания Корану»: рядом с беловиком стихотворения «О жены чистые пророка» (л. 9) — женские ноги в восточных шароварах; в беловике стихотворения «Недаром вы приснились мне» (л. 37) — мусульманин с саблей; в черновом автографе стихотворения «И путник усталый на бога роптал» (л. 39 об.) — рисунки иконографически аналогичных профилей, старика и молодого; здесь же в верхней части листа нарисован профиль старого человека, в очках, с залысинами, с дряблыми складками кожи; однако при всем том в линии профиля мы угадываем характерные пушкинские черты — в сущности, это тоже иллюстрация к стихотворению, но как бы намекающая на его лирический подтекст.

«Борис Годунов»²⁵

Работа над «Борисом Годуновым» была начата Пушкиным в первых числах декабря, когда он на л. 44—44 об. старательным почерком записал предварительные заметки (конспект из Карамзина — VII, 288—289), а на л. 45 уже набросал план (VII, 289) и начало первой сцены. На этом этапе работы над трагедией Пушкин отвлекается от замысла лишь один раз: закончив первую сцену пьесы, он на л. 46—47 записывает так называемый «Воображаемый разговор с Александром I». Это

²⁵ Об этапах работы Пушкина над трагедией см. в комментарии Г. О. Винокура в кн.: Пушкин. Полн. собр. соч., т. 7. Драматические произведения. Л., Изд. АН СССР, 1935, с. 385—411.

вторжение в текст трагедии в высшей степени интересно. Не забудем, что Пушкин писал трагедию параллельно с автобиографическими записками. «Воображаемый разговор», конечно, не входил в их состав, но он также отражал раздумья Пушкина о своей судьбе, о несправедливом гонении, о взаимоотношениях с властью. В свою очередь одновременная работа над исторической хроникой и хроникой своего времени (автобиографическими записками) проливает дополнительный свет на проблематику трагедии. Едва прочитав X и XI тома «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина (они послужили основным историческим источником пьесы), Пушкин заметил: «...это злободневно как свежая газета» (XIII, 211). Эта злободневность изначально присутствовала и в трагедии Пушкина. Недаром «Воображаемый разговор» начинается с рассуждений об описании убийства Павла I в оде «Вольность». Так и в трагедии: Пушкин мог быть вполне объективен в изображении событий Смутного времени — все равно они возбуждали «опасные» вопросы о власти, тирании и проч.

На л. 47 об. пишется вторая сцена трагедии, а далее следующие сцены, вплоть до монолога Пимена включительно. Позже, в конце июля 1825 г., в неотправленном письме к Н. Н. Раевскому Пушкин скажет: «Я пишу и размышляю. Большая часть сцен требует только рассуждения; когда же я дохожу до сцены, которая требует вдохновения, я жду его или пропускаю эту сцену — такой способ работы для меня совершенно нов» (XIII, 573; подлинник по-французски). Первой из сцен трагедии, требовавшей «вдохновения», была именно пятая (в автографе, видимо, ошибочно: «явление 4»). Она далась Пушкину с трудом и была закончена несколько позже, уже в начале января 1825 г. Окончив монолог Пимена на л. 50, Пушкин прерывает работу над трагедией и по обыкновению тут же подсчитывает (л. 49 об.) количество написанных строк:

132	
15	—10
4	—40
60	28
1	76
<hr style="width: 50%; margin-left: auto; margin-right: 0;"/> 212	<hr style="width: 50%; margin-left: auto; margin-right: 0;"/> 65
	<hr style="width: 50%; margin-left: auto; margin-right: 0;"/> 219

Если быть точным, то количество строк трагедии (кончающихся на л. 49 об.) — 213, но, очевидно, подсчет в черновике достаточно труден даже для автора, и потому он вновь пересчитывает строки, проверяя себя, но все же опять ошибаясь.

Работа над сценой в Чудовом монастыре продолжена в самом начале января на л. 52 об., где пишется первоначальный вариант первого монолога Григория Отрепьева «Три раза в ночь — злой враг будил меня» (VII, 287—288), в котором герой прозревает (вещий сон!) свою грядущую историческую судьбу: гибель после завоевания Москвы.

Этот монолог перерабатывается несколько позже на л. 55, после чего на л. 55 об.—56 сцена продолжена и оборвана на строке «Смотри: Борис достиг верховной власти». Но после этого трагедия уже не записывается в тетради ПД № 835 — вероятно, она перенесена в михайловскую тетрадь.

Очевидно, перерыв в работе над «Борисом Годуновым» был довольно длительным. Лишь 13 июля 1825 г. Пушкин сообщит Вяземскому: «Покамест, душа моя, я предпринял такой литературный подвиг, за который ты меня расцелуешь: романтическую трагедию» (XIII, 188); это написано после окончания первой части трагедии (вплоть до сцены «Корчма» включительно). Эмоциональный тон письма свидетельствует, что Пушкин еще не остыл от работы. Очевидно, конец пятой сцены («Чудов монастырь») и четыре следующих (из них одна, «Ограда монастырская», впоследствии не вошла в окончательную редакцию произведения)

Пушкин пишет в конце июня—начале июля 1825 г. Не случайно, что они не попали в тетрадь ПД № 835, которая именно с этого времени и оставляется поэтом исключительно для романа в стихах «Евгений Онегин».

С тех пор работа над трагедией, вероятно, ведется более или менее систематически — она окончена 7 ноября 1825 г. (дата на беловом автографе).

Стихотворения и стихотворные наброски²⁶

«Приют любви, он вечно полн» (II, 472, 992—993).

Наброски этого стихотворения мы находим на л. 3 и 6, но в первом случае запись сделана явно позже расположенных на этой странице строк из «Цыган», во втором же — набросок предшествовал записанному ниже продолжению письма Татьяны. Учитывая это обстоятельство, а также то, что оба наброска, судя по палеографическим признакам, написаны одновременно, работу над этим стихотворением следует отнести ко времени поездки Пушкина в Кишинев (12—28 марта 1824 г.), когда он работал над письмом Татьяны. В эти дни, по всей вероятности, сначала был записан набросок на л. 3 поверх строк поэмы «Цыганы», а затем замысел был продолжен на л. 6.

«Зачем ты послан был и кто тебя послал» (II, 314—315, 824—828).

Стихотворение это начато на л. 7, но, дойдя здесь до строк:

Толпа свободой волновалась
[Родился ты], —

Пушкин, видимо, прежде чем возвратиться к онегинскому замыслу, набрасывает на следующем листе (л. 8) стихотворение Жуковского, посвященное падению Наполеона (см. об этом выше, с. 31). Это, по определению М. А. Цявловского, «типичная для Пушкина мнемоническая запись стихотворения, когда он само собою разумеющиеся слова, а иногда и целые стихи заменял волнистой чертой» (РП, с. 493). Приведем для примера только пушкинскую запись первого четверостишия, тем более что в издании «Рукою Пушкина» (РП, с. 492) последняя его строка разобрана несколько неверно:

Сей день есть день суда и мщенья
Сей грозный день земле явил
Непобедимость провиденья
И силы гордых сокрушил

(в оригинале — «И гордых силу пристыдил»).

После этого Пушкин записывает на л. 7 окончание письма Татьяны и вслед затем на смежной странице (л. 6 об.) продолжает работу над стихотворением «Зачем ты послан был», лепя строки справа на узком поле, оставшемся от рисунков, а под конец записывая их по диагонали в левой нижней части того же листа.

Таким образом, начало работы над этим стихотворением (на л. 7) следует отнести к 28 марта 1824 г.; тогда же записывается стихотворение Жуковского на л. 8. Несколько позже стихотворение «Зачем ты послан был» продолжено на л. 6 об., но так и не доведено до конца.

Отметим, что наполеоновская тема, помимо отмеченного выше хронологического совпадения, напрямую соотносилась Пушкиным с онегинским замыслом, что нашло отражение в строфе XIV второй главы романа («Мы все глядим в Наполеоны»). Не случайно по окончании второй

²⁶ Стихотворные (а в дальнейшем и прозаические) наброски, проанализированные выше, далее не упоминаются.

главы Пушкин пишет 8 декабря 1823 г. стихотворение «Недвижный страж дремал на царственном пороге» (ПД № 834, л. 41 об.—42), с которым тесно связано по теме и стихотворение «Зачем ты послан был». Позже, уже в Михайловском, вернувшись к доработке стихотворения «К морю», Пушкин снова обратится к теме поверженного Наполеона.

«К морю» (II, 331—333, 848—858).

Первоначальный черновик этого стихотворения, вероятно, находился на вырванных в конце тетради ПД № 834 листах, среди строф первой половины третьей главы «Онегина», и, судя по содержанию (ср. «Прощай, свободная стихия»), написан в Одессе, незадолго до отъезда (31 августа 1824 г.). В этой редакции стихотворение под названием «Морю» перебелено в тетради ПД № 835, на л. 12 об.—13, бледными чернилами в середине сентября 1824 г. (на л. 11 об. дата: 5 сентября).

В промежутке между 26 сентября (дата на л. 17) и 2 октября (дата на л. 20) Пушкин более темными чернилами начинает переработку белого автографа, насыщая элегию политической тематикой, придающей стихотворению высокий философский характер:

И что ж, о чем жалеть? куда же
Меня бы вынес Океан,
Судьба людей повсюду та же:
Где капля блага, там на страже
Уж Просвещение иль Тиран.

(II, 849—850)

Здесь же Пушкин попытался ввести тему поверженного Наполеона («Один предмет в твоей пустыне Мою бы душу поразил»), после чего перенес доработку стихотворения на л. 18, где после долгих исправлений и закончил строфы о Наполеоне и Байроне (четыре из этих строф позже будут перенесены в стихотворение «Наполеон»).

Однако и на этом работа над стихотворением не была закончена. На л. 12 одновременно со строфой XXXV третьей онегинской главы, рисунками и подсчетом строф отрабатывается (также карандашом) новая строфа стихотворения — в окончательной редакции четвертая по порядку («Как я любил твои отзывы...»). Это происходит уже после 2 октября 1824 г., так как подсчет строф третьей главы (см. выше) мог быть осуществлен после того, как она была дописана до конца. Тогда же, вероятно, была написана и пятая строфа стихотворения — «Смиранный парус рыбарей...», черновых набросков которой в бумагах Пушкина не сохранилось.

Окончательно стихотворение было доработано и перебелено в новой редакции до 10 октября 1824 г., когда он посылает его Вяземскому (ср.: «Посылаю тебе маленькое поминанье за упокой души раба божия Байрона...» — XIII, 111).

Творческая история стихотворения «К морю» — одно из нагляднейших свидетельств обогащения художественного метода Пушкина. Насыщение интимного (в первой редакции) стихотворения историческими мотивами, осмысление Пушкиным своей судьбы в контексте бурных событий эпохи окончательно утверждали реалистические принципы его лирики.

«Разговор книгопродавца с поэтом» (II, 324—330, 836—847).

Черновик этого стихотворения также, по всей вероятности, находился на последних листах тетради ПД № 834 и, видимо, был дописан уже в Михайловском, в августе—сентябре 1824 г. (после стихотворения «Морю»).

На л. 13 об.—17 тетради ПД № 835 стихотворение было перебелено. Заметно, что переписывалось стихотворение в несколько этапов: запись на л. 16 об. (начато строкой «И так любовью утомленный» и закончено

строкой «И наши тощие певцы»), сделана более темными, по сравнению с предыдущими страницами, чернилами; окончание стихотворения на л. 17 и дата «26 сентября» записаны опять бледными чернилами.

Во время работы над черновиком на л. 2 об. отрабатывались строки 9—12 (II, 835); здесь же выше мы находим крайне неразборчивый черновик, расшифрованный в академическом издании так:

Его познал <?> <нрзб>
<Нрзб> страдания мои —
[Мои стихи невольно <нрзб>]
И <нрзб> <?> невольно <нрзб>
[При <...> <?> имени любви]
От имени любви

(II, 836:

Этот фрагмент, вероятно, является первоначальным вариантом строк 113—116. На л. 4 мы находим также первоначальные черновые варианты к строкам 17—18 (II, 836).

Позже в беловике темными чернилами была проведена обширная правка (следы ее отчасти отпечатались на смежных страницах, что говорит о стремительности этой правки). Возможно, к тому же времени относится написанное на л. 28 об. (в 10-х числах октября) примечание к стихотворению «Заметим для щекотливых любителей нравственности...» (II, 846), в печати, однако, не появившееся.

Окончательная редакция стихотворения была закончена до отъезда Л. С. Пушкина из Михайловского (3—5 ноября); в письме к нему же от 4 декабря 1824 г. Пушкин дал окончательный вариант 2-й строки (II, 846).

В печати стихотворение появилось в качестве предисловия к первой главе «Евгения Онегина». Отразившееся в нем ощущение перехода от любительского занятия литературой к профессиональному творчеству («пишу для себя — печатаю для денег») появилось у Пушкина в начале 1824 г. Собственно, все основные формулы этого принципиально важного произведения мы обнаруживаем в переписке поэта того времени (см.: XIII, 86, 89, 90, 93 и др.).

«Мне жаль великия жены» (II, 341—342, 867—870).

Дописав в конце сентября (на л. 20 дата: 2 октября) строфу XXXVIII и приступив к строфе XXXIX третьей главы «Евгения Онегина», Пушкин тут же сбоку (первоначально на левом поле) начинает писать шутливое стихотворение, посвященное Екатерине II, по-видимому намереваясь быстро с ним справиться и вернуться к доработке онегинской строфы. Очевидно, все стихотворение мыслилось в жанре эпиграммы и первоначально стягивалось в представлении поэта к озорной каламбурной строфе:

Старушка милая жила
Приятно и немного блудно,
Вольтеру первый друг была,
Наказ писала, флоты жгла
И умерла, садясь на судно.

Только после этого Пушкин, вероятно, увлекается затронутой темой и пишет несколько выше «Мне жаль великия жены» и т. д., стремясь запечатлеть в главных событиях всю екатерининскую эпоху — в избранном шутливом ключе. В его воображении возникают все новые и новые боковые темы, черновик стихотворения буквально опутывает онегинские строфы и оканчивается совсем не игривыми, горькими строками:

Россия, бедная держава,
Твоя подавленная слава
С Екатериной умерла.

Портрет на правом поле листа (курносая старушка), который традиционно принимают за изображение Арины Родионовны, едва ли не карикатурное изображение «старушки милой», Екатерины II. Несколько выше рисуется портрет священнослужителя в клобуке.

«Второе послание к цензору» (II, 367—369, 912—919).

Стихотворение написано в первых числах октября на л. 21—22, тогда же перебелено в тетради ПД № 833 (л. 30—31 об.) и связано с размышлениями о подготовленной к печати первой главе «Евгения Онегина».

«Клеопатра» (III, 678—687).

Работа над стихотворением (с пометой: «Aurelius Victor») начата на л. 22 об.—23 об. в первых числах октября (после 2-го—см. пометку на л. 20) и доведена до строки «И выступил на смерть... войны». На л. 30 об., отвлекаясь от работы над балладой «Жених», Пушкин записал еще четыре строки стихотворения в конце 10-х чисел октября (ср. запись на л. 32, датируемую началом 20-х чисел); еще полторы строки появляются на л. 35 ниже письма к Вяземской (конец октября); окончена же первая редакция стихотворения на л. 37 об. в первых числах ноября (на л. 37 окончание письма к Жуковскому от 31 октября 1824 г.).

После этого стихотворение в первой редакции (с заголовком «Клеопатра») было переписано набело в тетради ПД № 833 (л. 32 об.—34). Последующие переработки стихотворения относятся к 1828 и 1830 гг. (см.: II, 1170).

«Жених» (II, 409—412, 957—964).

Пушкин начал писать балладу на л. 30 незадолго до 20 октября 1824 г. Очевидно, работа над ней велась с некоторыми перерывами. К тому времени, когда первая страница была дописана до конца, на обороте ее, в самом верху, уже были занесены строки из «Клеопатры». Однако не позже конца октября здесь же (л. 30 об.) баллада была продолжена (если бы страница после строк из «Клеопатры» не была бы к этому времени заполнена, то строка «Последний имени векам не передал» была бы записана именно здесь, а не на л. 35).

Связный, последовательный текст, расшифрованный в академическом издании, доведен до описания приготовлений к приезду жениха: «И мед варят на славу...» (II, 963). Далее из строк, теснящихся в конце л. 30 об., выделено несколько набросков продолжения баллады. Может создаться впечатление, будто последняя из последовательных строф была записана лишь наполовину. На самом деле в нижней левой части л. 30 об. мы находим не зарегистрированные в академическом издании строки — хотя и не отделанные до конца, но представляющие собою вариант второй половины этой строфы, близкий (в верхнем слое автографа) к окончательному тексту:

За столом
Невесту
Поют подружки, плачут,
А вот и сани скачут.

Следующая страница (л. 31) была, по всей вероятности, уже занята строфами четвертой главы «Евгения Онегина»; поэтому по обыкновению, заполнив полностью оборот л. 30, Пушкин обращается к ближайшей предшествующей странице, где осталось свободное место, и здесь (л. 29 об.) продолжает работу над балладой:

На двор жених, уж на крыльце,
Поднялся, [в избу] входит
На всех с улыбкой на лице
[Он] важный взор наводит —

С собольей шубой на плечах
С бобровой шапкою в руках
[И сапожок с подковкой]
С немецкою подковкой.

Строфу эту заметил еще Якушкин, воспроизведший в своем описании строки 5—6 (Як., с. 10). Позже она (правда, не совсем верно, с нарушением строфического строения) была отмечена в статье, посвященной творческой истории баллады,²⁷ но тем не менее не попала в варианты академического издания. Лишь при характеристике источников текста в примечаниях здесь указывается: «...Черновой автограф в тетради ЛБ № 2370, л. 29—30 об. Опубликованы два стиха из группы стихов, соответствующих стихам 17—24 основного текста, В. Е. Якушкиным...» (II, 1164). Однако здесь содержатся две ошибки. Во-первых, черновой автограф расположен не на четырех страницах тетради, а на трех: на л. 29 об.—30 об. Во-вторых, строки, опубликованные Якушкиным, не имеют, конечно, отношения к первому описанию жениха (в эпизоде катания на санях).

Отметим, что, закончив работу над строфой «Во двор жених...», Пушкин имел возможность на той же странице продолжить балладу, так как левый нижний угол страницы был в то время еще свободен: стихотворение «Напрасно ахнула Европа» было записано здесь значительно позже. Однако на долгое время Пушкин потерял интерес к замыслу баллады и вернулся к ней спустя несколько месяцев (помета на беловом эпиграфе ПД № 69—30 июля 1825 г.). Записанную на л. 29 об. строфу он, стремясь к динамичности рассказа, в окончательную редакцию не включил, уместив информацию о приезде жениха в полстроки: «Вот и жених — и все за стол...».

«Презрев и пени укоризны» (II, 349, 879—882).

Тема этого стихотворения была намечена в конце марта 1824 г. (л. 7) в Одессе, в связи с планами побега за границу.²⁸ Тогда среди черновиков окончания письма Татьяны (а следовательно, одновременно с ним) Пушкин набросал две строки:

О да простит [отчизна] мне
Моей Отчизны

Теперь же, в конце октября 1824 г., на л. 35 об. (на л. 36 об.—37 черновик письма к Жуковскому от 31 октября 1824 г.) Пушкин возвращается к мысли о побеге в силу ощущения совершенной безысходности своего положения после ссоры с отцом. Чтобы освободиться из-под родственно-полицейского надзора, он готов даже отправиться «в одну из крепостей», как пишет о том псковскому губернатору Б. А. Адеркасу (см.: XIII, 115—116).

Стихотворение не было завершено, но тема гонимого пророка («несть пророк в отечестве своем») в дальнейшем вошла в преобразованный в ноябре 1824—мае 1825 г. цикл «Подражания Корану».

В академическом издании первая строка печатается так: «Презрев и голос (?) укоризны» (ранее иногда печаталось: «Презрев и шепот укоризны»). Между тем третье слово (оно написано крайне неразборчиво) следует скорее всего читать как «пени».²⁹ Слово «пени» (множественное число) предпочтительнее слова «голос» («шепот») и в том отношении, что при окончательной отделке черновика Пушкин, вероятно, добивался параллелизма грамматических форм в первых двух строках:

Презрев и пени укоризны,
И зовы сладостных надежд...

²⁷ См.: Кукулевич А. М., Лотман Л. М. Из творческой истории баллады Пушкина «Жених». — В кн.: Временник Пушкинской комиссии, т. 6. М.—Л., 1941, с. 83.

²⁸ См.: Цявловский М. А. Тоска по чужбине у Пушкина. — В кн.: Цявловский М. А. Статья о Пушкине. М., 1962, с. 131—156.

²⁹ Ср.: Словарь языка Пушкина, т. III. М., 1959, с. 291—292.

«Сабурову» (II, 350, 882—883).

Стихотворение (вчерне) записано на л. 35 об. позже, нежели набросок «Презрев и пени укоризны», но, по-видимому, вскоре после него, как отклик на не дошедшее до нас письмо Л. С. Пушкина, полученное в Михайловском в 20-х числах ноября. Ср. в ответе А. С. Пушкина: «Скажи Сабурову, чтоб он не дурачился, усвести его» (XIII, 123); позже, 23 апреля 1825 г., он снова предупреждает брата: «Если Сабуров не уехал еще в Одессу, то попроси его обо мне там ничего не врать» (XIII, 163).

«Пока тебя супруг, красавицу младую» (II, 344, 876).

Стихотворение (вчерне) написано на л. 38 в конце ноября (на л. 40 письмо к Вяземскому от 29 ноября 1824 г.) и, по-видимому, связано с работой Пушкина над «Подражаниями Корану» (на л. 38 об. автограф стихотворения «Торгуя совестью пред бледной нищетой»). О том, что в стихотворении речь идет, скорее всего, именно о Магомете, свидетельствует следующее: согласно Корану, мусульманин мог иметь четыре жены, для самого же пророка здесь оговаривалось исключение (ср.: «Пока супруг тебя, красавицу младую, Между шести других еще не заключил...»). В состав цикла стихотворение, однако, не было включено — из-за отразившегося в нем европейского (немусульманского) мирозерцания (ср. совершенно иное по тону второе «Подражание Корану» — «О жены чистые пророка»).

«Фонтану Бахчисарайского дворца» (II, 343, 872—875).

Стихотворение написано на том же листе — л. 38, ниже предыдущего и одновременно с ним. Возвращение к крымским впечатлениям могло быть связано не только с работой над «Подражаниями Корану» (мусульманский Крым здесь невольно вспоминался) и «Евгений Онегин», но и с работой над автобиографическими записками, которые очевидно, в ноябре 1824 г. были доведены до воспоминаний о путешествии в Крым. Не случайно в начале ноября Пушкин просит брата прислать «Путешествие по Тавриде» Муравьева (XIII, 119). Вероятно, к концу ноября эта книга была уже получена и откликом на нее послужило третье, центральное четверостишие:

Фонтан любви, фонтан печальный!
И я твой мрамор вопрошал:
Хвалу стране прочел я дальюй,
Но о Марии ты молчал...

В книге Муравьева-Апостола приводится перевод «любопытной надписи» над фонтаном (она опущена в отрывке из книги, приложенном ко второму изданию поэмы «Бахчисарайский фонтан»): «Слава всевышнему богу! Возвеселилось вновь лицо Бахчисарая, благотворным о нем попечением светлейшего Керим-Гирея хана. Он-то утолит жажду страны своея щедрою рукою и тщится еще вящще оказать благоденствие, когда будет на то помощь божия. Попечительным старанием своим он открыл славный ток воды. Ежели есть другой подобной красоты фонтан, да предстанет он! — Видели мы города Шам и Багдад, но такого прекрасного фонтана нигде не видывали».³⁰

В начале декабря на л. 42 об.—44 в «Письме к Д.» Пушкин упоминает этот фонтан в ином, сугубо прозаическом ключе («...увидел я испорченный фонтан; из заржавой железной трубки по каплям падала вода»).

«Иван-царевич по лесам...» (II, 473).

Начало сказки написано в конце ноября на л. 40 (ниже на том же листе письмо к Вяземскому от 29 ноября 1824 г.) — это несомненное от-

³⁰ Муравьев-Апостол И. М. Путешествие по Тавриде в 1820 году. СПб., 1823, с 110—111.

ражение бесед с Ариной Родионовной (ср. в письме к брату, написанному в первой половине ноября: «Знаешь ли мои занятия? <...> вечером слушаю сказки — и вознаграждаю тем недостатки проклятого своего воспитания. Что за прелесть эти сказки! каждая есть поэма!» — XIII, 121).

«Лизе страшно полюбить» (II, 359, 904).

Стихотворение записано (черновой набросок) на л. 41 об., между строфой IVд четвертой главы «Онегина» и письмом к Д. М. Шварцу от 4—8 декабря; следовательно, также относится к началу декабря. По теме оно связано с намеченным в строфе IVд онегинским приговором женщинам:

Но вообще клянусь пред вами —
Что женщины не знают сами
Зачем они [того берут]
[Зачем].

(VI, 342)

Беловой автограф стихотворения — в тетради ПД № 833 (л. 10 об.); эпиграмма занесена сюда не по порядку заполнения тетради, а приписана на оставшемся свободным нижнем поле — между двумя ультраромантическими элегиями: «Умолкну скоро я. Но если в дни печали» (л. 10—10 об.) и «Мой друг, забыты мной следы минувших дней» (л. 11—11 об.).

«Послание к Л. Пушкину» («Что же? будет ли вино?..») (II, 361, 905).

Черновой набросок написан на л. 42 в начале декабря 1824 г. Отрывок из стихотворения впоследствии помещен в примечании к «Евгению Онегину» (к XLV строфе четвертой главы — VI, 193).

«Сожженное письмо» (II, 373, 921—922).

Беловой автограф с поправками находится на л. 51. В первом издании стихотворений Пушкина (СПб., 1826) это произведение датировано 1825 г., и на этом основании оно впоследствии (так и в «большом» академическом издании) всегда печаталось среди стихотворений этого года. Между тем по положению в тетради (ср. даты на л. 52: 31 декабря 1824 г. и 1 января 1825 г.) этот текст должен датироваться последними днями 1824 г. (черновик же был написан еще раньше). Напомним, что в так называемой капнистовской тетради это стихотворение не датировано (РП, с. 229); обозначение его 1825 г. появилось только в цензурной рукописи сборника, подготовленной Плетневым. Поправки в автографе, конечно, сделаны несколько позже (возможно, в марте 1825 г., когда была изготовлена капнистовская тетрадь), но они носят частный характер и не дают принципиально новой редакции стихотворения, которое, следовательно, в собраниях сочинений Пушкина должно быть перенесено к произведениям 1824 г.

Как справедливо полагает Т. Г. Цявловская,³¹ с тем же стихотворением связан и набросок, записанный чуть ниже:

Так *нрзб* слезами
Пылая капает сургуч

В академическом издании он напечатан особо, как новый текст (II, 473, 995).

«Вкус верный, острый ум и нравов <?> чистота» (II, 474, 996).

Оборванный на второй строке черновой набросок написан одновременно с беловым автографом элегии «Сожженное письмо» (ниже ее) на л. 51, в конце декабря 1824 г.

³¹ См.: Прометей, т. X. М., 1974, с. 53.

«Смеетесь вы, <что> девой бойкой» (II, 474, 996—997).

Написано стихотворение на том же л. 51 одновременно с элегией «Сожженное письмо», в конце декабря 1824 г. Обращено, вероятно, к А. Н. Вульфу («повесе бойкому»).

«Твое соседство нам опасно» (II, 374, 922—923).

Как и предыдущее стихотворение, написано на л. 51 в конце декабря 1824 г. и посвящено, вероятно, Евпраксии Вульф (ср. в черновых вариантах: «Напрасно вам 16 лет, Напрасно милы вы, как роза»).

Отметим, что на одной странице одновременно с беловым автографом «высокой» элегии «Сожженное письмо» появляются наброски стихов грубоватых и фривольных. Очевидно, чувство, которым была некогда внушена элегия, уже прошло, иначе подобное сочетание было бы почти кощунственным.

«Играй, прелестное дитя» (II, 474, 995—996).

Черновой набросок написан на л. 52, очевидно 31 декабря 1824 г. (в центре листа, под строфой XXIII четвертой главы «Евгения Онегина», даты: 1 января 1825 г. и 31 декабря 1824 г.). Стихотворение также посвящено, видимо, Евпраксии Вульф (ср. стихи, записанные Пушкиным в ее альбоме: «Вот, Зина, вам совет: играйте...» — III, 13).

Отметим, что в тесной связи с двумя последними стихотворениями находится записанная на предыдущей странице строфа XVIIa четвертой главы романа «Но ты — губерния псковская», содержащая выпад против «губернских барышень» и не включенная впоследствии в окончательный текст.

«Наброски к замыслу о Фаусте» (II, 380—382, 928—931).³²

На л. 54 об.—55 в январе 1825 г. Пушкин записывает несколько драматических фрагментов, посвященных посещению ада смертным человеком. В изданиях сочинений Пушкина эти фрагменты печатаются вместе с похожими набросками, один из которых («Скажи, какие заклинанья...») извлечен из тетради ПД № 829 (л. 70), а три других записаны Пушкиным на особом листке ПД № 766 («Вот Коцит, вот Ахерон»; «Кто идет? — Солдат...»; «Что горит во мгле...»). В тетради же ПД № 835 указанные наброски следуют (через отчеркивания) в таком порядке:

<1> « — Что козырь? — Черви. — Мне ходить... ».

<2> « — Кто там? — Здорово, господа... ».

<3> « — Так вот детей земных изгнание... ».

<4> « — Сегодня бал у Сатаны... ».

Что касается наброска «Скажи, какие заклинанья», то он, на наш взгляд, должен быть выделен и помещен среди произведений начала 1820-х годов: хотя он написан карандашом позже окружающих его в тетради ПД № 829 произведений конца 1810-х—начала 1820-х годов, нет никаких оснований относить его к михайловским годам (в этой тетради нет ни одного михайловского наброска), тем более что в начале 1820-х годов у Пушкина существовал самостоятельный замысел так называемой «адской поэмы». ³³ Фрагменты же, записанные на листке ПД № 766, выполнены иным стихотворным размером и, на наш взгляд, не могут быть совмещены с ямбическими набросками в тетради ПД № 835. ³⁴ И в том и в другом случае мы, очевидно, имеем дело с двумя

³² В последнее время было высказано предположение, что эти наброски не связаны с легендой о Фаусте. См.: Алексеев М. П. Незамеченный фольклорный мотив в черновом наброске Пушкина. — В кн.: Пушкин. Исследования и материалы, т. IX. Л., 1979, с. 17—68. Вопрос этот требует дополнительного исследования.

³³ См.: Цявловская Т. Г. «Влюбленный бес». (Неосуществленный замысел Пушкина). — В кн.: Пушкин. Исследования и материалы, т. III. М.—Л., 1960.

³⁴ Ср., например: Пушкин А. С. Собр. соч. в 6-ти т., т. 3. М., 1969, с. 468—470 (здесь все восемь набросков перемешаны между собой).

вариантами (редакциями) экспозиции единого замысла. В первом (ПД № 766) упоминаются переправа в ад («Вот Коцит...»), пароль при входе в ад («Кто идет?...») и котлы с грешниками («Что горит во мгле...»). В другом (ПД № 835) действие начинается уже в аду с мотивировки его посещения («Сегодня бал у Сатаны...») и с первого впечатления героя от парадной залы и потом перемещается также, надо думать, к котлам (ср.: «А где же грешников варят?»), около которых идет картонная игра Смерти с чертями.

В тетради ПД № 835 эти фрагменты записаны, по-видимому, в строго обратном порядке: сначала туда был занесен кульминационный эпизод, а потом Пушкин выстроил предварительные сценки. Следовательно, в собраниях сочинений фрагменты эти нужно печатать в таком порядке:

- <1> « — Сегодня бал у Сатаны...».
- <2> « — Так вот детей земных изгнание...».
- <3> « — Кто там? — Здорово, господа...».
- <4> « — Что козырь? — Черви. — Мне ходить...».

Иллюстрации к этому тексту мы находим на л. 56: фигурки забавных чертей в виде зверушек (среди черновиков продолжения сцены «Чудов монастырь»). Что же касается рисунка на л. 74 об. (среди черновиков четвертой главы «Евгения Онегина») — дьявол в плаще, — то он, скорее всего, относится к другому замыслу — «Сцене из Фауста», над которой Пушкин, по всей вероятности, работал в михайловской тетради в июне—июле 1825 г.³⁵

«Я был свидетелем златой твоей весны» (II, 383, 931—932).

Черновой автограф записан на л. 55 (ниже «адских сцен») в январе—начале февраля 1825 г. Стихотворение посвящено Анне Николаевне Вульф.

«Скажи мне, ночь, зачем твой тихий мрак» (II, 475, 997).

Черновой набросок, оборванный на второй строке на л. 56 об., датируется концом января—началом февраля 1825 г. Остальные записи (а также рисунки) на этой странице были сделаны бледно-коричневыми чернилами позже.

«Он вежлив был в иных прихожих» (II, 474, 997) и «На Воронцова» («Сказали раз царю, что наконец...») (II, 378, 925—927).

Вся страница (л. 57) посвящена М. С. Воронцову. Судя по положению в тетради (учитывая уточненную датировку на л. 58 об. — 59 заметки о «Демоне»), стихотворения, посвященные «полумилорду», написаны в конце января—начале февраля 1825 г. Именно в это время в письме к брату Пушкин спрашивал: «Приехал ли гр. Воронцов»? узнай и отпиши, как он отозвался обо мне в свете, а о другом мне и знать не нужно» (XIII, 143). Тогда он и пишет, вероятно, одну за другой две эпиграммы на Воронцова, причем первоначально строки второй набрасывает (тем же почерком) на л. 2 об. Следующий автограф (перебеленный) той же эпиграммы мы находим в конце тетради ПД № 835, на л. 85. Надо думать, что этот беловик переписывается там в то же время, что и стихотворение «Приателям», записанное чуть выше на той же странице и также в беловом варианте (позже текст стихотворения был перечеркнут). Последнее же стихотворение мы находим в письме к Вяземскому от 25 января 1825 г. (XIII, 136). Что же касается М. С. Воронцова, то мысль о нем постоянно занимала Пушкина в Михайловском: характерный желчный профиль бывшего своего начальника поэт рисует на л. 4 об., 27, 65.

³⁵ См. об этом: Фомичев С. А. «Сцена из Фауста» (история создания, проблематика и жанр). — В кн.: Временник Пушкинской комиссии. 1980. Л., 1983, с. 27.

Начало I песни «Девственницы» («Я не рожден святыню слово-словить...») (II, 451, 980).

Беловой автограф отрывка записан на последней странице тетради (л. 85 об.) — надо полагать, примерно в то же время, что и перебеленные на обороте стихотворения «Прятелям» и «Сказали раз царю», т. е. в конце января 1825 г.

«Ты вянешь и молчишь; печаль тебя снедает» (II, 363, 907—908).

Беловой автограф с поправками и с заголовком «Из Андкрея» Шенье» также записан на одной из последних страниц тетради ПД № 835 (л. 84 об.) и также, вероятно, в конце января 1825 г. В тетради Капниста (см.: РП, с. 229) стихотворение помечено 1824 г. — к этому времени, очевидно, относился не дошедший до нас черновой его автограф.

«Андрей Шенье» (II, 397—403, 937—954).

Учитывая предложенную нами датировку записей на л. 58 об.—59 (февраль 1825 г.) и л. 65 (вторая половина марта—апрель 1825 г.), следует считать, что работа над исторической элегией велась на л. 59 об.—64 не в мае—июне 1825 г., как это обычно считается (II, 1163), а в несколько более раннее время — в феврале—марте. Порядок работы над стихотворением убедительно проанализирован в статье В. Б. Сандомирской.³⁶ Мы полностью согласны с ее наблюдениями над рукописью и поэтому вкратце повторим их.

Работа над элегией шла без серьезных затруднений и только однажды была перебита «боковым» замыслом: на л. 63 параллельно тексту элегии возникает стихотворение «Заступники кнута и плети», отражающее, по справедливому замечанию исследовательницы, «стиль неистовых „Ямбов“ Шенье». Убедительно соображение В. Б. Сандомирской и о том, что предшествующий в тетради основному корпусу стихотворения фрагмент «Куда, куда завлек меня враждебный гений» (л. 59 об.) является не первоначальным наброском, а «элементом окончательной редакции элегии» (к этому следует добавить, что на л. 53 сверху, слева, также помечены слова «куда, куда»). Заголовок «Андрей Шенье в темнице» написан позже первых строк стихотворения и при публикации изменен на «Андрей Шенье», очевидно, по цензурным соображениям.

Закончив элегию, Пушкин, вероятно, оставляет пробельную страницу (л. 64 об.), а на следующей набрасывает заметку об Андрее Шенье (II, 953).

«Словесность русская больна» (II, 417, 966).

Эпиграмма на Каченовского записана на оставленной пробельной странице — л. 64 об., очевидно не позже первой половины марта 1825 г. 14 марта Пушкин писал брату: «Каченовский восстал на меня. Напиши, благопристойен ли тон его критик — если нет — пришлю эпиграмму» (XIII, 152; о нападках Каченовского на «Кавказского пленника» Пушкину сообщал Плетнев в письме от 3 марта, см.: XIII, 148). Как видим, подозревая «неблагопристойный тон» критика, Пушкин пишет на него и неблагопристойную эпиграмму.

«Кюхельбекеру» («Да сохранит тебя твой добрый гений...») (II, 475, 997—998).

Набросок этот записан на л. 59 — очевидно, также в марте 1825 г. В это время после цензурных неприятностей с 4-й частью «Мнемозины» Кюхельбекер опять остается без работы и без средств, однако он полон разнообразных проектов: готов отправиться и в Севастополь, и в Эдинбург, а пока отсиживается в деревне у матери и собирается посетить

³⁶ Сандомирская В. Б. «Андрей Шенье». — В кн.: Стихотворения Пушкина 1820—1830-х годов. Л., 1974, с. 14—18.

Пушкина (см. письмо Пущина к Пушкину от 8 февраля 1825 г.). Конечно же, не случайно соседство замысла обращенного к Кюхельбекеру стихотворения, с одной стороны, с онегинскими строфами о Ленском, с другой — с элегией «Андрей Шенье»: есть нечто общее в психологическом облике и Кюхельбекера, и Ленского, и А. Шенье.

«На небесах печальная луна» (II, 418, 966—967).

Набросок написан на полях л. 68 об. рядом со стихотворением «В пещере тайной в день гоненья» — очевидно, одновременно с ним, а стало быть, в апреле—мае 1825 г. (см. выше раздел о «Подражаниях Корану»).

«Виноград» (II, 342, 870—872).

Стихотворение вчерне набросано карандашом на л. 38 под другим крымским стихотворением — «Фонтану Бахчисарайского дворца», но значительно позже его. Стихотворение «Виноград» не числилось в тетради Капниста, отосланной 15 марта 1825 г. в Петербург, но появилось в издании 1826 г. (с датировкой 1820 г., которая свидетельствует, конечно, не о времени создания произведения, а о жизненных впечатлениях, в нем отразившихся). Следовательно, оно также было написано не позднее мая 1825 г., когда рукопись сборника стихотворений Пушкина была передана в цензуру.

Одновременно с черновиком стихотворения карандашом на л. 38 рисуется и иллюстрация к нему: гроздь винограда.

«Как узник, Байроном воспетый» (II, 472).

Две строки этого наброска (без помарок) написаны на л. 9, после письма к Казначееву, теми же чернилами и почерком, что и записанное чуть ниже второе «Подражание Корану» — «О жены чистые пророка». Учитывая, что окончательное оформление цикла относится к апрелю—маю 1825 г., этим временем можно датировать и данный набросок.

«О дева-роза, я в оковах» (II, 339, 865—866).

Черновой автограф на л. 35 записан позже черновика письма к Вяземской (конец октября 1824 г.). Как и стихотворение «Виноград», датируется мартом—маем 1825 г., так как произведение не упомянуто в капнистовской тетради, но вошло в первое издание стихотворений Пушкина.

«Дружба» (II, 460, 982—983).

Черновой автограф на л. 35 записан одновременно со стихотворением «О дева-роза, я в оковах» (чуть выше его), а следовательно, и датируется также мартом—маем 1825 г. По справедливому наблюдению Т. Г. Цявловской, в стихотворении отражен один из мотивов монолога Алеко над колыбелью сына.³⁷

«Напрасно ахнула Европа» (II, 386).

Это стихотворение переписано набело, наискось в левом нижнем углу л. 29 об. — по всей вероятности, в январе 1826 г. Такая датировка беловика подтверждается тем, что одновременно с автографом стихотворения, посвященного «Полярной звезде» Рылеева и А. Бестужева, Пушкин выше рисует профиль Пестеля³⁸ (тот же профиль намечен на л. 27 об., 80 об., 82 об.). Очевидно, старое стихотворение (написанное в марте 1825 г. по случаю выхода из печати альманаха) вспомнилось Пушкину недаром: в нем теплилась еще надежда, что испытания, обрушившиеся на головы поверженных декабристов, пройдут, как прошел когда-то грозный петербургский потоп.

³⁷ См.: Прометей, т. X. М., 1974, с. 55—56.

³⁸ См.: Цявловская Т. Г. Рисунки Пушкина. М., 1981, с. 157—160.

Ряд стихотворений, вписанных в тетради ПД № 835 на пробельных частях заполненных ранее страниц, мы можем датировать лишь примерно: не позже января 1826 г. (с этого времени тетрадь ПД № 835 уже систематически не заполнялась) и не раньше того времени, когда в основном записана данная страница. Это следующие стихотворения и наброски:

«Т. прав, когда так верно вас» (II, 340, 866—867) — написано на л. 17 после 26 сентября 1824 г. (эта дата помечена выше, после текста «Разговора книгопродавца с поэтом»);

«Лишь розы увядают» (II, 377, 924—925) и «Quand au front de con-vive» (II, 376, 923—924) — русский текст стихотворения, а затем перевод его на французский язык вчерне написаны на л. 56 об., позже имеющегося здесь наброска «Скажи мне, ночь», и датируются временем не ранее января 1825 г.;

«Как жениться задумал царский арап» (II, 338, 865) — черновой набросок записан на л. 36 об., выше письма Жуковскому от 31 октября 1824 г., но явно позже; следовательно, не раньше начала ноября 1824 г. (может быть, этот замысел возник в связи с применением к «Евгению Онегину» об Аннибале на л. 33—33 об., на которое Пушкин обратил внимание, просматривая позже записи в тетради ПД № 835).

Особую текстологическую загадку представляет собою стихотворение, вчерне написанное на л. 1, отчасти по тексту письма к Казначееву от 22 мая 1824 г., но явно позже, нежели это письмо. В академическом издании (II, 472, 993) оно озаглавлено по первой строчке — «Кто ты... не смей?», впрочем, до конца не разобранный. Столь же неуверенно прочитано и почти каждое последующее слово данного стихотворения. Высказывалось предположение, что это эпиграмма на М. С. Воронцова (см.: Летопись, с. 470), однако это можно будет доказать лишь тогда, когда станет понятным хотя бы в общих чертах смысл стихотворения. Написано же оно не раньше 22 мая 1824 г.

Прозаические наброски

«Путешествие по Тавриде прочел я...» (VIII, 998—1001).

На л. 42 об.—44 ретроспективно описываются в форме письма крымские впечатления Пушкина 1820 г. В печати данный набросок появился под названием «Отрывок из письма к Д.» («Северные цветы» на 1825 г.). Существует устойчивое мнение, что это, в сущности, фрагмент из уничтоженных автобиографических записок, причем вспоминается совет Пушкина, высказанный в письме к П. В. Нащокину от 2 декабря 1832 г.: «Что твои мемории? Надеюсь, что ты их не бросишь. Пиши их в виде шпес ко мне. Это будет и мне приятнее, и тебе легче. Незаметным образом вырастает том, а там, поглядишь, — и другой» (XIV, 37).³⁹

Нам все же представляется, что «Письмо к Д.» имеет косвенное отношение к уничтоженным запискам Пушкина. Напомним, что, несомненно пользуясь подневными записями прежних лет, часть которых находилась в рабочих тетрадях и впоследствии была уничтожена, Пушкин, однако, с ноября 1824 г. работает над художественным произведением автобиографического жанра — не над дневником, а над мемуарами. Совет, который он давал в 30-х годах Нащокину, к самому Пушкину неприменим: являясь прекрасным рассказчиком, Нащокин не был литератором, поэтому Пушкин и советует ему писать в виде бесед.

Приступая к запискам, Пушкин и сам несомненно испытывал некоторые затруднения: язык прозы был для него в то время еще непривычен. Но к декабрю 1824 г. он уже втянулся в работу и выработал собственную повествовательную манеру. Безусловно входивший в эти записки и дошедший до нас фрагмент о Карамзине наглядно свидетель-

³⁹ См.: Фейнберг И. Незавершенные замыслы Пушкина. Изд. 7-е. М., 1979.

ствуует, что Пушкин писал записки вовсе не в эпистолярной форме. К тому же, судя по всему, главным в них были не географические реалии, а впечатления от встреч с выдающимися людьми своей эпохи. Трудно представить, что крымский эпизод автобиографических записок не включил бы психологических портретов славного семейства Раевских, совершенно не отразил бы крымских знакомств.

«Письмо к Д.», на наш взгляд, не фрагмент записок Пушкина, а совершенно своеобразный параллельный замысел: иронический корректив писателя-реалиста к своему ультраромантическому произведению — к поэме «Бахчисарайский фонтан».

Между прочим, о том, что крымские впечатления Пушкина были значительно полнее, нежели они изложены в «Письме к Д.», свидетельствуют пометы на л. 35 — среди строк французского письма к Вяземской. Здесь записано: «[Ак-мечеть] [Сеюн-Бору] Ак-мечеть, Сеюн-мирза». В. Е. Якушкин (Як., с. 14) связывает их с замыслами стихотворений на восточные темы, написанных несколько позже (на л. 38). М. А. Цявловский с этим не соглашается (РП, с. 303), уточняя попутно, что «Ак-мечеть» — татарское название Симферополя. Мы полагаем, что эти пометы связаны с работой над автобиографическими записками (крымскими страницами их), но значения названий «Сеюн-бору» и «Сеюн-мирза» пока раскрыть не можем; они не встречаются, в частности, в книге И. М. Муравьева-Апостола «Путешествие по Тавриде в 1820 году». Татарское название Симферополя имеется на приложенной к книге карте в иной транскрипции: «Ахмечеть».

«Заметка о Катенине» (XII, 192, 414).

Закончив в тетради ПД № 835 работу над сценой «Келья в Чудовом монастыре», Пушкин на л. 56 в январе 1825 г. набрасывает заметку о Катенине. Это, конечно, не случайно: работая над трагедией, Пушкин постоянно сопоставлял ее не только с драматургическими шедеврами Шекспира и Гете, но и с лучшими пьесами русского репертуара, к которым он относил «Андромаху» Катенина. Обратим внимание на то, что, согласно пушкинской заметке, пьеса эта «еще в рукописи и не играна». Следовательно, судит об «Андромахе» Пушкин по юношеским впечатлениям (Пушкин слышал ее, вероятно, в великолепном чтении автора). В конце 1824 г. третье действие «Андромахи» появилось в драматическом альманахе «Русская Талия», но он дошел до Пушкина лишь в мае 1825 г. (см.: XIII, 175). Заметка же о Катенине написана в январе 1825 г.

Набросок плана драматической сцены «Скупой рыцарь» (VII, 303).

Написан на л. 80, вероятно одновременно с записанными здесь онегинскими строфами — в начале января 1826 г. (на л. 79 об. помета: 4 января).

В. Б. САНДОМИРСКАЯ

СТИХОТВОРЕНИЯ ПУШКИНА «А. ОЛЕНИНОЙ»
И «Е. Н. УШАКОВОЙ. (В АЛЬБОМ)»

К ВОПРОСУ О ДВУХ РЕДАКЦИЯХ

В начале 1829 г. в пятом номере (первом февральском) московского журнала «Галатея» было впервые напечатано стихотворение Пушкина «В альбом (Е. Н. У...вой)». Летом этого же года оно появилось в печати еще раз — в составе второй части «Стихотворений Александра Пушкина», среди стихотворений 1829 г. Под этим же годом оно было включено Пушкиным и в рукопись 1836 г. при подготовке нового издания.

Дальнейшая история стихотворения в печати — это история его комментирования: раскрытие сокращения в 19-м стихе (в издании сочинений Пушкина под ред. П. В. Анненкова, 1855); раскрытие имени и фамилии адресата стихов — Екатерины Николаевны Ушаковой (в первом издании собрания сочинений Пушкина под редакцией Геннади, 1859); наконец, разъяснение Л. Н. Майкова, что адресат стихотворения не Екатерина Ушакова, а ее младшая сестра Елизавета (1895).¹

Новым в текстологии этого стихотворения явилась публикация В. Е. Якушкина. При описании рукописей Пушкина, поступивших в Румянцевский музей, в тетради № 2371 (теперь — ПД, № 838) на л. 12 об. (по жандармской пагинации) им обнаружен черновик и перебеленный текст стихотворения «Вы избалованы природой»; он привел в своем описании целиком «более разборчивую черновую»,² т. е. перебеленный автограф стихотворения. Якушкин не мог ставить себе целью более тщательное изучение текстов, поэтому в его описании был просто отмечен самый факт существования двух ранее неизвестных черновики известного уже стихотворения, приведен один из них и дана отсылка к собранию сочинений.

Сопоставление новонайденных черновики и известного текста стихотворения впервые было сделано Л. Н. Майковым, отметившим значительные различия между этими черновиками и окончательным текстом. Именно Майков высказал мнение, что обнаруженные Якушкиным черновики представляют собой первую редакцию стихотворения, обращенного к Ел. Н. Ушаковой, расценив самый факт существования двух редакций как свидетельство художнической требовательности поэта: «... нельзя не признать, что только после этой последней отделки стихотворение получило вполне легкую и изящную форму».³

Высказанное Майковым соображение, что черновики, находящиеся на л. 13 об. в тетради ПД № 838 (бывш. ЛБ № 2371), представляют

¹ Пушкин. Собр. соч. Под ред. П. В. Анненкова. Т. II. СПб., 1855, с. 500; Пушкин. Собр. соч. Под ред. Геннади. Т. I. СПб., 1859, с. 427; Майков Л. Н. Знакомство Пушкина с семейством Ушаковых. — В кн.: Майков Л. Н. Пушкин. СПб., 1899, с. 369—370 (впервые: Русское обозрение, 1895, № 9). Все эти сведения приведены в сводке текстологического комментария к стихотворению, подготовленной Н. В. Измайловым для академического издания сочинений Пушкина (III, 1176).

² Русская старина, 1884, т. 43, июль, с. 39.

³ Майков Л. Н. Пушкин, с. 370.

собой первую редакцию стихотворения, обращенного к Ел. Н. Ушаковой, было принято пушкиноведами. Оно вошло в последующие издания стихотворений Пушкина как элемент комментария к этому стихотворению. Это отражено и в текстологическом комментарии «большого» академического издания (III, 194), и в десятитомном издании под редакцией Б. В. Томашевского.⁴

Между тем в исследовании этих стихотворных текстов был сделан следующий, очень важный шаг: в 1935 г. для издания «Рукою Пушкина» (в котором были собраны и прокомментированы записи Пушкина разного характера и назначения, не вошедшие в корпус его сочинений) Т. Г. Цявловской были заново прочтены и прокомментированы два черновика стихотворения «Вы избалованы природой» из тетради ПД № 838.⁵ Здесь в центре внимания исследовательницы было уже не только и не столько сравнение черновых текстов стихотворения с текстом опубликованным, сколько изучение этих черновиков в контексте ближайших записей тетради, в которой они находились. Это позволило, во-первых, поставить вопрос о времени записи и датировать черновики временем «между 5 апреля и 9 мая 1828 года». Во-вторых, выяснение вопроса о дате позволило заключить, что это стихотворение, написанное в апреле—начале мая 1828 г. в Петербурге, где Пушкин с конца 1827 по 19 октября 1828 г. жил безвыездно, не могло относиться к Елизавете Николаевне Ушаковой. Т. Г. Цявловская, исходя из времени создания стихотворения — апрель—начало мая 1828 г. (а «весна 1828 г. была разгаром увлечения Пушкина А. А. Олениной») — и из записей на следующих, соседних страницах тетради (л. 14—15 об.), обращенных к А. А. Олениной, убедительно аргументировала свое суждение, что стихотворение «Вы избалованы природой», написанное в апреле—мае 1828 г., также посвящено Анне Алексеевне Олениной. Это подтверждено и соответствием конкретных черт образа, созданного в стихотворении, и свойств реального лица — предполагаемого адресата стихотворения (например, «очи — сердцу жалы», «ножки очень малы»). Эта атрибуция — иногда как предположительная (Томашевский), иногда как несомненная (Т. Г. Цявловская, в 1959 г., в 10-томном собрании сочинений, изд. Гослитиздатом) — принята современным пушкиноведением. Датировка же этого стихотворения — между 5 апреля и 9 мая 1828 г., предложенная Т. Г. Цявловской, введена в комментарий академического издания. Достаточно точная датировка и определение адресата позволили исследовательнице в дальнейшей работе поставить это стихотворение в связь с событиями жизни поэта 1828 г. В статье 1958 г. «Дневник А. А. Олениной» оно было названо первым стихотворением, обращенным к Олениной, «первым выражением раннего состояния влюбленности».⁶

В публикации 1935 г. Т. Г. Цявловской естественно был затронут вопрос о соотношении стихотворения 1828 г., обращенного к А. А. Олениной, со стихотворением 1829 г., обращенным к Ел. Н. Ушаковой. Но в решении его не было последовательности: с одной стороны, исследовательница по традиции говорила о двух редакциях стихотворения и ссылалась на те случаи, когда поэт вписывал одно и то же стихотворение в альбомы разных женщин (например, стихи «Если жизнь тебя обманет», вписанные в альбом Е. Н. Вульф, а позже в альбом Е. А. Ладыженской; стихи «Из наслаждений жизни», записанные в альбомы и М. Шимановской, и П. А. Бартеневой). С другой стороны, она достаточно определенно характеризовала их как два самостоятельных, не повторяющих друг друга произведения: «Сравнивая редакции 1828 и 1829 гг., мы видим, что первая похожа на окончательную лишь первыми

⁴ Пушкин А. С. Полн. собр. соч. в 10-ти т., т. III. М.—Л., 1949, с. 469 (см. также переиздания).

⁵ Рукою Пушкина. Несобранные и неопубликованные тексты. М.—Л., 1935, с. 650—653.

⁶ Цявловская Т. Г. Дневник А. А. Олениной. — В кн.: Пушкин. Исследования и материалы, т. II. Л., 1958, с. 251, 252.

шестью стихами; дальше же идет совсем иное стихотворение, напоминающее окончательное лишь композицией, построением».⁷

Редакторами «большого» академического издания было предпочтено традиционное решение, и стихотворение 1828 г., обращенное к Олениной, было приведено в разделе «Другие редакции и варианты» как первая редакция стихотворения «Ел. Н. Ушаковой». Так же характеризуется соотношение этих двух стихотворений и в десятитомном собрании сочинений Пушкина под ред. Б. В. Томашевского, в котором первое приведено в разделе «Из ранних редакций», а в комментарии к стихотворению «Ел. Н. Ушаковой» сказано, что «стихи являются переделкой чернового стихотворения 1828 г., написанного, вероятно, для Олениной. Они почти совпадают в первых шести стихах».⁸ Между тем в десятитомном собрании сочинений, выпущенном Гослитиздатом, в котором тома лирики были прокомментированы Т. Г. Цявловской, акценты были поставлены иначе. Она отмечала, что в стихотворении 1829 г., посвященном Ел. Н. Ушаковой, «поэт использовал первое четверостишие мадригала, предназначавшегося Олениной (1828), но не обработанного и не переданного ей».⁹

Итак, налицо два решения вопроса о характере соотношения между стихотворениями «Вы избалованы природой» 1828 г. и стихотворением «Ел. Н. Ушаковой» 1829 г. Традиционное решение видит во втором лишь переделку, новую редакцию первого, только с новым адресатом; Т. Г. Цявловская видела в них два разных стихотворения, из которых первое не было отдано адресату, что позволило поэту использовать вступительную часть этого стихотворения в начале второго.

Вопрос этот существует для подготовки нового издания сочинений Пушкина. То или иное решение его определяет место подачи стихотворения 1828 г. в издании — в корпусе сочинений или в разделе «Другие редакции». Этим определяется необходимость заново рассмотреть творческую историю стихотворения 1828 г. «Вы избалованы природой», на основе изучения его черновиков в тетради ПД № 838 и их соотношения с окружающими записями, и, во-вторых, необходимость сравнительного анализа обоих стихотворений, который позволил бы определить степень зависимости одного от другого. Собственно, этими двумя задачами определены замысел предлагаемой работы и содержание ее двух разделов.

1

Стихотворение «Вы избалованы природой» записано в тетради ПД № 838 (бывш. ЛБ № 2374) на обороте л. 13 (по архивной пагинации), на одной и той же странице — и черновой и перебеленный текст. Оба они не датированы, поэтому вопрос о времени создания стихотворения приходится решать исходя из сопоставления с окружающими записями.

С начала тетради стихотворению предшествуют только два замысла — это черновики строф для седьмой главы «Евгения Онегина» (л. 3—11) и первые наброски большого, пока еще не оформившегося замысла — «Была та смутная пора» (л. 11 об.—13). Среди черновиков того и другого находим даты — «19 февр.» (л. 6) и «5 апр.» (л. 12). На ближайших последующих листах сделаны следующие записи (в постраничном порядке): л. 14, левый столбец — «Увы язык любви болтливый»; сверху правого столбца — сделанная тогда же запись дневникового характера «9 мая 1828. Море. Оленина» Дау»; под нею — начало карандашного черновика «Снова туча надо мною», наброски продолжения к которому находим также на л. 16, 18, 18 об., 19 и 19 об.; на л. 14 об.—15 об. —

⁷ Ручко Пушкина, с. 653.

⁸ Пушкин А. С. Полн. собр. соч. в 10-ти т., т. III. М.—Л., Изд. АН СССР, 1949, с. 495 (изд. 2-е — М., 1957; изд. 3-е — М., 1963; изд. 4-е — Л., 1977).

⁹ Пушкин А. С. Собр. соч. в 10-ти т., т. II. М., Гослитиздат, 1959, с. 707 (изд. 2-е — М., 1974).

черновик «Воспоминания» («Когда умолкнет шумный день»), с датой «19 мая» в конце; на л. 15 об. записаны также две датированные пометы для памяти: «18 мая у Кисел<ева> Голиц<ын> etc.» и «20 мая 1828 При<ютино>»; из них последняя связана с записанным на этом листе стихотворением «Холодный Вы сердечным Ты»; далее, на л. 16, черновик перевода «Из Анакреона» («Кобылица молодая...») с датой «6 июня»; на л. 16 об. записано начало «Сказки о царе Салтане», а рядом на л. 17 — программа ее продолжения.

Из приведенных дат ближайшими к текстам стихотворения «Вы избалованы природой» являются дата «5 апр.» на л. 12 (предшествующая) и «9 мая 1828» на л. 14 (последующая). Именно на них опиралась Т. Г. Цявловская в своей датировке, исходя при этом из представления о последовательном, страница за страницей, занесении записей в тетрадь, т. е., конкретно, из того, что черновик стихотворения был вписан в тетрадь после того, как появились первые записи к «Полтаве» на л. 11 об.—13, а записи на л. 14 и последующих были сделаны не раньше, чем на л. 13 об. было вчерне записано интересующее нас стихотворение.

Однако некоторые особенности положения стихотворения в тетради и на листе заставляют усомниться в правильности этого исходного положения. Как первая особенность этого текста должно быть отмечено различное направление записей — на л. 13 об. и на окружающих его листах. Все записи на л. 3—13 и 14—17 сделаны при прямом положении тетради, при котором листы ее переворачиваются как листы книги, т. е. справа налево. Между тем стихотворение «Вы избалованы природой» на л. 13 об. — единственная на протяжении четырнадцати листов запись, сделанная при повороте тетради вправо (так что листы ее переворачивались от себя). В этом новом направлении сделаны записи на л. 17 об. (здесь запись дневникового характера с датой «25 июня»), л. 18 об. (черновик «Воспоминаньем упоенный»), л. 21 об. (черновик «Анчара»); в этом же направлении, начиная с л. 18 об., писался и черновик «Полтавы», и набросок повести «Гости съезжались на дачу» (л. 28—37); следовательно, Пушкин довольно долго вел записи в таком положении тетради. Поскольку одна из первых записей, сделанных в этом направлении, датирована «25 июня 1828», мы должны принять к сведению эту дату и выяснить, могло ли стихотворение «Вы избалованы природой» быть записано в тетрадь около или после 25 июня 1828 г., или это совпадение направления записей чисто случайное.

Второй особенностью текстов на л. 13 об. является то, что черновик и беловик стихотворения записаны на одной и той же странице, но в разных направлениях: черновик Пушкин писал, повернув тетрадь вправо, с левой стороны страницы, а справа на образовавшемся поле вписывал правку и переделки; беловик же занимает четверть страницы внизу черновика, вписан убористым почерком боком к черновому тексту, при прямом положении тетради. Поэт явно экономил место с тем, чтобы переписать стихотворение набело на этом же листе, рядом с черновиком. Если бы, как предполагали Цявловская и Измайлов, оно было первым в числе записей этой тетради, связанных с именем Олениной, т. е. если бы лист 14, соседний с л. 13 об., был еще чистым, то не было бы необходимости уместить беловик на узенькой полоске листа под черновиком. Такая необходимость может быть объяснена только одним — тем, что к тому времени, когда Пушкин работал над стихотворением «Вы избалованы природой», соседний лист, л. 14, был уже занят, заполнены оба столбца, так что Пушкин, если он не хотел отделять беловик от черновика еще несколькими листами, должен был приберечь место для беловика на том же листе.¹⁰

¹⁰ Случай такой записи — далеко не единственный у Пушкина. Подобные ему можно указать в той же тетради, например эпизод о трех кладах (дополнение к II песни «Полтавы»), записанный в два столбца на полях основного черновика II песни поэмы — см. ПД № 838, л. 51 об., 51, 50 об., 53 (см.: Сандомирская В. Б. Рабочая тетрадь Пушкина ПД № 838. История заполнения тетради. —

Запись в левом столбце л. 14 — «Увы, язык любви болтливый» — датирована «9 мая 1828». В правом столбце находится черновик стихотворения «Предчувствие» — «Снова туча надо мною». Это — начало черновика, записанного остро заточенным карандашом, а продолжение и окончание его записаны тем же почерком и тем же острым карандашом на л. 16 (один стих, возле черновика подражания Анакреону — «Кюбылица молодая», записанного чернилами и датированного «6 июня») и на л. 18 (вторая часть стихотворения — в правом столбце, рядом со строфой для седьмой главы «Евгения Онегина», занимающей левый столбец страницы). Как уже отмечено нами при изучении тетради ПД № 838, «Предчувствие» сочинялось Пушкиным в процессе просмотра тетради, точнее — при просмотре первых набросков к поэме о Мазепе и Кочубее (отсюда эта особенность записи — через 2—3 страницы); датируется оно 3—19 августа 1828 г., т. е. временем между первым и вторым вызовом в канцелярию военного генерал-губернатора Петербурга для показаний по делу о «Гавриилиаде», которое и было воспринято поэтом как грозная туча над головой, как новая угроза «рока».¹¹ Исходя из предположения, что стихотворение «Вы избалованы природой» появилось в тетради после «Предчувствия», следует заключить, что оно было написано после 3—19 августа или, по крайней мере, в промежутке между этими двумя датами. Самый факт появления этой сравнительно поздней записи среди стихотворений, помеченных майскими и июньскими датами, а не среди августовских записей подтверждает основательность предположения Т. Г. Цявловской об адресате стихотворения. Действительно, стихотворения этой тетради на л. 13 об., 14, 15 об. и 16, из которых два майских, одно — написанное в июне и два — в августе, соединены здесь не случайно. Здесь не может быть речи о циклизации: стихотворения 1828 г., так или иначе связанные с именем А. А. Олениной, в собрании стихотворений, в пределах 1828 г., идут под номерами IV, V, XI, XIII и XVI;¹² здесь нет и стремления собрать воедино все стихотворения, посвященные или обращенные к этому лицу, — вне тетради остались такие стихи, как «To Dawe, ESQ^r», «Ее глаза», «Город пышный, город бедный» (автографы этих трех стихотворений не сохранились); но несомненно желание как-то локально соединить записи этой тетради, связанные с одним и тем же лицом (нечто подобное в пределах этой тетради мы встретим еще раз: возле черновика стихотворения «Счастлив, кто избран своенравно» (л. 23 об.) на поле записаны названия еще двух ранее сочиненных стихотворений, обращенных, как и первое, к одному и тому же лицу — А. Ф. Закревской).

Итак, стихотворение «Вы избалованы природой» появилось в тетради в 1828 г., но не между 5 апреля и 9 мая, как считается до настоящего времени, а несколько позднее — после 3 августа. Таким образом, в творчестве Пушкина оно оказывается не первым из стихотворений, обращенных к А. А. Олениной, а одним из поздних; в нашей тетради это последняя из записей, связанных с ее именем. То, что стихотворение находится на листе, предшествующем более ранним записям, не должно вводить в заблуждение: оно записано на чистой странице, оставляемой обычно Пушкиным как пробел между записями разного характера или между оставленной и начинаемой работой, записано тогда, когда все ближайшие листы были уже заняты.

Это небольшое, в четыре месяца, уточнение, возможно, и не имеет

В кн.: Пушкин. Исследования и материалы, т. X. Л., 1982, с. 258). Другим примером такой записи может служить перебеленный, с правкой, текст «Ямба» («Поэт и толпа», 1828) в автографе ПД № 103: переписав первую часть стихотворения в тетрадь с беловиком «Полтавы» (ПД № 839), Пушкин затем вырвал этот листок, и так как вторая часть «Ямба» не уместилась на оставшейся чистой части листка, окончание его записал слева на поле и отчасти поперек текста (воспроизведено: Пушкин. Исследования и материалы, т. IV. М.—Л., 1962, с. 356).

¹¹ См.: Сандомирская В. Б. Рабочая тетрадь ПД № 838..., с. 244—245.

¹² См.: Стихотворения Александра Пушкина, ч. 2. СПб., 1829, с. 120, 121, 131, 135, 140.

большого значения для определения места стихотворения среди других стихотворений 1828 г. Но оно может кое-что объяснить в необычной истории произведения.

«Вы избалованы природой» — стихотворение, по преобладающему комплиментарному характеру представляющее собою мадригал. Поэтому среди всех остальных стихотворений Пушкина, обращенных к Олениной, оно естественно воспринималось как первое. По мнению Т. Г. Цявловской, оно «было первым выражением раннего состояния влюбленности, когда человек стремится передать стихами свое постоянное влечение к милой ему девушке».¹³ Но поскольку здесь установлено, что оно не первое, то мадригальный характер его заставляет предположить, что это могли быть стихи «на случай», предназначенные для какой-то даты. Какой же повод для поднесения стихов мог быть в жизни А. А. Олениной после 3 августа? Ее дневник позволяет с определенностью назвать этот повод: 11 августа был день ее рождения. «Настал желанный день. Мне минуло, увы, 20 лет», — записывает она под этой датой. Она перечисляет гостей, собравшихся у Олениных в этот день: Сергей Голицын, Крылов, Гнедич, Глинка и др. «Приехал, по обыкновению, Пушкин, или Red-Rowe, как прозвала я его. Он влюблен в Закревскую. Всё об ней толкует, чтобы заставить меня ревновать, но притом тихим голосом прибавляет мне разные нежности».¹⁴ Позднее, за обедом, ее все поздравляли. «Я краснела, благодарила и была в замешательстве», — записывает А. А. Оленина.¹⁵ По-видимому, для этого момента или во всяком случае для этого дня и предназначалось стихотворение Пушкина. Это позволяет нам предположить узкую датировку его — 3—11 августа 1828 г.

Кстати, об этой датировке: уточняя таким образом время работы над этим стихотворением, мы тем самым более точно определяем и время создания «Предчувствия» («Снова тучи надо мною»). Черновик «Предчувствия» был набросан в один день, одним и тем же карандашом и почерком, и появление его в тетради на л. 14, 16 и 18 предшествовало работе над стихотворением «Вы избалованы природой». Следовательно, датировать его нужно временем по крайней мере не позже 11 августа — времени окончания последнего, т. е. оба стихотворения написаны в пределах 3—11 августа.

2

Рассмотрев такие существенные для творческой истории стихотворения вопросы, как вопрос о времени работы над ним, об адресате и о поводе к написанию, обратимся теперь к вопросам его внутренней структуры. Здесь нам предстоит проанализировать вопрос о степени завершенности стихотворения, посвященного А. А. Олениной, и о причинах, по которым Пушкин предпочел оставить его в своем портфеле, и, во-вторых, вопрос о том, каково соотношение между двумя стихотворениями, обращенными к А. А. Олениной (1828) и к Ел. Н. Ушаковой (1829): следует ли видеть в них две редакции одного и того же стихотворения, в заглавии которого только одно имя заменено другим, или же это два разных стихотворения?

Черновой автограф стихотворения, над которым Пушкин работал в 1828 г., свидетельствует, что, приступая к нему, поэт не имел еще целого замысла, на котором строилось бы все стихотворение.¹⁶ Вначале он записал сложившееся в уме первое четверостишие и сделал набросок второго. Но набросок не удовлетворил его и был сразу же зачеркнут, хотя в дальнейшей работе Пушкин сберег парность рифм и упоминание характерных черт облика героини стихотворения — «дивных этих глаз»

¹³ Цявловская Т. Г. Дневник А. А. Олениной, с. 252.

¹⁴ Там же, с. 267.

¹⁵ Там же, с. 268.

¹⁶ Анализ черновика подготовлен Н. В. Измайловым (см.: III, 717—719).

Однако стихи, предназначавшиеся в подарок А. А. Олениной, не были отданы ей. Причины этому могли быть самые разные. Но обращение к тексту стихотворения позволяет думать, что первой причиной могло быть недовольство автора своим произведением.

К началу августа 1828 г. — времени работы над этим стихотворением — Пушкиным были написаны и, по-видимому, известны А. А. Олениной такие связанные с ее именем стихотворения, как «То Dawe, ESQ^r», «Ты и Вы», «Ее глаза» (в ответ на стихи князя Вяземского), «Не пой, красавица, при мне». Все они, за исключением последнего, написаны в традиционной форме мадригала. Конкретный жизненный факт, положенный в основу каждого из них, придавал естественность и искренность выражения комплименту, а эффектная концовка, удачно найденная в каждом случае, завершала мадригал изящным *pointe*. Все они вдохновлены мыслью или чувством, вызванным каким-либо событием или фактом; включение событийного элемента, как некой организующей, «сюжетной» основы стихотворений, несколько приглушало их комплиментарность, сообщая в то же время своеобразие мадригалу.

В этом ряду новое стихотворение несомненно проигрывало. В сравнении с другими стихотворениями Пушкина, обращенными к А. А. Олениной или содержащими упоминание о ней, оно воспринимается как описательный и холодный мадригал рядом со стихами, вырвавшимися из души. Такое впечатление оно производит благодаря подчеркнутости, обнаженности комплиментарного задания и, во-вторых, вследствие растянутости этой «хвалы», рассредоточенной в частностях и деталях портрета. Впечатлению целого вредит и то, что хвала, которую поэт воздает красавице, предстает здесь как ее самосознание, сознание ею своих достоинств, а не как суждение поэта или общее мнение — «молва»; поэтому и эффектная концовка, в которой речь идет о хвалебной «молве», о хвале, внушенной сердцем и разумом поэта, звучит не как итог, не как естественное завершение стихотворения, а скорее как неожиданность, не подготовленная развитием его основной мысли.

Подтверждение тому, что Пушкин был недоволен этим своим произведением, можно видеть в работе над новым стихотворением, обращенным к Ел. Н. Ушаковой. В нем поэт использовал некоторые находки забракованного и оставленного в черновиках произведения. Полезно установить, чем именно он воспользовался и от чего отказался, что в стихотворении 1828 г. оказалось не нужно ему при работе над новым стихотворением, и проверить тем самым установившееся суждение о том, что стихотворение 1829 г. представляет собою другую редакцию стихотворения 1828 г., посвященного Олениной.

Как уже отмечалось выше, суждение о двух редакциях основано на сходстве первых шести стихов в обоих стихотворениях. Однако, при всем сходстве, в стихотворении 1829 г., даже в этих шести стихах, есть две небольшие, но характерные замены: «Вам кажется докучной одой» (вместо «модой») и «Что вас любить не мудрено» (вместо «хвалить»). Стих «Вам кажется докучной одой» был невозможен в стихотворении, обращенном к Олениной, — по первому из стихотворений Пушкина, написанных к ней («Увы, язык любви болтливый»; опубликовано посмертно) нам известно, что был

... сладок уху милой девы
Честолюбивый Аполлон,
Ей милы мерные напевы,
Ей сладок рифмы гордый звон.

(III, 100)

Известно, что А. А. Оленина-Андро и в старости хранила обращенные к ней стихи Пушкина и гордилась ими, ей ода поэта не могла быть докучна. Между тем последний вариант (введенный в стихотворе-

ние 1829 г. лишь при подготовке второй части «Стихотворений А. Пушкина», 1829), переключаясь с 11—12-м стихами:

И наши рифмы, наша проза
Пред вами шум и суета,

добавляет новый штрих в характеристике той, к кому обращено стихотворение.

Вторая замена — «хвалить» на «любить» в шестом стихе — позволяет судить об изменении замысла в стихотворении 1829 г. по сравнению с замыслом 1828 г. Если там цель поэта — создание мадригала, «хвалы» — отражена и в самой лексике стихотворения («страстная хвала», «хвалить немудрено», «иногда и сердце хвалит»), то в обращении к Ел. Н. Ушаковой Пушкин отказывается от этой задачи. Адресат его нового стихотворения — молодая и прелестная девушка, уверенная в силе своей красоты, в том, что ее «любить немудрено». Ее портретная характеристика, как и в стихотворении 1828 г. данная через самосознание героини, несколько гиперболлизирована:

Вы сами знаете давно,
Что вас любить немудрено,
Что нежным взором вы Армида,
Что легким станом вы Сильфида,
Что ваши алые уста,
Как гармоническая роза...
И наши рифмы, наша проза
Пред вами шум и суета.

(II, 149)

Поэт не рискует расточать похвалы гордой красавице и тем привлечь ее внимание. Цель его стихотворения гораздо более скромная — смиренная надежда, что, записанное в альбом, оно когда-нибудь напомнит владелице о поэте:

Авось на память поневоле
Придет вам тот, кто вас певал...

Итак, в стихотворении, в его композиции явно ощущаются две части, соединенные противопоставлением: для хвалы писать бессмысленно, но я пишу в надежде на воспоминание красавицы. Эта двухчастность отчетливо видна и в рифмовке стихотворения. Стихи, писавшиеся в 1828 г. для Олениной, в этом отношении представляли строго обдуманное единство, своего рода монострофу из 16 стихов, в которых средние восемь стихов парной рифмовки обрамлены двумя четверостишиями охватной рифмовки. Стихотворение 1829 г., обращенное к Ел. Н. Ушаковой, несколько больше по количеству стихов — в нем не 16, а 20 строк. В нем сохранена система рифм, найденная для пьесы 1828 г.; так построена первая его часть (12 стихов), с той разницей, что стихов, связанных парной рифмой, здесь наполовину меньше, т. е. не восемь, а четыре; вторая же часть, остальные восемь стихов, соединены в два четверостишия перекрестной рифмовкой (формула рифмовки выглядит следующим образом: AbbAccDDeFFeGhGhJjJj).

Итак, различие между двумя стихотворениями достаточно значительно, оно не только в именах, которые выставлены или предполагаются в заглавии. Сильно отличаются портреты девушек: в стихотворении 1828 г. детализированный, с конкретными чертами облика и характера, в стихотворении 1829 г. обобщенный и гиперболлизированный. Различно и их лирическое настроение, ровно сердечное в первом и с легким оттенком иронии во втором. Отличаются стихотворения и по общему замыслу: в 1828 г. это «хвала», а в 1829 г. отказ от мадригала, поскольку он в глазах красавицы не более как «шум и суета»; отсюда необходимость второй части и, как следствие, различия в стихотворной форме, в характере рифмовки и т. д.

Все это не позволяет принять ставшее уже привычным представление об этих стихотворениях как о двух редакциях одного и того же замысла. Это разные произведения, но произведения одного жанра, жанра альбомного мадригала; кроме того, это произведения, в которых детали, отдельные элементы первого послужили как бы строительным материалом для второго. Стихотворение 1828 г. Пушкиным никогда не предполагалось к изданию. Оно сохранилось лишь в черновиках в составе тетради ПД № 838 и не упомянуто ни в одном из списков произведений, предназначавшихся к изданию. Самый факт использования нескольких строк из него в другом, новом стихотворении является свидетельством того, что оно не только не было опубликовано, но и никогда не было поднесено, не было известно той, для кого оно написано.

Однако это не умаляет прав стихотворения на место в академическом издании Пушкина. Мы старались показать, что место его — в корпусе сочинений, среди стихотворений 1828 г., а не в отделе других редакций и вариантов.

Ю. В. С Т Е Н Н И К

КОНЦЕПЦИЯ XVIII ВЕКА В ТВОРЧЕСКИХ ИСКАНИЯХ ПУШКИНА

Интерес к XVIII веку прослеживается на всем протяжении творческого пути Пушкина. Естественно поэтому поставить вопрос: укладывались ли взгляды поэта на роль этой эпохи в истории России в рамки законченной концепции?

Многообразие свидетельств обостренного внимания Пушкина к предшествовавшему столетию позволяет выделить несколько аспектов решения им этой проблемы. Каждый аспект будет составлять основу определенной системы взглядов на XVIII век, и различия в их идейном содержании будут логически соотноситься с общей эволюцией мирозерцания Пушкина — художника и мыслителя.

Первые свидетельства оценок Пушкиным XVIII века и его значения в истории России встречаются уже в лицейской лирике поэта, в стихотворении «Воспоминания в Царском Селе».

О громкий век военных споров,
Свидетель славы россиян!
Ты видел, как Орлов, Румянцев и Суворов,
Потомки грозные Славян,
Перуном Зевсовым победу похищали. . .

(I, 79—80).

XVIII век осмысливается здесь как эпоха утверждения военно-политического могущества России, ее возросшей роли в Европе. Пушкинская оценка столетия вписывается в рамки традиции, выработанной в официальной панегирической поэзии того же XVIII века. В этой связи существенно упоминание в стихотворении Державина и Петрова, поэтов, чьими стихами утверждалась обозначенная традиция. Идеализирующий пафос торжественной оды XVIII в. присутствует в лицейском стихотворении юного поэта. Он закрепляется стилистически, в штампах жанрового канона, которыми пестрят строфы «Воспоминаний в Царском Селе».

Этот аспект осмысления XVIII столетия как «века военных споров» будет позднее зафиксирован в батальных сценах поэмы «Полтава» (1828), выдержанных в том же одическом ключе, и особенно в стихотворениях лирического цикла 1831 г. — «Клеветникам России», «Перед гробницею святой» и «Бородинская годовщина».

Но вот в письме к князю П. А. Вяземскому от 21 апреля 1820 г. Пушкин замечает о П. А. Катенине, которого Вяземский упомянул в своем стихотворном послании к И. И. Дмитриеву: «Он опоздал родиться — и своим характером и образом мыслей, весь принадлежит 18 столетию. В нем та же авторская спесь, те же литературные сплетни и интриги, как и в прославленном веке философии. Тогда ссора Фрерона и Вольтера занимала Европу, но теперь этим не удивишь; что ни говори, век наш не век поэтов» (XIII, 15). Аналогичная реплика встречается в письме к А. А. Бестужеву от 29 июня 1824 г.: «Если бы покойник Байрон связался браниться с полупокойником Гете, то и тут бы Европа не

шевельнулась, чтоб их сравнить, подразнить или окатить холодной водой. Век полемики миновался» (XIII, 101).

Подобных реплик рассеяно множество не только в письмах поэта, но и в отдельных стихотворениях, в набросках замыслов. И из них вырисовывается новый срез концепционного осмысления предшествующего столетия. XVIII век предстает как эпоха литературных споров, меценатства, век популярности Вольтера и Бомарше, господства идей просветительской философии. Применительно к России такое осмысление столетия закрепляется в формуле «век Екатерины». Это — столетие, давшее русской литературе Фонвизина и Радищева. Причем оценки роли этой эпохи в истории России постоянно сочетаются с отсылками к событиям европейской культурной жизни, через соотнесение с которыми устанавливается мера этих оценок.

Если в первом из выделенных нами аспектов пушкинское восприятие XVIII века опирается на устойчивую литературную традицию, закрепленную жанровым мышлением того же XVIII столетия, и как бы сливается с нею, то теперь Пушкин отделяет себя от прошлого. Налицо постоянное столкновение двух веков, полемический подтекст оценок, в которых автор осознает себя принадлежащим к новому времени. Не случайно сами оценки носят зачастую сугубо личный характер, являясь сиюминутными откликами на современные поэту события. Обозначенный концепционный подход в восприятии XVIII века стилистически опирается на формы эпистолярно-беллетристической прозы. Салонный каламбур, исторический анекдот, сплетня аристократической гостиной — вот опорные сигнальные комплексы этого стилистического ряда.

Программным произведением, воплощающим этот аспект концепционного осмысления эпохи у Пушкина, можно считать стихотворение «К вельможе» (1830). обстоятельный анализ его, проделанный В. Э. Вацуро, раскрывает ту атмосферу общественно-идеологических и литературных поисков, в рамках которой обращение Пушкина к XVIII веку воспринимается как закономерный, логически объяснимый шаг на пути его авторского самоутверждения.¹ От этого стихотворения тянутся нити к повести «Пиковая дама» (1833), к отдельным главам «Путешествия из Москвы в Петербург» (1833), к очерку «О „Разговоре у княгини Халдиной“ Фонвизина», к статьям «Вольтер» и «Российская Академия», предназначенным для опубликования в пушкинском журнале «Современник» (1836), и др.

Наконец, еще один аспект восприятия Пушкиным XVIII века, по своему связанный с предыдущими, но имеющий свою особую специфику, вытекает из свидетельств обостренного внимания поэта к историческому пути России в свете последствий преобразовательной политики Петра I. XVIII век предстает как эпоха коренных социальных сдвигов, приведших к необратимым переменам в судьбах русского дворянства, как новая страница русской истории, начатая реформами Петра I, закрепленная Екатериной II и подготовившая объективно и декабризм, и все те процессы, свидетелем которых стал Пушкин в 1830-е годы. Размышления над судьбами дворянства преломляются в сознании поэта с целым комплексом проблем, особенно остро обозначившихся после 1825 г. В контексте этих размышлений становится понятной борьба за культурно-идеологическое лидерство, которую писателям пушкинского окружения пришлось вести с народившимся «классом» промышленных литераторов, вроде Ф. В. Булгарина и Н. А. Полевого.

Специфической особенностью этого концепционного подхода к XVIII веку является активное вторжение личного автобиографического подтекста в оценку событий этой эпохи и всего, что с ними связано. Известна роль Петра I в судьбе предков Пушкина по материнской линии — факты, связанные с привозом в Россию прадеда поэта, Ибрагима

¹ См.: Вацуро В. Э. «К вельможе». — В кн.: Стихотворения Пушкина 1820—1830-х годов. Л., 1974, с. 177—212.

Ганнибала. Это обстоятельство использовалось в травле поэта его литературными противниками. И в осмыслении роли XVIII века в истории России на первое место выдвигается фигура Петра I. Интерес Пушкина к личности великого преобразователя диктуется не только размышлениями поэта о своих предках. В политике Петра I Пушкин пытается уловить динамическую, непредсказуемую необратимость движения исторического процесса. Рассматривая Петра I как выдающееся деятельное лицо всемирной истории, Пушкин воспринимает его как уникальный феномен национальной истории, ибо в фигуре Петра, по мысли поэта, было запечатлено гармоническое слияние помыслов и действий царствующей личности с историческими потребностями нации. Так поэт развивает объективно одну из излюбленных доктрин европейской и русской просветительской мысли XVIII столетия, доктрину просвещенного абсолютизма. В свете политических потрясений 1825 г. и тех мучительных отношений, которые установились у Пушкина с императором Николаем I после возвращения из ссылки, желание поэта видеть в царствующем монархе достойного продолжателя Петра I становится логически объяснимым.

Круг произведений, фиксирующих этот уровень концепционного осмысления Пушкиным XVIII века, особенно обширен, ибо он включает в себя и поэтические произведения (стихотворения «Стансы», «Друзьям», «Моя родословная», «Пир Петра Первого», поэма «Медный всадник», незавершенный замысел поэмы «Езерский»), и прозаические (незавершенный роман «Арап Петра Великого», «Путешествие из Москвы в Петербург»), и, наконец, собственно исторические сочинения Пушкина («История Пугачева» и подготовительные материалы к замыслу «Истории Петра»). К перечисленному неполному перечню следует добавить многочисленные материалы критического и мемуарного характера, как опубликованные на страницах «Литературной газеты» и «Современника», так и не попавшие в печать.

Следует указать на возможность выделения и более частных аспектов общей темы, примером чего может служить статья П. Н. Беркова «Пушкинская концепция истории русской литературы XVIII века».² Посвященная анализу фрагментов Пушкина, содержавших оценку наиболее важных явлений литературы и общественной жизни столетия, статья П. Н. Беркова предлагает вполне конкретное решение вопроса об историко-литературной позиции Пушкина, затрагивая при этом узловые моменты общей проблемы. Ниже нам еще не раз придется обращаться к выводам и отдельным положениям этой содержательной и полезной статьи.

Можно, таким образом, говорить не об одной, а о нескольких концепциях XVIII века у Пушкина в зависимости от избираемого ракурса постановки проблемы и в зависимости от привлекаемого материала. Конечно, намеченное разграничение проблематики не следует абсолютизировать. Обозначенные выше идейно-тематические комплексы пересекаются, в чем-то взаимно дополняют друг друга. Но при анализе проблемы в целом учет специфики предложенного разграничения выделенных нами аспектов ее решения представляется заслуживающим внимания.

В пределах статьи, конечно, невозможно охватить все аспекты проблематики темы, тем более что некоторые из них уже получили научное освещение в работах литературоведов. Свою задачу в настоящий момент я хотел бы видеть в решении вполне конкретного вопроса, а именно проследить формирование взглядов Пушкина на XVIII век как на решающий переломный этап в национальной истории вообще и в судьбах дворянского класса в частности. В этом и будет состоять цель работы.

Для понимания исходной позиции Пушкина в этом вопросе принципиально важным является анализ незавершенного отрывка периода кшиневской ссылки Пушкина, датируемого 1822 г. и известного под названием «Заметки по русской истории XVIII века». Отрывок сохранился случайно, пролежав несколько лет в бумагах приятеля Пушкина

² Пушкин. Исследования и материалы, т. IV. М.—Л., 1962, с. 75—93.

Н. С. Алексеева. В «Заметках...» затронуты важнейшие стороны общественно-политической жизни века и дана определенная концепция столетия.

Каково содержание этой концепции?

XVIII век оценивается в «Заметках...» как эпоха постепенного и неуклонного приобщения России к «выгодам европейского Просвещения». В этот период были восприняты новые нормы культуры и быта, распространившиеся в дворянской среде. Тогда же произошел разрыв между господствующим классом дворянства и сохранившими приверженность к старым устоям быта массами трудового народа, в основном закрепощенным крестьянством. У истоков этого процесса стоял Петр I. Его **железной волей и неукротимой энергией** было задано движение России по новому историческому пути.

Уже в «Заметках...» Пушкин подчеркивает жестокость средств, к которым прибегал Петр I для достижения своих политических целей: «История представляет около его всеобщее рабство. Указ, разорванный кн. «язем» Долгоруким, и письмо с берегов Прута приносят великую честь необыкновенной душе самовластного государя; впрочем все состояния, окованные без разбора, были равны пред его *дубинкою*. Всё дрожало, всё безмолвно повиновалось» (XI, 14). Существенным в характеристике Петра I является то, что, подчеркивая деспотичность его натуры, Пушкин сравнивает Петра с Наполеоном: «Петр I не страшился народной Свободы, неминуемого следствия просвещения, ибо доверял своему могуществу и презирал человечество может быть более, чем Наполеон» (XI, 14).

Другим историческим лицом, определившим своей деятельностью русский XVIII век, названа в «Заметках...» Екатерина II. Отношение к ней Пушкина здесь резко отрицательное: «Царствование Екатерины II имело новое и сильное влияние на политическое и нравственное состояние России. Возведенная на престол заговором нескольких мятежников, она обогатила их на счет народа и унизила беспокойное наше дворянство <...>. Самое сластолюбие сей хитрой женщины утверждало ее владычество» (XI, 15). Пушкин отмечает военные успехи России периода правления Екатерины. Но вслед за этим перечисляет отрицательные стороны ее личности и внутриполитической деятельности: фаворитизм, коррупцию в судах и государственном аппарате («От канцлера до последнего протоколиста все кралось и все было продажно» — XI, 16), ханжество (Екатерина уничтожила звание «раба» и закрепостила миллионы государственных крестьян, включая население Малороссии), принижение роли русского духовенства, лицемерное заигрывание с европейскими просветителями и преследование оппозиции в самой России. «Со временем, — резюмирует Пушкин, — История оценит влияние ее царствования на нравы, откроет жестокую деятельность ее деспотизма под личиной кротости и терпимости, народ угнетенный наместниками, казну расхищенную любовниками, покажет важные ошибки ее в политической экономии, ничтожность в законодательстве, отвратительное фиглярство в сношениях с философами ее столетия — и тогда голос обольщенного Вольтера не избавит ее славной памяти от проклятия России» (XI, 15—16).

Выделяя наиболее характерные черты столетия, Пушкин особо указывает на то, что все перемены, изменившие политический облик России, производились по инициативе сверху. Руководящая роль самодержавия избавила Россию от «чудовищного феодализма». Крушение замыслов аристократической группы верховников во главе с князьями Долгорукими особенно способствовало усилению самодержавия, и Пушкин видит в этом благо. Победа феодальной аристократии привела бы, по его мнению, к уничтожению всяких способов освобождения крестьян от крепостничества, к ограничению числа дворян и возможности притока лиц из других сословий на государственную службу. В то же время неоднократно подчеркиванием «унижения духа русского дворянства» (как в деспотических мерах Петра I, так и в фаворитизме Екатерины II) Пушкин как бы

указывает источник общественного зла в современных условиях, своеобразно связывая преодоление его с освобождением крестьянства от крепостной зависимости: «Нынче же политическая наша свобода неразлучна с освобождением крестьян, желание лучшего соединяет все состояния противу общего зла, и твердое, мирное единодушие может скоро поставить нас наряду с просвещенными народами Европы» (XI, 15).

Приведенные слова помогают уловить общий источник отрицательного отношения Пушкина к практике русского самодержавия в лице Петра I и Екатерины II, а также его высказываний позитивного характера. Пушкин фактически развивает идеи тех представителей передового русского дворянства, взгляды которых отражали формирование программы будущего декабристского движения. В числе их следует назвать Н. И. Тургенева, одного из лидеров Союза благоденствия, под сильным влиянием которого находился Пушкин в краткий период своей жизни в Петербурге до южной ссылки. Аналогичные идеи развивал М. А. Фонвизин, стоявший на близких с Н. И. Тургеневым позициях. Сходных взглядов придерживался П. И. Пестель, с которым Пушкин дважды встречался и беседовал в период кишиневской ссылки. Иными словами, концепция XVIII века, изложенная в «Заметках по русской истории», исходит из декабристского понимания роли этого столетия в истории России, основные положения которого следующие: проникновение в Россию идеалов европейского Просвещения затронуло лишь внешние стороны жизни нации, не коснувшись народа; господство деспотизма сохранилось, рабство усилилось; неминуемым следствием этого должно было стать стремление к достижению политических свобод и ограничению самовласти.

Можно было бы привести целый ряд текстуальных свидетельств того, как мысли Пушкина и его критические замечания перекликаются с отдельными мыслями Н. И. Тургенева из его книги «La Russie et les Russes» (1847), с высказываниями о Петре и Екатерине М. А. Фонвизина в его «Обзрениях проявления политической жизни в России». Написанные в середине XIX в., эти труды декабристских идеологов во многом отражали уровень их взглядов периода, предшествовавшего восстанию 14 декабря 1825 г. Взгляды эти были достаточно широко распространены в среде передового дворянства тех лет. Разделял их и Пушкин. Сам стиль, система понятий, запечатленная в «Заметках...», отражают почти весь комплекс идеологических, точнее исторических, представлений, какие отличали документы декабристского движения и литературу примыкавших к нему авторов.

Характерен последний абзац «Заметок...», посвященный заключительному этапу русской истории XVIII столетия и по-своему обнажающий их смысл: «Царствование Павла доказывает одно: что и в просвещенные времена могут родиться Калигулы. Русские защитники Самовластия в том не согласны и принимают славную шутку г-жи де Сталь за основание нашей конституции: En Russie le gouvernement est un despotisme mitigé par la strangulation»³ (XI, 17). В последней фразе вскрывается полемическая направленность «Заметок...». Пушкин как бы противопоставляет свою позицию «русским защитникам самовластия». На этом вопросе следует остановиться особо.

Вопрос о полемической направленности «Заметок...», особенно в той их части, которая посвящена Екатерине II, уже привлекал внимание исследователей. Как справедливо отмечалось, резко неприязненное отношение Пушкина к императрице объяснялось во многом обстоятельствами его биографии. Сосланный в ссылку любимым внуком «защитницы просвещения», Пушкин, обличая лицемерие Екатерины II, выражал тем самым свое отношение к политике Александра I. В этой связи становятся понятны внезапно прорывающиеся у Пушкина признания личного характера, когда, упомянув о льстивых восторгах иностранцев в адрес законодательницы Севера и ее лицемерного «Наказа», поэт заключает:

³ Правление в России есть самовластье, ограниченное удавкой (*Франц.*).

«Простительно было фёрнейскому философу превозносить добродетели Тартюфа в юбке и в короне; он не знал, он не мог знать истины, но подлость русских писателей для меня непонятна» (XI, 17).

П. Н. Берков, подробно исследовавший «Заметки...» в названной выше статье, видел в последних словах намеков на Н. М. Карамзина. И соответственно всю часть «Заметок...», посвященную Екатерине II, он рассматривал как прямую полемику Пушкина с сочинением Карамзина «Историческое похвальное слово императрице Екатерине» (1802).⁴ Точка зрения П. Н. Беркова явилась развитием идеи, высказанной ранее Б. В. Томашевским.⁵ Предположение Б. В. Томашевского П. Н. Берков детально аргументировал путем сопоставления двух произведений. «Полемика Пушкина развивается по всем пунктам, <...> общим и частным положениям Карамзина; она касается освещения и военной, и законодательной, и литературно-просветительской деятельности Екатерины», — писал исследователь.⁶ Почти к каждому пункту критических высказываний Пушкина о Екатерине II. Н. Берков находит хвалебный тезис, содержащийся в сочинении Карамзина, создавая действительно картину явной полемики.

Между тем панегирики Екатерине II писал не только Карамзин. Многие русские авторы, как в период ее царствования, так и после смерти императрицы в 1796 г., посвятили восхвалению ее не одно произведение и в прозе и в стихах. Можно было бы привести целый список отечественных сочинений, появившихся между 1802 и 1822 гг. и посвященных одному предмету — восхвалению правления Екатерины. Среди наиболее значительных назовем хотя бы обширные труды Петра Колотова «Деяния Екатерины II, императрицы всероссийской» (ч. I—VI. СПб., 1811), Ивана Срезневского «Дух Екатерины Великия, императрицы и самодержицы всероссийския» (ч. 1—2. СПб., 1814), наконец, книгу Павла Сумарокова «Черты Екатерины Великия» (СПб., 1819).

В последнем из названных сочинений, помимо льстивого описания личности и быта императрицы и некоторых подробностей о лицах из ее окружения, в конце выделены специальные разделы, содержащие характеристику достижений Екатерины в области внешней политики, ее административной, законодательной и литературной деятельности. И по каждому пункту этих наполненных похвалами описаний из книги П. Сумарокова можно выстроить параллельный ряд полемических высказываний Пушкина в его «Заметках...» — так, как это было сделано П. Н. Берковым применительно к «Историческому похвальному слову...» Карамзина. Приведем в подтверждение один показательный пример.

Карамзин резюмирует свою характеристику царствования императрицы утверждением: «С Екатериной возсели на престол кроткая мудрость, божественная любовь ко славе <...> неутомимая деятельность, знание человеческого сердца, знание века, ревностное желание <...> просветить народ, образовать Россию». «Никто еще из сидящих на троне <...>, — замечает Карамзин в другом месте, — не имел столь обширных понятий о науке управлять людьми».⁷ П. Н. Берков видит в последних словах прямую связь с замечанием Пушкина: «Если царствовать, значит знать слабость души человеческой и ею пользоваться, то в сем отношении Екатерина заслуживает удивления потомства. Ее великолепие ослепляло, приветливость привлекала, щедроты привязывали» (XI, 15). Известная полемичность пушкинских слов очевидна, и на фоне высказываний Карамзина адресат полемики как будто бы не вызывает сомнений. Но вот как о том же самом высказывается в своей книге П. Су-

⁴ В 1820 г. это произведение было напечатано в VIII томе третьего, исправленного и дополненного издания «Сочинений» Н. М. Карамзина. По мнению П. Н. Беркова, Пушкин ознакомился с ним по этому изданию.

⁵ Томашевский Б. В. Пушкин, кн. 1. М.—Л., 1956, с. 579—582.

⁶ Пушкин. Исследования и материалы, т. IV. М.—Л., 1962, с. 89.

⁷ Карамзин Н. М. Историческое похвальное слово императрице Екатерине. СПб., 1802, с. 13—14, 65.

мароков: «... чтобы иметь полное понятие об отличительных свойствах Екатерины; надлежит представить себе совокупление обширного ума и беспримерной доброты души, <...> нежности, любви к народу, искусства царствовать и познания человеческих сердец. Она прощала с готовностью, снисходила к слабостям, награждала щедро».⁸ Смысловой и даже стилистический параллелизм приведенной фразы с полемическим заключением Пушкина также бросается в глаза. Отсылка к Карамзину теряет в таком случае смысл. И подобный пример далеко не один. С кем полемизирует Пушкин в своих набросках, «подлость» каких русских писателей он имеет в виду — сказать трудно.

Но дело не только в этом. Сопоставление концепции XVIII века и отношения Пушкина к Екатерине II в его «Заметках...» с тем, что заключено в «Историческом похвальном слове Екатерине» Карамзина, бьет мимо цели еще по одной причине. В данной оппозиции Пушкин и Карамзин поставлены в неравные условия, и само сопоставление указанных сочинений с научной точки зрения не вполне корректно. Отрывок, явно не предназначавшийся к печати, который определенно был бы уничтожен Пушкиным после событий 14 декабря 1825 г., если бы находился при нем в Михайловском, сравнивается с произведением, сам жанр которого заведомо лишал автора возможности открытого выражения своих подлинных мнений. «Историческое похвальное слово Екатерине» — это официальный панегирик, обращенный к царствующему монарху и построенный по всем правилам жанра. И потому карамзинская концепция царствования Екатерины, заключенная в этом произведении, почти полностью совпадала с той официальной версией, которая была распространена в бесчисленных панегириках императрице, как стихотворных, так и прозаических. Именно с этой официальной версией и полемизировал Пушкин в своих «Заметках по русской истории XVIII века». Но в какой мере зафиксированная в «Историческом похвальном слове...» характеристика выражает подлинное отношение Карамзина к Екатерине II и, шире, его концепцию XVIII века?

Ответ на этот вопрос дает другое сочинение Карамзина — его «Записка о древней и новой России» (1811). Здесь Карамзин высказал откровенное мнение о роли Петра I и Екатерины II в русской истории, дав свою нелицеприятную оценку некоторых аспектов их политики. Обращенная к царствующему тогда Александру I, «Записка...» не предназначалась для печати. Это был, по существу, своеобразный публицистический документ, содержащий много горьких истин и не вызвавший восторга у царя. Анализируя истинную карамзинскую оценку XVIII века, и в частности его отношение к Екатерине II, можно увидеть поразительную близость его позиции к мнению Пушкина по целому ряду аспектов ее политики. У Карамзина мы не встретим, естественно, тех едких эпитетов, какие встречаются в высказываниях Пушкина. Находившийся в близких отношениях с царем, Карамзин выражается осторожно и мягко. Но отрицательные стороны царствования Петра I и особенно Екатерины от него не ускользают: «... должно признаться, что, хваля усердно Екатерину за превосходные качества души, невольно вспоминаем ее слабости и краснеем за человечество. Заметим еще, что правосудие не цвело в сие время <...> В самых государственных учреждениях Екатерины видим более блеска, нежели основательности <...> Екатерина хотела умозрительного совершенства в законах, не думая о легчайшем, полезнейшем действии оных: дала нам суды, не образовав судей; дала правила без средств исполнения. Многие вредные следствия Петровой системы также яснее открылись при сей государыне: чужеземцы овладели у нас воспитанием; двор забыл язык русский; от излишних успехов европейской роскоши дворянство одолжало <...> Вельможа не стыдился быть развратным; любимец вельможи, рожденный бедно, не стыдился жить пышно. Торговали правдою и чинами».⁹

⁸ Сумароков П. Черты Екатерины Великия. СПб., 1819, с. 297.

⁹ Карамзин Н. М. Записка о древней и новой России. СПб., 1914, с. 40—41.

Карамзин открыто говорит в своей «Записке...» об унижении Петром и Екатериной русского духовенства, об оскорблении ими сословного духа дворянства. И в этом позиции Пушкина и Карамзина также совпадали.

Пушкин не мог быть знаком с содержанием карамзинской «Записки о древней и новой России» до своего отправления в южную ссылку, но общее направление мыслей Карамзина было ему, по-видимому, хорошо известно.

В свете сказанного близость критического пафоса пушкинских «Заметок из русской истории XVIII века» к отдельным мыслям «Записки...» Карамзина приобретает дополнительный интерес. Выше уже отмечалось, что истоки взглядов Пушкина на отдельные аспекты русской истории XVIII столетия во многом проясняются, если учесть идеологические программы раннего декабризма. Текстуальный анализ «Заметок...», сделанный недавно Н. Эйдельманом, хорошо раскрывает своеобразную связь пушкинского замысла с идеями декабристов.¹⁰ Однако, учитывая это обстоятельство, приходится признать наличие точек соприкосновения с идеями декабристских лидеров и у Карамзина. Как это ни покажется странным, но по целому ряду пунктов в осуждении конкретных аспектов политического курса русского самодержавия и в оценке событий русской истории предшествовавшего века Карамзин и декабристы занимали сходные позиции.

И декабристы и Карамзин осуждают Петра I за деспотизм и нетерпимость. Расходясь в отдельных нюансах оценок последствий петровских преобразований, они видят в произведенном Петром резком разрыве со сложившимися устоями национальной жизни причину духовной изоляции правящего дворянского сословия от широких трудящихся масс остального народа. И декабристы и Карамзин критически относились к отдельным сторонам деятельности Екатерины II, осуждая разгул фаворитизма, расточительство казны, лишение монастырей вотчинных прав и т. д. Правда, для декабристов (в частности, для М. Фонвизина) обличение лицемерия в политике Екатерины II дополнялось указанием на расширение в ее царствование института крепостного рабства, выразившееся в закреплении населения Малороссии. Этот упрек в адрес императрицы выдвигает, как мы помним, и Пушкин.

Для Карамзина вопрос об освобождении крестьян от крепостной зависимости никогда не представлялся актуальным. Отстаивая сословные интересы дворянства, он в то же время не обнаруживал симпатии к системе крепостничества. Однако Карамзин не видел других экономических возможностей существования государства и потому считал крепостное право необходимым условием общественного спокойствия и порядка. Центральное место в системе его государственно-политических взглядов занимал вопрос о самодержавии, которое, по мысли Карамзина, единственно могло служить гарантом сохранения мощи русской государственности и сила которого находилась в прямой зависимости от силы и процветания дворянского класса.

В вопросе о самодержавии и его роли в русской истории позиции Карамзина и декабристов также принципиально расходились. «Самодержавие есть Палладиум России; целость его необходима для ее счастья; из сего не следует, чтобы государь, единственный источник власти, имел причины унижать дворянство, столь же древнее, как и Россия».¹¹ Эту идею он будет неуклонно проводить в своей «Истории государства Российского». Тезисно она была сформулирована им в «Записке о древней и новой России».

Именно по этому пункту лидеры формировавшегося движения будущего декабризма резко выступали против Карамзина. И в этом вопросе Пушкин в 1822 г. будет солидарен с противниками Карамзина. Антиса-

¹⁰ Эйдельман Н. Пушкин и декабристы. Из истории взаимоотношений. М., 1979, с. 79—102.

¹¹ Карамзин Н. М. Записка о древней и новой России. СПб., 1914, с. 126.

модержавные пассажи, прямое осуждение «самовластья» неоднократно, как мы могли убедиться, звучат в «Заметках по русской истории XVIII века».

Тот факт, что критика карамзинской исторической концепции зачастую смыкается с оценками политических событий XVIII в., позволяет уяснить роль этого столетия как эпохи, породившей многие из волновавших современников Пушкина и его самого проблем. Вопрос о знакомстве декабристов, как кстати и Пушкина, с содержанием «Записки...» Карамзина до 1835 г. не прост. Идеи, которые высказывал Карамзин о XVIII веке, были известны современникам в 1820-е годы.¹² Влияние некоторых из них отчетливо ощущается в написанной Пушкиным по указанию Николая I осенью 1826 г. «Записке о народном воспитании».¹³ В новой исторической ситуации после восстания позиция Карамзина представляла в несколько ином свете. Пушкин во многом принял ее. Для декабристов же она оставалась большей частью неприемлемой. С течением времени противоречия, разделявшие историографа с лидерами декабристов, не только не уменьшились, но и еще более углубились. Анализ этих противоречий помогает понять логику последующей эволюции исторических взглядов Пушкина, и в частности его отношения к XVIII веку в конце 1820-х—1830-е годы. Постепенный отход Пушкина от радикальных иллюзий юности демонстрирует своеобразное сближение его с позицией Карамзина. Хотя о полной идентичности их взглядов говорить нельзя, но объективно эта опора на авторитет своего старшего современника, свидетеля Великой французской революции, означала по своему неприятию поэтом складывавшейся после 1825 г. в России реальности, чуждость духовным интересам Пушкина создавшейся новой идеологической атмосферы. Для находившегося за границей Н. И. Тургенева и пребывавшего в сибирской ссылке М. Фонвизина вопросы, поднимавшиеся Карамзиным, продолжали восприниматься в контексте прежней исторической ситуации, существовавшей до 1825 г.

В одном из «приложений» к известной «Оправдательной записке» (1848) Н. И. Тургенев, вспоминая о своих отношениях с Карамзиным, открыто признается в антипатии к знаменитому историографу. Он объясняет это тем, что в «Записке о древней и новой России» Карамзин, критикуя Петра I и Екатерину II, обошел полным молчанием вопрос о рабстве в России крепостного крестьянства и даже косвенно оправдывал это явление в угоду собственным сословным предрассудкам, покоящимся на признании незыблемости самодержавия. При этом Тургенев отвергает центральную идею исторической концепции Карамзина с позиций отстаивания основополагающих принципов просветительской социологии: «Он горячо любил свой народ <...> но ни во что ставить народ, желать лишь величия той абстракции, которая зовется отечеством, — значит не признавать естественных прав, значит слишком дешево ценить человеческое достоинство».¹⁴

В сущности с тех же позиций подходит к оценке исторического значения реформ Петра I другой идеолог декабризма — М. А. Фонвизин: «Если Петр старался вводить в Россию европейскую цивилизацию, то его прельщала более ее внешняя сторона. Дух же этой цивилизации — дух законной свободы и гражданственности — был ему, деспоту, чужд и даже противен». Критически относясь к Карамзину и также ссылаясь на односторонность его упреков по адресу великого преобразователя, имевшихся в «Записке о древней и новой России», Фонвизин видит главный недостаток политики Петра в том, что, «мечтая перевоспитать своих подданных, он не думал вдохнуть в них высокое чувство человеческого до-

¹² См. воспоминания К. С. Сербиновича: Русская старина, 1874, № 10, с. 238—239.

¹³ Пушкин А. С. Полн. собр. соч. в 6-ти т., т. V. М.—Л., «Academia», 1936, с. 714—715.

¹⁴ Тургенев Н. Россия и русские, т. I. Воспоминания изгнанника. Пер. с франц. М., 1915, с. 343.

стойства, без которого нет ни истинной нравственности, ни добродетели». ¹⁵

Как видим, в разногласиях между декабристами и Карамзиным зарождались будущие споры о путях развития России и применимости к русским условиям социально-политических схем, выработанных теоретической мыслью Западной Европы. Отрицание, например, тем же Н. И. Тургеневым «абстракции, которая зовется отечеством», во имя «естественных прав» и человеческого достоинства личности отражало неприятие им монархизма во взглядах Карамзина и подчеркнуто заявленной сслownости его позиции.

Утверждение монархического самодержавия как единственно органичного для России принципа государственной власти действительно несло на себе печать консерватизма. Но за Карамзиным стоял опыт национальной истории. Идея монархизма была важна для Карамзина не сама по себе, а в плане раскрытия идеи русской государственности, ее роли в национальной истории. Эта высшая ценность, выстраданная многовековой борьбой и жертвами всего народа, в русских условиях могла быть надежно гарантирована, по мнению Карамзина, только монархией.

Для Н. И. Тургенева, воспитанника Геттингенского университета, убежденного противника системы крепостничества, на первом плане при решении всех социальных проблем стояла идея личности. На деле, в реальной общественной практике, тезис о «естественных правах» и «уважении человеческого достоинства» личности оказывался также абстракцией. Речь в сущности шла о предпочтении общественных норм, провозглашенных передовой мыслью Европы XVIII столетия, тем нормам, которые сложились в России. Отсюда и явный скептицизм по отношению к «абстракции, которая зовется отечеством». Идея Н. И. Тургенева позволяют по-своему уловить истоки пафоса «Философических писем» П. Я. Чаадаева, вообще отрицавшего роль России во всемирной истории.

В этом пункте Пушкин будет занимать диаметрально противоположную позицию. Для него отечество никогда «абстракцией» не являлось. Уже в пору создания «Бориса Годунова» поэт предпринимает первые попытки сделать отечественную историю источником личного самоутверждения, своеобразно проецируя опыт прошлого на события современности, в том числе и на себя самого. В этом смысле глубоко знаменательно его признание в письме к П. А. Вяземскому от 7 ноября 1825 г., в котором фактически содержится ключ к пониманию самого замысла трагедии: «...никак не мог упрятать всех моих ушей под колпак юродивого. Торчат!» (XIII, 240). И характер изображения им в пьесе истинных и вымышленных своих предков из «мятежного рода» Пушкиных с их извечной оппозиционностью к царской власти — мотив, повторенный позднее в «Моей родословной» (1830), — подтверждает правоту данного утверждения. В оценке событий, предшествовавших восшествию самозванца на русский престол, Пушкин следует за концепцией Карамзина. Но существенно, что сама традиция обращения к периоду Смуты, как наиболее драматичному эпизоду национальной истории, восходит своими корнями к драматургии XVIII в.

Интерес к XVIII веку особенно усилился у Пушкина после 1825 г. Если в период вызревания декабристской идеологии предшествовавшее столетие, с его пристрастиями и авторитетами, воспринималось как безвозвратно устарелое, преодоленное и как бы отодвинутое на второй план, то крушение иллюзий, вскормленных веком Просвещения, и потрясение, вызванное разгромом дворянской оппозиции в России, породили новое отношение к этой эпохе. Реальность заставила ощутить силу и своеобразную незыблемость самодержавия в русских условиях. Ситуация, сложившаяся в результате декабрьского восстания, вновь с особой остротой

¹⁵ Фонвизин М. А. Обзорение проявлений политической жизни в России. — В кн.: Общественные движения в России в первую половину XIX века, т. I. СПб., 1905, с. 112—113.

поставила и вопрос о судьбах русского дворянства. И показательно, как в обращении к событиям национальной истории XVIII в. Пушкин после 1825 г. последовательно утверждает идею государственности, заключая проблематику своих произведений в рамках коллизии: «История и личность».

Наиболее рельефное выражение эта коллизия получает в поэмах «Полтава» и «Медный всадник». В обеих поэмах историческое начало воплощено в фигуре Петра I. Он предстает выразителем исторических потребностей нации. Эпохальность совершенного им для истории фиксируется в художественной структуре поэм подчеркнутой ориентацией на воспроизведение особого колорита торжественной панегирической поэзии XVIII в. Все, что связано в поэмах с описанием дел Петра I и его облика, выдержано в стилистическом ключе жанра похвальной оды.¹⁶ Параллельно в каждой из поэм разворачивается сюжет глубоко личного свойства. Частное и историческое неразрывно сливаются, локализуясь стилистически в пределах разных систем поэтического мышления. И показательно, как в каждой поэме действия Петра, продиктованные высшими интересами государства, оказываются роковым образом связанными с судьбами простых людей, конкретных человеческих личностей. В обоих случаях личное начало отступает перед историческими потребностями нации. Объективный ход событий фиксирует торжество интересов государственности.

Тема Петра I вообще занимает особое место в творчестве Пушкина после 1825 г. Этот вопрос неоднократно затрагивался в исследовательской литературе, но в последнее время трактовка этой проблемы в некоторых работах литературоведов дается вне учета, на наш взгляд, той подлинной идейно-эстетической функции, которую выполняла петровская тема в контексте творческих исканий Пушкина конца 1820-х—1830-х годов. Так констатируется «идеализация» образа Петра I у Пушкина в «Полтаве» и «Стансах», и на этом основании поэту вменяется в вину «отказ от рассмотрения подлинной природы самодержавия» Петра.¹⁷ В «односторонней характеристике Петра только как мудрого просвещенного монарха» Г. П. Макогоненко видит отступление от историзма. Но ставить вопрос о раскрытии «конкретно-исторического характера самодержавия Петра» в таких сочинениях, как «Стансы» или «Полтава», значит игнорировать смысл этих произведений и ту художественную задачу, которую ставил перед собой поэт. Идеализация фигуры Петра I в названных произведениях полностью эстетически оправдана, ибо Петр выступает в них выразителем идеи обновленной русской государственности.

В сложившейся политической ситуации Пушкин не видел иной социальной силы, способной обеспечивать интересы государства, кроме монархии. И в этом своем убеждении он объективно разделял позиции Карамзина. Идея просвещенного абсолютизма, восхитившая своими корнями к XVIII в., приобрела после 1825 г. особую актуальность. И дело не только во временных иллюзиях Пушкина по отношению к Николаю I, хотя они и имели место. Жизненность идеи просвещенной монархии подкреплялась исторической масштабностью достигнутой на протяжении XVIII в. государственной мощи России, начало которой положили преобразования Петра I. И Пушкин несомненно это понимал. Вот почему упреки в односторонности раскрытия облика Петра в поэме «Полтава» или в «Стансах», по существу, идут вразрез с пушкинским замыслом.

Сложнее обстоит с осмыслением образа Петра в поэме «Медный всад-

¹⁶ См. об этом: Коплан Б. И. «Полтавский бой» Пушкина и оды Ломоносова. — В кн.: Пушкин и его современники, вып. XXXVIII—XXXIX. Л., 1930, с. 113—121. См. также: Пумпянский Л. В. «Медный всадник» и поэтическая традиция XVIII века. — В кн.: Временник Пушкинской комиссии, т. 4—5. М.—Л., 1939, с. 91—124.

¹⁷ Макогоненко Г. П. Творчество А. С. Пушкина в 1830-е годы. Л., 1974, с. 331.

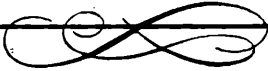
щик». Двойственное отношение к Петру в поэме вряд ли может служить основанием для того, чтобы отбрасывать свидетельства признания Пушкиным всемирно-исторического значения его царствования. Факты последних лет творческого пути поэта, начало работы его над созданием «Истории Петра», подтверждают это заключение.

Петр в глазах Пушкина не просто реформатор. Петр — «революционер на троне», в личности которого совмещались качества Робеспьера и Наполеона одновременно (см. заметки «О дворянстве» — XII, 205). Эта пушкинская оценка помогает понять его фразу из письма к П. Я. Чаадаеву за несколько месяцев до смерти, в котором Петр Великий один объявлялся воплощением всемирной истории («Et Pierre le Grand qui à lui seul est une histoire universelle!» — XVI, 172).

Пушкин здесь же дает и несколько иную оценку Екатерине II, рассматривая результаты ее царствования как в плане внешнеполитических успехов России в тот период, так и видя в ней, по-видимому, своеобразное олицетворение всего, с чем было связано в России восприятие идей европейского Просвещения. В критериях своих оценок, исходя из программного характера всего письма, Пушкин существенно отходит от тех идеологических установок, которые присутствовали в «Заметках по русской истории XVIII века» 1822 г. Теперь, в обстановке неприятия современной реальности, Пушкин ищет нравственную опору в анализе исторического прошлого. И показательно, как в том же письме своеобразно совмещаются позиции двух полярно противоположных идеологических лагерей — позиции идеологов раннего декабризма и монархически настроенного Карамзина. С одной стороны, Пушкин словно повторяет мысли «Оправдательной записки» Н. И. Тургенева, когда в черновом варианте письма (на французском языке) дает полные горечи признания правоты Чаадаева: «Что надо было бы сказать и что вы сказали, это то, что наше современное общество столь же презренно, сколь глупо; что это отсутствие общественного мнения, это равнодушие ко всякому долгу, справедливости, праву и истине; ко всему, что не является необходимостью. Это циничное презрение к мысли и достоинству человека» (XVI, 172). В беловом автографе эти мысли были обобщены одной фразой: «Я далеко не восторгаюсь всем, что я вижу вокруг себя» (там же). Но, с другой стороны, Пушкин тут же завершает эту мысль признанием в чисто карамзинском духе: «Но клянусь честью, что ни за что на свете я не хотел бы переменить отечество, или иметь другую историю, кроме истории наших предков, такой, какой нам бог ее дал» (там же).

То, что в полемике с Чаадаевым в подтверждение всемирно-исторического значения тех перемен, которые выдвинули Россию в число просвещенных стран Европы, Пушкин называет имена Петра I и Екатерины II, лучше всего раскрывает его позицию в отношении к XVIII веку. Для заключительного этапа творческого пути поэта признание XVIII столетия как эпохи приобщения России к всемирно-историческому процессу сочетается со все усиливавшимися попытками осознать предназначение России, ее будущее. Обращение к опыту национальной истории закономерно приводило к мысли о возможности иных, нежели европейские, начал общественной жизни. Каких именно — Пушкину, по-видимому, до конца не было ясно. Не исключено, что историографические увлечения поэта последних лет его жизни диктовались острой внутренней потребностью ответа как раз на эти вопросы. Есть основания думать, что и последний капитальный труд Пушкина — «История Петра Великого» — был им задуман как попытка дать собственную, отличную от вольтеровской, трактовку роли Петра в русской истории и одновременно того комплекса социально-политических и идеологических проблем, которые были порождены современной Пушкину исторической ситуацией.

Р. В. ИЕЗУИТОВА

К ИСТОРИИ ДЕКАБРИСТСКИХ ЗАМЫСЛОВ ПУШКИНА 1826—1827 гг.

В условиях разгрома Николаем I декабристского движения и наступившей вслед за этим реакции процесс глубокой внутренней перестройки, охвативший все сферы русской жизни, затронул и область литературно-художественного творчества, теснейшим образом связанного с изменениями общественной ситуации. Коснулся он и русской поэзии, также не оставшейся в стороне от этих перемен. В настоящей статье сделана попытка проследить этот процесс на материале ряда лирических стихотворений Пушкина 1826—1827 гг., составляющих, как мы постараемся показать ниже, своеобразный цикл («И я бы мог...», «Какая ночь! Мороз трескучий», «Весна, весна, пора любви», «Арион», «Акафист Екатерине Николаевне Карамзиной» и ряд других произведений, навеянных общественной ситуацией первых последекабрьских лет). Автор ставил перед собою задачу проследить пути формирования этого цикла, выявить сложную взаимосвязь входящих в него произведений, определить последовательность творческой работы поэта над ними.

1

Целесообразно начать наш анализ с события, давшего сильнейший толчок творческой мысли Пушкина и определившего направление его художественных исканий в области политической лирики последекабрьских лет. Этим событием, потрясшим всю Россию и вызвавшим бурную общественную реакцию, явилась жестокая расправа Николая I с декабристами: состоявшаяся 13 июля 1826 г. на кронверке Петропавловской крепости в Петербурге казнь вождей восстания (К. Рылеева, С. Муравьева-Апостола, М. Бестужева-Рюмина, П. Пестеля, П. Каховского) и оглашение приговора Верховного уголовного суда 120 другим его участникам, осужденным на каторжные работы в Сибири, заключение в крепости и т. п.

Необходимо сказать несколько слов о тех особых обстоятельствах, которые сопутствовали приведению в исполнение смертного приговора. Со времен Екатерины II (казни Мировича и Пугачева) в России фактически не было ни одной публичной смертной казни, и уже одно это делало казнь декабристов (к тому же осужденных на смерть за одно «намерение на царубийство») событием исключительным, из ряда вон выходящим. Осознавая это, Николай I, опасавшийся взрыва общественного возмущения, приложил немало сил, чтобы расправа над осужденными прошла незамеченной широкой публикой. Время и место казни, самые приготовления к ней были строго засекречены, ее исполнители тщательно отобраны и круг их предельно ограничен. Ритуал казни до мельчайших подробностей был разработан самим императором,¹ а ее осуществление было поручено «самым надежным» людям: петербургскому генерал-губернатору П. В. Голенищеву-Кутузову, военному министру

¹ Подробные сведения об этом см.: Писатели-декабристы в воспоминаниях современников, т. 1. М., 1980, с. 418—422.

А. И. Чернышеву, А. Х. Бенкендорфу и др. Чтобы не допустить стечения народа при свершении казни, не было никакого публичного оповещения — сообщения такого рода появились в печати задним числом.² Церемония экзекуции, дабы избежать возможных беспорядков, была назначена на три часа ночи, и лишь случайные обстоятельства отодвинули ее начало на ранний, предутренний час.³

Несмотря на все эти, заранее принятые меры предосторожности, очевидцами бесчеловечной и жестокой расправы Николая I с руководителями «заговора» оказалось немалое число лиц, сделавших происходившее в этот день на кронверке Петропавловской крепости достоянием самой широкой гласности. В течение дня весть о свершившейся казни облетела весь Петербург, а вскоре и всю Россию, выйдя далеко за ее пределы.⁴ Она застала современников врасплох: от нового монарха ожидали милосердного отношения к «несчастливым заговорщикам». По свидетельству декабриста Н. Р. Цебрикова, в разговоре с Веллингтоном Николай I обещал «удивить Европу» своим «милосердием», но, начав «свое правление как тиран», поставил «пяť виселиц с гнилыми веревками, на которых надобно было по два раза умирать».⁵

Чувство недоумения, растерянности и страха, быстро сменившееся горячим сочувствием к жертвам деспотического произвола, овладело в это время даже теми из современников декабристов, кого весьма трудно заподозрить в сочувствии к их деятельности. А. А. Воейкова, сблизившаяся с императрицей Александрой Федоровной как раз летом 1826 г., писала 29 июля находившемуся в этот момент за границей Жуковскому: «Милый друг! окончание несчастий 14 декабря поразит тебя так же, как и нас, — но благодарю бога, что ты далеко, что не видишь несчастных родителей. В каком они положении — ты представить можешь, но видеть все это и знать, что никакой помощи, никакой отрады этому горю нет, — это стерпим. Ты можешь себе представить, что ни разговора, ни мысли ни о чем другом нет, как об них...».⁶ В этих словах нет ни малейшего преувеличения — события 13 июля 1826 г. были предметом самых оживленных, острых и горячих споров и трагических переживаний в широких общественных кругах Петербурга, Москвы и всей России. Расчеты Николая I на то, что расправа с декабристами не получит нежелательной широкой огласки, не вызовет повсеместного возмущения, не оправдались.

Для решения поставленной в нашем исследовании задачи особенно существенными представляются отклики на события 13 июля 1826 г. лиц, входивших в ближайшее пушкинское окружение и имевших тесные контакты с поэтом, находившимся в момент казни в михайловской

² См.: Северная пчела, 1826, 17 июля, № 85.

³ По свидетельству начальника кронверка Петропавловской крепости В. И. Беркопфа, причиной задержки казни были неполадки в сооружении виселицы: «Виселица изготовлялась на Адмиралтейской стороне; за громоздкостью везли ее на нескольких ломовых извозчиках через Троицкий мост. Высочайший приказ был: исполнить казнь к 4-м часам утра, но одна из лошадей ломовых извозчиков, с одним столбом для виселицы, где-то впотьмах застряла, почему исполнение казни промедлилось значительно» (Писатели-декабристы в воспоминаниях современников, т. 1, с. 255).

⁴ См.: Шебунин А. Н. Движение декабристов в освещении иностранной публицистики. — В кн.: Бунт декабристов. Сб. статей. Л., 1926, с. 284—310.

⁵ Писатели-декабристы в воспоминаниях современников, т. 1, с. 243. Н. Цебриков имеет в виду самый драматический момент казни декабристов, когда веревки, не выдержав тяжести тел, оборвались и трое осужденных (Рылеев, Муравьев-Апостол и Каховский) сорвались с виселицы, упали и жестоко разбились. По существовавшему в народе поверью, сорвавшийся с виселицы преступник считался невиновным и подлежал помилованию. Между тем исполнители казни поторопились вторично повесить сорвавшихся с виселицы. По воспоминаниям того же Беркопфа, «запасных веревочек не было, их спешили достать в ближних лавках, но было раннее утро, все было заперто; почему исполнение казни еще промедлилось». «Однако, — замечает далее Беркопф, — операция была повторена, и на этот раз совершенно удачно» (там же, с. 256).

⁶ Цит. по: Соловьев Н. В. История одной жизни. А. А. Воейкова — «Светлана», вып. II. Пг., 1916, с. 10—11.

ссылке. Пушкин узнал о казни только 24 июля, как это следует из зашифрованной записи под беловым автографом элегии на смерть Амалии Рязнич «Под небом голубым страны своей родной». ⁷ Вот текст этой широко известной записи: «У о с. Р. П. М. К. Б: 24» («Услышал о смерти Рылеева, Пестеля, Муравьева-Апостола, Каховского, Бестужева 24 <июля 1826 года>»). ⁸ Кто же из друзей, близких и знакомых Пушкина находился в это время в Петербурге? Были ли среди них очевидцы казни? В этот исторический для России момент за пределами Петербурга и даже страны оказались наиболее осведомленные из друзей поэта, близкие к официальным и придворным кругам: отбывший еще в мае 1826 г. за границу Жуковский и выехавший накануне казни из Петербурга А. И. Тургенев. В Берлине последний отметит в своем дневнике: «В пять часов утра 13 июля выехал я из Петербурга — в самый день казни!». ⁹ Зато поблизости от столицы оказался Вяземский, приехавший в Петербург через два дня после смерти Н. М. Карамзина (22 мая 1826 г.) и вскоре уехавший вместе с его осиротевшей семьей на все лето в Ревель. Из числа ближайших друзей Пушкина Вяземский быстрее всех получил известие о страшной казни. 17 июля 1826 г. он сообщает жене из Ревеля: «Вчера получил я твои письма <...> Вместе же с этим получил я из Петербурга и печатные письма (т. е. «Северную пчелу» с известием о казни, — *Р. И.*), которые кровью облили мое сердце... Для меня Россия теперь опоганена, окровавлена, мне в ней душно, нестерпимо... Я не могу, не хочу жить спокойно на лобном месте». ¹⁰

Такова была первая эмоциональная реакция одного из ближайших единомышленников Пушкина. Но уже 20-го числа Вяземский узнает подробности казни: его большое, взволнованное письмо свидетельствует неоспоримо, что он имел абсолютно точные и детальные сведения о ней. В письме к жене Вяземский пишет о страшной жаре, бывшей в эти дни в Ревеле: «Солнце не солнце, а какое-то грозное явление, которое достойным заревом озаряет бедствия нашего времени. Как герой романа Потоцкого, который, где бы ни был, что бы ни делал, а все просыпался под виселицами, так и я: о чем ни думаю, как ни развлекаюсь, а все прибавает меня невольно к пяти ужасным виселицам, которые для меня из всей России сделали страшное лобное место». Далее Вяземский разъясняет, что вызвало у него особенное потрясение: «Знаешь ли лютые подробности сей казни? Трое из них: Рылеев, Муравьев и Каховский — еще живо упали с виселицы в ров, переломали себе кости, и их после этого вызвали на вторую смерть. Народ говорил, что, видно, бог не хочет их казни, что должно оставить их, но барабан заглушил вопль человечества, и новая казнь совершилась». ¹¹

Вся вторая половина лета 1826 г. прошла у Вяземского (да и не только у него одного) под впечатлением от казни, что наложило особый, трагический и зловеющий отпечаток на его письма и поэтическое творчество. Этими настроениями отмечена и переписка Вяземского с Пушкиным, относящаяся к концу июля—августу 1826 г. Вспоминая о страшной жаре, установившейся в эти месяцы в северо-западных губерниях России, Вяземский еще и еще раз пытался осмыслить для себя то, что

⁷ Автограф датирован 29 июля 1826 г.: ИРЛИ, ф. 244, оп. 1, № 895.

⁸ Источником этой записи, несомненно, было краткое сообщение о казни в «Северной пчеле» (1826, 17 июля, № 85), полученное в Михайловском и Тригорском с обычным для этих мест опозданием на неделю.

⁹ Тургенев А. И. Хроника русского в Париже. Дневники (1825—1826). М.—Л., 1964, с. 427.

¹⁰ Остафьевский архив, т. V, вып. II. СПб., 1913, с. 52. Еще находясь в Петербурге, 3 июня 1826 г., Вяземский встретился с освобожденным из предварительного заключения Грибоедовым, о чем сообщал жене: «Сейчас видел выпущенного из тюрьмы Грибоедова. Сегодня начался суд, то есть читали донесение Следственной комиссии, и вышел манифест, объявляющий о начале суда» (там же, с. 15). Контекст письма не оставляет сомнения в том, что разговор с Грибоедовым касался обстоятельств его ареста, а также известных ему подробностей допросов декабристов, условий их содержания под арестом и т. п.

¹¹ Остафьевский архив, т. V, вып. II, с. 54—55.

произошло 13 июля 1826 г. на кронверке Петропавловской крепости: «Как ни говори, а зрелища природы лучше всех комедий, которые человечество разыгрывает под разными именами. Человек перещеголял ее в одной трагедии, ибо никогда ужас природы не может равняться с ужасом рукотворным». ¹² Эти же переживания сказались в стихотворении «Море», скорбном реквиеме Вяземского по казненным и сосланным в Сибирь декабристам. Славя море как воплощение естественной красоты, свободной и могучей стихии, Вяземский весьма прозрачно намекал на недавние трагические события. Он писал о волнах:

В вас нет следов житейских бурь,
Следов безумства и гордыни,
И вашей девственной святыни
Не опозoreпа лазурь.
Кровь братьев не дымится в ней!
На почве, смертным непослушной,
Нет мрачных знамений страстей,
Свирепых в злобе малодушной!

(XIII, 287)

В этой связи весьма многозначительной представляется дата стихотворения — 31 июля 1826 г., в которой, по нашему мнению, содержится намек на события 13 июля: на это указывает сочетание цифр 3 и 1, их перестановка дает роковое число 13. Есть основания полагать, что именно 31 июля Вяземский если не написал, то во всяком случае закончил свой поэтический отклик на казнь декабристов. Посылая его Пушкину в письме от 31 июля 1826 г., Вяземский писал о своих тяжелых переживаниях, вызванных известием о казни («надобно быть одержимым, чтобы по нынешним временам сочинять стихи»), и одновременно давал своему адресату ключ к пониманию их тайного смысла. К подобной перестановке цифр в датах 13 и 31 июля прибегнет ровно через год и Пушкин, в «Акафисте Екатерине Николаевне Карамзиной». Летом же 1826 г. он откликнется на голос друга стихотворением «К Вяземскому» («Так море, древний душегубец»), написанным 14 августа 1826 г., т. е. сразу же по получении письма и стихотворения Вяземского. Это послание — первый, заверченный отклик Пушкина на казнь декабристов, и не только на казнь, как у Вяземского, но и на трагические судьбы всех участников восстания вообще. ¹³ В этом замечательном стихотворном диалоге «декабристов без декабря» Пушкин одновременно и развивает мысль Вяземского, и спорит с ним. Прежде всего он не согласен с его утверждением, что в нынешнее время невозможно, а может быть, и не нужно писать стихи: «Ныне, — возражает Пушкин, — каждый порыв из вещественности — драгоценен для души» (XIII, 291). Драгоценен потому, что только поэзия с ее вечными и неоспоримыми истинами и идеалами справедливости, добра и милосердия может противостоять «гнусному веку», когда:

На всех стихиях человек
Тиран, предатель или узник.

(XIII, 290)

Но Пушкин не согласен и с поэтизацией моря как вольной и могучей стихии, которой он отдал щедрую дань в стихотворении «К морю» (1824). Спрашивая у находившегося в этот момент в Ревеле и имевшего постоянную связь с Петербургом Вяземского о дошедших до михайловской глуши слухах, будто «Николая Тургенева привезли на корабле в Петербург», Пушкин восклицает: «Каково море наше хваленое», имея

¹² Там же, с. 67.

¹³ Не случайно именно в письме Пушкина к Вяземскому от 15 августа 1826 г. появляются ставшие позднее столь известными слова: «...повешенные повешены; но каторга 120 друзей, братьев, товарищей ужасна» (XIII, 291).

в виду не только присланные ему стихи Вяземского, но и собственные. Море теперь для него «древний душегубец» (эта негативная окраска окажется весьма существенной впоследствии, при работе поэта над «Арионом»). «Седой Нептун» будет назван в послании «К Вяземскому» «Земли союзником», выразителем той же злой стихии, которая поработает современного человека. Так по-новому интерпретировалась традиционно-романтическая тема свободы и красоты природной стихии.

Стихотворная переписка Пушкина и Вяземского летом 1826 г. характеризует резкий перелом в самих принципах политического иносказания: открытая программность, подчеркнута гражданский пафос сменяются более сложными и завуалированными формами выражения политических и общественных эмоций. Возрастает роль лирического подтекста, особые намеки и слова-сигналы становятся своеобразными по своей эстетической функции шифрами к пониманию скрытого смысла стихотворения. Поэтический диалог Вяземского и Пушкина о море дает первые образцы политической лирики нового типа, которой предстояло сыграть столь заметную роль в последекабрьском творчестве Пушкина.

Дальнейшее ее развитие было во многом обусловлено той исторической обстановкой, в которой оказался поэт после возвращения из михайловской ссылки. Доставленный в Москву в ночь на 8 сентября 1826 г., Пушкин после длившейся около часа беседы с ним Николая I получил «прощение» и «свободу». Прогрессивно настроенные москвичи с восторгом встретили появление поэта. Здесь он снова оказался в самой гуще современной ему русской жизни, центр которой на время коронации Николая I переместился в древнюю русскую столицу: сюда съехались представители официальных правительственных кругов, высшая петербургская знать, дипломаты. В Москве царю оживление, однако отмечавшиеся с необычайной пышностью коронационные торжества не могли стереть из общественной памяти жестокой расправы Николая I с участниками восстания, в особенности казни его вождей. По выражению Гержена, тень от зловещих виселиц упала на царствование нового монарха, что наложило свой отпечаток на судьбы всего пушкинского поколения.

Все это вместе взятое определяет характер тех творческих импульсов, под влиянием которых находился Пушкин в Москве осенью 1826 г. Он застал обсуждение подробностей казни и ссылки декабристов в полном разгаре и смог, наконец, на основании рассказов своих московских знакомых, откровенных бесед с друзьями составить отчетливое представление о событиях 13 июля. Источники и полный объем связанной с ними информации не поддаются точному учету (многое осталось за пределами дошедших до нас документальных данных), однако можно в общих чертах определить круг лиц, с которыми поэт мог откровенно беседовать на волновавшую его тему. Имя Вяземского должно быть названо в этой связи одним из первых. Он возвратился в Москву с запасом разнообразных петербургских и ревельских впечатлений в середине сентября 1826 г. и тогда же встретился с «прощенным» Пушкиным. Без сомнения, Вяземский в деталях и подробностях передал Пушкину все то, что удалось ему узнать в Петербурге о казни декабристов и всей церемонии экзекуции.¹⁴

Сведения об этих же событиях могли исходить и от других московских знакомых Пушкина: С. А. Соболевского, М. П. Погодина, Д. В. Веневитинова, Е. А. Баратынского и т. д. Весьма существенными в этом плане представляются тесные контакты Пушкина с уцелевшими от декабрьской катастрофы деятелями движения, входившими в «Общество Семиугольной звезды» (в том числе и с таким важным свидетелем, как

¹⁴ Лишним подтверждением того, что события 13 июля 1826 г. служили темой откровенных разговоров Вяземского с Пушкиным, является их совместная поездка в день преполовения (в апреле 1828 г.) в Петропавловскую крепость, где на валу кронверка друзьями были собраны пять щепочек от виселицы, которые хранились Вяземским всю жизнь (см. об этом: Литературное наследство, т. 58. М., 1952, с. 75—76).

В. П. Зубков, привлекавшийся к следствию и в течение восьми дней содержавшийся в Петропавловской крепости),¹⁵ и, наконец, общение с входившими в это общество бывшими «лицейскими» — Б. К. Данзасом и В. П. Пальчиковым (их портреты имеются в рукописях поэта).¹⁶ В салоне Зинаиды Волконской (родственницы С. Г. Волконского) поэт общался с женами ссыльных декабристов накануне их отъезда в Сибирь — М. Н. Волконской и А. Г. Муравьевой. Они располагали версией событий, исходившей из среды самих декабристов.

Как видим, круг лиц, знакомых с обстоятельствами казни, был в достаточной мере широк. Однако в их числе был, и это следует особенно подчеркнуть, непосредственный очевидец событий 13 июля — близкий к декабристам Н. В. Путята, который оказался среди зрителей при совершении казни и впоследствии описал свои впечатления в мемуарах. Впервые на рассказы Путяты о казни как на источник сведений о ней Пушкина указала Л. В. Крестова.¹⁷ Однако ценное наблюдение было сделано ею попутно и не получило необходимой конкретизации на материале творческих рукописей поэта. Высказав предположение, что со слов этого очевидца Пушкиным был сделан первый, наиболее известный рисунок виселицы с пятью казненными декабристами и записью «И я бы мог как [шут ви...],¹⁸ исследовательница, как нам представляется, пошла далее по неверному пути. Опираясь на излишне прямолинейно истолкованные свидетельства С. П. Трубецкого, Н. В. Басаргина и М. А. Бестужева, она увидела в строке «И я бы мог как шуг...» намек на буффонский характер экзекуции над декабристами, якобы превращенной Николаем I в шутовское зрелище. Этому, однако, противоречит не только трагический характер самих событий 13 июля, отразившийся и в пушкинских рисунках виселиц, но прежде всего тон и смысл воспоминаний о казни Н. В. Путяты.¹⁹

О сильнейшем потрясении Путяты во время казни выразительно свидетельствуют следующие заключительные строки его мемуаров: «Несколько ночей сряду я не мог спокойно заснуть. Лишь только глаза мои смыкались, мне представлялась виселица и срывающиеся с нее жертвы».²⁰ Хотя Путята и не останавливается на процедуре казни, ограничиваясь ее общей картиной, он сообщает ряд любопытных с психологической точки зрения деталей о поведении осужденных (отмечает, например, что «они шли бодро и взорами искали знакомых в толпе»), о настроениях зрителей и собственных впечатлениях. Путята не был беспристрастным и безучастным к происходившему наблюдателем: его оценки проникнуты живым сочувствием к жертвам деспотического произвола, и, может быть, в этом одна из главных причин особого внимания к нему Пушкина осенью 1826 г. От него поэт мог узнать, что при казни

¹⁵ См.: Пушкин и его современники, вып. IV. СПб., 1906, с. 11.

¹⁶ Литературное наследство, т. 16—18. Л., 1934, с. 33.

¹⁷ См.: Временник Пушкинской комиссии. 1962. Л., 1963, с. 46.

¹⁸ Автограф находится в третьей масонской тетради Пушкина: ИРЛИ, ф. 244, оп. 1, № 836, л. 38 (по жандармской пагинации, л. 37 по архивной).

¹⁹ См.: Русский архив, 1881, кн. 2, № 2, с. 343—344. Эти воспоминания дошли до нас в позднейшей записи и представляют собою основанный на личных впечатлениях рассказ о казни декабристов, дополняющий известное свидетельство другого очевидца — немецкого историка Шницлера (см. текст его воспоминаний: там же, с. 342). Необходимо, хотя бы коротко, коснуться обстоятельств знакомства Н. В. Путяты с Пушкиным, которое относится к осени 1826 г. Посредником в их знакомстве был Е. А. Баратынский, близко знавший Путяту и друживший с поэтом. Уже это одно делало возможным откровенный разговор о произошедших в отсутствие Пушкина драматических событиях петербургской жизни, свидетелем и участником которых был и сам мемуарист, и в особенности его друзья-декабристы. В своих воспоминаниях о Пушкине (см. их текст: Русский архив, 1889, № 6, с. 350—353) Путята предпочел умолчать о своем разговоре с поэтом о казни, но тема эта не могла не занять важного, если не основного, места в их беседах. Воспоминания Путяты о казни декабристов позволяют судить о том, чем мог заинтересоваться в них Пушкин.

²⁰ Русский архив, 1881, кн. 2, № 2, с. 344.

присутствовали Дельвиг и Греч;²¹ его рассказ позволил поэту получить более или менее точные сведения о последних словах приговоренных к смерти (в обществе об этом ходили разноречивые толки), понять и как бы самому пережить их состояние. Путята, надо полагать, ответил и на другие вопросы, интересовавшие Пушкина; главное же — поэт слушал живые, по горячим следам события, слова очевидца, несравненно более богатые конкретными деталями, выразительными штрихами, запоминающимися эпизодами, чем известный нам в позднейшей записи лаконичный мемуарный текст. По образованию Путята был военным инженером, прекрасно разбиравшимся в сооружениях и постройках и обладавшим умением ориентироваться на местности. С этой точки зрения его наблюдения имели особенную ценность для поэта, желавшего знать до мельчайших подробностей все обстоятельства казни, как бы увидеть ее воочию.

Только воспоминания очевидца казни, заинтересованного в точности и правдивости своего рассказа, помогли поэту восстановить ее картину, с такой отчетливостью отразившуюся в рисунках третьей масонской тетради. Это было отмечено А. Петровым, специально изучавшим вопрос об их исторической достоверности. На основании анализа сохранившихся планов Петропавловской крепости исследователь пришел к выводу, что Пушкин не только точно зарисовал расположение виселицы на валу кронверка, но и передал в своем изображении ход казни: верхний рисунок, по его мнению, фиксирует начало казни, нижний — ее окончание. Таким образом, заключает исследователь, рисунки виселиц являются «историческим документом, так как автор его — современник события», который «зарисовал место казни по рассказу из первых рук»,²² т. е. на основании свидетельства Путяты. Автор оставляет, однако, в стороне вопрос о смысле и характере пушкинского текста, находящегося на одном листе с рисунками и вызывающего до сих пор острые споры в пушкиноведении. Рисунки при этом приобретают самостоятельное значение, в то время как они являются хотя и важным, но далеко не единственным элементом постепенно складывающегося у Пушкина замысла, первые контуры которого обозначены на л. 38 третьей масонской тетради. Этот творческий замысел — поэтический отклик на события 13 июля 1826 г. — рос и вызревал в кругу московских впечатлений Пушкина, разговоров о казни, но к его осуществлению поэт перешел позднее, уехав из Москвы в Михайловское в ноябре 1826 г.²³ К анализу этого замысла мы и обратимся в следующем разделе нашей работы.

2

Т. Г. Цявловская в статье «Отклики на судьбы декабристов в творчестве Пушкина» указала, что по возвращении из Москвы в Михайловское 9 ноября 1826 г. Пушкин «взялся прежде всего за пятую главу

²¹ Это отмечено в мемуарах Путяты. Упоминание Дельвига в этой связи особенно существенно, так как он не оставил своих воспоминаний о казни, хотя, надо полагать, именно он подробно рассказал о своих наблюдениях Пушкину, приехавшему в Петербург в мае 1827 г.

²² См.: Петров А. Штрихи ложились на бумагу. Рисунок Пушкина прочтен. — Пушкинский праздник. Спец. выпуск «Литературной газеты» и «Литературной России», 1969, 30 мая—6 июня, с. 18.

²³ Замысел подобного произведения не мог возникнуть до приезда Пушкина в Москву. Ни в Михайловском, ни в Тригорском поэт не мог узнать подробностей совершения казни, поэтому мысли Пушкина концентрируются не вокруг казни (поэту известен пока лишь самый ее факт), а вокруг Николая I, палача декабристов, которому Пушкин посылает проклятья как «гнусному убийце», что отражается в известном фрагменте «Восстань, восстань, пророк России» (см. об этом: Цявловская Т. Г. Отклики на судьбы декабристов в творчестве Пушкина. — В кн.: Литературное наследие декабристов. Л., 1975, с. 201—202). Все это дает основание решительно отнести датировку записей и рисунков на л. 38 третьей масонской тетради А. Эфросом, полагавшим, что они были сделаны в конце июля—августе 1826 г. в Михайловском (см.: Эфрос А. Рисунки поэта. Л., 1933, с. 356—364).

„Онегина“, от которой давно отошел (завершенные к этому времени первые двадцать строф были написаны еще в самом начале года, — *Р. И.*). Но написав четыре строфы (XXI—XXIV, — *Р. И.*) <...>, поэт оторвал себя от любимого детища и занялся вынужденным делом». Исследовательница имеет здесь в виду составляемую Пушкиным по заказу Бенкендорфа для Николая I записку «О народном воспитании». «В неделю она была сделана (дата в заключении рукописи: Михайловское. 15 ноября 1826 г.), — отмечает исследовательница. — И со спокойной совестью поэт вернулся к роману (именины Татьяны). Над последней строфой главы — дата: 22 ноября. В эти дни зародились стихи: „И я бы мог как [шут ви...]“».²⁴

Положение листа 38 в третьей масонской тетради позволяет несколько уточнить данные Цявловской. Сделанные на нем записи, как это бывает у Пушкина, заполняют возникшую в ходе работы над черновиками XXV—XXX строф пятой главы «Онегина» паузу. Эта пауза привела к возникновению нового замысла — произведения о казни декабристов: лист 38 дает точную стенограмму его развития. Замысел, однако, сразу не пошел, и поэт, только обозначив его и оставив далее чистые страницы в этой рабочей тетради (что, несомненно, свидетельствует о намерении продолжать замысел), переносит работу над последующими черновыми строфами пятой главы романа в другую часть тетради (строфы XXXII—XXXIII записаны в перевернутом положении тетради — ПД № 836, л. 40—37 об.). Переписав их набело (ПД № 935), поэт помечает датой окончание работы: 22 ноября. Приняв даты 15 и 22 ноября за опорные в датировке записей на л. 38, можно отнести набросок «И я бы мог как [шут ви...]» ко второй половине ноября — не ранее 16-го и не позднее 20—21 ноября (так как 22 ноября поэт, несомненно, занимался перепиской пятой главы романа). Таким образом, замысел произведения о казни декабристов возник и получил свои первые очертания в один из дней недели, разделяющей работу над окончанием записки «О народном воспитании» и над пятой главой «Евгения Онегина».

Мысли о декабристах и их трагической участи, не покидавшие поэта после возвращения из ссылки, получили новое направление в Михайловском в связи с его работой над запиской «О народном воспитании», целевое назначение которой по замыслу Бенкендорфа и Николая I было «представить все пагубные последствия ложной системы воспитания» (XIII, 298). Н. В. Измайлов справедливо усматривает в этом «недвусмысленное и угрожающее поэту напоминание не только о его ссылке 1820 г., но и прежде всего о его связях с декабристами и о значении для них его вольнолюбивых стихов».²⁵ Круг размышлений о декабристах, причинах и последствиях их выступления против самодержавия, отразившийся в черновиках записки (расположенных на л. 48—43, 41 об. в третьей масонской тетради), замыкался мыслью о собственной причастности к их историческому делу, а следовательно, и к их судьбе. Именно этот, не единственный, но существенный момент идейного содержания записки «О народном воспитании» объясняет неожиданный на первый взгляд, но внутренне оправданный переход от политической публицистики к художественному замыслу — и на этот раз замыслу стихотворному, первым приступом к которому является строка «И я бы мог как [шут ви...]».

Последовательность творческой работы Пушкина над этим замыслом представляется в следующем виде: первой записью на л. 38, как справедливо отметил А. Эфрос, «была стихотворная незаконченная строчка „И я бы мог как шут на...“».²⁶ Исследователь анализировал этот текст в соответствии с принятым тогда чтением последнего незаконченного

²⁴ Литературное наследие декабристов. Л., 1975, с. 202.

²⁵ Измайлов Н. В. Вновь найденный автограф Пушкина — записка «О народном воспитании». — В кн.: Временник Пушкинской комиссии. 1964. Л., 1967, с. 8.

²⁶ Эфрос А. Рисунки Пушкина, с. 358.

слова как «на». Чтение это было оспорено Т. Г. Цявловской,²⁷ предложившей иную расшифровку неясных по начертанию букв последнего слова — «ви<сеть>» вместо «на», принятую и в «большом» академическом издании (III, 461, 1065). Не закончив строчку, поэт тут же начал ее переделывать — зачеркнул выражение «шут ви<сеть>», после чего в работе последовала пауза, заполненная набросками портретов московских родных и знакомых поэта. Несколько вариантов изображения В. Л. Пушкина воссоздают облик дяди поэта, заметно постаревшего за годы ссылки Пушкина. Но дело, конечно, не в одних лишь тонко подмеченных в рисунке возрастных изменениях его наружности: к воспоминаниям о дяде-поэте примешивается горькая мысль о непонимании им своего племянника, его боязни за себя и свою репутацию в момент михайловской ссылки Пушкина. Портрет отца также связан с мрачными воспоминаниями, относящимися к осени 1824 г., когда С. Л. Пушкину был поручен надзор за ссыльным сыном. После возникшей в этой связи ссоры с отцом поэт, как известно, намеревался даже просить правительство о своем переводе в Соловки или о заточении в Петропавловскую крепость. По естественной ассоциации Пушкин возвращается к тому трагическому событию, которое разыгралось на кронверке этой крепости 13 июля 1826 г., а также к размышлениям о причинах декабрьской катастрофы. Так на л. 38 появляются три наброска портрета диктатора С. П. Трубецкого, не явившегося в день восстания на площадь и тем самым способствовавшего его неудаче. Затем мысль поэта снова переключается на себя: с тем же отступом от края страницы повторяется стих «И я бы мог», но уже без «шута». И только после этого Пушкин рисует виселицу. До сих пор считалось, что сначала был создан верхний рисунок, изображающий начало казни. Но это не подтверждается данными автографа. Знакомство с рукописью убеждает, что записи на л. 38 делались в два приема. Первые из них производились более темными чернилами, которыми записана первая строка — «И я бы мог как [шут ви. ..]». Такими же чернилами даны наброски портретов,²⁸ второй вариант строки и нижний рисунок виселицы. Вторая группа записей сделана более светлыми, блеклыми чернилами и, вне сомнения, позднее. Это портрет неизвестного (с усами), еще одно изображение дяди, небольшая, но выразительная «дьявольская сюита» (изображение фигурок пляшущих чертей), а также портрет кишиневского декабриста П. С. Пуцина, в момент создания рисунка жившего неподалеку от Михайловского.²⁹ Этими же (светлыми) чернилами сделан и верхний рисунок виселицы — видимо, последний на л. 38: изображенный Пушкиным на этом рисунке вал крепости перечеркивает более ранние по времени портреты В. Л. Пушкина и С. П. Трубецкого, как бы «наезжает» на них.

Итак, данные автографа еще раз подкрепляют общепринятую точку зрения на рисунки поэта, согласно которой они являются не простыми иллюстрациями его замыслов, а передают причудливое и сложное течение его мыслей, «стенограмму» его творческого процесса. И в этом случае поэт идет не от рисунку к тексту, а от текста к рисункам, которые разворачивают ряд живых ассоциаций. Строка «И я бы мог», намекающая тему близости поэта к движению декабристов, реальности его участия в событиях 14 декабря (а следовательно, и возможности такого же наказания), комментируется рисунками. Они в свою очередь

²⁷ См.: Цявловская Т. Г. Невозрожденный замысел Пушкина. — Литературная газета, 1972, 15 марта, № 14, с. 7.

²⁸ К сожалению, не все портреты на рисунке атрибутированы. Это прежде всего относится к двум вариантам портрета неизвестного в очках (выполненного темными чернилами), поразившего поэта необычностью своей наружности, а также к портрету неизвестного с усиками, с значительным и красивым лицом — по-видимому, кого-то из московских знакомых поэта, может быть причинившего ему неприятность или обиду. Любопытно отметить, что на л. 38 как бы собраны «обидчики» поэта.

²⁹ См.: Иезуитова Р. В. Письмо Пушкина к П. А. Осиповой. — В кн.: Временник Пушкинской комиссии. 1965. Л., 1968, с. 37—38.

показывают, как далеко заходил поэт в своем сознании сопричастности к декабризму, считая возможным и для себя бедственный жребий, выпавший на долю пятерых казненных. Однако поэтический замысел не получил развития, и поэт на время оставляет его, хотя и не отказывается от него окончательно.

Анализу этой, не совсем ясной по смыслу строки посвящена весьма обширная исследовательская литература. Однако в стремлении разгадать «загадочные строки» Пушкина большинство комментаторов идут, как нам представляется, не по совсем верному пути, сосредоточивая внимание на слове «шут» и упорно не замечая того обстоятельства, что самое это слово, фиксирующее какой-то первоначальный ход пушкинской мысли, было сразу же отброшено поэтом: оно дает первый вариант строки, зачеркнутый Пушкиным. Набрасывая эту строку на том же листе, но несколько ниже, он закрепляет новый вариант, уже без «шута». Таким образом, это слово ни в коей мере не может служить опорным при анализе пушкинского замысла о казни декабристов, оно отражает самую раннюю стадию в работе над ним. Однако с момента публикации этой строки В. Е. Якушкиным в описании рукописей Пушкина³⁰ возникло множество толкований «загадочного» выражения, на которых следует, хотя бы вкратце, остановиться.

Первый, развернутый комментарий к этой строке принадлежит С. А. Венгеру, уточнившему прочтение неясного по начертанию слова «шут» (вместо предложенного Якушкиным «тут»). Отметив неожиданность сравнения с шутом, Венгер считал необходимым оговорить, что в этом «никакого пренебрежения к декабристам нет». «Почему если декабристы висят на виселице как „шуты“, то это значит, что они и сами шуты? — подчеркивал исследователь. — Если я про кого-то скажу: его зарыли как собаку, значит ли это, что я его считаю собакой?»³¹ В. Л. Боцяновский отнес это выражение к самому Пушкину, который якобы привел его в укор себе, имея в виду следующее: «Они (декабристы, — Р. И.) висели как герои, бившиеся выступить в защиту знамени свободы <...> А он, стоявший в стороне от этого движения, он, вовлеченный в мятежный водоворот случайно, висел бы среди них как шут, быть может, даже умаляя их подвиги своим соседством».³² Эту точку зрения принял и подкрепил новыми аргументами (ссылкой на пушкинскую заметку о «Графе Нулине», в которой поэт отметил, что шутливая поэма его сочинена 13 и 14 декабря 1825 г.) Н. О. Лернер. «Ну, как же, спрашивается, не шут? — патетически восклицал он. — Они вышли умирать, а он шутит. <...> перелагал в веселые стихи пикантный анекдот и забавлялся пародией».³³ Неверное и отброшенное в пушкиноведении освещение характера взаимоотношений Пушкина с декабристами, отразившееся у Боцяновского и Лернера, привело их и к ошибочному столкновению пушкинской строки, текст которой не дает ни малейших оснований для сравнения роли поэта в движении с ролью шута или для осуждения самого себя за неуместную шутливость в столь трагический для всей России день. Комментаторы отходят далеко от содержания и тональности пушкинской строки, несомненно трагической и по отношению к самому себе. Важным моментом в ее осмыслении стало указание М. А. Цявловского на общеупотребительность выражения «висеть как шут», подкрепленное ссылкой на подобный образ в «Елисее, или Раздраженном Вакхе» В. Майкова.³⁴ Наблюдение Цявловского было подхвачено и развито Б. П. Городецким, выдвинувшим гипотезу о пушкинской строфе как новой вариации поэтической темы, взятой из «Раздраженного Вакха», с мотивом повешенного шута, висящего между богами, который «не сорвется вовек» (последние слова, многозначительно под-

³⁰ Русская старина, 1884, июнь, с. 530.

³¹ Пушкин. [Соч.], т. II. Под ред. С. А. Венгерова. СПб., 1908, с. 529—530.

³² Вестник литературы, 1921, № 2, с. 8—9.

³³ Лернер Н. О. Рассказы о Пушкине. Л., 1929, с. 208.

³⁴ Рукою Пушкина. Несобранные и неопубликованные тексты. М.—Л., 1935, с. 160.

черкнутые исследователем, дали ему основание усмотреть якобы содержащийся в этих строках намек на сорвавшихся при повешении Рылеева, Муравьева-Апостола и Каховского). Исследователь идет далее, проведя аналогию между травестированными богами Майкова и декабристами: «В этом воспроизведении майковской формулы была своя и значительная закономерность: ведь тот, кто мог быть повешен, висел бы между богами».³⁵ Столь прямолинейное применение шуточных и грубоватых образов майковской поэмы к трагической ситуации казни декабристов не позволяет признать гипотезу Городецкого удачной, хотя самые поиски литературных реминисценций и параллелей характеризуют тенденцию трактовать пушкинскую строку именно как художественный образ.

Интересную попытку осмыслить образ шута в этом фрагменте предприняла Л. М. Лотман, привлекая к анализу «Айвенго» Вальтера Скотта. Экземпляр этого романа в русском переводе Ковтырева хранит следы внимательного чтения его Пушкиным и вместе с тем следы размышлений поэта о казни декабристов, отразившихся в рисунке виселицы (над которой поэт помещает весы). Л. М. Лотман усматривает в пушкинской строке о шуте намек на роль шута Вамбы в романе В. Скотта, вступившего «в неожиданный и прямой контакт с самодержцем» и обсуждавшего с ним вопрос о «логике поведения его непокорных подданных с мыслью о милости к ним».³⁶ Отнеся строку «И я бы мог» не к казни декабристов, а к аудиенции Николая I Пушкину, исследовательница, на наш взгляд, в какой-то мере изолирует этот замысел от рисунков, которые свидетельствуют об ином направлении в его развитии.

Более правыми, с нашей точки зрения, оказываются те исследователи (С. А. Венгеров, М. А. Цявловский), которые не стремятся искать в выражении «как шут висеть» особый, потаенный смысл. Оно не содержит также и сравнения с шутами ни декабристов, ни самого поэта, хотя и не исключает возможности литературных ассоциаций, связанных с образом повешенного или наказанного шута. Вместе с тем, прибегая к этому выражению как к «общеупотребительному», поэт, несомненно, улавливал в самом акте повешения обидный для памяти декабристов смысл, ибо, по справедливому замечанию С. А. Венгерова, «повешение недаром считалось казнью позорною. Сложить голову на плахе — тут есть нечто героически-красивое, а повешенный именно болтается как шут».³⁷ Недаром эта, позорная для дворянина и офицера мера наказания, придуманная Николаем I с целью унижить своих противников, встретила горячее возмущение приговоренных. Думая о возможности подобного наказания и для себя, Пушкин допускал мысль, что и он мог бы закончить свои дни на виселице, т. е. умереть смертью позорною, стать еще одной жертвой жестокого произвола самодержца. Эта мысль, как известно, тревожила поэта (послание «Е. П. Полторацкой» и др.). Однако в конце концов поэт отказывается от уравнивания своей судьбы с судьбами казненных декабристов: «мог бы» не означает «был»! Вместе с тем он полностью сохраняет другую, уже бесспорную мысль — о своей причастности к декабристскому движению. «Я был в связи почти со всеми и в переписке со многими из заговорщиков», — заявляет он в письме к Вяземскому от 10 июля 1826 г. (XIII, 286). Пушкин раньше других своих «друзей, братьев, товарищей» (XIII, 291) стал жертвой самодержавного произвола, подвергся грубому политическому гонению. Он, не задумываясь, дал утвердительный ответ на вопрос Николая I, был бы он на Сенатской площади среди восставших, окажись он в этот момент в Петербурге. «Ты ни в чем не замешан — это правда, — сообщал Пушкину в Михайловское Жуковский в самый разгар работы Следственной комиссии. — Но в бумагах каждого из действовавших находятся стихи твои» (XIII, 271). Строка «И я бы мог» концентрирует эти и многие другие, не менее

³⁵ Проблемы современной филологии. М., 1965, с. 370.

³⁶ Лотман Лидия. «И я бы мог, как шут <...>». — В кн.: Временник Пушкинской комиссии. 1978. Л., 1981, с. 65.

³⁷ Пушкин. [Соч.], т. II. Под ред. С. А. Венгерова. СПб., 1908, с. 530.

важные моменты политической биографии Пушкина. Если он и не стал декабристом в собственном смысле слова, то, без сомнения, явился наиболее ярким и глубоким выразителем высоких и благородных идеалов декабризма.

Смысл поэтической строки Пушкина неоднозначен: поэт вполне мог оказаться на Сенатской площади и затем разделить трагическую участь восставших (мотив казни, развиваемый рисунками виселицы, настойчиво звучит и в других произведениях Пушкина). Он мог быть заключен подобно арестованным декабристам в Петропавловскую крепость, сослан на Соловки и т. п. И, наконец, вполне реальными были те политические гонения, которым подверг Пушкина Александр I, а следовательно, поэт был вправе уподобить свою личную участь общей судьбе декабристов. Местоимение «я» в сочетании с союзом «и» означало присоединение к слову «они» («и я, как они»). Однако поэт не нашел особой формы для выражения этой мысли, не дал ей сюжетного развития. Поэтический отклик на казнь декабристов не получил своей реализации в ноябре 1826 г. Развитие декабристской темы в конце этого и начале следующего, 1827 г. пошло у Пушкина по иному руслу.

Переживания и размышления, вызванные декабрьскими событиями и их трагическими последствиями, общение с московскими друзьями, с родными и близкими осужденных на каторгу и ссылку декабристов — эти и многие другие подобные им обстоятельства обусловили возникновение целого ряда поэтических произведений, прямо или косвенно связанных с декабристской темой. Конец 1826 г. — первые месяцы 1827 г. характеризуются усиленным вниманием Пушкина к этой теме. 13 декабря помечена вторая (не дошедшая до нас в автографе) редакция послания к «И. И. Пущину» («Мой первый друг, мой друг бесценный»); 22 декабря написаны «Стансы», проникнутые историческим оптимизмом и содержащие прямые указания на недавно пережитые Россией новые «мятежи и казни»;³⁸ концом декабря 1826 г. — первыми числами января 1827 г. датируется послание «Во глубине сибирских руд»; к 1826 г. отнесено предположительно «большим» академическим изданием послание «Мордвинову»,³⁹ продолжающее декабристскую трактовку идеи гражданского служения родине на государственном поприще и имеющее прямые аналогии с обращенной к этому же адресату одой Рыльева «Гражданское мужество». Каждое из этих произведений, вызванное к жизни теми или иными конкретными поводами, связано с другими не только общностью самой темы, но и единством образующих ее мотивов, выявляющих прежде всего ее гражданско-патриотический аспект. Это программные выступления поэта в защиту осужденных и погибших друзей, апофеоз их подвига, утверждение правоты их исторического дела.⁴⁰ Однако тема эта

³⁸ Д. Д. Благой подчеркивает большое гражданское мужество поэта в самом стремлении «дать понять путем прямой аналогии с началом царствования Петра, что начало царствования Николая „мрачили“ — омрачали не только мятежи, но и казни» (Благой Д. Д. Творческий путь Пушкина (1826—1830). М., 1967, с. 135).

³⁹ Справедливым представляется и другое утверждение Д. Д. Благого, что эту презмерно широкую датировку можно сузить, отнеся стихотворение ко второй половине и даже к концу этого года (Благой Д. Д. Творческий путь Пушкина, с. 137). Беловой с поправками автограф послания расположен на л. 80—79 об. тетради ПД № 833 (третьей кишиневской), в которой находятся черновики и беловики ряда декабристских стихов Пушкина интересующего нас периода (1826—1827 гг.). Отметим, что имеющая важнейшее смысловое значение последняя строфа стихотворения содержит два мотива («вдовицы бедный лепт и дань сибирских руд»), которые, как нам представляется, не могли возникнуть до получения Пушкиным известия об осуждении и казни декабристов: «сибирские руды» для Пушкина — слово-сигнал для обозначения места ссылки декабристов (ср. «Во глубине сибирских руд»), в «бедном лепте вдовицы», возможно, есть отзвук внимания поэта к вдове Рыльева, оказавшейся после смерти мужа в тяжелом материальном положении. Объединение этих мотивов едва ли может быть объяснено чистой случайностью.

⁴⁰ Подробный анализ этой тематически единой группы «декабристских стихов» Пушкина конца 1826 — начала 1827 г. дан Д. Д. Благим, что избавляет нас от необходимости более детального их рассмотрения (см.: Благой Д. Д. Творческий путь Пушкина, с. 125—147).

привлекала Пушкина не только как современника событий, как поэта — мыслителя и гражданина, а волновала его и в глубоко личном плане — аналогией своей недавней участи поэта-изгнанника с судьбой сосланных друзей: мотив изгнания—заточения возникает (и это далеко не случайно) и в «потаенных стихах», адресованных сибирским узникам («И. И. Пуцину», «Во глубине сибирских руд»). Этот сокровенный, интимно-лирический поворот декабристской темы явился причиной того, что ноябрьский замысел 1826 г. («И я бы мог...») не иссяк, не ушел в песок, а принес живые творческие всходы в новом, 1827 г.

Следы дальнейшего развития этого замысла можно усмотреть в группе лирических стихов и набросков, занимающих листы 18—19 в третьей масонской тетради и предположительно датированных апрелем—июлем 1827 г. («Какая ночь! Мороз трескучий!», «Весна, весна, пора любви!», «Как бурю пловец»). Эти произведения, привлекавшие внимание исследователей отдельными и в основном частными аспектами своего содержания, никогда не рассматривались целостно, в связи с конкретными обстоятельствами их создания. Одновременность работы поэта над тремя разными по своей тематике стихотворениями, на что указывает расположение этих лирических фрагментов в рукописи (отмечено в «большом» академическом издании Пушкина — III, 1145—1146), также не получила никакого разъяснения. Попытаемся ответить на некоторые из этих вопросов.

3

Третья масонская тетрадь заполнялась сразу же с двух концов. Она была начата в Михайловском осенью 1824 г., когда Пушкин, оставив чистыми два первых листа, приступил в ней к переделке поэмы «Цыганы», которая была закончена 10 октября 1824 г. (л. 3 об.—15). Почти одновременно, или вскоре после этого (в ноябре 1824 г.), он, перевернув тетрадь, начал записывать в ней народные сказки, известные в пушкиноведении как записи сказок Арины Родионовны.⁴¹ Долгое время он продолжал заносить именно в эту часть тетради материалы и творческие замыслы фольклорного характера: народные песни о Стеньке Разине (л. 50 об.—49 об.), черновые строфы пятой, проникнутой фольклорными мотивами главы «Евгения Онегина» (л. 49—48 об., 42 об.—42, 41—37 об.), обращенное к няне-сказительнице стихотворение «Подруга дней моих суровых». И лишь охарактеризованные выше обстоятельства, вызвавшие к жизни записку «О народном воспитании», внесли в этот фольклорный «массив» иной, но чрезвычайно важный для поэта осенью 1826 г. декабристский элемент. Последняя запись этого года в перевернутом положении тетради была сделана на л. 38 — стихотворная строка «И я бы мог» и рисунки повешенных декабристов; этим замыкаются михайловские записи в ноябре 1826 г.

Иным характером отличаются поэтические тексты, записанные в прямом положении тетради: в них нельзя увидеть какой-то единый тематический стержень, объединяющее начало. В этой части тетради поэт трудился над отделкой своих произведений, заносил в обычной для себя манере возникающие у него замыслы, делал попутные замечания и т. д. Закончив переделку «Цыган», поэт вернулся к этой части тетради в самом начале 1825 г., когда он намеревался дополнить поэму монологом Алеко над колыбелью сына (черновик монолога занимает следующие за основным текстом «Цыган» листы — 15 об. и 16 об.). Одновременно на оставшемся до тех пор чистым листе 1 Пушкин записывает свой перевод «с португальского» («Там звезда взошла»). Снова возвращается он к тет-

⁴¹ Наши наблюдения о фольклорном характере записей, идущих от конца тетради ПД № 836, подтверждаются тем, что именно сюда поэт вписал свой знаменитый «Пролог» к отдельному второму изданию «Руслана и Людмилы» (1828). Подробнее см.: Иезуитова Р. В. Стихотворение Пушкина «Всем красны боярские конюшни» как опыт создания «простонародной баллады». — В кн.: Временник Пушкинской комиссии. 1975. М.—Л., 1979, с. 38.

ради летом 1826 г., записав на л. 17 наброски стихотворения «Кристалл, поэтом обновленный»,⁴² несомненно навеянного дружеским общением Пушкина с Н. М. Языковым и А. Н. Вульфом в июне—июле 1826 г.⁴³ Далее следуют интересующие нас записи на л. 18—19 об., относящиеся к более позднему времени. При этом лист 19 также сохранился лишь частично — нижние три его четверти были вырезаны уже после смерти Пушкина кем-то из его ближайших друзей, имевших доступ к рукописям поэта.⁴⁴ Следующий лист, л. 20, также имевший жандармскую нумерацию, не сохранился: на оставшемся в тетради клочке прочтению поддается лишь слово «Эда».⁴⁵ Далее в рукописи было еще несколько листов, вырванных из тетради самим поэтом (они не имели жандармской нумерации). Сохранившиеся обрывки этих листов не имеют записей. Поэтому мы не знаем, какие тексты на них находились; о том, что записи все же были, свидетельствует следующий, 20-й лист тетради, содержащий написанный сверху чернилами конец фразы («одними догадками»), начало которой было на предыдущем, вырванном листе. На этом же листе, ниже, поэт начал работу над «Акафистом Екатерине Николаевне Карамзиной». Писанный карандашом, черновой его автограф имеет авторскую дату: 31 июля 1827 г.

Итак, положение листов 18—19 в тетради ПД № 836 определяет хронологические рамки записанных на них произведений («Какая ночь!», «Весна, весна» и «Как бурею пловец») лишь в самом общем виде: июль 1826 г. (время создания «Кристалла») и 31 июля 1827 г. (дата «Акафиста»). Отсутствие ближайших к ним листов — л. 17 (сохранившегося лишь частично) и л. 20 с неизвестной нам записью об «Эде» Баратынского — не позволяет датировать тексты на л. 18—19 более точно. Установление такой датировки затруднено еще и тем, что ни один из названных выше текстов не был опубликован при жизни Пушкина. Предположительной является и датировка в «большом» академическом издании сочинений Пушкина (апрель—июль 1827 г.). Основанием для отнесения конечной границы к июлю служит «Акафист», расположенный в близком (хотя, повторяем, не в прямом) соседстве с записями на л. 18—19. Отнесение же начальной границы к апрелю не может быть объяснено только положением этих автографов в тетради, а требует рассмотрения их в более широком творческом контексте.⁴⁶

Очевидно, что между записями на сохранившейся части л. 17 («Кристалл») и на л. 18—19 об. существует значительный временной разрыв: уж слишком различны они по содержанию, лирической тональности и своим палеографическим особенностям. И наоборот, характер всех трех записей на л. 18—19 об. неоспоримо свидетельствует об их внутренней бли-

⁴² Лист 17 сохранился не полностью, нижняя его часть с жандармской пометой была аккуратно вырезана из тетради. Судьба находившегося на нем автографа остается неизвестной.

⁴³ Н. М. Языков прожил в Тригорском «ровно шесть недель», как он вспоминал впоследствии (с середины июня по 17 (?) июля 1826 г., см.: Цявловский М. А. Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина, т. I. М., 1951, с. 710, 715, 769—770). Полагаем, что стихотворение было начато еще до получения в Михайловском известия о казни декабристов (до 24 июля 1826 г.), иначе самый тон его был бы совершенно иным. Оно отражает жизнерадостное, светлое настроение, царившее в Тригорском во время пребывания там Языкова. Возможно, получение этого известия прервало работу Пушкина над стихотворением «Кристалл», и поэт больше не вернулся к нему. Наброски «Кристалла» на л. 17 являются последней записью 1826 г., сделанной в прямом положении тетради ПД № 836.

⁴⁴ Вырезанный из тетради автограф (л. 19 по жандармской нумерации) в настоящее время хранится в Берлинской библиотеке (см. его транскрипцию, сделанную Л. Н. Майковым с оригинала: ИРЛИ, ф. 244, оп. 5, № 46). Автограф имеет помету «Rouchkin», сделанную рукой Вяземского, что позволяет предположить принадлежность автографа именно ему.

⁴⁵ Название поэмы Баратынского (см. об этом ниже).

⁴⁶ Не располагая сведениями, на каком основании эти записи были отнесены к апрелю 1827 г. в академическом издании Пушкина, мы вынуждены подробно рассмотреть весь комплекс вопросов, связанных с этой датировкой, чтобы подтвердить, уточнить или, напротив, отвергнуть ее.

зости и одновременности работы Пушкина над ними. Важно отметить, что записанный на обороте л. 19 второй стихотворный набросок посвящен весне и по своим жанровым признакам является лирическим пейзажным стихотворением. Пейзажная лирика у Пушкина теснейшим образом связана с конкретными обстоятельствами его жизни и выражает вызванные ими настроения. Поэт не мог бы с такой непосредственностью и почти чувственной осязаемостью передать то особенное состояние своей души, для которого позднее найдет емкую поэтическую формулу (оксюморон) — «тяжелое упоенье», и запечатлеть это состояние в стихах, прежде чем он испытает и переживет это чувство. Следовательно, подобный фрагмент о весне не мог появиться в пушкинской тетради раньше наступления или приближения весны. В хронологических же рамках, определяемых рукописью для л. 18—19, этот отрывок мог относиться лишь к весне 1827 г. Основанием для дальнейшего уточнения этой предварительной датировки смогут послужить наблюдения над тем, когда именно и в какой связи Пушкин мог обратиться весной 1827 г. к третьей масонской тетради.

Последней записью 1826 г. в тетради ПД № 836 был, как указывалось выше, михайловский ноябрьский набросок «И я бы мог» (л. 38), после чего тетрадь была на длительное время оставлена поэтом: во всяком случае никаких следов работы в ней в конце 1826—начале 1827 г. не имеется. Обращение к ее записям именно весной 1827 г. могло быть вызвано подготовкой к печати поэмы «Цыганы», с инициативой издания которой выступили в свое время петербургские друзья поэта — Дельвиг и Плетнев. Выходу ее из печати — в самом начале мая 1827 г. — предшествовали длительные хлопоты, подробное рассмотрение которых не входит в нашу задачу.⁴⁷ Важно лишь напомнить, что, намереваясь поначалу издавать поэму в Петербурге (где она уже 10 декабря 1826 г. была пропущена цензурой и разрешена к напечатанию III отделением), Пушкин после некоторых колебаний решил издать ее в Москве. Если 2 января 1827 г. Плетнев еще запрашивал поэта: «Что прикажешь делать с „Цыганами“? Они пропущены. Здесь печатать или к тебе переслать?» (XIII, 317), то уже в марте Пушкин писал петербургским друзьям: «Жду „Цыганов“ и тотчас тисну» (XIII, 320). Цензурная рукопись была выслана поэту, видимо, вскоре после этого письма, так как 21 марта Дельвиг напоминал Пушкину: «Надеюсь „Цыганов“ получить от тебя экземпляр» (XIII, 325). Приблизительно в это же время (т. е. в марте) поэма поступила в московскую типографию Августа Семена, где набиралась в течение апреля. В процессе издания поэмы, чтения корректур Пушкин не мог не обращаться к ее беловому автографу в третьей масонской тетради. Естественно, что работу над новыми поэтическими замыслами поэт ведет весной 1827 г. именно в ней.

Начало этого года омрачилось для Пушкина явно выраженными ему знаками неудовольствия со стороны Николая I и Бенкендорфа. Неодобрение властей встретила уже записка «О народном воспитании», за которую, по свидетельству А. Н. Вульфа, поэту «вымыли голову».⁴⁸ Высочайший цензор, по существу, не пропустил в печать «Бориса Годунова» (см.: XIII, 313). В ответном письме от 3 января 1827 г. Пушкин отклонил предложения Николая I о переделке трагедии в историческую повесть на манер Вальтера Скотта. В этих бесцеремонных и тревожащих поэта враждебных действиях верховной власти несомненно скрывалась угроза новой опалы, новых политических гонений. Пессимистические настроения сменили возникшие было у Пушкина надежды на возможность прогрессивных перемен в николаевской России. Тяжелое душевное состояние Пушкина в первые месяцы 1827 г., отразившееся, в частности, в его переписке, усугублялось мыслью о своей близости к судьбам декабристов. Имена поэта и участников восстания неожиданно снова оказались рядом.

⁴⁷ Подробнее об этом см.: Смирнов-Сокольский Н. Рассказы о прижизненных изданиях Пушкина. М., 1962, с. 138—146.

⁴⁸ Вульф А. Н. Дневники. Л., 1929, с. 137.

В январе 1827 г. Пушкин был привлечен к возбужденному III отделением еще летом 1826 г. «Делу об „Андрее Шенье“». ⁴⁹ Несмотря на очевидную непричастность Пушкина к распространению в списках не пропущенного цензурой и озаглавленного «На 14 декабря» отрывка из этой исторической элегии, у поэта спустя несколько месяцев потребовали письменного объяснения, «его ли действительно сочинения известные стихи; с какой целью им сочинены они и кому от него переданы». ⁵⁰ 27 января 1827 г. московский обер-полицмейстер генерал-майор А. С. Шульгин получил у находившегося в Москве поэта письменный ответ на эти вопросы. ⁵¹ Окончательное решение по этому делу было вынесено лишь летом 1828 г. ⁵²

Сложные обстоятельства, сопровождавшие разбирательство этого дела сначала в особой комиссии, а затем и в Государственном Совете, известные Пушкину лишь отчасти, но вызвавшие у него тревогу и опасения, в наибольшей степени объясняют тот эмоционально-психологический настрой, которым проникнуты многие его лирические стихотворения начала — первой половины 1827 г., в особенности стихи и наброски на интересующих нас листах — л. 18—19 об. — тетради ПД № 836. Записанные на них поэтические тексты («Какая ночь! Мороз трескучий», «Весна, весна» и «Как бурею плывем») связаны не только одновременностью работы над ними, но и единством переданного в них лирического настроения. В то же время они по-разному передают и характеризуют угнетенное состояние духа поэта.

В стихотворении «Какая ночь! Мороз трескучий» ⁵³ это состояние передано страшной по своим почти натуралистическим подробностям картиной казни, относящейся к эпохе Ивана Грозного, временам опричнины. Картина казни, давшая позднейшей критике повод к обвинению Пушкина в поэтизации ужасов, страдания и смерти, ⁵⁴ позволяет заметить ее переключку с аналогичным по своему смыслу и художественной функции образом «Стансов»:

Начало славных дней Петра
Мрачили мятежи и казни.

Именно «Стансы» дают ключ к пониманию внутреннего смысла и трагического пафоса «Кромешника», непонятого уже следующему за пушкинским поколению русских людей; они позволяют связать его с размышлениями Пушкина, вызванными расправой самодержавия над декабристами. Рисуя зловещую картину свершившейся казни, Пушкин исходил прежде всего из рассказов своих современников о ее «лютых» подробностях, но, как это обычно бывает у подлинного поэта, он не ограничился встающей в его воображении ужасной сценой, а придал всему произведению более широкий, исторический и даже философский смысл, сделал его выражением и утверждением высоких гуманных идей. Стихотворение построено на контрасте смерти, символом которой выступает пло-

⁴⁹ Подробнее см.: Щеголев П. Е. Пушкин в политическом процессе 1826—1828 гг. — В кн.: Щеголев П. Е. Из жизни и творчества Пушкина. М.—Л., 1931, с. 95—123. См. также: Благый Д. Д. Творческий путь Пушкина, с. 64—67.

⁵⁰ Щеголев П. Е. Пушкин в политическом процессе..., с. 111.

⁵¹ Там же, с. 114—115.

⁵² Для Пушкина оно закончилось официальным учреждением над ним секретного надзора, снятого с него лишь в 1831 г.

⁵³ До нас дошел только перебеленный автограф этого стихотворения, впервые с цензурными изъятиями опубликованного П. А. Плетневым в «Современнике» (1838, т. XI, № 3, с. 18—19) под произвольным названием «Опричник». Полностью опубликовал стихотворение Жуковский в посмертном издании сочинений Пушкина, озаглавив его взятым из пушкинского текста словом «Кромешник». Для удобства изложения мы также будем пользоваться этим кратким заглавием.

⁵⁴ Отвечая этим незадачливым критикам, Ап. Григорьев писал, что подобные толкования «простираются именно на отрывочные, на недоконченные вещи, которых смысл поэт унес с собою в могилу» (Григорьев А. Соч., т. I. СПб., 1878, с. 181—182).

щадь, хранящая следы «вчерашней казни», и жизни с ее вечными законами любви и стремлением человека к счастью несмотря ни на что. Этот важный для понимания смысла стихотворения мотив получает развитие в сцене бешеной ночной скачки молодого опричника к любимой. Виселица, перед которою, как вкопанный, останавливается его конь, разделяет жизнь и смерть и подчеркивает жестокость не только смерти, но и жизни, продолжающейся вопреки смерти, воплощенной в страшных картинах казни.

Усталый конь под виселицей — образ, заставляющий вспомнить приведенные в первом разделе нашей статьи строки из письма Вяземского к жене о самочувствии героя романа Потоцкого «Рукопись, найденная в Сарагоссе»,⁵⁵ столь близком июльским настроениям Вяземского и его ближайших друзей в 1826 г. И эта же виселица, напоминая о страшных временах опричнины, символически выражает настроения пушкинских современников, переживших ужасы «опричнины» новой.⁵⁶ Скорее всего именно эта, не акцентируемая в тексте, но невольно напрашивающаяся аналогия с недавно пережитой Россией трагедией 13 июля 1826 г. явилась причиной того, что законченное и совершенное «по отделке» стихотворение⁵⁷ не было опубликовано Пушкиным при жизни: слишком очевидным был «декабристский» его подтекст. Оно свидетельствует об углублении пушкинского историзма и постепенном отходе поэта от просветительских иллюзий, оживленных реформаторскими намерениями Николая I.

Если «Кромешник» представляет собою перебеленный автограф, а «Весна, весна» является черновым наброском, первым воплощением определенной лирической темы, то фрагмент «Как бурю» — условным кратким обозначением главной мысли (или, точнее сказать, центрального, ключевого образа) еще не совсем определенвшегося творческого замысла поэта. Отличаются эти тексты и по почерку: «Кромешник» написан в основном аккуратным беловым почерком, автограф «Весны» представляет собой скоропись, стихотворный набросок о буре и пловце сделан карандашом. Таким образом, «Кромешник» был, по-видимому, переписан Пушкиным (с неизвестного нам черновика) в третью масонскую тетрадь, а точнее — в ту ее часть, где находились михайловские записи июля 1826 г. (л. 17). В ходе этой работы у него по контрасту с «зимним» по колориту, декабристски окрашенным сюжетом «Кромешника» возник новый, на этот раз уже чисто лирический замысел стихотворения о весне, давший в свою очередь начало новому произведению о пловце, застигнутом бурей. Такая последовательность творческой работы Пушкина позволяет, как нам представляется, внести следующие уточнения в датировки произведений, находящихся на л. 18—19 об. Над стихотворением о молодом опричнике поэт начал работать не ранее января 1827 г.⁵⁸

⁵⁵ См.: Бэлза И. Ф. Пушкин и Ян Потоцкий. — В кн.: Искусство слова. М., 1973, с. 125—134.

⁵⁶ Полагаем, что Пушкину могли быть известны исходившие из среды осужденных декабристов рассказы о последних словах Рылеева, якобы брошенных им в лицо одному из своих «палачей» — П. В. Голенищеву-Кутузову. Эти слова приводит в своем письме к И. И. Горбачевскому М. А. Бестужев: «Подлый опричник тирапа! Дай же палачу твою асельбанты, чтоб нам не умирать в третий раз» (см.: Писатели-декабристы в воспоминаниях современников, т. 1, с. 253).

⁵⁷ С. П. Шевырев писал: «...стихи „Кромешника“ достигают такой степени совершенства в отделке, что в них не знаешь, чему более удивляться: Пушкину ли или русскому языку?» (Москвитянин, 1841, ч. V, № 9, с. 248).

⁵⁸ Во всяком случае самый замысел произведения не мог возникнуть ранее 22 декабря — даты создания «Стансов». Приведенные выше сведения об обострении взаимоотношений поэта с властями в начале 1827 г., на наш взгляд, дают достаточные основания отодвинуть эту работу к концу января—февралю этого года. О своем подавленном настроении, вызванном неожиданным наступлением весенней оттепели, Пушкин писал Дельвигу 2 марта: «...у нас была весна, оттепель — и я ни слова от тебя не получал около двух месяцев — поневоле взбесился. Теперь у нас опять мороз, весну дуру мы опять спровадили, от тебя письмо получено — все слава богу благополучно» (XIII, 320).

Одним из творческих стимулов для него послужили январские показания по делу об «Андрее Шенье». Работа эта могла происходить и в феврале, во всяком случае до наступления весны: слишком ярок и свеж особенный, «зимний» колорит «Кромешника». С наступлением весны, а точнее в апреле, поэт перебелил свой черновик в тетрадь ПД № 836 и тут же, на обороте л. 19, стал работать над новыми произведениями, также связанными с декабристскими темами. Начало работы над ними совпало по времени с окончанием «Кромешника».⁵⁹

«Весна, весна, пора любви» — замечательная поэтическая миниатюра, в которой не только дается лирическая вариация на излюбленную Пушкиным тему «Весной я болен», но и утверждается невозможность для поэта полностью отрешиться от тяжелых кошмаров зимнего ночного одиночества:

Отдайте мне метель и вьюгу
И зимний, долгий мрак ночей.

(III, 62)

«Кромешник» отчасти объясняет, что мог иметь в виду поэт, еще и еще раз мысленно возвращавшийся к своим мрачным переживаниям. В «Весне» мотив казни и вызванные ею сложные ассоциации уходят в подтекст, и лишь последовательность расположения этих произведений в рабочей тетради помогает зафиксировать и понять движение творческой мысли Пушкина: от недавних тяжелых воспоминаний к картинам пробуждающейся жизни и к мыслям о самом себе, о невозможности принять наслаждения и радости жизни, которые сулит наступление весны. В основу каждого из стихотворений положен прием контрастного сопоставления природы и внутреннего психологического состояния человека: в «Кромешнике» красота и величие зимнего ночного пейзажа подчеркивают бессмысленность и жестокость человеческого преступления; в «Весне» картины ликующей весенней природы оттеняют и усиливают угнетенное душевное состояние поэта, которому более гармонировал бы «зимний, долгий мрак ночей». Оставленное на стадии чернового наброска стихотворение, имеющее вполне самостоятельное художественное значение, было использовано Пушкиным впоследствии для лирического отступления, открывающего седьмую главу «Евгения Онегина», в котором мотив неприятия весны и сулимых ею радостей получает иную, по преимуществу философско-лирическую разработку. При этом его внутренняя связь с вполне конкретными обстоятельствами жизни Пушкина 1826—1827 гг. оказывается несколько ослабленной, «замаскированной», хотя и не отмененной полностью.

К черновому наброску «Весны» непосредственно примыкает фрагмент «Как бурею пловец», может быть нагляднее всего обнаруживающий характер взаимосвязи всех трех записей на л. 18—19 об.

Если «Кромешник» развивает декабристскую тему в историческом плане (ее приметам становится мотив казни и виселиц), а «Весна, весна, пора любви» дает ее интимно-лирическую интерпретацию (декабристские реалии уходят в подтекст, объясняющий переданное в стихотворении трагическое мироощущение поэта, оказавшегося на «перепутьи»), то, как нам представляется, фрагмент «Как бурею» является новым подступом к ноябрьскому михайловскому замыслу 1826 г. («И я бы мог»). На это указывает использованный в обоих случаях сравнительный оборот: «И я бы мог как» и «Как бурею пловец». В первом случае поэт сравнивает себя с казненными и осужденными декабристами, во втором, прибегая к иносказанию, уподобляет себя пловцу, застигнутому бурей. Дошедший до нас фрагментарный текст не позволяет более

⁵⁹ Это не противоречит первой из дат (апрель 1827 г.), предложенной «большим» академическим собранием сочинений Пушкина. Что касается конечной границы академической датировки фрагментов «Весна, весна» и «Как бурею» (июль 1827 г.), то она требует, на наш взгляд, дальнейшего уточнения.

детально судить о развитии замысла в целом, но все же дает основания для определения его общих контуров. В нем, как и в отрывке «И я бы мог», Пушкин соотносит свою личную судьбу с участью осужденных декабристов.

Современники вкладывали в метафорический образ «бури» острый политический смысл, связывая с ним такие понятия, как революция, гнет тирании и самодержавия, политические гонения. Д. Д. Благой подчеркивает, что «образы „непогоды“, „грозы“, „туч“, „волн“, „ветра“, „бури“ и т. п. неоднократно и настойчиво употребляются Пушкиным в качестве политических метафор».⁶⁰ После декабрьских событий под «бурею» стали подразумевать восстание 14 декабря 1825 г. и его трагические последствия. В таком именно смысле используется этот образ в переписке Пушкина с Вяземским, который писал поэту в Михайловское летом 1826 г.: «... ты остался цел и невредим в общую бурю» (XIII, 285); «Ты имеешь права несомнительные на внимание, ибо остался неприкосновен в общей буре» (XIII, 289). Без сомнения, Пушкин придавал образу «бури» иносказательный, актуально политический характер, близкий по значению «буре» в письмах Вяземского. Все это дает основания рассматривать пушкинский фрагмент как начало декабристского лирического замысла, который также не был осуществлен поэтом.⁶¹ Однако, размышляя над ним, Пушкин нащупывает нечто новое и важное — иносказательную форму для воплощения декабристской темы. Записав на л. 19 об. общую поэтическую формулу, Пушкин на время оставляет этот замысел с тем, чтобы продолжить поиски на основе удачно найденного (а возможно, и подсказанного дружеской перепиской с Вяземским) метафорического образа «бури» — «пловца». Впервые возникший в момент его работы над стихотворением «Весна, весна», образ этот является тем зерном, из которого, как мы полагаем, в дальнейшем вырастет не только текстуально близкий ему «Акафист Екатерине Николаевне Карамзиной», но и — в еще большей степени — «Арион».

Рассмотренные выше декабристские замыслы 1827 г. теснейшим образом связаны с московским периодом в жизни поэта, как с личными ее обстоятельствами, так и с общественной ситуацией первых последекабрьских лет, остро пережитой Пушкиным именно в Москве.⁶² Мы стремились показать, что эти «московские» по своему колориту произведения и замыслы, продолжая особую линию в интерпретации декабристской темы (намеченную фрагментом «И я бы мог как»), обогатили и углубили творческую мысль поэта, подсказали ему новые пути и жанровые возможности в ее освоении, определили направление сюжетных поисков, а главное — вплотную подвели его к основным мотивам будущего «Ариона».

⁶⁰ Благой Д. Д. Творческий путь Пушкина (1826—1830), с. 157.

⁶¹ О намерении продолжить его свидетельствуют оставленные далее в тетради ПД № 836 свободными листы, в частности следующий лист — л. 20 (имевший жандармскую нумерацию и вырванный из тетради уже после смерти Пушкина). На нем сохранился остаток текста, в котором поддается прочтению лишь слово «Эда». «Можно думать, — полагают комментаторы, — что здесь мы имеем отрывки статьи о Баратынском» (Рукою Пушкина, с. 161). Над статьей о Баратынском Пушкин работал в другой тетради (ПД № 833) уже в Михайловском летом 1827 г. Поводом к ее написанию явился выход из печати «Стихотворений Евгения Баратынского». Но Пушкин мог познакомиться с этим сборником еще до его выхода из печати, скорее всего после получения автором цензурного разрешения (28 марта 1827 г.), а точнее — в апреле—мае 1827 г., что подкрепляет нашу датировку текстов на л. 18—19 об. Об интенсивном общении Баратынского и Пушкина накануне его приезда в Петербург см. примечание Я. Л. Левкович к первой записи тетради ПД № 832 (в кн.: Пушкин. Исследования и материалы, т. X. М.—Л., 1982, с. 240).

⁶² Это позволяет подвести окончательный итог нашим рассуждениям и датировать «Кромешника» концом января—апрелем 1827 г., а «Весну» и «Как бурею» — апрелем—первой половиной мая этого же года. Полагаем, что к моменту отъезда Пушкина в Петербург листы 18—19 об. третьей масонской тетради были уже заполнены.

В вышедшем в свет весной 1827 г. альманахе «Северная лира» внимание Пушкина, как это было установлено Г. С. Глебовым,⁶³ привлекла статья Д. П. Ознобишина «Отрывок из сочинений об искусстве», где излагалась история знаменитого древнегреческого певца и поэта Ариона, спасшегося от смерти чудесною силою своего искусства. Знакомство со статьей оживило в памяти Пушкина хорошо известный ему и по другим источникам античный миф, напомнивший собственное — тоже по-своему чудесное — спасение от участи, постигшей его «друзей, братьев, товарищей». Восприятие Пушкиным этого мифа в личном и одновременно широко историческом плане было подготовлено изнутри, теми глубинными процессами перестройки политической лирики, одним из проявлений которых стали декабристские стихи Пушкина. Однако создание «Ариона» относится уже к пребыванию поэта в Петербурге, куда после семилетнего отсутствия он приехал 24 мая 1827 г.

4

С пребыванием Пушкина в Петербурге в конце мая—конце июля 1827 г. связан еще один эпизод творческой биографии Пушкина, свидетельствующий о глубине проникновения декабристских сюжетов и мотивов в его лирику. Этот эпизод возвращает нас к важнейшим из петербургских встреч поэта, а именно к встрече с Дельвигом, который тоже был «другом, братом, товарищем» казненных и сосланных в Сибирь декабристов. Не подлежит сомнению, что важнейшие события, произошедшие в Петербурге за время отсутствия здесь Пушкина, не могли не занять особого места в разговорах друзей. Разговоры эти не оставили прямых следов в документальных источниках (письмах, дневниках, мемуарах), но преломились в творческом сознании Пушкина, а возможно, сказались в отборе Дельвигом материалов для публикации в «Северных цветах» (где был анонимно напечатан отрывок из «Партизан» Рыльева⁶⁴ и появился ряд произведений сосланного в Олонецкую губернию Ф. Н. Глинки). Особое значение для целей нашей работы имеет то обстоятельство, что Дельвиг был одним из немногих очевидцев казни декабристов, как об этом пишет в своих воспоминаниях Н. В. Путята.⁶⁵ Можно не сомневаться в том, что Дельвиг поделился с Пушкиным своими впечатлениями, добавившими новые подробности и штрихи к той общей картине казни, которая уже сложилась у поэта. Следы откровенных разговоров с Дельвигом о событиях 13 июля 1826 г. и их последствиях обнаруживаются в переписке друзей и ряде стихотворений лета 1827 г.

Дельвиг оказался причастным к появлению стихотворения, казалось бы, с декабризмом не связанного, во всяком случае в этой связи не привлекавшегося к анализу, но до конца понятного лишь в контексте декабристских замыслов Пушкина 1826—1827 гг. Это стихотворное послание, адресованное отнюдь не декабристу, а художнику Кипренскому («Любимец моды легкрылой»), написано как поэтический (или, как его нередко называют, «благодарственный») отклик на созданный живописцем портрет Пушкина.⁶⁶ Портрет был заказан Кипренскому Дельвигом, успевшим до своего отъезда из Петербурга в Ревель (куда Дельвиги отправились на лето вместе с родителями Пушкина уже 2 июня) не только договориться с художником и его «моделью», но и, по-види-

⁶³ См.: Глебов Г. С. Об «Арионе». — В кн.: Пушкин. Временник Пушкинской комиссии, т. 6. Л., 1941, с. 296—304.

⁶⁴ В январе 1827 г. Дельвиг писал Пушкину: «Рылеевой я из своего долга заплатил 600 рублей. В остатке у меня осталось 1600 р., которые при появлении Цветов сполна заплатятся» (XIII, 317—318).

⁶⁵ См.: Русский архив, 1881, кн. 2, № 2, с. 344.

⁶⁶ Э. Н. Апаркина в этой связи пишет: «Портрет был написан Кипренским в доме Д. Н. Шереметева между маем и июлем, во время краткого пребывания поэта в Петербурге» (А ц а р к и н а Э. Н. Орест Кипренский. М., 1948, с. 151).

тому, заручиться согласием гравера Н. И. Уткина на исполнение с этого оригинала гравированного портрета.⁶⁷ К моменту отъезда Пушкина из Петербурга в Михайловское (в самом конце июля 1827 г.) портрет был в основном завершен. Как одна из новых работ художника он экспонировался на выставке его работ в Академии художеств в сентябре 1827 г. Временем работы Кипренского над портретом (июнем—июлем) датируется пушкинское послание и в академическом собрании сочинений Пушкина (см.: III, 1146).

До нас дошел его черновой (недатированный) автограф, расположенный на л. 79 в рабочей тетради Пушкина ПД № 833. Начатая еще на юге, тетрадь эта уже в Михайловском (1824) заполнялась параллельно с третьей масонской тетрадью. Поэтому она содержит ряд произведений, перекликающихся по тематике и характеру с находящимися в последней и уже рассмотренными нами записями и набросками. В некоторых, важных для него случаях поэт обрабатывал отдельные куски своих сочинений то в тетради ПД № 836, то в ПД № 833. Таким образом, и эта тетрадь представляет значительный интерес для изучения декабристских замыслов Пушкина первых последекабрьских лет. Кроме «Ариона» (л. 37) в ней находятся автографы послания «Мордвинову» (л. 80—79 об.), черновики михайловских стихов 1827 г., связанных с декабристскими произведениями Пушкина некоторыми важными смысловыми акцентами («Поэту», л. 40—40 об.; «Близ мест, где царствует Венеция златая», л. 37 об.—38). При этом записи на л. 37—40 были сделаны в прямом положении тетради и датируются летом 1827 г.; записи, идущие от конца (л. 79—78 об.), велись в перевернутом ее положении и не имеют локального характера, хотя и среди них также есть произведения, относящиеся к лету 1827 г. Можно заметить, что именно в двух этих местах концентрировались произведения декабристского плана, тогда как записи в других частях тетради не имеют четко выраженного тематического характера и относятся к различным годам в промежутке от 1824 до 1830 г.

Положение чернового автографа послания «Кипренскому» среди декабристских произведений второго из «гнезд» тетради ПД № 833 позволяет высказать некоторые соображения как о его датировке, так и о его общем смысле, не совсем ясном для нас, хотя это стихотворение и не принадлежит к числу малоизученных, «загадочных» произведений поэта.

Справедливы суждения как пушкинистов, так и искусствоведов (писавших о послании в связи с анализом особенностей портрета Кипренского) о глубоком и самобытном понимании Пушкиным замечательной работы русского живописца. Действительно, воссоздавая в послании образ «волшебника милого», поэт подчеркивает и акцентирует в нем черты национального художника, способного соперничать с крупнейшими европейскими мастерами.

Любимец моды легкокрылой,
Хоть не британец, не француз, —

обращается поэт к своему знаменитому соотечественнику, намекая, видимо, на громкую славу придворного художника Дж. Доу и в еще большей степени на модных салонных портретистов. Общая лирическая тональность стихотворения — дружески-шутливая по отношению к автору портрета и слегка ироническая по отношению к самому себе («Себя как

⁶⁷ Гравюра Уткина была выполнена вскоре после окончания портрета, видимо летом же 1827 г., так как существует датированный этим годом его рисунок с портрета (см.: Р о в и н с к и й Д. А. Н. И. Уткин, его жизнь и произведения. СПб., 1884, с. 136); кроме того, гравированный портрет его работы был помещен в «Северных цветах» на 1828 г., цензурное разрешение на издание которого было получено в конце октября 1827 г. См. подробнее: В а ц у р о В. Э. «Северные цветы». Истории альманаха Дельвига—Пушкина. М., 1978, с. 115). Это позволяет думать, что ко времени цензурования альманаха гравюра Уткина была уже готова. Что же касается Пушкина, то он, видимо, знал о ней еще в момент работы Кипренского над портретом.

в зеркале я вижу, Но это зеркало мне льстит») — не снимает ни важности затронутой здесь темы, ни серьезности главной мысли поэта. В послании звучит гордость патриота, восхищение высоким мастерством русского художника и одновременно дается глубокая и тонкая интерпретация его творения. Пушкин улавливает в портрете главное — подчеркивание художником в его модели особенностей и признаков поэта, и поэта выдающегося. Он изображает Пушкина «питомцем чистых муз», в облике которого нет ничего случайного, снижающего этот возвышенный образ, отвлекающего от прекрасного мира поэзии. Пушкин точно понял главную мысль художника: представить поэта в его лучших, возвышенных чертах и именно таким передать его образ далеким потомкам. Однако для понимания всей сложности и многогранности пушкинского текста весьма существенными представляются два мотива, на первый взгляд неожиданные и неясные по своему смыслу, — мотив смерти («И я смеюсь над могилой, Ушед навек от смертных уз») и мотив предстоящей поэту европейской известности («Так Риму, Дрездену, Парижу, Известен впрямь мой будет вид»). Комментаторы связывают первый из них с мыслью о бессмертии поэзии, а во втором усматривают намек на то, что Кипренский собирался, взяв портрет за границу, экспонировать его на выставке своих работ.⁶⁸

Нетленность поэзии, обращенной в будущее, сознание «нерукотворности» своего искусства — одна из главных поэтических идей Пушкина, проходящая через все его творчество, вплоть до знаменитых стихов «Памятника»; в условиях «жестокого века» эта идея обретала для Пушкина особый смысл, который он подчеркнул и акцентировал еще в послании к «Вяземскому» (август 1826 г.). Портретист сумел средствами другого искусства передать в своем творении этот, важнейший для Пушкина момент его творческого самосознания. Но мотив смерти имеет в стихотворении не только этот общечеловеческий и даже философско-эстетический смысл. Он содержит напоминание о грозившей поэту смерти, во всяком случае о тревоживших его мыслях о смерти, а это заставляет вспомнить те особенные, сложные обстоятельства, в которых очутился поэт после получения известия о расправе царя с его единомышленниками. В подтексте послания скрывается, таким образом, намек на то, что поэту удалось избежать грозившей ему смертельной опасности:

И я смеюсь над могилой,
Ушед навек от смертных уз.

Ключом к пониманию смысла этих строк является перечень тех городов, с которыми поэт шутливо связывает свою будущую европейскую известность:

Так Риму, Дрездену, Парижу,
Известен впрямь мой будет вид.

(III, 69)

В первоначальном варианте вместо Рима значился Берлин.

Шутливая реплика поэта имеет в виду, по нашему мнению, не только портрет Кипренского, но и гравюру с него Уткина, так как в пушкинское время был широко распространен обычай заказывать с выполненных маслом работ гравированные портреты или литографии и дарить их друзьям, сопровождая подарок стихотворным посланием или шутливой надписью. В поэтической практике начала XIX в. немало примеров, когда подпись к портрету принадлежала самому портретируемому, воссоздающему, таким образом, свой автопортрет, любопытный с эстетической точки зрения аналог живописного автопортрета. Стремлением к созданию подобного автопортрета отмечено и пушкинское послание «Кипренскому», что позволяет напомнить еще об одном поэтическом отклике на собствен-

⁶⁸ Валицкая А. П. Орест Кипренский в Петербурге. Л., 1981, с. 232—237.

ное изображение, Пушкину, вне всякого сомнения, известном и приходившем на память в связи с работой над декабристскими замыслами.

Отклик этот относится ко времени Отечественной войны и принадлежит принимавшему в ней участие Жуковскому, который в октябре 1812 г. смог ненадолго посетить своих родных и близких в Орле. На память об этой встрече поэт подарил кому-то из Протасовых свой портрет со стихотворным посланием «Ж NN (при посылке портрета)». Покидая родные края в составе действующей русской армии, поэт писал о грозных испытаниях, выпавших на долю его страны, о своей готовности принять любой жребий и о своем единственном желании, чтобы его близкие «в сей буре бед остались невредимы». Эти откровенные признания объясняют, почему пасмурен и печален облик поэта, запечатленный на портрете. Стихотворение долгие годы оставалось неопубликованным, и лишь в марте 1827 г. появилось в «Московском телеграфе» без указания имени автора.⁶⁹ Подробности, связанные с публикацией стихов, неизвестны, но не приходится сомневаться в том, что их появлению содействовал Вяземский, определявший в первые последекабрьские годы лицо журнала, а также доставлявший основные материалы для разделов поэзии и критики. Вяземский уловил созвучие их лирического пафоса общественным настроениям первых последекабрьских лет. Публикация в журнале без подписи и каких бы то ни было разъяснений придала стихотворению аллюзионный характер, не свойственный тексту Жуковского, но сознательно внесенный в него Вяземским, напомиавшим своим читателям о «буре бед», пронесшейся над Россией, а может быть, и о тех, кто оказался за ее пределами.⁷⁰ Стихотворение имело еще один, потаенный смысл, понятный тем, кто знал имя его автора и был знаком с теми обстоятельствами, которыми сопровождалась поездка Жуковского за границу в 1826—1827 гг. Прощальные стихи поэта могли напоминать и об оставшейся в недавнем прошлом «буре бед», и в еще большей степени о тяжелых переживаниях, предстоящих Жуковскому в будущем. Глубоким трагизмом веяло от строк:

Куда ведет меня мой рок, не знаю;
И если б он мне выбрать волю дал
Мой путь, друзья, не тот бы я избрал;
Но с промыслом судиться не дерзаю.

Известно, что поэт воспользовался этой поездкой, предпринятой для лечения и педагогических целей (связанных с комплектованием учебной библиотеки наследника), чтобы стать настоящей нравственной опорой для братьев Тургеневых, на которых обрушились беды, несчастья и даже смерть. В канун вынесения сурового приговора Николаю Тургеневу (по общему мнению, несоизмеримого с его виной) А. И. Тургенев выехал за границу, где несколько раз встречался и подолгу жил вместе с Жуковским и Сергеем Тургеневым. Заболевший тяжелым психическим расстройством младший из братьев, Сергей Иванович, умер в Париже 1 июня 1827 г. на руках у Жуковского и А. И. Тургенева. Причиной его болезни и смерти было пережитое им потрясение в связи с декабристскими событиями и приговором брату.

Пушкин знал о заграничных маршрутах друзей из переписки Жуковского и А. И. Тургенева с Вяземским. Поэтому мысль о европейской известности, возникшая у него в ходе работы над посланием «Кипренскому», неизбежно ассоциировалась с теми городами, по которым проходил путь его друзей. Это они, путешествуя по европейским странам, могли всемерно способствовать славе русского поэта. Упомянутые в послании города, особенно в первоначальном варианте («Берлину, Дрездену, Парижу»), точно повторяют итинерарий его друзей.

⁶⁹ См.: Московский телеграф, 1827, ч. 14, отд. 2, с. 4.

⁷⁰ Именно это дало повод К. С. Сербиновичу расценить эти стихи как «загадочные» (копию см. в его архиве: ЦГИА, ф. 1673, оп. 1, № 288).

Заменяв Берлин на Рим, поэт подключил к их числу и создателя портрета, О. Кипренского, действительно собиравшегося в Рим. Мысль о путешествующих по Европе друзьях по той же ассоциации переключилась на Николая Тургенева, судьба которого глубоко волновала Вяземского и Пушкина начиная еще с лета 1826 г. На долю Н. И. Тургенева выпал тяжелый и мучительный жребий политического эмигранта: отказавшись по вызову Верховного уголовного суда возвратиться в Россию, он по существу лишился родины, своих гражданских и политических прав. Подобный жребий мог выпасть и на долю Пушкина, мечтавшего в изгнании о побеге за границу (такие планы, как известно, существовали и в Одессе, и в Михайловском). Только эта аналогия с судьбою Н. И. Тургенева позволяет объяснить неожиданное на первый взгляд возникновение на следующем листе, л. 78 об., тетради ПД № 833 сделанной карандашом и тем же почерком записи «И я бы мог», хорошо знакомой нам еще по третьей масонской тетради. Вне раскрытого нами контекста невозможно объяснить возвращение Пушкина к давнему и, казалось бы, окончательно оставленному замыслу — стихотворному отклику на жестокую расправу Николая I с участниками движения декабристов. По нашему мнению, запись этой строки в тетради ПД № 833 имеет в виду, условно говоря, возможный для поэта «тургеневский» вариант судьбы декабриста, не менее мучительный, чем каторга и ссылка, так как он означал гражданскую смерть осужденного.

Мысль о близости, сходности своей политической судьбы с судьбами декабристов, возникшая в ходе работы над посланием «Кипренскому», помогает объяснить, почему в шутовском послании звучат мотив смерти, угрожавшей поэту, и мотив бессмертия, нетленности его искусства. Оба мотива в ином, существенно преобразованном виде присутствуют в «Арионе». Это прежде всего мотив гибели «кормщика и пловца», гибели, угрожавшей и поэту («певцу»), и такой важнейший для понимания идейного смысла стихотворения мотив, как «Я гимны прежние пою», указывающий не только на верность поэта декабристским идеалам, но и на невозможность прервать свободную песнь певца.

Послание «Кипренскому» позволяет уловить еще один важный смысловой акцент «Ариона», получающий не совсем верное истолкование в пушкиноведческих работах. Он касается заключительного двустипхия:

И ризу влажную мою
Сушу на солнце под скалою.

(III, 58)

Очевидно, в нем заключен не только прямой, связанный с мифом, но и существенный для понимания стихотворения символический смысл. Д. Д. Благой усматривает в этих строках намек на роль Николая I в освобождении Пушкина из ссылки и видит в этом еще одно проявление пушкинских иллюзий по отношению к новому монарху.⁷¹ Но такое истолкование вступает в противоречие с вольнолюбивым пафосом стихотворения, с выраженной в нем мыслью об общности тех устремлений, которые объединяют певца со всеми плывущими на челне. И эта подчеркнутая программность всего поэтического строя «Ариона», строгая отточенность важнейших в смысловом отношении формул («нас было много», «пловцам я пел», «я гимны прежние пою») полностью исключают мысль о примирении поэта с самодержавием, тем более о прославлении Николая I. Солнце в «Арионе» является символом искусства, которое в глазах поэта обладает способностью исцелять и врачевать человеческие души, помогать в тяжелых жизненных испытаниях, вселять надежду на лучшее будущее. Недаром Аполлон, покровитель искусства, отождествлялся в греческой мифологии с Гелиосом, богом солнца. Тема поэзии, ее гуманной миссии постоянно аккомпанирует декабристским

⁷¹ Благой Д. Д. Творческий путь Пушкина (1826—1830), с. 157.

стихам Пушкина. Послание друга «дарует утешение» ссыльному Пушкину, «свободный глас» певца проникает в «каторжные норы» декабристов, пробуждая в них «бодрость и веселье». В пушкинском «Арионе» солнце (искусство), приносящее людям тепло и свет, возвращает к жизни самого певца: заключительные строки стихотворения, несомненно, являются пламенным апофеозом искусства.

Прослеженные нами некоторые внутритекстовые соотношения и образные параллели между посланием «Кипренскому» и «Арионом» позволяют поставить вопрос о последовательности творческой работы над ними и тем самым внести необходимые уточнения в датировку первого из произведений.

Перебеленный с поправками автограф «Ариона» занимает л. 37 в рабочей тетради ПД № 833. На соседнем с ним листе 38 об. находятся черновые наброски «Череп» («Послания к Дельвигу»), начатого в Михайловском 29—31 июля 1827 г. и законченного осенью (см.: III, 1148). Работа над будущей «прозаической» частью этого послания велась в этой же тетради, но в перевернутом ее положении (среди записей, идущих от ее конца). Эти наброски «Череп» расположены во втором «декабристском гнезде» тетради ПД № 833 и занимают листы, соседние с посланием «Кипренскому», — л. 78 об., 38 об. При этом записи на л. 78 об. сделаны поверх строки «И я бы мог», находят на нее, как бы ее перечеркивают, что обычно свидетельствует об оставлении замыслов подобного рода. Причиной отказа в данном случае было, на наш взгляд, то, что весь сложный комплекс идей, настроений, мотивов и образов, связанных с фрагментом «И я бы мог» и отчасти прослеженных нами выше, поэт передал «Ариону», после завершения которого дальнейшая работа над ноябрьским замыслом 1826 г. потеряла смысл.⁷² Именно «Арион» стал тем поэтическим откликом на казнь декабристов, над которым поэт мучительно размышлял почти на протяжении целого года, но смог осуществить его только в июле (дата автографа: 16 июля 1827 г.).

«Арион» был сознательно приурочен поэтом к трагической годовщине событий 13 июля, и далеко не последнюю роль в том, что стихотворение смогло быть завершено поэтом в ближайшие к годовщине дни и в столь быстрые сроки, сыграло пребывание Пушкина в Петербурге, на месте потрясших всю Россию исторических происшествий, вызвавших трагические последствия для судеб близких Пушкину людей. Вместе с тем в «Арионе» нашли завершение напряженные, трагически окрашенные размышления поэта о судьбах всего поколения и о личной своей судьбе, которые воплотились в своеобразном лирическом цикле стихотворений и набросков (прямо или косвенно отразивших события 13 июля 1826 г. и вызванный ими широкий общественный резонанс).⁷³

Замысел стихотворения об осужденных декабристах и их соратнике-певце смог получить художественно совершенное воплощение только после того, как поэт, отказавшись от поэтической формулы «И я бы мог», со свойственной ей условностью включения этого «я» в число жертв 13 июля 1826 г., перешел к утверждению себя в качестве полноправного участника декабристского движения. Включив себя в центральный, собирательный образ стихотворения — пловцов, поэт смог, наконец, расставить все необходимые акценты, воссоздать не воображаемую, а вполне реальную ситуацию, указать на свою собственную роль в общем деле («пловцам я пел»), на то, что он также является жертвой пронесшейся над Россией бури, что он лишь чудом уцелел в ней. В образе

⁷² Таким образом, послание «Кипренскому» можно датировать июнем—началом июля (не позднее 12 числа) 1827 г.

⁷³ Определение состава и принципов включения образующих этот цикл произведений («И я бы мог», «Какая ночь!», «Весна, весна, пора любви», «Кипренскому», «Арион», «Акафист Екатерине Николаевне Карамзиной») было одной из основных задач нашего исследования. Цикл этот, несомненно, складывался, но не был окончательно установлен поэтом.

«тайственного певца» находит художественное воплощение мысль о тех грозных силах, которые выбросили его на берег, прежде чем эта сила (гроза) смяла и уничтожила его единомышленников и братьев.⁷⁴ Все это позволяет оценить стихотворение «Арион» как значительный, важный и окончательный итог в работе Пушкина над декабристскими замыслами 1826—1827 гг.

Однако последняя точка в этой работе была поставлена не в Петербурге 13—16 июля 1827 г., а в селе Михайловском, где поэт пережил свое первое потрясение от казни и где год спустя испытал один из наиболее ярких творческих подъёмов. Сильнейший эмоциональный заряд, полученный поэтом в Петербурге, выразился еще в одном обращении к декабристской теме. Глубокие внутренние связи протягиваются от «Ариона» к «Акафисту Екатерине Николаевне Карамзиной» с заключенными в нем мотивами бури и пловца в их символическом значении. Стихотворение развивает декабристскую тему уже в сугубо личном плане: в нем отчетливо звучит мысль о чудесном спасении самого поэта от гибели и в еще большей степени мысль о продолжающейся жизни. Недаром стихотворение было адресовано представительнице молодого поколения, дочери не только писателя, но и историка Российского государства Карамзина. Стихотворение имеет авторскую дату — 31 июля 1827 г., которой поэт (прибегнув к перестановке в цифрах) еще раз откликнулся на трагическую годовщину и замыкал ею свой поэтический диалог с Вяземским, начатый ровно год назад.

В этот день поэт мысленно возвращался не только к событиям минувшего лета и к вызванным ими переживаниям. Тем же 31 числом помечено письмо Пушкина к Дельвигу (поэт при этом не мог не вспоминать своих петербургских разговоров с ним о казни!). Откликаясь на его просьбу прислать стихи для альманаха «Северные цветы», Пушкин отправил ему «Под небом голубым», а значит, переписывая эти стихи с известного белого автографа, поэт возвращался и к своим зашифрованным записям о казни декабристов, известие о которой отодвинуло на второй план полученную почти одновременно весть о смерти Амалии Ризнич. В эти дни Пушкин начал работу над «Арапом Петра Великого», что также, разумеется, не было случайным: недавние трагические события требовали осмысления тех исторических закономерностей, которые привели Россию к декабрьской катастрофе; писал стихотворное послание к Дельвигу же о череде его предка, а значит, снова перечитывал «Ариона»; еще и еще раз обращался к тексту послания «Кипренскому». Сделанные в нем чернилами поправки, как показывают почерк и цвет чернил автографа, относятся именно к этому времени.⁷⁵ Главное же в эти дни поэт много и напряженно думает о друзьях-декабристах, вспоминает их, а может быть, даже мысленно беседует с ними. Эта особенная сложившаяся в Михайловском атмосфера в конце июля

⁷⁴ Именно эта мысль и дала Пушкину основание в дальнейшем объединить в единый поэтический цикл написанный еще в 1824 г. «Аквилон» (отразивший негодование и обиду Пушкина на Александра I, сославшего поэта в Михайловское) и «Арион», глубокая внутренняя связь которых раскрылась перед поэтом далеко не сразу, а несколько лет спустя, в ходе его работы над новым изданием своих стихотворений. В списках, составленных не позднее середины сентября 1831 г., они дважды объединены вместе (см.: ИРЛИ, ф. 244, оп. 1, № 515, 716). Еще знаменательнее запись на отдельном листке, содержащем черновые строфы путешествия Онегина по Кавказу, перечень «маленьких трагедий» и план статьи о народных песнях, где оба стихотворения (без видимой связи с будущим изданием) не только названы по первой строке («Зачем ты, бурный аквилон» и «Нас было много на челне»), но и датированы поэтом (см.: там же, № 168). К 7 сентября 1830 г. относится позднейшая правка в автографе «Ариона», на которую указывают все исследователи стихотворения и характер которой связан с намерением Пушкина опубликовать стихотворение, что и было сделано (см.: Литературная газета, 1830, № 43, с. 52). Стихотворение появилось без подписи, что, несомненно, было вызвано стремлением затушевать его автобиографический смысл.

⁷⁵ См.: Рукою Пушкина, с. 312; Пушкин. Полн. собр. соч. в десяти томах, т. VIII. Л., Изд. АН СССР, 1978, с. 343.

1827 г. позволяет объяснить, кого поэт имел в виду в сделанных 2—4 августа зашифрованных записях, неясных по смыслу и вызывающих противоречивые истолкования: «2 août 1827 j<ou>rnée h<eu>reuse». 4 août. R. J. P. Jich<ageff> en songe» («2 августа день счастливый. 4 августа Р. Ж. П. Жих. во сне»)⁷⁶ В ней зашифрованы, на наш взгляд, имена и фамилии друзей поэта — Рылеева и Пестеля, погибших на виселице, Пуштина, сосланного в Сибирь, а также близкого к семейству Тургеневых Жихарева, с которым поэт активно общался в Москве осенью 1826 г.

Зашифрованная запись начала августа 1827 г. является своеобразным и последним отзвуком того напряженного и сложного душевного состояния, которое вызвало к жизни декабристские замыслы Пушкина 1826—1827 гг.

⁷⁶ Справедливым представляется предположение, высказанное Т. Г. Цявловской на полях принадлежавшего ей экземпляра книги «Рукою Пушкина» (хранится в Пушкинском кабинете ИРЛИ), что вторую из букв следует читать как начальную букву французского написания лицейского прозвища И. И. Пуштина — Жанно.

В. С. БАЕВСКИЙ

ВРЕМЯ В «ЕВГЕНИИ ОНЕГИНЕ»¹

При комментировании пушкинского романа в стихах постоянно встает проблема отображения в нем времени — в разных ее аспектах. Вопрос об отражении истории в романе был поднят Белинским. Вопрос о хронологии изображенных в нем событий поставлен Р. В. Ивановым-Разумником. Вслед за ним движение времени в романе в стихах подробно рассматривали Н. Л. Бродский, С. М. Бонди, В. В. Набоков, А. Е. Тархов, Ю. М. Лотман;² этой же проблемы касались Г. А. Гуковский, И. М. Семенко, С. Г. Бочаров, И. М. Тойбин и ряд других авторов.³ Тем не менее проблема не может считаться решенной и сегодня, в преддверии нового академического издания сочинений Пушкина, несмотря на ее первостепенное значение: с нею неразрывно связано понимание пушкинского историзма, пушкинского реализма.

Р. В. Иванов-Разумник, Н. Л. Бродский, С. М. Бонди, В. В. Набоков, А. Е. Тархов в работе 1978 г. и Ю. М. Лотман одинаковыми приемами исчисляют ход времени в романе и приходят к близким результатам. Можно говорить о существовании стойкой традиции такого исчисления на протяжении большей части XX в. Напомним ее суть.

Во время поединка Онегину 26 лет:

Убив на поединке друга,
Дожив без цели, без трудов
До двадцати шести годов...

(VI, 170)

Из текста первой—пятой глав следует, что Онегин расстался с Пушкиным в предыдущем году. Пушкин был выслан на юг в 1820 г. Значит, именно тогда Онегин расстался с Пушкиным, а дуэль состоялась в следующем, 1821 г. Если Онегину в это время было 26 лет, то родился он в 1795 г. Согласно черновому варианту и обычаям эпохи, Онегин

¹ Разные варианты настоящей работы докладывались на заседаниях Пушкинской группы ИРЛИ АН СССР и теоретических семинаров в Тартуском и Кемеровском университетах и в Новосибирском педагогическом институте.

² Иванов-Разумник Р. В. «Евгений Онегин». — В кн.: Иванов-Разумник Р. В. Соч., т. 5. Пг., 1916, с. 48—113; Бродский Н. Л. Комментарий к роману А. С. Пушкина «Евгений Онегин». Изд. 1—5-е. М., 1932—1964; Бонди С. М. [Пояснительные статьи и примечания]. — В кн.: Пушкин А. С. Евгений Онегин. М.—Л., «Детская лит-ра», 1936 (в последний раз переиздано в 1976 г.); Eugene Onegin. A Novel in Verse by Aleksandr Pushkin. Translated from Russian with a Commentary, by Vladimir Nabokov. Vol. 1—4. New York, 1964; Тархов А. Е. 1) Календарь «Евгения Онегина». — Знание — сила, 1974, № 9, с. 30—33; 2) Судьба Евгения Онегина. Комментарий. — В кн.: Пушкин А. С. Евгений Онегин. М., 1978; Лотман Ю. М. Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин». Комментарий. Л., 1980 (далее: Лотман Ю. М. Комментарий).

³ Гуковский Г. А. Пушкин и проблемы реалистического стиля. М., 1957, с. 129—279; Семенко И. М. Эволюция Онегина. — Русская литература, 1960, № 2, с. 111—128; Бочаров С. Г. Форма плана. — Вопросы литературы, 1967, № 12, с. 115—136; Тойбин И. М. «Евгений Онегин»: поэзия и история. — В кн.: Пушкин. Исследования и материалы, т. IX. Л., 1979, с. 83—99; Лазукова М. Время в романе «Евгений Онегин». — Литература в школе, 1974, № 2; Никишов Ю. М. Пушкин как герой своего стихотворного романа. — В кн.: Вопросы биографии и творчества А. С. Пушкина. Калинин, 1979, с. 24—46.

вступил в свет 16 лет в 1811 г.; 18 лет ему исполнилось в 1813 г. Татьяна родилась в 1803 г.: Пушкин сообщил Вяземскому в письме от 29 ноября 1824 г., что Татьяна писала Онегину, когда ей было 17 лет. Дуэль состоялась 14 января 1821 г., потому что именины Татьяны — 12-го числа. Как следует из текста седьмой главы, в Москву героиня романа попадает в конце зимы следующего, т. е. 1822 г. Во время своего странствия Онегин приезжает в Бахчисарай через 3 года после Пушкина («Отрывки из Путешествия Онегина»):

Спустя три года, вслед за мною,
Скитаюсь в той же стороне,
Онегин вспомнил обо мне.

(VI, 201)

Затем он попадает в Одессу, где Пушкин жил с середины 1823 по середину 1824 г., друзья встречаются, а потом вновь расстаются: Пушкин уезжает «в тень лесов тригорских», а Онегин — «к невским берегам». Таковы указания строф, содержащихся в рукописи и не включенных в печатный текст романа. Так как Пушкин был сослан в Михайловское в середине 1824 г., появление Онегина на рауте в Петербурге относится к осени этого же года, последнее объяснение с Татьяной происходит весной следующего, 1825 г., и Онегин как раз успевает примкнуть к движению декабристов (краеугольный камень концепции Г. А. Гуковского).⁴ На рауте Онегин узнает, что Татьяна замужем «около двух лет», значит свадьба состоялась зимой 1822/23 г.

Все факты сцепляются между собой, как колеса зубчатой передачи, даты выстраиваются в последовательный ряд.

Тем не менее вся цепь умозаключений представляется нам ошибочной.

При построении внутренней хронологии романа на равных основаниях принимались указания текста, опубликованного Пушкиным в отдельных изданиях глав и в изданиях романа 1833 и 1837 гг., материалы, оставшиеся в рукописях, черновые варианты, сообщение из частного письма Пушкина, факты и даты его биографии. Думается, такая методика исследования противоречит художественной природе романа в стихах, разрушает воздвигнутую автором художественную систему. Разумеется, должна быть учтена вся совокупность доступных материалов, но все они должны быть рассмотрены критически. Как безусловно достоверные могут приниматься только данные текста, установленного Пушкиным в последнем прижизненном издании.

При построении традиционной внутренней хронологии романа допускались неточности и другого рода. Некоторые факты, непосредственно относящиеся к хронологии событий, опускались или перетолковывались вопреки прямому смыслу текста. Чтобы не порвалась вышеприведенная хронологическая канва, приходилось придавать чрезмерное значение данным косвенным и обходить прямые свидетельства окончательного текста.

В предисловии к отдельному изданию первой главы Пушкин сообщил, что «она в себе заключает описание светской жизни петербургского молодого человека в конце 1819 года». Это замечание все исследователи хронологии учитывают. Вместе с тем глава содержит недвусмысленное указание на то, что Онегину именно в это время 18 лет. Описав ресторан, Пушкин продолжает:

Еще бокалов жажда просит
Залить горячий жир котлет,
Но звон брегета им доносит,
Что новый начался балет.

(VI, 11)

⁴ Гуковский Г. А. Пушкин и проблемы реалистического стиля, с. 275.

Затем идет описание театра, оканчивающееся строками:

Еще амуры, чертп, змеи
На сцене скачут и шумят
.....
А уж Онегин вышел вон;
Домой одеться едет он.

(VI, 14)

Далее следует:

Изобразю ль в картине верной
Уединенный кабинет,
Где мод воспитанник примерный
Одет, раздет и вновь одет?
.....
Все украшало кабинет
Философа в осьмнадцать лет.

(VI, 14)

Сочетание союзов «еще» — «но», «еще» — «а», одинаковые рифмы в начальных и замыкающих строках XXIII строфы образуют единство, не позволяющее отнести возраст 18 лет к какому-либо другому периоду помимо обозначенного Пушкиным в предисловии — конца 1819 г. Сообщение о том, что герою 18 лет, впаяно в рассказ об этом периоде.

Поразительным образом никто из исследователей хронологии не комментирует заключительный стих XXIII строфы. Вот показательный пример. В издании В. В. Набокова комментарий занимает два тома, свыше 1000 страниц. Здесь поясняются стихи, предшествующие заключительному, кончая «Все украшало кабинет», и последующие, начиная с «Янтарь на трубках Цареграда». Опущен лишь стих «Философа в осьмнадцать лет», хотя в комментировании нуждаются обе его части. Онегин, читатель Адама Смита, включается в ряд таких имен, как Чаадаев—Руссо—Гримм. И хотя названные философы в первой главе романа погружены в бытовую сферу, а сам герой назван философом как будто иронически, это прозвание придает образу некоторую неоднозначность, на многочисленных других примерах вскрытую исследователями последних лет.

Прямые пушкинские указания на то, что в 1819 г. его герою 18 лет, сразу отвергают 1795 или 1796 год как время его рождения.

При подготовке отдельного издания романа предисловие к первой главе было исключено, и, казалось бы, появилась возможность считать, что описанный в XV—XXXVI строфах день восемнадцатилетнего Онегина приходится на более раннее время, на 1813 г. Но нет. Эти строфы содержат так много реалий самого конца 1810-х годов, что при сдвиге к 1813 г. возникает ряд грубых анахронизмов. Петр Павлович Каверин в 1810—1812 гг. жил в Геттингене, с 15 января 1813 г. служил сотенным начальником Смоленского ополчения, 13 мая того же года стал поручиком Ольвиопольского гусарского полка, проделал кампанию 1813—1815 гг., и, следовательно, в это время не мог пировать с Онегиным у Талона.⁵ Евдокии (Авдотье) Ильиничне Истоминой, ровеснице Пушкина, в 1813 г. было 14 лет, она являлась воспитанницей императорского Петербургского театрального училища, из которого была выпущена в 1816 г. (дебют состоялся несколько ранее, 30 августа 1815 г.),⁶ так что в 1813 г. любоваться ее танцем Онегин не мог. Ряд реалий освещают комментаторы романа. Ю. М. Лотман указывает, что слово «денди» появилось в английском языке в 1815 г.⁷ Если Пушкин предполагал, работая над первой главой, что его герою в 1819 г. было 18 лет и что

⁵ См.: Щербачев Ю. Н. Приятели Пушкина Михаил Андреевич Щербинин и Петр Павлович Каверин. М., 1913, с. 42—43.

⁶ См.: Русский биографический словарь, т. 8. СПб., 1897, с. 150.

⁷ Лотман Ю. М. Комментарий, с. 124.

он появился в свете в возрасте 16 лет, то в 1817 г. было естественно определить его, модного франта, только входившим в моду английским словом. Если же Онегин «увидел свет», согласно традиции, в 1811 г., применять к нему еще не существовавшее в ту пору выражение менее естественно. В черновом варианте V строфы сказано, что Онегин мог вести мужественный спор между прочим о Ж.-А. Манюэле, французском политическом деятеле, который, согласно комментарию Ю. М. Лотмана, оказался в центре событий и в поле зрения публики с конца 1818 г. Из окончательного текста поэт устранил упоминания о серьезных предметах спора, но наличие имени Манюэля в его сознании подтверждает, что описывается конец 1810-х годов. В 1811 г. Онегин никак не мог спорить о Байроне, который также упомянут в одном стихе с Манюэлем в черновом варианте V строфы: у себя на родине английский поэт стал знаменит с 1812 г., в России его известность начинается с середины 1810-х годов, а умы Вяземского, Батюшкова, Александра Тургенева и других старших современников, чьи мнения в ту пору были наиболее значимы для Пушкина, поэзия Байрона особенно захватывает с 1819 г., после выхода в свет IV песни «Паломничества Чайльд Гарольда». ⁸ Именно в конце этого десятилетия, согласно комментаторам, вошли в моду «вино кометы», кровавый ростбиф, пахнет из гусяной печени («Стразбурга пирог нетленный»).

Есть еще более веские соображения в пользу того, что Онегин не мог родиться в 1795 или 1796 г. Если бы он родился в середине 1790-х годов, как считается по традиции, он бы начал самостоятельную жизнь как раз накануне или в самый год Отечественной войны. Мог ли пылкий и мыслящий молодой человек остаться в стороне, вести рассеянную светскую жизнь, в то время как на полях сражений решалась участь России и Европы? Отвлеченно рассуждая, мог, но вероятность этого ничтожна. Нельзя сказать, что данное обстоятельство прошло мимо внимания комментаторов. Н. Л. Бродский одно время допускал, что Онегин мог служить в армии, не принимая участия в боях, но Пушкин об этом не упоминал. ⁹ В последующих изданиях ученый от этих домыслов отказался. С. М. Бонди, чтобы смягчить возникающее противоречие, пишет, что Онегин вступил в свет осенью 1812 г., после изгнания французов из России. ¹⁰ Однако такие объяснения влекут за собой новое противоречие. Трудно себе представить, чтобы молодой человек, оставшийся в стороне от Отечественной войны и походов 1813—1815 гг., впоследствии пришел к участию в движении декабристов, как представляет дело С. М. Бонди.

Последовательно, но прямолинейно разрешил указанные противоречия А. Е. Тархов в статье 1974 г. Он назвал датой рождения Онегина 1801 г. и от этой временной вехи пытался строить непротиворечивую хронологическую канву романа. Судя по работе 1978 г., он эти взгляды пересмотрел.

Даже если принять, что Пушкин представил в Онегине не распространное, а исключительное явление — молодого думающего и чувствующего дворянина, не затронутого историческими событиями 1812—1815 гг., — совершенно невозможно предположить, что сам поэт обошел бы в первой главе эти события. Онегин начинает сознательную жизнь около 1812 г., а Пушкин ни словом не намекает на Отечественную войну? Тогда перед нами был бы не исторический роман, как определил его Белинский, а антиисторический.

В «Евгении Онегине» многие авторские отступления находятся в «зоне сознания и речи» (используя термин М. М. Бахтина) кого-либо

⁸ См.: Остафьевский архив князей Вяземских, т. I. СПб., 1899, с. 326—327, 331—332, 354; Б а т ю ш к о в К. Н. Соч., т. 3. СПб., 1886, с. 771.

⁹ Бродский Н. Л. «Евгений Онегин», роман А. С. Пушкина. Изд. 3-е, переработанное. М., 1950, с. 54.

¹⁰ П у ш к и н А. С. Евгений Онегин. М., «Детская лит-ра», 1973, с. 282.

из действующих лиц. Написанные от имени автора, они сближаются с точкой зрения того или иного персонажа. Так, отступление в конце второй главы, где автор выражает желание «печальный жребий свой прославить» и надежду на бессмертие, сопряжено с зоной сознания и речи Ленского. В частности, при соотнесении авторского отступления с предсмертными стихами Ленского обращает на себя внимание сходство жанра («Увы! на жизненных браздах...» и «Куда, куда вы удалились?..» — элегии), основного предмета раздумий и даже текстуальная близость (ср.: «Быть может, в Лете не потонет...» и «И память юного поэта Поглотит медленная Лета...» — VI, 49, 126). К речевой зоне Онегина в первой главе тяготеют авторские отступления о женских прелестях (строфы XXX—XXXIV) и мизантропическое рассуждение XLVI строфы: «Кто жил и мыслил, тот не может В душе не презирать людей...». Отечественная война отразилась в романе, но не в первой главе, а в седьмой, и не в зоне сознания Онегина, а в зоне сознания Татьяны (строфа XXXVII).¹¹

Таким образом, против середины 1790-х годов как времени рождения Онегина свидетельствуют прямые указания текста в издании 1825 г., многочисленные реалии и умолчание об Отечественной войне.

Обратимся к обстоятельству и срокам знакомства и разлуки Онегина с автором. Сторонники традиционного подхода согласны в том, что это произошло в 1820 г., но в пределах этого года единомыслия нет. С. М. Бонди пишет: «Отъезд Онегина из Петербурга в деревню к тяжелобольному дяде (первые строфы первой главы) происходит в начале 1820 года. Это видно из того, что Онегин уехал из Петербурга вскоре после разлуки с Пушкиным».¹² Но как раз в начале года, т. е. зимой или ранней весной, Онегин ехать к дяде не мог: у Пушкина сказано «в пыли» (VI, 5). А когда произошла «разлука с Пушкиным»? По В. В. Набокову, она происходит в момент высылки Пушкина на юг: «В первую неделю мая 1820 года двадцатипятилетний Онегин получил письмо от управляющего...» и т. д.¹³ Ю. М. Лотман значительно более осторожен: «В строфах L и LI содержится намек на то, что отъезд героя в деревню был по времени близок к насильственному удалению Пушкина из Петербурга. Пушкин выехал в ссылку 6 мая 1820 г.».¹⁴

Итак, Онегин уехал в деревню дяди в начале мая 1820 г. или около того. Следовательно, между днем развлечения светского денди, описанным в XV—XXXVI строфах, и отъездом в деревню (I, II и III строфы) прошло 4—5 месяцев. Именно в это время Онегиным овладела хандра, ему надоели друзья и дружба, «причудницы большого света», красотки молодые, он попытался стать литератором и отказался от этого намерения, пристрастился к чтению и оставил его, собрался за границу, похоронил отца, распорядился оставленным им наследством, подружился и расстался с автором. Непосредственные читательские впечатления говорят нам, что этот трудный период жизни Онегина длится не месяцы, но годы. Однако это лишь впечатления. Что говорит анализ? XLVII строфа рассказывает, как автор с Онегиным часто проводили время

... летнею порою,
Когда прозрачно и светло
Ночное небо над Невою,
И вод веселое стекло
Не отражает лик Дианы...

(VI, 24)

¹¹ Будущие декабристы формировались под влиянием патриотических и освободительных идей, вынесенных прежде всего из войны 1812 г. и заграничных походов. Легче, чем Онегина, представить связанной с декабризмом Татьяну — как жену сосланного деятеля 14 декабря, последовавшую за ним в Сибирь.

¹² Пушкин А. С. Евгений Онегин. М., «Детская лит-ра», 1973, с. 281.

¹³ Eugene Oegin. A Novel in Verse by Aleksandr Pushkin, vol. 2, p. 31. Ср.: *ibid.*, vol. 1, p. 24.

¹⁴ Лотман Ю. М. Комментарий, с. 20—21.

Комментаторы справедливо видят в этих прекрасных стихах картину белой ночи. Но их утверждение о том, что Онегин уехал в деревню в начале мая 1820 г., не оставляет ему времени для частых прогулок по Петербургу во время белых ночей. Традиционная хронологическая канва в этом месте рвется снова, зубчатая передача размыкается: Пушкин не уточняет, сколько времени поглотил духовный кризис его героя. Можно было бы допустить, что год или несколько лет, но тогда хронологическая канва рвется в другом месте: Онегин опаздывает на Сенатскую площадь, чего не могли допустить Р. В. Иванов-Разумник, Н. Л. Бродский, Г. А. Гуковский, С. М. Бонди.

В первой главе изображен страстный порыв автора за границу, вслед за чем сказано:

Онегин был готов со мною
Увидеть чуждые страны;
Но скоро были мы судьбою
На долгий срок разведены.

(VI, 26)

Именно на основании этих стихов сторонники традиционной датировки событий связывают разлуку друзей с высылкою Пушкина и приурочивают ее к началу мая 1820 г. Однако следующий же стих — «Отец его тогда скончался» — свидетельствует, что причиной разлуки стали обстоятельства жизни не автора, а Онегина: умер его отец, затем дядя, и Онегин покинул столицу. Об отъезде автора не сказано ничего. В двух предыдущих строфах о поездке в Италию и в Африку говорится лишь как о мечте, в будущем времени. В настоящем времени говорится о другом:

Брожу над морем, жду погоды,
Маю ветрила кораблей.

(VI, 26)

Пора покинуть скучный брег
Мне неприятной стихии...

(Там же)

Из текста романа следует: друзья расстались из-за смерти отца Онегина, потребовавшей забот в связи с обремененным долгами наследством, и из-за последовавшего отъезда Онегина в деревню дяди; автор же по неясным причинам так и не осуществил задуманную поездку за границу.

Но дело не только в том, что в жизни Петербург покидает Пушкин, а в романе Онегин. Закономерно ли хронологию жизни автора-повествователя отождествлять с хронологией жизни Пушкина?

Автор-рассказчик, «я» романа сложным образом соотносится с Александром Пушкиным. Об этом интересно писали многие исследователи.¹⁵ Никто их не отождествляет. Пушкин — прототип образа автора. На протяжении романа образ автора то приближается к своему прототипу, то

¹⁵ По мнению В. В. Набокова, автор — это «более или менее стилизованный Пушкин» (Eugene Onegin. A Novel in Verse by Aleksandr Pushkin, vol. I, p. 6, 20). Многообразие обликов автора показано в кн.: Hielscher K. A. S. Puškins Verserik. Autogen-Ich und Erzählstruktur. München, 1966, S. 118—119 и. а. (пользуемся случаем рассеять распространенное заблуждение, встречающееся здесь (с. 125) и в ряде других работ последних лет: стихи «Я думал уж о форме плана И как героя назову» относятся не к «Евгению Онегину», а к замыслу «поэмы песен в двадцать пять», о котором говорится в предыдущей, LIX строфе первой главы). С. Г. Бочаров отмечает ряд превращений авторского «я» «от приятеля и „самого Александра Сергеевича Пушкина“ до автора, который пишет этот роман» (Бочаров С. Г. Форма плана, с. 133). Ю. Н. Чумаков обрисовывает «ступенчато построенный образ автора» (Чумаков Ю. Н. Состав художественного текста «Евгения Онегина». — В кн.: Пушкин и его современники. Пеков, 1970, с. 32). См. также: Никишов Ю. М. Пушкин как герой своего стихотворного романа, с. 25—26 и др.

удаляется от него. Можно усмотреть закономерность: в авторских отступлениях художественный образ автора приближается к биографическому автору, часто предельно, в повествовании же стремится отойти от него. Временами художественный образ автора сближается с кем-либо из персонажей — с Онегиным, Ленским, даже Татьяной. Соразмерять движение времени в романе с биографией прототипа невозможно, ошибки в этом случае неизбежны. В жизни Пушкин стал напряженно думать о побеге за границу, когда был выслан из столицы и отправлен на юг.¹⁶ Автор-рассказчик в романе мечтает о поездке за границу, живя в столице. В данном эпизоде расхождение между образом и прототипом весьма ощутимо. Сказанное выше показывает, что май 1820 г., начало ссылки Пушкина, не может играть роль в датировке событий романа. Уже давно об этом писал Д. Чижевский: «Оставляем открытым вопрос о том, содержат ли слова „на долгий срок разлучены“ намек на ссылку Пушкина. Сомнительно, можно ли строить хронологию романа, исходя из даты пушкинской ссылки весной 1820 года. Мы приходим к другой хронологии на основе других указаний <...> Но в любом случае бесполезно указывать временные отрезки в литературном произведении, особенно в „свободном романе“ типа „Евгения Онегина“».¹⁷

Вообще мы полагаем, что выражения типа: «И в то время, когда Пушкин, в начале мая 1820 года, уезжал из Петербурга в свою бессарабскую ссылку, Онегин „летел в пыли на почтовых“ получать наследство умирающего дяди...»;¹⁸ или: «У Пушкина была копия письма Онегина к Татьяне, когда он писал III главу...»;¹⁹ или: «Летом 1823 г. Онегин встретился с Пушкиным в Одессе»,²⁰ — мы полагаем, что подобные выражения, в которых утрачивается разница между жизнью и художественным произведением, между объективной реальностью и вымыслом, неуместны.²¹

Пушкин, разумеется, рассчитывал, что образ автора романа будут проецировать на его собственную личность и биографию. Но биография поэта предстает при таком проецировании обобщенно, а не как формулярный список со строго размеченными датами и итинерарием.

Автор романа сообщает (в строфе XLV первой главы) о своем сближении с Онегиным:

Условий света свергнув бремя,
Как он, отстав от суеты,
С ним подружился я в то время.

Далее (в строфе LV) он рассказывает:

Я был рожден для жизни мирной,
Для деревенской тишины...

Такие настроения в Пушкине были. Человек изменчив, психические процессы подвижны. Но все же в течение трех лет между выпуском из Лицея и ссылкой Пушкин, совершая свой поэтический подвиг, вел жизнь светского человека и театрала, а в Кишиневе и Одессе (и несколько

¹⁶ См.: Цявловский М. А. Тоска по чужбине у Пушкина. — В кн.: Цявловский М. А. Статьи о Пушкине. М., 1962, с. 131—156. 5 апреля 1823 г. Пушкин в письме Вяземскому пишет, сообщая о слухах об отъезде Чаадаева за границу, что лелеял надежду путешествовать с ним. Не этот ли эпизод творчески претворен в L—LI строфах первой главы романа?

¹⁷ Pushkin A. S. *Evgenij Onegin*. Ed. with Introduction and Commentary by Dm. Siževsky. Cambridge (Mass.), 1953, p. 249.

¹⁸ Иванов-Разумник Р. В. «Евгений Онегин», с. 55.

¹⁹ Eugene Onegin. A Novel in Verse by Aleksandr Pushkin, vol. 3, p. 190.

²⁰ Лотман Ю. М. Комментарий, с. 375.

²¹ В других случаях исследователи тонко анализируют художественную ткань романа, последовательно и продуктивно соотнося ее с «бытовым рядом». Так, Ю. М. Лотман вскрывает «стремление Пушкина в примечаниях занять позицию внешней по отношению к самому себе — автору „Онегина“» (Лотман Ю. М. Комментарий, с. 152).

позже в Михайловском) тосковал по Петербургу. Только по мере приближения к 30-м годам настроения «ухода» все более овладевали поэтом.

Если верить точному смыслу LVIII и LIX строф первой главы, автор-повествователь в тревогах любви писать не мог, «любя, был глуп и нем», а к тому времени, как он взялся за перо, «прошла любовь, явилась Муза». При всей ценности этих самонаблюдений они, думается, весьма неадекватно воссоздают и творческий процесс Пушкина, и его биографию.

На протяжении первой главы расстояние между образом автора и его прототипом столь значительно, что не допускает их отождествления ни в чем, в частности в восприятии хронологических сигналов, без специального анализа.

Выходя за пределы первой главы, обратимся к датировке основных событий жизни Татьяны Лариной. Отвечая на критику Вяземского, Пушкин объяснял противоречия письма Татьяны тем, что она влюблена и что ей 17 лет.²² Однако в текст романа поэт такого указания не ввел (как он это сделал применительно к Онегину или Ленскому). Думается, аргумент из эпистолярной дискуссии, использованный в порядке «анти-критики», не следует употреблять для расстановки временных вех, как делают некоторые комментаторы. Надо думать, в замысел поэта здесь входила некоторая неопределенность. Постараемся показать это.

При встрече с Онегиным Татьяна ведет себя как юная девушка: влюбляется с первого взгляда, воображает своего возлюбленного героем нравоучительного романа, пишет ему страстное письмо. Но вот проходит как будто всего год — спеление событий деревенской жизни, от конца первой главы до середины седьмой, не позволяет усомниться в этом, — и мать Татьяны озабочена:

Пристроить девушку, ей-ей,
Пора; а что мне делать с ней?

И хотя у нее мало средств, мать решает взять Татьяну «на ярманку невест» в Москву, а там вопреки ее воле спешит выдать ее за нелюбимого толстого изувеченного генерала.

Возможно, конечно, чтобы так поступала мать восемнадцатилетней девушки, которая по непонятной для нее причине увядает и тоскует, но все же это выглядит не особенно убедительно. Более естественно такое поведение для женщины, озабоченной будущим дочери, приближающейся к возрасту, за чертой которого замужество становится проблематичным. Как бы ни определять такой возраст, Татьяне, если ей 18 лет, до него далеко. Ю. М. Лотман указывает, что в начале XIX в. «нормальным возрастом для брака считались 17—19 лет».²³ Мать поэта вышла замуж в 21 год, его приятельница Екатерина Николаевна Раевская в 24 года, сестра Ольга Сергеевна незадолго до начала работы Пушкина над седьмой главой вышла замуж в возрасте 31 года, и т. д. Татьяна безответно любит, пережила гибель жениха сестры от руки своего возлюбленного, отказала нескольким претендентам, погрузилась в мир книг Онегина. Обилие переживаний, выпавших на долю Татьяны, заставляет читателя предполагать ее старше 18 лет. Это предположение еще больше подкрепляется энергичными заботами матери о ее замужестве.

В Петербурге мы вместе с Онегиным видим Татьяну «неприступною богиней роскошной, царственной Невы». При ее появлении на рауте

... толпа заколебалась,
По зале шопот пробежал
К ней дамы подвигались ближе;
Старушки улыбались ей;

²² Письмо от 29 ноября 1824 г. (XIII, 125).

²³ Лотман Ю. М. Комментарий, с. 57.

Мужчины кланялися ниже,
Ловили взор ее очей;
Девицы проходили тише
Пред ней по зале.

(VI, 171)

Она владычествует в большом свете не красотою. Еще в первой молодости

Ни красотой сестры своей,
Ни свежестью ее румяной
Не привлекла б она очей.

(VI, 42)

Да и не стали бы дамы, старушки и девицы преклоняться перед одной только красотою. Как в начале романа красота Ольги не заслоняет от Онегина душевных достоинств старшей сестры, так в восьмой главе поэт сообщает, что Татьяну не могла затмить мраморная краса блестящей Нины Воронской. При этом она не только не добивается положения «законодательницы зал», но ее тяготит вся эта «ветошь маскарада, весь этот блеск, и шум, и чад».

Сколько же лет этой даме, уверенно и без особых усилий владычествующей в столичном свете?

Согласно традиционной хронологии комментаторов романа, ей 20 лет.

Конечно, это не так невозможно, как часто гулять по Петербургу во время белых ночей, оставив его в начале мая, но маловероятно. Дочь М. И. Кутузова Елизавета Михайловна Хитрово, ее дочь графиня Долли Фикельмон, жена Карамзина Екатерина Андреевна, княгиня Зинаида Александровна Волконская стали влиятельными светскими дамами и хозяйками модных салонов, когда им было 25, 30 и более лет.

Катенин хотел, чтобы между «московской» и «петербургской» главами была еще одна глава, которая изображала бы путешествие Онегина, иначе «переход от Татьяны, уездной барышни, к Татьяне, знатной даме, становится слишком неожиданным и необъясненным» (VI, 197). Сам Пушкин демонстративно сообщил нам это замечание и солидаризировался с ним. В нем мы видим признание необходимости не только психологической, но и временной перспективы.

Как было отмечено выше, в первой главе в момент отъезда Онегина в деревню поэт размыкает сцепление взаимно связанных эпизодов и создает временную неопределенность, столь важную для построения целого. В другой раз такая временная неопределенность явно возникает в конце, между седьмой и восьмой главами. Татьяна познакомилась со своим будущим мужем в конце зимы; через некоторое время осенью ее муж говорит Онегину, что женат около двух лет, следовательно, свадьба состоялась около нового года. Сторонники традиционной хронологии считают, что свадьба состоялась в минимально возможный по ходу действия срок — около нового года, непосредственно следующего за годом знакомства Татьяны с генералом. Скорее всего, так могло и быть, но никаких прямых указаний на это текст не содержит. Свадьба могла быть и отложена по разным причинам.

Можно сказать, что героям романа в каждом эпизоде столько лет, сколько требует художественная и психологическая правда. Только в четвертой главе поэт сообщает, что Онегин убил на светскую жизнь 8 лет (строфа IX). Если она началась в шестнадцатилетнем возрасте, то знакомство с Ленским последовало приблизительно через полгода после этого; в восьмой же главе написано, что Онегин убил друга в 26 лет (строфа XII). Три фазы жизни Татьяны — зарождение ее любви к Онегину, выезд в Москву, роль хозяйки модного салона — хронологически не определены. Даже возраст Ленского, несмотря на стихи:

Он пел поблеклый жизни цвет,
Без малого в осьмнадцать лет —

и надпись на памятнике «Покойся, юноша-поэт!», может быть оспорен. Так, В. В. Набоков выражает сомнение в том, насколько правдоподобно такое сочетание фактов: около 18 лет Ленский уже возвращается из Геттингенского университета, вступает во владение имением и женится (он погибает за две недели до свадьбы).²⁴ Действительно, из русских студентов Геттингенского университета только Каверин оставил его в восемнадцатилетнем возрасте, но это случилось в 1812 г., когда пришлось поспешить принять участие в войне. Остальные возвращались в Россию в более позднем возрасте — в 20 лет (Александр Иванович Тургенев), в 24 года (Андрей Сергеевич Кайсаров) и т. д. Герой «Русского Пеламы» оставляет немецкий университет в восемнадцатилетнем возрасте по приказанию отца, недоучившись. Конечно, мог преждевременно оставить университет и Ленский, но в романе об этом не сказано, как сказано в «Русском Пеламе». Женились русские дворяне, как правило, значительно позже восемнадцати лет. Все описанное Пушкиным возможно, но судьба Ленского представляет не обычный, а редкий, маловероятный вариант биографии.

По традиции важным подспорьем для исчисления хронологии романа являются «Отрывки из Путешествия Онегина». При этом почти все сведения черпаются из черновых вариантов, созданных поэтом в 1829—1830 гг., не публиковавшихся им в журналах и не включенных в издания 1833 и 1837 гг. Именно здесь вычитывается, что после дуэли Онегин сперва поехал в Петербург (VI, 476), что в Одессе он настиг автора (VI, 491 и 504) и, расставшись с ним снова, отправился «к невским берегам», в то время как автор «уехал в тень лесов Тригорских» (VI, 492 и 505). Связывая эти данные со сроками южной и северной ссылки Пушкина, комментаторы заключают, что Онегин отправился в невскую столицу около середины 1824 г.

Таков был одно время замысел Пушкина. Однако поэт его не реализовал. Готовя текст к изданию, он не доработал и не ввел в него все эти строки. Он отказался от мысли столь явно отождествить себя с автором и дать возможность датировать возвращение Онегина из путешествия по своей биографии. Он пошел на то, что одесские строфы «Путешествия» повисли в воздухе без второй точки опоры. Первоначальный замысел был: в Бахчисарае Онегин вспомнил об авторе, который жил тогда в Одессе, и Онегин приехал в Одессу. В окончательном тексте осталось: в Бахчисарае Онегин вспомнил об авторе, автор жил тогда в Одессе — и все. Следует пространное описание Одессы, которое как раз обрывается в начале той самой строфы, в которой должен был быть рассказан приезд к автору Онегина. Описание Одессы не мотивировано, как первоначально намечалось, важной для фабулы ситуацией — встречей Онегина с автором.

В окончательной редакции осталась одна-единственная проекция путешествия Онегина на биографию Пушкина — слова о том, что Онегин оказался в Бахчисарае спустя три года после автора «Бахчисарайского фонтана» (VI, 201). Через нее не может быть однозначно проведена хронологическая прямая: в окончательном тексте этот эпизод вынесен за пределы восьми глав и примечаний романа, образ же автора настолько неоднозначен и зачастую так далек от своего прообраза, что приходится отказаться от мысли строить хронологию романа по биографии Пушкина.

Готовя отдельное издание романа, поэт между другими примечаниями включил в него и следующее: «17. В прежнем издании, вместо *домой летят*, было ошибочно напечатано *зимой летят* (что не имело никакого смысла). Критики, того не разобрав, находили анахронизм в следующих строфах. Смеем уверить, что в нашем романе время расчислено по календарю» (VI, 193). Именно это примечание обычно цитируется в исследованиях по хронологии «Евгения Онегина» как стимул к поискам совпа-

²⁴ Eugene Onegin. A Novel in Verse by Aleksandr Pushkin, vol. 3, p. 17.

дения романного и исторического времени. Между тем, как большинство пушкинских примечаний, и эти слова заключают в себе элемент игры. Например, ряд исследователей придавал значение поискам года, в который именины Татьяны 12 января приходится на субботу. Где, как не здесь, было расчислить время по календарю? Как будто, к этому обязывал текст: «Татьяны именины В субботу» (VI, 93). Оказалось, что соответствующие годы (когда 12 января приходится на субботу) — 1807, 1818, 1824, 1829 — никак не соответствуют традиционной хронологической канве.²⁵ Уже это должно было насторожить. Обращение к рукописям показывает ряд вариантов:

Ты к Лариной в субботу зван
(VI, 376)

Да что? — какой же я болван —
Чуть не забыл — в четверг ты зван
(VI, 376)

Ба! ба!.. какой же я болван!
Чуть не забыл — в четверг ты зван.
(VI, 600)

И здесь же следующая строфа:

Я? — «Да, ты зван на имянины
Я? — «Да, в четверг на имянины
Я? — «Да; в субботу имянины
Татьяны...»

(VI, 600)

Коллебаясь между четвергом и субботой, Пушкин искал наиболее естественную фразу, близкую к конструкциям разговорной речи. Разница между этими двумя словами для него состояла только в количестве слогов. Очевидно, он никак не имел в виду приурочить поединок Онегина и Ленского к 1821 или какому-либо иному конкретному году. Как показал (на наш взгляд, вполне убедительно) И. М. Тойбин,²⁶ в 17-м примечании поэт имел в виду не хронологию, а календарь природы, правильную, естественную смену времен года, циклическое движение времени, отражающее вечное обновление жизни. Нечто подобное отмечают исследователи и в лирической поэзии Пушкина: «Время распадается в лирике Пушкина по крайней мере на два типа: преходящее разрушительное время, которое можно представить в виде темпоральной стрелы, хотя по многим признакам оно ближе представлению о волне; некое ахронное измерение, которое можно понимать и как сопричастность вечности».²⁷ «В художественном мире романа, — пишет И. М. Тойбин, — события развиваются в особом, „сдвинутом“ измерении — ином, чем в эмпирической действительности. Отдельные хронологические даты, включенные в повествование, выполняют функцию психологических и исторических точек опоры, ориентиров, связывающих суверенный художественный мир „свободного“ романа с реальной действительностью. Но сама связь эта тоже „свободна“. Даты не складываются в последовательную, четкую хронологическую сетку, они сознательно не конкретизируются, остаются нарочито зыбкими, „недосказанными“. И в этом постоянном мерцании „точности“ и „неточности“, историчности и вымысла глубокое своеобразие пушкинской эстетической системы».²⁸

²⁵ См.: Иванов-Разумник Р. В. «Евгений Онегин», с. 55.

²⁶ Тойбин И. М. «Евгений Онегин»: поэзия и история, с. 91—95.

²⁷ Фарыно Е. К проблеме кода лирики Пушкина. — In: O poetyse Aleksandra Puszkina. Poznań, 1975, str. 128.

²⁸ Тойбин И. М. «Евгений Онегин»: поэзия и история, с. 93.

Благодаря сочетанию исторического и циклического движения романное время приобретает исключительную емкость. По словам Белинского, «„Евгений Онегин“ есть поэма *историческая* в полном смысле слова».²⁹ Перефразируя Достоевского, мы скажем, что это историзм в высшем смысле слова. Продолжая свою мысль, Белинский отметил, что в «Евгении Онегине» нет ни одного исторического лица. Мы добавим: и ни одного исторического события, лишь воспоминание о 1812 годе и многозначительный намек на события 1825 г.:

Но те, которым в дружной встрече
Я строфы первые читал...
Иных уж нет, а те далече,
Как Сади некогда сказал.

(VI, 190)

«Евгений Онегин» — рассказ о том, как история преломилась в судьбе отдельной личности, в судьбах дворянской интеллигенции, в судьбах ближайшего и отдаленного пушкинского окружения, — в конечном счете, в судьбах России.

Какой же период истории отразился в романе? И на этот вопрос у Белинского есть убедительный ответ. Он гласит, что в романе показано общество 20-х годов XIX в.³⁰ Не первой половины 20-х годов, а всего десятилетия.

Комментаторы, считавшие, что действие заканчивается весною 1825 г., отметили каскад анахронизмов, уводящих ко второй половине десятилетия. По мнению Н. Л. Бродского, Пушкин ошибался, полагая, что его герой читал среди прочего знаменитый роман Мандзони «Обрученные», который вышел в 1827 г. и привлек внимание автора «Евгения Онегина», а не одну из ранних трагедий итальянского писателя (что значительно менее вероятно).³¹ Г. А. Гуковский видит анахронизм в опущенной строфе VIII главы, где как императрица выведена Александра Федоровна, «Лалла-Рук», жена Николая I.³² Ю. М. Лотман оспаривает это наблюдение: согласно этикету, «Лалла-Рук» не могла открывать бал в паре с мужем, а раз она танцевала в паре с царем, значит она была еще великой княгиней, а ее спутником — Александр I.³³ Но из текста строфы не следует, что «Лалла-Рук» танцевала в одной паре с царем; скорее можно себе представить, что она шла в первой паре с кем-то другим, а царь за нею (с другой дамой):

И в зале яркой и богатой
Когда в умолкший, тесный круг
Подобно лилии крылатой
Коллебясь входит Лалла-Рук
И над поникшею толпою
Сияет царственной главою
И тихо вьется и скользит
Звезда-Харита меж Харит
И взор смешенных поколений
Стремится ревностью горя
То на нее, то на царя...

(VI, 637)

Создается впечатление, что в эпитете «царственной», перекликающемся со словом «царя», упор сделан не на его коннотацию, а на прямое, денотативное значение. Конечно, следует помнить, что в окончательный текст романа Пушкин этих стихов не ввел; но мысль Г. А. Гуковского

²⁹ Белинский В. Г. Полн. собр. соч., т. 7. М., 1955, с. 432.

³⁰ Там же, с. 447.

³¹ Бродский Н. Л. «Евгений Онегин». Роман А. С. Пушкина. Изд. 4-е. М., 1957, с. 313.

³² Гуковский Г. А. Пушкин и проблемы реалистического стиля, с. 258.

³³ Лотман Ю. М. Комментарий, с. 83—84.

о том, что поэт представлял здесь себе Петербург не первой, а второй половины 20-х годов, нам представляется достаточно вероятной.

Ю. М. Лотман указал важную деталь: в 1824 г. Татьяна не могла на рауте говорить с испанским послом, так как у России не было тогда дипломатических отношений с Испанией.³⁴ По поводу стиха «На ложь журналов, на войну» Ю. М. Лотман также пишет, что «стих этот для 1824 г. звучит как анахронизм, между тем как в контексте 1830 г. он получил злободневный политический смысл».³⁵ Комментируя XLV—XLIX строфы седьмой главы, Ю. М. Лотман пишет: «Формально («по календарю») действие происходит в 1822 г., но время описания сказалось на облике изображаемого мира: это Москва после 14 декабря 1825 г., опустевшая и утратившая блестящих представителей умственной жизни».³⁶

Все эти анахронизмы перестают быть таковыми, если отказаться от мысли, что Пушкин держал в мыслях хронологическую канву, воссозданную Р. В. Ивановым-Разумником и его преемниками, что в окончательном варианте романа он имел в виду подвести действие лишь к весне 1825 г. Б. В. Томашевский давно высказал мысль, что «развитие романа в известной степени определяется датами жизни Пушкина».³⁷ Однако он вложил в эти слова смысл, противоположный утверждениям сторонников традиционной точки зрения. По его мнению, жизнь в Михайловском дала материал по шестую главу, московские впечатления 1826 и 1827 гг. легли в основу седьмой главы, поездка на Кавказ в 1829 г. отразилась в «Отрывках из Путешествия Онегина», а Петербург 1828—1830 гг. — в восьмой главе. Для Б. В. Томашевского «Евгений Онегин» — своеобразный дневник пушкинских наблюдений, впечатлений, мыслей, переживаний на всем протяжении работы над романом.

Главы романа писались с учетом того, что будут издаваться отдельно по мере их завершения. Кроме четвертой и пятой, все другие главы кончатся прощанием — с публикуемой частью романа, с читателем, с молодостью, с литературной традицией, с героями. Главы были настолько обособлены, что могли входить не только в состав романа в стихах, но одновременно и в другие текстовые единства (например, первая глава в отдельном издании была предварена особым предисловием и большим «Разговором книгопродавца с поэтом»). Отдельные издания глав выходили в свет с промежутками от 2—3 месяцев до полутора-двух лет.

Внутренняя законченность глав, публикация каждой из них вслед за завершением (только четвертая и пятая были изданы вместе — как раз те, в конце которых нет прощания) с большими и неравными перерывами, отразилась на структуре романного времени. Независимо от построения фабулы и логического сцепления перипетий, между событиями разных глав ощущаются потенциальные временные зазоры. В восприятии разных читателей они могут заполняться временем по-разному. Но сама такая возможность размывает хронологические вехи.

Таким образом, четыре фактора участвовали в организации сложного романного времени «Евгения Онегина»: острое историческое сознание заставляло поэта совмещать отдельные моменты повествования с определенными хронологическими константами и насыщать роман бытовыми, социальными, литературными, идеологическими реалиями 20-х годов; народное и бытовое начало мировосприятия разрывали хронологическую канву и вели к изображению циклического движения времени; автобиографическое начало, основанное на мощном лирическом порыве, превращало почти любой эпизод объективного по всей видимости повествования в страницы прикровенного лирического дневника, так что объективное

³⁴ Там же, с. 355.

³⁵ Там же, с. 358.

³⁶ Там же, с. 331.

³⁷ Пушкин А. С. Евгений Онегин. Л., 1937, с. 256. Об этом же пишет Ю. М. Никишов (Никишов в Ю. М. Пушкин как герой своего стихотворного романа, с. 34—35).

эпическое время действия совмещалось с субъективным авторским временем; писание и публикация романа отдельными, относительно законченными главами усиливало неопределенность течения романного времени.

По мнению Б. Я. Бухштаба, высказанному в частной беседе, «дьявольская разница» между прозаическим романом и романом в стихах состояла для Пушкина в том, что «свободный роман» допускал не полную и подробную, а лишь избирательную мотивировку психологии, поступков персонажей, не требовал неременной причинно-следственной связи событий. Ярким примером является поединок Онегина и Ленского. Ход поединка представлен в шестой главе замечательно подробно и художественно убедительно. А далее жанр «свободного романа», «романа в стихах» позволил его автору обойти весьма значительные обстоятельства, связанные с последствиями дуэли. Почти на протяжении всего XIX в. законами Российской империи дуэль не признавалась, убийство на дуэли рассматривалось как любое другое умышленное убийство, секунданты же в глазах закона были соучастниками. На практике власти проявляли к участникам дуэли большее или меньшее снисхождение в зависимости от ряда причин. Поединок, описанный в шестой главе, сопровождался обстоятельствами, отягчавшими ответственность участников. Зарецкий имел сомнительную репутацию, другой секундант был иностранцем-недворянином и лакеем убийцы. Условия не были согласованы секундантами заранее и записаны. Гибель юноши должна была повлечь за собой следствие и наказание для остальных участников, в первую очередь для Онегина. Ю. М. Лотман всесторонне проанализировал данный эпизод и высказал мысль о том, что смерть Ленского была представлена как результат самоубийства, почему он и похоронен, судя по данным текста (гл. 6, строфы XL и XLI), вне церковной ограды.³⁵ Этой догадке противоречит как будто надпись на памятнике:

«Владимир Ленской здесь лежит,
Погибший рано смертью смелых <...>».

Во всяком случае в романе нет никакого объяснения того, что Онегин понес только нравственное наказание. Автор прозаического — бытового, правоописательного, исторического, социального — романа не мог бы, а скорее всего не захотел бы обойти возникшую острую коллизию. Достаточно вспомнить меры предосторожности, принятые дуэлянтами с помощью доктора Вернера в романе Лермонтова «Герой нашего времени». Пушкин же просто остановился, как только картина была дорисована, и не считал себя обязанным прояснить пусть даже важные подробности. Чтобы оттенить нравственные страдания Онегина, он демонстративно изобразил его от всяких других.

Приведем другой пример избирательности пушкинских мотивировок. В первой главе сказано от лица автора о нем и об Онегине (XLV строфа):

Обоих ожидала злоба
Слепой фортуны и людей
На самом утре наших дней.

Но в романе не показано, что судьба и люди преследуют Онегина. Напротив, он хорошо принят в свете, он «наследник всех своих родных», потом судьба посылает ему друга, потом — любовь необыкновенной девушки. Не внешние обстоятельства, не посторонние люди приводят Евгения Онегина к жизненному крушению. Он, каким его создали поколения предков и воспитание, выпадает из действительности 20-х годов не из-за неблагоприятного стечения обстоятельств, а вопреки благоприятным обстоятельствам. Лишь значительно позже Онегин стал предметом шумных и неблагоприятных суждений «людей благоразумных» (гл. 8,

³⁵ Лотман Ю. М. Комментарий, с. 105.

строфы IX и XII). Поэт не считал необходимым мотивировать упоминание о злобе слепой фортуны и людей, что было бы необходимо в традиционном романе.

Третий пример избирательности мотивировок в «Евгении Онегине». О Татьяне сказано:

Она по-русски плохо знала,
Журналов наших не читала,
И выражалась с трудом
На языке своем родном...

Для того чтобы так владеть французским языком, нужно было по крайней мере в детстве жить в его атмосфере. О своем герое Пушкин упоминает, что его воспитывали французенка и француз; в окружении же «русской душой» Татьяны мы видим только ее русскую няню. То, что в традиционном романе воспитания составляло предмет пристального внимания и художественного исследования, в «свободном романе» Пушкина просто опущено. Мотивировка опускается ради полного выявления заложенной в образе Татьяны идеи, ради единства впечатления. Французенке-воспитательнице здесь места нет.

И четвертый пример. Характеризуя Ленского как поэта романтического толка, Пушкин сообщает, что он еще в отрочестве на всю жизнь полюбил Ольгу. По возвращении в свое Красногорье Ленский бывает у Лариных «каждый вечер», об этом знают соседи:

О свадьбе Ленского давно
У них уж было решено.

В конце января должна состояться свадьба Ленского и Ольги. Однако когда Пушкину понадобилось мотивировать сближение Ленского с мизантропически настроенным Онегиным, он не поколебался написать:

Но Ленский, не имел конечно
Охоты узы брака несть,
С Онегиным желал сердечно
Знакомство покороче свести.

Как видно, избирательность мотивировок связана с поэтикой противоречий,³⁹ присущей роману. Иногда именно отсутствие мотивировок порождает противоречия, поэт не только не избегает их, но порой нагнетает: в противоречиях художественной системы отражаются, воссоздаются противоречия самой жизни.

Итак, роману свойственна поэтика противоречий, ему присуща избирательность мотивировок, многие образы — Онегина, Ленского, автора, читателя — организованы по принципу открытой композиции, как и роман в целом. С этими качествами «свободного романа» естественно соединяются свойства его художественного времени, воссоздающего динамичный образ эпохи 20-х годов, без скрупулезной проработки всех деталей и без ограничения хронологии определенными календарными датами начала и конца.

В эпосе автор всегда занимает более позднюю позицию во времени по сравнению с описываемыми событиями. Будущее неведомо, в нем всегда есть элемент неопределенности. Прошлое — это все расширяющаяся область детерминированного, причинно обусловленного, упорядоченного, исследованного. Эпический автор поворачивается спиной к будущему, находясь в настоящем — некоторой точке, где будущее превращается в прошлое, — всматривается в прошлое и повествует о нем.⁴⁰ Отсюда

³⁹ Лотман Ю. М. Роман в стихах Пушкина «Евгений Онегин». Тарту, 1975, с. 8—32.

⁴⁰ Даже в научно-фантастических романах о будущем повествователь занимает временную позицию, «опережающую» изображаемые события и позволяющую говорить о них в прошедшем времени. Богатству каузальных связей, оттенков восприя-

его «всезнание». Пушкин в «Евгении Онегине» добровольно отказался от этой привилегии эпического автора. В 20-е годы он пишет о 20-х годах. Время романа — не столько историческое, сколько культурно-историческое, вопросы же хронологии оказываются на периферии художественного зрения поэта.

Минуя обширную литературу по проблеме художественного времени,⁴¹ приведем три примера для сравнения с «Евгением Онегиным». Демонстрируя динамику образа Гамлета, М. М. Морозов обращает внимание на то, что в начале шекспировской трагедии это, несомненно, юноша, тогда как в конце — тридцатилетний зрелый человек. «Сколько же времени длится трагедия? С точки зрения „астрономического“ времени — месяца два. Но с точки зрения „драматического“ времени, которое одно только и имело значение для Шекспира, прошло много лет тяжелых переживаний и размышлений».⁴² Время художественное обгоняет время эмпирическое.

В трагедии Шекспира хронологических вех нет. В «Рудине» Тургенева они есть. Время учения Рудина в университете определяется его принадлежностью к кружку Покорского—Станкевича, день смерти 26 июня 1848 г. обозначен писателем точно. Тем не менее обилие событий, изображенных в произведении, в сочетании с тридцатипятилетним возрастом Рудина в момент появления его в доме Дарьи Михайловны Ласунской не вмещается в годы, заключенные между крайними датами. Неоднократные попытки комментатора построить непротиворечивую внутреннюю хронологию событий⁴³ потерпели полную неудачу, и современный комментатор признает невозможность однозначно совместить хронологическую канву «Рудина» с датами общественной и политической жизни 30—40-х годов XIX в.⁴⁴

В «Воине и мире» при внимательном чтении обнаруживается, что Наташа, Соня и Вера взрослеют с разной быстротой. В разных эпизодах эпопеи они то сближаются по возрасту, то удаляются. Есть и другие временные несоответствия. «Вообще для автора „Войны и мира“ характерна сугубо локальная, „сеймоментная“ мотивировка поведения героев и возникающих ситуаций — мотивировка психологическая или этическая, нравственная или историческая. Все обусловлено художественной правдой данного отрезка, куска, эпизода — все решается *ad hoc*».⁴⁵

В «Гамлете», в «Евгении Онегине», в «Рудине», в «Воине и мире» возникает многоплановый образ времени. Он взаимопересекается с историческим временем, с авторским временем, с образами действующих лиц, обогащает их и обогащается ими. Так воссоздается то, что Тургенев со ссылкой на Шекспира назвал «*the body and pressure of time*» — «самый облик и давление времени».⁴⁶

тия действий в прошлом соответствует разветвленная система прошедших времен в большинстве европейских языков, тогда как неопределенность будущего отражается в малой развитости форм будущего времени.

⁴¹ Новейшие наблюдения над категорией художественного времени в поэзии см.: Македонов А. В. О некоторых аспектах отражения НТР в советской поэзии. — В кн.: НТР и развитие художественного творчества. Л., 1980, с. 103—105; Медриш Д. Н. Литература и фольклорная традиция. Саратов, 1980, с. 17—64.

⁴² Морозов М. М. Избранные статьи и переводы. М., 1954, с. 177.

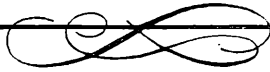
⁴³ Данилов В. В. 1) Комментарии к роману И. С. Тургенева «Рудин». М., 1918; 2) «Рудин» Тургенева как мемуарный роман и хронологические моменты его действия. — Родной язык в школе, 1924, № 5, с. 3—7; 3) Хронологические моменты в «Рудине» Тургенева. — Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук, 1925, т. 29, с. 160—166.

⁴⁴ Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем. Соч., т. 6. М.—Л., 1963, с. 569.

⁴⁵ См.: Бирман Ю. Е. О характере времени в «Воине и мире». — Русская литература, 1966, № 3, с. 126.

⁴⁶ Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем. Соч., т. 12. М.—Л., 1966, с. 303.

Н. Н. ПЕТРУНИНА

ОТ «АРАПА ПЕТРА ВЕЛИКОГО» К «КАПИТАНСКОЙ ДОЧКЕ»

Пушкин, к какому бы роду творчества, к какому бы жанру мы ни обратились, — всегда в изменении, в развитии, в поиске. Непрерывное движение и есть, быть может, самый постоянный, самый устойчивый признак его дарования. Однако, переходя к историческому повествованию Пушкина, видим, что «Арапа Петра Великого» и «Капитанскую дочку» обычно ставят рядом, осмысливают преимущественно со стороны преемственности. Естественно, что именно преемственность привлекает внимание в двух произведениях, принадлежащих к одному жанру. Но ведь «Арап Петра Великого» написан в 1827 г., это первый пушкинский опыт сюжетного повествования в прозе. «Капитанская дочка» увидела свет немногим более чем за месяц до трагической гибели своего создателя, ей суждено было стать последним словом Пушкина-прозаика. Перед нами две крайние точки развития Пушкина — исторического романиста и, более того, прозаического сюжетного повествования Пушкина вообще, два произведения, во многом типологически несходные. Существенно и другое. Между этими двумя вехами творческого развития Пушкина уложились возникновение, становление, высший расцвет русского исторического романа и повести конца 1820-х—1830-х годов.

Эстетическое совершенство неоконченного «Арапа Петра Великого», который уже в глазах Белинского был «неизмеримо выше и лучше всякого исторического русского романа, порознь взятого, и всех их, вместе взятых»,¹ стало источником своего рода аберрации: казалось, что исторический роман Пушкина появился на свет, как Минерва из головы Зевса, готовым. «Несомненно, что по тону рассказа „Арап Петра Великого“ и „Капитанская дочка“ так схожи, как будто написаны вместе, хотя их разделяют 9 лет, — писал первый биограф Пушкина П. В. Анненков. — Так с первого раза нашел Пушкин свой оригинальный стиль, чего другие не находят всю жизнь, несмотря на множество усилий».² Анненков понимал под стилем своеобразие художественной речи, слог Пушкина-прозаика. Слова исследователя имеют конкретный, строго определенный смысл. Однако эти же слова, поняты расширительно, дали направление разработке проблемы в целом, подсказали восприятие «Арапа Петра Великого» и «Капитанской дочки» как произведений, принадлежащих к одной линии развития пушкинской прозы. Исследования и публикации последних десятилетий — труды В. В. Виноградова, Д. Д. Благого, С. Г. Бочарова, С. Л. Абрамович, а также опубликованная стараниями Л. С. Сидякова глава из монографии Д. П. Якубовича (1939)³ —

¹ Белинский В. Г. Полн. собр. соч., т. VII. М., 1955, с. 576.

² Анненков П. В. А. С. Пушкин. Материалы для его биографии и оценки произведений. СПб., 1873, с. 192.

³ Виноградов В. В. О языке художественной литературы. М., 1959, с. 586—590; Благой Д. Д. Творческий путь Пушкина (1826—1830). М., 1967, с. 223—274; Бочаров С. Г. Поэтика Пушкина. Очерки. М., 1974, с. 115—126; Абрамович С. Л. К вопросу о становлении повествовательной прозы Пушкина. (Почему остался незавершенным «Арап Петра Великого»). — Русская литература, 1974, № 2, с. 54—73; Якубович Д. П. «Арап Петра Великого». — В кн.: Пушкин. Исследования и материалы, т. IX. Л., 1979, с. 261—293.

существенно поколебали подобные представления. Конкретные изучения поэтики и стиля «Арапа Петра Великого», то, что знаем мы ныне о творческой его истории, складываются в картину, обнаруживающую черты типологического и стадийного несходства с генезисом и повествовательной системой «Капитанской дочки».

1

Творческую эволюцию, которая пролегла между первым, незавершенным, и последним историческими романами Пушкина, характеризуют уже формы их генезиса. Следует оговориться: материал для суждений о генезисе обоих произведений далеко не равноценен. Мы не знаем ни планов, ни рабочих программ «Арапа Петра Великого», в то время как процесс вызревания замысла «Капитанской дочки», движение творческой мысли ее создателя «стенографически» зафиксированы в целом ряде набросков.

Итак, планы «Арапа Петра Великого» неизвестны. Между тем до нас дошли планы подавляющего большинства драматических и повествовательных произведений первой половины 1820-х годов, планы всех поэм и некоторых лирических стихотворений, планы реализованные и оставшиеся от замыслов неосуществленных. Есть и исключения (причем весьма существенные) из общего правила, и каждое из этих исключений по тем или иным причинам должно принять во внимание, обращаясь к творческой истории «Арапа». Начну с простейшего: мы не знаем планов «Графа Нулина», написанного 13—14 декабря 1825 г. Если учесть, что черновые рукописи поэмы неизвестны, то напрашивается предположение, что план находился среди черновиков и утрачен (или был уничтожен поэтом) вместе с ними. Нельзя, однако, исключить и другой возможности. «Граф Нулин» — первая у Пушкина поэма новеллистического типа, в основу сюжета которой положен анекдот. Анекдот и мог сыграть в этом случае роль плана.

Более сложен и опять-таки неразрешим однозначно вопрос о том, существовала ли рабочая программа, предшествовавшая началу работы над первой главой «Евгения Онегина». Очевидно одно: «даль свободного романа» прояснялась постепенно. Первую главу сам поэт воспринимал как «нечто целое», заключающее в себе «сатирическое описание петербургской жизни молодого русского, в конце 1819 года» (VI, 527). Можно допустить, что это описание — не нуждавшееся в дополнительном плане и обретавшее конкретность в ходе работы — поначалу определяло замысел как таковой и лишь со временем раскрылось во всем богатстве внутренних возможностей. Разумеется, настаивать на таком решении как на единственно возможном при отсутствии прямых свидетельств трудно: автор новейшей работы о генезисе «Онегина» полагает, что уже в 1823 г., в Одессе существовала предварительная программа повествования, охватывающая действие деревенских глав романа.⁴

Не располагая авторскими планами «Арапа Петра Великого», исследователи реконструируют замысел романа, опираясь на показания современников, восходящие к рассказам Пушкина. И всякий раз собеседники поэта — будь это А. Н. Вульф или П. А. Вяземский — подчеркивают, что роман строился на основе семейного предания. Родовое предание, исторические сведения об Абраме Ганнибале, представления поэта о петровской эпохе в целом соединились в замысле повествования, развитие интриги которого предопределяли реальные обстоятельства жизни исторического Ганнибала. Они-то, эти реальные обстоятельства, и могли сыграть роль предварительного плана будущего романа. Пока это всего лишь рабочая гипотеза. Большая часть черновиков «Арапа Петра Великого» до нас не дошла. Вместе с черновиками могли исчезнуть и планы. Соображения в пользу того, что предварительного, письменно зафиксиро-

⁴ Дьяконов И. М. Об истории замысла «Евгения Онегина». — В кн.: Пушкин. Исследования и материалы, т. X. М.—Л., 1982, с. 78—88.

ванного плана романа в данном случае не было, основываются на косвенных данных. Первое среди них: роман остался незавершенным, планы же, оставшиеся нереализованными, Пушкин обычно сохранял. Второе: как ни спорен, как ни сложен вопрос о том, существовали ли неизвестные ныне предварительные планы «Онегина», «Графа Нулина», «Арапа Петра Великого», — а к ним следует добавить еще и «Роман в письмах» (1829); — достойно замечания, что планы произведений, над которыми Пушкин работал раньше и позднее, нам известны. Исключения же из общего правила близки по времени (все они тяготеют к середине 1820-х годов) и — что особенно существенно — связаны с произведениями, отмеченными всякий раз особой жанровой спецификой. Это либо опора на анекдот, на семейное предание, которые становятся в «Графе Нулине» и «Арапе Петра Великого» основой фабулы, либо «сатирическое описание петербургской жизни молодого русского» — особая творческая задача первой главы «Онегина», либо, как в «Романе в письмах», — форма письма и обусловленный ею тип повествования. Любая из этих особенностей могла сделать план в представлении автора излишним.

Но главным аргументом в пользу предлагаемой гипотезы может оказаться история работы над «Полтавой», первым повествовательным произведением, к которому Пушкин приступил, отложив (или оставив) «Арапа», — произведением, родственным незавершенному роману и по историческому своему характеру, и по связи с образом и эпохой царя-преобразователя, и по задаче вместить «частное происшествие в раму повествования общего» — задаче, осознанной в эту литературную пору как ключевая именно для жанра исторического романа. «Полтава» — это общепризнанно и уже служило предметом анализа⁵ — начата была без предварительного плана, начата общей картиной исторической эпохи, перенесенной позднее в середину первой песни. Лишь коснувшись образа Мазепы, с которым связаны и одна из главных поэтических задач, решавшихся в поэме, и развитие обеих — исторической и романической — линий сюжета, Пушкин набросал план опять-таки не всей, но ближайшего отрезка фабулы, после чего начал «Полтаву» сызнова.

Мы умышленно задержались на вопросе о существовании предварительного плана «Арапа Петра Великого». Вопрос этот самым прямым образом связан с характером подготовительной работы как определенной фазы в формировании замысла, с типом сюжета, с числом и качеством факторов, участвующих в его становлении, а в конечном счете — с поисками такого сюжета, который способен стать гибким инструментом отражения исторической действительности, способен «без насилия» (XI, 92) воплотить историческую концепцию в пластических, чувственно осязаемых, по видимости случайных фабульных происшествиях. Можно ли почтись делом случая, что среди пушкинских прозаических опытов конца 1830-х годов — два незавершенных романа без плана, а от последующего периода до нас дошел целый ряд планов без романа? Скорее мы имеем здесь дело с фактами, отразившими два разных этапа, пройденные Пушкиным на пути к большой повествовательной форме.

Замысел «Капитанской дочки», родившийся из размышлений Пушкина над природой общественных процессов современности, вызревал на протяжении трех лет, взаимодействуя с другими творческими идеями поэта, впитывая опыт отечественной и европейской литературной традиции. Планы позволяют со всей отчетливостью проследить отдельные этапы формирования сюжета, а их хронологическая последовательность не оставляет сомнений, что роль определяющего фактора играло в этом процессе все большее углубление исторических познаний Пушкина.⁶ Замысел романа, его художественная концепция сформировались лишь

⁵ См.: Благой Д. Д. Мастерство Пушкина. М., 1955, с. 84—92.

⁶ См.: Петрунина Н. Н., Фридляндер Г. М. Над страницами Пушкина. Л., 1974, с. 73—123.

тогда, когда бурные события пугачевщины стали ясны Пушкину в их исторических причинах и следствиях, когда он до конца уяснил себе социальную природу событий, когда бесчисленное множество эмпирических фактов претворилось в его сознании в стройную философско-историческую систему. Планы «Капитанской дочки» наглядно показывают пути, которыми шел Пушкин еще задолго до начала непосредственной работы над этим романом к разрешению основных творческих проблем, стоявших перед историческим романом его эпохи, как разрешал он задачу сочетания истории и вымысла, как он искал и находил формы воссоздания исторических характеров и обстоятельств, достигал единственно верного отбора описательных и драматических, эпических и лирических элементов повествования.

Когда Пушкин начал писать «Капитанскую дочку», ему ясна была не только историческая эпоха в целом, но и то, какими гранями своими отразится она в его создании, какие художественные формы примет ее изображение. Исторический документ, исторический факт неизменно остаются в «Капитанской дочке» основой повествования, но события разворачиваются столь естественно, с такой простотой, что история предстает перед нами с достоверностью современной, непосредственно наблюдаемой жизни. Пушкин опирается на исторические источники даже там, где этого менее всего можно ожидать. Ну кто заподозрит некую реальную основу в словах Швабрина, мимоходом помянувшего «учителя» своего Василия Кирилыча Тредьяковского? Но и тут среди участников Российского собрания переводчиков, которое открылось в 1735 г. речью Тредьяковского, с удивлением обнаруживаем имя Мартина Шваневича,⁷ представителя той исторической фамилии Шванвичей, с которой генетически связан Швабрин «Капитанской дочки». Исторический факт, исторический анекдот как бы возвращены в романе Пушкина к своей реальной основе, предстают в виде житейских происшествий, которые совершаются в сфере быта, еще не стали ни историей, ни преданием, еще не обрели острой характерности, законченности анекдота. Неудивительно поэтому, что хотя из чернового наброска предисловия к роману известно, будто сюжет его впитал какое-то местное предание, анекдот, известный «в Оренбургском краю» (VIII, 928), несколько поколений исследователей занимались поисками этого анекдота, но так и не пришли к обоснованному общему решению. Заключал ли в себе анекдот мотив благодарности, мотив помилования царцей изменившего присяге офицера, или он дал жизнь какому-то другому фабульному ходу «Капитанской дочки», который ныне и не ассоциируется для нас с исходным преданием, мы достоверно узнаем лишь в одном случае: если в наши руки попадет прямое свидетельство самого Пушкина.

Совсем иную роль играют анекдот, предание, исторически зафиксированный факт в поэтике «Арапа Петра Великого». «Главная завязка этого романа будет, — записывает А. Н. Вульф, ссылаясь на свидетельство Пушкина, — неверность жены сего арапа, которая родила ему белого ребенка и за то была посажена в монастырь».⁸ Под «завязкой» Вульф разумеет здесь не начальную фазу, не звено развивающегося сюжета, а основу сюжетного действия в целом. Роль предания в художественной структуре «Арапа Петра Великого», однако, не ограничивается и этим. Достаточно заметить, что исходное предание содержит в себе зерно той поэтики контрастов, которая стала одним из основных конструктивных признаков написанных глав романа.

Анекдот и просто исторический факт — зафиксированный И. И. Голыковым, полученный через посредство А. О. Корниловича, почерпнутый из исторических трудов или из устного предания — в романе об Ибрагиме легко различим. Органически усвоенный повествованием он тем не ме-

⁷ См.: Сборник материалов для истории имп. Академии наук в XVIII веке. Издал А. Куник. Ч. I. СПб., 1865, с. XVII.

⁸ Вульф А. Н. Дневники. М., 1929, с. 136.

нее сохраняет в нем известную самостоятельность. Знакомые по анекдотам черты быта и нравов самого царя-преобразователя и его молодой столицы остранены в пушкинском повествовании то посредством восприятия их пришедшим извне героем («государь престранный человек», — делится с Ибрагимом Корсаков, заставший Петра «в какой-то холстяной фуфайке, на мачте нового корабля» — VIII, 14), то посредством рода комментария, который сопровождает их в авторском повествовании («Петр сел подле хозяина и спросил себе щей. Государев деньщик подал ему деревянную ложку, опрaвленную слоновою костью, ножик и вилку с зелеными костяными черенками, ибо Петр никогда не употреблял другого прибора, кроме своего» — VIII, 23). Исторический факт оживает под пером Пушкина,⁹ но и сохраняет, выставляет на вид свою ценность исторического свидетельства. И это в «Арапе Петра Великого» лишь один из многих приемов, позволяющих ощутить дистанцию между героями и их исторической эпохой, с одной стороны, и автором — с другой.

2

Коснувшись позиции автора-повествователя, мы затронули вопрос, имеющий серьезную научную традицию. Применительно к «Арапу Петра Великого» он был поставлен В. В. Виноградовым на материале повествовательного стиля;¹⁰ С. Г. Бочаров исследовал преломление авторской позиции в более широком круге аспектов поэтики романа.¹¹

В «Арапе Петра Великого» дистанция между автором-повествователем и разными сферами изображаемой исторической действительности, разными героями его рассказа не установилась, колеблется на глазах у читателя. Это сказывается в несогласованности темпа и масштаба повествования о петровской ассамблее и об обеде у русского боярина, проявляется в том, что Пушкин с разного расстояния наблюдает Петра, Ибрагима (в котором С. Н. Карамзина проницательно видела кальку с самого автора¹²), Корсакова. Наблюдения в этом направлении могут быть продолжены, причем чем далее, тем труднее объяснять смену ракурсов и темпа повествования, непостоянство исторической дистанции и перемещение авторской точки зрения творческим замыслом создателя «Арапа Петра Великого». Прав С. Г. Бочаров: «Пушкинский прозаический стиль со всей убедительностью выявляется в границах определенных участков текста; повествование же в большей прозаической форме, задуманной Пушкиным, оказывается неразрешенной задачей». И далее: «...прозаически (в противовес тут же охарактеризованным в их своеобразии поэтическим решениям, — Н. П.) соизмерить великое с малым, историческое с домашним — этой задачи роман о Ганнибале, по-видимому, не мог разрешить». Присоединяясь к этому выводу исследователя, хочется, однако, выразить сомнение, что единственной (и даже основной) трудностью, с которой столкнулся Пушкин на пути к решению этой задачи, оказалось отсутствие «единой целостной позиции автора», необходимой для того, чтобы «вместить органически оба мира петровской России в единое повествование».¹³

Начало «Арапа Петра Великого» оставляет ощущение удивительной гармоничности и целостности. И в то же время ряд особенностей романа

⁹ См.: Якубович Д. Пушкин в работе над прозой. — Литературная учеба, 1930, № 4, с. 56—57.

¹⁰ Виноградов В. В. О языке художественной литературы. М., 1959, с. 586—590. Свой взгляд на значение проблемы в целом ученый значительно раньше сформулировал в другом месте: «В понимании всех оттенков (...) многозначной и многоликой структуры образа автора — ключ к композиции целого, к единству художественно-повествовательной системы Пушкина» (Виноградов В. В. Стиль «Пиковой дамы». — В кн.: Пушкин. Временник Пушкинской комиссии, т. 2. М.—Л., 1936, с. 105).

¹¹ Бочаров С. Г. Поэтика Пушкина. Очерки. М., 1974, с. 115—124.

¹² Пушкин в письмах Карамзинных 1836—1837 годов. М.—Л., 1960, с. 202.

¹³ Бочаров С. Г. Поэтика Пушкина, с. 116, 123, 119.

убеждает, что метод Пушкина — исторического романиста еще не сложился, отмечен чертами известной переходности, а отчасти и внутренней противоречивости. «Здесь еще нет полного разрыва с романтической поэтикой и стилистикой исторического романа», — справедливо заключал В. В. Виноградов.¹⁴

В герои первого своего романа Пушкин избирает человека незаурядного, и притом человека, облик и судьба которого отмечены печатью исключительности. Это роднит Ибрагима скорее с героем романтиков, нежели с любимым «средним» героем В. Скотта, которого сам автор «Уэверли» с усмешкой причислял к «очень приятным и очень бесцветным молодым людям».¹⁵

Именно в силу своей заурядности герой В. Скотта, невольно оказавшись в сложной исторической ситуации, впервые сталкивается с могучими силами, противоборствующими на арене политической жизни страны. Он лишен собственной позиции, а то и просто не сознает происходящего у него на глазах. Юноша наблюдает представителей обоих лагерей, на опыте познает силу и слабость каждой из борющихся сторон, на глазах у читателя совершает свой выбор и в решительный момент действует в соответствии с ним.

Гражданская позиция Ибрагима к моменту возвращения его в Петербург определена раз и навсегда. Сложившаяся когда-то сама собой, на почве исключительных отношений, в которые жизнь поставила маленького арапа к царю-преобразователю, она упрочена обретенным впоследствии сознанием правоты его дела, чувством долга перед крестным своим отцом, отсутствием у возвращенного царем Ибрагима всяких связей в оппозиционной, исконно русской боярской среде. Неудивительно поэтому, что в своих поступках Ибрагим лишен инициативы. Преданный «птенец гнезда Петрова», он почитает себя «работником» «огромной мастерской», «обязанным трудиться у собственного станка» (VIII, 13). Даже вопросы личной участи героя решает не сам он, а Петр, даже в доме нареченного своего тестя Ржевского Ибрагим покорно следует предначертаниям мудрого устроителя своей судьбы.

Казалось бы, вполне вальтерскоттовский характер (и на это обратил внимание еще Д. П. Якубович¹⁶) носит первая встреча Ибрагима с Петром — встреча в ямской избе. И впрямь, как в 1821 г. писал В. Скотт, который четко сознавал и охотно разъяснял сюжетные функции своих любимых повествовательных приемов, «у повествователя есть все основания начинать свой рассказ с описания гостиницы, где свободно сходятся все путешественники и где характер и настроение каждого раскрываются без всяких церемоний и стеснений».¹⁷ Как видим, у Пушкина прием этот утратил свои вальтерскоттовские функции: в красносельской ямской избе встречаются не случайные неизвестные друг другу путники, а издавна связанные судьбой Петр и его, царский, арап. Соответственно меняется и вальтерскоттовская ситуация, примечательная тем, что «характер и настроение каждого раскрываются без всяких стеснений»: у Пушкина «Ибрагим, узнав Петра, в радости к нему было бросился, но почтительно остановился» (VIII, 10). Зато старый повествовательный мотив обрел в «Арапе Петра Великого» новую функцию — характеристики царя. Это понял уже П. А. Вяземский, писавший о Петре пушкинского романа: «Встреча его с любимым Ибрагимом в Красном Селе, где, уведомленный о приезде его, ждет его *со вчерашнего дня*, может быть, и даже вероятно, не исторически верна, но — что важнее того — она характеристически верна. Этого не было, но оно могло быть; оно согласно с характером Петра, с нетерпеливостью и пылкостью его, с простотою его

¹⁴ Виноградов В. В. О языке художественной литературы, с. 586.

¹⁵ Скотт В. Собр. соч. в 20-ти т., т. 20. М.—Л., 1965, с. 529.

¹⁶ См.: Якубович Д. П. «Арап Петра Великого». — В кн.: Пушкин. Исследования и материалы, т. IX. Л., 1979, с. 272—273.

¹⁷ Скотт В. Собр. соч. в 20-ти т., т. 11, с. 16.

обычаев и права).¹⁸ Именно простота житейского поведения «человека высокого роста, в зеленом кафтане, с глиняною трубкою во рту» (VIII, 10) неуклонно ведет читателя к пониманию душевного величия Петра.¹⁹ С первой встречи Ибрагим сталкивается не просто с Петром — частным человеком, крестным отцом своим, но и с Петром Великим, деятелем русской истории. Ибрагиму незачем разгадывать масштаб личности Петра, он ясен ему сразу, и автору остается в каждой новой главе лишь поворачивать героя новыми гранями, представлять его в ракурсах, заданных преданием, а не художественно исследовать.

Наконец, интеллектуальный уровень Ибрагима. Вспомним: «... его наружность, образованность и природный ум возбудили в Париже общее внимание <...> он присутствовал на ужинах, одушевленных молодостью Аруэта и старостию Шолье, разговорами Монтеские и Фонтенеля» (VIII, 4). Интеллектуальный уровень Ибрагима таков, что с самого начала в своих наблюдениях и оценках он находится на уровне исторической (пушкинской!) оценки происходящего.

«Арап Петра Великого» открывается стремительной авторской характеристикой Франции эпохи Регентства — картиной, которая служит фоном истории страстной любви Ибрагима и графини Д. и включает в себя эту историю как необходимую, характеристическую свою черту. Париж первой четверти XVIII в. Пушкин видит сквозь упорядочивающую призму векового исторического и культурно-психологического опыта. Отдельные грани и стилистические краски своего описания он черпает из французской литературы и мемуаристики XVIII в., достигая чеканной точности деталей и верности пропорций целого. При этом фабульные происшествия оказываются важным штрихом в картине парижской жизни, но восприятие Ибрагима, его ум и сердце не становятся орудием постижения исторической и «домашней» жизни Франции.

Петровская Россия как место, где должно развернуться основное действие, изображена в ином масштабе, придвинута ближе к читателю. В ее восприятии участвует свежий взгляд Ибрагима и парижского приятеля его Корсакова, но и взгляд Ибрагима, и даже взгляд Корсакова — это взгляд с исторической и культурно-психологической дистанции. При всей сложности картины обновленного Петербурга он является перед нами в сжатом авторском обобщении. Герои повествования получают в готовом виде отдельные грани авторского восприятия, им не приходится познавать время и место действия в процессе постепенного движения от внешних проявлений духа эпохи к ее глубинным, внутренним процессам.

В русских главах романа движется вперед не только фабульное действие: Пушкин неуклонно ведет нас с исторической авансцены в глубину русской жизни. Разворот ее в романе все время расширяется. С образа Петра, с его ближайшего окружения, с его «птенца» Ибрагима внимание читателя перемещается на внутреннюю жизнь людей тех сословий, которые явились объектом петровских преобразований и из которых исходило явное или скрытое сопротивление Петру. В последние годы жизни царя сопротивление это принимало формы глухого тайного недовольства, не выражало себя открыто. Перед историческим романистом, избравшим временем действия своего повествования конец первой четверти XVIII в., вставала задача углубления в сложные подспудные процессы общественной, духовной и нравственной жизни страны — задача, к разрешению которой вряд ли были подготовлены не только русский роман, но и русская историческая наука 1820-х годов.

В высшей степени знаменательно то обстоятельство, что весной 1828 г., через несколько дней после имевшего в дружеском кругу полный успех петербургского чтения «Арапа Петра Великого», автор незавершен-

¹⁸ Вяземский П. А. Полн. собр. соч., т. II. СПб., 1879, с. 376.

¹⁹ См. об этом: Бочаров С. Г. Поэтика Пушкина, с. 121. Здесь тонко подмечено, что первая же встреча читателя с Петром — это встреча с известными атрибутами царя-преобразователя.

ного исторического романа начинает историческую поэму и начинает ее словами:

Была та смутная пора —
Когда Россия молодая
В бореньях силы развивая
Мужала с гением Петра — —

(V, 175)

С Пушкиным произошло нечто подобное тому, что много лет спустя случилось с Львом Толстым, который, задумав роман о декабристах, вынужден был начать свое художественное исследование русской истории с эпохи наполеоновских войн. От начала 20-х годов XVIII в., от России преобразенной Пушкин вернулся вспять, к эпохе борьбы и ломки, когда история облекалась в яркие и рельефные формы, когда гений Петра расправлял крылья в открытом противоборстве с сильным и коварным противником. Примечательна при этом и смена жанра. От повествования в прозе Пушкин обратился к стихотворному повествованию, причем жанр поэмы приобрел черты типологического сходства с историческим романом. И последнее: от Петра «домашнего» (хотя и в романе царю тесно в сфере «малого» мира) Пушкин перешел к Петру оды, героической эпопеи. Пушкин-прозаик, по остроумному наблюдению Вяземского, строго стороживший в себе поэта,²⁰ был вынужден выпустить поэта на волю. Образ Петра, тревоживший его творческое воображение, не вмещался в прозу, он требовал стиха.²¹

Не случайно, по-видимому, и то, что после «Арапа Петра Великого» Пушкин-прозаик в своих повествовательных опытах перемещает центр тяжести на анализ именно внутренней жизни русского общества и задачу эту сначала пытается решить на более близком, современном материале.

Почти все исследователи «Арапа Петра Великого» задумывались над тем, как мыслил Пушкин дальнейший ход его действия.²² Если учесть, что существование предварительного плана «Арапа» весьма проблематично и что замысел, соответственно, мог развиваться и конкретизироваться в ходе самой работы, то к уже высказывавшимся законным сомнениям в правомерности и продуктивности подобных реконструкций можно прибавить еще одно соображение. Любые гипотезы о том, как должно было развиваться действие после сватовства Ибрагима и выздоровления его невесты, могут оказаться в той или иной мере «обгоняющими» авторский замысел. К моменту, когда роман был оставлен, замысел этот вполне мог ограничиваться той почти завершенной завязкой, которая известна ныне по писанным главам, и общей идеей дальнейшего развития и развязки, подсказанной семейным преданием. Тем более замысел мог не предусматривать форм сочетания романической интриги с событиями историческими, т. е. способа разрешения одной из кардинальных не только для русского, но и для европейского исторического романа проблем. Заметим, что ко времени работы над «Арапом Петра Великого» была едва лишь начата седьмая глава «Онегина»; другими словами, история еще не

²⁰ Вяземский П. А. Полн. собр. соч., т. II, с. 376.

²¹ Ср.: Сидяков Л. С. Проза и поэзия Пушкина. Соотношение и взаимодействие. Автореф. дис. Тарту, 1975, с. 26—27.

²² Из повествовательных мотивов, которые получили частичное воплощение в написанных главах «Арапа Петра Великого» и в какой-то степени бросают свет на возможные пружины дальнейшего действия, стоит вкратце остановиться на одном, до сих пор не привлекавшем внимания исследователей. Положение, в которое поставлены герои романа, будущие соперники, отмечено существенным сходством. Ибрагим — питомец Петра, привязанный к царю сыновней привязанностью и вовлеченный в дело преобразования страны не только сознанием исторической его правоты, но и чувством собственного долга перед крестным своим отцом. Стрелецкий же спрота Валериан вскормлен в доме старого Ржевского. В отношениях со своими благодетелями оба молодых человека связаны чувствами долга и благодарности. Как ни трудно представить себе дальнейшее развитие этого мотива (особенно в части, связанной с Валерианом), но он вряд ли случаен, поскольку Пушкин упорно прибегает к нему в позднейших своих прозаических замыслах — в планах повести о стрелецком сыне и в «Капитанской дочке».

вошла в роман в стихах; приступив же через полгода к «Полтаве», Пушкин искал и находил композиционные принципы объединения романтической фабулы с историей именно в ходе создания поэмы.

Другой вопрос, настойчиво возникающий при изучении «Арапа Петра Великого», касается причин, по которым роман остался незавершенным.²³ Главной из этих причин, думается, было то, что, приступая к работе над «Арапом», Пушкин поставил перед собой такие задачи, к разрешению которых в 1827 г. ни он сам, ни русская повествовательная проза в целом не были достаточно подготовлены.

После создания русского исторической трагедии — завершения и успеха московских чтений «Бориса Годунова» — у Пушкина возникло искушение столь же стремительным, энергичным натиском побороть и те трудности, которые стояли на пути к русской модификации исторического романа. Однако он столкнулся с целым комплексом художественных, исторических, социально-аналитических проблем, которые в ближайшие годы неизменно остаются в поле его зрения, но которые потребовали поисков в разных направлениях. Задачу создания русского исторического романа нельзя было решить разом, особенно при тех требованиях, которые предъявлял себе гармонический талант Пушкина. Самому Пушкину (да и русским его современникам) пришлось двигаться к этой цели постепенно, отступая и наступая снова, совершая свои находки на путях художественных экспериментов, осваивая в ходе работы над произведениями иных, прозаических и стихотворных жанров те элементы, которым предстояло стать гранями поэтики большого повествования в прозе.

Уместно напомнить, что незавершенность «Арапа Петра Великого» — явление, в известной мере типичное для нашей прозы второй половины 1820-х годов. В этот переходный момент в русской периодике время от времени мелькают «главы» из исторических и неисторических романов, которым в ближайшие годы суждено было остаться главами.²⁴ Русская проза стояла на пороге возникновения большой повествовательной формы, но еще не миновала полосу предварительного «разбега». И дело здесь не в творческих достижениях и находках (или грубых просчетах) авторов фрагментов, а в том, что самая фрагментарность не случайна, а закономерна, хотя вызывающие ее сложные причины в каждом отдельно взятом случае не могут быть определены однозначно, хотя они неодинаковы для Пушкина, для писателей-романтиков, для представителей зарождающейся «массовой» романистики.

3

Было бы крайним упрощением думать, будто путь Пушкина от «Арапа Петра Великого» к «Капитанской дочке» можно охарактеризовать как процесс неуклонного восхождения. Постараемся взглянуть в его художественную логику.

²³ Сводку и анализ существующих решений см.: Лапкина Г. А. К истории создания «Арапа Петра Великого». — В кн.: Пушкин. Исследования и материалы, т. II. М.—Л., 1958, с. 306—308. Из позднейшей литературы вопроса см.: Благой Д. Д. Творческий путь Пушкина (1826—1830), с. 266—274; Абрамович С. Л. К вопросу о становлении повествовательной прозы Пушкина, с. 56 и след.; Якубович Д. П. «Арап Петра Великого», с. 287—289 и др.

²⁴ Таковы главы «Гайдамака» О. М. Сомова (П. Байского), который поначалу мыслится автором как пространная «малороссийская повесть», а позднее — и как роман в четырех-пяти томах (см. об этом: Русский архив, 1908, № 10, с. 257). Отрывки из «Гайдамака» появляются в печати до конца 1820-х годов (см. их библиографический перечень в кн.: Кириллюк З. В. О. Сомов — критик та белетрист пушкинської епохи. Київ, 1965, с. 154, 156, 160—162). В том же 1825 г., когда Сомов окончил первый из отрывков «Гайдамака», Б. М. Федоров начал печатать (сначала в «Отечественных записках», в последующие годы — в ряде альманахов и сборников) серию фрагментов из исторического романа «Князь Курбский», который был завершен и полностью увидел свет лишь в 1843 г. Об относящихся к 1820-м годам и оставшихся в большинстве случаев непечатанными отрывках незавершенных романов В. Ф. Одоевского, Д. В. Веневитинова и др. см.: Фридлендер Г. М. Правоописательный роман. Жанр романа в творчестве романтиков 30-х годов. — В кн.: История русского романа, т. I. М.—Л., 1962, с. 267 и след.

Прервав работу над «Арапом Петра Великого», Пушкин не только оставил замысел романа о своем прадеде, питомце и сподвижнике царя-преобразователя: на время он оставил мысль об историческом повествовании в прозе вообще. Ближайшие по времени к «Арапу» повествовательные наброски Пушкина-прозаика на первый взгляд ничто не связывает с оставленным (или отложенным) романом. Предмет незавершенных опытов 1828—первой половины 1830-х годов не история, а современность, причем проблематика и поэтика их тесно соприкасаются с пушкинскими лирикой и стихотворным повествованием этих лет. В «Арапе Петра Великого» Пушкин отозвался на всеобщий интерес к жаңру исторического романа, насыщая традицию вальтерскоттовского повествования в зависимости от своих целей приемами то французской словесности «великого» века, то психологического романа Б. Константа, руководствуясь собственными принципами творческого осмысления русской истории, сформировавшимися в пору работы над «Борисом Годуновым». Природа незавершенных замыслов конца 1820-х годов иная. Впервые в истории русской прозы Пушкин задался в них целью взглянуть на окружающий его мир повседневной действительности, текущей и незавершенной, не сквозь призму литературных жанровых канонов, а непредубежденным взглядом участника и наблюдателя этой жизни, увидеть не одни лишь ее «низкие», не соответствующие идеалу проявления, а всмотреться в сложность живых человеческих судеб и разгадать их связь с современным состоянием общества. Сходную, с годами все усложнявшуюся задачу решал Пушкин в стихотворном своем повествовании; поэтому неудивительно, что прозаические фрагменты конца 1820-х годов своеобразно ассимилируют те формы отражения действительности, те приемы построения сюжета, которые были найдены и усовершенствованы Пушкиным в ходе работы над поэмами и «Евгением Онегиным».

Герой «Арапа Петра Великого» представлен Пушкиным как носитель «африканских» страстей и воспитанник европейской культуры. Ибрагим может испытывать на себе действие противоречивого русского общественного уклада последних лет петровского царствования, но сам он сформировался вне этого уклада, не несет в себе — в своих взглядах и психологии, в своих чувствах и жизненных принципах — его следствий. Поэтому внутренний мир героя не помогает проникнуть в существо исторических процессов и в тайны «домашней» жизни петровской России. На этом фоне со всей определенностью выступает начало, объединяющее пушкинские прозаические наброски из современной жизни. В центре их неизменно оказываются герои, и в материальном существовании и духовно неразрывно связанные со своей средой и своим временем. Как ни исключительны характеры и судьбы, как ни сложны психологические коллизии, которые привлекают Пушкина, он обнаруживает их истоки в особенностях жизни и воспитания героев, доходит в анализе их причин до существенных примет того самого общества, которое ополчается против нарушителей своих законов. Благодаря этому фабульное происшествие привлекает внимание к скрытым пружинам «домашней» жизни современного общества, а смысл повествования в целом оказывается значительно шире непосредственного смысла «романа героев», как определил С. Г. Бочаров аналогичную особенность поэтики «Евгения Онегина».

Первый в ряду пушкинских замыслов из жизни современного общества — замысел повести «Гости съезжались на дачу» (1828). Работа над повестью остановилась, едва лишь Пушкин исчерпал события завязки. Но рукописи показывают, что большая часть написанного тщательно отделялась, а сопоставление начала повести с планами, которые предшествовали непосредственной работе над текстом, позволяет судить о том, какие стороны замысла были предметом особого предварительного размышления, что прояснялось и конкретизировалось по ходу реализации задуманного. Несомненна связь плана, а затем и начала повести с «Балом» Баратынского. Пушкина занимает судьба женщины, наделенной глубокой, страстной и искренней натурой, женщины, бросающей вы-

зов свету и навлекающей на себя его холодное осуждение. Он по-своему «пересказывает» поэму, возвращая картине, созданной Баратынским, его образам и ситуациям движение и краски реальной жизни. Год спустя, в «Романе в письмах», Пушкин обосновал подобный принцип сюжето-образования: «Умный человек мог бы взять готовый план, готовые характеры, исправить слог и бессмыслицы, дополнить недомолвки — и вышел бы прекрасный, оригинальный роман» (VIII, 50). Прием этот, впервые примененный Пушкиным-прозаиком в повести «Гости съезжались на дачу», впоследствии оказался одним из устойчивых признаков поэтики его прозы.

План повести складывается из четырех одновременных, дополняющих друг друга набросков (подлинник по-французски — VIII, 554; русский перевод — VIII, 1075). Первый из них намечает общую линию фабульного движения («светский человек» соблазняет «модную даму» и «женится на другой по расчету», далее в действие вступают его жена и муж соблазненной им дамы; «светский человек несчастен — честолюбив»). Следом за этим наброском идет запись иного характера: «Появление молодой особы в свете», — говорящая о значении, которое придавал Пушкин этому эпизоду, сочетающему в себе богатые фабульные возможности с остротой психологической ситуации. В третьем фрагменте плана автор целиком сосредоточен на судьбе героини, здесь нет ни одной случайной или второстепенной детали, каждая фраза включает «зерно трагического конфликта».²⁵ «Зелюя любит тщеславного эгоиста; она окружена холодным недоброжелательством света; благоразумный муж; любовник, насмехающийся над ней, — подруга, отдалившаяся от нее. Становится легкомысленной, ведет себя скандально с человеком, которого не любит. Муж ее удаляет, она совсем несчастна». Линия судьбы героини прочерчена здесь дальше, чем в первом наброске, психологическая ситуация усложняется. Обманутая любовь вкупе с одиночеством среди недоброжелательной толпы оборачивается душевным «надрывом»: героиня «ведет себя скандально с человеком, которого не любит», и этим окончательно губит себя. Наконец, последний набросок — новый, уточненный, хотя и не доведенный до конца вариант программы, из четырех пунктов которой два соответствуют написанной части повести.

С первых шагов рассказа, еще до появления героини, определяется, что светскому обществу как таковому назначена в нем роль не фона фабульной истории, но полноправного героя. Вслед за кратким авторским описанием общества, собравшегося на даче ***, оно предстает в оценке Минского: «„Все стараются быть ничтожными со вкусом и приличием. Что же касается до чистоты нравов, то <...> расскажу вам...“». И разговор принял самое сатирическое направление» (VIII, 37). Являющаяся на сцене в момент этого разговора Вольская, в которой «живость движений, самая странность наряда, все поневоле привлекало внимание», открытые порывы непосредственной ее натуры представляют прямой антипод типу светского человека, только что сатирически обрисованному Минским. Неудивительно, что недоброжелательство встречает Вольскую в дверях гостиной, сопровождает каждый ее шаг и провожает увозящую ее карету. Но аналитический взгляд Пушкина не останавливается на этом. Представив читателю свою героиню, снискавшую явную неблагоклонность света, Пушкин возвращается вспять и в «историческом рассказе» (VIII, 554) прослеживает обстоятельства, сформировавшие характер и определившие судьбу Вольской. Ранняя смерть матери — деталь, в которой сконцентрировались свойственные пушкинской эпохе представления о роли женщины в семье и в воспитании детей,²⁶ отец — человек

²⁵ Чичерин А. В. Возникновение романа-эпопеи. М., 1958, с. 92.

²⁶ Ср. симптоматичное для эпохи рассуждение в «Шпионе» Ф. Купера (1821) — историческом романе, известном Пушкину и отозвавшемся в «Евгении Онегине» (Путешествие Онегина, черновые варианты строфы <8> — VI, 479): «Мисс Уортон, — говорит героине умирающая соперница, — мы обе выросли без матери, но у вас была тетка, кроткая, любящая, рассудительная, и благодаря ей вы одержали по-

деловой и рассеянный», несчастный случайный брак и ко всему — сначала веселая снисходительность, затем ропот, открытое осуждение и, наконец, клевета «несправедливого света», толкнувшая незаслуженно ославленную молвой Вольскую на бунт против общества. Связь с Минским и есть выражение этого бунта.

В плане повести избранник Вольской охарактеризован как «тщеславный эгоист», афиширующий свою новую связь. В ходе работы Пушкин мотивирует и психологически усложняет образ Минского, обнаруживая «некоторое сходство в характерах и обстоятельствах жизни», которое «должно было <...> сблизить» (VIII, 39) его героев. Минский смирился перед властью общества, Вольской предстоит на собственном опыте убедиться, к чему ведет восстание против этой власти. Подобно героям «Евгения Онегина» персонажи прозаической повести не только психологически сближены, но и противопоставлены друг другу. Связь с Вольской затрагивает лишь самолюбие Минского, между тем как ее влечет к нему порыв истинного чувства.

Тщательно разработав планы, завершив завязку повести, наметив в ней характеры главных героев и почву назревающей трагедии, Пушкин оставляет работу. Лишь более чем через год, в начале 1830 г., он набрасывает новый отрывок, который предположительно связывают с замыслом повести «Гости съезжались на дачу». Но сближение это основано лишь на том, что в отрывке 1830 г. перед нами те же два собеседника (испанец и русский), разговор которых в 1828 г. служил экспозицией повести. Непосредственной фабульной связи с фрагментом 1828 г. новый отрывок не имеет. Он представляет собой диалог об исторических судьбах русского дворянства, о старой и новой аристократии, развывая мысли, характерные для пушкинских стихов, публицистики и (что особенно для нас существенно) составляющие предмет размышлений героев «Романа в письмах» — очередного прозаического замысла Пушкина, который занимал его осенью 1829 г.

Тем самым новый, столь отличный от «Арапа Петра Великого» замысел прозаического повествования опять остался незавершенным. Думается, что на этот раз среди причин, по которым была прервана работа над повестью, наиболее существенна одна. С 1827 г. опыты Пушкина-прозаика складываются в картину непрерывного развития, однако он все еще остается поэтом по преимуществу. Для его творческой работы сохраняет особое значение единство порыва, интереса, лирического настроения. То, что известно об истории создания стихотворных повествовательных произведений второй половины 1820-х годов, усложняет картину, но не отменяет принципа. «Евгений Онегин» писался главами, «Граф Нулин» написан в два дня, о природе своего интереса к предмету «Полтавы» сам Пушкин рассказывал: «Сильные характеры и глубокая, трагическая тень, набросанная на все эти ужасы, вот что увлекло меня. Полтаву написал я в несколько дней, долее не мог бы ею заниматься, и бросил бы все» (XI, 160). Общеизвестна связь центрального образа повести «Гости съезжались на дачу» с пушкинскими стихами 1828—1829 гг., объединенными образом А. Ф. Закревской («Портрет», «Наперсник», «Когда твои молодые лета»). Судя по плану повести, и в ней сердцевину творческого замысла составлял интерес Пушкина к образу героини — к ее судьбе, к ее характеру, к сложным психологическим ситуациям, возникавшим на пути «беззаконной кометы». В значительной части задачу прозаической интерпретации этого образа разрешала уже завязка повести, и, по-видимому, эпическая разработка темы трагической судьбы героини — темы, намеченной в плане и подготовленной в написанной части повести, в этот момент занимала Пушкина значительно меньше: с созданием портрета и «исторического рассказа» о Воль-

беду. О, как много теряет девушка, с юных лет лишенная воспитательницы! Я открыто выказывала те чувства, которые вас приучили скрывать...» (Купер Д. Ф. Шпион. Последний из могикан. М., 1974, с. 252).

ской его интерес к замыслу в целом на какое-то время был исчерпан. Когда же в начале 1830 г. он ненадолго вернулся к своему замыслу, в повествовании явственно разграничились две стихии — фабульная и внефабульная. Эти две стихии, как показал Ю. Н. Тынянов,²⁷ существовали и в стихотворном эпосе Пушкина, начиная с «Руслана и Людмилы». В «Евгении Онегине» обе повествовательные струи гармонически объединились, и тайна их слияния, законы их взаимопроникновения определили самую природу пушкинского романа в стихах. В прозе эту задачу предстояло разрешить другими средствами, и Пушкин еще не нашел ключа к ее решению.

В отрывке «Гости съезжались на дачу» повествование ведется от лица автора, равно осведомленного и о том, что происходит в разных уголках великосветской гостиной, и о содержании уединенных бесед и переписки Вольской и Минского, и о сформировавшихся их характеры событиях прошедшей жизни. Но тон объективного авторского рассказа, видимо, не вполне разрешал задачу, которую ставил перед собой Пушкин. Уже в экспозиции появляется персонаж, связь которого с фабульными событиями в написанной части повести так и не определится, но роль в сюжетной структуре обозначена со всей ясностью, — «путешествующий испанец». Его свежему восприятию открыта прелесть белых ночей, ему виднее и особенности петербургского аристократического круга. Дополнительные возможности открывает такой собеседник и перед Минским: удовлетворяя законное любопытство путешественника, Минский делится с ним (и с читателем) своими мыслями о свете и людях, которых он хорошо знает. Спокойные эпические интонации авторского рассказа сменяются тоном светской болтовни, а та уступает место ироническим, сатирическим сентенциям Минского, который «не любил света <...> и каждого члена его готов был принести в жертву своему злопамятному самолюбию» (VIII, 40). Герой этот наделен пушкинским умом, а во втором разговоре с испанцем (1830) — и пушкинским взглядом на вещи. Тем самым уже в начале повести Пушкин сочетает описание индивидуальных, сиюминутных, хотя и типичных в самой своей особенности, проявлений жизни света (в число их входит и фабульная история) с представлениями об устойчивых, постоянных признаках петербургского светского общества, сложившимися в сознании мыслящего наблюдателя, участника вседневной жизни «этого малого стада» (VIII, 42). Но если во фрагменте 1828 г. беседа Минского с испанцем сама по себе становится предметом художественного изображения и к тому же органически, посредством переключки тем и мотивов, спаяна с ходом повествования, то набросок 1830 г. в значительно большей степени обособлен от него и воспринимается как стихийная мысль по преимуществу.

Итак, первая повесть Пушкина из современной жизни строилась — подобно «Арапу Петра Великого» — как повествование от лица всеведущего автора. «Перерывы» в авторском рассказе, когда герой, его миро-восприятие и его переживания являются перед читателем непосредственно, способствовали глубине проникновения в существо событий и одновременно во внутренний мир и в душевную жизнь героев. Такова функция сентенций Минского, звучащих в разговоре с испанцем, и отрывка из письма Вольской к Минскому.

К повествованию принципиально иного типа обратился Пушкин год спустя в «Романе в письмах». Как уже упоминалось выше, планы «Романа в письмах» неизвестны, и о замысле в целом позволяет судить лишь осуществленная (и снова, уже в третий раз, ограничивающаяся завязкой) часть задуманного. Темп повествования и его распространение вширь говорят о том, что замыслилось произведение больших масштабов, нежели «Гости съезжались на дачу», скорее роман, чем повесть. Обращает внимание и то, как изменились типаж главных персонажей и отношения,

²⁷ Тынянов Ю. Н. Пушкин. — В кн.: Тынянов Ю. Н. Пушкин и его современники. М., 1968, с. 138 и след.

связывающие их с миром окружающей действительности. Хотя образ Вольской ориентирован на реальный жизненный прототип, а ее характер и назначенный ей жребий четко мотивированы условиями ее существования, и самая героиня и предначертанная в плане повести линия ее судьбы сближаются с типом и судьбой героя романтического, которого рок и страсти неуклонно ведут через отчуждение от общества к полному разрыву с ним. Узы, которыми связаны с окружающим их миром герои «Романа в письмах», не менее тесны, но они тоньше и сложнее. И здесь общество и его законы вмешиваются в частную жизнь, и здесь они сопровождают фабульные события, напоминая о возможности (а быть может, и о приближении) трагического исхода. Но характер обозначившегося в завязке конфликта, культурно-психологический облик вовлеченных в него персонажей предвещают не противостояние человека и общества, а победу социального закона над живым человеческим чувством.

«Роман в письмах» интересен для нас не особенностями своего сюжета или своеобразием выведенных в нем типов русской жизни, а местом этого замысла в становлении пушкинского повествования. Рассказ от лица всеведущего автора уступил теперь место рассказу персонажей о текущих событиях, непосредственными участниками которых они являются. В ходе переписки четырех героев романа, вступивших в действие в написанной его части, не только совершается фабульное движение, не только в него вовлекаются новые действующие лица, новая среда и обстоятельства, но и раскрываются точки зрения и мотивы главных участников интриги, их внутренний мир, который тоже предстает не в статике, а в динамике. С другой стороны, жанр эпистолярного рассказа позволял автору свободно переходить от внешних условий существования к жизни сердца, а от нее — к умственной жизни своих героев.

Нельзя не заметить, что в «Романе в письмах» Пушкин в известной мере двигался по тем же вехам, по которым шел он в повести о Зинаиде Вольской. От судьбы и психологии героини, от ее жизни в Петербурге и в деревне Пушкин ведет читателя к знакомству с мужскими персонажами, а мысль последних быстро отрывается от фабульных событий, и в круг обсуждаемых проблем втягивается целый клубок социальных и исторических тем русской жизни.²⁸ И снова на этом повествование прерывается.

Складывается впечатление, что в обоих случаях самой сложной проблемой оказалось для Пушкина сопряжение частного происшествия, которое составляет фабулу произведения, с исторической жизнью. Стоит напомнить, что именно осенью 1829 г., в самой преддверии «Романа в письмах», создавалась первоначальная VIII глава «Евгения Онегина» — «Странствие». Если в предшествующих главах романа в стихах «большой» мир постоянно напоминал о себе в лирических отступлениях, тогда как фабульное движение складывалось из событий «малого» мира, то «Странствие» означало поворот в судьбе героя и в судьбе романа. Онегин здесь непосредственно вступил из «малого» мира личного существования в «большой» мир исторической жизни. В прозе — в повести

²⁸ Судя по скудным дошедшим до нас сведениям, это не случайное совпадение. В 1828 г. работа над повестью «Гости съезжались на дачу» остановилась после картины пробуждения Минского и чтения им письма Вольской. Через год Пушкин приступил к «Роману в письмах», первая его глава помечена 21 октября, а весь известный текст писан в селе Павловском и Петербурге в 1829 г. И уже после того, как работа над «Романом» в свою очередь остановилась, в самом конце 1829 — начале 1830 г., был набросан второй разговор русского с испанцем. Можно думать, что развитие замысла «Романа в письмах», который «втянул» в себя проблематику социально-публицистических размышлений Пушкина, ненадолго обновило его интерес к повествовательной структуре и героям оставленного замысла. Разговор русского с испанцем, явившийся, по-видимому, результатом этого возвращения к повести о Вольской, набросан Пушкиным в той же рабочей тетради ПД № 841 (ЛБ № 2382), что и значительная часть «Романа в письмах».

«Гости съезжались на дачу» и в «Романе в письмах» — отголоски социально-исторических размышлений Пушкина по мере развития замысла втягивались в сферу повествования, но получали отражение не столько в событиях фабулы, сколько во внефабульных откровениях мысли героев.

Настоящая работа не имеет целью проследить весь путь Пушкина-прозаика. Для нас важны здесь первые после «Арапа Петра Великого» свидетельства его исканий и того направления, в котором совершались эти искания. И в повести «Гости съезжались на дачу», и в «Романе в письмах» Пушкина привлекал сложный интеллектуальный герой. Он-то и оказывался камнем преткновения на пути развивающегося повествования. Герой пушкинской прозы не только обнаруживал в своей частной жизни свойства ума и сердца, сформированные социальной его средой (это было и с Онегиным). Мужские персонажи прозаических замыслов наделены незаурядным интеллектом и в своих размышлениях сближены с автором. Мысль их способна угадать в частных проявлениях «домашней» жизни общества отражение глубинных процессов, характеризующих современное его состояние, и увидеть эти процессы в исторической перспективе. Таким образом, герой оказывается на уровне пушкинского сознания действительности. Незавершенность обоих замыслов затрудняет ответ на вопрос, что интересовало здесь Пушкина в первую очередь: герой или общество, которое он представляет и одновременно отражает в своем сознании. В свете же дальнейшего развития романа и повести XIX и XX вв. несомненно одно: поставленная Пушкиным в исходе 1820-х годов задача — задача необычайной сложности. В эпоху Пушкина она разрешалась по преимуществу средствами романтической поэтики. Будущее показало, что наметившееся у Пушкина раздвоение повествования, концентрация разных его элементов (жизни частной, с одной стороны, исторической — с другой) на разных его полюсах не было индивидуальной особенностью повествовательных фрагментов 1828—начала 1830 г. Со временем это раздвоение оказалось одним из определяющих признаков целой разновидности романа и повести об интеллектуальном герое современности.

Итак, как уже говорилось выше, еще в «Арапе Петра Великого» Пушкин в отличие от В. Скотта сделал героем человека незаурядного, и притом человека, сближенного с авторским сознанием. По аналогичному пути он пошел и в повести «Гости съезжались на дачу» и «Романе в письмах» — в попытках повествования из современной жизни, предпринятых вскоре после «Арапа».

Но от того же 1829 г., когда создавался «Роман в письмах», до нас дошли и другие, типологически несходные с охарактеризованными выше, эксперименты Пушкина-повествователя. Один из них — «Записки молодого человека». Здесь, как и в «Романе в письмах», авторское слово уступает место слову персонажа. Но персонаж этот — юноша, едва покинувший стены Кадетского корпуса и вступающий в жизнь, — в духовном отношении заметно отделен от автора. Пушкин внимательно наблюдает за ним, прослеживая целую гамму сменяющих друг друга настроений и особенности восприятия вчерашнего кадета, еще не растратившего юношеской свежести чувств и непосредственности. От восторженного ощущения открывшейся перед ним свободы молодой человек под влиянием реальных путевых впечатлений нечувствительно переходит во власть скуки. Однако это не та «тоска», которая сопровождает странствующего Онегина, а чувство юности-романтика, прикоснувшегося к простой неукрашенной действительности. Недаром тот самый скромный пейзаж, от которого веет цепенящей скукой на юного героя-повествователя «Записок», почти одновременно воспроизведен Пушкиным в другом месте: в поэтической манифестации — авторском отступлении главы «Странствие». Здесь о нем говорится под знаком безусловного утверждения, как о том мире прозы, с точки зрения которого изысканные аксессуары романтической поэзии предстают «высокопарными мечтаньями» (VI, 489, 502), причем любовь к простой красоте обыденного связывается с трезвостью зрелого возраста,

а тяга к возвышенному, исключительно прекрасному сопряжена с юношеской восторженностью.²⁹ Форма записок с их тоном доверительной исповедальности, достаточно определившийся в осуществленной части произведения образ героя-повествователя, тень надвигающихся исторических событий — все это в совокупности позволяет предположить, что Пушкин замыслил повествование о юноше, проходящем школу жизненного воспитания в 1825 году, в условиях восстания Черниговского полка.

Столь же точно исторически приурочены и по тому же типу сопряжены с историей события другого фрагмента — «В начале 1812 г.», работа над которым оборвалась сразу после быстрой характеристики среды и места действия. Повествование ведется здесь от лица рассказчика, вспоминающего о случае, совершившемся в недавнем прошлом. Текст наброска оставляет непроясненной меру участия его в фабульных событиях, ясно только, что это человек, принадлежащий к среде, в которой должны были развернуться события, — к обществу молодых армейских офицеров и уездных дворян.

Наконец, к тому же времени Б. В. Томашевский отнес первый набросок биографии Петра Ивановича Д— (прообраз будущего И. П. Белкина),³⁰ автора «достойной некоторого внимания» (VIII, 584) рукописи. Жизнеописание его уже здесь облеклось в форму письма друга покойного. На этом основании Б. В. Томашевский полагал, что замысел «Повестей Белкина» может быть предположительно датирован осенью 1829 г.³¹

Итак, после двух несходных опытов в большой повествовательной форме — «Арапа Петра Великого» и «Романа в письмах», после ряда фрагментов, в которых испытывались разные типы повествования, вплоть до рассказа, аналитически исследующего современное общество и сложного, порожденного этим обществом и вершащего над ним суд героя, Пушкин-прозаик на время отступает. Он начинает свой путь сызнова и притом с малой формы — новеллы, с жанра, которым некогда, в эпоху Возрождения, впервые заявила о себе европейская литературная проза. Только отказавшись от образа «исключительного» интеллектуального героя и овладев в «Повестях Белкина» простой и бесконечно сложной формой рассказа о незаметных людях и о событиях провинциальной, уездной жизни, Пушкин начинает отсюда новое движение к большому повествованию. В ходе этого движения он стремится решить задачу слияния «малой», личной истории героев и истории общества и страны, достигая ее решения с помощью иного метода и иных художественных средств, нежели те, которыми он располагал в работе над прозаическими замыслами конца 1820-х годов. Именно от «Повестей Белкина» через ряд посредствующих звеньев идет путь к «Дубровскому» и далее — к «Капитанской дочке». Причем на этот раз результатом движения оказывается уже не фрагмент исторического романа, а полный роман, хотя и осуществленный в скромной рамке семейной хроники «среднего» дворянина, в отличие от Ибрагима далекого от двора, воспитанного не во Франции, а в симбирской глуши и лишь стихийным водоворотом событий на миг взнесенного на гребень исторической волны.

²⁹ Связь между «Записками молодого человека» и главой «Странствие», насколько нам известно, доньше не привлекала внимания. Между тем связь эта несомненна, и есть основания полагать, что она сознавалась самим поэтом. Об этом говорят и совпадающие до деталей, но по-разному воспринятые картины средне-русской деревни, и тема «скуки» в «Записках» — «тоски» в «Евгении Онегине», проведенная в обоих случаях посредством системы повторов.

³⁰ См.: Пушкин А. С. Полн. собр. соч. в 10-ти т., т. VI. М., Изд. АН СССР, 1957, с. 759. Основанием для этого вывода послужило изучение автографа (ПД № 161). Жизнеописание Петра Ивановича Д— предшествует в нем первому черновому варианту начальных строф путешествия Онегина (VI, 473—474). Перебеленный их текст Пушкин пометил в арзрумской тетради (ПД № 841) «2 октября» (VI, 476). Тем самым становится очевидным, что интересующий нас фрагмент возник не в селе Павловском одновременно с «Романом в письмах» (как писал Б. В. Томашевский), а еще до отъезда Пушкина в Тверскую губернию.

³¹ Пушкин А. С. Полн. собр. соч. в 10-ти т., т. VI, с. 758.

«Капитанскую дочку» отличает от «Арапа Петра Великого» не только тип героя, но и тип сюжета. Мы уже говорили о тех обстоятельствах, которые способствовали формированию сюжета, о факторах, которые участвовали в этом процессе. Простейшая фабульная ситуация раскрывает в «Капитанской дочке» все свои возможности, обретает множество функций. После исполненной грозной поэзии и символического смысла картины бурана, когда происходит первая встреча Петруши с будующим его «посаженым отцом», «дорожный» выводит путников к постоялому двору. Ничто не связывает в этот момент случайных встречающих, напротив, между молодым офицером и сметливым бродягой глубокая пропасть. Но обстановка затерянная в необозримой степи умета способствует тому, что между ними протягивается нить простого человеческого взаимопонимания, которому суждено окрепнуть в бурях и испытаниях гражданской войны, дано обернуться «странной» дружбой, равно подозрительной и для сторонников мужицкого царя и для правительства.

В романе о царском арапе решающее слово и в жизни страны, и в жизни героя принадлежит Петру. Иначе с Гриневым. В сложных исторических обстоятельствах он должен сам решить свою судьбу, избрать линию своего поведения, сочетая верность дворянской чести и долгу с верностью зову сердца и голосу человечности. Вся ответственность за судьбу героя перенесена в «Капитанской дочке» на него самого. «Странные» отношения с предводителем бунтующего народа сохраняют жизнь Петруше и соединяют его с любимой девушкой, но они же до бесконечности усложняют ситуацию, раз за разом заставляя дворянского недоросля доказывать свое право на имя человека с открытой душой и чистым сердцем.

Соответственно расширяется сфера «воспитания» героя. Петруша не просто сохраняет среди стихий антидворянского бунта свою честь дворянина и офицера; руководствуясь несложными и вечными законами народной этики, он учится неуклонно следовать заповедям простой человечности. В разгар пугачевщины дворянский недоросль Петруша Гринев достигает зрелости, отыскивая свою, индивидуальную тропу к преодолению той бездны, которая разделяла мужика и дворянина.

При этом общий горизонт романа во многом сужается. Перед нами не центры культурной и государственной жизни — Париж и Петербург, а симбирская усадьба старого Гринева, затерянная в степях линейная крепость, Оренбург. Но и в этой глухой стороншке неожиданно разражаются бури истории. И приносят их не прославленные исторические герои, а безвестный плутоватый бродяга, в котором воплощены ищущие свободного выхода исторические силы нации и «черного» народа. По сравнению с «Арапом Петра Великого» задача Пушкина и усложнилась и упростилась одновременно. Усложнилась потому, что в «Капитанской дочке» он обратился вплотную к коренным проблемам исторической жизни страны и народа, упростилась — поскольку явления глубинной жизни облекаются в более простые формы, их сложность раскрывается не во внешних проявлениях, а в сокровенных связях с миром человека и с миром природы. Пугачев «Капитанской дочки» — художественное открытие Пушкина. Это не просто мужик, наделенный незаурядным умом, душой и сердцем, это мужик со своим духовным миром, с собственным миропониманием и нравственными критериями. Постигание Пугачева — преодоление высшей трудности искусства. Однако существует и другая задача, требующая для своего разрешения иного арсенала поэтических средств, — задача воспроизведения сложных явлений человеческой культуры — социальной, интеллектуальной, психологической.

Культурный облик Петруши Гринева проще и непритязательнее культурного облика Ибрагима. Если Ибрагим представлен читателю как человек европейской культуры, а психологический строй его личности сродни герою Б. Констана,³² то Гринев культурно и психологически от-

³² См. об этом: Благой Д. Д. Творческий путь Пушкина (1826—1830), с. 255—256.

делен от современников поэта — отделен как человек, выросший в далекой глуши, и притом как человек другого, не нынешнего века. При осязаемой конкретности культурно-исторического облика Гринева, при увеличении дистанции между героем и автором, с одной стороны, героем и читателем — с другой, философский смысл романа неожиданно углубился, а не ослабел. Как раз из исторически конкретного, укорененного в своем времени и принадлежащего ему в «Капитанской дочке» вырастает план «вечного», непреходящего. Под пером Пушкина пугачевщина оживает множеством неповторимых примет места и времени. Но размышления поэта о причинах и движущих силах крестьянской войны сливаются с его размышлениями над более широкими, общеисторическими и этическими проблемами русской жизни. Перед читателем «Капитанской дочки» проходят главные двигатели не только русской истории XVIII в., но и пушкинской современности — правительство, дворянство, народ, перед ним раскрываются историческое их лицо, их сила и их слабость. В сутолоке бурных событий герой романа учится, как должен действовать человек и в частной, и в исторической жизни, чтобы прожить свою жизнь достойно. А «странные» происшествия, героем которых оказался Петруша Гринев, становятся в свой черед уроком для читателя, открывая ему, что историю творят не одни посланцы рока: ее вершат и безвестные, средние люди, сохраняющие верность себе и долгу своему, честно делающие свое дело в самых запутанных исторических обстоятельствах. Именно на этих путях открывается, что между «доброродным» дворянином и «славным мятежником» (при всем несходстве их миропонимания, при противоположности их интересов и устремлений) возможна не только борьба, но и человеческое взаимопонимание.

В «Капитанской дочке» сжимаются по сравнению с «Арапом» рамки картины, упрощается культурно-психологический тип героя, место всеведущего автора занимает скромный провинциальный помещик, вспоминающий о том, что сам он некогда пережил, что видел он своими глазами и познал на собственном опыте. Масштаб личности Петра Андреевича Гринева определяет меру осознания им испытаний, выпавших на долю юного Петруши, но и цель его проста — передать эстафету чести от деда к внуку, а от него — будущим поколениям. Однако в эту непритязательную рамку вмещается огромное «вечное», этическое и философско-историческое содержание. В отличие от «Арапа Петра Великого», который, продолжая линию «Стансов» 1826 г., нес в себе этический и философско-исторический урок молодому царю, правительству, «Капитанская дочка» обращена ко многим, к современникам и к потомкам, ко всем нам.

О. С. МУРАВЬЕВА

ИЗ НАБЛЮДЕНИЙ НАД «ПЕСНЯМИ ЗАПАДНЫХ СЛАВЯН»

По сравнению с другими произведениями Пушкина «Песни западных славян» изучались мало. При этом большинство исследований «Песен» посвящено частным вопросам датировки, источников, языка и стиля.¹ Б. В. Томашевский в своих работах о «Песнях» останавливался главным образом на анализе стиха.² Последняя большая работа о «Песнях», принадлежащая Ф. Я. Прийме, вышла в 1963 г. Исследователь подошел к изучению «Песен» с новых позиций, рассмотрев их в связи с эволюцией славянской темы в творчестве Пушкина.³ Такие проблемы, как художественная целостность цикла, его место и значение в ряду других произведений Пушкина, в научной литературе, в сущности, не поднимались вовсе.

В отличие от любого другого крупного произведения Пушкина «Песни западных славян» не анализируются в отношении художественного содержания, поэтической концепции действительности. Такое положение дела объясняется тем, что их считают переводами, а не оригинальными произведениями Пушкина. Но «Песни западных славян» — не простое переложение текстов Мериме, и они должны быть рассмотрены не только как перевод, но и с более широких позиций. В настоящей работе мы и попытаемся доказать возможность такого подхода к этим «Песням».

Для того чтобы отчетливее выявить интересующие нас проблемы, необходимо очертить общий круг вопросов, связанных с «Песнями», часть которых уже раскрыта исследователями творчества Пушкина.

В 1830-х годах Пушкин постоянно проявлял интерес к различного рода мистификациям. Его внимание привлекают и знаменитый мистификатор граф Сен-Жермен, выдававший себя за Вечного Жиды («Пиковая дама»), и современница Пушкина «кавалерист-девица» Наталья Дурова, в издании записок которой поэт принял, как известно, живое участие. Занимают его и серьезнейшая проблема о возможной мистификации в связи с авторством «Слова о полку Игореве», и явные розыгрыши, такие как письмо Вольтера к Дюлису («Последний из свойственников Иоанны д'Арк»).

¹ См.: Анненков П. В. А. С. Пушкин. Материалы для его биографии. СПб., 1873, с. 367—371; Кулаковский П. Славянские мотивы в творчестве Пушкина. Варшава, 1899; Лавров П. А. Пушкин и славяне. — В кн.: Сборник Новороссийского университета. Одесса, 1900, с. 93—122; Яцимирский А. И. «Песни западных славян». — В кн.: Пушкин. [Соч.]. Под ред. С. А. Венгерова. Т. III. СПб., 1909, с. 375—402; Трубицын Н. Два сербских юнака в изображении Пушкина. — В кн.: Пушкин и его современники, вып. XXVIII. Пг., 1917, с. 29—55; Беркопец О. Пушкинские переводы сербохорватских песен. — Slavia, Praha, 1937, roč. XIV, seš. 3, с. 416—440; Елизарова М. Е. «Гюзла» и «Песни западных славян». — Литературная учеба, 1937, № 12, с. 41—72; Воробьев В. П. К вопросу о времени создания А. С. Пушкиным «Песен западных славян». — Учен. зап. Саратовского гос. ун-та, 1957, т. 56, с. 52—66.

² Томашевский Б. В. Генезис «Песен западных славян». О стихе «Песен западных славян». — В кн.: Томашевский Б. В. О стихе. Л., 1929, с. 63—93.

³ Прийма Ф. Я. Из истории создания «Песен западных славян» А. С. Пушкина. — В кн.: Из истории русско-славянских литературных связей XIX века. М.—Л., 1963, с. 95—123.

Много мистификаторов среди героев пушкинских произведений. Это и Дубровский, и Дон Гуан, и Бурмин из «Метели», и Лиза из «Барышни-крестьянки», и кухарка из «Домика в Коломне». В известном смысле можно отнести сюда же и Самозванца (Лжедмитрия) из «Бориса Годунова». Наконец, Пушкин и сам неоднократно выступал с литературными мистификациями. Самая известная — это, конечно, «Повести Белкина». Были и другие. Так, передавая П. В. Киреевскому тетрадь с записями народных песен, Пушкин предложил ему разобраться, какие из них действительно народные, а какие сочинил он сам. Мистификация была столь искусной, что ни Киреевский, ни последующие исследователи не смогли ее разгадать.⁴ Мистификацией были ссылка на Пиндемонти в стихотворении «Не дорого ценю я громкие права»⁵ и подзаголовок «Скупого рыцаря» — «Из Ченстоновой трагикомедии *The covetous Knight*»,⁶ пассаж о «великом меланхолике» в «Путешествии из Москвы в Петербург»⁷ и «Письмо к издателю» «смирненного провинциала» А. Б. из Твери. Все эти мистификации были продиктованы самыми разными устремлениями поэта, анализ которых заслуживает отдельного разговора. Для нас сейчас важно, что «Песни западных славян», вышедшие из печати в 1835 г., естественно включаются в эту сферу интересов Пушкина.

Книга Мериме «Гюзла, или Сборник илирийских песен, записанных в Далмации, Боснии, Хорватии и Герцеговине», которая легла в основу пушкинского цикла, также была мистификацией. Песни, якобы собранные в славянских селах и переведенные им на французский язык, были сочинены самим Мериме, рассказ о поездках, подробности возникновения и записи той или иной песни — вымышлены. Наукообразный вид придавали изданию многочисленные примечания к песням, справки исторического, этнографического и лингвистического характера. Мистификация была столь удачна, что восхищенные читатели не заметили подделки. Восторженная рецензия появилась и в петербургском журнале.⁸ По-видимому, в начале 1828 г. ознакомился с «Гюзлой» и Пушкин.⁹ Однако уже в 1828 г., т. е. через год после выхода «Гюзлы», распространился слух о подделке. Сообщения о фальсификации славянских песен в «Гюзле» появляются в русской печати.¹⁰ Совершенно точных доказательств все же не было, и Пушкин, как он сам сообщил в предисловии к своему циклу, заинтересовался, «на чем основано изобретение странных сих песен», и попросил С. А. Соболевского обратиться за разъяснениями непосредственно к Мериме. Последний написал в ответ письмо, где признавался в мистификации и подчеркивал шуточный ее характер, предлагая рассматривать ее как литературное озорство.

Пушкин опубликовал это письмо Мериме в своем предисловии, тем самым как будто продемонстрировав свое безразличие к происхождению текстов, послуживших ему литературным источником. Между тем этот момент очень интересен и далеко не ясен. Действительно ли Пушкин не заметил подделки, и если не заметил, то почему так спокойно отнесся к своей ошибке? Здесь трудно прийти к какому-то безусловному выводу. Пушкин вполне мог поддаться мистификации. Во-первых, мистификация была очень искусной; в исследовании В. Ивановича доказано, что «Гюзла» основывается на обширных этнографических и фольклорных

⁴ См.: Пушкин А. С. Собр. соч. в 10-ти т., т. III. М.—Л., Изд. АН СССР, 1949, с. 530.

⁵ Там же, с. 523.

⁶ См.: Бонди С. М. Драматические произведения Пушкина. — В кн.: Пушкин и Н. Собр. соч. в 6-ти т., т. IV. М., Гослитиздат, 1960, с. 572.

⁷ См.: Вадуро В. Э. «Великий меланхолик» в «Путешествии из Москвы в Петербург». — В кн.: Временник Пушкинской комиссии. 1974. Л., 1977, с. 43—63.

⁸ Сын отечества, 1828, № 5.

⁹ См.: Прийма Ф. Я. Из истории создания «Песен западных славян» А. С. Пушкина, с. 105—106.

¹⁰ Московский телеграф, 1828, № 13; Телескоп, 1828, № 12.

источниках, тщательно изученных Мериме;¹¹ поэтому его заявление о шуточном, поверхностном характере своего замысла является, в сущности, второй мистификацией.¹² Во-вторых, прозаический перевод на французский язык придавал мифическим песням стилистическую нейтральность, в которой трудно было угадать степень достоверности первоначального текста. Предположение Ф. Я. Приймы, что именно этот факт мог вызвать настороженность Пушкина,¹³ вряд ли оправданно. Переводы народных песен на французский язык, сделанные Пушкиным для Леве-Веймара, отличаются та же стилистическая нейтральность и книжность языка. Например, «молодец» переводится как «jeune seigneur»; «красна девица» — «jeune fille»; «надежда православный царь» — «tsar orthodoxe, notre Espérance»; «исполать тебе, детинушка, крестьянский сын» — «Bravo! jeune homme»; «не мешай мне, добру молодцу, думу думати» — «ne m'empêche pas de réfléchir», и т. п. Видимо, Пушкин не видел других путей переложения фольклорных текстов на французский язык и поэтому должен был воспринять переводы Мериме как нечто совершенно естественное. Сюжеты же песен «Гюзлы», как это показано в исследовании В. Ивановича, весьма характерны для сербского и вообще славянского фольклора, так что если Пушкин и поддался мистификации, то это скорее свидетельствует о его знании фольклора, нежели о незнании. Вместе с тем все это не дает основания безусловно утверждать, что Пушкин был уверен в подлинности текстов. Сомнение в этом вызывает реакция Пушкина на саморазоблачение Мериме и на его иронические реплики по адресу русского поэта. Пушкин не просто признается в совершенной оплошности, он, в сущности, повторяет вслед за Мериме процедуру саморазоблачения, демонстративно публикуя письмо Мериме вместе со своими произведениями. Тем самым он придает своей ошибке (если это и была ошибка) принципиальный, значимый характер. Какой смысл за этим скрывается, нам еще предстоит решить.

Прежде всего, важно установить, какие изменения вносил Пушкин в текст переводимых им песен, носят ли они последовательный, концептуальный характер?

Переводы Пушкина из Мериме подвергались тщательному анализу в работах А. Яцимирского и М. Елизаровой. Исследователи показали, как нейтральная французская лексика последовательно заменяется у Пушкина простонародными словами, характерными для русского фольклора. Например: *chambre* (комната) — палаты; *esclave* (раб) — холоп; *il dit* (сказал) — молвил; *sans argent* (без денег) — промотался. Пушкин вводит фольклорные постоянные эпитеты, отсутствующие у Мериме: птенцов горемычных; Радивой окаянный; конь ретивый; беда неминуча и т. п. Пушкин употребляет характерные для разговорной народной речи вопросительные обороты с «али» в значении «разве», «что» в значении «почему», «как» в значении «когда». Кроме лексических изменений, он вводит эпическое время, т. е. опускает точные определения сроков или заменяет их более неопределенными («спустя неделю», «вот проходит неделя-другая»). Числа также заменяются числами эпическими (вместо десяти — «три», вместо десятерых — «семерых», и т. п.).¹⁴ В результате нейтральный книжный стиль Мериме превращается в стиль экспрессивный, носящий ярко выраженный фольклорный характер.

Две песни переведены Пушкиным с сербского, из сборника Вука Караджича. Эти переводы проанализированы А. Яцимирским и О. Беркопеч

¹¹ Jovanovitch V. M. «La Guzla» de Prosper Mérimée Etude histoire romantique. Paris, 1911.

¹² См.: Прийма Ф. Я. Из истории создания «Песен западных славян» А. С. Пушкина, с. 96; Дынный В. Проспер Мериме. — В кн.: Мериме П. Собр. соч. в 6-ти т., т. I. М., 1963, с. 18—19.

¹³ Прийма Ф. Я. Из истории создания «Песен западных славян» А. С. Пушкина, с. 109.

¹⁴ О традиционном событийном времени в славянском эпосе см.: Пропп В. Фольклор и действительность. — В кн.: Русская фольклористика. М., 1965, с. 260—279.

в упоминавшихся нами работах. Пушкин изменил название сербской песни «Три највеће туге» («Три большие печали») на «Соловей». Соловей у Караджича вовсе не упоминается, зато он часто упоминается в русских народных песнях. «Моја драга» — переводится как «красна девица»; «ружа» («роза») — как «алы цветики-цветочки». Добавляются постоянные эпитеты (вода — «ключевая», заботы — «великие»), обычные для русских народных песен. Сербский стих: «Што меније мајка оженила млада» Пушкин перевел: «рано молодца женили». Некоторые исследователи объясняли это тем, что Пушкин неправильно списал соответствующую строчку.¹⁵ Но факсимиле, изданное А. Виноградовым,¹⁶ свидетельствует, что Пушкин списал стихи совершенно правильно. О. Беркопец справедливо, на наш взгляд, полагает, что причина изменения заключается в стремлении Пушкина приблизиться к русской народной поэзии, где постоянно встречаются жалобы молодца на раннюю женитьбу.¹⁷ Песня «Бог ником дужан не остаје» названа у Пушкина «Сестра и братья». «Два бора» Пушкин заменил выражением «два дубочка»; «поље широко» передал словами «чистое поле», «смиље и босиље» — «алые цветочки». Строку «Извади јој ноже од појаса» Пушкин перевел как «осмотри ты нож ее значеный». О. Беркопец отмечает, что Пушкину, видимо, казалось необычным, чтобы женщина носила нож за поясом, в то время как для сербской поэзии это вполне естественно, сербы всегда носили ножи за поясом.¹⁸ Для нас важно подчеркнуть, что хотя Пушкин на этот раз имеет дело с безусловным подлинником, он обращается с ним в общем так же, как и с текстами Мериме, — вносит типичную для русского фольклора лексику и стилистические обороты.

История Карагеоргия («Песня о Георгии Черном») могла быть известна Пушкину из разных источников. Она подробно излагалась в статье П. П. Свиньина «Письмо брату из Хотина»¹⁹ и в книге Д. Н. Бантыша-Каменского.²⁰ Кроме того, Пушкин многое мог узнать о Карагеоргии из устных рассказов во время своего пребывания в Кишиневе. В одно время с ним в Кишиневе жили сподвижники Карагеоргия сербские воеводы Вучич, Недович, Живкович и др. По свидетельству И. П. Липранди, Пушкин часто встречался с ними, записывал сербские песни, просил перевести непонятные места.²¹ Под надзором Вучича воспитывался сын Георгия Черного, в Хотине жили его жена и дочь. Свидетельством интереса Пушкина к личности Георгия Черного является стихотворение «Дочери Карагеоргия», написанное им в Кишиневе. Но основным источником «Песни о Георгии Черном» послужил, видимо, отрывок из книги Бантыша-Каменского.²² В «Песне о Георгии Черном» Пушкин почти не прибегает к лексической стилизации, используя простой разговорный язык. Фольклорный колорит придают песне главным образом стиховая форма и особенности композиции: отрицательное сравнение «не два волка в овраге грызутся», прием троичности — Георгий два раза окликает отца с нарастающим отчаянием и на третий раз убивает.²³

Прямые источники песен «Яныш королевич» и «Воевода Милош» пока не обнаружены. Видимо, это оригинальные произведения Пушкина, искусно стилизованные под фольклор. Хотя Пушкин в своем примечании

¹⁵ Я ц и м и р с к и й А. И. «Песни западных славян», с. 394; Ку л а к о в с к и й П. Славянские мотивы в творчестве Пушкина, с. 7—8.

¹⁶ Виноградов А. К. Мериме в письмах к Соболевскому. М., 1928.

¹⁷ Беркопец О. Пушкинские переводы сербохорватских песен, с. 421—422.

¹⁸ Там же, с. 429.

¹⁹ Отечественные записки, 1818, ч. 1, с. 45—46, 56—57.

²⁰ Бантыш-Каменский Д. Н. Путешествие в Молдавию, Валахию и Сербию. М., 1810, с. 124, 128—129.

²¹ Липранди И. П. Из дневника и воспоминаний. — Русский архив, 1866, № 10, стб. 1266—1267.

²² Подробное сравнение текстов см. в статье: Благой Д. Д. Два стихотворения Пушкина о Георгии Черном. — В кн.: Славяне и Запад. М., 1975, с. 17—31.

²³ Тудоровская Е. А. Становление жанра народной баллады в творчестве А. С. Пушкина. — В кн.: Русский фольклор. Материалы и исследования, т. VII. М.—Л., 1962, с. 81—83.

к «Янышу королевичу» ссылается на некий подлинник, из которого он перевел «только первую часть, да и то не всю», это сообщение вполне может являться мистификацией, нужной для того, чтобы нарочно «перепутать» свои произведения и переводные. Недаром Пушкин не называет этот предполагаемый подлинник и даже не говорит, с какого языка переводит (в других случаях он прямо писал: «Прекрасная эта поэма взята мною из собрания сербских песен Вука Стефановича»). Считается, что «Яныш королевич» — это первоначальная обработка сюжета «Русалки». Возможным источником этого сюжета называют оперное либретто Краснопольского «Днепровская русалка», переведенное с немецкого.²⁴ Кроме того, основные сюжетные мотивы: измена милого, самоубийство покинутой девушки, тоска женатого изменника по прежней любви, его раскаяние — имеют безусловно фольклорное происхождение и находят себе близкие параллели в русских народных песнях.²⁵ Пушкин использует и здесь фольклорные эпитеты: конь вороной, вода студеная и т. п. Сербский колорит придают песне главным образом имена.

Итак, определились некоторые общие закономерности обращения Пушкина с источниками при создании «Песен западных славян». Идя от разных и, главное, разнородных источников, то выступая как переводчик, то создавая оригинальные произведения, Пушкин в отношении языка и стиля действует совершенно единообразно. При переводе текстов он использует особую стиховую форму, «вольный размер народного склада», к которой он пришел после длительных экспериментов и изучений.²⁶ И степень точности в передаче текста, и характер вносимых им изменений не зависят от того, с каким материалом он имеет дело. Он создает произведения, которые обладают для него всеми атрибутами народности, а являлись ли таковыми источники этих его произведений — для него, в сущности, безразлично. При этом Пушкин не очень стремится соблюсти специфически сербский колорит, скорее это некий общеславянский фольклор.²⁷ Сербский фольклор имеет, разумеется, много общеславянских черт, поэтому то смешение языковых и стилистических особенностей, которое допускает здесь Пушкин, не создает противоречий и диссонанса,²⁸ но важна сама эта установка. Показательно, что нечто близкое по смыслу происходит и при работе Пушкина над «Сказками». «Пушкин пользуется не только материалом самих сказок, — пишет исследователь, — но исчерпывающе привлекает все фольклорное богатство: народные поэтические символы, эпитеты, сравнения, общие места, песенно-былинные образы — все привлекается для поэтической переработки сказок. Поэтому его „Сказки“ являются как бы синтезом пушкинского фольклоризма».²⁹ При работе над «Песнями западных славян» Пушкин стремится не перевести как можно точнее на русский язык произведения сербского фольклора, а создать на их основе произведения, которые бы русским читателем узнавались, идентифицировались как фольклорные. Теперь делается понятно, почему вопрос о подлинности текстов Мериме не имел для Пушкина принципиально важного значения и почему Пушкин стилизует под фольклор подлинно

²⁴ См.: Пушкин. Полн. собр. соч. в 10-ти т., т. 5. М.—Л., Изд. АН СССР, 1949, с. 602.

²⁵ См.: Слонимский М. Мастерство Пушкина. М., 1963, с. 406—410; Францев В. А. Две заметки (к вопросу об источнике песни «Яныш королевич»). — В кн.: Slavia, Praha, 1937, гоф. XIV, seš. 3, с. 441—445; Кишкин Л. С. К вопросу о знакомстве Пушкина с культурой и общественной жизнью чехов и словаков. — Учен. зап. Ин-та славяноведения АН СССР, 1951, т. IV, с. 357—363.

²⁶ См.: Томашевский В. В. Генезис «Песен западных славян», с. 63—93.

²⁷ См.: Яцимирский А. И. «Песни западных славян», с. 389—391.

²⁸ В частности, сюжет стихотворения «Конь» — конь, предсказывающий смерть своему хозяину, — встречается и в русском и в сербском фольклоре, являясь для тех и для других архаическим пережитком. См.: Чернышев В. А. С. Пушкин и сербские и русские народные песни. — Известия АН СССР. Отд-ние литературы и языка, 1948, т. 7, вып. 2, с. 159—164; Жирмунский В. Эпическое творчество славянских народов и проблемы сравнительного изучения эпоса. М., 1958, с. 29.

²⁹ Азадовский М. К. Статьи о литературе и фольклоре. М.—Л., 1960, с. 212—259.

фольклорные тексты Караджича. «Песни западных славян» — это, безусловно, «не настоящие», не подлинно народные произведения, но их невозможно отличить от народных. Возможно, в этом и состоял замысел Пушкина. Тогда смешение разнородных источников произведений внутри одного цикла могло быть сделано Пушкиным нарочно. Так же как он объединил свои и действительно народные песни в записях, переданных П. В. Киреевскому, Пушкин объединяет здесь разные произведения, предлагая все их без исключения считать фольклорными, вне зависимости от того, являются ли они таковыми на самом деле.

В этой связи очень интересно демонстративное «саморазоблачение» Пушкина в предисловии к «Песням западных славян», которому обычно не придается значения. Если принять нашу гипотезу, то обнаружившееся недоразумение не только не дискредитировало замысел Пушкина, но придавало ему особенную остроту. Это был просто счастливый случай создать необыкновенно тонкую и изящную мистификацию: под видом чистосердечного скромного признания в совершенной оплошности скрыть намек на особую природу своего произведения.

Особую природу «Песен западных славян» отчасти уловил еще Белинский, когда отметил в них истинную народность, пренебрегая всеми (казалось бы, разительными) аргументами против этой оценки (как может быть «народен» перевод подделки?!). «„Песни западных славян“, — писал критик, — более чем что-нибудь, доказывают непостижимый поэтический такт Пушкина и гибкость его таланта <...> Не знаем, каковы вышли на французском языке эти поддельные песни, обманувшие Пушкина, но у Пушкина они дышат всею роскошью местного колорита, и многие из них превосходны, несмотря на однообразие — неизбежное, впрочем, свойство всех народных песен».³⁰ Считая, что Пушкин в самом деле «обманулся подделкой», Белинский тем не менее почувствовал в них подлинную народность и решительно выделил «Песни западных славян» из громадного количества псевдонародных произведений 1830-х годов. В русской периодике этих лет появляется масса сказок, прозаических и стихотворных, масса подражательных песен. Подражания народным произведениям стали даже литературной модой.³¹ Методы поэтической обработки фольклорного материала были предметом постоянного обсуждения и спора. При всей разнице в позициях ведущих критиков — Белинского, Погодина, Киреевского, Надеждина (анализ их разногласий увел бы нас слишком далеко от предмета настоящей статьи) — понятие «народности» толкуется в современной Пушкину критике в основном как понятие психологическое: выявление народного духа, некоей национальной субстанции. Следование же внешним признакам народности, например языковым особенностям, расценивается как поверхностное подражание, подделка, заведомо обреченная на художественную неудачу. Как известно, именно под таким углом зрения рассматривались Белинским «Сказки» Пушкина и были оценены отрицательно.

Своеобразие пушкинского подхода в том, что, тщательно воспроизводя внешние признаки народной поэзии, Пушкин не считает их чисто «внешними» по отношению к тому, что именовалось «народным духом». Он стремится соблюсти определенную форму, которая сама уже несет в себе особое содержание, тот «образ мыслей и чувствований», который и был, по мысли Пушкина, выражением «народности» (XI, 40).

Видимо, Белинский интуитивно почувствовал этот «народный дух» в «Песнях западных славян», хотя и не стал определять, в чем собственно он состоит. Определить такое понятие логическим путем едва ли возможно, можно лишь попытаться выявить отдельные приемы, благодаря которым создается в «Песнях» фольклорный колорит — не только на стилистическом (хотя и с учетом диалектики формы и содержания), но и на концептуальном уровне.

³⁰ Белинский В. Г. Полн. собр. соч., т. 7. М., 1955, с. 352.

³¹ Библиографию см.: Трубицын Н. О народной поэзии в общественном и литературном обиходе первой трети XIX в. СПб., 1912, с. 470—478, 508.

Одно из принципиальных отличий пушкинских «Песен» от «Гюзлы» Мериме состоит в том, что Пушкин почти полностью убрал комментарий рассказчика, столь подробный и развернутый у Мериме. Он оставляет целиком (и в подлиннике — по-французски) только вымышленную Мериме биографию старого гуслеяра Иакинфа Маглановича, отмечая ее чисто художественные достоинства: «неизвестно, существовал ли он когда-нибудь, но статья его биографа имеет необыкновенную прелесть оригинальности и правдоподобия». А из всего остального обширного комментария Мериме он оставляет буквально лишь несколько строк. Предполагать, что Пушкин рассчитывал на то, что читателям «Гюзлы» все эти сведения уже известны, нельзя: Пушкин сам упоминает, что «книга Мериме редка» (поэтому он и приводит биографию Маглановича). Пушкин мог отказаться от комментария Мериме просто потому, что тот хотел за счет комментария придать своей мистификации больше убедительности и правдоподобия, а Пушкин в данном случае в этом не нуждался. Но главная причина видится в другом. Комментарий Мериме есть выражение взгляда со стороны, точки зрения чуждого этой среде наблюдателя. Наблюдателю многое кажется странным, непонятным. Иногда его восхищают мужество и смелость местных жителей, иногда ужасают их дикость и жестокость. Он постоянно всячески подчеркивает экзотичность их жизни и своеобразие их нравов и обычаев.³² Этот чисто романтический подход к иновациональному материалу привел в данном случае к созданию своеобразной атмосферы «Гюзлы»: яркий и прекрасный мир, таящий в себе и темное, страшное начало; кипение необузданных страстей, чреватое и героизмом и преступлением; мир притягательный и отталкивающий, и при всем этом — бесконечно чужой.³³

Пушкин в своем комментарии главным образом поясняет незнакомые слова и очень коротко сообщает о некоторых обычаях, необходимых для понимания событий песни. При этом нет никакого подчеркивания экзотичности этих обычаев и нравов. Например: «Трогательный обычай братования, у сербов и других западных славян, освящается духовными обрядами» (III, 364). Или: «Все народы почитали жабу ядовитым животным» (III, 364). Сравним у Мериме: «Этим варварским способом увода пленных особенно часто пользуются арнауты во время своих внезапных набегов»; «На каждом шагу видишь доказательство презрения, которое иллирийцы испытывают к своим женам»,³⁴ и т. п.

Полностью убирая такого рода комментарии, Пушкин освобождает «Песни» от колорита экзотичности, и народное сознание, в них выраженное вне всякого соотнесения с иными типами сознания, предстает самоценным и самодостаточным. Пушкин стремится смотреть не со стороны, а изнутри, не оценивать, а реконструировать. Этот угол зрения резко меняет все этические и эстетические оценки; дикость, невежество, извращенная жестокость воспринимаются как естественное состояние, норма жизни. Здесь Пушкин выходит к важнейшему выводу о социально-исторической обусловленности этических и эстетических норм. У каждой эпохи своя мера дозволенной жестокости, свое представление о героизме и т. д. Допустимо сопоставлять эти разные измерения одних и тех же понятий, но недопустимо оценивать людей и события одной эпохи по меркам другой. Пушкин сознательно устраивает эти другие мерки — свои и своей эпохи, чтобы реконструировать именно другое сознание, воспринимающее мир в другой системе ценностей. Собственно, это и был тот самый «народный дух», о котором твердила критика.

Пушкин удивительно точно уловил одну характерную особенность

³² Сопроводительный комментарий автора к произведениям, описывающим экзотические страны, был обычным явлением. Использовался этот прием и русскими авторами, см. «Смерть Пери» А. И. Подолинского (1837), «Фракийские элегии» (1829), «Кавказ» (1828) В. Г. Теплякова, «Воспоминания» (1825) С. Д. Нечаева, «Фарис» (1829) В. Н. Щастного.

³³ См.: Елизарова М. Е. «Гюзла» и «Песни западных славян», с. 54.

³⁴ Мериме П. Собр. соч. в 6-ти т., т. I, с. 77, 114.

сербского эпоса и придал соответствующую тональность своим «Песням». Современный исследователь пишет, что для сербских легендарно-исторических песен, в особенности косовского цикла, характерна «символика грозных предзнаменований», «идея предопределенности событий».³⁵ Две песни, открывающая и закрывающая цикл, — «Видение короля» и «Конь» — придают «Песням западных славян» именно такую атмосферу.

Слово «атмосфера» применительно к художественному произведению обычно звучит чисто метафорически. В самом деле, атмосферу произведения легко интуитивно ощутить, но трудно определить, за счет каких именно элементов текста она создается. Поэтому, чтобы сделать нашу мысль убедительнее, проанализируем подробно эти два стихотворения.

«Песни западных славян» открываются «Видением короля». В первой строфе состояние тревоги, в котором находится король, просто обозначено, названо: его осаждает султан, грозящий отсечь ему голову. Естественно, что он «часто подходит к окошку; не услышит ли какого шума?». Но слышит король не шум, а «слышит, воет ночная птица. Она чует беду неминучу». Состояние тревоги усиливается, хотя страшное предчувствие, слышащееся в вое совы, быть может, лишь мерещится встревоженному королю. В следующей строфе эта «пугающая» подробность действительно отменяется, но за счет еще более страшного явления: «Не сова воет в Ключе-граде <...> В церкви божией гремят барабаны». Опять-таки неясно, происходит ли все это на самом деле или лишь в воображении короля: «Но никто барабанов не слышит, Никто света в церкви божией не видит, Лишь король то слышал и видел». Далее напряжение усиливается: король один идет в церковь, откуда доносятся невыносимые там звуки. «Стал на паперти, дверь отворяет... Ужасом в нем замерло сердце». Характерно, что действие немного затягивается: «Но великую творит он молитву И спокойно в церковь божию входит». Только в следующей строфе откроется «чудное видение», во время же создавшейся паузы нагнетается нетерпение — почему он пришел в ужас? В следующих двух строфах рисуется жуткая картина, представшая перед королем, а третья начинается строкой «короля незаметный обнял холод». После таких подробностей, как «хлещет кровь ручьями», «он идет, шагая через трупы», указание на внезапный ужас доводит напряжение до предела, а последующая строфа так и не проясняет до конца смысла происходящих событий. Отношения между братьями и отцом могут быть поняты только при помощи комментария, из самого же текста стихотворения непонятен конфликт между братьями, непонятно, в чем состоит преступление короля. Поэтому такие фразы, как: «С тою самую веревкою, которой Удавил он несчастного старца» и «Прав ты, боже, меня наказуя», остаются темными по смыслу и еще больше нагнетают страх и тревогу.

Исчезновение видения при имени Иисуса может быть понято двояко: нечистая сила повержена словами молитвы или же королю все это просто привиделось. Дальнейшее как будто умиротворяюще спокойно: «Все внезапно утихнуло, померкло, — Все исчезло, будто не бывало». Король выходит на улицу: «Было тихо. С высокого неба Город белый луна озаряла». Но последние две строки резко меняют все: «Вдруг взвилась над городом бомба, И пошли басурмане на приступ». Ужасные события, только что развернувшиеся перед нами, оборачиваются не прошедшим, а предстоящим, и предсказанность их в видении придает им гнетущую неотвратимость и рождает мистический страх. Вместо катарсиса наступает новое усиление напряжения, которое уже ничем не может быть снято, ибо возможное разрешение выносится за пределы текста. Так на все последующие песни цикла ложится зловещая тень, чтобы снова резко ступить в последней песне «Конь», где трагическое предзнаменование, предчувствие неотвратимо надвигающейся катастрофы прозвучит снова.

³⁵ Путилов Б. Н. Славянская историческая баллада. М.—Л., 1965, с. 293, 294.

Подспудная тревога, звучащая в настойчивых вопросах первой строфы, все более и более нарастает с каждым ответом коня и, доведенная до предела самым ужасным последним пророчеством, не разрешается, а распространяется в предполагаемое будущее, лежащее уже вне текста.³⁶ Обе эти песни переведены из Мериме, но в его прозаических текстах совершенно отсутствует эта особая атмосфера, созданная Пушкиным. К тому же у Мериме эти песни затеряны среди многих других, ничем не выделены и не обособлены. Ставя эти две, столь явно перекликающиеся между собой песни в начале и в конце цикла, Пушкин придает им особое звучание, и их трагическая, злобная тональность становится общей тональностью цикла. Разумеется, она ощущается не в каждой песне, но все они существуют на этом общем фоне.

Таким образом, Пушкин уловил и передал специфическую особенность сербского эпоса и вместе с тем придал композиционную завершенность своим «Песням западных славян». Эта завершенность тем очевидней, что обе рассмотренные песни, как это явствует из заголовков Мериме, относятся к одному и тому же лицу — к королю Стефану-Фоме II. Пушкин убирает эту конкретную подробность, придавая своим стихотворениям более общий смысл, но четкое обозначение начала и конца остается.

Здесь мы переходим к еще одной проблеме, возникающей при рассмотрении «Песен западных славян». Мы говорили о том, что, убирая комментарий, Пушкин лишает «Песни» оценочного взгляда, взгляда со стороны. Значит ли это, что его текст не содержит ни в какой форме авторской позиции? Другими словами говоря, присутствует ли в нем определенная модальность? На наш взгляд, степень модальности здесь в самом деле очень низка, однако в неявной форме все же присутствует. Кольцевая композиция — это одно из выражений авторского «вмешательства». Выстроенность композиции — явный элемент «сочинительства», обнаруживающий концептуальный подход к материалу (в том обстоятельстве, что цикл, видимо, не считался Пушкиным законченным,³⁷ мы противоречия не усматриваем; кольцевая композиция при этом могла и сохраниться). Вообще цикл «Песни западных славян» отличается, с нашей точки зрения, большой внутренней свободой. Связи между входящими в него произведениями очень неявные, а иногда, видимо, и просто отсутствуют. Но при этом есть и отдельные организующие моменты, являющие или, вернее, намекающие на авторскую концепцию.

Например, из всех стихотворений о вампирах, которые есть в «Гюгле», Пушкин выбирает два — «Марко Якубович» и «Вурдалак». В первом тема вампиризма толкуется очень серьезно, даже с некоторой патетикой. Стихотворение страшное, оно дышит суеверным ужасом перед темными, иррациональными силами, подстерегающими человека. В «Вурдалаке» та же тема становится предметом шутки, суеверный страх перед вампирами высмеивается на примере забавного случая с «бедным Ваней». При этом «Вурдалак» не пародирует «Марко Якубовича», одна точка зрения не отменяет другую. Это характерный образец пушкинской пародии, которая не снижает одно за счет другого, но раскрывает разные стороны явления. Так и в данном случае Пушкин демонстрирует разные аспекты этого суеверия, то углубляясь в его таинственную иррациональную основу, то преломляя его под чисто рациональным, ироническим углом зрения.

Некий концептуальный центр цикла представляет, на наш взгляд, «Похоронная песня». На общем фоне жестоких и кровавых событий, с беспощадной открытостью описанных в большинстве песен цикла, «Похоронная песня» выделяется своей светлой, лирической интонацией,

³⁶ Здесь Пушкин явно тяготеет к поэтике народной баллады, для которой характерно отсутствие катарсиса. См.: Балашов Д. М. Русская народная баллада. М.—Л., 1963 (Б-ка поэта. Большая серия), с. 11.

³⁷ См.: Прийма Ф. Я. Из истории создания «Песен западных славян» А. С. Пушкина, с. 115.

тем более удивительной, что в ней упоминаются, собственно, такие же события. Умерший погиб во время боя, враг был тут же убит его сыном; его брат недавно вылез из ран; маленький мальчик уже «владеет атаганом и стреляет из ружья». Речь идет о жизни суровой и жестокой, именно такую жизнь прожил умерший, и именно такая жизнь предстает здесь светлой и гармоничной.

Этот мир ясен и прочен, связан нерушимыми узами родства и верности, которые даже смерть не в силах оборвать. Отец погиб, но сын убивает его врага; ребенок назван именем умершего деда — в честь ушедшего и на память живущему. Наивная вера в то, что смерть — не исчезновение, а лишь переход в другой мир, но с теми же заботами и интересами (это дает возможность непосредственного обращения к умершему: «вспоминай нас», «отцу <...> поклониться не забудь», «ты скажи ему...»), приобретает в стихотворении неоднозначный смысл. Она и трогательна, и трагична своей обманчивостью, и вместе с тем в ней заключена высшая правда и справедливость. Включенность человека в прочные внутренние связи этого мира дает ощущение уверенности и силы, но не связывает несвободой: «волен умер ты, как жил». Жизнь, прожитая в соответствии с этими законами воли, смелости и верности, ставшая прочным звеном в бесконечной цепи поколений, была полноценна и «правильна». Мы берем это слово в кавычки, чтобы избавиться от его дидактического оттенка. Она «правильна» с точки зрения народного сознания, которое стремится воссоздать Пушкин, но, думается, она «правильна» для Пушкина в общечеловеческом смысле. Ведь это отношение к жизни в общем очень близко постоянным размышлениям Пушкина об уважении к прошлому и к предкам, о связи времен, о необходимости преемственности поколений. Можно привести много примеров из писем, стихов, статей Пушкина, где так или иначе варьируются подобные мысли. Прочная укорененность такого взгляда на жизнь в народном сознании, возможно, казалась Пушкину знаменательной и вдохновляющей. Может быть, поэтому с такой лирической силой прозвучала «Похоронная песня». Первое четверостишие:

С богом, в дальнюю дорогу!
Путь найдешь ты, слава богу.
Светит месяц; ночь ясна;
Чарка выпита до дна —

снова повторяется в конце, но «набрав» другой смысл, приобретая глубину символа. Слова «дальняя дорога», «путь найдешь ты», «ночь ясна», не теряя вовсе бытового значения, превращаются в образы. «Дальняя дорога» — возврата не будет; но «путь найдешь ты, слава богу» — рано или поздно его находит каждый; «ночь ясна» — для тебя наступила ночь, но она ясна, пришла печаль, но не отчаянье, ибо жизнь завершилась — «чарка выпита до дна».³⁸

«Похоронная песня» в контексте всего цикла становится как бы полнокровнее, реальнее, ибо другие песни раскрывают конкретно и ярко эпизоды, возможные в той жизни, которая здесь дана в более обобщенных проявлениях. С другой стороны, «Похоронная песня» бросает свет на другие песни, утверждая возможность высокой гармонии в этой суровой и жестокой жизни. Таким образом, Пушкин легко маркирует столь важную для «Песен западных славян» идею об особой системе ценностей, существующей внутри определенного типа сознания.

Проявление авторского начала в фольклорном материале «Песен западных славян» видится и в том, что поэтическая форма «Песен» выбрала в себя и отнюдь не фольклорные, а чисто литературные элементы. Например, в создании атмосферы таинственного и страшного в «Видении короля» отчетливо заметны литературные приемы готического ро-

³⁸ Макогоненко Г. П. Творчество А. С. Пушкина в 1830-е годы (1833—1836). Л., 1982, с. 292—294.

мана.³⁹ «Вурдалак», в сущности, изящно пародирует схему фантастической повести с реальной развязкой. Место действия — кладбище, время — позднее, герой охвачен страхом. Он слышит звуки, которые принимаются им за проявление нечистой силы. Герой приходит в ужас, но тут обнаруживается, что испугавшие его звуки имеют вполне реальное происхождение: перед ним не вурдалак, а собака. Этот сюжет вполне годится для фантастической повести, каких много было в русской прозе 1820—1830-х годов.⁴⁰ Пародийный смысл придает стихотворению не реальная развязка, а общий иронический тон. Здесь нет ни тени «страшного», решительно нет атмосферы «чудесного», которую с большим или меньшим успехом пытались создать авторы фантастических повестей. Стихотворение «Бонапарт и черногорцы» по своей стилистике близко к солдатской песне. Частушечный ритм стиха, грамматически небрежные просторечные обороты («кто как мог пустился в бег», «нам сдаваться нет охоты»), некоторая наивность изложения (например, в уста Наполеона вкладываются слова «так расскаются ж нахалы») — именно такими средствами пользовался, в частности, И. А. Кованько, стилизуя свои стихи под солдатские песни.⁴¹ «Конь» написан тем же размером, что и «Ахилл» Жуковского. Эта ассоциация⁴² (возможно, неосознанная) вызвана, видимо, тем, что и там есть сходный сюжет: «Кони бодрые, ретивы, Что ж теперь так мрачны вы? <...> Знать, внушен был вам судьбою Мне конец вещавший глас».

При анализе «Песен западных славян» с точки зрения соотношения в них «фольклорного» и «авторского» встает вопрос: можем ли мы рассматривать эти произведения как авторские в полном смысле этого слова, т. е. искать в них выражение пушкинских взглядов и концепций? Видимо, можем, но в полной мере отдавая себе отчет в специфике этой задачи. В этих текстах, конечно, очень много «чужого» — стремление передать «чужое» и было едва ли не главной задачей Пушкина в работе над циклом. Те проявления его авторского «вмешательства», которые мы отмечали, служили главным образом той же цели. Вместе с тем было бы неверно исходить из предположения, что в имитирующих фольклор произведениях должно отсутствовать личностное начало их создателя. Напротив, проявление авторских концепций в текстах, с максимальной достоверностью воспроизводящих фольклорный тип сознания и специфически фольклорную образность, переводит эти произведения из разряда подражаний (пусть даже совершенных) в неизмеримо более высокий разряд произведений искусства, где осуществлено проникновение субъективного лирического «я» поэта в самый строй народного сознания.

Нечто подобное мы видим в цикле пушкинских «Сказок», где поэт, создавая «модель» сказочного мира, с его специфическими закономерностями и соотношениями, затем «играет» с этим миром, строит разные его варианты, от «Сказки о Балде» до «Сказки о мертвой царевне», и, наконец, разрушает его изнутри в «Сказке о золотом петушке».⁴³ В этой свободной игре со сказкой, т. е. с самим типом мировосприятия, в ней выразившимся, и сказывается глубина овладения Пушкиным фольклорным материалом и открытие новых творческих потенциалов, полученных им из этого материала.

³⁹ См.: Zacharias-Langhans G. Der unheimliche Roman um 1800. Bonn, 1968.

⁴⁰ См.: Измайлов Н. В. Фантастическая повесть. — В кн.: Русская повесть XIX в. Л., 1973, с. 134—169.

⁴¹ См.: Кованько И. А. Солдатская песня. Песня русского солдата. — В кн.: Поэты-радищевцы. Л., 1979 (Б-ка поэта. Большая серия).

⁴² По свидетельству В. К. Кюхельбекера, Пушкин еще в Лицее знал это стихотворение наизусть. См. письмо В. К. Кюхельбекера к В. А. Жуковскому: Русский архив, 1871, т. I, стб. 0176—0180.

⁴³ См.: Непомнящий В. С. Заметки о «Сказках» Пушкина. — Вопросы литературы, 1972, № 3, с. 124—151.

Такого рода сложное взаимодействие не обязательно должно проявляться в каждой из песен цикла «Песни западных славян». Но во всяком случае в одной из них оно проявляется столь интересно, что заслуживает особого разговора. Мы имеем в виду «Песню о Георгии Черном».

Сюжетом этой песни послужил один из самых трагических моментов биографии Карагеоргия: убийство им своего отца из-за политических разногласий. Резкие противоречия во взглядах между отцом и сыном в экстремальной ситуации приводят Георгия к необходимости выбора между успехом общего дела и жизнью отца, между долгом солдата и сыновней любовью. Трагедия усугубляется тем, что отец действует не как предатель родины: он также стоит за интересы Сербии, стремясь уберечь народ от жестокого и, с его точки зрения, бессмысленного кровопролития.

Эта легенда существовала в разных вариантах.⁴⁴ В одном указывалось, что мать-старуха была на стороне сына и сама предлагала ему убить отца; по другой версии, у Георгия дрожала рука, и он отдал пистолет своему товарищу; прибавляют еще, что Георгий велел с честью похоронить отца и совершить поминки. В нескольких вариантах Георгий пытается оправдать свой поступок, говоря: «не должны столько людей погибнуть из-за одного», «лучше погибнуть тебе одному, чем всем нам». Пушкину, видимо, были известны разные версии этого эпизода, так как в примечании он пишет: «... по другому варианту, Георгий сказал товарищам...». А. И. Яцимирский в своей работе о «Песнях» ставит важный вопрос: почему Пушкин не воспользовался теми подробностями, которые смягчают трагедию отцеубийства? Исследователь находит объяснение в том, что Пушкин был под влиянием романтического представления о Георгии, сложившегося еще во время написания «Дочери Карагеоргия»; поэтому он и здесь стремится создать противоречивый образ «преступника и героя».⁴⁵ Однако связь с «Дочерью Карагеоргия» представляется более сложной. В работе Д. Д. Благого продемонстрировано различие и в художественных средствах и в самой концепции личности Георгия в этих двух произведениях: абстрактно-романтическая антитеза преступления и невинности, добра и зла — главная тема «Дочери Карагеоргия» — в «Песне о Георгии Черном» совершенно исчезает.⁴⁶ Не затрагивая вопроса о разных вариантах легенды, Д. Д. Благой полагает, что Пушкин здесь стремился прежде всего к исторической достоверности. Между тем известно, что в действительности Георгий убил не отца, а отчима.⁴⁷ Нельзя утверждать, что Пушкин это знал (хотя мог и знать, так как общался с друзьями Карагеоргия), но во всяком случае о стремлении к достоверности говорить трудно.

Вопрос о том, почему Пушкин не воспользовался более мягкими и гуманными вариантами легенды об отцеубийстве, практически остается открытым. Проблема тем серьезнее, что Пушкин как бы игнорирует здесь очень характерное для фольклора явление. Стремление смягчить содержание песни, сняв или приглушив страшные коллизии, — явление, отмечающееся исследователями народного творчества. Б. Н. Путилов, рассматривая народные баллады с мотивом инцесты, пишет, что в подавляющем большинстве песен инцест не допускается. По мнению исследователя, «такая ослабленная трактовка, снимающая трагический характер коллизии», «есть характерная особенность народного сознания определенной исторической эпохи».⁴⁸ Это явление определяется и в еще более широком контексте. Д. Медриш в статье «Структура художественного времени» приводит целый ряд примеров того, как реальный исторический

⁴⁴ См.: Лавров П. А. Пушкин и славяне, с. 93—122; Трубицын Н. Два сербских юнака в изображении Пушкина, с. 29—55; Яцимирский А. И. «Песни западных славян», с. 397.

⁴⁵ Яцимирский А. И. «Песни западных славян», с. 397.

⁴⁶ Благой Д. Д. Два стихотворения Пушкина о Георгии Черном, с. 25.

⁴⁷ Трубицын Н. Два сербских юнака в изображении Пушкина, с. 41.

⁴⁸ Путилов Б. Н. Славянская историческая баллада, с. 130—131.

конфликт получает в былинах и исторических песнях утопическую развязку. Д. Медриш полагает, что «идеальное эпическое время связано с определенными принципами сюжетостроения, основанными на „закругленности“ конфликта (если только это не конфликт с пришедшей извне силой)».⁴⁹

Конкретный же мотив вражды между отцом и сыном выводит к существеннейшим категориям патриархального сознания. Среди славянских баллад, тематически связанных с чужеземным игом, татарским или турецким полоном, существует широкий круг песен, сюжет которых — острые ситуации между близкими родственниками, в силу обстоятельств разведенных по враждебным станам. Но, что для нас необыкновенно важно, герои этих песен всегда не догадываются о своем родстве; именно из-за этого они попадают в ужасные и трагические ситуации. Узнавание друг друга — есть разрешение конфликта, установление истинных отношений.⁵⁰ «В балладах с настойчивостью проводится идея о том, что кровнородственные связи — первоэлемент связей общенациональных». Отсюда понятно, что в балладах «отступничество, разрыв с национальной и семейной почвой приводит к тяжким несчастьям, к потере нравственных норм, к преступлению», а в финалах «так или иначе демонстрируется торжество национального и семейного начала».⁵¹

Таким образом, трагический конфликт идеологического характера между отцом и сыном, завершающийся убийством, сознательным и обдуманным, — ситуация для фольклора невыносимая. Резкое расхождение внутри одного стана борцов за национальную независимость, приводящее к отцеубийству, для патриархального сознания даже не трагедия, а катастрофа, крушение устоев жизни.

Все это говорит о том, что сюжет «Песни о Георгии Черном» — пушкинский, а не фольклорный по самому своему существу, и потому допустимо искать аналоги в пушкинском творчестве.

Коллизия «Песни о Георгии Черном» в самом деле легко соотносится с кругом проблем, занимавших Пушкина в 1830-х годах. Достаточно близкие по типу коллизии возникают в повести «Капитанская дочка». В работе Ю. М. Лотмана «Идейная структура „Капитанской дочки“» раскрыта пушкинская мысль о том, как политические и социальные разногласия, разводя людей по враждебным станам, рождают непримиримость и жестокость.⁵² Герои «Капитанской дочки» постоянно оказываются в ситуациях, где им необходимо выбирать между долгом, обусловленным их политическими убеждениями и социальным положением, и человеческими привязанностями. В «Капитанской дочке» Пушкин каждый раз находит для своих героев возможность «сберечь честь» в полной мере: не предать ни долга, ни дружбы. Но для этого он вынужден поступиться житейским правдоподобием, и только силой своего творческого воображения он переводит это неправдоподобие на уровень высокого художественного вымысла, того «высокого обмана», который дороже «тмы низких истин». Гоголь очень точно сказал о «Капитанской дочке», что это «не только самая правда, но еще как бы лучше ее»,⁵³ ибо здесь искусство разрешало трагические парадоксы жизни своими собственными возможностями, открывая в ней тем самым еще не реализованные потенции.

«Песни западных славян» — это как бы и не искусство, т. е. не чистый художественный вымысел, ни за что другое себя не выдающий и не стесненный никакими условиями («для тебя условий нет»). Здесь условия очень жесткие и определенные: остаться в рамках фольклорной

⁴⁹ Медриш Д. Н. Структура художественного времени. — Учен. зап. Волгоградского пед. ин-та им. А. С. Серафимовича, 1967, вып. 21, с. 109.

⁵⁰ Путилов Б. Н. Славянская историческая баллада, с. 98.

⁵¹ Там же, с. 103.

⁵² Лотман Ю. М. Идейная структура «Капитанской дочки». — В кн.: Пушкинский сборник. Псков, 1962, с. 8—11.

⁵³ Гоголь Н. В. Полн. собр. соч., т. VIII. М.—Л., 1952, с. 384.

образности и в рамках определенного типа сознания. Отвергая «гуманные» варианты легенды, где народное сознание расставило свои акценты, Пушкин эти условия заведомо нарушает. Его задача здесь необыкновенно сложна: в полной мере овладев стилистикой и образностью народной песни, он берется вложить в нее свое содержание, свой вариант осмысления событий. Он пренебрегает «гуманными» вариантами, так как они не предлагают и не предполагают выхода из создавшейся трагической ситуации, а просто подменяют ее другой. Пушкина же интересует в данном случае именно этот трагический и безвыходный вариант, ибо он предельно обнажает суть коллизии. Ставя героев в экстремальную и в принципе неразрешимую добром ситуацию, Пушкин отказывается их «спасти», как будет «спасать» он героев «Капитанской дочки»; поэт как бы устраняется и дает конфликту разрешиться так, как он скорей всего и должен был бы разрешиться. И тогда Пушкин раскрывает в полной мере весь ужас и противоестественность случившегося.

Замечательно, что при этом Пушкин остается в рамках фольклорной образности, изменяя ей едва ощутимо: слишком глубока и точна психологический рисунок, слишком оригинальна и произвольна концовка. Это короткое и очень скупое в выразительных средствах стихотворение без труда можно развернуть в целую трагедию.⁵⁴ Одна фраза старика: «Помоги мне, Георгий, я ранен» (а он ведь не может не понимать, что выстрелил в него сын) — есть проникновение в такие глубины психологии и подсознания, которые не часты даже у Пушкина. Очень скупо обозначено состояние Георгия, но душевное смятение, проявляющееся то в горьких слезах, то — тут же — в нарочитой грубости и едва ли не цинизме, достаточно содержательно для подробного психологического анализа. Последняя строка, казалось бы, совершенно непритязательная, проходная: «С той поры Георгий Петрович У людей прозывается Черным» — выражает целую концепцию. Георгий впервые назван по отчеству, и в том, что в его полном имени звучит и имя отца, — утверждение их неразрывной, кровной связи несмотря ни на что. А «у людей прозывается Черным» — это безусловная этическая оценка случившегося, вынесенная народным сознанием. Убивший отца — «богом проклят» независимо ни от чего. Трагическая ситуация, только что развернувшаяся перед нами, не сводится к однозначному решению, в этом смысле эта этическая оценка не конструктивна, а статична. Она существует как бы вне событий, над событиями, не давая рекомендаций, не подсказывая решений, но своей определенной консервативностью обеспечивает необходимую стабильность морали в запутанных и противоречивых ситуациях реального течения жизни. Подчеркнем, что самая эта задача — показать противоречивость и героя, и ситуации — опять-таки совершенно противоречит фольклорным традициям, так как в фольклорных произведениях оценка героя всегда однозначна.⁵⁵ Пушкин как будто берется соединить несоединимое, но это ему удается: он сохраняет неизбежность патриархальных нравственных оценок и глубину психологического анализа. В «Песне о Георгии Черном» точно сбалансированы пушкинская концепция событий, раскрывающая их трагическую неразрешимость, и безусловность этических законов, существующих в народном сознании.

«Песни западных славян» во многом раскрывают сложность художественной позиции Пушкина в отношении к народному творчеству. Пушкин не стремится воспроизвести на другом языке действительно существующие, подлинно народные произведения, а на материале различных источников он создает тексты, обладающие для него всеми атрибутами народности. Это приближение к фольклору осуществлялось за

⁵⁴ См.: Благой Д. Д. Два стихотворения Пушкина о Георгии Черном, с. 30—31.

⁵⁵ См.: Скафтымов А. П. Поэтика и генезис былин. Очерки. М.—Саратов, 1924, с. 93.

счет выбора языковых и стилистических средств, соответствующей стиховой формы, а также освоения более глубоких, уже мировоззренческих сущностей. Пушкину удалось настолько овладеть фольклорной стилистикой и образностью, что он смог, не разрушая ее, обогатить художественную форму «Песен» приемами, заимствованными из других литературных жанров. Реконструируя «чужое» сознание, определенный тип мировосприятия, Пушкин допускает и проявления индивидуального авторского начала, определенным образом выстраивая, организуя цикл «Песен». Наконец, Пушкин смог сам мыслить в рамках фольклорной образности и ввести в цикл свои собственные произведения. При этом он осуществляет внутри одного текста взаимодействие сущностных элементов фольклора и субъективного авторского начала. В этом была, на наш взгляд, высшая плодотворность его обращения к фольклору: Пушкин сделал народные песни как бы фактом своего индивидуального творчества, не поступившись ни народностью, ни индивидуальностью. Плодотворность этого синтеза фольклора и литературы трудно переоценить.⁵⁶ Пушкин разнообразил поэтические художественные средства тем, что вводил в русскую поэзию строй народной лирики и, главное, расширил не только эстетическую, но и духовную сферу литературы, осуществив глубокий внутренний контакт с самим типом народного сознания.

⁵⁶ Знаменательно, что аналогичное явление наблюдается в 1830-е годы в творчестве Лермонтова. См.: Вацуро В. Э. М. Ю. Лермонтов. — В кн.: Русская литература и фольклор (первая половина XIX в.). Л., 1976, с. 241—248.

Г. М. ФРИДЛЕНДЕР

ПОЭТИЧЕСКИЙ ДИАЛОГ ПУШКИНА С П. А. ВЯЗЕМСКИМ

Пушкин ощущал себя постоянно тесно связанным в том, что его волновало и творчески им переживалось, со всем современным ему литературным движением. Карамзин и Жуковский, Вяземский, Баратынский и Дельвиг были для Пушкина не только современниками или друзьями, но и участниками общего дела. И в часы творчества Пушкин не чувствовал себя отделенным от них: они оставались для поэта в самом ходе творческого процесса то близкими союзниками в решении общих задач, то живыми собеседниками. Поэтому сегодня для читателя поэты — современники Пушкина обрели как бы двойную жизнь: они живут для нас не только в своих собственных поэтических созданиях, но и в своем отражении в пушкинской поэзии.

Отношения ни на минуту не прерывающегося творческого диалога, соревнования, полемики не были, пожалуй, у Пушкина ни с кем из его поэтов-современников такими интенсивными, как с Вяземским.

«Его критика поверхностна или несправедлива, но образ его побочных мыслей и их выражения резко оригинальны, он мыслит, сердит и заставляет мыслить», — писал Пушкин М. П. Погодину 31 августа 1827 г. о критических статьях Вяземского (XIV, 341). Но то же самое, думается, он мог бы сказать и о стихах последнего. Они рождали у Пушкина встречный поток мысли (и притом нередко даже не главным своим содержанием, а своими «побочными мыслями»), вызывая поэта на соревнование и полемику. И изучение этого творческого соревнования и полемики во многом обогащает наше представление о Пушкине, так как оно ведет нас от «малого» к «большому»: от картины взаимоотношения художественных миров двух поэтов-современников к постижению и широкой, всеобъемлющей связи Пушкина с его эпохой, и того, что придает его поэзии и прозе их индивидуальное, неповторимое лицо и их вечную свежесть.

Начиная с молодых лет Пушкин постоянно ведет в своих произведениях своеобразный поэтический диалог с Вяземским: в одних случаях это — согласие с ним, в других — спор, в третьих — развитие и трансформация в оригинальном и неповторимом «пушкинском» духе намеченных Вяземским, но трактованных иначе художественных тем и мотивов. С другой стороны, Вяземский в своих стихах также постоянно помнит о Пушкине, вступает с ним в переключку, ориентируется на его поэтический опыт.

Поэтический диалог Пушкина и Вяземского, их споры, реминисценции Пушкина из Вяземского, взаимное влияние обоих поэтов друг на друга — весь этот круг вопросов не раз привлекал внимание ученых. Ему посвящена, в частности, превосходная, не утратившая до сих пор своего значения ранняя статья И. Н. Розанова «Кн. Вяземский и Пушкин. К вопросу о литературных влияниях», напечатанная в 1915 г.¹ На ряд моментов взаимодействия мысли Пушкина и Вяземского и поэтической полемики между ними, как и наоборот — на переключку тем, мотивов, форм отдельных их стихотворных жанров и произведений, указывали и

¹ Беседы. Сборник Общества истории литературы в Москве, I. М., 1915, с. 57—76.

позднейшие исследователи — М. П. Алексеев, А. А. Ахматова, Л. Я. Гинзбург, П. М. Биццлли, И. М. Тойбин, Ю. М. Лотман, В. Э. Вацуро, М. И. Гиллельсон, И. М. Семенко, К. И. Соколова. Эпизодически обращался к этому вопросу и я, сопоставляя освещение темы крепостного права в «Деревне» Пушкина и в послании Вяземского «Сибирякову» (1819), адресованном крепостному поэту-самоучке.

Настоящая статья не ставит задачи восстановить всю картину взаимоотношений Пушкина-поэта с Вяземским. Цель ее — высказать несколько наблюдений, дополняющих или частично корректирующих то, что уже известно и прочно выяснено.

Начну с замечания об эпиграфах Пушкина из Вяземского. Примечательно то, что хотя многие стихотворения последнего имеют форму посланий и адресованы конкретным лицам, в них нет попытки представить типическую, общую физиономию современного человека, «героя» начала века. В этом отношении Вяземский остается человеком скорее XVIII, чем XIX века.

Тем интереснее, на мой взгляд, то, что и в «Кавказском пленнике», и в «Онегине» Пушкин переосмысляет афористические формулы Вяземского. То, что Вяземский применял к единичному лицу или к человеческому роду вообще (безотносительно к определенной исторической эпохе), у Пушкина со свойственным ему глубоким историзмом приобретает смысл характеристики культурно-исторического типа. Формулу: «Под бурей рока — твердый камень! В волненьи страсти легкий лист!» — Вяземский применил к Ф. И. Толстому — «Американцу».² Пушкин же переосмысляет ее в ходе работы над «Кавказским пленником», прилагая к герою времени, молодому человеку XIX в. (IV, 365). Точно так же стихи: «Горячность молодая И жить торопится, и чувствовать спешит» в стихотворении «Первый снег» (с. 13) — отнесены к поре человеческой молодости вообще, без различия эпохи. Пушкин же делает поэтическую идею стихов Вяземского своеобразным лейтмотивом изображения исторически конкретного человека, героя времени. И тем более интересно, что позднее Вяземский как переводчик «Адольфа» Б. Констана (1831) вступает на путь, проложенный Пушкиным — автором южных поэм и «Онегина». Впрочем, как отметила А. А. Ахматова, современность художественно-психологического типа Адольфа Пушкин отметил раньше Вяземского — в седьмой главе «Евгения Онегина», в «Романе в письмах» (1829) и в заметке об Адольфе (1829). Так что, высказывая мысль об Адольфе как герое времени, Вяземский повторял мысль Пушкина.³ Автор недавней специальной статьи о стихотворении Вяземского «Первый снег» и его отражениях в поэзии Пушкина, К. И. Соколова, справедливо обратила внимание на то, что в стихах IX строфы, не вошедшей в окончательный текст первой главы «Онегина»:

Природы глас предупреждая,
Мы только счастию вредим,
И поздно, поздно вслед за ним
Легит горячность молодая —

образ «горячности молодой» (из «Первого снега») переосмыслен. Но она усмотрела у Пушкина внутреннее противоречие — противоречие между определением «горячность молодая» (восходящим к Вяземскому) и словами о том, что современное молодое поколение узнает подлинную страсть «поздно», уже после того, как любви его научили романы.⁴ Между тем для Пушкина все дело как раз в том, что современный человек противоречив: он, с одной стороны, торопится жить и

² Вяземский П. А. Стихотворения. Л., 1958 (Б-ка поэта. Большая серия), с. 114. (Далее при цитировании стихотворений Вяземского страницы этого издания указываются в тексте в скобках).

³ Ахматова А. «Адольф» Б. Констана в творчестве Пушкина. — В кн.: Пушкин. Временник Пушкинской комиссии, т. 1. М.—Л., 1936, с. 96, 100.

⁴ Проблемы пушкиноведения. Л., 1975, с. 74—75.

чувствовать, а, с другой, именно поэтому он узнает страсть из книг раньше, чем ее разбудили в нем «природа» и «горячность молодая». Это — противоречие жизни, а не обмолвка Пушкина. От общего, отвлеченного Пушкин идет к исторически конкретному.

Заметный след в творчестве Пушкина оставило известное стихотворение Вяземского «Петербург», набросанное в Кракове 7/19 августа 1818 г.⁵ По словам самого Вяземского в «Записке» (или «Исповеди»), представленной им в 1829 г. царю, это стихотворение, отразившее тогдашние оппозиционные настроения, «писано <...> было вскоре после польского сейма и тогда гласным образом ходило по Петербургу».⁶ Вероятно, оно было известно и молодому Пушкину, — «Петербург» начинается словами:

Я вижу град *Петров* чудесный, величавый,
По манию Петра воздвигшийся из блат,

(С. 111)

причем во второй части стихотворения, после описания возникновения Петербурга и красоты петровской столицы, Вяземский в связи с речью Александра I в польском сейме выражает надежду на близящееся освобождение крестьян и другие государственные реформы «сверху», которые должны довершить начатые Петром преобразования, «тесней» соединив «владыку и народ» (с. 114).

Идейная и стилистическая близость «Петербурга» и «Деревни» Пушкина, написанной в 1819 г., через год после «Петербурга», позволяет предположить, что формула Вяземского «по манию Петра», отнесенная к возникновению Петербурга, отозвалась в пушкинском стихе: «И рабство, падшее по манию царя»; тем более что и в «Петербурге», как я только что заметил, освобождение крестьян и конституционные свободы мыслятся как необходимое продолжение дела Петра:

Предвижу: правды суд — страх сильных, слабых щит —
Небесный приговор земле благовестит,
С чела оратая сотрется пот неволи,
Природы старший сын, ближайший братьев друг
Свободно проведет в полях наследный плуг,
И светлых нив простор, приют свободы мирной,
Не будет для него темницею обширной.

(С. 114)

Созвучие пушкинской «Деревни» и «Петербурга» Вяземского обусловлено тем, что стихотворения рождены в одну и ту же эпоху, под влиянием сходных общественных настроений. Но стихотворение Вяземского продолжало жить в памяти Пушкина и позднее. Через четыре года после того, как начало «Петербурга» появилось в «Полярной звезде» на 1824 г., Пушкин в «Арапе Петра Великого» в свое описание «новорожденной столицы» непосредственно перенес ряд деталей, заимствованных из «Петербурга» Вяземского:

«Ибрагим с любопытством смотрел на новорожденную столицу, которая подымалась из болота по манию самодержавия. Обнаженные плотины, каналы без набережной, деревянные мосты повсюду являли недавнюю победу человеческой воли над супротивлением стихий. Дома казались наскоро построены. Во всем городе не было ничего великолепного, кроме Невы, не украшенной еще гранитною рамою, но уже покрытой военными и торговыми судами» (VIII, 10).

Здесь слова: «которая подымалась из болота по манию самодержавия» — соответствуют стиху Вяземского о Петербурге, «по манию Петра»

⁵ Вяземский П. А. Записные книжки (1813—1848). М., 1963, с. 99—101.

⁶ Вяземский П. А. Полн. собр. соч., т. 2. СПб., 1879, с. 101. Ср.: Вяземский П. А. Записные книжки (1813—1848), с. 158.

воздвигшемся «из блат»; слова: «недавнюю победу человеческой воли над супротивлением стихий» — развивают мысль Вяземского:

Искусство здесь везде вело с природой брань
И торжество свое везде знаменовало;
Могущество ума — мятеж стихий смиряло...

(С. 111)

Наконец, в словах: «ничего великолепного, кроме Невы, не украшенной еще гранитною рамою, но уже покрытой военными и торговыми судами» — также трудно не усмотреть близкого соответствия стихам Вяземского.

Разумеется, вполне вероятно, что в работе над «Петербургом» Вяземский, как позднее Пушкин в работе над «Медным всадником», учитывал «Прогулку в Академию художеств» Батюшкова. Вот почему важно отметить, что в описании «новорожденного» Петербурга в «Арапе Петра Великого» Пушкин несомненно опирается именно на «Петербург» Вяземского, а не на «Прогулку» Батюшкова: в «Прогулке» нет ни слов «по манию Петра», ни «великолепной» Невы, ни «мятежа (или «супротивления») стихий»: ⁷ текст «Арапа» здесь каждый раз ближе к Вяземскому, чем к Батюшкову.

Это делает достаточно весомым высказывавшееся, насколько мне известно, до сих пор лишь мельком, без аргументации ⁸ предположение, что «Петербург» Вяземского входит в число источников не только «Арапа Петра Великого», но и «Медного всадника». И это касается не только начальной картины Петербурга, «воздвигшегося из блат» (говоря словами Вяземского), описания Фальконетова монумента, темы «мятежа стихий», смиренного Петром, описания «стаи кораблей» и «прозрачности оград», украшающих петровскую столицу, но и более глубоких, философско-исторических мотивов обоих произведений. Вяземский писал «Петербург» при Александре I, которого он призывал продолжить дело Петра: «Петр создал подданных, ты образуй граждан!» (с. 113). В «Медном всаднике», написанном в другую эпоху, эта тема философски переосмыслена. «Гражданин столичный» здесь противопоставлен «строителю чудотворному», да и самая власть самодержца ограничена: ему не дано ни совладать с «божией стихией», ни дать счастья своим подданным. «Властелин судьбы» может смирить стихию, построить новое великое и могущественное государство, дать начало новой эпохе, символом которой является созданная по манию Петра столица, но мечта о соединении самодержавия с гражданской свободой, которая одушевляла Вяземского в «Петербурге», в 30-е годы отошла для Пушкина в далекое прошлое. «Грядущего еще не пробужденный сон» сменило ощущение глубокой трагической коллизии между государственностью, основанной Петром, и рядовым человеком.

Следует заметить, что и у Вяземского «Петербург» не был единственным прикосновением к «петербургской» теме. В 1819 г. он написал стихотворение «К кораблю», где тема Петербурга, созданного Петром, была также тесно связана с философско-исторической темой нового, «петербургского» периода русской истории, причем будущее России и здесь, как в стихотворении «Петербург», связывалось с мечтой о «смелой свободе» и «счастьи граждан» (с. 124). Позднее, когда надежды Вяземского не сбылись, отношение его к Петербургу осложнилось. В 30-х годах, в стихотворении «Разговор 7 апреля 1832 года», он, вспоминая спор с графиней Е. М. Завадовской, берет назад свои инвективы по адресу

⁷ Ср. у Батюшкова: «Законы победят самую природу» (Батюшков К. Н. Опыты в стихах и прозе. М., 1977 (серия «Лит. памятники»), с. 74).

⁸ См.: Тойбин И. М. Пушкин. Творчество 1830-х годов и вопросы историзма. Воронеж, 1976, с. 136. Ср. также: Вацуро В. Э. Пушкин и проблемы бытописания в начале 30-х годов. — В кн.: Пушкин. Исследования и материалы, т. VI. Л., 1969, с. 163, 168.

Петербургу в бальном разговоре с ней и посвящает Петербургу строки любви и признания:

Я Петербург люблю, с его красотою стройной,
С блестящим поясом роскошных островов,
С прозрачной ночью — дня соперницей безнойной,
И с свежей зеленью молодых его садов.

(С. 234)

Стихотворение, обращенное к Завадовской, появилось в печати незадолго до создания вступления к «Медному всаднику», и Пушкин сослался на него в примечании к поэме. Но в бумагах Пушкина сохранилось и стихотворение Вяземского, прямо противоположное по духу: «Я Петербурга не люблю» (1828), в котором отразилось скептическое отношение Вяземского к официальному, холодному и чиновному Петербургу николаевской эпохи.⁹ Все эти разные лики Петербурга, отразившие менявшееся с годами отношение к нему, остались в поэзии Вяземского не приведенными к единству. У Пушкина они сложным образом синтезированы в единой, глубокой философско-исторической концепции «Медного всадника».

Хорошо известно, что Пушкин особенно высоко ценил элегию Вяземского «Первый снег» (1819), которую он считал «прелестью» (XIII, 15) и о которой в 1823 г. писал: «„Первый снег“ я читал еще в 20 году и знаю наизусть» (XIII, 59). Многочисленные реминисценции из «Первого снега» в поэзии Пушкина, от стихотворений 20-х годов вплоть до «Осени» (1830), прослежены исследователями, особенно полно И. Н. Розановым, М. И. Гиллельсоном и К. И. Соколовой.

Элегию «Первый снег» Вяземский в пору ее написания считал программной. В первых же ее строках поэт севера, душе которого зима ближе других времен года, противопоставляется южному поэту — «нежному баловню полуденной природы». В письме к А. И. Тургеневу Вяземский разъяснял программное значение «Первого снега» как стихотворения русского поэта, посвященного национальному ландшафту — родной природе, воспринятой в ее неповторимой прелести и красоте.¹⁰ А. И. Тургенев в ответном письме оценил «Первый снег», но отказал ему в национальном элементе, увидев в нем скорее новую вариацию описательной поэзии в духе «Садов» Делиля.¹¹

В этой скептической оценке «Первого снега» А. И. Тургенев был неправ. Он не заметил в элегии главного — живой, горячей динамики и страстности, которые пришли на смену холодной «правильности» и статике Делиля. Вяземский насыщает картину прихода зимы внутренним движением, и это позволяет ему изобразить зиму не как время покоя и умирания природы, а как время радостей свободной и счастливой молодости, с ее порывами и дерзкими «прихотями», с вольным, «безграничным» желаньем, зовущим вдаль и вперед. Этими своими чертами «Первый снег» Вяземского подготовил такие позднейшие пушкинские шедевры, как «Зима. Что делать нам в деревне», как «Зимнее утро» (1829) и картины зимы в «Осени» (1830).

Но и сам Вяземский позднее, на другом этапе развития, стремился освоить новые, несходные пути изображения русской зимы. Задачу эту он решает в цикле «Зимние карикатуры» (1828), а еще позднее в таких стихотворениях, как «Дорожная дума» (1833) и «Еще тройка» (1834). Причем здесь Вяземский идет, вероятно, в какой-то мере уже вслед за Пушкиным — автором «Зимней дороги» (1826), где соединены поэтические темы русской зимы, дороги, тройки, смены «утомительного» и «од-

⁹ См.: Рукою Пушкина. Несобранные и неопубликованные тексты. М.—Л., 1935, с. 511—512; Гиллельсон М. И. П. А. Вяземский. Жизнь и творчество. Л., 1969, с. 274.

¹⁰ Остафьевский архив, т. I. СПб., 1839, с. 357, 376—377.

¹¹ Там же, с. 368—370.

позвучного» звона колокольчика и ямщицкой песни, удалого разгуля и сердечной тоски. Все эти темы из поэзии Пушкина постепенно переходят в конце 20-х годов в стихи Вяземского, продолжая развиваться в ней в 30-е годы.

Впрочем, Вяземский и сам был одним из первооткрывателей «дорожной» темы в русской поэзии.¹² Еще в 1818 г. Вяземский создал стихотворение «Ухаб», где темы «пути» и «возничего» приобретают расширительный, символический смысл, подготавливая в какой-то мере поэтический материал для гениальной пушкинской «Телеги жизни» (1823), не случайно, может быть, поэтому сообщенной Пушкиным именно Вяземскому в приписке к письму от 29 ноября 1824 г. (XIII, 126).¹³

Но вернемся к «Первому снегу». К этой элегии Вяземского Пушкин несколько раз обращается в «Онегине». Кроме эпитафии к первой главе, к элегии отсылает и описание зимы в четвертой главе (строфа XLIII), и начало пятой главы, где за знаменитой II строфой: «Зима. Крестьянин торжествуя...» — следует строфа, в которой «согретый вдохновенья богом» автор «Первого снега» противопоставляется творцу «Онегина», ограничившемуся в описании зимы обращением к одной «низкой» (по понятиям и эстетики Буало, и романтической эстетики) природе. Позднее и седьмая глава (строфа XXIX) открывается реминисценцией из Вяземского: «Идет волшебница-зима».

В свое время Г. А. Гуковский был склонен видеть в пушкинском описании зимы в пятой главе «Онегина» прямую полемику и чуть ли не пародию на «Первый снег».¹⁴ Мнение Гуковского повторил в несколько ослабленном виде Б. С. Мейлах.¹⁵ С ними не соглашались П. М. Бицилли,¹⁶ К. И. Соколова¹⁷ и М. И. Гиллельсон.¹⁸ Полемики, направленной против «роскошного слога» и «тонких оттенков» элегии Вяземского, у Пушкина, разумеется, нет. Но есть другое, более важное. У Вяземского в «Первом снеге» зима, ее красоты и удовольствия представлены как праздник счастливой, полной сил и здоровья молодости, Пушкин же дополняет этот образ зимы другим. «Волшебница-зима» предстает в «Онегине» в восприятии и самого поэта, и Татьяны, и крестьянина, путешествующего на дровнях, и «дворового мальчишка», посадившего в салазки Жучку, и «радостного народа» мальчишек, катающихся на коньках. Для всех них она празднична, но в этой своей праздничности многолика, поэтому и неслучайно эпитет «волшебница-зима» совмещен в «Онегине» с другим, более ласковым — «матушка-зима» (гл. 7, строфа XXX). Не только в своих стихотворениях, посвященных зиме (и, в частности, в «Зимнем утре»), но и в «Онегине» Пушкин вступает в своеобразное соревнование с автором «Первого снега», добиваясь более широкого и разностороннего изображения картин зимней природы и зимней жизни, взятых с разных точек зрения и освещенных жизненным опытом, вкусами и интересами людей разных поколений и неодинакового социального опыта. Вот почему в его обращении к Вяземскому (как и к Баратынскому — автору «Финляндии») в пятой главе таятся и восхищение, и вызов.¹⁹

¹² Это отметил М. П. Алексеев; о «дорожной теме» у Пушкина и Вяземского подробнее см.: Алексеев М. П. Пушкин. М.—Л., 1972, с. 115.

¹³ Лпнию, начатую «Ухабом», Вяземский продолжил в посвященном Д. В. Давыдову стихотворении «Катай-валей» (1820; напечатано в 1828 г.).

¹⁴ Гуковский Г. А. Пушкин и проблемы реалистического стиля. М., 1957, с. 213.

¹⁵ Мейлах Б. С. Талисман. Книга о Пушкине. М., 1975, с. 122. Ср.: Макогоненко Г. П. «Евгений Онегин». — В кн.: Медведева И. «Горе от ума» А. С. Грибоедова. Макогоненко Г. «Евгений Онегин» А. С. Пушкина. М., 1971, с. 157.

¹⁶ Бицилли П. Пушкин и Вяземский. — В кн.: Годичник на Софийския университет. Историко-филологически факултет, 1939, кн. 35, № 15, с. 30—31.

¹⁷ Соколова К. И. Элегия П. А. Вяземского «Первый снег» в творчестве А. С. Пушкина. — В кн.: Проблемы пушкиноведения. Л., 1925, с. 67—82.

¹⁸ Гиллельсон М. И. П. А. Вяземский. Жизнь и творчество, с. 278—282.

¹⁹ Высказанные мною наблюдения во многом созвучны названной выше статье К. И. Соколовой о «Первом снеге».

Любопытно, что в «Зимних карикатурах» Вяземского, написанных в 1828 г., но напечатанных в конце 1830 г., когда они были прочитаны и высоко оценены Пушкиным (XIV, 139),²⁰ в известной мере предвосхищается основной мотив «Бесов»: в стихотворении «Кибитка» метель перерастает в своеобразную «диаволиаду»; поэт, едущий зимой по России, чувствует себя отданным во власть бесам и ведьмам. Но поэт Вяземского остается остроумным, ироническим и скептическим наблюдателем, человеком скорее XVIII, чем XIX века. Он одновременно и чувствует поэзию вьюги, и отстраняется от нее насмешкой. У Пушкина же картина ночного путешествия «среди заснеженных равнин» приобретает более глубокий, поэтический смысл: разбушевавшаяся зимняя природа выступает в «Бесах» и как сила, враждебная человеку, и как нечто, понятное и близкое ему; ее переживание ямщиком и «барином»-поэтом открывает в их душах общие поэтические токи, отливается в близкие образы, подсказанные национально-мифологическим преданием и народной эстетикой, — образы, отшлифованные поэтическим опытом веков и поколений.

В 1826—1829 гг. Вяземский печатает одно за другим три стихотворения, которым придана форма «путешествия в стихах». Это написанный, вероятно, почти двумя десятилетиями раньше «Эпизодический отрывок из путешествия в стихах. Первый отдых Вздыхалова» («Московский телеграф», 1827), «Коляска» («Московский телеграф», 1826) и «Станция» («Подснежник», 1829). Оба последних стихотворения — своего рода стихотворные фельетоны, в которых, по верному замечанию Л. Я. Гинзбург, «несомненно сказался опыт „Евгения Онегина“».²¹ Но можно выразить и другое предположение. Первые главы «Онегина» помогли Вяземскому найти тот тон свободной, живой «болтовни», непринужденной беседы поэта с читателем, пересыпанной отступлениями, шутками и колкостями, который характерен для его «главы» и «отрывка из путешествия в стихах» (как Вяземский определил жанр названных трех стихотворений в подзаголовке). Появление же последних могло в свою очередь повлиять на возникший у Пушкина в 1829 г. замысел выделить путешествие Онегина в особую главу романа. Правда, в десятой главе байроновского «Дон-Жуана» есть также описание путешествия героя и даже возникает тема о состоянии английских дорог, которая в какой-то мере перекликается с соответствующими строфами, посвященными Пушкиным русским дорогам, их настоящему и будущему, в седьмой главе «Онегина».²² Но приведенный Пушкиным в примечании отрывок из «Станции» Вяземского, свидетельствующий об особом внимании Пушкина к этому стихотворению, делает допустимой гипотезу о взаимосвязи трех стихотворных отрывков из путешествия Вяземского, написанных четырехстопным ямбом, и замысла пушкинских «Отрывков из Путешествия Онегина».

Что «Станция» Вяземского оставила глубокий след в памяти Пушкина, видно не только из примечания к «Онегину». Из этого же процитированного в примечании к «Онегину» стихотворения Пушкин в 1830 г. взял эпиграф к повести «Станционный смотритель»:

Коллежский регистратор,
Почтовой станции диктатор
(VIII, 97)

(у Вяземского: «Губернский регистратор» (с. 175)).

²⁰ См. о содействии Пушкина появлению в печати «Зимних карикатур»: Алексеев М. П. Пушкин, с. 115.

²¹ Вяземский П. А. Стихотворения. Л., 1958 (Б-ка поэта. Большая серия), с. 34.

²² Подробный анализ творческого состязания и полемики Пушкина с Вяземским в связи с цитатой из «Станции» в «Евгении Онегине» см.: Алексеев М. П. Пушкин, с. 115—119. На то, что примечания Вяземского к «Станции» «вполне в духе пушкинских» и что Вяземский в известной мере пародирует в них самый жанр прозаических примечаний к поэме, писал Ю. Н. Чумаков, см.: Чумаков Ю. Н. Об авторских примечаниях к «Евгению Онегину». — В кн.: Болдинские чтения. Горький, 1976, с. 63.

Анализируя «Станционного смотрителя», исследователи «Повестей Белкина» не раз справедливо отмечали, что станционный смотритель у Вяземского воспринят автором, с одной стороны, несколько пренебрежительно — как лицо, занимающее не слишком великий чин на служебной лестнице («регистратор»). С другой же стороны, смотритель характеризуется Вяземским иначе — как «диктатор» в своем микромире, т. е. как воплощение безразличной к нуждам проезжего дворянина-путешественника «малой» власти.

Пушкин же в отличие от Вяземского делает своего смотрителя не «диктатором», а личностью с душой и сердцем. Обо всем этом очень хорошо написал С. Г. Бочаров.²³ Однако указанные верные наблюдения требуют известного дополнения.

Дело в том, что полемическая связь «Станционного смотрителя» со «Станцией» Вяземского не ограничивается противопоставлением пушкинского смотрителя, «человека», «диктатору» Вяземского.

«Станция» открывается сценой, вполне аналогичной завязке пушкинской повести. Поэт у Вяземского, едущий «русским трактом», вынужден, как и рассказчик позднейшей повести Пушкина, остановиться на почтовой станции, задержанный словами смотрителя: «Извольте ждать, нет лошадей!». Он выходит из себя, требует у смотрителя отчета, заглядывает в книгу проезжающих, узнает, нет ли лошадей в конюшне. В конце концов проезжему остается одно: сидеть до ночи в избе, глядя с раздражением на пустые стены, населенные «тьму-тараканью». И тут воображение поэта разыгрывается: «русский тракт» вызывает у него в памяти другой — хотя бы более знакомый ему польский:²⁴

По Польше и езда веселье,
И остановка не в наклад:
Иной бы и зажитья рад,
Как попадет на новоселье;
Затем, что пара бойких глаз,
Искусных в проволочке польской
(От коих он пылал и гас,
Был смел и робок в тот же час),
Так заведет дорогой скользкой,
Так закружит в нем дурь и хмель,
Что шуткой с первого присеста
Она, его не тронув с места,
Промчит за тридевять земель.

(С. 178)

Далее воображение Вяземского рисует ему «жену иль дочку комиссара», «гитару на стене крестом»,

... в рамках за стеклом черты
Героев Кракова и Вильны,
На полке — чтенье красоты,
Роман трагически умильный,

(С. 179—180)

а возле него — свежие листы газеты с политическими и биржевыми новостями.

Точность этого описания Вяземский подтверждает в примечаниях, где читателю сообщается: «... описание польской станции не вымысел стихотворца и не ложь путешественника. На многих станциях я находил то, что описал» (с. 183). Заканчивая «Станцию» описанием Варшавы, он

²³ Бочаров С. Г. Поэтика Пушкина. Очерки. М., 1974, с. 158.

²⁴ Противопоставление в «Станции» польских шоссе и отечественных ухабистых дорог отмечено М. П. Алексеевым, см.: Алексеев М. П. Пушкин, с. 115. Что «Вяземский пренебрежительно отворачивается от изображения русской станции», в то время как Пушкин, напротив, находит здесь «сюжет гуманистической повести», отметил В. В. Виноградов, см.: Виноградов В. В. Стиль Пушкина. М., 1941, с. 466—467.

предлагал Пушкину сочинить по поводу «пригожих лиц и ножек стройных» варшавских красавиц «достойные» строфы, подобные строфам первой главы «Онегина». Рисуя варшавский театр и наполняющую его публику в духе, близком пушкинской характеристике партера и сцены петербургского театра (в той же главе «Онегина»), Вяземский круто обрывает стихотворение, возвращая читателя к завязке «Станции»:

Итак, пока нет лошадей,
Пером досужным погуляю...

(С. 182)

Из моего изложения основной нити размышлений автора «Станции» и последовательно сменяющихся в его воображении картин очевидно, что в большое и многогранное содержание повести Пушкина вплетается — как одна из многих составляющих ее нитей — продолжение того поэтического диалога между обоими поэтами, который был начат Вяземским в отрывке его дорожного дневника.

«Кто не проклинал станционных смотрителей, кто с ними не бранивался? Кто, в минуту гнева, не требовал от них роковой книги <...> Что такое станционный смотритель? Сущий мученик четырнадцатого класса, огражденный своим чином токмо от побоев, и то не всегда (ссылаюсь на совесть моих читателей). Какова должность сего диктатора, как называет его шутливо князь Вяземский? Не настоящая ли каторга?» (VIII, 97). В этом знаменитом вступлении пушкинской повести содержится полемика не только с двумя стихами из «Станции», выбранными Пушкиным в качестве эпиграфа, но и со стихотворением Вяземского в целом. И далее Пушкин на протяжении всей повести продолжает этот спор.

Герой «Станционного смотрителя» не «диктатор», а «сущий мученик четырнадцатого класса». Если он не дает проезжему лошадей и задерживает его на станции — это не столько его вина, сколько беда, ибо должность его и условия жизни ставят смотрителя в положение, находясь в котором он не может поступить иначе. Но этого мало. Станция пушкинского смотрителя и его жилище — не изба с «пустыми стенами», где из щелей лезет «тмь-таракань», а «смирренная» и «опрятная обитель» (VIII, 98—99). И стены здесь не «пусты»: на них висят, правда, всего лишь простые лубочные картинки, но они имеют — если только внимательно их рассмотреть и вдуматься в их содержание, — свой глубокий нравственный смысл.²⁵

Не надо русскому путешественнику и ехать в дальние края, чтобы отыскать там те «бойкие глаза» «жены или дочки комиссаржа», которые встают в памяти поэта в стихотворении Вяземского. Обычная, скучная для Вяземского станция на «русском тракте» оказывается вовсе не скучной. Ибо здесь таится свой, не замеченный Вяземским, поэтический мир. «Большие голубые глаза» (VIII, 99) дочери Самсона Вырина могут быть не менее пленительны, чем «пыльные глаза» воображаемой дочери не русского, но другого смотрителя, которые припоминаются Вяземскому, а жизненная драма Дуни, как и жизненная драма ее старого отца, не

²⁵ Как известно, столкновение между героем и станционным смотрителем, картина ожидания лошадей и описание картинок на стенах «обители» смотрителя перенесены Пушкиным в повесть «Станционный смотритель» из более ранней незаконченной повести — «Записки молодого человека», задуманной до создания «Повестей Белкина» (VIII, 403—404). Однако это обстоятельство не может изменить наших выводов. Дата цензурного разрешения «Подснежника», где появилась впервые «Станция» Вяземского, — 9 февраля 1829 г. Отрывок же «Записки молодого человека» датируется 1829—1830 гг. (VIII, 1058) и возник, несомненно, уже после публикации «Станции». Но даже если бы мы привяли предположение, что он создавался до публикаций «Станции» и независимо от нее, полемическая функция соответствующего фрагмента в повести «Станционный смотритель» не может быть оспорена. Кстати, у смотрителя Вяземского за стеклом «герои Кракова и Вильны», у Пушкина же в рукописи повести в «обители» Вырина на стене «портрет храброго генерал-майора Кульчева и вид Хутынского монастыря».

менее интересный сюжет для русского поэта, чем рассказ о судьбе девушки-аристократки или любой другой, чужеземной красавицы.

Наконец, последнее. У Вяземского проезжий (т. е. сам поэт), соприкоснувшись на минуту чисто внешним образом на польской дороге со сморителем и его идиллическим миром, насладившись «бойкими глазами» его жены или дочери, уезжает дальше и попадает в другой мир — столичных красавиц. Оба мира — дорожный и столичный — замкнуты один по отношению к другому и не вступают в более глубокие отношения. У Пушкина же мир почтовой станции и мир столицы — это не два разных мира, а две стороны единого целого. Проезжий оборачивается Минским, а Дуня попадает в столицу. Дочь смотрителя ничем не хуже красавиц с изящными ножками, наполняющих варшавский театр, а мирная идиллия почтовой станции оказывается поколебленной, временной и неустойчивой в своем чистеньком и опрятном, но всего лишь внешне воспринятом путником идиллическом бытии: за идиллией открывается трагедия.²⁶

²⁶ Любопытна еще следующая, не отмеченная в литературе реминисценция из стихотворения Вяземского «Море» (на которое Пушкин тогда же отозвался в письме к Вяземскому от 14 августа 1826 г., посылая ему свой ответ — стихотворение «Так море, древний душегубец...» — XIII, 286—291) в «Сказке о царе Салтане» (указано Н. Н. Петрушиной). Так, у Вяземского:

На синем море волны блещут,
Лобзаются, ныряют, плещут.

(С. 192)

У Пушкина:

В синем море волны хлещут.

(III, 509)

Ср. также начальные строфы стихотворений Вяземского «Под небом голубым Италии прекрасной» («К итальянцу, возвращающемуся в отечество», 1816; опубликовано в 1821 г.) и Пушкина «Под небом голубым страны своей родной» (1826).

М. А. ТУРЬЯН

ИЗ ИСТОРИИ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ ПУШКИНА И В. Ф. ОДОЕВСКОГО

1. Вокруг «Современника»

Вопрос взаимоотношений Пушкина с ближайшими его сотрудниками по «Современнику» — Н. В. Гоголем, В. Ф. Одоевским, А. А. Краевским — до сих пор остается в числе спорных. Поэтому всякое свидетельство, хоть сколько-нибудь проясняющее эту непростую проблему, представляет особый интерес.

В 1952 г. Ю. Г. Оксман опубликовал неизвестное до того времени в печати письмо Одоевского и Краевского к Пушкину, в котором издателю «Современника» предлагался проект преобразования его журнала в связи с задуманными авторами письма однотипным с «Современником» изданием «Русский сборник». Переоценить значение столь важного документа трудно. Однако многое в нем нуждалось в комментарии; характер же интерпретации неизбежно диктовал ту или иную «реконструкцию» сложившихся к этому времени отношений корреспондентов. Предложенная тогда Оксманом концепция (о ней речь пойдет ниже), предопределявшая негативное отношение к участникам этого важного эпизода в истории пушкинской журнальной деятельности, представляется сегодня спорной и нуждается, как нам кажется, в пересмотре.

Что касается Краевского, то характер его связей с Пушкиным достаточно полно был освещен В. Орловым.¹ Кстати, он высказал мысль о том, что Краевский безвозмездно сотрудничал в пушкинском «Современнике» не без дальнего «прицела», рассчитывая, очевидно, что поэт «впоследствии вознаградит его труды сотрудничеством в том журнале, создание которого было предметом неусыпных забот Краевского в 1836—1837 годах».² История же отношений поэта с Одоевским именно в этот период кажется до сих пор не до конца проясненной — во всяком случае, противоречивость существующих точек зрения побуждает еще раз вернуться к данному вопросу.

События, стремительно и драматично развернувшиеся вокруг «Русского сборника» к концу лета 1836 г. и впрямую коснувшиеся «Современника», зрели исподволь довольно долго. Однако последовательная их нить, важные, хотя порой и едва уловимые нюансы теперь утрачены и с трудом поддаются восстановлению. Многие представляются нам сегодня алогичным или загадочным: загадка запрещения, казалось бы, заведомо благонамеренного издания, предпринятого благонамеренными издателями, соседствует с загадкой отношений внутри делового «треугольника» — Пушкин—Одоевский—Краевский, сложившихся (или не сложившихся?) к этому времени. Следует также помнить, что если контакты Пушкина и Краевского были сугубо деловыми, то с Одоевским поэта

¹ Орлов Вл. Молодой Краевский. — В кн.: Орлов Вл. Пути и судьбы. Л., 1971, с. 449—504.

² Там же, с. 458.

связывали и единый литературный и светский круг, и дружеская приязнь, омрачавшаяся, правда, временами легкой пушкинской иронией в адрес странных литературных и философских пристрастий князя. Почему Пушкина не оказалось в числе предполагавшихся участников «Русского сборника» и в то же самое время он выразил готовность активно способствовать «оживлению» «Московского наблюдателя» — по инициативе и плану тех же Одоевского и Краевского? Все эти вопросы очень значительны, ибо они касаются Пушкина и его журнального детища; они касаются, наконец, и общественной репутации одного из «честнейших и добрейших» русских писателей — Владимира Федоровича Одоевского.

Постараемся же еще раз разобраться в ситуации, сложившейся вокруг Пушкина и его «Современника» летом 1836 г. Для этого необходимо вернуться немного назад и вкратце напомнить основные предшествующие события.

В конце 1835 г. был задуман — скорее всего, П. А. Вяземским, А. В. Веневитиновым и В. Ф. Одоевским — журнал «Северный зритель», восходивший к более раннему совместному проекту Пушкина и Одоевского — «Современному летописцу политики, наук и литературы» (начало 1835 г.). В «Северном зрителе» намеревался участвовать и Пушкин, однако замысел этот не удался, что, очевидно, ускорило решение поэта обратиться за дозволением на издание собственного журнала. 14 января 1836 г. таковое было им уже получено, и вскоре появилась первая печатная информация, лаконично извещавшая о том, что «Александр Сергеевич Пушкин в нынешнем, 1836 году будет издавать литературный журнал под названием „Современник“». Все предполагавшиеся сотрудники «Северного зрителя», включая и его инициаторов, перешли к Пушкину.³

Однако это чисто литературное издание альманашного типа никоим образом не снимало вопрос об энциклопедическом журнале. Поэтому неудивительно, что идея осуществления «Северного зрителя» не угадала — ее поддержал молодой журналист А. А. Краевский при не очень активной поначалу поддержке протезировавшего ему Одоевского. Намерения свои Краевский первое время держал в тайне, но уже 16 февраля 1836 г. Одоевский писал в Москву С. П. Шевыреву: «Краевский думает с 1837 года издавать большой энциклопедический журнал (но это секрет) — и „Наблюдатель“ хорошо бы сделал, если бы к нам присоединился. Мы вам доставим нашу программу и наши условия».⁴ Краевский также делится этими планами с одним из «наблюдателей» — приятелем своим В. П. Андросовым и 4 марта получает от него ответ: «Секрет ваш я принял к сердцу. Дай бог, чтобы ваша затея не походила на многое другое на нашей святой Руси, даже и на наше <...> На „Современник“ вам надеяться не должно. Если „Современник“ будет хорош и пойдет удачно, т. е. выгодно, то едва ли Пушкин выпустит его из рук; если же обманет общие ожидания, то такое приготовление почвы будет для вас не прибыльно. Мой опытный совет — не надеяться ни на кого, заготовить самим или приготовить бедную трудящуюся молодежь».⁵ Примечательно здесь, между прочим, и другое: уже в самом начале возникла идея кооперирования с «братией московской» — довольно близкой еще в ту пору к пушкинскому окружению редакцией журнала «Московский наблюдатель», шедшего, однако, не очень успешно.

³ Все эти вопросы впервые подробно и доказательно освещены в статье: Могилянский А. П. А. С. Пушкин и В. Ф. Одоевский как создатели обновленных «Отечественных записок». — Известия АН СССР. Серия истории и философии, 1949, т. VI, № 3, с. 209—226.

⁴ Там же, с. 214.

⁵ Литературное наследство, т. 58. М., 1952, с. 291.

11 апреля 1836 г. появился первый том «Современника». Приветствуя начинание Пушкина и будучи связанным с ним предыдущими журнальными замыслами, Одоевский принял живое участие в хлопотах по изданию, хотя «ни одной строчки <...> пера» его в этом томе и не появилось: Пушкин мягко, но определенно отклонил предложенные ему отрывки, которыми был «не очень доволен», — «Сегелиель» и «Разговор недовольных». Вместе с тем, ценя публицистический дар Одоевского, во втором номере он намеревался поместить сразу две критические статьи его, причем одной из них, «О вражде к просвещению», — «дельной, умной и сильной» — собирался даже открыть том.⁶

Как известно, необыкновенно деятельно работал Одоевский в «Современнике» в период подготовки второго тома. В отсутствие Пушкина, находившегося тогда в Москве, он вместе с П. А. Плетневым взял на себя не только редакторские, но и организационные и типографские хлопоты. По всем вопросам, связанным с журналом, Пушкин в это время адресует именно к Одоевскому, предоставив все на его усмотрение. «Скажи ему (Одоевскому, — М. Т.), чтоб он печатал как вздумает», — писал поэт Наталье Николаевне 11 мая.⁷ В этом томе, в частности, как и предполагалось, была напечатана и статья Одоевского «О вражде к просвещению», которую Пушкин мыслил в качестве программной.

Именно тогда впервые появился в «Современнике» и Краевский — он был приглашен в помощь П. А. Плетневым, и сразу по возвращении из Москвы Пушкин писал молодому журналисту: «Не имею слов для изъявления глубочайшей моей благодарности — Вам и <князю> Одоевскому».⁸ Характерно, что в обращении Пушкин перепутал имя и отчество адресата (Александр Андреевич вместо Андрей Александрович) — молодой человек был еще ему едва знаком. Однако с этого времени Краевский становится деятельным помощником Пушкина — третий и четвертый номера журнала поэт готовит при его участии.

Тем не менее это обстоятельство никак не повлияло на честолюбивые помыслы Краевского о самостоятельном издании: при всей заманчивости сотрудничества с Пушкиным роль его в журнале была, естественно, второстепенной. 29 мая 1836 г. Андросов пишет Краевскому: «Хлопочите, мой любезный Андрей Александрович, кроме желанья я с своей стороны буду хлопотать для „Зрителя“, сколько мои силы и средства допустят».⁹ В дальнейшей переписке будущий журнал получает наименование «Русский сборник».

Вернемся, однако, к Одоевскому. В свое время Ю. Г. Оксманом была выдвинута получившая распространение версия о том, что в связи с проектом издания «Русского сборника» в отношениях Пушкина и Одоевского произошло заметное охлаждение, выразившееся, в частности, в демонстративном уклонении Одоевского от участия в III и IV томах «Современника».¹⁰ Эта точка зрения вызывает серьезные сомнения; подтверждают их и новые данные, которые мы можем присоединить сегодня к фактам уже известным.

Для этого обратимся к двум запискам Пушкина к Одоевскому, относившимся ранее исследователями к осени 1836—началу зимы 1837 г. Первая из них касается повестей Одоевского «Сильфида» и «Княжна Зизи».

«Конечно, „Княжна Зизи“, — пишет Пушкин, — имеет более истины и занимательности, нежели „Сильфида“. Но всякое даяние ваше благо. Кажется, письмо тестя холодно и слишком незначительно. Зато в других много прелестного. Я заметил одно место знаком (?) — оно показалось

⁶ См. письмо Пушкина В. Ф. Одоевскому от начала (не позднее 5-го) апреля 1836 г.: Пушкин. Письма последних лет. 1834—1837. Л., 1969, с. 131.

⁷ Пушкин. Письма последних лет, с. 137—138.

⁸ Письмо написано около (не ранее) 25 мая 1836 г., см.: Пушкин. Письма последних лет, с. 142.

⁹ Цит. по: Моголянский А. П. А. С. Пушкин и В. Ф. Одоевский..., с. 213.

¹⁰ Литературное наследство, т. 58, с. 294—295.

мне невразумительно. Во всяком случае, „Сильфиду“ ли, „Княжну“ ли, но оканчивайте и высылайте. Без вас пропал „Современник“». ¹¹

По нашему мнению, записка эта могла быть написана только в конце мая—июне 1836 г., и просьба Пушкина прямо связана как раз с третьим томом журнала, который он начинал в это время готовить. Мотивируется это следующим образом. Пушкин говорит о повестях Одоевского как о незаконченных, но, по всей видимости, близких к завершению, причем обращает на себя внимание тот факт, что пушкинская оценка явно несет на себе отпечаток живого, сиюминутного впечатления. Очевидно, что Одоевский дал свои произведения Пушкину на предварительный просмотр, но сделать это он мог лишь в конце мая—июне, так как Пушкин вернулся из Москвы в Петербург 24 мая (к этому времени второй том журнала был уже практически готов и печатался), Одоевский же собирался в Ревель, где и намеревался, очевидно, закончить обе повести. Уехал он вероятнее всего между 16 июня и 1 июля, ¹² и Пушкин, судя по всему, о предстоящем отъезде знал, так как только с этим обстоятельством могут быть связаны его слова «оканчивайте и высылайте» — бессмысленные, если бы оба оставались в пределах одного города. Срочность же («Без вас пропал „Современник“») может быть объяснена только необходимостью успеть получить повесть для третьего тома, который должен был выйти в сентябре.

Исследователей, однако, настораживал тот факт, что ни одна из этих повестей тем не менее при жизни Пушкина в его журнале не появилась. Но тому были свои причины. Несомненное предпочтение, отданное Пушкиным «Княжне Зизи», побудило, по всей вероятности, Одоевского сразу отказаться от мысли опубликовать «Сильфиду» в «Современнике». Только этим можно объяснить тот факт, что примерно тогда же он обещает ее Шевыреву. «На днях пришлю вам повесть, — пишет он в Москву 12 июня, — за которую пришлите мне что можете наравне с прочими, если NB это вас не разорит». ¹³ Кстати, это письмо дает известные основания для дальнейшего уточнения времени написания приведенной записки Пушкина — до 12 июня 1836 г., т. е. до отправки Одоевским письма Шевыреву. То, что речь в письме к Шевыреву идет именно о «Сильфиде», выясняется из дальнейшего: Одоевский действительно закончил повесть в Ревеле (она помечена: Ревель, 1836), 25 августа она прошла уже цензуру ¹⁴ и сразу, очевидно, была отправлена в Москву, но ее не напечатали и в «Московском наблюдателе». 23 сентября 1836 г. В. П. Андросов писал по этому поводу Краевскому: «„Сильфиду“ <...> я получил <...> но, буду откровенно говорить с вами: касса моего „Наблюдателя“ не в таком завидном состоянии к концу года, чтобы платить приличным образом за такие статьи. По одежке протягивай ножки. Что делать, мой любезный Андрей Александрович?.. Причина эта и удерживает меня печатать „Сильфиду“, которая, на мои глаза, вещь превосходная, хотя и недовольно полно развитая». ¹⁵ Кривил ли душой Андросов, скрывая истинную причину отказа Одоевскому, или говорил правду — в данном случае дело не в этом. Так или иначе, «Сильфиде» суждено было, видно, увидеть свет все же на страницах «Современника», но уже после смерти первого его издателя: повесть была опубликована в пятом, посмертном номере пушкинского журнала.

Что касается «Княжны Зизи», то ее Одоевский завершить летом 1836 г. не успел; судя по тем данным, которыми мы располагаем, закончена она была много позже и увидела свет лишь в 1839 г. ¹⁶

¹¹ Акад., XVI, 210, с датой: «Конец ноября—декабрь 1836 г.»; Пушкин. Письма последних лет, с. 158—159, с датой: «Октябрь (?) 1836 г.».

¹² См. наш комментарий к указанному письму Пушкина к В. Ф. Одоевскому от конца мая—июня 1836 г. в кн.: Переписка А. С. Пушкина, т. 2. М., 1982, с. 440—441.

¹³ ГПБ, ф. 850 (С. П. Шевырева), № 408, л. 5.

¹⁴ ЦГИА, ф. 777, оп. 27, ед. хр. 200, л. 32.

¹⁵ ГПБ, ф. 391 (А. А. Краевского), № 152, л. 45 об.

¹⁶ Впервые опубликована: Отечественные записки, 1839, т. I, отд. III, с. 3—70.

Вторая из интересующих нас записок Пушкина — в несколько строк: «Вот Вам декабрь.¹⁷ Благодарю за статью — сейчас сажусь за нее. Повесть! Повесть!».¹⁸

Написана она была, вероятно, в те же дни, что и первая, следом за ней, потому что здесь содержится настойчивое напоминание об обещанной «дани» («Повесть! Повесть!»). Что касается статьи, о которой пишет Пушкин, то в это время могла идти речь лишь о статье Одоевского «Как пишутся у нас романы». Задуманная первоначально как рецензия на роман А. П. Степанова «Постоялый двор», она предназначалась для второго тома «Современника». Однако в отсутствие Пушкина Одоевский, фактически сформировавший окончательно содержание тома, придержал ее из-за существенных переделок (скорее всего по замечаниям Пушкина), которые он, очевидно, не успел закончить в срок.¹⁹ По возвращении Пушкина из Москвы статья была ему показана в переработанном виде — по-видимому, произошло это перед самым отъездом Одоевского, так как, судя по записке, Пушкин именно поэтому и торопился прочитать ее. Не поспевшая во второй том, статья явно готовилась Одоевским в третий, где и была опубликована под названием, близким к предложенному ранее Пушкиным (пушкинский вариант: «О некоторых романах»). Таким образом, не имея возможности из-за отъезда быть помощником Пушкину в подготовке третьего тома, лепту свою тем не менее Одоевский в этот том внес.

Таковы объективные факты, касающиеся вопроса об участии Одоевского в третьем томе «Современника». Однако здесь были и иные, существенные нюансы. Одоевский безусловно, несмотря на благоговейное отношение к Пушкину и преданность ему, не чувствовал себя в его журнале «дома». Литературные вкусы и пристрастия их не совпадали. Пушкин, ценя в Одоевском публициста, в целом прохладно относился к его беллетристике, и Одоевский, как мы видели, далеко не всегда получал «приют» на страницах «Современника». С другой стороны, пушкинский «Современник» не соответствовал представлениям Одоевского об универсальном журнале, где можно было бы дать выход разносторонним — не только литературным, но и философским, и научным — интересам.

Немаловажным представляется и еще одно обстоятельство. Одоевский был небогат, жил только службой и всегда был заинтересован в литературном заработке, для него существовало. Так, посылая в «Московский наблюдатель» своего «Себастьяна Баха» и извиняясь, что не может дать его «даром», он писал С. П. Шевыреву: «... теперь открывается навигация и мне нужны книги, а ведомо вам буде, что я книги могу покупать только за те деньги, которые выручаю за свои сочинения».²⁰

Все это, конечно, поддерживало в нем стремление к самостоятельному журнальному начинанию, — стремление, подогреваемое, очевидно, в немалой степени и Краевским: без авторитетного имени и связей Одоевского ему, начинающему журналисту, было не обойтись.

Однако, как мы увидим ниже, намерения эти совершенно не исключали продолжение сотрудничества с Пушкиным.

Одоевский вернулся из Ревеля в Петербург в начале августа, и попытка осуществить издание «Русского сборника» вступила в свою последнюю фазу. Желая заручиться предварительной поддержкой, Одоевский и Краевский просили В. А. Жуковского быть ходатаем за новый журнал перед председателем Главного управления цензуры С. С. Уваро-

¹⁷ Вероятнее всего, имеется в виду декабрьский номер «Московского наблюдателя» за 1835 г., вышедший в свет в 20-х числах марта 1836 г. Пушкин, конечно, привез его из Москвы и, очевидно, препровождал Одоевскому вместе с запиской.

¹⁸ Акад., XVI, 214, с датой: «Декабрь 1836 г.—начало января 1837 г.»; Пушкин. Письма последних лет, с. 167, с датой: «Начало декабря 1836 г.».

¹⁹ См. письмо Пушкина В. Ф. Одоевскому от начала (не позднее 5-го) апреля 1836 г. и наш комментарий к нему в кн.: Переписка А. С. Пушкина, т. 2. М., 1982, с. 436—437.

²⁰ ГПБ, ф. 850 (С. П. Шевырева), № 408, л. 29.

вым. Просьбу Жуковского обещали уважить, и 16 августа в Цензурный комитет было подано официальное прошение. К этому времени первоначальный проект ежемесячного энциклопедического журнала преобразовался в квартальник типа «Современника»; правда, при этом установка на «энциклопедичность» сохранялась. Возможно, такая трансформация явилась результатом предварительных переговоров, и будущим издателям во имя полученных гарантий²¹ пришлось своими планами поступиться.

Параллельно с хлопотами о собственном издании и в связи с ними Одоевский и Краевский обратились к Пушкину с предложением о преобразовании «Современника». Детально разработанный план преобразования они изложили в совместном письме, с упоминания о котором мы начали наше изложение. Теперь, чтобы остановиться на нем подробно, необходимо вкратце напомнить его содержание. Сводится оно к следующему: основываясь на том, что «существование двух журналов, в одном и том же духе издаваемых, может только вредить им обоим», Одоевский и Краевский предлагали Пушкину преобразовать «Современник» в ежемесячный журнал энциклопедического характера, в котором они на правах соиздателей хотели бы всецело оставить за собой «ученую часть», Пушкину же отдать в полное распоряжение литературную. При этом авторы проекта брали на себя и все хозяйственные хлопоты. Поставленные условия, по мысли публикатора письма Ю. Г. Оксмана, предполагали отстранение Пушкина от общественно-политической части издания, что было, по его мнению, «глубоко продуманной тактической операцией». Такая точка зрения дала Ю. Г. Оксману основание расценить письмо как ультиматум, предъявленный Пушкину с тем, чтобы в угоду правительству ограничить издательскую и редакторскую независимость поэта, как попытку «купить его безоговорочную капитуляцию перед Уваровым». Согласно предположению исследователя, замысел «Русского сборника» возник и формировался втайне от Пушкина, и Пушкин предложенные ему условия отверг. В этой ситуации Одоевскому и Краевскому «ничего больше не оставалось, как уйти из „Современника“, передав Уварову все материалы, необходимые для утверждения их в правах редакторов-издателей „Русского сборника“». И лишь запрещающая издание резолюция Николая I — «И без того много» — избавила Одоевского и Краевского от противопоставления „Современнику“ затеянного ими рептильного органа».²²

Таким образом, роль Одоевского — кстати, полностью отождествленная Оксманом с ролью Краевского, — выглядела в этой истории, по мнению исследователя, весьма неблагоприятно. Его позиция по отношению к Пушкину была определена как резко оппозиционная и по существу своему реакционная. Более того, логика очерченных отношений в качестве естественного и неизбежного финала предполагала полный разрыв. Между тем на память сразу приходят общеизвестные факты, тому противоречащие: и сердечный тон ноябрьских—декабрьских (1836 г.) писем Пушкина к Одоевскому, с которым он, судя по всему, поддерживал самые тесные отношения, и деятельное участие Одоевского в подготовке — еще совместно с Пушкиным — пятого тома «Современника», и попытка его выступить осенью 1836 г. на страницах «Московского наблюдателя» в защиту Пушкина и его журнала. Лицемерие же, как известно, решительно было не в характере Одоевского, и подозревать его в этом просто невозможно.

Если учесть к тому же изложенную выше «предысторию», есть все основания предположить, что дело обстояло, очевидно, несколько иначе, и указанные, как и многие другие, моменты в концепции Ю. Г. Оксмана

²¹ На первой странице программы «Русского сборника», поданной в Цензурный комитет, имеются пометы рукой С. С. Уварова: «От В. А. Жуковского» и «Много обещано» (см.: М о г и л я н с к и й А. П. А. С. Пушкин и В. Ф. Одоевский. . ., с. 217).

²² Литературное наследство, т. 58, с. 295.

нуждаются в фактическом уточнении. Позиция его вызывала уже неоднократно возражения,²³ однако она нашла и своих сторонников.²⁴ Правда, ни те, ни другие ни разу не возвращались к тексту самого письма (лишь Р. Б. Заборова внесла в него частное, но очень существенное текстологическое уточнение),²⁵ и попыток иного его прочтения с тех пор предпринято не было. Именно это в первую очередь мы и попытаемся сделать.

Прежде всего, как явствует из текста самого письма, Пушкину было хорошо известно как о замысле «Русского сборника», так и о типе предполагавшегося издания: «Русский сборник» в письме не назван впрямую; о программе же его лишь напоминает вскользь, а вовсе не сообщается впервые («существование двух журналов, в одном и том же духе издаваемых»). Следовательно, ни о каких «тайных» кознях за спиной Пушкина речь идти не может, тем более что и идея реорганизации «Современника» также была довольно широко известна. 29 августа 1836 г. А. Ф. Воейков писал по этому поводу Краевскому: «О, как я молю бога, чтобы осуществились слухи, по которым вы, соединясь с Пушкиным и Одоевским, примете с наступающего нового года живое участие в „Современнике“, не имеющем и полуроста иногородних подписчиков! Тогда издавайте его в 24, а не в 4-х книжках».²⁶ К этому свидетельству вездесущего журналиста в данном случае стоит прислушаться, так как похоже, что оно могло явиться отголоском разговоров о согласии Пушкина на реорганизацию «Современника». Во всяком случае основные факты предложенного Пушкину проекта переданы в письме Воейкова точно: преобразование журнала намечалось осуществить начиная со следующего, 1837 г. и соиздателями его названы трое: Пушкин, Одоевский и Краевский.

Здесь заново возникает проблема датировки письма, от которой в значительной мере зависит решение важнейшего вопроса о его интерпретации. Как известно, авторская дата в нем отсутствует; Ю. Г. Оксман датировал его началом августа 1836 г. Эта дата опиралась как раз на понимание письма как «угрозы» и «ультиматума», и она представляется сомнительной.

В поисках ответа вновь обратимся прежде всего к самому письму. Императивное его начало: «Убежденные в том, что существование двух журналов, в одном и том же духе издаваемых...» — заставляет предположить, что у корреспондентов Пушкина были известные основания не сомневаться в успехе задуманного предприятия. Такая уверенность, как мы видели, могла появиться у них лишь перед самой подачей официального прошения, когда им была обещана поддержка Уварова, т. е. около 16 августа, а еще вероятнее, после заседания Цензурного комитета, состоявшегося 17 августа. Удостоверившись, «что предполагаемое издание сходствует с обыкновенными повременными сочинениями», члены Цензурного комитета не высказали со своей стороны возражений и постановили об окончательном «дозволении сего журнала представить на высочайшее государя императора разрешение».²⁷ С этого момента вплоть до отказа, последовавшего ровно через месяц — 16 сентября — и явившегося для Одоевского и Краевского полной неожиданностью, у них не было оснований сомневаться в успехе. Эта уверенность и нашла свое прямое выражение на страницах письма к Пушкину, и написано оно могло быть скорее всего в этот период. Если же предположить, что приведенное выше

²³ См., например, резонные возражения М. И. Гиллельсона (в кн.: Вадуро В. Э., Гиллельсон М. И. Сквозь «умственные плотины». М., 1972, с. 214—215, 312), который, опираясь на новые данные, строит совершенно иную, чем у Оксмана, картину отношений Пушкина и Одоевского. Ср. также: Заборова Р. Б. Незданные статьи В. Ф. Одоевского о Пушкине. — В кн.: Пушкин. Исследования и материалы, т. I. М.—Л., 1956, с. 313—342.

²⁴ См.: Еремин М. Пушкин-публицист. Изд. 2-е. М., 1976, с. 408—412.

²⁵ Заборова Р. Б. Незданные статьи В. Ф. Одоевского о Пушкине, с. 328.

²⁶ Отчет имп. Публичной библиотеки за 1891 г. СПб., 1894, Приложение, с. 3—4.

²⁷ Цит. по: Могилянский А. П. А. С. Пушкин и В. Ф. Одоевский..., с. 219.

письмо А. Ф. Воейкова действительно явилось отголоском слухов о письме Одоевского и Краевского Пушкину, то время написания последнего можно ограничить концом августа. При этом естественно предположить, что издатели нового журнала вовсе не ставили осуществление своего проекта в связь с согласием или несогласием Пушкина на преобразование «Современника», а значит и не предъявляли ему никаких ультиматумов — в этом для них просто не было необходимости.

Нельзя при этом игнорировать, очевидно, и тот немаловажный факт, что отказано было в самостоятельном издании двум наиболее активным сотрудникам пушкинского журнала — отказано, несмотря на всю кажущуюся их благонадежность и наличие высоких ходатаев. Была ли это, как склонны иногда думать, простая случайность? Вряд ли. Стоит внимательнее приглядеться и к тому, как — несколько странно для покровителя — повел себя Уваров.

Это становится особенно наглядным, если обратиться к «келейной» записке Одоевского и Краевского Уварову, сопровождавшей представление «Русского сборника», — записке, которую, кстати, им так часто инкриминируют. Обращает на себя внимание и то, как она озаглавлена: «Записка об издании книги под названием „Русский сборник“, с принадлежащим к нему Литературным Летописцем», — и самое ее начало: «„Русский сборник“ не принадлежит собственно к периодическим изданиям, как по малому числу своих томов, так и потому, что не выходит в срочное время, и, следовательно, издатели на основании общих узаконений могли бы издать сие собрание статей обыкновенным порядком, без предварительного дозволения правительства...».²⁸ Далее следуют уклончивые объяснения по поводу того, отчего авторы «Записки» все же решились обратиться в официальные органы за таковым «дозволением», всячески стараясь при этом отвести напрашивающиеся подозрения в том, что затевается именно журнал, а не некое «издание», как они его туманно называют. Однако совершенно явно видно, что это была лишь наивная уловка — явно потому, что ни ей, ни заверениям в благонамеренности не поверили. Помета Уварова на проекте «Русского сборника»: «Это просто Журнал — а программа сходствует со всеми программами Журналов» — по существу означала, что он акцентирует внимание как раз на том, что авторы проекта всячески старались завуалировать и что в царившей тогда в печати «свинцовой» атмосфере неминуемо должно было поставит новое предприятие под угрозу. Так оно и произошло. Не случайно, что именно это определение нового издания — «журнал» — дважды прозвучало и во «всепоподданнейшем» докладе министра Николаю I. При самой, казалось бы, успокоительной характеристике будущих издателей здесь говорилось, что «Главное управление цензуры не нашло препятствия к позволению этого журнала, тем более что принимающие на себя обязанность главных редакторов, будучи известны с весьма хорошей стороны по образу мыслей и способностям, подают надежду, что предпринимаемый ими журнал будет иметь хорошее направление».²⁹ Не наносился ли тем самым скрытый и тонко продуманный удар Пушкину? Этот вывод, прямо противоположный оксмановскому, напрашивается невольно. В противном случае трудно вообразить себе Уварова и Николая I защитниками интересов поэта — против Одоевского!

Чтобы иметь возможность объективно оценивать сложившуюся ситуацию, необходимо учесть еще два момента: прежде всего, существовала полная неясность относительно дальнейшей судьбы «Современника», разрешенного лишь на один год. После выхода в свет первых двух номеров недостатки журнала дали уже о себе знать; ограниченность тематического диапазона невольно ориентировала его лишь на узкий, элитарный круг — широкой читательской аудитории «Современник» не за-

²⁸ Там же, с. 218.

²⁹ Русская старина, 1903, № 3, с. 588—589.

воевал. Кстати, это сразу подметил Белинский. Он же, между прочим, предрек и «неуспех» журналу, т. е. невозможность его «нравственного влияния на публику» в силу самого характера издания, обуславливающего необыкновенно долгие интервалы между книжками; это он считал главным недостатком «Современника». ³⁰ В этой связи уже высказывалось мнение о том, что проект преобразования «Современника», предложенный Одоевским и Краевским, «отвечал интересам Пушкина». Не исключено, что он мог возникнуть и как следствие каких-то предварительных общих разговоров с ним. ³¹ Кроме того, остается совершенно неизвестной и реакция на письмо самого Пушкина — во всяком случае никаких свидетельств (кроме косвенного — Воейкова) тому не сохранилось, и, следовательно, судить о том, отверг ли он сделанное ему предложение или нет, мы не можем. Представляется вероятным также, что Пушкин мог отложить окончательное обсуждение предложенного ему проекта до получения Одоевским и Краевским официального разрешения на новое издание. Неожиданное же запрещение не только не облегчило положения Пушкина, поставленного перед необходимостью принятия кардинальных решений, но, напротив, необычайно его усложнило. Дело в том, что вслед за резолюцией Николая I 28 сентября был издан специальный указ о запрещении каких бы то ни было ходатайств на издание новых журналов. ³²

По воспоминаниям И. И. Панаева, «с этой минуты никакие просьбы о новых журналах не принимались и существовавшие журналы стали перепродаваться за значительные суммы». Очевидно, уже после отказа в издании «Русского сборника» — еще до последовавшего за этим цензурного циркуляра — обстановка в редакции «Современника» воцарилась тревожная. Высочайшее запрещение означало не только крах далеко идущих планов Краевского или давней мечты Одоевского о собственном энциклопедическом журнале; реальная угроза нависла и над «Современником». В этих условиях Пушкин, еще только что отказавшийся от участия в «Русском сборнике» — вероятнее всего, по причине заботы прежде всего о портфеле собственного журнала, — солидаризируется с Одоевским и Краевским в возобновленных ими переговорах с «наблюдателями» о получении хотя бы частичных издательских прав на уже существующий, по вот-вот готовый развалиться журнал. Еще в конце мая 1836 г. Андронов писал Краевскому: «Если <...> вы не добудете вашего „Зрителя“ — то мы поговорим по обстоятельнее о „Наблюдателе“». Это уже дело начатое и пока что идет как-нибудь и может идти лучше. ³³ Однако характерно, что лишь в тревожные сентябрьские дни идея эта обрела конкретные очертания и вылилась в конкретные переговоры несостоявшихся издателей «Русского сборника», представлявших на этот раз не только личные интересы, но и интересы пушкинского круга, с москвичами. 25 сентября С. П. Шевырев, еще не ведавший грозы, приветствуя в письме к Краевскому новый журнал и признаваясь в неизбежности близкой «тризны» по «Московскому наблюдателю», предлагал «всем собраться, уложить самолюбие, сделать уступки в выгодах, да основать издание решительно хорошее». ³⁴ А уже через три дня, 28 сентября, в день выхода злополучного указа, Одоевский садится за примечательное письмо в Москву к тому же Шевыреву, в котором, напротив, вместо «тризны» предлагает конкретные варианты «оживления» «Наблюдателя» с по-

³⁰ Белинский В. Г. Полн. собр. соч., т. II. М., 1953, с. 179; см. также с. 233—238.

³¹ См. доклад В. В. Ерофеева на Третьей Пушкинской конференции в июне 1951 г.: Известия АН СССР. Отделение литературы и языка, 1951, т. X, вып. 5, с. 521—522. См. также: Заборова Р. Б. Незданные статьи В. Ф. Одоевского о Пушкине. — В кн.: Пушкин. Исследования и материалы, т. I. Л., 1956, с. 329; Пушкин. Письма последних лет, с. 437; Орлов Вл. Молодой Краевский, с. 460.

³² Могиланский А. П. А. С. Пушкин и В. Ф. Одоевский..., с. 219—220.

³³ Цит. по: Орлов Вл. Молодой Краевский, с. 473.

³⁴ Там же, с. 467—468.

мощью петербуржцев. Среди них в первую очередь Одоевский называет, кроме себя, Жуковского и Краевского, — Пушкина. Вряд ли Одоевский давал это ответственное обещание Шевыреву без предварительного согласия поэта. Если так, то становится очевидным, что сотрудники «Современника», включая и его издателя, в сложившейся ситуации начали предпринимать серьезные и активные поиски журнальных «резервов»: возможность получить разрешение на выход «Современника» в следующем году представлялась безнадежной, «Московский наблюдатель» же в таком разрешении не нуждался. В этой мысли утверждает нас и тот факт, что в числе других вариантов Одоевский предлагал Шевыреву и частичный перевод издания «Московского наблюдателя» в Петербург. Очевидно, вариант этот также предварительно обсуждался в узком пушкинском кругу, во всяком случае ясно, что Одоевский выступает с этим предложением не только от своего лица: «... будемте издавать пополам — одну книжку вы, другую мы, — пишет он Шевыреву, — или же одну часть вы, а другую мы».³⁵ Любопытно, что спешные переговоры с Москвой подкреплялись параллельно и перепиской Краевского с Андросовым, ответившим 1 ноября своему корреспонденту принципиальным согласием, — именно они оба и явились авторами основного проекта перевода «Наблюдателя» в Петербург.³⁶ Как видим, в данном случае почти одновременно с событиями вокруг «Русского сборника» Пушкин, Одоевский и Краевский вновь выступили единым фронтом. Все это делает маловероятным предположение о разрыве отношений между Пушкиным и Одоевским в результате истории с «Русским сборником».

Факты личных дружеских контактов Пушкина с Одоевским на протяжении последних месяцев жизни поэта общеизвестны и не нуждаются здесь в повторении. Представляется даже, что в этот период отношения их стали особенно тесными. Предприняв осенью 1836 г. попытку выступить на страницах «Московского наблюдателя» в защиту Пушкина и его «Современника», Одоевский настойчиво объяснял Шевыреву, что напечатать его статью «весьма не худо».

На основании собранных фактов Р. Б. Заборовой высказывалось предположение, что в «борьбу с журнальными врагами Пушкина Одоевский вступил с ведома и одобрения самого поэта».³⁷

Все это говорит о том, что истории с «Русским сборником» следует рассматривать как один из примечательных и весьма характерных эпизодов в истории журналистики 1830-х годов. Выделяется он, пожалуй, лишь своим накалом и драматической развязкой, едва не сказавшейся самым пагубным образом на пушкинском «Современнике». Ведь не случайно, по свидетельству Жуковского, Пушкин объявил подписку на свой журнал на 1837 год, не имея на то формального права. Это был шаг дерзости и отчаяния, — шаг, в котором, кстати, своей помощью в подготовке первого «нелегального» тома его поддержал Одоевский.

2. «...Видел я скромную отшельницу...» (из комментария к переписке)

Поздней осенью 1833 г., добравшись, наконец, до Болдина после странствий по пугачевским местам, Пушкин писал оттуда Одоевскому: «Теперь донесу вашему сиятельству, что, будучи в Симбирске, видел я скромную отшельницу, о которой мы с вами говорили перед моим отъездом. Не дурна. Кажется, губернатор гораздо усерднее покровительствует ей, нежели губернаторша. Вот все, что мог я заметить. Дело ее, кажется, кончено».³⁸

³⁵ См. письмо В. Ф. Одоевского С. П. Шевыреву от 28 сентября 1836 г.: ГПБ, ф. 850 (С. П. Шевырева), № 408, л. 7—9. Частично опубликовано: Могилянский и А. П. А. С. Пушкин и В. Ф. Одоевский..., с. 220.

³⁶ Подробнее см.: Орлов Вл. Молодой Краевский, с. 473—474.

³⁷ См.: Заборова Р. Б. Незданные статьи В. Ф. Одоевского о Пушкине, с. 330.

³⁸ Письмо от 30 октября 1833 г. (XV, 90).

Долгое время считалось, что речь в этом письме идет о Екатерине Алексеевне Одоевской, матери писателя, бывшей вторично замужем за Павлом Дмитриевичем Сеченовым и, по свидетельству П. И. Бартенева, «терпевшей от мужа неверность».³⁹ Однако по внимательном прочтении подобное объяснение кажется зыбким и не очень убедительным, и многое в этом коротком пассаже остается загадочным. Настораживает, прежде всего, игривый, почти фривольный тон письма, вряд ли уместный и позволительный, если бы речь действительно шла о матери Одоевского. Неизвестным было до сих пор и самое существо «дела», происшедшего вдали от Петербурга, но каким-то образом близко касавшегося все же Одоевского, если он решил выбрать Пушкина — в ту пору лишь светского своего знакомого — в поверенные и прибегнуть к его содействию. Правда, способствовало тому стечение обстоятельств: собираясь в Оренбуржье, Пушкин намеревался побывать и в Симбирске, гражданским губернатором которого был А. М. Загряжский, дальний родственник Н. Н. Пушкиной. О его «покровительстве» «скромной отшельнице» и пишет поэт Одоевскому.

Все эти сомнения явились естественным стимулом дальнейших поисков действительной «героини» таинственного «дела». В «большом» академическом (XVII, 249, 399), а ранее в десятитомном собрании сочинений Пушкина было названо новое имя — некоей Варвары Ивановны Кравковой, бежавшей из родительского дома в Симбирск, в монастырь, с помощью отчима Одоевского.⁴⁰ Комментарий по необходимости ограничился этими скудными сведениями, делавшими историю еще более загадочной. В самом деле, какова связь между Одоевским, услугой, оказанной Сеченовым какой-то неизвестной Кравковой, и симбирским губернатором Загряжским? Что должен был «заметить» Пушкин в доме последнего по просьбе Одоевского? Совершенно очевидно, что строки пушкинского письма наводят нас на один из неизвестных эпизодов биографии Одоевского, в который — думается, в числе немногих — оказался посвященным Пушкин. Более того, строки эти неожиданно открывают не выходящую до сих пор на поверхность весьма существенную сторону семейных отношений писателя.

Обратимся, однако, к документам.

Из объяснительной записки П. Д. Сеченова:⁴¹ «По находжению моему в городе Саранске в должности полицмейстера девицу Варвару Ивановну Кравкову узнал я в Саранске в квартире ее родных в последних числах минувшего ноября месяца, когда они проезжали к родственнику своему г-ну Метальникову в Ардатовский уезд, да вскоре после того еще случайно там же видел в гостях зятя их Метальникова в селе Репьевке, куда я заехал по знакомству с ним по пути, отправляясь к новой должности моей в г. Сызрань».⁴²

Тут по случаю бывших именин сына Метальникова и по убеждению их пробыл я 6-е, 7-е и 8-е числ сего месяца...».

Из объяснительной записки В. И. Кравковой:⁴³ «Там (в Репьевке, — М. Т.), заметив он (Сеченов, — М. Т.) печальный вид мой и задумчивость, с видом сострадания спрашивал меня о причине оною; а как я со

³⁹ А. С. Пушкин. Новонайденные его сочинения..., вып. 2. К биографии А. С. Пушкина. М., 1885, с. 113, примеч. 7.

⁴⁰ Пушкин А. С. Полн. собр. соч. в 10-ти т., т. X. М.—Л., Изд. АН СССР, 1949, с. 727 (комментарий И. М. Семенко).

⁴¹ ГПБ, ф. 539 (Одоевского), оп. 2, № 1453, л. 1—3 (копия). Записка без даты и без указания адресата, но, судя по ее содержанию, а также по переписке Сеченова с Одоевским этого периода, написана она была, как и первая объяснительная записка В. И. Кравковой, в десятых числах декабря 1832 г.

⁴² В литературе укоренилась ошибочная версия, согласно которой П. Д. Сеченов служил в это время в Симбирске градоначальником (см.: Пушкин. Письма, т. III. 1815—1833. Под ред. и с примеч. Л. Б. Модзалевского. М.—Л., 1935, с. 654; Черейский Л. А. Пушкин и его окружение. Л., 1975, с. 283). Этой должности он никогда не занимал, а был лишь на короткое время — осенью 1833 г. — прикомандирован к симбирской полиции (см.: ГПБ, ф. 539 (В. Ф. Одоевского), оп. 2, № 988, л. 34).

⁴³ ГПБ, ф. 539, оп. 2, № 1453, л. 1—2 (копия).

временем хотя краткого знакомства нашего слышала от всех похвальный отзыв о благородстве в поступках и склонности к добру, а особенно о сострадании к несчастным, то без всякого сомнения открыла ему непреодолимое желание посвятить себя единственно богу в каком-либо монастыре, сказав ему о том, что хотя я и убеждала на увольнение меня моих родных не один раз, но они о том и слышать не хотели; вместе с тем просила его увести меня тайно в Симбирск, где я поступлю в монастырь и родителей моих о том уведомяю...».

Далее, по показаниям обоих, разنجимся лишь в незначительных, но характерных деталях, события развивались следующим образом. Несмотря на отговоры Сеченова, представлявшего молодой девице «тягость монашесствующих» и «тяжкую горестъ» родных (показания Кравковой) и предупреждения, что тайный их отъезд и совместное путешествие могут вызвать «злосычные толки» (по словам Сеченова), Кравкова все же настояла на своем. Тогда, простившись с хозяевами, Сеченов раздобыл тройку и на рассвете следующего дня тайно подкатил к дому Метальникова, где в условленный час его уже ждала беглянка. Дорогоу они, как явствует из обоих объяснительных записок, «нигде не останавливались, ни даже для ночлега и отдыха, кроме перемены лошадей» и, прибыв в Симбирск вечером следующего дня, устроились на ночлег в разных местах. Однако вслед беглецам уже неслась погоня — брат Кравковой, корпуса инженеров прапорщик Дмитрий Кравков, настиг их в Симбирске и, во всеуслышание обвинив саранского полицмейстера в похищении его сестры и «оскорблении чести рода», потребовал поступить с ним «по всей законной строгости». Ранним утром, поднятые со своих постелей, предстали Сеченов и Кравкова перед симбирским губернатором А. М. Загряжским. Сеченов, поддержанный виновницей происшествия, пытался отвести от себя обвинения в «соблазнении» девицы, как человек, «обязанный супружеством, чему едва ли есть пример между людьми низкого класса». Кравкова уверяла, что, не согласись Сеченов на ее просьбу, она «решилась бы на всякую крайность». Не открыв, однако, «тайную причину» своего поступка, она повторила губернатору желание «посвятить себя богу», дабы просить «небесное благословение» для всех своих родных, а себе — прощение их за «невозвратное навсегда удаление» в «святую обитель». Смирная, но непреклонная воля «скромной отшельницы» немедленно была исполнена — стараниями губернатора ее определили в Спасский женский монастырь.

Однако «дело» «об оскорблении рода» Кравковых на этом отнюдь не закончилось. Кравковы требовали возмездия. Началось разбирательство, принимавшее для П. Д. Сеченова все более угрожающий характер. На пути к новой должности городничего в Сызрани, куда он держал путь, возникло злополучное село Репьевка — в Сызрань его теперь не пускали. Расследование возглавлял сам Загряжский, и отношения с ним у Сеченова складывались не лучшим образом. Вначале, казалось, все шло «довольно сносно», но затем, по уверению «обвиняемого», губернатор «по одной лишь трусости и мягкости <...> характера совершенно все испортил», дав «делу» «другое направление». Через четыре недели, т. е. примерно в начале января 1833 г., в Петербург министру внутренних дел Д. Н. Блудову была отправлена составленная Загряжским докладная об этом чрезвычайном происшествии, без всяких, по словам Сеченова, «защищающих» его подробностей и с «недопущением до должности».⁴⁴ Однако Сеченов, предчувствуя недоброе, принял свои меры — одновременно с докладной министру в Петербург полетела от него к влиятельному сыну «просьба с приложенными бумагами» с тем, чтобы тот непременно доставил их «по принадлежности». Правда, при этом Сеченов горделиво отказывался от заступничества Одоевского, считая, что «правое» его дело и без того оправдает его «пред лицом <...>

⁴⁴ Письмо П. Д. Сеченова В. Ф. Одоевскому от 25 января 1833 г., см.: ГИБ, ф. 539, оп. 2, № 988, л. 15.

высшего начальства, которое имеет в виду одно лишь сострадание <...> и добрые наклонности к несчастной жертве». ⁴⁵ Между тем история эта, дававшая столь богатую пищу для кривотолков, приняла уже скандальную огласку и с поразительной быстротой достигла столицы. Фигурировало в ней и имя Одоевского как ближайшего родственника «героя» происшествия.

Тем временем выяснились новые подробности. 16 января 1833 г. В. И. Кравкова написала на имя симбирского полицмейстера еще одну объяснительную записку:

«От вступившей в Спасский монастырь из дворян девицы Варвары Иванковны дочери Кравковой». ⁴⁶

По требованию вашего высокоблагородия имею честь объяснить, что мое непреодолимое желание было вступить в монастырь с того самого дня, <как> ⁴⁷ я узнала решительный отказ, сделанный моими родителями сватавшемуся за меня князь Роману Петровичу Сагиану, ⁴⁸ к которому я питала чувства моей страстной любви <...> Сия причина и столь жестокая побудила положить на себя клятву переменить жизнь и посвятить себя богу...».

В тот день, когда девица Кравкова открыла, наконец, «тайную причину» своего удаления в «святую обитель», из Петербурга в Сызрань было отправлено письмо — достойное, чтоб привести его полностью.

В. Ф. Одоевский писал П. Д. Сеченову: ⁴⁹ «До меня дошли слухи, почтеннейший Павел Дмитриевич, что вы в Симбирске для своей защиты употребляете мое имя, рассказываете о моем небывалом влиянии в Министерстве, что чрез меня вы получили место и пр. пр. Вы не можете себе представить, до какой степени эти слухи меня огорчили; а когда они дойдут до министра, тогда произведут самое невыгодное и для меня, и для вас действие; такое самохвальство с моей стороны, воспользовавшись его благосклонностью к моим работам, есть такое для меня уничижение, которого бы я ввек не желал испытать. Я предвидел это пред вступлением вашим в службу. Я знал, как понимают это всегда в провинциях; я тысячу раз толковал вам на письме и на словах, что я решительно не имею никакого влияния в Министерстве и никогда не захочу иметь его, ибо это не мое дело, что мое дело это работать, работать и только, что благосклонность министра ко мне есть благосклонность начальника к чиновнику, усердно трудящемуся, а совсем не та благосклонность, какую понимают в провинциях, где не понимают другой службы, кроме интриг и происков; что если б я и захотел когда-нибудь решиться на какие-либо происки, то они не произвели бы никакого действия на моего начальника; и что, следовательно, вам никогда не должно надеяться на мое предстательство и заступничество <?> как по характеру моего начальника, так и по собственному моему характеру. Вы пренебрегли моими советами и поставили меня в самое мучительное положение. Я не смею глаз показать министру теперь уж; вообразите себе, что будет тогда, когда он будет иметь все право назвать меня самохвалом; сколь приятно мне будет это состояние — разыгрывать пред моим начальником ролю лицемера, который во зло употребляет его снисхождение, торгует им; и кому же — мне? Мне, человеку, который осмеливается ⁵⁰ громко смеяться над интриганами и пройдохами и во всеуслышание презирать их? Нет! ввек я не думал дойти до такой степени унижения. — Вы знаете, Павел Дмитриевич, что я не богат, не имею сильных родных, — имею одно: мое чистое, честное, незазорное имя, которое я ни от кого не получил, но приобрел сам и беспрестан-

⁴⁵ ГПБ, ф. 539, оп. 2, № 988, л. 14.

⁴⁶ Там же, № 1453, л. 5 об.

⁴⁷ Восстановлено по копии.

⁴⁸ По всей видимости, это искаженная фамилия грузинских князей Асатиани.

⁴⁹ ГПБ, ф. 539, оп. 2, № 1459, л. 2—3 (копия рукой О. С. Одоевской).

⁵⁰ Текст от слов: «громко смеяться...» до слов: «имею одно: мое...» вписан рукой Одоевского.

ным следованием за собою и разными пожертвованиями. Как вам известно — все мне вздор, и имение, и места, кроме моего имени. — Именем бога, пощадите его, мое единое сокровище, уважайте его и не бросайте его людям, которых один язык будет уже для меня осквернением. Не удивитесь, если вы вслед за сим письмом получите от меня уведомление, что я подал в отставку. Вы знаете мои правила: я не могу служить более с начальником, которого лишусь доверенности. — Мы не поняли с вами друг друга, почтеннейший П<а>вел Д<м>итриевич.

Повторяю вам мой совет: действовать в вашем деле просто, не напрашиваясь в Сызрань, не ссориться с губернатором. Одна правота вашего дела и прямота ваших поступков может спасти вас.

Растолкуйте мне, ради бога, какую выгоду имеют Кравковы преследовать вас, я этого понять не могу. Вы пишете мне о том, о чем нечего писать, а о нужном умалчиваете».

Очевидно, что письмо это и бумаги, посланные из Симбирска в Петербург, разминувшись в пути; не зная еще об отстранении отчима от должности, Одоевский наугад адресовал письмо по месту нового его назначения, но оно попало к адресату спустя лишь четыре месяца. . . Тем не менее, в силу особых — не только родственных — обстоятельств, связывавших писателя с Сеченовым, письмо это является уникальным в своем роде документом, ярко характеризующим личность Одоевского. Но оно требует особого комментария.

Безупречность и щепетильность Одоевского в вопросах чести и долга общеизвестны, и страх его за свое доброе имя, замешанное в истории весьма двусмысленного свойства, понятен — с этой точки зрения, казалось бы, в письме не открывается ничего нового. Однако на самом деле все обстояло гораздо сложнее. Одоевский попал в трудное положение. Страстная его отповедь Сеченову требовала известного мужества, так как, дойдя письмо до адресата вовремя, оно могло бы повлечь за собой неприятные для Одоевского последствия. «Как вам известно, все мне вздор, и имение, и места, кроме моего имени», — смысл этих слов должен был быть хорошо понятен Сеченову. Упоминание об имении было самым больным. Родовое гнездо Одоевских Никольское в Ветлужском уезде Костромской губернии да 443 души при нем давно были заложены в Московском опекуновском совете и именно сейчас, в разгар описываемых событий, должны были быть перезаложены с тем, чтоб погасить хотя бы необходимейшие из многочисленных долгов. Управлял делами имения П. Д. Сеченов — на него возлагалась вся надежда. Еще до злополучной истории с Кравковой у Одоевского с отчимом было, очевидно, условлено, что тот едет в Никольское и Москву для нелегких хозяйственных и юридических хлопот. Более того, ему предстояло «принять в опеку» и имение Сергея Степановича Ланского, тогдашнего владимирского и костромского губернатора и брата Ольги Степановны Одоевской. Материальное положение Одоевских было к тому времени критическим. Незадолго до того, в конце декабря, Одоевский писал отчиму: «Я новый год встречаю в полном смысле без гроша. Судите о моем положении — закладывать ни мне, ни жене уже больше нечего; все ее брильянты и серебро в ломбарде». И здесь же просьба повидаться с некими Гандини (очевидно, займодавцами), рассказать им о поездке в Ветлугу и заверить, «что первые деньги будут для них».⁵¹

В этой ситуации письмо Одоевского приобретает особую значимость.

Однако, как мы сказали, волею случая оно попало к адресату много позже. К концу же января, когда дело Кравковой было уже отправлено

⁵¹ ГПБ, ф. 539, оп. 2, № 1459, л. 7 об. Письмо не датировано, но есть все основания предполагать, что оно было написано 20 декабря 1832 г., так как в своем письме Одоевскому от 14 февраля 1833 г. Сеченов писал: «...о себе решительно ничего не знаю и от вас от 20 декабря ни слова не имею» (там же, № 988, л. 18); об этом же говорится в письме от 21 февраля (там же, л. 7—8). О том, что Сеченов имеет в виду цитируемое нами письмо Одоевского, свидетельствуют его февральские письма.

в Петербург и оставалось только ждать решения судьбы «высшим начальством», Сеченов покидает «проклятый город Симбирск» и отправляется, как и предполагалось ранее, в Никольское. Теперь он может писать Одоевскому «прямее и откровеннее». Как бы предваряя вопрос о причине преследования Кравковых, Сеченов сообщает пасынку, что это — «семейство распутное, пьяное и буйное» и что он по вине губернатора стал жертвой людей, «понимающих лишь одно золото». «... а которого у меня, — продолжает он, — было не очень много, то мы и не сошлись, да и считал за ненужность кому-либо дать».⁵² Позже в письме к другу-конфиденту он живописал Кравковых еще выразительнее, почитая дом их средоточием «распутства и всякого гнусного разврата, пьянства и нахальства, до такой степени доходившего, что кавалеры сего семейства позволяли себе ходить полунагими и врать с плеча по имени»; и посреди этого «развратного общества» — «девушка образованная, милая, с чувством высокой добродетели».⁵³ Именно такую версию Сеченов усиленно поддерживает и в письмах к Одоевскому, считая, что «за правду и помочь доброму человеку есть <...> обязанность и святой долг» его пасынка.⁵⁴

Всю зиму и весну Сеченов — то в Никольском, то в Костроме и Москве — рьяно занимается имением Одоевского, находившегося, судя по всему, в весьма плачевном состоянии. «С помощью бога надеюсь в мой приезд <...> удержать имение в порядочном распоряжении, — пишет он в феврале в Петербург, — предохраня их от голода и смерти», ибо Костромская губерния «в бедствии», и «все степные давно едят мякину».⁵⁵ «В имении твоём я нашёл бесхлебие», — сообщает он Одоевскому в другой раз.⁵⁶

«Меда для вас приготовленного 2 пуда нашёл в Никольском и разругал, что его к вам не послали <...> грибов, рыжиков и груздей ни у кого не нашлось, даже и у старожил господ помещиков ветлужских, но маленькую кадочку авось мы с Баевым отыщем»,⁵⁷ — примерно к этому, очевидно, и сводился весь доход от имения, так как в остальном, как жаловался Сеченов, «с тощим народом» ему было «не сладить», да и попытки спасти положение, похоже, ничего лучшего не сулили: «Олену Легоновну я успокоил, — писал он Одоевскому 21 февраля, — равно и Гандини получит, но то жаль, что, кажется, тебе ничего не останется».⁵⁸

Сеченов регулярно и подробно сообщает Одоевским ход хозяйственных дел и со все нарастающим беспокойством и настойчивостью, в ожидании «верного известия», в каждом письме вопрошает, «к чему <...> должен себя готовить».

Одоевский, однако, упорно молчит. Томясь неизвестностью, видя, что «убедительнейшие просьбы» не имеют должного действия, Сеченов пытается подстегнуть пасынка иным способом. «Жду непременно твоего ответа в Москву, — пишет он, направляясь туда из Костромы, — и дотолпе не выеду, пока не узнаю чего-нибудь о себе доброго или худого <...> в Москве же мне необходимо по твоим делам остаться дней 10».⁵⁹ Через неделю — еще настойчивее: сообщая, что те же — по делам Одоевского — хлопоты могут его удержать в Москве, заявляет, что рискует из-за этого «по службе получить неудовольствие»; а посему он просит:

⁵² Письмо от 25 и 27 января 1833 г., см.: ГПБ, ф. 539, оп. 2, № 988, л. 15.

⁵³ ГПБ, ф. 539, оп. 2, № 988, л. 112—112 об. (копия). Имя адресата неизвестно. Письмо — очевидно, не полностью — сохранилось в бумагах В. Ф. Одоевского в копии, сделанной его рукой и частично рукой О. С. Одоевской с пометой: «Выписка из письма сызранского городничего Сеченова» (там же, л. 112—113).

⁵⁴ ГПБ, ф. 539, оп. 2, № 988, л. 15 об.

⁵⁵ Письмо от 3 февраля 1833 г., см.: ГПБ, ф. 539, оп. 2, № 988, л. 16.

⁵⁶ Письмо от 14 февраля <1833 г.>, см.: ГПБ, ф. 539, оп. 2, № 988, л. 18 об.

⁵⁷ Письмо от 3 февраля 1833 г., см.: ГПБ, ф. 539, оп. 2, № 988, л. 17 об.

⁵⁸ ГПБ, ф. 539, оп. 2, № 988, л. 7 об.—8.

⁵⁹ Письмо от 14 февраля <1833 г.>, см.: ГПБ, ф. 539, оп. 2, № 988, л. 18—18 об.

«... ради бога, напиши в Симбирск чрез кого-нибудь поубедительнее, я по сие время от 20 декабря решительно не знаю ничего ни о тебе, ни о себе и делах моих, поспеши меня чем-нибудь порадовать».⁶⁰ И, наконец, 27 февраля сообщает о том, что, кажется, не может остаться без ответа: «К святой вместо яйца надеюсь прислать квитанции из Совета к вам в выкупе имения».⁶¹

Одоевский, мучимый, очевидно, сомнениями и двойственностью положения, все еще медлил с ответом. Если вспомнить свидетельство П. И. Бартенева о том, что Екатерина Алексеевна Одоевская «терпела от мужа неверность», то, вероятно, и у ее сына были основания сомневаться в интерпретации событий отчимом. Не случайно закончил он свое январское письмо Сеченову характерным упреком: «Вы пишете мне о том, о чем нечего писать, а о нужном умалчиваете». Истинная подошлека дела все еще оставалась для него неясной — хотя, похоже, бумаги, присланные отчимом, были им внимательно изучены. Во всяком случае на копии объяснительной записки В. И. Кравковой, сохранившейся в его архиве, значитесь карандашная помета его рукой: «Объяснение девицы» Кравковой»; тем же карандашом в тексте отчеркнуты места, свидетельствующие в пользу невинности Сеченова.⁶² Так или иначе, но официальный Петербург по-прежнему хранил молчание — вплоть до мая, когда симбирский губернатор получил, наконец, уклончивое министерское предписание «озаботиться скорым окончанием дела Сеченова». Сам же Сеченов к этому времени возвращается в Симбирск, и здесь-то и получает письмо Одоевского от 16 января. Письмо это, очевидно, всерьез испугало его своей суровостью и максимализмом, так как в спешном своем ответе он просит князя «не расстраивать» его со всем «семейством и их расположением дорогам», без чего жизнь ему «будет в тягость и на всю <...> жизнь упреком». В том же письме, выражая недоумение по поводу того, что в Петербурге происшествие его принято «за событие ужасного и невероятного», Сеченов приводит новые доказательства своей «невинности», сообщая при этом, что «дело хотя и медленно идет», но «чисто и ясно» его оправдывает.⁶³ Во всяком случае он уже допущен если и не в Сызрань, то «до окончания должности» в один из ближайших городов Симбирской губернии. Однако при столь, казалось бы, со слов Сеченова, безусловной его правоте расследование подвигалось все же подозрительно медленно, и лето не принесло существенных сдвигов.

Тон писем Сеченова заметно меняется. «Изнуренный ожиданием», он заверяет пасынка, что готов делать для него что только может «доброе», лишь бы тот не оставил его. Параллельно сыпятся просьбы хлопотать о его назначении то в Вышний Волочек, то в Рыбинск — последняя просьба прикрыта наивно-лукавым мотивом близости Рыбинска к имению князя, что позволило бы ему, Сеченову, еще прилежнее блюсти интересы Одоевского. Сызрань, хотя все еще недосыгаемая, казалась тем не менее Сеченову недостойной его возможностей.

10 сентября 1833 г. в день, когда в Симбирск прибыл Пушкин, Сеченов в отчаянии сообщал Одоевскому о том, что расследование только лишь теперь передано из земского суда в уездный, что этому «конца не будет», и просил «научить», что ему делать. При этом он по-прежнему заверяет «любезного друга князя Владимира Федоровича», что дело его «столь чисто и столь справедливо», что «не могут ни к чему при-

⁶⁰ Письмо от 21 февраля <1833 г.>, см.: ГПБ, ф. 539, оп. 2, № 988, л. 7 об.

⁶¹ Письмо от 27 февраля <1833 г.>, см.: ГПБ, ф. 539, оп. 2, № 988, л. 21. Имение, однако, выкуплено не было. В 1836 г. оно было переведено в Петербургский опекунский совет (см. письмо Одоевского к С. П. Шевыреву от 12 июня 1836 г.: ГПБ, ф. 850 (С. П. Шевырева), № 408, л. 4—6), а к 1852 г. продано для уплаты долгов (см. формулярный список В. Ф. Одоевского на 1852 г.: ЦГИА, ф. 472, оп. 34, ед. хр. 20, л. 146—148).

⁶² ГПБ, ф. 539, оп. 2; № 1453, л. 1—2 (копия).

⁶³ ГПБ, ф. 539, оп. 2, № 988, л. 10—11.

цепиться», в противном случае его «давно бы упекли в уголовную и определили бы в угодность Кравкова им назначенное <...> наказание», так как у того «карманы толсты», а у него, Сеченова, «едва-едва дышут».⁶⁴

Еще раньше, зимой, когда «дело» только началось, Сеченов неоднократно и настойчиво подсказывал Одоевскому верный путь к благополучному исходу: «Опять тебе повторяю, князь, — писал он в феврале, — найти кого-нибудь поважнее для Загряжского и написать обо мне <...> попроси, кто с ним знаком, кого просьба подействует на Загряжского и тем ко мне будет снисхождение».⁶⁵ Возникло имя губернатора в его письмах к пасынку и позже. Судя по течению «дела», тогда Одоевский его просьбе не внял. Неожиданная же поездка Пушкина в Симбирск, родственные отношения его с Загряжским, в доме которого он предполагал остановиться, — все это было едва ли не единственной и слишком соблазнительной возможностью получить, наконец, сведения о происшедшем из верных рук. Видно, о большем, т. е. о прямом ходатайстве перед губернатором, речь не шла и на этот раз. Судя по всему, версия отчима по-прежнему вызывала у Одоевского недоверие, и неслучайно. Спустя почти год Пушкин неожиданно внес в нее совсем иные акценты, существенно меняющие картину, и хотя бы отчасти объясняющие, отчего щекотливое это дело так затянулось и приняло столь неприятный оборот, с разбирательством в земском и уездном судах, отстранением Сеченова от должности, даже угрозой ареста, отчего оно дошло до Петербурга — до самого министра внутренних дел Д. Н. Блудова, лично входившего в его разбирательство и решавшего судьбу отчима другого своего подчиненного — князя В. Ф. Одоевского.

Уже по окончании «дела» Сеченов, все еще переживавший его перипетии и волнованный восстановлением своей репутации, сообщая о случившемся одному из близких своих друзей, писал между прочим следующее: «Сей девице от роду 22 года; не думай, чтоб была красавица, совсем нет, но мила, любезна, умна и добра, вот что заставило меня впутаться в столь неприятное дело <...> поверь моей чести, что одно сострадание было виною исполнения с моей стороны ее требования».⁶⁶ «Не дурна» — коротко, но выразительно охарактеризовал девицу Кравкову Пушкин, и это его свидетельство — думается, безусловно достоверное — невольно бросает тень сомнения на пылкие уверения Сеченова в «одном сострадании». Далее у Пушкина — как бы в подтверждение впечатления, произведенного на него Кравковой: «Кажется, губернатор гораздо усерднее покровительствует ей, нежели губернаторша». Слова эти не менее определенно должны были объяснить Одоевскому и причину непомерно горячего участия Загряжского в судьбе новоиспеченной послушницы, принятой в губернаторском доме, невзирая на атмосферу скандала вокруг ее имени.

Не забудем, что Пушкину история Кравковой была уже известна от Одоевского — разумеется, в версии Сеченова, основного его информатора. Как видим, быстрый и верный пушкинский глаз уловил иное... В таком контексте самое его определение «скромная отшельница» приобретает едкий и иронический смысл. Обращает на себя внимание и тот факт, что в пушкинском письме вовсе не упоминается Сеченов — разговор с Одоевским перед отъездом был лишь о «скромной отшельнице». Возможно, Одоевский догадывался, что разгадка истины — в личности таинственной «героини», и на это в первую очередь была направлена его просьба к Пушкину.

К моменту появления поэта в Симбирске история Кравковой все еще не утратила своей остроты. Напротив, как раз во время его пребывания там симбирское общество получило новую пищу для разговоров: бежал

⁶⁴ Там же, л. 34—35.

⁶⁵ Письмо от 3 февраля (1833 г.), см.: ГПБ, ф. 539, оп. 2, № 988, л. 17 об.

⁶⁶ ГПБ, ф. 539, оп. 2, № 988, л. 113 об.

от отца в Грузию простым солдатом брат Варвары Ивановны Дмитрий Кравков; мать их, получив наследство, решила оставить мужа и жить отныне «с изгнанниками», о чем написала дочери в монастырь, сказав при этом о своем супруге много дурного. Письмо это ходило в Симбирске по рукам — к несомненной выгоде Сеченова, как документ, немало говорящий в его пользу. Думается, эти последние обстоятельства положили начало перелому в отношении к незадачливому саранскому полицмейстеру; даже сам архиерей оказал ему честь своим посещением, да и губернатор стал принимать в нем «сильное участие» и сожалеть, что так его «изуродовал».⁶⁷

Все это, очевидно, и дало Пушкину основание счесть дело фактически конченным, хотя формально оно протянулось еще до декабря.

К концу сентября Одоевский сообщил Сеченову, что тот «оправдан в мнении <...> министра»,⁶⁸ а 22 декабря из Симбирска в Петербург было отправлено последнее торжествующее письмо:

«Любезный друг, князь Владимир Федорович, — писал Сеченов, — наконец мое дело кончено и самой уголовной палатой признано допустить меня до должности <...> Я, словом, оправдан пред целым миром в моей невинности и принят в лучшее общество как человек, пострадавший без вины».⁶⁹

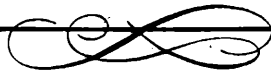
История, длившаяся ровно год, причудливо вовлекшая в свою орбиту Одоевского, едва не подавшего из-за нее в отставку, Пушкина, министра Блудова, история, распространившаяся от безвестного села Репьевки Ардатовского уезда до Симбирска и Петербурга, подошла, наконец, к финалу. Думается, «герои» ее в известном смысле были достойны друг друга. Пушкин уловил это с поразительной точностью. Не сказав почти ничего — сказал все. И теперь, верно, уже другими глазами будем мы читать его игривые строки: «Видел я скромную отшельницу...».

⁶⁷ Там же, л. 34—35.

⁶⁸ Там же, л. 37.

⁶⁹ Там же, л. 51.

В. Э. ВАЦУРО

К БИОГРАФИИ В. Г. ТЕПЛЯКОВА

1

Среди поэтов пушкинского окружения Виктор Григорьевич Тепляков (1804—1842) занимает место не вполне обычное — как по особенностям своего таланта и направлению творчества, так и по своей романтической биографии. Не вполне обычными были и его взаимоотношения с Пушкиным. Его стихи и проза попадают в поле зрения Пушкина в самом начале 1830 г., а может быть, и ранее, в конце 1829 г., когда начинаются цензурные хлопоты о стихотворении «Странники», предназначенном для «Северных цветов» на 1830 г.¹ Об этом стихотворении Пушкин и Дельвиг отозвались с большой похвалой; с самим же автором в это время они еще не знакомы: стихи, по всей вероятности, были переданы О. М. Сомову, занимавшемуся делами альманаха, братом поэта, Алексеем Тепляковым.²

В январе 1830 г. «Литературная газета» печатает «Письмо русского путешественника из Варны» — будущее первое «Письмо из Болгарии» Теплякова, пронизанное пушкинскими ассоциациями и реминисценциями, и снабжает его редакционным примечанием: «Откровенный рассказ, живой слог, поэтический взгляд на предметы и веселое равнодушие в тех случаях, когда судьба была неприветлива к сочинителю, — вот отличительный характер его писем, которые, без сомнения, понравятся читателям „Литературной газеты“». ³ В. В. Виноградов предполагал в этом примечании — прежде всего в «семантически остром сочетании слов, вроде: веселое равнодушие» — следы пушкинской редакции.⁴

В мае того же года Сомов сообщал в «Литературной газете»: «В. Г. Тепляков, коего произведения в стихах и прозе знакомы читателям „Литературной газеты“, намерен также будущей осенью издать свои „Фракийские элегии“, написанные во время его пребывания в стране, которой имя они носят. Числом их будет десять. Мы имели случай читать некоторые из них отрывки, отличающиеся верностью описаний, живостью воображения, богатые чувством и прекрасными стихами».⁵ Это издание задержалось на шесть лет: первую элегию, «Отплытие», Тепляков напечатал впервые в «Северных цветах» на 1831 г., вторую, «Томис» (об Овидии), — в «Одесском альманахе» на 1831 г.; остальные появились в первый раз во втором сборнике «Стихотворений Виктора Теплякова» в 1836 г.

Тем не менее к маю 1830 г. в тесном редакционном кругу «Литературной газеты» «Элегии» Теплякова были известны в рукописи, хотя,

¹ См.: Вацуро В. Э. «Северные цветы». История альманаха Дельвига—Пушкина. М., 1978, с. 190, 270.

² См. письма Сомова В. Г. Теплякову: Русская старина, 1896, № 3, с. 659 и след.

³ Литературная газета, 1830, 26 января, № 6, с. 41.

⁴ Виноградов В. В. Проблема авторства и теория стилей. М., 1961, с. 425—426.

⁵ Литературная газета, 1830, 26 мая, № 30, с. 244.

вероятно, и не полностью. Это обстоятельство существенно: оно объясняет нам тот повышенный интерес, который проявляет Пушкин к неизвестному поэту. Через несколько дней после выхода анонса Сомов пишет Теплякову: «Пушкин, князь Вяземский, барон Дельвиг и Зайцевский вам кланяются: все они называют вас своим знакомцем по чувствам и таланту».⁶

Поклон Пушкина был передан заочно: с середины марта 1830 г. он был в Москве. 7 июня 1830 г. он видится с М. П. Розбергом, знавшим Теплякова по Одессе, жившим с ним в одном доме, и не упускает случая подробно расспросить о нем.⁷ В этих расспросах ощущается обостренный интерес, вероятно, не столько к поэту, сколько к личности человека, с «веселым равнодушием» встречавшего превратности судьбы. Этот своеобразный драматический колорит всего творчества Теплякова Пушкин мог почувствовать и в «Странниках», и в любом фрагменте «Фракийских элегий» и «Писем из Болгарии». Поэт изгнаний и крушений, несостоявшихся надежд, измен и разочарований, Тепляков, казалось бы, должен был стоять в одном ряду с эпигонами элегической школы, но он отличался от них разительной и мироощущением, и умонастроением, и тем ярко выраженным индивидуальным, автобиографическим началом, которое явственно проступало даже за традиционной формулой и ситуацией. Самая ирония Теплякова, иной раз переходящая в гротеск, иной раз в лиризм, придавала особые черты его лирическому герою, за которым постоянно угадывалась личность автора.

И автор, и герой были порождением исторического времени. Социальные бури разразились над головой Теплякова; движение декабристов, разгром его и события последующих лет определили его личную и писательскую судьбу; не будучи участником движения, он оказался втянутым в него силою обстоятельств. Все это проецировалось в его поэзию: и изгнанник Чайльд Гарольд, и лирический герой пушкинской элегии «Погасло дневное светило», и Овидий, и тюремные мотивы лирики получили в ней особый, индивидуальный смысл. Пушкин не мог не улавливать этого смысла, который привлекал его тем более, что прямо накладывался на его собственный литературный и биографический опыт. Отсюда шел обостренный интерес к поэту, которого он знал пока только по его стихам; однако уже в 1830 г. Пушкин, как мы видели, мог получить о нем некоторую информацию если не из первых, то во всяком случае из вторых рук. К моменту знакомства с Тепляковым — в мае — июне 1835 г.⁸ — он, вероятно, знал о нем достаточно, чтобы вступить с ним в близкий контакт, о котором мы можем судить по недавно опубликованному дневнику Теплякова.

Что же мог знать о нем Пушкин?

10 сентября 1820 г. бывший студент Благородного пансиона при Московском университете Виктор Тепляков был зачислен юнкером в Павлоградский гусарский полк, стоявший в это время в городе Аткарске Саратовской губернии, и выехал к месту назначения.⁹

Он совершил крутой поворот на жизненной дороге, о причинах которого мы ничего не знаем. Перед ним открывалась более или менее спокойная будущность чиновника Архива Министерства иностранных дел, «архивного юноши», какими стали многие из его сверстников-пансионеров, литератора, историка. Он писал стихи, знал несколько языков

⁶ Письмо от 31 мая 1830 г., см.: Русская старина, 1896, № 3, с. 662. В публикации ошибка в дате (указан 1831 г., что противоречит и контексту письма, и реалиям: в мае 1831 г. Дельвига не было в живых). Точная дата дана в кн.: Виногоград в В. В. Проблема авторства и теория стилей, с. 426.

⁷ См.: Бычков Ф. А. Виктор Григорьевич Тепляков. (Биографический очерк). — Исторический вестник, 1887, № 7, с. 19.

⁸ См.: Фрейдель Е. В. Пушкин в дневнике и письмах В. Г. Теплякова. — В кн.: Пушкин. Исследования и материалы, т. VI. Л., 1969, с. 276—283 (здесь же указания на предшествующую литературу).

⁹ См. формулярный список Теплякова: ИРЛИ, 9276(1) III 16 19, л. 9—10.

и был начитан в редких исторических источниках. Все это было совершенно излишне для гусара, хотя бы и лейб-гвардейского.

Тем не менее он сделал свой парадоксальный шаг — первый, и, как увидим, далеко не последний. 30 января 1822 г. он получил чин корнета. Стихотворства он не оставил: через пять лет он напечатает маленькое стихотворение («Новое чувство»), датированное 1822 г.¹⁰ Пока же он, кажется, не делает никаких попыток увидеть свое имя на страницах столичных журналов. Подобно юному Лермонтову он пишет для себя; молчаливая, напряженная работа совершается вдали от посторонних глаз. Почти вся она пропала для нас; в сохранившихся бумагах Теплякова творческие рукописи — исключительная редкость. Случай ли, умысел родных или сам он позаботился о том, чтобы скрыть от потомства историю своего духовного и поэтического созревания, — этого мы тоже не знаем. И читателю, и историку Виктор Тепляков явился внезапно и уже сложившимся поэтом, открыв им лишь тот уголок своего внутреннего мира, который счел нужным, и так, как счел нужным, предоставив догадываться об остальном. Лишь по случайно сохранившимся рукописям мы можем заключить, что Тепляков переносил в свои поздние произведения целые фрагменты из ранних: в его элегии «Эски-Арнаутлар», например, есть большой кусок из ненапечатанной им поэмы «Бонифаций». Десятилетием позже так будет поступать Лермонтов.

Эти дошедшие до нас рукописи Теплякова представляют особую ценность и интерес: они отчасти приоткрывают завесу, которой — вольно или невольно — отгородился от внешнего мира будущий «русский Мельмот», ныне корнет лейб-гвардии Павлоградского полка, пишущий стихи в запатанном городке Аткарске Саратовской губернии.

В бумагах графа Д. И. Хвостова — неутомимого собирателя литературных материалов — хранится обширное «Послание к моему сослуживцу», написанное Тепляковым, вероятнее всего, в 1823 г.

Это элегическая исповедь больного и унылого поэта, полная вздохов и сожалений. «Вахх» и «Цитера» истощили его дух и ослабили тело; «бледные Парки» уже готовы оборвать нить его жизни, и даже музы оставили его и не внемлют его мольбам. Жалобы его неподдельны, но на них брошен иронический флер. Он шутит и одновременно ропщет на судьбу и ищет сочувствия у своего адресата. Сослуживец же его, забыв о страдающем поэте, предается сибаритству со всем упоением вовсе не провинциальной роскоши:

Меж тем, как в дорогом
Ты шлафроке, мечтая
С газетою в руке;
Иль, пышный поправляя
Янтарь на чубуке,
Рассевшись по-султански,
Табак американский
В богатой трубке жжешь;
Или Сеид-пашою
С Гильнарою младою
Ты мокский кофе пьешь;
Иль, в золоте сияя
С любимой бирюзой,
Покалом потрясая —
О мой гусар лихой!
Вино румяно пенишь
В прозрачном хрустале,
Твердя, что не изменишь
Бутылкам на столе.

Гусар оьянен близостью возлюбленной; в сладострастных сценах ночного свидания мир для него преображается: «наемная краса» — Фекла предстает ему волшебницей Альциной из «Неистового Роланда»

¹⁰ Славянин, 1827, № 55, с. 189.

Ариосто, «угол хаты» — хрустальным замком. Наступает рассвет — и с ним возвращается реальность:

Уж не Альцину боле
В своей счастливой доле
Ты нежною рукой
В чертогах обнимаешь:
Нет, Феклу ты ласкаешь
В избе своей курной!¹¹

В этом послании, конечно, очень много литературной условности. Молодой поэт подражал Батюшкову — и в дружески-интимном тоне, и в антично-итальянском реквизите, и в самом изображении героев, стилизованных под батюшковских эпикурейцев. И стих послания, и его образность, и фразеология восходят к «Моим пенатам» и посланию «К Жюковскому» Батюшкова. Но Тепляков не сохранил одного — гармонической непринужденности, которой так славился его учитель. Батюшков поэтизировал быт, у Теплякова же грубая и вульгарная реальность безраздельно торжествует над поэтической фантазией. «За наслажденья рая Альцину награждая Серебряным рублем...» — это почти гротеск. Уже теперь, в 1823 г., дисгармоническая нота явственно слышна в неокрепшем еще поэтическом голосе.

Эпикурейское послание было адресовано гусару Павлоградского полка, читавшему Ариосто и «Корсара» Байрона, откуда в послание пришли имена Гюльнара и Сеида. Мы можем назвать его имя: это был, несомненно, Петр Павлович Каверин, известный приятель Пушкина, бывший геттингенец, друг Чаадаева и Н. И. Тургенева, адресат пушкинского послания. Нам известно, что в полку между ним и Тепляковым установилась близкая дружеская и литературная связь.

Следом этой связи остались обращенные к Теплякову письма Каверина, опубликованные более восьмидесяти лет назад. Они относятся к 1823—1825 гг. Итак, Тепляков застал уже «позднего» Каверина — не того, которого знал Пушкин. Поэтический портрет Каверина — «повесы», «шалуна», «мучителя красавиц», вечно томимого «скифскою жаждою», — портрет, созданный Пушкиным не без воздействия гусарской лирики Д. В. Давыдова, — отразился в «Послании к моему сослуживцу». В письмах к Теплякову предстает иной Каверин — постаревший и разочарованный. «Мое существование кончилось, и я живу не знаю для чего, ничего не желая, в туманном сне воспоминаний; счастье, приятности меня давно забыли, и я об них знаю, как об азбуке, по которой меня читать учили».¹² Это не случайная цитата, это лейтмотив. Только письмо от 4 декабря 1824 г. он пишет в какой-то эйфории: в его «холодной, мертвой жизни» «расцвел цветок» позднего, давно не испытанного чувства. «Неужели и это очарование жизни продолжится, как и первое, только 8 месяцев и кончится смертью? неужели я всегда должен носить с собою отпечаток несчастья?». «Это листок для одного вас», — прибавляет он и через два месяца снова напоминает: «...ежели встретитесь с нашими общими знакомыми, обо мне и о моем счастье или заблуждении — прошу ни слова».¹³

Не совсем обычны эти жалобы, эта интимная исповедь. Не так, казалось бы, должен писать тридцатилетний майор, прошедший войну, проведший в столице бурные годы юности, двадцатилетнему поручику едва с пансионской скамьи. Что-то связывало их ближе, чем полковое знакомство; что-то давало основания младшему наполнять свои письма упреками за скрытность и «таинственность», а старшему оправдываться, расспрашивать о дальнейших планах и намерениях, остерегать, советовать, журить за неосмотрительность. Каверин не случайно называл Теплякова

¹¹ ИРЛИ, ф. 322, № 71, л. 279, 281 об.

¹² Русская старина, 1896, № 2, с. 428, 429—430.

¹³ Там же, с. 429, 430.

своим «старым товарищем», хотя общение их в полку продолжалось не более двух с половиной лет: уже 14 февраля 1823 г. Каверин вышел в отставку «по болезни».¹⁴

Они стали не столько сослуживцами, сколько друзьями. Каверин обладал счастливой способностью привязывать к себе людей. Он вызвал когда-то у Николая Тургенева порыв экзальтированной геттингенской дружбы, почти влюбленности. Но он умел и привязываться сам и подчинялся чужому дарованию. Так он подчинился дарованию юного Пушкина и уже несколько лет собирал его стихи, опубликованные и ходившие в списках; он вписал в свою тетрадь «Деревню», «Оду на свободу», «К Чаадаеву», поэму о «кочующем деспоте», «Свободы сеятель пустынный».

Эти стихи он, конечно, показывает Теплякову. Поэзия связывает их и сближает еще более. Переписка их полна именами поэтов: «Каков Фонтан?»; «Читали ли вы Пушкина — „Братья разбойники“? Хорошо очень»; «Каков Онегин? Какова в „Северных цветах“ „Недоверчивость“ Крылова и песня Дельвига „Наяву и в сладком сне...“».

24 июня 1824 г. Каверин сообщил подробности о смерти Байрона, прочитанные в немецких газетах. Судьба Байрона занимала их обоих, и Тепляков уже писал ему о своем впечатлении от трагического известия. Каверин отвечал так, как будто Тепляков сочувствовал его личному горю. «За последнее письмо особенно благодарю — из него видно, что вы понимали, любили и почитали умершего. Пишите еще ко мне».¹⁵

По этим поздним отзвукам мы можем представить себе, как проходили их встречи. «Послание» дает нам дополнительные штрихи. И еще одну сторону их общения мы сможем восстановить, если обратимся к политической биографии Каверина ближайших лет.

Ликвидация Союза благоденствия, ослабление связей с прежними друзьями из декабристской среды не переменили образа мыслей Каверина. В августе 1825 г. в доме калужского помещика Панина он во всеуслышание порицал «гнусное и притеснительное правление» в России, отсутствие законов и самую личность Александра. Юнкер Порфирий Курилов слышал его разговор со своим шурином Щербининым «про какую-то секту»: «Скоро желание нашего Союза исполнится...». Курилов запомнил и стихи, читавшиеся при этом, — «Паситесь, мирные народы» — знаменитую «басню» Пушкина «Свободы сеятель пустынный».

Арестованный по делу братьев Критских, Курилов показал, что Каверин вместе с отставным капитаном Ф. О. Дунаевским приглашал на ужин офицеров и юнкеров и читал им агитационные песни Бестужева и Рылеева, «Деревню» и «Вольность» Пушкина и многое другое «мерзкого содержания», хваля при этом казненных заговорщиков.¹⁶

Со слов родных Теплякова — в частности, брата Аггея, разделившего с ним в ближайшие годы превратности судьбы, — биограф его Ф. А. Бычков сообщил, что Каверин ввел его в «члены одной масонской ложи», что, «имея знакомства в среде военного мира», Тепляков был «близок со многими лицами, причастными к декабрьскому бунту 1825 года».¹⁷

«Секта», «союз», «масонская ложа». Не исключено, что речь идет об одном и том же. Многие из декабристов были масонами; в кишиневской ложе «Овидий», в ложе «Избранного Михаила» в Петербурге вызревали втайне семена заговора. Масоном был Пестель. Масонами вернулись из

¹⁴ См.: Щербачев Ю. Н. Приятели Пушкина Михаил Андреевич Щербинин и Петр Павлович Каверин. М., 1913, с. 43.

¹⁵ Русская старина, 1896, № 2, с. 428—430; Сборник старинных бумаг, хранящихся в музее П. И. Щукина, т. X. М., 1902, с. 467.

¹⁶ См.: Мандрыкина Л. А., Цявловская Т. Г. Распространение вольнолюбивых стихов Пушкина Кавериним и Щербининым. — Литературное наследство, т. 60, кн. 2. М., 1956, с. 400; Мандрыкина Л. А. Кругок вольнодумцев 1826 г. — В кн.: Пушкин и его время, вып. 1. Л., 1962, с. 310—316.

¹⁷ Бычков Ф. А. В. Г. Тепляков, с. 6.

Геттингена Каверин и Николай Тургенев. Каверин был там мастером ложи «Августа Золотого циркуля». Когда масонские ложи были строжайше запрещены в России, Каверин не отрекся; он продолжал относиться к масонству «со слепым доверием» и даже хранил в своих бумагах сборник масонских песен.¹⁸ Вполне вероятно, что он приобщил к масонству своего молодого друга, но столь же несомненно, что этот «братский союз» их был окрашен в цвета политической оппозиции.

Если мы обратимся к творчеству Теплякова этой поры, мы найдем такому выводу весьма красноречивые подтверждения.

2

Среди бумаг Теплякова, составляющих остатки его архива, находится рукопись, озаглавленная «Бонифаций. Часть II». Это все, что осталось от поэмы, «писанной в 1823 году», как гласит помета под текстом. К этой поэме нам следует присмотреться внимательнее.

Бонифаций III Кастилланский был одним из ревностнейших защитников свободы Прованса, когда Карл Анжуйский возглавил крестовый поход против альбигойцев. В XIII в. он стал во главе восставшего Марселя. Он был воином и поэтом, писавшим сатиры и воинственные сирвенты, побуждавшие к возмущению и обличавшие нерешительных. Тепляков читал о нем в «Литературной истории трубадуров» Милло, в «Общей истории Прованса» Папона и в знаменитой книге Симонда де Сисмонди «О литературе полуденной Европы».¹⁹ У Милло и Папона он видел и отрывки из стихов Бонифация в переводе на современный французский язык. «Я хочу сложить сирвенту против мерзостных и злобных баронов, и пусть никто не удивляется, если найдет в ней слова столь же низкие, как они сами <...> Мне отрадно видеть провансальцев во французских цепях: они их вполне заслужили своим низким раболепством».²⁰ В поэме Теплякова как будто слышатся дальние отголоски этих трубных звуков:

Где ж враг? .. на смертный пир, о витязь, мы готовы;
С тобой под вихорь стрел бесстрашно полетим;
С тобой тиранства скиптр свинцовый
В крови тиранов сокрушим!

Бард и воин во главе восставших. В 1823 г. такие темы выбирала только декабристская литература. И слово «тиран», и формула «свобода гордая проснулась» в начале поэмы — это характерные «слова-сигналы», которыми пользовалась аллюзионная гражданская поэзия. Они не случайны здесь; они организованы в систему прямых, внеличных ораторских обращений:

Разлей пожары, мечь! леги к ним, истребленье,
Влекися, тощее в цепях поработенье!
Марсель! потуши взор, колена преклоня,
В руке властителя лобзай свои оковы! ..

Смирись! иль утопай в крови своих граждан.
Ты зришь, священная свобода,
Какую тучу мчит неистовый тиран!

Здесь уже нет никаких следов романского XIII века, зато полным голосом говорит русский XIX век. Эти стихи — прямая парафраза русской политической лирики, вплоть до «Деревни» Пушкина: «Там рабство тощее влачится по браздам...». «Тощее рабство» — крепостное право. Обра-

¹⁸ См.: Щербачев Ю. Н. Приятели Пушкина М. А. Щербинин и П. П. Каверин, с. 53.

¹⁹ См.: [Millot]. Histoire littéraire des Troubadours, t. II. Paris, 1774, p. 34—41; Simonde de Sismondi J. C. L. De la littérature du midi de l'Europe. 2-nd éd., t. I. Paris, 1819, p. 224; [Rapin]. Histoire générale de Provence, t. II. Paris, 1778, p. 337, 418—420.

²⁰ [Millot]. Histoire littéraire des Troubadours, t. II, p. 34—41.

щаясь к этой теме, поэты почти неизбежно воскрешали картины псовых охот на засеянных полях и вспоминали о праве первой ночи. Об этом писали Пушкин:

Здесь девы юные цветут
Для прихоти бесчувственной злодея.

(«Деревня»)

и его последователи:

Как часто им твержу: помещик справедливый
Для зайца сельские не разоряет нивы...
Он святотатственной не осквернит рукою
Невесту скромную, идущую к налою...²¹

(А. Шишков. «К Эмилию». 1832)

Тепляков пишет о том же и почти теми же словами. Читатель, воспитанный на аллюзионной литературе 1820-х годов, должен был угадывать русских крестьян в разоренных и поруганных прованских землях. Негодование водит пером поэта; строки его одушевляются антикрепостническим пафосом:

По нашим пажитям гоняясь за зверямц,
Уже оратая трудами
Не поругается жестокий властелин.
На ниву смятую печальный селянин
Безмолвный грусти взор не кпнет;
В сосцах увилых матерей
Млеко для нежных чад от глаза не застынет;
Убогий грабежу, рыдая, не покинет
Насущный хлеб своих детей!
Насильем буйного желанья злодей
Красу невинную обидеть не посмеет:
Не для него любви цвет милый расцветет,
Не для него прекрасный плод
Под солнцем прелести созреет!²²

Одна особенность отличает эту поэму: она лирична. Менее всего она напоминает связное повествование. В ситуации, полной напряженного драматизма, движется, варьирует, играет всем богатством эмоциональных, стилизованных, метрических оттенков единый лирический голос — голос самого автора. Он то вторгается в эпический рассказ, то прерывает его, как будто растворяя в едином мощном, захватывающем потоке чувства. В этой своей особенности Тепляков вновь обнаруживает внутреннее родство с Лермонтовым. И совершенно так же, как у Лермонтова, мы слышим в этом лиризме нарастающую тревожно-трагическую ноту. Пусть горстка смельчаков готова «сокрушить скиптр тиранства», но несметные силы Карла уже движутся на Марсель. Устоит ли город или, сдавшись на милость грозного врага, добровольно склонится под прежнее иго?

Смирись — иль утопай в крови своих граждан!

Уже одного этого было бы достаточно, чтобы конфликт стал предельно драматичным. Но поэт идет еще дальше. Дружина ждет вождя, чтобы лететь «на смертный пир», но и сам вождь несет в себе некий внутренний диссонанс. Он является на сцену как герой, уже заранее обреченный на гибель:

Но дума черная в очах его блуждает;
Но томных месяца лучей
Чело высокое бледней.

Что мучит его? Обманутая ли страсть, как это нередко бывало у героев Байрона, разочарование ли, неверие или, наконец, смутное предчувствие предательства?

²¹ Поэты 1820—1830-х годов, т. I. Л., 1972 (Б-ка поэта. Большая серия), с. 426.

²² Там же, с. 598.

В лирическом монологе автора, как бы передающем внутреннюю речь героя, угадывается и то, и другое, и третье. До нас не дошла первая часть поэмы, и мы можем только строить догадки о предыстории Бонифация. Никаких следов его любовной трагедии нет в тех источниках, которыми пользовался Тепляков, хотя Папон и рассказывал подробно о рыцарском служении Бонифация некоей неизвестной даме. Любовная измена — мотив, принадлежащий самому Теплякову и взятый им у Байрона или из «байронической» поэмы — из «Гяура» или «Кавказского пленника».

Зато все три источника — и Папон, и Милло, и следовавший за ними Симонд де Сисмонди — досказывают нам конец истории Бонифация, и мы можем представить себе в общих чертах контуры всего замысла. Когда войска Карла подошли к стенам города, марсельцы не выдержали. Они предпочли смерти позорное рабство. Тема измены не напрасно звучала во внутреннем монологе Бонифация: «граждане» выдали «тирану» своего вождя. Бонифаций погиб на плахе; Папон утверждал, впрочем, что он был изгнан.

Тепляков писал о трагическом герое-одиночке, герое-жертве, преданном народом, во имя которого он поднял свой меч. Это писалось в 1823 г., когда европейская реакция торжествовала победу над революционными движениями. В 1821 г. австрийские войска вошли в Неаполь и расправились с карбонариями; в 1823 г. Франция подавила испанскую революцию. И то, и другое произошло при полном равнодушии народа, который революционеры не сумели привлечь на свою сторону.

Паситесь, мирные народы!
Вас не пробудит чести клич.
К чему стадам дары свободы?
Их должно резать или стричь, —

(II, 302)

писал тогда Пушкин.

Нечто подобное говорил и В. Ф. Раевский, «суровый спартаец», уже томившийся в своем тираспольском заключении:

Как истукан, немой народ
Под игом дремлет в тайном страхе:
Над ним бичей кровавый род
И мысль и взор казнит на плахе.²³

(«Певец в темнице», 1822)

Стихотворение Пушкина — самое яркое выражение «кризиса 1823 года» — несколькими годами позже Каверин будет читать в присутствии юнкера Курилова как произведение революционное, потому что социальный пессимизм, звучавший в нем, — есть мироощущение человека декабристского круга, болезненно переживающего слабость движения, которому он принадлежит.

«Кризис 1823 года», постигший Виктора Теплякова, выражал то же мироощущение.

3

В начале 1824 г. Тепляков делает первые попытки завязать связи с литературными кругами столицы.

Он понимал, конечно, что стихи, которые он пишет, стоят выше среднего уровня журнальной поэзии, и рассчитывал, что их можно будет прочесть в петербургском Вольном обществе любителей российской словесности и затем напечатать в «Соревнователе» — органе «ученой республики». Но у него не было никаких протекторов в русской словесности, и его первые литературные шаги оказываются столь же парадоксальны,

²³ Раевский В. Ф. Полн. собр. стихотворений. М.—Л., 1967 (Б-ка поэта. Большая серия), с. 157.

как и выбор военной карьеры. Он обращается с письмом к графу Хвостову, бывшему в «ученой республике» почетным членом.

Граф Дмитрий Иванович Хвостов вошел в наше сознание как анекдотическая фигура страстного и упорного графомана. Его поэтическое творчество дало к тому немало оснований. Но современники знали и реальную фигуру, которая не совсем совпадала с поэтическим «портретом». Хвостов был меценат с широкими связями в литературном мире и, обладая некоторым состоянием, нередко приходил на помощь литераторам со щедрым бескорыстием, уже не делая разницы между «друзьями» и «противниками». Так, он помогал полунищему князю Шаликову. У Хвостова устраивались литературные вечера, где собирались обычно литераторы без имени, нередко начинающие, искавшие выхода в большую литературу.

Где и как Тепляков познакомился с графом — неизвестно, но в письме он говорит о «благоклонном расположении» к нему адресата. Теперь, 5 января 1824 г., он обращается к Хвостову за посредничеством, имея в виду через него представить свои сочинения в общество «соревнователей». Письмо его, однако, не есть обычное обращение литературного новичка к меценату. Оно заслуживает прочтения, так как добавляет несколько небезынтересных штрихов к портрету его автора.

Милостивый государь Граф Дмитрий Иванович!

Ревность ваша к пользе общей и благоклонное расположение ко мне побудили меня прибегнуть к вашему сиятельству с моею покорнейшею просьбою. Жертвуя иногда Музам моим свободными минутами, я искал сладкого успокоения от своих обязанностей в небесной беседе их, — искал в мечтах счастья. Вот один из первых опытов слабых трудов моих: это послание к моему приятелю; в нем я следовал единственно отношениям, которые находились между им и мною, отнюдь не имея однако ж намерения — нарушать законов строгого приличия моим искренним, шуточным и веселым слогом. Батюшкова послание к Жуковскому и «Мои Пенаты» и по сие еще время восхищают всякого, и конечно, не перестанут восхищать до тех пор, пока существовать будут. Итак, желая доказать, что и в глуши пустынных степей, в местах бесплодных и диких, или посреди кибиток калмыков и башкиров говорят иногда языком богов (конечно, быть может, по-калмыцки или башкирски), я осмеливаюсь покорнейше вас просить представить прилагаемые при сем стихи сочленам вашим, почтеннейшим Соревнователям просвещения и благотворения. Лестное для меня расположение ваше заранее ручается мне в благоклонном снисхождении достойных и опытных друзей Муз отечественных к слабости неискусных, но ревностных усилий молодого жреца их.

С истинным моим почтением и таковою же преданностию имею честь быть,
милостивый государь,

вашего сиятельства покорнейшим слугою

Виктор Тепляков.

Аткарск, 1824-го года
Генваря 5-го дня.²⁴

К этому-то письму и было приложено «Послание к моему сослуживцу», о котором выше уже шла речь.

Трудно представить себе, что Тепляков всерьез рассчитывал, что семидесятилетний «Нестор российской словесности» станет рекомендовать своим сочленам соблазнительное сочинение про Феклу и Альцину. Все его письмо — начиная с витиевато-напыщенного слога и вплоть до прямого содержания и приложения в виде поэмы — производит впечатление забавной пародии и чуть ли не преднамеренной мистификации. Нужно думать, что граф Хвостов понял это; в делах «соревнователей» нет никаких сведений о представлении «Послания к моему сослуживцу»; оно сохранилось только в бумагах графа, а позднейшая приписка Хвостова на его обороте начинается словами: «Сей Тепляков курьезный человек...». Следующее же письмо Теплякова к Хвостову, от 16 июля 1824 г.,

²⁴ ИРЛИ, ф. 322, № 71, л. 169—169 об.

почтительно и комплиментарно, как будто автор его несколько совестится своей неудавшейся проказой и хочет сгладить впечатление.²⁵

Зато в протоколах заседаний «соревнователей» за 11 февраля 1824 г. мы действительно находим имя Теплякова; в этот день читались присланные им стихи «Незабудка» и «Зораида к шиповнику» и были отвергнуты, что случалось довольно редко.²⁶ Стихи были малозначительны и принадлежали автору совершенно неизвестному. Дебют Теплякова явно был не блестящим. Второе стихотворение — перевод из Флориана — поместил у себя издатель «Благонамеренного» А. Е. Измайлов, который испытывал недостаток в стихах; полного имени своего под ним Тепляков не выставил.²⁷ Вероятно, Измайлов же передал в «Невский альманах» Егора Аладьина еще одно стихотворение Теплякова.²⁸ Следом знакомства Теплякова с Измайловым осталась его маленькая запись в альбоме Измайлова «Памятник дружбы» — всего четыре стиха, с теми же мотивами разочарования и смутных предчувствий, какие мы видели и в поэме «Бонифаций»:

Что в розе, если ветр листки ее разнес,
Что в жизни, если ей надежда изменила,
Сокровище души, и сладость прежних слез,
Улыбка холодная почто тебя сменила?²⁹

Даты под этими стихами нет, и может быть, Тепляков записал их позже, когда его связывали с владельцем альбома почти родственные узы.

В литературных же своих связях неудачник оказывался капризен и разборчив. Даже в «Благонамеренном» он больше ничего не печатает. Он обращается со своими предложениями к издателям «Мнемозины» — Кюхельбекеру и В. Ф. Одоевскому, которого, вероятно, знал еще в Московском благородном пансионе:

Милостивые государи,
препровождая при сем к вам стихотворение «Незабудку», я вас покорнейше прошу напечатать оное в следующей части издаваемой вами «Мнемозины», если сии слабые труды мои покажутся вам того достойными и соответствуют плану вашего альманаха.

С истинным почтением имею честь быть, милостивые государи, вашим покорным слугою

Виктор Тепляков.

Тверь.
1824-го года.
Августа 17-го числа.³⁰

²⁵ Там же, л. 44—44 об. Приводим это письмо: «Милостивый государь граф Дмитрий Иванович! Возвратясь сюда из дальней поездки, я считаю за первую обязанность писать к вашему сиятельству и сказать, что я с истинным удовольствием читал в XXV № „Сына отечества“ небольшие отрывки из поэмы вашей „Майское гуляние в Екатерингофе“. Словесность наша, конечно, благодарна вам за то, что, будучи обременены другими, важнейшими должностями, вы не утомляетесь обогащать ее своими произведениями. Если досуг может уделить вашему сиятельству несколько минут на беседу с отсутствующими, то вы, без сомнения, не откажетесь удостоивать меня хотя изредка почтеннейших ваших писем, которые благоволите адресовать по-прежнему.

В скором времени я надеюсь изъявить вам лично то глубочайшее почтение и совершенную преданность, с которыми и имею честь быть навсегда, милостивый государь, вашего сиятельства покорнейшим слугою Виктор Тепляков. Июля 16 числа 1824 года. Тверь.

²⁶ См.: Б а з а н о в В. Ученая республика. М.—Л., 1964, с. 431.

²⁷ Зораида к шиповнику. Романс. (Из Флорлаповой поэмы «Гонзальв Кордуанский»). — Благонамеренный, 1824, № 5, с. 354 (подпись: «Т—в. 2 марта 1824. Тверь»).

²⁸ Элегия («Вотще меня ты хочешь подружить...»). — Невский альманах на 1826 г. СПб., 1825.

²⁹ ЦГАЛИ, ф. 1336, оп. 1, № 23, л. 85.

³⁰ ИРЛИ, ф. 392, № 1, л. 83.

Выбор «Мнемозины» был актом литературного самоопределения. Новичок придирчиво выбирал себе литературную среду. В 1830-е годы, когда после нескольких лет молчания он выступит на авансцену как сложившийся поэт, он будет печататься почти исключительно в изданиях пушкинского круга.

Но и в «Мнемозине» стихи Теплякова не появились. Он входил в литературу, когда «Мнемозина» заканчивалась и общество «соревнователей», как и «измайловское», также близилось к своему концу.

В 1824 г. в печати появляется только одно значительное его произведение — кантата «Ариадна», опубликованная в воейковских «Новостях литературы».³¹

4

Что делал Тепляков в 1824—1825 гг. — об этом мы можем отчасти судить по письмам к нему Каверина. Его явно тяготила военная служба. Каверин знал это. «Напишите, думаете вы служить или в отставку, или в гвардию, или в Геттинген?». Конечно, о Геттингене ему рассказывал сам Каверин. 2 марта 1824 г. Тепляков отвечал, но ответ его не сохранился. Что он ответил — мы узнаем из письма Каверина от 12 апреля. «Намерение ваше путешествовать, ловить смешное и странное, приятное и полезное — достойно вас и идет к вашим летам, способностям».³² «Путешествовать, ловить смешное и странное» — почти формула, программа бытового поведения и одновременно эстетическая ориентация, и следы ее смутно ощущаются в словах «Литературной газеты» о «веселом равнодушии» к неблагоприятной судьбе. Конечно, Тепляков не знал, что именно придется ему пережить, однако угол зрения на эмпирическую действительность определяется у него уже в 1824 г., — и самое «беспокойство, охота к перемене мест», овладевшие будущим «русским Мельмотом» или, скорее, Чайльд Гарольдом, представляли теперь факт столько же его индивидуальной биографии, сколько общественной психологии времени.

Он делает первые попытки вырваться из замкнутого круга «службы». Пока он пользуется любым поводом для отлучек из полка. Письмо его к Хвостову от 5 января 1824 г. написано из Аткарска, в марте того же года он в Твери, в доме родителей. Май застает его в полку; он рвется в Петербург. Каверин удерживает его: следует «дождаться сентября и в отставку, а там куда хотите, а то зачем набиваться на неприятности?». Тепляков мечтает об отставке еще не начав служить — только 7 мая 1824 г. он получает первый офицерский чин (поручика). Далее происходит некий инцидент, который приводит в изумление даже Каверина, не слишком стеснявшего себя воинской дисциплиной: «Письмо ваше от 28 августа получил на днях, любезнейший Виктор Григорьевич. Как же вы сделали, чтоб не быть на смотре государя, или вы были?».

Каверина смутила только дерзость, грозившая молодому офицеру серьезными неприятностями, если бы он действительно пренебрег смотром, который принимал Александр.

Это был смотр 2-го пехотного корпуса, в который входил и Павлоградский гусарский полк; он был назначен на 31 августа.³³ Удалось ли Теплякову уклониться от него — неизвестно; во всяком случае намерение такое у него было, и само по себе оно Каверина не удивляло. Он, конечно, знал о той своеобразной молчаливой оппозиции, протесте «абсентеиста», которая отличала поведение Теплякова, и едва ли не поощряла ее сам. Служба тяготила Теплякова и морально, и физически. Его мучила болезнь. Каверин два раза спрашивал с беспокойством: «Чем ваше тело больно?».

Внутреннее свидетельство за подписью и печатью старшего медика 1-й уланской дивизии «надворного советника и кавалера Виноградова»

³¹ Новости литературы, 1824, № 22, с. 154.

³² Русская старина, 1896, № 2, с. 427.

³³ Русский инвалид, 1824, 22 сентября, № 224, с. 893.

удостоверяло, что поручик Тепляков «после простудной горячки периодически начал подвергаться жестокому и упорному воспалению миндалин в горле, затруднявшему самое даже дыхание, и при оном катарру в легких, — при малейшем влиянии неблагоприятного воздуха температуры ожесточающемуся. Сверх того, удручаясь припадками слепого слизистого геморроя, полевой его имп. величества службы продолжать не в состоянии».³⁴

Старший медик поставил, конечно, верный диагноз, — быть может, лишь слегка сгустил краски. Свидетельство было выдано не в Аткарске, а в Твери, где находились родовые поместья и где безотлучно жил отец Теплякова. У поручика Павлоградского полка было много причин стремиться в отставку; болезнь была важной, но не единственной из них. Если бы дело было только в ней, то о планах путешествия не могло бы быть и речи, и прямым самоубийством была бы поездка на жительство в столицу на болоте, где самый воздух губителен для больных легких.

Свидетельство тверского медика должно было ощутительно подкрепить уже вторичное прошение Теплякова на высочайшее имя уволить его от службы — уже не на срок, а вовсе, «за болезнь», «на собственное пропитание».³⁵

Приказ пришел 4 марта 1825 г. и неделю позже был обнародован в «Русском инвалиде».³⁶ 8 апреля Каверин писал ему: «Читал вашу отставку, поздравляю и прошу уведомить о ваших намерениях».³⁷ Ближайшие намерения оставались прежними. Тепляков едет в Петербург — в самый канун восстания 14 декабря, и на несколько месяцев мы выпускаем его из вида.

5

Провинциальный отставной поручик исчез, растворился в широком шумной столице. Где он жил, с кем встречался, о чем беседовал в те месяцы и дни, когда Северное общество готовилось к открытому выступлению, когда пришла весть о смерти Александра I? Что делал в тревожное время междоусобия и тогда, наконец, когда засвистела картечь на Сенатской площади в декабрьских сумерках 1825 года? Он пережил и наступившее вслед за тем время страха и растерянности, время кордонов на заставах и снующих фельдъегерских повозок. Его имя не называлось на следствии; его никто не знал. Оно всплыло совершенно неожиданно в официальных документах лишь 20 апреля 1826 г., когда бывший «Павлоградского гусарского полка поручик» Виктор Тепляков и брат его лейб-гвардии Конно-егерского полка юнкер Аггей Тепляков были доставлены в Петропавловскую крепость для содержания порознь «впредь до разрешения».³⁸

Биограф Теплякова Ф. А. Бычков, сообщавший об этом в своем очерке, конечно, знал о причинах и обстоятельствах ареста гораздо больше, чем рассказал. Он получал материалы от Аггея Теплякова. Но как раз это место в составленной им биографии необыкновенно темно. Бычков не упомянул даже, что сам податель материалов разделил судьбу своего брата. По-видимому, даже в 1880-е годы семья предпочитала этот эпизод огласке не предавать. «По семейному преданию, — пишет Бычков, — Тепляков, будучи на исповеди, на вопрос священника, присягал ли он императору Николаю, ответил отрицательно. Вследствие этого у Теплякова был произведен обыск; в комнате были найдены различные предметы, доказывающие принадлежность его к одной из масонских лож».³⁹ Это и послужило основанием для ареста.

³⁴ ЦГВИА, ф. 395, оп. 30, д. 221, 2 отд., 1825 г., с. 252.

³⁵ Там же, с. 251 (дата: 24 сентября 1824 г.).

³⁶ Русский инвалид, 1825, 11 марта, № 61, с. 245.

³⁷ Русская старина, 1896, № 2, с. 430.

³⁸ См. письмо генерал-адъютанта Потапова коменданту Петропавловской крепости А. Я. Сукину: ЦГИА, ф. 1280, оп. 1 (1826 г.), № 6, л. 268.

³⁹ Бычков Ф. А. В. Г. Тепляков, с. 6.

Семейное предание было правдой, но не всей правдой. Оно не удержало или скрыло детали, придававшие всей этой истории совершенно особый колорит. Детали эти сохранили официальные документы и устная молва.

«Сей Тепляков курьезный человек, — записывал граф Хвостов на обороте «Послания к моему сослуживцу» и продолжал далее рассказ, который настало время привести: — он по доносу отца духовного своего был замешан в истории 1825 года декабря 14-го дня. Комиссия, увидя, что он энтузиаст, говоря *à la Polewoi*, высшего взгляда, послала его на епитимию в Невский монастырь, где он, пробыв полгода и наскуча однообразною жизнью, якобы исправился и отпущен был домой. В 1828-м году явился рыцарем в Персидскую кампанию, где служил хорошо и опять попал в писатели прозы и стихов. См. три его статьи последнего времени в разных журналах: Телеграф, Телескоп, Сын отечества, Северных Цветах, Алционе и др.»⁴⁰

В этом рассказе много неточностей, и он слишком идиличен. Но отдельные факты в нем верны, и верен тот, который Хвостов записал как необычную черту биографии: донос священника светским властям о политической неблагонадежности своего духовного чада.

Существует другой рассказ, более точный и содержащий подробности, которых, кроме него, нет нигде. Он был пересказан П. А. Плетневым в письме к Я. К. Гроту со слов человека, хорошо знавшего Теплякова в последние годы его жизни.

«Вчера обедал я у Княжевичей, — писал Плетнев. — Там Г. С. Попов рассказал нам прекуриозные анекдоты из жизни поэта Виктора Теплякова. В 1826 г., быв в С.-Петербурге, пошел он на исповедь. Священник спросил его: боится ли он бога и любит ли государя? Тепляков отвечал: бога-то я люблю, а государя боюсь. Отчего? — спросил священник. — Оттого, — отвечал Тепляков (это, помни, в 1826 г.), что теперь всех берут: я боюсь, что и до меня доберутся. Тепляков за эту вольность получил увещание от отца духовного, который пострадал от него, что может на него за то донести. Тепляков, испугавшись своей шутки, не пошел на другой день к причастию, а послал за себя своего брата. Тогда священник, увидев этот обман, донес — и поэта велено было продержать для исправления его нравственности 4 месяца в крепости и 2 — в Невском монастыре. После того не велено было представлять его к наградам...»⁴¹

Первым пока этот «анекдот», который не столько «курьезен», сколько страшен, или, вернее, курьезен и страшен одновременно. Тепляков шутил; он всегда шутил — это стало для него родом привычки. Но если мы сопоставим отказ присягать Николаю со всеми уже известными нам фактами биографии «курьезного человека», мы убедимся в том, что уклонение от присяги было не минутным заблуждением, но естественным звеном в некоей цепи неприятий и отрицаний.

Далее начинали действовать судьба и случай, которых Тепляков вызывал словно нарочно, с отчаянным риском игрока. Каламбур священнику и затем подмена исповедующегося — все это выглядит как кощунственный комедийный сюжет. Конечно, он формируется не логикой литературы, а логикой социального поведения. Перед Тепляковым альтернатива: солгать на исповеди или навлечь на себя репрессии. Он выбирает третий путь, который в литературной интриге был бы обозначен как *qui pro quo*. Духовный отец драматизировал сюжет — он сыграл свою роль в этой трагикомедии дель арте.

Он сделал то, что еще Петр I предписывал служителям церкви, — нарушил тайну исповеди для политического сыска. Перед синодом он был прав — в глазах общества совершил предательство. Граф Хвостов, сенатор, подписывал вместе с другими смертный приговор «государствен-

⁴⁰ ИРЛИ, ф. 322, № 71, л. 284 об.

⁴¹ Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым, т. II. СПб., 1896, с. 300 (письмо от 8 августа 1844 г.).

ным преступникам» 14 декабря, но и ему донос исповедника показался случаем не совсем обычным.

Обо всем этом не рассказывало семейное предание, и здесь не было ничего удивительного. Тепляков был виновен перед церковью, и эту вину делил с ним его брат. Аггей Тепляков обошел этот щекотливый эпизод, и уж во всяком случае не желал бы видеть его в печати.

Но он остался в официальных документах. В списке лиц военного и гражданского ведомства, «кои по распоряжениям Дежурства, последовавшим по высочайшим повелениям, состоят под надзором, кроме тех, за которыми учрежден надзор по общему делу о злоумышленных обществах», упоминается отставной поручик Павлоградского гусарского полка Тепляков. Означена и причина надзора: «За то, что, быв встречен на исповеди вопросом священника: почему не присягал на верность подданства, он послал брата своего вместо себя исповедоваться и приобщаться; <...> Тепляков Агей, юнкер 1-й уланской дивизии — за то, что исповедовался и приобщался вместо брата».⁴² О масонстве здесь не говорится ни слова; о знакомстве со «злоумышленниками» 14 декабря — также. Нет сомнения, что для такого обвинения не было достаточных улик, оставались только подозрения, и они отягчали вину в глазах властей. Самая же вина Теплякова и его наказание были несоразмерны.

Для Теплякова потянулись дни и месяцы тюремной жизни. Они отразились в стихотворении «Затворник», которое «курьезный человек», по рассказам, написал на стене своей камеры — № 4 «каземата бастиона императрицы Анны Иоанновны». В жалобах «узника» есть след реальных впечатлений — «треск заревого барабана», сырые стены каземата, где

Ручей медлительный бежит
Зеленой по стенам змеєю,

тягостное, томительное ожидание хотя бы каких-нибудь перемен:

...сна вотще зеницы ждуд —
И между тем в сей мгле печальной
Без пробужденья дни текут;
Минуты черные бредут,
Веков огромных колоссальней.⁴³

Заключение, ожидание суда и приговора, развивающаяся мучительная болезнь — всего этого было бы достаточно и для более уравновешенной натуры. Но на долю Теплякова выпало больше. Давний поклонник Байрона и Пушкина повторял в миниатюре историю Шильонского узника и «разбойника» из пушкинской поэмы. Вместе с ним был заключен восемнадцатилетний Аггей Тепляков, «слепо и беспредельно» преданный старшему брату. «Я не знаю, — писал Тепляков Шабельскому в 1829 г., — какой демон внушил мне мысль заставить его пробить со мною до той самой минуты, пока судьба постигла меня. Невинный, он безропотно перенес и разделил со мною все удары ее...».⁴⁴ Долгие годы его терзало потом сознание вины.

В начале июня 1826 г. Алексей Тепляков добился свидания с заключенными братьями.

Сохранилось письмо В. Г. Теплякова, адресованное петербургскому военному губернатору Голенищеву-Кутузову:

Ваше превосходительство, милостивый государь!

Вчерашний день доставлено мне письмо брата моего, прибывшего из города Твери для получения находившегося до сих пор под ведением правительства моего имущества. Пожитки, оставленные на квартире, ему отданы, шкатулка же, в коей

⁴² ЦГВИА, ф. 1, оп. 1, д. 6285, л. 16 об.

⁴³ Стихотворения Виктора Теплякова. М., 1832, с. 52. О месте заключения Теплякова упоминается в медицинском заключении: ЦГИА, ф. 1280, оп. 1 (1826 г.), № 6, л. 372.

⁴⁴ Русская старина, 1896, № 2, с. 440.

между другими вещами находятся мои деньги и заемные письма, переданные мне моим родителем, ему не выдают без меня. Требуя на то моего согласия и доверенности учинить по означенным заемным письмам надлежащее взыскание, он спрашивает: что делать с вещами, найденными им на моей квартире. Вот уже более шести недель как находясь здесь под арестом, я еще до сих пор никем и ни о чем не был спрашиваем, — почему будучи в совершенной неизвестности о своем жребии, не могу распорядиться и своим, и частью вверенного мне родителем имущества. Это обстоятельство возбудило во мне смелость, ваше высокопревосходительство, ни-жайше просить довести сей случай до сведения государя императора, ибо ему одному известна судьба моя; от его воли зависит учинить и с моею собственностью то, что ему благоугодно будет. Прося всепокорнейше доставить прилагаемые при сем письма моему брату,

с глубочайшим почтением имею честь быть навсегда,
милостивый государь, вашего высокопревосходительства ни-жайшим слугою.

Подлинное подписал: Виктор Тепляков.

4 июня 1826 г.⁴⁵

Спустя некоторое время Теплякова вызвали на первый допрос.

Объясняя свое уклонение от присяги, Тепляков ссылался на болезнь и беспечность.

Болезнь, действительно, развивалась. По заключению лекаря, «отставной поручик Тепляков одержим слабостью всего корпуса и весьма значительною рожею и опухолью на лице; которого по сырости казематов и неудобности в них для лечения пользование продолжать с успехом невозможно». Лекарь просил переправить арестанта в госпиталь.

22 июня Тепляков был переведен в Военно-сухопутный госпиталь «в особый покой».⁴⁶

Тем временем дело Тепляковых было доведено до сведения императора, и 2 июля 1826 г. пришло распоряжение: Аггея Теплякова перевести в 1-ю Уланскую дивизию, а Виктора Теплякова из госпиталя освободить.⁴⁷

6

Тепляков был не освобожден, а отправлен на церковное покаяние в Александро-Невскую лавру. Предписание митрополита Серафима гласило:

«1) Поручика Теплякова из монастыря никуда и ни под каким предлогом не отпускать. 2) Иметь бдительнейшее за ним смотрение, поместив его на жительство с каким-нибудь благоразумным и благочестивым иеромонахом или иеродиаконном в одной келье. 3) Велеть ему во все посты исповедоваться, и если отец его духовный удостоит, то приобщить его и святых тайн. 4) В свободное от богослужения время велеть ему заниматься чтением святых отцов, более же всего молиться и поститься. 5) Тщательнейше и при всяком случае наблюдать за образом мыслей его и поступков и, что замечено в нем будет доброго или худого, о том доносить нам».⁴⁸

В этом документе обращает на себя требование «тщательнейше... наблюдать за образом мыслей». Церковь вновь брала на себя функции политического надзора. Нечто подобное происходило и с Пушкиным в 1824—1826 гг.

Болезнь и ипохондрия Теплякова усиливаются тем временем до высочайшей степени. Он обращается к митрополиту с запросом, не пора ли

⁴⁵ ЦГИА, ф. 1280, оп. 1, № 6, л. 338—338 об. (копия). На основании этого письма Голенищев-Кутузов 3 июня писал коменданту Петропавловской крепости А. Я. Сукину с просьбой разрешить Теплякову давать «верющие письма» (там же, л. 335).

⁴⁶ См.: Т х о р ж е в с к и й С. Странник. Документальная повесть. — Аврора, 1981, № 10, с. 40; ЦГИА, ф. 1280, оп. 1, № 6, л. 372, 377, 381.

⁴⁷ Выписка Панчулидзева из письма Голенищев-Кутузова коменданту крепости Сукину от 2 июля 1826 г., за № 3801 (ИРЛИ, картотека Б. Л. Модзалевского).

⁴⁸ Документ приведен С. Тхоржевским (Аврора, 1981, № 10, с. 41).

считать покаяние законченным, так как он осознал тяжесть своей вины как нельзя более. Ответа не последовало; однако Теплякову передали стороной, что в высочайшем повелении не обозначен срок, и митрополит намерен ожидать дальнейших распоряжений. 4 сентября 1826 г. Тепляков обращается с письмом на высочайшее имя.

Письмо это — сохранившееся и опубликованное — необыкновенно интересный человеческий документ. Вероятно, только Тепляков, и то доведенный до крайности, мог обратиться к императору с подобного рода мольбой о помощи. Он просил уволить его от покаяния, «приняв во уважение как чистосердечие его раскаяния, так и бедственное положение его здоровья», и обращал внимание на допущенную канцелярией его императорского величества оплошность в делопроизводстве. Он эпически пересказывал неудачную историю своего обращения к митрополиту, буквально исполняющему предписания. Наивное простодушие его рассказа при внимательном чтении письма кажется тщательно продуманным литературным приемом, превращавшим трагическую историю его заключения в чудовищный гротеск, какой-то шабаш канцелярских бумаг. «Мучимый каждый день более и более тяжестью болезни своей, тщетно прибегал я с новыми просьбами к духовенству; — оно отвечало на них только подтверждением прежнего; тщетно обращался к началству гражданскому, прося отправить меня по крайней мере в какой-либо из здешних госпиталей для пользования от истребляющей меня болезни, — оно отзывалось невозможностью действовать без донесений духовенства, которое в свою очередь без предписаний со стороны гражданской предпринимать ничего не хочет». Торжественно-патетически провозглашая свою готовность принести себя в жертву за государя и отечество, он дерзает заметить при этом, что «человечество, уважая себя и в самом злодее, не отказывает и его гибнущей жизни в возможном пособии», и, собственно говоря, обращается к императору, чтобы искать в его особе не столько милости, сколько «благодетельного покровительства законов». В последних строках его письма, построенных по классическим правилам ораторского периода, пафос вновь окрашивается горькой иронией: «Если проступок мой — действие единого безрассудства и ветреной неосторожности — омыт перед богом тяжелыми слезами чистого раскаяния с души моей; если он изъявлением беспредельной покорности к священной особе вашего императорского величества хоть несколько заглажен перед вами, государь; если, наконец, от правдивой строгости законов он не заслуживает казни смертию, медленную и мучительную, то не попустите погибнуть тому, кто желает жить единственно для того, чтобы все силы жизни своей посвятить вам и отечеству до последнего дня своего».⁴⁹

В этих жалобных столах, в этом вопле отчаяния апелляция к закону кажется риторической фигурой. Но так ли это? В самом деле, не только проказа на исповеди, но и самый отказ от присяги заслуживал ли «от правдивой строгости законов» «казни смертию медленную и мучительную»?

Николай Бестужев, вызванный на допрос к императору, ответит на предложение помилования: «желаю, чтоб впредь жребий ваших подданных зависел от закона, а не от вашей угодности».⁵⁰ За этими словами стояла проблема, решения которой напряженно искали мыслители декабристского движения, и не только они: в каком отношении находятся друг к другу закон и единодержавная воля.

Измученный, разбитый болезнью и, кажется, сломленный вконец и раскаявшийся, отставной поручик в своей мольбе о прощении вступал с императором в диспут о законности в его самодержавном государстве.

⁴⁹ Русская старина, 1896, № 1, с. 181—182.

⁵⁰ См. об этом: Воспоминания Бестужевых. Ред., вступит. статья и коммент. М. К. Азадовского. М.—Л., 1951, с. 717—718.

Осенью 1826 г. Теплякову удалось убедить в своем раскаянии светские и духовные власти. Петербургский генерал-губернатор П. В. Голенищев-Кутузов писал Бенкендорфу со ссылкой на митрополита, что «Виктор Тепляков принес уже раскаяние в своем поступке и в минувший Успенский пост говел и по удостоверению духовного его отца общен святым тайнам; что во время пребывания его в лавре всякий раз, когда здоровье позволяло, ходил в церковь и не замечено за ним никаких дурных поступков; но что одержим жестокою болезнью и, по свидетельству медика, к излечению его нужно употреблять минеральные серные воды, чего нельзя сделать в монастыре».⁵¹ По этому поводу Голенищев-Кутузов сносился с начальником Главного штаба, сообщившим о дозволении императора, чтобы Тепляков сам назначил себе место жительства под присмотром полиции; ему разрешалось отправиться на Кавказ, также под присмотром. Однако заключение и покаяние, по видимому, мало чему научили Теплякова.

Медицинским свидетельством, смягчившим несколько его судьбу, Тепляков был обязан Н. Ф. Арендту. Лейб-медик императора посетил его в лавре и предписал для излечения минеральные серные воды. На Арендта ссылался потом Тепляков в одном из своих «объяснений». «Пользовавшийся меня в Санктпетербурге доктор господин Арендт, — писал он, — однажды объявил, что от самой легкой простуды может последовать воспаление в мозгу; вследствие свидетельства, данного мне тогда в моей болезни сим медиком, получил я и высочайшее позволение отправиться нынешнею весною к Кавказским минеральным водам».⁵²

Это-то «высочайшее дозволение» и сообщил Теплякову Голенищев-Кутузов, и Тепляков сделал из него свои выводы. «В высочайшем присланном мне от господина санктпетербургского военного генерал-губернатора повелении, — «объяснял» он, — сказано: избрать себе место жительства там, где пожелает, и выехать тогда, когда по положению своего здоровья почувствует себя в состоянии. О необходимости своей увидеться с родственниками я тогда же и письменно и словесно докладывал его высокопревосходительству».⁵³ Что же касается будущего своего места жительства, то Тепляков объявил, что избирает для сего город Одессу.

Это уже было слишком. Повеление императора подлежало не толкованию, а буквальному и притом немедленному исполнению, и право выбирать себе место для поселения, конечно же, не распространялось на столицу Новороссийского наместничества, что подразумевалось само собой. Голенищев-Кутузов испытывал затруднения, и скромная особа отставного поручика вновь попала в поле зрения императора всея Руси.

«При исполнении сего высочайшего повеления, — доносил Бенкендорфу Голенищев-Кутузов, — Тепляков дозволил себе делать некоторые домогательства и условия насчет времени отъезда и места жительства; почему государь император высочайше повелеть соизволил: выслать его на жительство в Херсонь с тем, чтобы местная полиция имела за поведением его надзор. Сия высочайшая воля исполнена, — заключал генерал-губернатор, — и с тем вместе я отнесся к гг. новороссийскому генерал-губернатору и херсонскому гражданскому губернатору о принятии мер к надзору за Тепляковым».⁵⁴

Из «объяснения» Теплякова нам становится известно, как была исполнена высочайшая воля. Он сообщал, что был «принужден оставить внезапно, в несколько часов столицу» и «не успел сделать никаких распоряжений, не имел никаких средств к столь дальнему путешествию, ни

⁵¹ ЦГАОР, ф. 109, III отд., I эксп., оп. 5, № 400, л. 2.

⁵² Там же, л. 12 об.—13.

⁵³ Там же, л. 12 об.

⁵⁴ Там же, л. 2—3.

времени к испрошению для сего хотя письменно пособий родительских». Он не знал, на каком основании его отправляют в Херсон, вопреки прямому смыслу полученного им распоряжения, и самое «официальное повеление» отправиться туда получил «только за несколько часов до своего отъезда, посредством подорожной, доставленной... с.-петербургскою полициею».⁵⁵ Капризная воля императора торжествовала явно над праведной строгостью законов.

Из столицы Тепляков выехал больным и уже по пути почувствовал, что болезнь усиливается. Никакого конвоя при нем не было; он ехал один в сопровождении слуги. Он свернул с предписанного ему пути и «почти через силу достиг <...> дома родительского». Стояла глубокая осень: он был в Твери 17 ноября.

В этот же день Бенкендорф направил Голенищеву-Кутузову запрос о местопребывании «известного предосудительным поведением своим отставного чиновника Теплякова».⁵⁶ Ответ Голенищева-Кутузова от 23 ноября был успокоителен: он не знал еще, что фронда Теплякова продолжается и достигла размеров прямого вызова.

Тем временем фрондер лежал в отцовском имении, и тверские медики смотрели его. Оператор тверской врачебной управы, лечивший Теплякова еще в 1825 г., свидетельствовал, что пациенту нужны ванны и теплый климат, «например климат полуденной Италии или тому подобный более других для него спасительны».⁵⁷

Отец послал на высочайшее имя просьбу об освобождении больного сына. На нее последовал отказ.

Бумага с отказом пришла из Главного штаба на имя тверского гражданского губернатора и привела его в смятение. В Петербурге знали то, о чем он не имел представления, хотя дело прямо касалось его служебных обязанностей. В его губернии укрывалось некое лицо, высланное в южные губернии бог весть за какое предосудительное поведение. Он спешно принял меры к отысканию виновника и в два дня поднял на ноги все местное начальство. Уже на третий день он совладал с правонарушителем, а на четвертый — отправил «всеподданнейший рапорт» прямо на высочайшее имя, минуя все промежуточные канцелярии. Этот рапорт был настолько красноречивым порождением социальной психологии, что заслуживает быть воскрешенным для потомства.

Его императорскому величеству Тверского гражданского губернатора всеподданнейший рапорт.

Имею счастье всеподданнейше донести вашему императорскому величеству, что дежурный генерал Главного штаба вашего императорского величества отношением за № 14-м от 6-го, полученным мною 10-го сего генваря, сообщил мне об объявлении коллежскому советнику Григорию Теплякову на присланную от него из Твери всеподданнейшую просьбу о возвращении свободы сыну его отставному поручику Виктору Теплякову, назначенному на жительство в город Херсонь, что на сле высочайшего вашего императорского величества соизволения не последовало, а повелено Теплякова оставить на жительство в городе Херсоне.

Случай сей открыл мне, что проживающий у коллежского советника Теплякова Тверского уезда в сельце Дорошихе сын его, поручик Виктор Тепляков, не должен быть терпим на жительство в здешней губернии; вследствие чего счел я нужным тотчас командировать туда частного пристава Дозорова с тем, чтобы он, взяв поручика Теплякова, представил одного ко мне; по получении же от Дозорова рапорта, что поручик Тепляков отзывается болезнию, по поводу чего Дозоров и остался там до моего разрешения, я предписал ему отобрать от поручика Теплякова сведения: откуда, с кем, по чьему распоряжению и на каком основании он был отправлен в Херсонь на жительство, а при том по какому случаю и с чьего дозволения приехал сюда в губернию. Вместе с сими сведениями требовал паспорта об отставке его и других документов, до лица его относящихся, в числе коих не имеет ли вида на следование в Херсонь. Касательно же болезни, которою он отзывается, предписал земскому суду освидетельствовать его на законном основании, равно как и о учреждении над ним надзора, до того же времени поручил Дозорову при нем остаться для наблюдения за неотлучкою его.

⁵⁵ Там же, л. 12—13 об.

⁵⁶ Там же, л. 1.

⁵⁷ Там же, л. 14 об.

По прибытии туда дворянского заседателя Есипова, Дозоров, сдав под расписку его, поруччика Теплякова, возвратился ко мне 11-го числа с донесением, что Тепляков никакого объяснения, равно и требуемых документов не дает, а исправник между тем представил мне учиненное в болезни его свидетельство, из которого оказалось, что от бывшей простуды осталась у него малая опухоль около ушей, но имеет надежное от оной облегчение.

Итак, болезни в сущности никакой не было и свидетельства тверских медиков не имели цены в глазах губернатора и земского суда. Документов не было. Объяснений тоже не было, хотя Тепляков написал частному приставу Дозорову того же 11 числа именно «Объяснение» на четырех страницах, где подробно изложил все то, что произошло с ним с самого момента выезда из Петербурга, — и свой разговор с генерал-губернатором, и смысл высочайшего повеления, и историю своего скоропалительного выезда из столицы; рассказал и о болезни своей и о заключении лекарей. Он уведомлял, что заехал в дом родителя, «во-первых, для свидания с ним, во-вторых, для испрошения нужных пособий» к продолжению своего «путешествия». Он не мог ответить лишь на один вопрос — на каком основании он отправлен в город Херсон. Но вернемся к рапорту:

Усмотрев из сего явное упорство поруччика Теплякова и имея в виду высочайшее вашего императорского величества повеление, я почел за необходимое, вытребовав от здешнего коменданта Трефурта 2-х жандармов, отрядить их к тверскому исправнику, поручив ему поруччика Теплякова, как проживающего здесь самовольно, и в предосторожность, чтобы он не мог куда-либо скрыться, взять и доставить его сюда; вменив сверх того исправнику в обязанность опечатать все имеющиеся при означенном Теплякове бумаги; и оные ко мне представить.

После сего земский исправник доставил его, Теплякова, ко мне, вместе с отобранными от него и отца его объяснениями и данною ему от с.-петербургского военного генерал-губернатора 11 ноября 1826 года подорожною на следование в город Херсонь на жительство.

При чем исправник дополнил, что он, Тепляков, указа об отставке не имеет и никаких бумаг при нем по розыску не оказалось.

Хотя в упомянутой подорожной не означено, чтобы Тепляков должен был следовать в Херсонь под надзором, но как он, прибыв сюда с нею, проживал здесь, вопреки вашего императорского величества повеления, около 2-х месяцев скрытно, не объяснив ни мне, ни земскому суду о назначении своем на жительство в город Херсонь, равно о том, почему не мог туда следовать, то я предписал исправнику тотчас выслать его, Теплякова, отсюда с вытребованным мною от здешнего коменданта, токмо до Москвы, жандармом, — при особом моем к тамошнему гражданскому губернатору отношении, в предосторожность, чтобы он, Тепляков, не мог еще где-нибудь проживать самовольно или вовсе скрыться, чрез что мог бы я подвергнуться справедливому гневу вашего императорского величества.

13-го же числа исправник донес мне, что Тепляков с жандармом до Москвы с данною ему из С.-Петербурга подорожною отправился, при чем и сам исправник за нужное счел препроводить его до Клинского уезда Московской губернии.

При сем имею счастье всеподданнейше представить на высочайшее вашего императорского величества благоусмотрение объяснения Тепляковых и копию с подорожной с донесением, что о высылке отсюда поруччика Теплякова в город Херсонь я предварили ныне же новороссийского генерал-губернатора.

Губернатор (подпись).

Генваря 14 дня
1827-го года.⁵⁸

Если бы процитированный документ был не официальным донесением, а, например, мемуарным свидетельством, мы могли бы весь эпизод счесть намеренным гротеском. «Дело» Теплякова, не имевшее состава преступления, решалось на уровне высших представителей законодательной и исполнительной власти, вплоть до императора; в него оказалась втянутой вся иерархическая лестница, замыкающаяся дворянским заседателем, частным приставом Дозоровым, исправником и жандармом; заключительный же кортеж, включающий исправника, по собственной инициативе провожающего арестованного «до Клинского уезда», приобретает почти символический смысл. Между тем все это факты социального быта

⁵⁸ ЦГАОР, III отд., I экзп., оп. 5, № 100, л. 7—10.

и социальной психологии первых последекабрьских лет. Гротескный спектакль разыгрывался в действительности; начавшись в канцелярии шефа жандармов, он оканчивался в глубокой провинции, и это налагало на него особый отпечаток. Арестованный нарушал все нормы и каноны социального поведения, и эта неканоничность ставила в тупик власти, привыкшие — особенно в провинции — к строгой каноничности форм. Силы, мобилизованные для восстановления этих форм, были несоизмеримы ни с размерами «бунта», ни с силами правонарушителя.

Отставной поручик Виктор Тепляков ехал в Херсон, к месту своего нового жительства.

8

Когда Пушкин писал свою рецензию на второй том «Стихотворений Виктора Теплякова» для третьего тома «Современника», он, без сомнения, представлял себе, хотя бы в общих чертах, биографию поэта, которым интересовался издавна. Может быть, ему не были известны детали: Плетнев в 1844 г. впервые слышит «анекдот» о поведении Теплякова на исповеди, однако о доносе «отца духовного», как мы помним, знал Хвостов уже в середине 1830-х годов (он умер в 1835 г.). Тепляков ничего не забыл и ничего не простил: он включил в первый сборник своих стихов «Затворника» и «Изгнанника», где описал то, что пережил сам в 1826—1827 гг. Из его стихов можно подобрать эпитафии почти к каждой странице его подлинного жизненного пути. О чем бы он ни писал — об Овидии ли, о неизвестном узнике или изгнаннике, — он говорит о себе. Даже переводя Беранже, он вставляет отсутствующие в оригинале и явно автобиографические строки:

Мой дерзкий смех над бешеной судьбою,
Мой тайный плач ты внукам передай...

Мысль о несбывшемся предназначении теперь становится одним из лейтмотивов его творчества; он ощущается и в «Письмах из Болгарии» (1833), и в стихах, которые его брат и биограф А. Г. Тепляков прямо включал в свой очерк его жизненного пути:

О други! крылья соколины
Душа б расправила моя,
Когда бы ранние кручины
Из урны бешеной судьбины
Не проливались на меня...

Лейтмотив этот выражал гораздо больше, чем историю одной неудавшейся судьбы. Голосом Теплякова говорило поколение, заставшее конец декабризма и застигнутое эпохой безвременья.

В рецензии на «Фракийские элегии» Пушкин представляет читателю лирическую автобиографию Теплякова, и это не случайно. Из массивов поэтического текста он выбирает и отмечает как лучшие и наиболее оригинальные именно те, которые содержат этот автобиографический момент. «Нет сомнения, что фантастическая тень Чильд-Гарольда сопровождала г. Теплякова на корабле, принесшем его к Фракийским берегам, — пишет он. — Звуки прощальных строф

Adieu, adieu, my native land!

отзываются в самом начале его песен <...>. Но уже с первых стихов поэт обнаруживает самобытный талант:

Безумец! что за грусть! в минуту разлученья
Чьи слезы ты лобзал на берегу родном?
Чьи слышал ты благословенья? —

Одно минувшее мудреным, тяжким сном
В тот миг душе твоей мелькало,
И юности твоей избитый бурей челн,
И бездны перед ней отверстые казало!».

(XII, 82)

Эти строки в не меньшей мере, чем другие, могли бы быть сочтены парафразой Байрона и собственной пушкинской элегии «Погасло дневное светило», на что указывал и сам Тепляков в напечатанном в «Литературной газете» первом «Письме из Болгарии». Но для Пушкина здесь важна «истина чувств» — подлинность переживания. Он критикует «небрежность стихов» в элегии «Томис» и не соглашается с тепляковской трактовкой характера Овидия, но и здесь не упускает случая процитировать автобиографическое отступление, которое вызывало у него, может быть, автобиографические ассоциации — оно было ориентировано на его собственные стихи «К Овидию»:

И ты ль тюремный вопль, о странник! назовешь
Ласкательством души уничиженной?
Нет, сам терновою стезею ты идешь,
Слепой судьбы проклятьем пораженный!..

Подобно мне (Овидию), ты сир и одинок меж всех,
И знаешь сам хлад жизни без отрады;
Огнь сердца без тепла, и без веселья смех,
И плач без слез, и слезы без улады!

(XII, 85)

Пушкин заканчивает свою рецензию стихотворением «Одиночество», которое причисляет к лучшим стихам современных поэтов. Традиционный элегический мотив приобретает новый смысл, включаясь в целостный контекст лирической биографии: «избитый бурей челн» юности, изгнание, странничество, одиночество и поиски высших ценностей в области духа — в истории и философии.

Это была обобщенная и проецированная в литературу подлинная социальная биография, наложившая особый отпечаток на одно из важных критических выступлений позднего Пушкина.

II. МАТЕРИАЛЫ И ПУБЛИКАЦИИ

Н. И. МИХАЙЛОВА

ПИСЬМА В. Л. ПУШКИНА К П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

В ЦГАЛИ в Остафьевском архиве князей Вяземских хранится 108 писем В. Л. Пушкина к П. А. Вяземскому.¹ До настоящего времени публиковались лишь отрывки из них — прежде всего те, в которых упоминается А. С. Пушкин.² Кроме того, они цитировались в исследованиях, посвященных жизни и творчеству В. Л. Пушкина, литературному быту Москвы первой трети XIX в.³ Между тем эпистолярное наследие В. Л. Пушкина представляет самостоятельную историко-культурную ценность и требует специального изучения и публикации.

В. Л. Пушкин (1766—1830) был по-своему уникальной личностью, человеком одаренным и разносторонним, которому к тому же суждено было стать современником многих исторических эпох и событий — царствования Екатерины II, воцарения Александра I, наполеоновских войн, Отечественной войны 1812 г., восстания 14 декабря 1825 г., царствования Николая I. Письма В. Л. Пушкина к П. А. Вяземскому охватывают 1811—1830 гг.; историческая жизнь этого периода является их своеобразным фоном. Однако главное их содержание — литература, и это не случайно.

Поэт, староста «Арзамаса», член Вольного общества любителей словесности, наук и художеств, один из учредителей Общества любителей российской словесности при Московском университете, В. Л. Пушкин находился в гуще литературных битв 1810-х годов. Убедленный сторонник Н. М. Карамзина, автор посланий «К В. А. Жуковскому» и «К Д. В. Дашкову», явившихся первыми манифестами карамзинской школы, творец «Опасного соседа» — поэмы, появление которой было литературной сенсацией и в которой были полемические выпады против А. С. Шишкова и его «Беседы любителей русского слова», он не только участвовал, но и с живейшим вниманием следил за перипетиями литературной борьбы. Письма В. Л. Пушкина дают обширный материал для ее изучения. И в 1820-х годах литература, поэзия, журналистика по-прежнему составляют главный жизненный интерес старого поэта: он с прежним полемическим задором обсуждает с П. А. Вяземским произведения романтиков, восхищается новыми созданиями племянника, делится своими впечатлениями от критических статей, помещенных в журналах.

С интересом В. Л. Пушкина к литературе связана «книжная» тема его писем. Василий Львович был страстным библиофилом. Его библиотеке, собранной им во время путешествия в 1803 г. в Германию, Францию и Англию, завидовал даже владелец ценнейшего книжного собра-

¹ ЦГАЛИ, ф. 195, оп. 1, ед. хр. 5082, 2611. О письмах В. Л. Пушкина в архиве П. А. Вяземского см.: Литературные корреспонденты П. А. Вяземского (по документам Остафьевского архива). Обзор Н. В. Снытко. — В кн.: Встречи с прошлым, вып. 3. М., 1978.

² См.: Цявловский М. А. Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина, т. I. М., 1951; Пушкин в неизданной переписке современников. Вступит. статья Д. Д. Благого. — Литературное наследство, т. 58. М., 1952.

³ Михайлова Н. И. 1) В. Л. Пушкин и литературный быт Москвы первой трети XIX в. — В кн.: Болдинские чтения. Горький, 1980; 2) Книги в жизни В. Л. Пушкина и его первоиздания. Альманах библиофила. Вып. VIII. М., 1980; 3) Читая «Опасного соседа». — Литературная учеба, 1981, № 1.

ния Д. П. Бутурлин. Эта библиотека сгорела в московском пожаре 1812 г. В. Л. Пушкин не переставал сожалеть о ее потере, но и не переставал собирать книги. Он внимательно следил за книжными новинками, просил П. А. Вяземского присылать ему книги из-за границы. При этом любопытно отметить, что В. Л. Пушкин, поэт круга Н. М. Карамзина и И. И. Дмитриева, автор басен, сказок, дружеских посланий, буриме, альбомных стихотворений, особенно интересовался исторической и публицистической литературой.

Еще одно увлечение В. Л. Пушкина — театр, и это также находит отражение в его письмах, где сообщаются театральные новости, описываются спектакли и концерты, оценивается игра актеров. Василий Львович, бравший некогда уроки декламации у знаменитого трагика Тальма, был талантливым чтецом, непременным участником домашних спектаклей. Сообщаемые им в письмах сведения об этих спектаклях и их участниках также ценны.

Человек необыкновенно доброжелательный, наделенный редким даром общения, дядя А. С. Пушкина был дружен с В. А. Жуковским, К. Н. Батюшковым, Д. В. Давыдовым. Частыми гостями в его московском доме на Басманной улице были И. И. Дмитриев и П. И. Шаликов. Его посещали Е. А. Баратынский и А. А. Дельвиг. У него бывал А. Мицкевич. Письма В. Л. Пушкина позволяют нам увидеть этих писателей в кругу дружеского общения, уточнить некоторые факты их биографии и творчества.

Остроумный рассказчик и собеседник, В. Л. Пушкин был принят во всех московских домах. Его знала вся Москва, а он знал всю Москву, и в этом отношении его письма также весьма интересны. Среди имен, упоминаемых им, много знакомых А. С. Пушкина. Письма В. Л. Пушкина углубляют наше представление о пушкинском окружении; характеристики, факты, бытовые подробности, сообщаемые Василием Львовичем, позволяют узнать этих людей, представить их в каждодневной жизни, осознать их взаимоотношения.

Письма В. Л. Пушкина — хроника московской жизни 1810—1820-х годов. Василий Львович пишет о всех событиях и происшествиях, значительных и ничтожных, торжественных и обыденных, веселых и печальных, рисует колоритные фигуры москвичей — вельмож и светских красавиц, офицеров и чиновников, купцов и мужиков.

Наконец, письма В. Л. Пушкина — образец дружеской переписки первой трети XIX в. Адресат их — один из ближайших друзей Василия Львовича. Поэтому они непринужденны и остроумны, заботливы и искренни. При чтении их становится понятным, почему после смерти В. Л. Пушкина в 1830 г. П. А. Вяземский писал: «Я в Пушкине теряю одну из сердечных привычек жизни моей. С 18-летнего возраста и тому двадцать лет был я с ним в постоянной связи <...> Черты младенческого его простосердечия и малодушия могут составить любопытную главу в истории сердца человеческого. Они придавали что-то смешное личности его, но были очень милы».⁴

Предлагаемая публикация включает 29 писем В. Л. Пушкина за 1812—1830 гг., — писем, являющихся, с нашей точки зрения, наиболее ценными в научном и историко-культурном отношении. Мы полагали целесообразным поместить и те письма, отрывки из которых с упоминанием А. С. Пушкина публиковались ранее, так как в данном случае для нас был важен контекст, в котором эти упоминания находятся. В комментарии специальное внимание уделялось литературным вопросам. В публикуемых письмах — более 250 имен, из которых не все поддаются определению. Сведения об упоминаемых лицах по необходимости кратки; более подробные данные о многих из них читатель может найти в специальных изданиях, в первую очередь в справочнике Л. А. Черейского «Пушкин и его окружение» (Л., 1975).

⁴ Вяземский П. А. Полн. собр. соч., т. IX. СПб., 1884, с. 138.

Автор публикации выражает благодарность главному хранителю Государственного музея А. С. Пушкина Н. С. Нечаевой и кандидату филологических наук Н. И. Азаровой за оказанную в работе помощь и консультацию.

1

Приятное письмо твое от 31 декабря я получил, мой любезнейший друг.¹ Поздравляю и тебя с наступающим новым годом. Да будет он тебе источником всевозможных благ в здешнем мире! Забудь прошедшее, наслаждайся любовью и дружбою и будь покоен и здоров. Я о тебе сокрушался, но вижу теперь, что здоровье твое поправляется, и еду в Москву с удовольствием.

Журнал общества нашего выйдет в течение месяца.² Шишков написал ругательную критику на Каченовского и отдал ее в печать, но, испугавшись московского Жофроя,³ тиснение остановил.⁴ Он, сказывают, собирается и меня с Дашковым бомбардировать, но мы сами зубасты — «Санкт-Петербургский вестник» печатается недаром. Достанется всем сестрам по серьгам.⁵ О Глинке⁶ говорить уже нечего. Он точно сошел с ума — и «Вестник» его не что иное, как скучный бред, которого и читать не должно. Макаров и Анастасевич⁷ проповедуют в пустыне. Творения их лежат здесь в Англинском клубе, и никто не дерзает даже и разрезать их.

Блудов женится на княжне Щербатовой,⁸ но не прежде как весною. В Петербурге ни о чем более не слышно, как о свадьбе. На всех пришла смертная охота жениться. Если б я был моложе и если б не был осужден на жизнь *безбрачную*, то, может быть, и я бы вздумал войти в храм Гименея. *Рад бы в рай, да грехи не пускают.*⁹

Что делает антагонист мой Алексей Пушкин?¹⁰ он, я слышу, кует деньги и играет в квинтич.¹¹ Я нетерпеливо желаю его видеть и собираюсь ответить ему стихами за послание, которое я от него получил. Но не лучше приехать в Москву и обнять его, чем писать отсюда послание, в котором поневоле я должен быть чистосердечным?

Игнатий¹² мой чрезвычайно доволен, что ты о нем в письме упоминаешь. Он говорит, что не знает еще на что решиться, что он *туда* и *сюда*. Это собственные его слова. Он, увидевшись с тобою, хочет удостовериться, точно ли ты переменил образ мыслей своих? Он очень глуп, но так смешон, что мертвого развеселить можно.

Письмо мое слишком долго, и я его оканчиваю уверением тебе в искренней дружбе моей. — Надеюсь, что мы увидимся скоро. Полюби Щербинина.¹³ Он редко добрый человек. Если будешь писать к Жуковскому, поклонись ему от меня. Я всегда о нем помню и люблю его душевно. Adieu! Поручаю тебя Аполлону, Музам, Амуру и дружбе.

В. Пушкин.

P. S. Mes respectueux hommages à la Princesse et à Monsieur et à Madame Karamzine.^a

С.-Петербург.

1812. Генваря 11 дня.

2

Благодарю искренно за письмо ваше от 30 января, любезнейший князь! Оно меня утешило в моей скуке. Я болен, и болен подагрою. Проклятая дочь Сатанаила посетила меня в самое то время, когда я хотел отправиться в путь. Однако теперь мне, слава богу, лучше, и я надеюсь скоро увидеться с вами. Кисловка хотя и в далеком расстоянии от Басманной, но сердца наши близки, то сия отдаленность не помешает нам видеться часто. Я у домоседа¹ могу нередко обедать или ужинать и с ве-

^a Мое почтение княгине, господину и госпоже Карамзиным (*франц.*).

личайшим удовольствием. «Санкт-Петербургский вестник» вышел, и, кажется, журнал будет хороший и полезный. Карабанов² нам доказал, что он легко пишет глупые стихи. О Захарове³ и говорить нечего. Портрет его должен быть напечатан в «Русском Вестнике», стихи ему похвальные в журнале Макарова, а похвала женам пусть останется в «Беседе».⁴ Но здесь таковых сочинений довольно. Прочтите рецензию Шишкова на Каченовского; она продается под названием «Прибавление к разговорам о словесности». Это такая дичь, какой еще не бывало. Без всяких шуток, их всех надобно запереть в желтый дом, начиная с Глинки и Шишкова. — Батюшкова я вижу часто. Стихи его к Пенатам прелестны,⁵ а он сам редко любезный человек. Вчера у меня был Блудов, и мы говорили о вас и о Жуковском. Долго ли жить ему в Белеве? И точно, когда ггары кричат, Лебедь скрывается и молчит.⁶ — Я надеюсь, что почтенный наш историограф⁷ здоров и занимается Деесписанием. Здесь пронесся слух, что он болен, но письмо ваше меня успокоило. Да сохранит его бог от болезни, неудовольствий, Шишкова и Беседы! — Что сделалось нашей прелестной Элене?⁸ Чем она так занемогла? Я, право, о ней беспокоюсь. Не скука ли болезни ее причиной? Менелай валяет сукны, ему не до жены. Парисы большие разгильдяи, она на них и смотреть не хочет... а скука очень тяжела. Простите, любезнейший князь! Я настроил вам целую эпистолу. Скоро, скоро мы будем вместе.

Mes respectueux hommages à votre aimable compagnie, à M-me Карамзина et à Николай Михайлович.^a

Преданный Вам
Василий Пушкин.

С.-Петербург.
1812 года, февраля 8 дня.

3

Давно, очень давно, любезнейший мой, я о тебе ничего не знаю. Непрестанные твои поездки из Вологды в Ярославль, из Ярославля в Москву причиною тому, что письма мои до тебя не доходили.¹ В деревне живучи, я обременен был такими скучными делами, что не имел времени ни к приятелям писать, ни с Музами беседовать. В конце октября месяца я возвратился в Нижний,² а в будущем декабре надеюсь в Москве пировать с тобою. Как я тебе обрадуюсь! Много *утекло* воды с тех пор, как мы с тобой не виделись; много мы потеряли, и потери наши велики, но теперь тужить ни о чем не должно. Полнощный Орел раздавил мерзких коршунов, и французы никогда не дерзнут более вступить в Россию. Военные наши подвиги меня приводят в восхищение, и я надеюсь, что теперь все галломаны должны молчать. — Скажи мне, что ты делаешь и с кем ты чаще проводишь время? Бывают ли у тебя литераторы, и не в Москве ли Бард Жуковский? «Певец во стане русских воинов» есть, по моему мнению, лучшее произведение на русском языке.³ Что говорит о нем Алексей Пушкин? Бываешь ли ты у него, и так ли он весел и смешон, как бывал прежде? Надеюсь, что и я скоро буду посреди очень мне любезных. Елена Григорьевна не отвечала мне на последнее письмо мое. Я в нем говорил о тебе и просил ее уверить тебя в моей дружбе. Прости, любезнейший друг! Засвидетельствуй почтение мое кн. Вере Федоровне и скажи себе самому, что я тебя люблю сердечно.

Преданный тебе
В. Пушкин.

Н. Новгород.
Ноября 18. 1813.

^a Мое почтение вашей милой компании, госпоже Карамзиной и Николаю Михайловичу (*франц.*).

Москва. 1818 года, февраль 20.

Надеюсь, любезнейший мой, что ты доехал благополучно до Варшавы¹ и что ты исправно получил письмо мое. А. П. Мансуров² мне обещал тебе его доставить. Со времени твоего отъезда я начал понемногу выезжать и был на нескольких балах. Все наши красавицы о тебе выдыхают. Все тебя любят и помнят о тебе. Блудов вчера отправился в Петербург. Жуковский и Жихарев³ его провожали до Черной Грязи; я не поехал по причине слабого моего здоровья; *дряхла и стар бо есмь*. История Российская вся уже раскуплена в Петербурге, и здесь ее продают дорогой ценою.⁴ Я читаю ее с восхищением и просиживаю за нею целые ночи. Каченовский отдает справедливость трудам Николая Михайловича и преклонил, так сказать, перед ним колена; я за это начинаю любить его. Вигель (Ивиков Журавль) пишет к Блудову, что многие в Петербурге называют «Историю Российского государства» славнейшим произведением нынешнего века (что согласно с мнением моим и в чем, кажется, и сомнения нет), а что некоторые критикуют предисловие, утверждая, что он в нем предсказывает падение нашей империи, что Автор мало говорил похвального о предках наших и что в новой истории слишком много ссылок и примечаний.⁵ Разумеется, что сии критики — сущие невежды и глупцы и что они помрачить славы нашего Ливия не могут. Графиня Катерина Алексеевна Мусина-Пушкина⁶ удивляется, что Николай Михайлович не прислал ей ни одного экземпляра своей истории, и признаться надобно, что и для меня это удивительно. Он пользовался многими рукописями, находящимися у гр. Алексея Ивановича, и, кажется, нельзя было ему о том запомнить, тем более что он прислал два экземпляра, один Булгакову,⁷ а другой Малиновскому.⁸ — Князь Васил. Петр. Оболенский сделался мне родственником, на прошедшей неделе была его свадьба.⁹ Софья Алексеевна¹⁰ списала все твои стихотворения. Я вчера у них обедал и много говорил о тебе с хозяйками и с гр. де Бальмен,¹¹ которая отъезжает в Петербург. — Сегодня открывается монумент Пожарского и Минина. Я, боясь простуды, вместо того чтоб смотреть на парад и на всю эту церемонию, беседую с тобою. Сегодня же вечером дают в Благородном собрании большую ораторию. Славные артисты *Соколов* и *Зубов* будут восхищать нас своим пением. Послезавтра у нас собрание в Университете, и я буду наконец читать своего «Кабуда».¹²

Что ты делаешь в Варшаве, любезнейший? Успел ли опомниться от дороги? Побывал в театре французском? полюбовался милыми полячками? потанцевал на каком-нибудь бале? и тому подобное. — Когда ты совсем отдохнешь и в свободное время напиши мне подробно о твоих упреждениях, о твоём житье-бытье и обо всем, что до тебя касается, — все будет для меня интересно, ибо ты знаешь, что я тебя душевно люблю.

Я надеюсь, что ты прочтешь мое письмо княгине. Я ей свидетельствую мое почтение и любовь, целую ее ручки, и милых малюточек твоих. Каково-то они доехали? Я заезжал к тебе в дом и осведомлялся о мамушке, которая в то время была еще нездорова.

Александр Львович Нарышкин¹³ в Москве. На сих днях я провел у него целый вечер; в доме его раздолье — чего хочешь, того просишь. — Песельники, духовая музыка — Лобанова¹⁴ и Медведева пляшут порусски, Новикова и Баркова¹⁵ по-цыгански. Шампанское льется рекою — стерлядей ешь как пискарей. Апельсины вместо кедровых орехов, одним словом — *разливанное море*, и хозяин — настоящий боярин русской. Я полагаю, что так жила в старину Матвеев, родитель Натальи Боярской дочери.¹⁶ — Театральные наши красавицы вблизи совсем не так хороши, к сожалению моему, но Медведева мне показалась довольно любезною. Майков¹⁷ давал ужин Александрову Львовичу, и был у него в доме

благородный спектакль. Играли *«Адольфа и Клару»*.¹⁸ Клара была Майкова дочь,¹⁹ а Адольф — мой современник Когошкин.²⁰ Соллогуб²¹ мне признался, что Адольф играл пакостно, в чем я совершенно уверен.

В 2 часа пополудни.

Я не выдержал и поехал посмотреть на монумент. — Сие произведение искусства достойно славных времен Греции и Рима. Я ничего не видел подобного. Стечение народа было многочисленное. Когда я приехал на площадь, церемония кончилась. Я вышел из саней, и с час смотрел на знаменитых Пожарского и Минина. Я слышал много любопытного. Один толстый мужик с рыжею бородою говорил своему соседу: *Смотри, какие в старину были великаны! Нынче народ омельел.* Другой: *В старину ходили по Руси босиком, а на нас немецкие сапоги надели.* Третий: *Прославляется Магушка Москва каменная! Таких чудес еще и не бывало! Час от часу все у нас краше! И точно правда! Через десять лет Москва будет украшением нашего отечества. Прости, любезнейший! Я заболтался с тобою. Не хочу уверять тебя в дружбе моей — я сказал тебе давно, что люблю тебя как родного брата и обнимаю от всего сердца. Будь благополучен!*

В. Пушкин.

21 февраля.

Р. С. Иван Иванович Дмитриев пожалован в действительные тайные советники и сверх того получил столовых денег по шести тысяч рублей в год.

Сегодня у кн. Екатерины Александровны Трубецкой²² благородный спектакль. Играют *«Les Ricochets» de Picard*²³ и *«Le Trésor supposé, opéra comique»*.²⁴ В последней пиесе будут играть и петь кн. Аграфена Ивановна²⁵ и кн. Голицына, урожденная Бахметьева.²⁶ Я у Трубецких увижусь с Мансуровым и отдам ему письмо мое. Прости! Прости, любезнейший.

5

Москва. 1818, марта 27.

Благодарю тебя, любезнейший, за все доказательства твоей ко мне дружбы. На этих днях я имел удовольствие получить письмо твое из Варшавы и *басни Боазара*.¹ Ты знаешь мою привычку; я с радости несколько раз поцеловал и письмо, и книгу. Всего более меня обрадовало то, что ты не забыл покорнейшей моей просьбы о детях моих.² Граф Потоцкий³ меня любит и благорасположение его ко всякому добру мне известно. Попроси его, чтоб он не оставил меня своим покровительством, и будьте оба истинными моими благодетелями. Если присутствие мое будет нужно в Варшаве или в другом каком-нибудь месте Польского царства, я явлюсь там немедленно. За этим делом я готов поехать не только туда, но и за тридевять земель. Ты меня обо всем касательно сего уведомишь. На месте Блудова я сделался будильником Жуковского, и с ним часто бываю вместе. В прошедшее воскресенье мы ужинали у Кайсаровых.⁴ Жуковский читал *Старушку*,⁵ я своего Кабуда. Не знаю, дошла ли до тебя весть о том, что происходило в последнем собрании нашего ученого общества? Мерзляков читал письмо какого-то Анонима, возмущавшегося против экзаменов, баллад, одним словом ругал нашу Светлану сколько душе его хотелось.⁶ Вот до чего доводит зависть! Господин профессор, забыв, что Жуковский сам присутствует в собрании, вздумал давать ему уроки, и министр просвещения,⁷ попечитель университета,⁸ И. И. Дмитриев и многие другие были слушателями. На другой

день он явился к приятелю нашему с извинением, и тот, по доброте души своей, простил его. — Я страшно был сердит на нового Зошла, и с тех пор еще с ним и не встречался.

Я слышу, что пропажа твоя нашла, что воры пойманы, но отчего же ты по сие время не получаешь денег своих? Хорошо, что Тимирязев тебя догнал и что все так случилось, а без гроша быть на чужбине плохо.⁹

Речь, которую говорил государь император на Сейме, напечатана в гамбургских газетах, но по-русски я еще не читал ее.¹⁰ Я давно не был у Ивана Ивановича¹¹ и от того самого прочесть ее не мог. Нелединский¹² в Москве. Софья Юрьевна идет замуж за приятеля твоего Самарина,¹³ и свадьба будет скоро. Я был у Юрия Александровича и у невесты и поздравлял их всех. Жених в восхищении. Он в деревнях своих велел раздать несколько тысяч бедным, петь благодарственные молебны, и в день свадьбы несколько бедных девушек будут обвенчаны, и каждая из них получит тысячу рублей в приданое.

Я завидую, что ты бываешь в французских спектаклях. Все эти актеры, о которых ты мне пишешь, мне известны, кроме *Brice*,¹⁴ но я уверен, что хотя он и не имеет большого таланта, но все лучше московского Дружинина.¹⁵ Неужели Алекс. Львов. Нарышкин еще в состоянии умножать род человеческий? Я нахожу, что девица *Brice* должна быть большая плутовка и тут за ширмою кто-нибудь есть другой, а вину кладу на почтенного, любезного обер-камергера.

Посылаю тебе письмо, которое я написал к Жуковскому. Я исполню твой приказ и, боясь гневных твоих вопросительных знаков, доставляю тебе всякую запятую. Графини Пушкины¹⁶ и все их семейство вздыхают о тебе, благодарят тебя за твое о них воспоминание и тебя любят. Мне кажется, что графиня де Бальмен о тебе без слез говорить не может. Не забывай.

6

Москва. 8 июня 1818.

Я давно от тебя писем не имею, любезнейший мой. Здоров ли ты и каково поживаешь? Надеюсь, что наши Оболенские¹ приехали в Москву, и что ты получил письмо мое и книгу. В Москве теперь большая суматоха. Вчера граф Тормасов² угощал царей. Съезд был чрезвычайный. Сегодня по утрам государь император и король прусской³ осматривали архив Иностранных дел. После обеда все поедут в Архангельское к князю Юсупову,⁴ который приготовляет *gouter délicat*.^a Завтра бал в Благородном собрании. Король прусской помолодел и похорошел, и, кажется, Москвою чрезвычайно доволен.

Поговорим теперь о другом. Жуковский еще не бывал. Я его всякий день ожидаю. Батюшков здесь. Мы часто бываем вместе и пьем шампанское как воду. В прошедший понедельник Американец Толстой⁵ давал нам ужин. *Стешка*⁶ с своими подругами отличилась и восхитила нас. До ужина, который был великолепный, мы спорили о литературе; Батюшков сразился с Катениным⁷ и чуть было за тебя не подрались — но шампанское всех примирило, и мы у Толстого просидели до пяти часов утра.

Балк⁸ приехал в Москву и на другой день своего приезда примирился с женою и переехал к ней. Третьего дня я у них обедал вместе с Дружининым.⁹ Нашел хозяина, обнимающего жену и детей, веселого и ласкового.

Милая наша княгиня Serge Голицына¹⁰ возвратилась в Москву белокаменную и наняла дом Неклюдовой на два месяца. Я вчера просидел

^a изысканную закуску (*франц.*).

у нее целый вечер и много говорили о тебе. Она тебя любит и уважает. Племянник мой Александр у нее бывал всякий день, и она меня порадовала, сказав, что он малый предоброй и преумной. — Княгиня Софья Борисовна Голицына идет замуж за Константина Полторацкого.¹¹ Дело это совсем слажено, но еще не объявлено. Толстая, дочь *Толстой* Степаниды, стоворена за генерал-адъютанта Закревского¹² и на этих днях получила вензель. Батюшка ее назначил будущим новобрачным сто тысяч годового дохода. Закревский по-французски не говорит, и Федор Андреевич утверждает, что такой зять ему был и надобен.

Отец И. И. Дмитриева¹³ умре. Батюшков ежедневно сидит по целым часам у огорченного сына, который получает, однако, хорошее наследство, а это не безделица в сем наилучшем мире.

Батюшков, Гнедич, Никита Муравьев,¹⁴ мы ездили с неделю назад к Алексею Пушкину в Жирково и провели у него целые сутки. Гнедич совсем не знал моего родственника и нашел его любезнейшим оригиналом. Елена Григорьевна была в восхищении, увидевши совершенного Парни,¹⁵ и истинно жаль, что тебя не было с нами. Мы бы посмеялись довольно.

Сейчас хочу одеваться и пойду в Кремль, посмотреть — не приехал ли Жуковский. Завтра еще к тебе писать буду. Княгиня Serge дала мне комиссию привезти к ней Батюшкова, но злодей иногда упрям. Когда-то мы с тобой увидимся в Варшаве? Я скоро отправляюсь в Козельск к тетке,¹⁶ а по возвращении моем оттуда буду помышлять о дальнейшем пути. Прости.

7

<9—13> июня <1818>.

Вчера я представил Батюшкова любезной Княгине.¹ Он от нее без ума. Она восхищается Москвою, Кремлем, древностью храмов, и говорила о чувствованиях своих с таким жаром, так складно и так хорошо, что я чуть было от радости не заплакал. Потом стала рассуждать о «Истории» Карамзина и уверяла нас, что в ней нет поэзии, что нет в ней хорошо описанного характера, и говорила сущий вздор, но таким прелестным голосом, что мы ей простили искренно ее заблуждение. Батюшков признался, что если он с ней просидит еще один вечер, то она ему вскружит голову и сердце. Мы от нее поехали в два часа за полночь; и я думаю, что Парни спал нынешнюю ночь очень худо. Он едет в Крым завтра непременно. Полторацкий за Голицыной помолвлен, и помолвка его уже не тайна.

Катенин написал трагедию «Андромаху».² Батюшков уверяет, что трагедия хороша, но что стихи дурны. Новый трагик большой говорун и спорщик и, между нами будь сказано, слишком самолюбив, чтобы написать что-нибудь порядочное.

Сегодня я поеду в Благородное собрание — на хоры. Пудриться я не люблю да и наместнический мундир мне не по сердцу. Я всех увижу издали. Жуковский еще не приехал. По крайней мере, вчера его в Москве не было. Прости, любезнейший мой. Свидетельствую мое душевное почтение княгине, целую ее ручку и обнимаю малюток. Будьте, друзья милые, здоровы и благополучны.

Преданный вам слуга

В. Пушкин.

8

Москва. 21 июня 1818 г.

Поздравляю тебя, любезный мой, с наступающим днем твоего ангела. Желаю тебе совершенного благополучия и от искреннего сердца. Бывало, мы этот приятный день проводили в Остафьеве, но счастливое время ми-

новалось и мы живем далеко друг от друга. Письмецо твое от 1 июня я получил. Благодарю тебя, что ты обо мне помнишь, и надеюсь, что Оболенские доставили тебе и письмо, и книгу. На этих днях я отправляюсь в Козельск. Здесь делать нечего. Москва совсем опустела. На бульваре встретишь одного Нечаева¹ в изодранном плаще и с колдуфером в носу. Сибилев² мелькает изредка и несколько дворовых собак, живущих по соседству. В Аглинском клубе сидят Терпигорев, Айгустов и аптекарь Эйнбродт. Все мрачно и пусто. Не видать ни Черткова,³ ни Яворского. Не слышно ни политических, ни филантропических разговоров. Я очень хорошо делаю, что расстаюсь с такою скучною столицей. Константин Полторацкий женится на милой кн. Софье Голицыной. На прошлой неделе он угощал невесту и новую свою родню на даче в Сокольниках. Мы обедали в палатке, украшенной розами и лилеями, играла прекрасная духовая музыка, пели песельники и пр. После обеда гр. Потемкина,⁴ Голицыны⁵ и Ланская⁶ ездили верхами. В девятом часу вечера нас привели в комнату, где был приготовлен великолепный полдник. На столе стояла большая серебряная чаша с лимонадом. Офицеры поднесли ее Полторацкому в день его именин прошедшего 21 мая. Одним словом, мы провели день чрезвычайно приятно. Голицыны обе тебе кланяются. На третий день после этого праздника княгиня Boris⁷ дала прекрасный обед, на который и я был приглашен. Князь Андрей Гагарин⁸ с Потемкиной не говорит, но опять стал ездить к Голицыным и был на обеде вместе с своею равнодушною княгиней,⁹ которая час от часу становится прелестнее. Я очень давно не видел милую княгиню Serge. Сонцовы¹⁰ едут в деревню, а я, как говорит Алексей Пушкин, все сижу у сестриц своих.¹¹ Балк живет со своею женою аки с голубицею. Я дни четыре назад обедал у него с Дружининым и много говорили о тебе. Балк удивительный оригинал, и точно в голове у него червяк. Он обо всем судит по-своему, и тем кажется хуже. Константин Булгаков переезжает в Свирилово.¹² Наши Пушкины — в Валуево.¹³ Марья-Мишель¹⁴ опять живет у них и с ними едет в деревню. Трубецкая вчера со всею свитою поскакала в Знаменское.¹⁵

На будущей неделе ожидать надобно нашего торжественного собрания в Университете.¹⁶

Я буду читать стихи М. А. Дмитриева,¹⁷ перевод 4-й сатиры Боало и новую басню. — Я стихов более не пишу и совсем ничего не делаю. Тебя здесь нет. Жуковского и Батюшкова не бывало. Без вас, милых друзей моих, я никуда не гожусь, и талант мой мертв, и Муза нема.

Скажи княгине своей мое нижайшее почтение и любовь. Я очень рад, что здоровье ее поправилось и что малюточки ваши также здоровы. Когда-то я всех вас увижу? Я живу в сей приятной надежде и если попаду в Варшаву, то заверну и в Париж.

Не можешь ли, любезнейший мой, доставить мне L'Histoire de France pendant le XVIIIe Siècle par Lacretelle?¹⁸ Очень хочется иметь эту книгу, а здесь ее нет и не достанешь. Ты бы чувствительно меня обязал, если бы отыскал ее у варшавских книгопродавцев.

Прости, добрый, милый, постоянный друг мой. Обнимаю тебя от всей души моей.

В. Пушкин.

Москва. 1 июля 1818.

В последнем письме моем я поздравлял тебя, любезнейший, со днем твоего ангела. Я его провел у Балка, но Остафьевский именинник мне дороже Бразильского,¹ и я всякий день чувствую более и более, что тебя нет со мною. Новостей у нас довольно. Приятная и, верно, тебе известная новость есть та, что кн. Софья Федоровна идет замуж за Лодомирского.² Он умен и богат; дай боже только, чтобы он доброю сердца похож был на свою невесту. Бедный Северин овдовел,³ и Тургенев⁴ пи-

шет, что он в отчаянии. Жениться по страсти и потерять жену, столь любимую и так скоро! Это ужасно! Я по сие время не знаю, что причиною такого несчастья? — *Jeannot* Нарышкин⁵ также умер. Графиня де Бальмен, сестра его, поскакала к своей невестке⁶ в деревню. — Но оставим мертвых и обратимся к живым. В. А. Баранова в восхищении. Сын ее, Александр Николаевич,⁷ пожалован в камергеры и в действительные статские советники. Я вчера ужинал на именинах у Дм. Киселева⁸ с Барановой, Хомутовой⁹ и пр. Все тебя любят и вздыхают по тебе. Урусова¹⁰ ждет мазурок нетерпеливо. Булгаковы живут в Свирлове; в среду я еду к ним, а в субботу отправляюсь в Козельск. И. И. Дмитриев тебя обнимает. Я у него бываю нередко. Ученое наше собрание отложено до сентября.¹¹ Я *Филат*, тому и рад. У меня ничего нет нового, а к сентябрю, может быть, я что-нибудь приготовлю. Балк в восторге от Шишкова. Ты судить можешь, согласен ли я с его мнением и вкусом? Не ленись, любезнейший, и пиши ко мне. Булгаков мне будет доставлять твои письма. Вчера я обедал у кн. *Serge* Голицыной. После обеда мы ездили в Симонов монастырь, были у всенощной, гуляли по берегу Москвы-реки, видели пруд, где Бедная Лиза¹² кончила жизнь свою, и я нашел собственной руки моей надпись, которую я начертил ножом на березе лет двадцать, а может быть и более назад:

Non la conobbe il mondo, mentre l'ebbe;
L'ho conosciuta io, e solo a piangerla rimasi.^a

Вечер был прекрасный, и я наслаждался нашею прогулкою. Я очень давно в Симоновом монастыре не был. Прости, любезнейший мой. Свидетельствую мое почтение княгине, и поздравляю вас обоих с новой роднею. Малюток целую. Дай боже, чтобы вы были все здоровы и благополучны!

Верный твой друг и слуга
В. Пушкин.

Р. С. Николай Алексеевич Дурасов¹³ умре. Он оставил Мельгуновым¹⁴ семь сот душ, а кн. Николаю Оболенскому¹⁵ сто душ особливо.

10

Москва. 11 сентября, 1818 год.

Я в Москве, любезнейший мой; живу все там же, и к тебе все тот же, то есть люблю тебя, как брата родного. — И надеюсь, что ты получил письмо мое из Козельска. Булгаков¹ тебе его доставил. Вчера я был у И. И. Дмитриева и много говорил о тебе. — Неистовая критика Каченовского меня бесит;² московский Фрерон³ злобою и глупостью превосходит парижского. Ты пишешь, что тебе нельзя, по некоторым обстоятельствам, вступить за Николая Михайловича;⁴ но я нахожу, что это несправедливо. Вооружимся, брат, против нелепого зоиля; несмотря на то, что стихотворения мои будут печататься нынешнею зимою,⁵ я смело бросаю ему перчатку, и отделаю его не хуже славянской братии. — В Москве скучно и почти никого нет. Сегодня я обедаю у кн. Андрея Гагарина, который празднует день своего рождения. В старые годы Потемкин ему в этот день даривал серебряные сервизы, турецкие халаты и пр. Но кажется, это время прошло. Сумасшедший Соковнин⁶ живет у родных своих, связан и в самом горестном положении. Александр Булгаков у него был, и он его разругал всячески. Что до меня касается, я видеть его вовсе не любопытен. Батюшков на этих днях

^a Ее не знал мир, пока имел ее; я знал ее, а теперь мне осталось только оплакивать (*итал.*).

отправляется в Петербург, а оттуда в Неаполь. Он определен к неаполитанскому посольству, и будет получать 1500 серебром жалованья.⁷ Дашков пожалован статским советником. Северин уехал с своею тещею в Веймар, а потом собирается с графом Каподистрия⁸ в Ахен. Жуковский, к которому я писал несколько раз, ничего мне не отвечает и забыл, что я существую. Алексей Пушкин живет в деревне, но не редко для амуров своих приезжает в город. — Он отделал свои комнаты прекрасным образом — везде каминны, паркетны, зеркала, и словом, ему нынче сто тысяч рублей доходу. Наталья Абрамовна⁹ почти вовсе без ума, и Пушкин управляет своим имением, c'est tout dire.^a Третьего дня я был из любопытства в театре. Новая зала очень изрядна, только узка. Актеры все тоже — то есть сущие скоты. Играли «Богатонова», Загоскина chef-d'œuvre.¹⁰ Кокочкин едет в Питер, и определен на место Шаховского.¹¹

Прости, любезнейший мой; обнимаю тебя от всего сердца, у княгини целую ручки, и всем вам желаю всякого благополучия.

Верный твой В. Пушкин.

11

Москва. 1818 года, октября 14.

И ты меня забыл, любезнейший мой! Вот уже более трех месяцев, как от тебя я не имею ни строчки. Знаю, что ты был в Кракове и что теперь находишься в Варшаве. Что до меня касается, то я, объездив около тысячи верст, возвратился в Москву, был два раза в Ольгове у Апраксиных¹ и опять засел в Немецкой слободе. Иван Иванович Дмитриев получил письмо твое и им радуется.² Жаль только, что ты, будучи в связи с Николаем Михайловичем, думаешь, что тебе за него вступаться невозможно.³ Каченовский мне так гадок, что я с ним встретиться не могу. Очень хочется мне его пощипать, но если б ты был со мною, я бы намерение мое исполнил скоро. Советы твои мне всегда были полезны. Где наши Блудов и Дашков? Все мы, к несчастью словесности и к удовольствию жизни нашей, живем по разным сторонам. Тургенев и Жуковский думают, что я умер. Они никогда обо мне не вспоминают. Батюшков был здесь, но только на малое время. Он пожалован в надворные советники и едет в Неаполь. Северин — в Ахен. Сказывают, что горесть его чрезвычайна, и я истинно боюсь, чтобы она не повредила его здоровью, которое и так довольно слабо.

Свадьба княжны Софьи Федоровны, твоей свояченицы, отложена до ноября. Твой *прекрасный отец*⁴ отправился по каким-то делам в Пензу и уверял меня, что ты едешь в чужие края. Правда ли это? Я держусь правила, что не всякому слуху должно верить. Кн. Шаликов⁵ перевел последние сказки госп. Жанлис и тебе перевод свой посылает.⁶ Я отдал книгу его К. Я. Булгакову. Надеюсь, что ты получишь ее исправно. Соседки Пушкины⁷ приехали в Москву. Третьего дня я у них ужинал и много говорили о тебе. Они получили письмо от Оболенских,⁸ благополучно живущих во Франкфурте-на-Майне. Кн. Федор Сергеевич Голицын⁹ там же и с своею княгинею. Впрочем, ты от них ближе, чем мы, и все новости до вас, варшавских жителей, доходят скорее.

Актриса Семенова¹⁰ в Москве, но тебя здесь нет, следственно она уедет в Петербург без кружевного платья. Я ее видел, играющую Клитемнестру в «Ифигении».¹¹ Прекрасно! но прочих должно со сцены гнать помелом. Это не актеры, а разбойники. Майков час от часу становится несноснее и глупее. Кокочкин назначен на место Шаховского и отправляется в Петербург на житье. Николай Лунин¹² дает по вторникам обеды, кн. Сергей Гагарин¹³ — частые ужины. Пушкин¹⁴ играет в квин-

^a этим все сказано (*франц.*).

тич и увозит ежедневно по несколько сот рублей. Князь Андрей Гагарин продал свою подмосковную двоюродному своему брату слепому Гагарину¹⁵ за 180 тысяч рублей. Я сегодня обедаю у Пушкина. Старуха Мелисино¹⁶ именинница. Ей, слава богу! минуло на этих днях 86 лет. Здорова, comme le Pont-Neuf, как говорит воспитанник ея, Алексей Михайлович. Вот тебе московские вести. Пиши нам о том, что у вас делается, и, ради самого бога, не забывай и люби меня. У княгини целую ручки, детей твоих обнимаю, и всем вам желаю совершенного благополучия.

Преданный тебе душою и сердцем
Василий Пушкин.

P. S. Сделай милость, пришли мне через Булгакова L'Histoire de France par Lacretelle pendant le 18e Siècle — 6 volumes.¹⁷ Ты мне сделаешь великое одолжение, а здесь этой книги достать невозможно. Если ее нет у варшавских книгопродавцев, нельзя ли выписать ее из Парижа.

12

Москва. 16 ноября <1818>.

Письмецо твое от 19 октября я получил, мой любезнейший. Оно было целый месяц в дороге. Что тому причиною? Все твои комиссии я исполнил. У Варвары Дмитриевны Киселевой¹ поцеловал ручку, Павлу Дмитриевичу² сказал, что Mlle Auguste³ на него похожа, а Толстому вручил и прочел прекрасную твою эпистолу.⁴ Ты поэт превосходный! От искреннего сердца я тебе это говорю и утверждаю. Стихи твои на монументы петербургские — настоящий chef-d'œuvre.⁵ Я их списал и храню с любовью и почтением. Посылаю тебе мою сказку.⁶ Ты в ней найдешь и Услава, и Людмилу, и какого-то печенегу, и коня, и собаку. Я ее начал писать при Батюшкове, и он просил меня, чтоб я ему посвятил эту безделицу. Желаю, чтоб она тебя позабавила. Участь моя мелочьями перебирать, и то изредка.

Еще чувствительно тебя благодарю за попечение твое о детях моих, но, к крайнему моему сожалению, присланная тобою бумага недостаточна. Знающие в таких делах люди мне именно сказали, что это ни к чему не послужит. Теперь мне здесь обещают сделать для них выгодное положение, но не известно, успею ли я в моем намерении? Это меня сокрушает. Если б удалось мне устроить состояние детей моих, тогда бы я непременно отправился с тобою в чужие края. Поедем, любезнейший мой! Избавь меня от Москвы и от скуки ужаснейшей. Я всюду за тобою следовать готов.

Вот что у нас в столице делается. Хомутовы давали на этих днях маленький бал, на котором явились две новые красавицы, меньшие дочери Марьи Ивановны Корсаковой.⁷ Они ростом выше своей матери, и груди у них не хуже грудей вашей приезжей француженки. Третьего дня был на большом бале у Апраксиных; всех лучше были Урусова, Фофка Толстая⁸ и Киселева. — На этих днях вывели из театра известную берейторшу Шульц.⁹ Она приехала в ложу с мужчиною, переодетым в женское платье; и сама была одета странным образом, в бакенбардах, и голова окутана в какую-то салфетку. Ее было отправили в контору, но Берхман¹⁰ вступился: у него с нею большие, говорят, лады. — Пушкин¹¹ играет в карты и начинает проигрывать. Я у него вчера обедал, и было довольно весело. После обеда мы вздумали играть в шарады. Апраксин молодой¹² и Глазенап¹³ отличились. Князь Андрей Гагарин продал свое Ясенево слепому Гагарину за 140 тысяч.¹⁴ Кн. Сергей Гагарин купил прекрасную подмосковную у Вас. Серг. Шереметьева,¹⁵ Соболево, за 230 тысяч рублей. Графиня Бобринская¹⁶ отделала свой дом прекрасно и собирается давать вечеринки. Впрочем, ничего инте-

ресного нет, кроме того что гр. Бальмен по тебе истинно сокрушается и без слез о тебе говорить не может. Гр. Пушкины тебе кланяются.

Сестры мои и Сонцов тебя лобызают. У княгини я целую ручки. Надеюсь, что она обо мне иногда помнит и знает, что я душою и сердцем ей предан. Будьте, милые, здоровы и благополучны. Не забывайте и любите меня, а я ваш по гроб мой.

В. Пушкин.

13

Марта, 27 дня, <1819>.

Надеюсь, любезнейший мой, что ты получил все письма мои; я их писал прямо через К. Я. Булгакова. Слух носится здесь, что ты в чужие края более не собираешься, а остаешься в Варшаве. Скажи мне, отчего ты отложил свое намерение и правда ли это?

Новостей у нас не много. Шаховской в Москве, ездит по домам и читает какого-то *Пустодома*,¹ новую комедию плодовиной своей Музы. Третьего дня он читал ее в доме Андрея Семеновича Кологривова;² креслы под огромною тушею Гашпара³ подломились, он упал вверх ногами, панталоны лопнули, и он показал присутствующим

Ce qui servit au premier homme
à proscrire le genre humain.
La Fontaine, a. 4

Я на этот случай написал следующую эпигramму:

Чптая Пустодома,
Несчастный жребий свой наш Гашпар предузнал,
Партера грозного он не дождалшись грома,
Осмеянный — упал.

Посылаю тебе новое стихотворение старого поэта Долгорукова.⁵ Многие утверждают, что Жуковского стихи дрянь, но что сии последние — совершенный *chef-d'œuvre*.⁶ Алексей Пушкин точно этого мнения; он почти всякий день бывает с Шаховским и восхищается его умом и талантом. Каченовский имеет больших партизанов.⁷ Иван Иванович чрезвычайно негодует, что мы не сражаемся с пакостным воилом. — Я не был в последнем нашем ученом собрании — признаюсь, что на эту саранчу мне смотреть гадко и что все они мне надоели.

Поздравляю тебя с наступающим праздником. Прошу от меня поздравить также княгиню и малюток. Я вас всех по обряду христианскому обнимаю и желаю вам всех благ и удовольствий возможных. Полуэктовы⁸ в Москве — и проводят здесь светлую неделю. Я их видел у кн. Андрея Гагарина, который с Потемкиным примирился. Елисавета Яковлевна Ланская идет замуж за полковника Сухтелена. Они все в Тамбове — и там была помолвка. На моих соседок Пушкиных подул прекрасный ветер; у них женихов бездна, только я боюсь, чтоб они не поступили как невеста, о которой говорит Крылов, и чтоб наконец не вышли за калек.⁹

Весна приближается. Дай боже, чтоб я увиделся с тобою. Прости, любезнейший из любезнейших!

В. Пушкин.

¹ То, что служило первому человеку для продолжения рода человеческого. Лафонтен (*франц.*).

Москва. Апреля 10, 1819 года.

Благодарю тебя, мой любезнейший, за приятное письмо и за прекрасные башмаки, которые по милости твоей Аннушка моя получила. Я тебя час от часу люблю более и более, и тогда буду истинно счастлив, когда мне возможно будет доказать мою к тебе дружбу. Американец¹ от твоих писем в восхищении. Он сам готовится писать к тебе, теперь занимается Геродотом, Гиббоном² и иногда штоссом и квинтичем. Он накупил множество книг и с жадностью их читает. Денис Давыдов женится в будущее воскресенье.³ Свадьба Кюсаковой, которая идет замуж за полковника Акинфьева, отложена только до 16 числа.⁴ Иван Иванович Дмитриев получил книгу Прадта⁵ о Ахенском конгрессе (L'Europe après le Congrès d'Aix-la-Chapelle) прямо из Лондона. Ему прислал ее Кривцов, а ты, сделай милость, пришли мне ее, и пришли с ней Le Congrès de Vienne того же автора; ты одолжишь меня чувствительно.

Мысль твоя издать *Московскую Флору*⁶ прелестна и, точно, золотая. Каченовский *репейник* в 6-й книжке «Вестника Европы» еще более остервенился на Николая Михайловича. Теперь выходит на сцену какой-то *житель девичьего поля*.⁷ Приятель его, отставной бригадир, ругает нашего историографа наповал. Я удивляюсь, что Оболенский⁸ молчит и не препятствует зоицу нашему изливать желчь свою — я писал к тебе о пресловутой Беседе.⁹ Я почти намерен вовсе от нее отказаться; гадко быть с этими уродами. Об Антонском¹⁰ я скажу, однако, что он не одобряет ни Каченовского, ни Мерзлякова, но *репейник* и *полюнь* дают кашку, а луга литературы нашей чрезвычайно ими изобильны.

Берхман увез мадам Шульц. Это совершенная правда. Он нанял своей красавице небольшую квартиру близ Запасного Дворца, а между тем отделяет ей дом на Поварской. Эта шалость станет ему в копейку, и надобно думать, что жена¹¹ знает все его проказы. Шульц показывает какие-то письма, в которых Берхман, уверяя берейторшу в любви своей, подписывается и любовником, и *мужем*. Каково тебе это покажется? Сибилев с Шульцем в большом ладу, а с похищенной женою в ссоре. Кажется, что в другой раз он не поедет с нею в театр, перодетый в женское платье.

Степнинский¹² сердит чрезвычайно на Ивана Ивановича и на него мне жаловался. Он имел неприятности разного рода. Лафонтен наш¹³ смеялся над его париком, крашеными бровями и пр. Китайка Алексашка¹⁴ кругом его обобрала, и вся прожила в какого-то армейского поручика. Теперь она в б...е, у новой Панкратьевны,¹⁵ а Степнинский все об ней вздыхает и шатается по улицам как тень.

Шаликов печатает все свои сочинения — прозу и стихи. Он также в большой немилости у Степнинского, который почитает его орудием Ивана Ивановича и называет бедного Вдыхалова¹⁶ аспидом и Василиском.

Чтоб тебе похвалить нашу пресловутую «Беседу», я скажу, что издатель «Журнала для милых», известный Макаров, избран единогласно действительным членом оной.¹⁷ Поздравляю с новым товарищем и тебя, и себя — Жуковского, Батюшкова, Дашкова — всю братию и все христианство.

Третьего дня в благородном собрании был бал, на котором находилось человек около пяти сот. Я там присутствовал и было не скушно. Урусова, соседки Пушкины, княжны Щербатовы,¹⁸ Кюсаковы,¹⁹ Баранова и многие другие на бале отличились. Киселевой не было; причиною тому отъезд генерала qui s'élève,^{a, 20} как называет его Хомутова. Вчера я провел вечер у Апраксиных и зевал там без милости. Сегодня поеду к Кюсаковым, где, надеюсь, будет повеселее. Пушкины от твоих

а который себя воспитывает (*франц.*).

басен без ума. — Они вчера ужинали у Александра Булгакова, который приглашал и меня, но, к несчастью, я прежде дал слово Апраксиным.

Стурдза, сказывают, опрометью ускакал из Веймара. Коцебу пострадал за него.²¹ Германские студенты шутить не любят, и с ними связываться плохо. Где-то наш Северин? Этот, кажется, поосторожнее будет своего шурина²² и оставит Германский университет в покое.

Булгаков не говорит более об своем отъезде в Варшаву, а я бы хотел тебе сказать, что я на этих днях отправляюсь, но, к несчастью моему, скажу, что теперь исполнить своего намерения не могу по многим тяжким обстоятельствам, но питаюсь надеждою, что его исполню непременно. Не сердись на меня, любезнейший, не душа лжет, мощна. Я бы полетел к тебе, если б это было можно. Бог милостив! *Ce qui est différé, n'est pas perdu.*⁶ Я, как *Саншо Панса*, пустился на поговорки.

Аннушка²³ моя не очень здорова, хотела сама написать к тебе, и написала дурно, в чем и извиняется. Ты ее очаровал совершенно.

Милостивой государыне княгине Вере Федоровне свидетельствую мое почтение и милых малюток обнимаю. Будьте благополучны и не забывайте искренно вас любящего.

Василий Пушкин.

Р. С. Обер-полицмейстер Шульгин²⁴ идет в отставку. Сказывают, что на его месте будет князь Хилков,²⁵ генерал-майор, который женится на Елизавете Семеновне Обресковой. У Алексея Пушкина меньшей сын умирает. Елена Григорьевна в отчаянии; а Наталья Абрамовна при последнем конце. — Весна у нас прекрасная, и так тепло, как в июне. Прости! еще обнимаю тебя.

15

Москва. 21 апреля <1819>.

Третьего дня, во время пения госпожи Сесси¹ я получил, любезнейший мой, письмо твое от 4 апреля. Александр Булгаков мне его отдал, и я забыл итальянскую музыку, превосходное искусство певицы, сидящих в ложе красавиц, все, одним словом, чтобы беседовать с тобою. Ты меня зовешь в *Варшаву*; богом тебе клянусь, что я завтра бы пустился в дорогу, если б только было возможно. Не все так счастливы, как Алекс. Алек. Волков!² Он опять едет в Баден, получил отпуск и тысячу червонных на дорогу. Он едет с Алекс. Булгаковым, который от меня притаился и месяц назад об отъезде своем не говорил уже мне ни слова. Но дело не о том, а о деньгах. Если б животы не были так коротки, кто б велел мне жить в Москве? Ты не можешь вообразить, какая здесь скука нестерпимая, и которую ни с чем равнять не можно.

Я почту приятною обязанностью исполнить твою просьбу и присматривать за Аленушкою³ в пансионе; все хвалят ее поведение, но она немного ленива, и, может быть, оттого успехи ее не так велики. Уверяю, однако ж, тебя, что она очень изрядно говорит по-французски и танцует; по-немецки, сказывают, она говорит очень хорошо. Советую тебе ее оставить в пансионе, и я тут посадил Маргариточку⁴ не только по некоторым обстоятельствам, но и потому, что Мадам Перне гораздо рачительнее смотрит за своими ученицами, нежели Мадам д'Оррер,⁵ которая никогда не сидит дома и которая именно объявила мне, что по слабости своего здоровья она более за детьми смотреть не может. Впрочем, я знаю, что это одна отговорка. Няня, служившая при Маргариточке, тому причину; эта злая женщина наговорила бог знает что на счет моей Анны Николаевны, ее сплетням поверили, д'Оррер старик приехал ко мне с отказом, и я, не выдавшись и не объяснившись ни с Ве-

⁶ Что отложено — не потеряно (*франц.*).

невитиновой,⁶ ни с Мадам д'Оррер, принужден был взять Маргариточку домой. Дело все кончилось на письмах, по крайней мере я имею от них такие письма, которые совершенно меня и Маргариточку делают невинными. — Словом, я к Вeneвитиновой более не езжу и Мадам д'Оррер не вижу. Беда в этом происшествии состоит в том, что Маргариточка меня называет *отцом*, а не *покровителем* или *благодетелем*, и что она, хотя один раз в месяц, бывает с своею матерью. — Вот тебе в коротких словах вся наша история. С начала я был очень огорчен, а теперь чрезвычайно доволен, что Маргариточка не живет более у Вeneвитиновой. Писать обо всем долго и не можно, но бог все сделал к лучшему. — Оставь Аленушку в пансионе, истинно там лучше и надежнее, а я часто об ней и обо всем до нее касающемся тебя уведомлять буду, и с сердечным удовольствием. Во всяком случае повелевай мною.

Вчера новый наш сотоварищ Макаров давал обед, на который и я был приглашен. Боже мой! Что за общество? Сорок человек, которых я ни одного в лицо не знаю. Что за хозяйка? — *C'étoit absolument le dîner au Voileau.*^a — У меня от скуки так голова разболелась, что я, не мешкая ни минуты, после кофе уехал. Кн. Иван Михайлович Долгоруков⁷ и Антонский-кашка украсили беседу, о прочих и не спрашивай; оставшие усастые офицеры; Власов-дурак,⁸ которого поили вином, смешанным с табаком, — и только. Женщин была одна хозяйка — дура пошлая; она ни минуты не сидела за столом — сама закрывала ставни у окон, чтоб освободить нас от солнца, сама ходила с бутылкою *теплого* шампанского вина и нам наливала его в рюмки. Давно я на таком празднике не был и теперь еще от него не отдохну. Прости! До завтра.

16

Москва. 1819, мая 8.

Я тебя уведомляю, любезнейший мой, о всех наших происшествиях, зная, что все московское для тебя интересно. Соседки мои Пушкины дали прошедшего 1 мая прекраснейший вечер. У них были картины так называемые движущие, и всем этим управлял Тончи.¹ Первая картина изображала Корнелию, мать Граков, указывающую жене Кампанейской на детей своих.² — Кн. Волконская с детьми³ своими была Корнелия, а сестра двоюродная ее мужа, кн. Волконская⁴ — Кампанейская жена. Во второй картине гр. Варвара Алексеевна⁵ представляла святую Сецилию, играющую на арфе, и окруженную поющими ангелами (сыновьями Вeneвитиновой).⁶ Эта картина была прелестна! Третья картина показала нам Антигону, ведущую слепца Эдипа: Антигона была гр. Софья Алексеевна, а Эдип — Тончи. Зрелище, можно сказать, — очаровательное. В антрактах кн. Маргарита Ивановна Ухтомская играла на фортепиано, Пудиков на арфе, славный волторнист Кугель на волторне. Все это было прекрасно; и гости забыли, что в этот день шел проливной дождь, что гулянье в Сокольниках было самое несчастное!

На этих днях Александра Сергеевна Шукина, сестра оставленной Ивановой и племянница кн. Мосальского, бежала из дому дяди своего, Дмитрия Федоровича Шукина, — с холопом генерала Лаптева и, сказывают, вышла за него замуж. По сие время беглецов не отыскали. — Я думаю, что ты знаком был с нею. Она мне всегда казалась умною и любезною девушкою. Нынче на холопей честь, и им жить раздолье! Эта безумная оставила родным письмо, в котором просит, чтоб они почитали ее мертвою, что она бежала с человеком низкой породы, но души благородной и высокой и пр. и пр.⁷

Третьего дня Константин Ржевский⁸ помолвил на дочери генерала Колокольцева,⁹ который купил Берхманов дом, что на Кисловке, — ничего я тебе сказать не могу — что он такое. Невесте шестнадцать лет —

^a Это был обед по Буало (*франц.*).

брови черные дугой — и собою прекрасная. Ржевский в день помолвки в первый раз въехал в дом. Это все сделалось *impromptu*.^a — Толстого Американца я очень давно не видел. Он более, нежели когда-нибудь, пустился в игру; ему недосуг, а я же, во все это время, был нездоров. Киселевы штукатурят и обдeldывают дом и поедут на целое лето в деревню. — Александр Булгаков очень скоро отправляется в Германию вместе с Волковым. Они едут через Киев. — Константин¹⁰ нанял дом в Свиrhoве и всякий час ожидает, что семейство его умножится сыном или дочерью. Плещеев¹¹ сделан камергером и определен к театру. В Петербурге был благородный спектакль, в доме актрисы Семеновоy. Играли «Эдипа»; Гнедич был Эдип, Кокошкин — Полиник, Плещеев — Тезей, а Семенова представляла Антигону.¹² Мне жаль, что этого я не видал, спектакль довольно любопытный — видеть таких актеров, каковы Николай Иванович¹³ и Федор Федорович¹⁴ вместе с Семеновоy. У моего племянника была корь, но, благодаря бога, ему лучше, и кажется он уже выезжает. — Пушкин Алексей Михайлович занят домашними делами, продажею леса, фабриками и пр. и, кажется, в Одессу не едет, а Корсаковы туда отправляются немедленно. Мирза Юсупов взял к себе какую-то русскую красавицу и никоmu ее не кажет, а о госпоже берейторше начинают говорить, что все она это сделала по приказанию своего мужа, который получил чин коллежского асессора.

Княгине свидетельствую мое почтение и целую у нее ручки, малюточек и тебя от искреннего сердца обнимаю. Дай боже, чтоб вы были здоровы и благополучны, и чтобы мы поскорее увиделись! Посылаю тебе мою басню «Яблоноy». Я ее читал в последнем собрании. Прости, любезнейший мой, — не забывай и люби искренно тебе преданного

В. Пушкина.

17

Москва. 18 августа <1819>.

Комиссия твоя исполнена, любезнейший мой; присланная статья из *Варшавы* напечатана в «Московских ведомостях», и славная *Borgondio la Divina*^b известна теперь нашей пресловутой публике.¹ Я не понимаю, отчего ты не получаешь моих писем? Я пишу к тебе каждую неделю и уведомляю о всех наших московских новостях. Главный директор Российских театров кн. Тюфякин² находится здесь, и камергер Майков у него днюет и ночует. По приезде своем в Москву Тюфякин приказал обить ложу директорскую шелковой материей; вот единственная перемена, которая в нашем театре возпоследовала. Вчера играли «Князя-Невидимку».³ Старик Петр Михайлович Лунин⁴ восхищался музыкою, декорациями, балетом и кричал: «C'est comme à Paris! Bravo! Mr. Maikoff! Bravo!».⁵ Я хохотал от чистого сердца. Танцовщица Новикова умерла. О ней не грех потужить и поплакать. Французская труппа, которую ожидают в Петербурге, начнет в сентябре свои представления, и я думаю, что многие варшавские актеры туда переедут. Тюфякин мне сказывал, что все ложи взяты и что это дело пойдет хорошо. Иван Иванович Дмитриев отправляется в Симбирск. Жихарев здесь. У него родила жена, и на этих днях я у него обедаю. Константин Булгаков 19 числа, в день именин своей жены, давал прекрасный праздник в Свиrhoве, большоy обед, концерт, бал и фейерверк. Бала и фейерверка я не дождался по причине нездоровья. Я очень был болен, и хотя теперь и выезжаю, но все берегусь, а особливо боюсь сырости, которая для меня всего вреднее. Мы ожидаем Дашкова с часу на час в Москву. Он едет в Петербург, но только не знаю, на житье или нет? Тургенев и Жуковский меня совсем забыли. О Батюшкове и слухом не слыхал. Знаю только, что он в *Неа-*

^a сразу, мгновенно, экспромтом (*франц.*).

^b Боргондио божественная (*итал.*).

^v Это как в Париже! Bravo! Господин Майков! Bravo! (*франц.*).

поле скучает и редко выходит из комнаты. Мне кажется, что если бы меня послали в Италию, я снова бы помолодел и думать забыл о подагре. Второе издание *Российской истории* гораздо лучше прежнего.⁵ Портрет Николая Михайловича гравирован превосходно нашим славным художником Уткиным, и сходство с оригиналом чрезвычайное. Я надеюсь, что ты уже его имеешь.

Скажи мне что-нибудь о княгине своей и о своих малютках; ты ничего об них не говоришь. Желая, чтобы Вы были здоровы и благополучны; желаю видеть вас и пожить с вами. Бог милостив! Мы увидимся! — Прости! Обнимаю тебя от всего моего сердца.

В. Пушкин.

18

Москва. 19 сентября <1819>.

Что с тобою сделалось, мой любезнейший? Ты ко мне вовсе не пишешь и на письма мои не отвечаешь ни слова. Здоров ли ты и как проводишь время? Что до меня касается, я теперь живу по-прежнему. Тетушка моя, *пробыв у меня более двух месяцев*, отправилась в Козельск, и слава богу, моим угощением довольна.

В Москве новостей и приключений множество. Кирияков, богатейший из здешних купцов, зарезал за обедом сестру свою.¹ Это случилось 7 числа, в присутствии многих родных и гостей. Несчастная жила около суток, исповедовалась; причащалась св. тайн и простила своего убийцу. Все утверждают, что он без ума и что бешенство всему причиною; однако в допросах он ничего безумного не говорил. Старуха мать в совершенном отчаянии. Дом Кириякова запечатан. Он объявил более трех миллионов капитала, а наличных денег нашли только шестьсот тысяч рублей. Старший брат его недавно с ним разделился и получил также на свою часть несколько миллионов. Эти Кирияковы — двоюродные братья тому, который купил прежде бывший твой дом у Тутолмина.² Убийца содержится теперь в тюрьме, и производится следствие.

На прошедшей же неделе, 9 числа, наши московские гаеры играли «Семирамиду».³ Надобно тебе сказать, что Семенова здесь и приехала сюда на месяц. Кондаков, представлявший роль Ассура, лишь только появился на сцену, забыв свою роль, залепетал, упал и — умер.⁴ Занавес спустили. Директор предложил взять деньги обратно, но публика собранную сумму отдала жене умершего. Киселевы в этот день звали меня в свою ложу, но я по какому-то предчувствию не поехал. Зрителей в театре было множество, и все в одну минуту разъехались по домам.

Константин Полторацкий три дни тому назад давал большой завтрак в Благородном собрании, напротив которого он строит дом, и мы все были званы на закладку. В этот день я провел вечер у кн. Андрея Гагарина, а на другой день мы обедали у Константина Ржевского. Жена его очень не дурна собою, и сущий ребенок; ей не более шестнадцати лет от роду, и она до замужества никуда не выезжала. Алексей Пушкин переехал в Москву. Он жалуется, что ему жить нечем; ему только сто тысяч дохода. Елена Григорьевна все так же жива, свежа и любезна. У них зимою будут концерты и ужины, а балов по случаю траура не будет. Неелов⁵ развертывается, хочет давать вечера и пристраивает несколько комнат к своему дому. Он, Полторацкий и кн. Андрей Гагарин поехали сегодня в Симу, к кн. Анне Александровне Голицыной, и там будут праздновать 14 число.⁶ Как бы я был счастлив, если б этот день проводил с тобою в Варшаве! Поздравляю тебя с любезнейшею именинницею,⁷ целую у нее ручки и желаю вам обоим совершенного благополучия. Малюточек обнимаю. Когда-то мы увидимся? Тургенев, Жуковский — все меня забыли, а о Батюшкове я и вовсе не слышу. Прости, мой любезнейший. Ради бога, люби и не забывай меня.

В. Пушкин.

Р. С. У Американца Толстого последняя дочь умерла, и он очень жалок. Кн. Николай Щербатов⁸ возвратился из чужих краев, но я его еще не видал. Сказывают, что жена его изрядненько говорит по-французски и довольно ловка. Вот каков Париж! Как же не любить его?

19

Москва. 19 января <1821>.

Прекрасно! любезный мой, бесподобно! Ты раздавил змию Каченовского и написал образцовое послание в стихах, жаль только, что *Гасила Цензор* много стихов по невежеству своему и трусости не пропустил.¹ Надеюсь, однако, что они мне доставлены будут; по крайней мере Н. И. Тургенев,² который теперь в Москве, обещается мне их прислать непременно. На этих днях я тряхнул стариною: играл комедию в доме гр. Бобринской, и нас Гедеонова³ всех выручила, пела как ангел и публику восхитила. Американец Толстой женился на Авдотье Максимовне; на прошедшей неделе была их свадьба,⁴ но я еще с молодыми не видался. Московские кумы распустят эту весточку от Кяхты до Афинов, от Лужников до Рима,⁵ но как бы то ни было, а дело сделано.

Рекомендую тебе молодых Британцев, Кавалера Смита и Господина Дикинса. Им Москва, а они Москве полюбилась. Они тебе доставят письмо от княгини, которая, слава богу, здорова. Здесь балы, маскарады и спектакли всем вскружили голову. Завтра бал у Пашковых,⁶ 30-го числа маскарад у Бобринской, третьего февраля спектакль у Полторатских. Приезжай к нам скорее! Авось-либо большого удушья не будет. Прости, любезнейший мой. Служи Амуру и Фебу! Утешай нас и наслаждайся жизнью!

Tuus per semper^a В. Пушкин.

20

Москва. 1828 года, января 2-го.

Поздравляю тебя, мой любезнейший, с наступившим новым годом. Да будет он тебе и всему твоему семейству источником благ совершенных. Желаю сего от искреннего сердца. Я не писал к тебе по сие время от того, что у меня была хирагра и я не владел правой рукой. В Москве много балов, по обыкновению сижу дома. На этих днях играли комедию Загоскина *Благородный театр*,¹ и она публике понравилась. Я жалею, что недуги мои мне в театре быть не дозволили. Иван Иванович Дмитриев, не желая более быть старшиною в Аглинском клубе, подал письмо об увольнении. Старшины приступили к баллотированию, утверждая, что по уставу знаменитого клуба старшина должен целый год исполнять сию должность или выписаться из числа членов. Иван Иванович прислал свой билет. Восемьдесят человек сделали подписку, в том числе и я, что для Аглинского клуба лестно иметь такого почетного члена, каков Иван Иванович, и что, уволив его от должности старшины, должно ему отослать клубный билет обратно. Сию подписку не уважили. Много было шуму и споров. Старшины решились написать к Дмитриеву и уговаривать его остаться старшиною до окончания года. Иван Иванович на их предложение не согласился и от клуба Аглинского отказался совершенно. Я был у него накануне нового года и читал все его бумаги касательно сего происшествия. Баратынский в Москве, и я еще не виделся с ним.

«Северные цветы»² продаются у Ширяева и у Глазунова,³ но я их не имею. Портрет моего племянника, сказывали мне, гравирован прекрасно.⁴ У Полевого я был два раза, но все не заставал его дома. Альманах Измайлова стал на мель;⁵ никто ему не помогает и не присылает ни стихов, ни прозы. — Судьба Алябьева и Шатилова решена и, к сожалению, не в их пользу.⁶ Они в Москве жить более не будут. Блудов очень

^a Твой навсегда (лат.).

болен; о том пишут из Петербурга. Жихарева я вовсе не вижу; он забыл о моем существовании, а как я никуда почти не выезжаю, то и не знаю, что он делает. Толстой Федор Иванович уехал в Петербург; повез туда Хлюстиных, своих племянников.⁷ На будущей неделе в доме Юсупова будет по подписке французский спектакль, разумеется, что Дюкло в числе актеров, и еще какая-то прелестная француженка, недавно сюда приехавшая.

Вот тебе все наши новости. Напиши, что у вас делается в Пензе? Познакомился ли ты с госпожою Кен, которую я очень коротко знаю, и прошу тебя ей засвидетельствовать мою преданность. Княгине Вере Федоровне и всем вашим скажи мое душевное почтение. Ожидаю от тебя писем нетерпеливо. Будь здоров, мой любезнейший друг, и не забывай вечно тебе преданного

Василий Пушкин.

Генваря 3-го.

В первый день нового года был бал у Василия Дмитриевича Камынина, на котором находилось 200 человек. Зять его Арсеньев⁸ у меня вчера обедал и рассказывал о том. Вчера поутру был также у меня И. И. Дмитриев. Ожидают много нового из Петербурга. Уверяют, что купцам 1 и 2 гильдии позволено покупать дворянские имения. Ломбард будет платить капиталистам только по 3 со ста процентов. Устав Банкротный выходит в свет с какими-то строгими дополнениями.⁹ Вот тебе сколько нового.

Пишу с трудом, и рука все еще болит и трясется. Обнимаю тебя.

21

Приятное письмецо твое от 26-го июля я получил только вчера, 4 августа, мой любезнейший. Оно меня обрадовало сердечно; я беспокоился о тебе и удивлялся твоему молчанию. Я рад, что ты познакомился с Бекетовыми,¹ я их люблю, а особливо Николая Алексеевича. Золотарева — женщина умная, большая хозяйка, и дочки ее — девушки очень милые. Радищев² — приятель мой старинный, человек умный и приятный в общении. Брат его Василий Александрович³ был в Москве прошлого года и у меня бывал нередко. Уверь их обоих в сердечной моей преданности и уважении. Я вижу по всему, что в Пензе жить можно, и что тебе там не скучно.

Вчера я обедал у Н. В. Ушакова⁴ на Пресне. Мы обедали внизу; дам не было. Кажется, весь Аглинский клуб был созван: Киселев, Канчеев, Садыков, Мордвинов,⁵ Хомяков,⁶ кн. Владимир Голицын,⁷ Грузинский и множество других. Старшая Ушакова идет, говорят, замуж за Долгорукова, бывшего друга кн. В. Ю. Горчаковой.⁸ Однако помолвка еще не объявлена. Соболевский⁹ уехал в Петербург с превеликими усами. Письмо твое к племяннику¹⁰ отошло сегодня же, только я не знаю, не уехал ли он в Псковскую деревню, куда отправился также и брат Сергей Львович? Барон Дельвиг еще из Харькова не возвратился. Он лишился отца своего;¹¹ и чрезвычайно, рассказывают, огорчен. Шевырев переводит Вальштейна.¹² Читал ли ты в Московском вестнике перевод его Вальштейнова лагеря? вот стихи, какими наш романтик нас подбивает:

Куда ты ни придешь
Ан приперто везде, мечом не отопрешь!
Нарыскались, как бешены собаки,
Мы по свету: я выбился из сил.
К саксонам разом укатил,
Себе Н'ум: у них зимуют раки.

Вся пьеса написана таким прекрасным языком и с апострофами:

Послуш'ка брат, — как будто
пер'родился — что окол'оси
колесо; —

и тому подобное.

Я сказал Шевыреву в глаза, что русский язык не есть язык площадной; что можно писать простым слогом, но не перенимать у холопей и извожиков; что Вольтер очень умно сказал, когда его уверяли, что Шекспир в своих творениях изображал природу: *C'est tres bien, mais mon cul est dans la nature et cependant je porte une culotte.*^a Молодые наши писаки чрезвычайно самолюбивы и упрямы. Они воображают, что с неба хватают звезды и от того самого пишут нелепицу.

Прости, любезнейший друг! Мое душевное почтение княгине и поцелуй за меня своих малюток. Молодые Мещерские¹³ были в Москве. Я с ними виделся у И. И. Дмитриева. Будьте здоровы и благополучны!

Москва, 8 августа
1828 года.

Анна Николаевна и дети свидетельствуют тебе свое почтение. Благодарю тебя чувствительно, что ты об них помнишь.

22

Москва. 14 февраля 1829 года.

Благодарю тебя, мой любезнейший друг, за истинно дружеское письмо твое, которое я получил на другой день твоего отъезда. Твои советы благие; будь уверен, что я их с любовью принимаю, я всей душой желаю устроить дела мои продажею моего имения, как Нижегородского, так и Калужского. К беде моей, несмотря на то что я публикую в ведомостях о продаже очень хорошего имения, покупщики не являются, и ни в чем никакой удачи нет. Мудрено ли, что я болен, что у меня разливается желчь и что лекарства мне не помогают? Если б желание мое исполнилось, то есть если б я продал мое имение, то я уверен, что здоровье мое было лучше, а может быть и совсем было поправилось. Надобно знать, каковы для меня ночи и что в бессоннице мне приходится в голову? всякой бы пожалел меня, а ты верно более другого. Прошлого года некто пензенский помещик барон Николай Антонович Шлиппенбах предлагал мне за мое Болдино, в котором находится налицо более шести сот душ, заемные свои письма, но я продаю деревню для заплаты долгов и для того, чтоб устроить состояние детей моих. Я им хочу оставить деньги, а не заемные письма господина Шлиппенбаха. Я уверен, что ты скажешь, что на такие предложения согласиться нельзя.

Владимир Васильевич Измайлов очень жалеет, что он никогда тебя не заставал дома. Я его уведомил о твоем отъезде. Завтра в доме Горного правления А. Я. Булгаков дает маскарад, на котором я, конечно, не буду, но думаю, что у него будет весело. Хозяин любезен и умеет угощать своих гостей. В Атенеи готовится критика на А. Пушкина.¹ Увидим, что это такое будет?

Прости, любезнейший друг!

Свидетельствую нижайшее мое почтение кн. Вере Федоровне, Праксоеве Юрьевне² и всем вам желаю благополучия совершенного. Обнимаю тебя душевно.

Преданный В. Пушкин.

P. S. Анна Николаевна и Маргариточка свидетельствуют тебе искреннейшее свое почтение и благодарят за твою ко мне любовь.

^a Все это очень хорошо, и мой зад принадлежит природе, однако я ношу штаны (франц.).

Москва. 1829 года, апреля 4.

Надеюсь, мой любезнейший, что ты получил и письмо мое, и записку о моем нижегородском имении. Дай бог, чтоб старанием твоим я его продал, чтоб устроил дела мои, и чтоб сердечное желание мое исполнилось.

Твой *Victor Hugo*¹ не отыскивается. Декамп говорит, что ему сам *Victor Hugo* подарил свои стихотворения. Баратынский уверяет, что он у тебя их не брал и что их у него нет. Я нахожу, что ты слишком тароват на книги, даешь их читать кому ни попало, и они пропадают. Я спрошу Полевого, не он ли взял твоего *Victor Hugo*? Если я его отыщу, непременно отдам Демиду² и тебе доставлю.

Новая поэма А. Пушкина показалась в свет; но под названием «*Полтавы*», а не «*Мазепы*». Я нахожу, что А. Пушкин напрасно переименовал ее название, но как бы то ни было, поэма его есть превосходное творение. Характер Мазепы, описание казни Кочубея, Полтавское сражение — все это написано мастерски. Он употребил новое слово: дрема *долит* вместо *одолевает*, он говорит, что сие слово находится в старинных русских песнях, равномерно и *топ* вместо *топот*. Но я много читал песен старинных, и оные переводил на французский язык;³ признаюсь, однако, что сих слов нигде не заметил. Впрочем, что значит одно слово пред множественством красот, коими наполнена его поэма? Еще повторяю, она есть превосходное творение, и я несколько раз ее перечитывал сряду.

Вот тебе новость. Кн. Иван Долгорукой⁴ не женится на Ушаковой. Ему отказали; но причины отказа мне не совсем известны. Говорят, что будто отец Ушаков кое-что узнал о нем невыгодное. Невеста и бывший жених в горе. Он теперь живет у сестры своей Новиковой,⁵ которая языка держать за зубами не умеет. Жаль бедной девицы и жаль, что родители ее поступили в сем случае неосторожно и позволили дочери обходиться с женихом слишком ласково. В прошедший вторник, 2 апреля, был в Собрании благородном прекрасный концерт. Мелас⁶ пела, Ромберг⁷ играл на виолончели. Сказывают, что в концерте находилось 1200 человек. Это похоже на старину. Разумеется, что я там не был. Участь моя сидеть в шлафроке дома.

Сегодня Декамп⁸ читает «Клитемнестру» Сумета.⁹ Это будет последнее его чтение. В прошедший четверг он был публикою не доволен, но и публика кажется не очень была им довольна. Надеюсь, что я уже буду его слушателем. Я еще не слышал, как он читает трагедию. Бывало и я читывал Расина, Вольтера и Дюсиза,¹⁰ и читывал изрядно. Все это прошло как сон.

Башилов¹¹ весь проигрался и уехал к матери в деревню без плаща и шубы. Жаль, что история Долгорукова случилась в его отсутствие; он бы мне привез обо всем весточку.

5 апреля.

Вчера я был на чтении у Декампа. Слушателей было гораздо меньше прошлых дней. Может быть оттого, что вчера многие поехали в концерт к Ивану Александровичу Нарышкину.¹² Трагедия Сумета написана хорошими стихами, но Декамп читал посредственно. На этих днях был у меня Мицкевич, мы говорили о тебе и сожалели, что ты не с нами. Он отправляется в Дрезден, а оттуда в Италию или, может статься, в Париж, смотря по обстоятельствам. В 6 № «Телеграфа» напечатана величайшая похвала Мицкевичу и мои стихи к А. Пушкину.¹³ Ты забыл их отдать Полевому, и он получил их от меня самого. Раич имеет более 1200 подписчиков.¹⁴ На него кто-то сделал прелестную эпиграмму и напечатал в Дамском журнале. Вот она:

Питмей недавно в брак ступил,
И публика о том смекает.
В статьях своих овечкой прежде был;
Теперь бодает.¹⁵

Тебе, я думаю, известно, что Раич недавно женился на какой-то хорошенькой немочке, и слух носится, что он сделался большим ревнивцем. Прости, любезнейший мой. Ради бога, уведошь меня поскорее о своем здоровье и о том, что у вас делается. Душевные поклоны княгине и всем вашим. Обнимаю тебя,

преданный В. Пушкин.

24

Поздравляю тебя, любезный друг, с наступающим праздником воскресенья Христова. Желая, чтоб мы все воскресли к новым радостям и к новым удовольствиям! Приношу искреннейшее мое поздравление с праздником м. г. кн. Вере Федоровне, Прасковье Юрьевне и всем вашим. Я надеюсь, что я ими не забыт. Здоровье мое несколько поправляется, но у нас стоит погода холодная и серая, и это для меня никуда не годится. А. Пушкин здесь и, кажется, не так скоро отправится в Грузию. Твой Victor Hugo пропал без вести, и нигде я его отыскать не могу. Кн. Николай Долгорукой,¹ толстяк, племянник Варвары Николаевны Барк, назначен в Тегеран на место покойного Грибоедова. Генерал-адъютант Потемкин² едет туда для исследования всех ужасов, которые там происходили. Дочь Варвары Марковны Мертваго идет замуж. На ней женится соученик моего племянника Маслов,³ двоюродный брат Курбатова. Граф Владимир Пушкин в Москве и тебе кланяется усердно. Жена его очень мила и хорошо воспитана.⁴ Она здесь всем полюбилась. Графиня-старуха чрезвычайно слаба, но ее несколько оживил приезд сына и невестки. Генерал Княжнин,⁵ твой знакомец, умер. Хвостов хотел написать стихи на его кончину. Они напечатаны в «Инвалиде».⁶ Роман Булгарина *Иван Выжигин* доставил ему, как сказывают, сорок тысяч рублей. Филимонов⁷ назначен губернатором в Архангельск. Не обязан ли он сям местом *Дурацкому колпаку*?⁸ Ожидаю от тебя писем нетерпеливо. О если б я продал мое Болдино! Кажется, и подагра, и желчь, и все бы мои *лихие болести* миновались!

Обнимаю тебя от всего сердца. Преданный твой

Василий Пушкин.

Москва 1829 года.

Апреля 11 дня.

25

Москва 11 июня 1829 г.

Дружеское твое письмо от 31-го мая я получил, мой любезнейший друг. Благодарю тебя покорно за любовь твою и все попечения о моих делах. Бог тебе воздаст за меня!

Имению моему последняя самая цена 230 тысяч рублей, дешевле этого я продать не могу, тем более что, несмотря на дешевизну хлеба, я и нынешний год получил с того имения более 20 тысяч доходу. Сибирские деревни дешевле Лукояновских, и моя вотчина не так малоземельна, потому что на ревизскую душу находится в ней около семи десятин лучшего чернозема. Мне уже здесь предлагали 230 тысяч руб., но я на это не согласился, а за 250 тысяч отдам с охотою. Я знаю, что от продажи сего имения зависит совершенно мое спокойствие, но также и за бесценюк отдать нельзя. Доходы дают цену моему имению, и хотя хлеб дешев, но у нас он все дороже, нежели в Пензе и Симбирске. Из Пензы и Симбирска к нам прошедшею зимою в Арзамас и Лукоянов привозили продавать хлеб. Похлопочи обо мне, друг милый, и о делах моих. Маргариточка тебе пишет вместо меня, у меня сильная подагра, я рукою не владею, а что хуже всего, страдаю и не сплю ни днем, ни ночью. Елена

Григорьевна Пушкина очень больна, у нее было три апоплексических удара; это несчастье случилось с нею на даче у Ребяниных 31 мая. Доктора уверяют, однако, что она будет жива и будет владеть рукою и ногою, жаль ее сердечно.

Полевые пишут непрерывно нелепости насчет французской литературы, с презрением говорят о Гомере, называют Анакреона пьяницею, а Горация шалуном, восхищаются Фальстафом и уродливыми творениями Шекспира. Это происходит оттого, что они французской литературы не понимают, да и в Шекспире любят только то, чего любить не должно.¹ Барон Екстейн их свел с ума, но что такое Екстейн на поприще литературы?² Можно ли почитать его образцовым критиком и верить его суждениям? Александр Пушкин в Тифлисе, и, как слышно здесь, не выигрывает. Страсть к картам его погубит. Я недавно познакомился с новыми нашими стихотворцами Маркевичем³ и Языковым. Маркевич мне сказывал, что он сочиняет героическую поэму Дмитрий Донской. Он совершенное дитя природы, хороший музыкант, но лицом к ставцу сесть не умеет. Баратынский был здесь на короткое время, его тесть переломил себе руку и он поскакал к нему в деревню. Сердечно радуюсь, что все теперь покойнее, и молю бога, чтобы вы, мои милые, были здоровы и благополучны! Советы твои истинно дружеские всегда принимаю и принимать буду с любовью и искреннею благодарностию, еще молю тебя, не оставь меня, мой друг. Княгине Вере Федоровне, Прасковье Юрьевне и всем вам свидетельствую мое душевное почтение и преданность.

Верный твой слуга и друг
Василий Пушкин.

Секретарь мой также свое нижайшее почтение свидетельствует.

26

Москва. 18 июня <1829>.

На прошедшей почте, мой любезнейший друг, вместо меня писала к тебе Маргариточка, а на нынешней я и сам могу писать к тебе. Благодаря бога, мне лучше. Вчера я выезжал и был в Аглинском клубе. Мы одержали над турками славную победу. Великий визирь под Шумлою разбит генералами Дибичем¹ и Паленом.² Несколько тысяч неприятелей положено на месте, четыре тысячи взято в плен. В добычу нам досталось 44 пушки, весь обоз, вся артиллерия и куча припасов.³ Генерал-майор Герман,⁴ Глазенап и Отрощенко⁵ тяжело ранены. Сегодня в соборах и всех церквях о сей победе молебствие. — Елене Григорьевне Пушкиной гораздо лучше. Я истинно о ней плакал горько.

Журналисты наши все перебесились. Раич напал на Полевого, Греча, Булгарина, Шаликова.⁶ Издатель Дамского журнала бесится, но антикритики его весьма невинны. Его бьют, а он едва только царапает. Дочь горбуна Толстого бежала из родительского дома и обвенчалась с Михайловым, сыном Михаила Петровича Голицына.⁷ Толстой дочь свою проклял и ничего ей не дает, а у молодого Михайлова ничего кроме модного сертучка и пестрых панталон нет. На этих днях ожидают сюда кн. Николая Ивановича Трубецкого.⁸ Тело его жены⁹ давно привезено и стоит в Донском монастыре. По его приезде тотчас будут похороны.

Касательно продажи имения моего, известного во всем округе по хорошим угодиям и земле, я согласен из суммы назначенной 250 тысяч рублей еще уступить пять тысяч рублей, и это будет с крайним для меня убытком и невыгодю; но что делать? Обстоятельства того требуют. Земля одна, за исключением крестьян, стоит этих денег, и, воля госп. Бестужева,¹⁰ наших деревень ни с пензенскими, ни с симбирскими равнять нельзя. Во-первых, они ближе, во-вторых, хлеб у нас продается гораздо дороже и доходы наши значительнее. —

Сделай одолжение, любезнейший друг, похлопочи обо мне сколько можешь. Ты опекаешь детей моих, и я буду за тебя молить богу!

Милостивой государыне кн. Вере Федоровне свидетельствую мое душевное почтение, и всем вам желаю всего доброго! Прости, обнимаю тебя от всего сердца.

Пред<анный> Василий Пушкин.

Скоро ли отправляешься в Астрахань? Завидую тебе! К несчастью моему, я все должен жить в Москве, по всему чрезвычайно скучной и несносной.

27

Москва. 9 марта 1830 года.

Завидую тебе, мой любезнейший друг! Ты в Петербурге, и, без сомнения, часто видишься с общими нашими друзьями, Дашковым, Жуковским, Блудовым и пр. А я сижу все взаперти и только тех вижу, которые обо мне вспомнят. Страданиям моим нет конца, и хотя мой эскулап уверяет, что мне весною будет лучше, но признаюсь, что я словам его не очень верю. Государь император в Москве. Он приехал 4-го числа, в два часа полуночи. Третьего дня был во дворце обед для первых двух классов. Собрание в Кремле народа было, сказывают, невероятное. Вчера поутру представлялись государю все московские дворяне. Вечеру был концерт в благородном собрании. В нем участвовали лучшие здешние музыканты, певцы и певицы; Фильд,¹ Шульц,² Марку,³ Миллер,⁴ Булахов⁵ и пр. Я, бедный страдалец, ничего не увижу, не услышу и нигде не буду. Сергей Дмитриевич Киселев женится на красавице Ушаковой.⁶ Дело слажено, и кажется, что свадьба обрученных непременно будет в апреле месяце. В Аглинском клубе трудятся над преобразованием новых статутков. М. А. Салтыков⁷ находится в числе законодателей, но он должен от сей почести отказаться. Он на этих днях едет в Рязань ревизовать губернию, что кажется поважнее ревизии Аглинского клуба. Николай Алексеевич Бекетов, пензенский твой приятель, тебе доставит письмо мое. Он человек любезный и тебя любит и уважает. Вчера я получил от брата Сергея Львовича письмецо, в котором он говорит, что ты не очень здоров, но я надеюсь, что здоровье твое теперь поправилось.

Чем-то занимается на берегах Невы пресловутый Ф. Ф. Кокорин? Я думаю, что сочинитель «Липецких вод»⁸ угощает его плодовитыми своими трилогиями, комедиями, водевилями, Катенин — изящными своими рассуждениями о *Киклопах*,⁹ Хвостов своими лирическими стихотворениями, и пр.; как он, милый! счастлив и доволен! На этих днях я пробежал новый альманах, «Царское Село».¹⁰ Барона Розена¹¹ я знаю по слуху, но кто такой Коншин?¹² Мне чрезвычайно понравились в стихах Розена сии романтические изречения: *зык колоколов, духа лет*, я еле¹³ и пр. Я также восхитился остроумною сказкою *Медведя Костолома*,¹⁴ и ожидаю, что мы скоро будем читать в альманахах: *на море Океане, на Острове на Буяне, стоял бык чепый*.

Честь и хвала нашим юным писателям! Час от часу произведения их становятся умнее и замысловатее. Что значат «Бедная Лиза», «Наталья Боярская дочь», «Юлия»¹⁵ перед «Медведем Костоломом»? Теперь, по словам Нибура-Полевого, проза Н. М. Карамзина образцом служить не может.¹⁶ Мы просветились и вкус в литературе переменился. Перемена чудесная и достойная уважения!

Прошу тебя, любезнейший друг, засвидетельствовать мое искреннее почтение и преданность м. г. Катерине Андреевне¹⁷ и всему ее семейству. Я надеюсь, что твои родные подчас обо мне вспоминают. Будь здоров и благополучен, любезнейший друг! Обнимаю тебя душевно.

Пред<анный> Василий Пушкин.

Апреля 27-го. Москва. <1830>.

Благодарю тебя, мой любезнейший, за твое дружеское письмо, за твои поздравления, и за все то, что ты бедному страдальцу желаешь. Я давно не писал к тебе. Тяжкая болезнь тому причиною. Более трех недель я лежал недвижим в постеле, и по сие время еще ходить не могу. *Александр* женится. Он околдован, очарован и *огончарован*.¹ Невеста его, сказывают, милая и прекрасная. Эта свадьба меня радует, и должна утешить брата моего и невестку. Лев в Петербурге и верно бывает у тебя не редко. Он также малый добрый и умный. Полевой точно сжег семнадцать листов второго тома своей истории. Нелепые его критики мне надоели. Каков тебе кажется Шаховской? Он с ума сошел и сделался дурак дураком. Можно ли сочинять и печатать такие пошлые стихи, какие я прочел в последнем его сочинении *Москва и Париж*?²

Сегодня у нас в благородном собрании дают спектакль в пользу бедных. Ф. Ф. Кокешкин будет кобениться в роли Мейнау.³ Театр устроен в большой зале. За каждое место платят по 10 рублей. Многие по произволению. Я жалею, что не увижу кн. Гагариной, бывшей Семеновой, в роли Эввалии. Я простился со всеми удовольствиями, даже с Аглинским клубом. Вчера я был именинник. У меня обедали мои родные, а Александр был поутру. И. И. Дмитриев вчера, я думаю, обедал у Жихарева; он также именинник 26 апреля. Мы с ним вовсе расстались; он даже забыл, что я еще пресмыкаюсь в сей плачевной юдоли. Сделай милость, любезнейший мой, порадуй меня собою. Желаю от искреннего сердца, чтоб все слышанное мною о тебе было справедливо. Напомни обо мне Д. В. Дашкову, Жуковскому, Блудову. Я рад благополучию Дашкова; хотел писать к нему и поздравить его, но я забытый в мире, к большим боярам писать не умею. Обнимаю тебя от всего сердца.

Вечно твой

В. Пушкин.

П. П. Прошу тебя засвидетельствовать нижайшее и искреннейшее мое почтение м. г. Катерине Андреевне и всему ее любезнейшему семейству. Я всегда их люблю и помню о них.

Поздравляю тебя, мой любезнейший, со днем твоего ангела. Желаю от всей души и сердца совершенного тебе благополучия. Я надеюсь, что ты уверен, что желания мои искренни и происходят от любви моей к тебе. — Я все ожидал, что ты приедешь в Москву, хотя на время, но по письмам брата Сергея Львовича вижу, что ты остаешься в Петербурге. — Я очень давно не видался с твоею княгиней; она в Астафьеве, а я сижу калекой в Москве. Что делать? Болезнь моя меня разлучает со всеми любезными моему сердцу. Если б было возможно, неужели я не съездил бы в Астафьево? — Выздоровел ли ты после неприятного случая, с тобою приключившегося? Ради бога, напиши мне хотя строчку. Стихи твои к графине Людолфе¹ прелестны, но кто она такова? Откуда прилетела эта птичка на берега Невы? и как ты познакомился с нею? — От Полевого житья нет. Читал ли ты *Утро в Кабинете Знатного Барина*? Князь Юсупов обруган, да и племяннику моему достается от злого и бранчливого журналиста.² Его проучить должно не эпиграммами, а чем-нибудь другим. Он обещается выдать нам несколько томов своей истории в непродолжительном времени. Это будет пожива для Литера-

турной газеты,³ которую я читаю с большим удовольствием. Прости, мой любезнейший. Обними Жуковского, Дельвига, а о Дашкове я уже не говорю ни слова. Он обо мне не помнит. Обнимаю тебя душевно.

Пред(анный) В. Пушкин.

Москва. 1830 года, июня 28 дня.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. ¹ Это письмо не сохранилось.

2 Речь идет о журнале «Санкт-Петербургский вестник», издававшемся Вольным обществом любителей словесности, наук и художеств в Петербурге в 1812 г.

3 Жоффруа Жюльен Луи (1743—1814) — французский критик. «Московский Жоффроа» — М. Т. Каченовский.

4 Речь идет о «Прибавлении к разговорам о словесности, или Возражении против возражений, сделанных на сию книгу», изданном А. С. Шишковым в Петербурге в 1812 г.

5 В «Санкт-Петербургском вестнике» (1812, № 1) были помещены резкая рецензия Д. В. Дашкова на «Прибавление к разговорам о словесности» Шишкова и статья «Опыт разбора русских синонимов», где критиковалось последнее издание «Словаря Российской Академии» (Шишков был членом, а с 1813 г. президентом Российской Академии).

6 Глинка Сергей Николаевич (1776—1847) — поэт и журналист, издатель официально-патриотического «Русского вестника» (1808—1820, 1824).

7 Макаров Михаил Николаевич (ок. 1789—1847) — поэт, историк литературы, журналист карамзинистской ориентации. Анастасевич Василий Григорьевич (1775—1845) — литератор и журналист, близкий к «Беседе любителей русского слова», издатель журнала «Улей» (1811—1812), не имевшего успеха и потому прекратившегося.

8 Свадьба Д. Н. Блудова и княжны Анны Андреевны Щербатовой (1777—1848) состоялась 28 апреля 1812 г.

9 В. Л. Пушкин был женат на Капитолине Михайловне Вышеславцевой (1778—1861), которая в 1803 г. возбудила против него затянувшийся до 1806 г. бракоразводный процесс, обвиняя в связи с вольноотпущенной девкой Аграфеной Ивановой. Суд развел супругов, наказав В. Л. Пушкина обетом безбрачия (см.: Семейные безобразия былого времени. — Русский архив, 1894, № 12; К биографии Василия Львовича Пушкина. — Русская старина, 1903, № 3).

10 Пушкин Алексей Михайлович (1771—1825) — писатель и переводчик, родственник В. Л. Пушкина.

11 Квинтич — карточная игра.

12 Хитров Игнатий — слуга В. Л. Пушкина, сочинявший стихи (к письму В. Л. Пушкина П. А. Вяземскому от 3 января 1821 г. приложено стихотворное «Послание кн. Петру Андреевичу Вяземскому Костромскому от Игнашки дурашки» — ЦГАЛИ, ф. 195, оп. 1, ед. хр. 5082, л. 94 об.—95); он сопровождал В. Л. Пушкина и А. С. Пушкина в Петербург в 1811 г.

13 Возможно, Щербинин Михаил Андреевич (1798—1841), участник Отечественной войны 1812 г., знакомый А. С. Пушкина.

2. ¹ «Домосед» — намек на П. А. Вяземского.

2 Карабанов Петр Матвеевич (1764—1829) — поэт и переводчик, член «Беседы любителей русского слова», в 1812 г. в Москве вышли его «Сочинения и переводы».

3 Захаров Иван Семенович (1754—1816) — сенатор, член Российской Академии, поэт и переводчик, председатель «Беседы любителей русского слова».

4 Журнал Макарова — по-видимому, имеется в виду курьезный «Журнал для милых», издававшийся М. Н. Макаровым в 1804 г. «Похвала женам» — стихотворение И. С. Захарова, опубликованное в «Беседе любителей русского слова» (1811).

5 «К пенатам» — первоначальное название известного послания К. Н. Батюшкова «Моя пенаты», которое В. Л. Пушкин знал в рукописи (впервые опубликовано в 1814 г.).

6 Намек на басню И. И. Дмитриева «Лебедь и гагары» (1805).

7 Т. е. Н. М. Карамзин.

8 Пушкина Елена Григорьевна, урожд. Воейкова (1778—нач. 1833) — жена А. М. Пушкина.

3. ¹ 1 сентября 1812 г. П. А. Вяземский выехал из Москвы в Ярославль к жене, вместе с ней прибыл в Вологду, а затем вернулся в Москву и поселился в подмосковном имении Остафьево.

2 В 1812 г. В. Л. Пушкин бежал из Москвы в Нижний Новгород, откуда ездил в деревню.

3 Стихотворение В. А. Жуковского «Певец во стане русских воинов» опубликовано в «Вестнике Европы» (1812, ч. 66, № 23, 24) с подзаголовком «(писано после отдачи Москвы перед сражением при Тарутине)» (два отдельных издания — СПб., 1813).

4. ¹ Осенью 1817 г. П. А. Вяземский был определен на службу в Варшаву, которая продолжалась до апреля 1821 г. П. А. Вяземский приехал в Варшаву в феврале 1818 г.

² Мансуров Александр Павлович (1795—1880) — капитан Измайловского полка, впоследствии генерал-адъютант, с 1821 г. флигель-адъютант.

³ Жихарев Степан Петрович (1788—1860) — переводчик и театрал, участник «Арзамаса».

⁴ Первые восемь томов «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина вышли в свет в 1818 г.

⁵ Вигель Филипп Филиппович (1786—1856) — участник «Арзамаса», автор мемуаров. «Ивиков Журавль» — его арзамасское прозвище. Письмо, о котором идет речь, не сохранилось.

⁶ Мусина-Пушкина Екатерина Андреевна, урожд. кн. Волконская (1754—1829) — вдова Алексея Ивановича Мусина-Пушкина (1744—1817), историка, археолога и собирателя рукописей, президента Академии художеств, знакомого Н. М. Карамзина.

⁷ Булгаков Александр Яковлевич (1781—1863) — московский почтдиректор, близкий всему карамзинскому кругу.

⁸ Малиновский Алексей Федорович (1762—1840) — пачальник Московского архива Министерства иностранных дел, постоянно помогавший Карамзину в работе над «Историей».

⁹ Оболенский Василий Петрович (1780—1834) — генерал-майор, женился на Екатерине Алексеевне Мусиной-Пушкиной.

¹⁰ Мусина-Пушкина Софья Алексеевна, в замужестве кн. Шаховская (1792—1870) — сестра Екатерины Алексеевны Мусиной-Пушкиной, адресат стихотворных посланий П. А. Вяземского и В. Л. Пушкина.

¹¹ Речь идет о Марии Васильевне Бальмен, урожд. Нарышкиной (во втором браке Олсуфьева).

¹² «Кабуд-путешественник» — стихотворение В. Л. Пушкина, прочитанное им на 33-м заседании Общества любителей российской словесности 22 февраля 1818 г.; опубликовано в «Трудах Общества любителей российской словесности» (М., 1818, ч. X). 22 мая 1818 г. В. Л. Пушкин писал П. А. Вяземскому в Варшаву: «Посылаю тебе моего Кабуда, напечатанного <...> Надеюсь, что ты моим Кабудом будешь доволен. Я чистосердечно сказать могу, что мой Осел из лучших наших сказок, и я очень рад, что призвел его на свет» (ЦГАЛИ, ф. 195, оп. 1, ед. хр. 2611, л. 43 об.).

¹³ Нарышкин Александр Львович (1760—1826) — обер-камергер, главный директор театров, известный остро слов, по словам С. П. Жихарева — «первый гастроном своего времени».

¹⁴ Возможно, Лобанова Екатерина Ивановна (1798—1835?) — артистка балета московского театра.

¹⁵ Медведева, Новикова, Баркова — артистки балета московского театра.

¹⁶ Имеется в виду Матвей Андреев — герой повести Н. М. Карамзина «Наталья, боярская дочь» (1792). Повесть начинается описанием его хлебосольства.

¹⁷ Майков Аполлон Александрович (1761—1838) — действительный статский советник, камергер, директор императорских театров.

¹⁸ «Адольф и Клара, или Два арестанта» («Adolphe et Clara, ou Les deux prisonniers») — комическая опера в одном действии. Текст Б. Ж. Марсолье, музыка Н. Далеярака.

¹⁹ «Майкова дочь» — Вера Аполлоновна Майкова (1797—1855) или Клеопатра Аполлоновна Майкова (1800—1884).

²⁰ Кокосшкин Федор Федорович (1773—1838) — директор московских театров, драматург.

²¹ Соллогуб Александр Иванович (1784—1843) — граф, церемониймейстер, тайный советник, отец писателя В. А. Соллогуба.

²² См. письмо № 8, примеч. 15.

²³ «Рикошеты» (1807) — одноактная комедия французского драматурга Луи Франсуа Пикара (1769—1828).

²⁴ «Предполагаемое сокровище» (1802) — комическая опера французского композитора Этьена Мегюля (1763—1817) на слова французского драматурга Франсуа Бенуа Гофмана (1760—1828).

²⁵ Трубецкая Аграфена Ивановна — с 1826 г. жена А. П. Мансурова.

²⁶ Голицына Анна Федоровна, урожд. Бахметьева (ум. 1842) — жена кн. Н. Ф. Голицына.

5. ¹ По-видимому, имеется в виду Буассар (Boissard), басни которого перевел В. Л. Пушкин («Голубка», 1806; «Вяз и решейник», 1807).

² Дети В. Л. Пушкина (от гражданского брака с А. Н. Ворожейкиной) — Лев Васильевич (род. 1812) и Маргарита Васильевна, в замужестве Безобразова (1810—1889).

³ О каком Потоцком идет речь — сказать трудно.

⁴ Кайсаровы — Андрей Сергеевич (1782—1813) и его брат Михаил Сергеевич (1780—1825), сочинитель и переводчик.

⁵ «Старушка» — «Баллада, в которой описывается, как одна старушка ехала на черном коне вдвоем и кто сидел впереди» (перевод из Р. Саути). О цензурной истории этой баллады, напечатанной только в 1831 г., см.: Русская старина, 1887, т. LVI, с. 485.

⁶ Речь идёт об известном 33-м заседании Общества любителей российской словесности (22 февраля 1818 г.), на котором поэт и критик, профессор Московского университета А. Ф. Мерзляков (1778—1830) читал «Письмо о гекзаметрах, балладах и баснях, присланное от неизвестного». «Письмо» принадлежало ему самому и было одним из заметных антиромантических выступлений, получившим широкий резонанс. Одним из объектов критики Мерзлякова был Жуковский, давний и некогда даже близкий знакомый Мерзлякова. На этом же заседании В. Л. Пушкин читал свои стихотворения «Подражание XXXI оде Горация», «Кабуд-путешественник», а также стихотворение В. С. Чюрикова «Песнь старца». «Светлапа» — арзамасское произведение В. А. Жуковского.

⁷ Министр просвещения — кн. Голицын Александр Николаевич (1773—1844).

⁸ Попечитель университета — Оболенский Андрей Петрович (1769—1852), двоюродный дядя П. А. Вяземского.

⁹ Речь идет о дорожном приключении П. А. Вяземского, которого обокрали по пути в Варшаву. Догнавший П. А. Вяземского Иван Семенович Тимирязев (1790—1867), адъютант вел. кн. Константина Павловича, снабдил его деньгами.

¹⁰ Имеется в виду «Речь» Александра I при открытии Сейма в Варшаве в 1818 г., написанная по-французски. Перевод ее на русский язык, в котором принимал участие П. А. Вяземский, был опубликован в «Северной почте» (1818, № 26).

¹¹ Т. е. у И. И. Дмитриева.

¹² Нелединский-Мелецкий Юрий Александрович (1752—1826) — сенатор, поэт.

¹³ Нелединская-Мелецкая Софья Юрьевна (1793—1879) — дочь Ю. А. Нелединского-Мелецкого, 21 апреля 1818 г. вышла замуж за Федора Васильевича Самарина (1784—1853), камергера, шталмейстера, участника Отечественной войны 1812 г.

¹⁴ Врисе — комический и оперный актер французской труппы, находившейся в Варшаве. В 1818 г. с женою играл на французской сцене в Петербурге. Бывал с женою в Варшаве в доме П. А. Вяземского.

¹⁵ Дружинин — московский актер.

¹⁶ Т. е. Мусины-Пушкины.

б. ¹ Оболенские — родственники П. А. Вяземского.

² Торماسов Александр Петрович (1752—1819) — граф, генерал от кавалерии, с 1816 г. военный генерал-губернатор в Москве.

³ Король прусский, Фридрих Вильгельм III (1770—1840), приехал в Россию 29 мая 1818 г. и пробыл в Москве и Петербурге до 10 июля.

⁴ Юсупов Николай Борисович (1750—1831) — князь, вельможа екатерининского времени, коллекционер и меценат, знакомый А. С. и В. Л. Пушкиных. В. Л. Пушкин, как и его племянник, бывал в подмосковном имении Юсупова Архангельском, высоко ценил собранную там коллекцию произведений искусства и книг. В январе 1820 г. В. Л. Пушкин писал П. А. Вяземскому: «Князь Юсупов в большом горе; славный его дворец в Архангельском сгорел до основания. Группы Кановы, изображающей Амура и Психею, более не существует, лучшие картины сделались жертвою пламени; библиотека спасена. Всем любителям художеств и изящного должно сожалеть о такой величайшей потере; иного и с деньгами купить нельзя» (ЦГАЛИ, ф. 191, оп. 1, ед. хр. 2611, л. 104 об.).

⁵ Толстой Федор Иванович («Американец») (1782—1846) — граф, участник Отечественной войны 1812 г., знакомый Вяземского, Пушкиных, Грибоедова, известный своими дарованиями, эксцентрическими выходками и бреттерством.

⁶ Стешка — цыганка.

⁷ Катенин Павел Александрович (1782—1853) — поэт-архангел, драматург и критик, участник раннедекабристских обществ, литературный противник арзамасцев, и более всего Вяземского.

⁸ Балк-Полев Петр Федорович (1777—1849) — русский посланник в Бразилии.

⁹ Дружинин Петр Михайлович (1764—1827) — директор училищ Московской губернии, адъюнкт Московского университета по кафедре естественной истории.

¹⁰ Голицына Евдокия Ивановна, урожд. Измайлова (1780—1850) — княгиня, жена Сергея Михайловича Голицына, хозяйка петербургского салона, известная как «Princesse Nocturne» («ночная княгиня»), знакомая А. С. Пушкина.

¹¹ Голицына Софья Борисовна (1795—1871) — княгиня, впоследствии жена Константина Марковича Полторацкого (1782—1858), генерал-лейтенанта, участника Отечественной войны 1812 г.

¹² Толстая Аграфена Федоровна (1799—1879) — дочь Степаниды Алексеевны Толстой, урожд. Дурасовой (ум. 1821) и Федора Андреевича Толстого (1758—1849), с 27 сентября 1818 г. жена графа Арсения Андреевича Закревского (1786—1865). Известная красавица, адресат стихов А. С. Пушкина и Баратынского.

¹³ Отец И. И. Дмитриева — Дмитриев Иван Гаврилович (ум. 1819), сызранский помещик.

¹⁴ Муравьев Никита Михайлович (1796—1843) — двоюродный брат К. Н. Батюшкова, впоследствии видный деятель декабристского движения.

¹⁵ Парни (Parry) Эварист Дезире де Форж, виконт (1753—1814) — французский поэт, автор «Эротических стихотворений». В данном случае Парни уподобляется К. Н. Батюшкову.

¹⁶ Имеется в виду тетка В. Л. Пушкина — Варвара Васильевна Чичерина (1743—1825), помещица Козельского уезда Калужской губернии.

7. ¹ Имеется в виду Е. И. Голицына. См. письмо № 6, примеч. 10.

² Трагедия в 5 действиях в стихах «Андромаха» была издана только в 1827 г. Орывок из 3-го действия опубликован в «Русской Талии» в 1825 г.

8. ¹ Возможно, Нечаев Степан Дмитриевич (1792—1860) — литератор, археолог.

² Сибилев Евграф Иванович (1759—1839) — московский дворянин, театрал, коллежский ассессор, знакомый А. С. Пушкина.

³ Возможно, речь идет об Александре Дмитриевиче Черткове (1789—1858) — историке, археологе и публицисте, основателе Чертковской библиотеки.

⁴ Потемкина Елизавета Петровна, графиня, урожд. кн. Трубецкая, по второму мужу Подчасная (1796—1870-е гг.) — посаженная мать со стороны жениха на свадьбе А. С. Пушкина.

⁵ Голицыны — Голицына Анна Александровна, урожд. кн. Грузинская (1763—1842), жена генерал-адъютанта кн. Бориса Андреевича Голицына, и, возможно, Е. И. Голицына (см. письмо № 6, примеч. 10).

⁶ Возможно, Ланская Елизавета Яковлевна, впоследствии жена гр. Константина Петровича Сухтелена (1790—1858), шталмейстера.

⁷ Т. е. А. А. Голицына (см. примеч. 5).

⁸ Гагарин Андрей Павлович (1787—1828) — действительный статский советник, шталмейстер, камергер.

⁹ А. П. Гагарин был женат на Екатерине Сергеевне, урожд. Меньшиковой (1794—1835).

¹⁰ Речь идет о Матвее Михайловиче Сонцове (1779—1847), камергере, и его жене Елизавете Львовне, урожд. Пушкиной (1776—1848), сестре В. Л. Пушкина, тетке А. С. Пушкина.

¹¹ Сестры В. Л. Пушкина — Е. Л. Сонцова (см. примеч. 10) и Анна Львовна Пушкина (1769—1824).

¹² Булгаков Константин Яковлевич (1782—1835) — петербургский почтдиректор. Свирлово — подмосковная усадьба.

¹³ Валуево — подмосковное имение Мусиных-Пушкиных.

¹⁴ Марья-Мишель — неустановленное лицо.

¹⁵ Трубецкая Екатерина Александровна, урожд. Мансурова (ум. 1831) — жена кн. И. Д. Трубецкого. Знаменское-Садки — подмосковное имение Трубецких.

¹⁶ Торжественное собрание в Московском университете в июне 1818 г. не состоялось.

¹⁷ Дмитриев Михаил Александрович (1796—1866) — племянник И. И. Дмитриева, поэт и литературный критик.

¹⁸ Шесть томов «Истории Франции XVIII в.» Лакретеля были изданы в 1808 г. Лакретьель (Lacretelle) Жан Шарль Доминик, де (1766—1855) — французский историк и политический деятель.

9. ¹ Остафьевский именовник — П. А. Вяземский, бразильский — П. Ф. Балк-Полев. См. письмо № 6, примеч. 8.

² Гагарина Софья Федоровна, княжна (1794—1855), сестра В. Ф. Вяземской, вышла замуж за Василия Николаевича Лодомирского (1786—1848), полковника, московского уездного председателя дворянства.

³ Северин Дмитрий Петрович (1791—1865) — дипломат, товарищ П. А. Вяземского по иезуитскому пансиону в Петербурге, член «Арзамаса». Его жена — Северина Елена Скарлатовна (1794—1818), урожд. Стурдза, — умерла через пять месяцев после свадьбы.

⁴ Речь идет об А. И. Тургеневе.

⁵ Т. е. Иван Васильевич Нарышкин (ум. 1818).

⁶ Невестка М. В. Вальмен, сестры И. В. Нарышкина, — Нарышкина Елизавета Ивановна, урожд. Метем.

⁷ Баранова Варвара Александровна, урожд. Болтина (ум. 1838) — жена Н. И. Баранова, тайного советника, сенатора. Ее сын Александр Николаевич Баранов (1793—1821) — таврический губернатор.

⁸ Киселев Дмитрий Иванович (1761—1820) — главноприсутствующий в мастерской оружейной палаты.

⁹ Хомутова Анна Григорьевна (1784—1856) — двоюродная сестра поэта И. И. Козлова.

¹⁰ Имеется в виду Урусова Мария Александровна, княжна, в замужестве гр. Мусина-Пушкина (1801—1853).

¹¹ Речь идет о собрании Общества любителей российской словесности.

¹² Бедная Лиза — героиня одноименной повести Н. М. Карамзина.

¹³ Дурасов Николай Алексеевич (1760—1816) — дядя А. Ф. Закревской, был известен своим хлебосольством, имел свой собственный театр и оркестр. 8 октября 1817 г. П. А. Вяземский писал А. И. Тургеневу из Остафьева: «Я вижу отсюда Дурасова, который представителем древней столицы въезжает по Красному крыльцу верхом на стерляди и подносит двору от московского дворянства кулебяку» (Остафьевский архив, т. I. СПб., 1899, с. 90). В. Л. Пушкин в письме П. А. Вяземского к А. И. Тургеневу от 16 января 1819 г. из Москвы сделал приписку: «Вяземский утверждает, что я в Москве заступил место покойного Николая Алексеевича Дурасова, что у меня за обедом птицы райские и рыбы заморские, но это шутка» (там же, с. 189).

¹⁴ Мельгуновы — возможно, Алексей Степанович (ум. 1871), коллежский ассессор, тайный советник, и Николай Александрович (1804—1867), писатель, композитор-любитель.

¹⁵ Оболенский Николай Николаевич (1792—1857), князь — дальний родственник Пушкиных.

10. ¹ Речь идет о К. Я. Булгакове. См. письмо № 8, примеч. 12.

² В «Вестнике Европы» (1818, ч. 98, № 8) была опубликована статья «О медных дверях Софийского собора в Новгороде», переведенная М. Т. Каченовским из книги Фридриха Аделунга «Siegmund Freihers v. Herberstein. Mit besonderer Rücksicht auf seine Reise in Russland» (St.-Petersburg, 1818); в примечаниях к статье были нападки на Н. М. Карамзина. В «Вестнике Европы» же (1818, ч. 100, № 13) М. Т. Каченовский напечатал статью «К господам издателям „Украинского вестника“» за подписи «Лужники», где также подвергался критике Карамзин.

³ Фрерон (Fréron) Эли Катрин (1718—1776) — французский публицист и критик, известен своею враждою с Вольтером; «московский Фрерон» — М. Т. Каченовский.

⁴ П. А. Вяземский был в родстве с Н. М. Карамзиным, женатым на его сводной сестре.

⁵ Речь идет о готовящемся издании «Стихотворений В. Л. Пушкина», вышедшем в Петербурге только в 1822 г.

⁶ Соковнин Сергей Михайлович — переводчик Архива Коллегии иностранных дел. В припадке психической болезни, будучи влюбленным в В. Ф. Вяземскую, 17 апреля 1817 г. на Никитском бульваре упал перед ней на колени; 19 апреля эта сцена повторилась. С. М. Соковнин был арестован и препровожден к родителям, которые отправили его в деревню.

⁷ В июле 1818 г. К. Н. Багюшков получил место при русской миссии в Неаполе.

⁸ Каподистрия Иван Антонович (1776—1831), граф — почетный член «Арзамаса», в 1816—1822 гг. возглавлял с К. В. Нессельроде Коллегию иностранных дел.

⁹ Пушкина Наталья Абрамовна, урожд. Волконская (1746—1819) — мать А. М. Пушкина.

¹⁰ «Богатонов, или Провинциал в столице» — комедия в 5 действиях М. Н. Загоскина.

¹¹ Шаховской Александр Александрович (1777—1846), князь — драматург, поэт, член «Беседы любителей русского слова»; в 1802—1818 гг. начальник репертуарной части имп. театров в Петербурге.

11. ¹ Апраксины — Степан Степанович (1747—1827), граф, генерал от кавалерии и его жена Екатерина Владимировна, урожд. кн. Голицына (1767—1854). Дом Апраксиных в Москве был известен гостеприимством, хлебосольством, литературными чтениями, концертами, спектаклями. Ольгово — подмосковная усадьба Апраксиных, которая, по словам П. А. Вяземского, «была достойною пристройкою к городскому дому, и тут посетители следовали за посетителями, праздники за праздниками, спектакли за спектаклями» (Вяземский П. А. Полн. собр. соч., т. VIII. СПб., 1883, с. 473).

² Речь идет о письме П. А. Вяземского И. И. Дмитриеву из Варшавы (Письма разных лиц к Ивану Ивановичу Дмитриеву. 1816—1837. М., 1867, с. 95—98).

³ См. письмо № 10, примеч. 4.

⁴ «Прекрасный отец» — шутливая калька с французского: «beau-père» (тесть, свекор, отчим). О ком идет речь — неясно.

⁵ Шаликов Петр Иванович (1768—1852), князь — поэт, переводчик, журналист, приятель В. Л. Пушкина.

⁶ Жанлис (Genlis) Стефани Фелисите Дюкре де Сент-Обен, графиня де (1746—1830) — французская писательница и педагог. В. Л. Пушкин познакомился с ней в 1803 г. в Париже. П. И. Шаликов посвятил П. А. Вяземскому свой перевод «Новых повестей графини Жанлис» (М., 1818). П. А. Вяземский писал А. И. Тургеневу 27 октября 1818 г. из Варшавы: «Сейчас стану писать к Шаликову, отблагодарить его за посвящение: он зло платит мне добром. В молодые свои лета посвятил я его в дураки, а он теперь мне посвятил книгу. Кто в дураках? Я думаю, тот же» (Остафьевский архив, т. I. СПб., 1899, с. 135).

⁷ Т. е. Мусины-Пушкины.

⁸ Оболенские — родственники П. А. Вяземского.

⁹ Голицын Федор Сергеевич (1781—1826), князь — егермейстер.

¹⁰ Семенова Екатерина Семеновна, в замужестве кн. Гагарина (1786—1849) — знаменитая трагическая актриса.

¹¹ Клитемистра — героиня трагедии Ж. Расина «Ифигения в Авлиде». В. Л. Пушкин видел эту трагедию на сцене московского театра 7 октября 1818 г. в переводе М. Е. Лобанова.

¹² Лунин Николай Александрович (1789—1848) — камергер, впоследствии тайный советник и шталмейстер.

¹³ Гагарин Сергей Сергеевич (1795—1852), князь — гофмейстер.

¹⁴ Имеется в виду А. М. Пушкин.

¹⁵ Гагарин Сергей Иванович (1777—1862), князь — камергер, сенатор, президент имп. Московского общества сельского хозяйства; страдал глазной болезнью. Речь идет о покупке им подмосковной усадьбы Ясенево, известной яблочными садами, земляничными огородами и тонкорунными овцами.

¹⁶ Мелиссино Прасковья Владимировна, урожд. кн. Долгорукова — жена И. И. Мелиссино, куратора Московского университета, кузина матери А. М. Пушкина — Н. А. Пушкиной; когда в 1772 г. последняя последовала за своим мужем, посланным за намерение делать фальшивые ассигнации в Сибирь, она оставила П. В. Мелиссино на воспитание малолетнего сына.

¹⁷ См. письмо 8, примеч. 18.

12. ¹ Киселева Варвара Дмитриевна, в замужестве Полторацкая (1798—1859) — Фрейлина.

² Киселев Павел Дмитриевич (1788—1872), граф — брат В. Д. Киселевой, генерал, впоследствии видный государственный деятель.

³ M-Me Auguste — неустановленное лицо.

⁴ Речь идет о стихотворном послании П. А. Вяземского Ф. И. Толстому «Американец и цыган» (Вяземский П. А. Полн. собр. соч., т. III. СПб., 1880, с. 161—163).

⁵ Имеется в виду одно из наиболее значительных стихотворений П. А. Вяземского, отразившее его политические и социальные взгляды, — «Петербург», отрывок из которого был опубликован в «Полярной звезде» на 1824 г.

⁶ Стихотворная сказка В. Л. Пушкина «Усад и Людмила», посвященная К. Н. Батюшкову, была прочитана им 7 декабря 1818 г. на 39-м заседании Общества любителей российской словесности; опубликована в «Трудах Общества любителей русской словесности» (М., 1819).

⁷ Римская-Корсакова Марья Ивановна, урожд. Наумова (1764 или 1765—1832) — вдова камергера А. Я. Римского-Корсакова, одна из наиболее ярких представительниц «грибоедовской Москвы». Ее меньшие дочери — Екатерина, в замужестве Офросимова (1803—1854), и Александра, в замужестве Вяземская (1803—1860).

⁸ Фофка Толстая — гр. Толстая Софья Петровна (1800—1886), с 1819 г. жена В. С. Апраксина.

⁹ Шульц Марья Ивановна, урожд. Козлова — жена берейтора колымажного манежа Шульца.

¹⁰ Возможно, Берхман Степан Федорович, находившийся на службе в экспедиции кремлевского строения в Москве.

¹¹ Имеется в виду А. М. Пушкин.

¹² Апраксин Владимир Степанович (1796—1833) — единственный сын С. С. Апраксина и Е. В. Голицыной, внук знаменитой кн. Н. П. Голицыной, участник Отечественной войны 1812 г., взятия Парижа в 1814 г.; с 1831 г. генерал-майор.

¹³ Глазенац Владимир (Отто-Вольдемар) Григорьевич (1784—1862) — участник Отечественной войны 1812 г., кавалер многих орденов, с 1826 г. генерал-майор, участник русско-турецкой войны 1828—1829 гг.

¹⁴ См. письмо 11, примеч. 15.

¹⁵ Шереметьев Василий Сергеевич (1752—1831) — генерал-майор, волынский губернатор.

¹⁶ Речь идет о графине Анне Владимировне Бобринской, урожд. баронессе Унгерн-Штернберг (1769—1846). В доме ее устраивались спектакли, в одном из которых принимал участие В. Л. Пушкин (см.: Долгоруков И. М. Капиче моего сердца. Изд. 2-е. М., 1890, с. 35).

13. ¹ «Пустодомы» — одна из наиболее известных комедий А. А. Шаховского (издана в 1820 г.).

² Кологривов Андрей Семенович (ум. 1825) — генерал от кавалерии.

³ Гашпар — герой иронико-комической поэмы А. А. Шаховского «Расхищенные шубы» (1807—1815), в которой задевался В. Л. Пушкин; прозвище, иронически примененное В. Л. Пушкиным к самому Шаховскому (ср.: «Я злого Гашпара убил одним стихом» — «К арзамасцам», 1816).

⁴ Лафонтен (La Fontaine) Жан де (1621—1695) — французский баснописец, поэт, автор фривольных «Сказок».

⁵ Речь идет о стихотворении И. М. Долгорукова «Стихи на кончину е. в. королевы Виртембергской», изданном отдельной брошюрой в Москве в 1819 г.

⁶ В. Л. Пушкин сравнивает стихотворение И. М. Долгорукова с элегией В. А. Жуковского «На кончину ее величества королевы Виртембергской» (1819).

⁷ Здесь слово «партизаны» употреблено в значении «союзники».

⁸ Полуэктов — Борис Владимирович (1778—1843) и его жена Любовь Федоровна, урожд. кн. Гагарина, сестра В. Ф. Вяземской.

⁹ В. Л. Пушкин вспоминает басню И. А. Крылова «Разборчивая невеста».

14. ¹ Имеется в виду Ф. И. Толстой. См. письмо 6, примеч. 5.

² Гиббон (Gibbon) Эдуард (1737—1794) — английский историк.

³ Речь идет о женитьбе Д. В. Давыдова в апреле 1819 г. на Софье Николаевне Чирковой (1795—1880). В. Л. Пушкин писал П. А. Вяземскому 14 февраля 1819 г. в Варшаву: «Денис Давыдов женится на Чирковой. Она мила — и у нее 1000 душ. Я радуюсь за нее и за него» (ЦГАЛИ, ф. 195, оп. 1, ед. хр. 2611, л. 71 об.); 16 марта 1819 г.: «Денис Давыдов точно женится на Чирковой, и я недавно был у невесты, которая мне показалась очень любезною» (там же, л. 73 об.); 29 апреля

1819 г.: «Денис Давыдов разъезжает с своею молодою женою в четверместной карете и кажется важен и счастлив» (там же, л. 79 об.).

⁴ Речь идет о свадьбе Натальи Александровны Римской-Корсаковой (1792—1848), дочери М. И. Римской-Корсаковой, и Федора Владимировича Акинфьева (1789—1848), полковника, с 1830 г. генерал-майора в отставке, сенатора.

⁵ Прадт (Pradt) Доминик Дюфур, де (1759—1837) — французский публицист и государственный деятель. Речь идет о его сочинениях: «L'Europe après le Congrès d'Aix-la-Chapelle faisant suite au Congrès de France» (Paris, 1819) и «Le Congrès de Vienne» (vol. 1—2. Paris, 1815).

⁶ Мысль П. А. Вяземского издать «Московскую флору» нашла отражение в его эпитафии на М. Т. Каченовского «Репейник» (Сын отечества, 1821, № 50).

⁷ В «Вестнике Европы» (1819, № 6) была опубликована статья М. Т. Каченовского «Письмо к редактору» за подписью «Житель Девичьего поля», наполненное указаниями на стилистические неточности в «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина.

⁸ Имеется в виду А. П. Оболенский. См. письмо № 5, примеч. 8.

⁹ «Беседа» — в данном случае имеется в виду Общество любителей российской словесности.

¹⁰ Прскопович-Антонский Антон Антонович (1771—1848) — профессор натуральной истории и энциклопедии в Московском университете, в 1811—1826 гг. председатель Общества любителей российской словесности.

¹¹ Жена С. Ф. Берхмана — Елизавета Григорьевна, урожд. кн. Щербатова.

¹² Степнинский — неустановленное лицо.

¹³ «Лафонтен наш» — И. И. Дмитриев.

¹⁴ «Китайка Алексашка» — любовница Степнинского.

¹⁵ Панкратьевна — московская сводня, героиня поэмы В. Л. Пушкина «Опасный сосед».

¹⁶ Вдыхаловым П. И. Шаликов назван в стихотворениях П. А. Вяземского «Отъезд Вдыхалова» и «Эпизодический отрывок из путешествия в стихах. Первый отдых Вдыхалова».

¹⁷ М. Н. Макаров, издатель «Журнала для милых» (1804), был избран действительным членом Общества любителей российской словесности на 42-м заседании 28 марта 1819 г.

¹⁸ О каких княжнах Щербатовых идет речь — неясно.

¹⁹ Т. е. Римские-Корсаковы. См. письмо № 12, примеч. 7.

²⁰ «Генерал qui s'élève» — каламбур; имеется в виду П. Д. Киселев.

²¹ Убийство Августа фон Коцебу (1761—1819) — немецкого писателя русской проправительственной ориентации, совершенное студентом Карлом Зандом, ставили в связь с выходом политической брошюры русского офицерного публициста и дипломата Александра Скарлатовича Стурдзы (1791—1854), где немецкие университеты объявлялись рассадниками революции. См. письмо Вяземского А. И. Тургеневу от 24 марта 1819 г. (Остафьевский архив, т. I. СПб., 1899, с. 206) и эпиграмму А. С. Пушкина «На Стурдзу» («Холоп венчанного солдата...»).

²² Шуриц Д. П. Северина — А. С. Стурдза. См. письмо № 9, примеч. 3.

²³ Ворожейкина Анна Николаевна — московская купчиха, гражданская жена В. Л. Пушкина.

²⁴ Шульгин Александр Сергеевич (ум. 1841) — генерал-майор, московский обер-полицмейстер.

²⁵ Хилков Степан Александрович (1786—1854), князь — генерал-майор, командир 2-й бригады 1-й уланской дивизии. Слух о его назначении на место Шульгина не подтвердился.

15. ¹ Сесси Марианна (1776—1847) — итальянская певица.

² Волков Александр Александрович (1779—1833) — комендант Москвы, впоследствии начальник Московского жандармского округа; генерал-лейтенант.

³ Аленушка — по-видимому, родственница П. А. Вяземского.

⁴ Дочь В. Л. Пушкина от А. Н. Ворожейкиной. См. письмо № 5, примеч. 2.

⁵ Мадам Перне и мадам д'Оррер (D'Orreger, жена французского эмигранта д'Оррера) — содержательницы частных московских пансионов.

⁶ Веневитинова Анна Николаевна, урожд. кн. Оболенская (1782—1841) — мать поэта Д. В. Веневитинова, дальняя родственница Пушкиных.

⁷ Долгоруков Иван Михайлович (1764—1823), князь — действительный статский советник, поэт, почетный член «Беседы любителей русского слова», Общества любителей российской словесности и других литературных обществ.

⁸ Власов — неустановленное лицо.

16. ¹ Тончи (Tonci) Сальватор (1756—1844) — итальянский живописец, поэт, певец и музыкант.

² Гракхи (братья) Тиберий (163—132 до н. э.) и Гай (153—121 до н. э.) — политические деятели Древнего Рима; Корнелия — их мать. По преданию, матрона из Кампании, тщеславная и знатная, демонстрировала Корнелии свои драгоценности. Когда пришел черед Корнелии, она подвела гостью к колыбели, где лежали Тиберий и Гай, откинула полог и сказала: «Вот мои драгоценности».

³ Волконская Наталья Алексеевна, урожд. Мусина-Пушкина — дочь А. И. Мусина-Пушкина, жена Д. М. Волконского; ее сыновья — Алексей и Михаил.

⁴ Волконская Мария Николаевна, в замужестве гр. Толстая (ум. 1830) — мать Л. Н. Толстого.

⁵ Имеется в виду Варвара Алексеевна Мусина-Пушкина, в замужестве кн. Трубецкая (1796—1829).

⁶ Сыновья А. Н. Веневитиновой — Алексей Владимирович (1806—1872) и Дмитрий Владимирович (1805—1827), поэт.

⁷ Обстоятельства и действующих лиц этого эпизода раскрыть не удалось.

⁸ Ржевский Константин Алексеевич — действительный статский советник.

⁹ Дочь генерала Колокольцева — Елизавета Григорьевна, в замужестве Ржевская (1803—1882).

¹⁰ Речь идет о К. Я. Булгакове.

¹¹ Плещеев Александр Александрович (1778—1862) — сочинитель русских и французских стихов, комедий, опер, чтец и актер-любитель, заведовал в Петербурге французской труппой.

¹² Возможно, речь идет о постановке трагедии В. А. Озерова «Эдип в Афинах».

¹³ Н. И. Гнедич.

¹⁴ Ф. Ф. Кокоскин.

17. ¹ Речь идет о статье П. А. Вяземского «Из Варшавы», напечатанной анонимно в № 65 «Московских ведомостей», от 13 августа 1819 г. Статья посвящена знаменитой итальянской певице Боргондио (1780—после 1830). В. Л. Пушкин цитирует статью П. А. Вяземского, где сказано: «В Вене говорят: *Catalani la Regina, Borgondio la Divina*» («Каталани — царственная, Боргондио — божественная»).

² Трюфякин Петр Иванович (1769—1845) — вице-директор императорских театров.

³ «Князь-Невидимка» — волшебнo-комическая опера в 4 действиях. Текст Е. Лифанова, музыка К. А. Кавоса. В. Л. Пушкин присутствовал на представлении этой оперы 17 августа 1819 г.

⁴ Лукин Петр Михайлович (ум. 1822) — генерал-лейтенант.

⁵ В 1818—1819 гг. первые 8 томов «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина были напечатаны вторым изданием.

18. ¹ О совершенном московским купцом Кирьяковым убийстве сестры П. А. Вяземскому писал также А. И. Тургенев 24 сентября 1821 г. (Остафьевский архив, г. I. СПб., 1899, с. 315—316).

² Возможно, Тутолмин Иван Васильевич (1761—1839) — член Государственного Совета, камергер.

³ «Семирамида» — трагедия в 5 действиях Вольтера. Перевод с французского в стихах Добровольского и Розалиона-Сошальского.

⁴ Кондаков Михаил Кондратьевич (ум. 1819) — артист московской драматической труппы; в трагедии «Семирамида» играл роль Ассура (о его смерти во время спектакля см.: Каратыгин П. А. Записки. Л., 1929, с. 195—199).

⁵ Неелов Сергей Алексеевич (1779—1852) — автор шуточных и сатирических стихотворений, известный в Москве остролов.

⁶ «14 число» — день именин Анны. В. Л. Пушкин праздновал именины А. Н. Ворожейкиной.

⁷ «Любезнейшая именинница» — Вера Федоровна Вяземская (именины Веры — 17 сентября).

⁸ Возможно, Щербатов Николай Александрович (1800—1863), князь или Щербатов Николай Григорьевич (1778—1845), князь, генерал-майор; жена последнего — княгиня Анна Григорьевна Щербатова (ум. 1849).

19. ¹ Речь идет о «Послании к М. Т. Каченовскому» П. А. Вяземского, опубликованному с цензурными пропусками в «Сыне отечества» (1821, № 2).

² Тургенев Николай Иванович (1789—1871) — средний из братьев Тургеневых, будущий видный деятель декабристского движения.

³ Гедеонова Наталья Павловна, урожд. Шишкина (1790—1840) — жена директора императорских театров А. М. Гедеонова.

⁴ Ф. И. Толстой 10 января 1821 г. женился на цыганке Авдотье Максимовне Тугаевой (ум. 1861).

⁵ В. Л. Пушкин цитирует «Послание к М. Т. Каченовскому» П. А. Вяземского.

⁶ Пашковы — дворянское семейство, один из культурных центров Москвы.

20. ¹ «Благородный театр» — комедия в 4 действиях в стихах М. Н. Загоскина. Речь идет о спектакле 28 декабря 1827 г.

² Имеется в виду издание: «Северные цветы на 1828 г., изданные Бароном Дельвигом» (СПб., 1827).

³ Ширяев Александр Сергеевич (ум. 1841) — московский книгопродавец и издатель. Глазунов Матвей Петрович (1757—1830) — московский 2-й гильдии купец, основатель старейшей в России книжной фирмы.

⁴ Имеется в виду портрет А. С. Пушкина, писанный О. А. Кипренским и гравированный Н. И. Уткиным, который был приложен к «Северным цветам» на 1828 г.

⁵ Речь идет о готовившемся, но не вышедшем в свет альманахе писателя, переводчика, журналиста Владимира Васильевича Измайлова (1773—1830) «Литературный музей на 1828 год» (см.: Письма русских писателей XVIII века. Л., 1980, с. 456).

⁶ Речь идет о судебном процессе над композитором А. А. Алябьевым и его родственником (мужем сестры) Николаем Александровичем Шатиловым (1788—1841); процесс закончился для них тюремным заключением и ссылкой в Сибирь. Поводом к судебному разбирательству послужила внезапная смерть Т. М. Времьева — одного из участников карточной игры в феврале 1825 г. на квартире А. А. Алябьева.

⁷ Хлюстины — сыновья сестры Ф. И. Толстого Веры Ивановны; один из них — Семен Семенович (1810—1844), известный в биографии А. С. Пушкина.

⁸ Камынин Василий Дмитриевич (1777—1842) — коллежский советник. Зять его — Арсенев Сергей Николаевич (ум. 1855).

⁹ По-видимому, В. Л. Пушкин пишет о предполагаемой редакции «Устава о банкротях, содержащем в себе две части: первую для купцов, имеющих право обязываться векселями, и вторую для дворян и чиновников».

21. ¹ Бекетовы — пензенские помещики, родственники И. И. Дмитриева и дальняя родня Пушкиных; двоюродные братья Сонцовых (XIV, 23). Сестра их, Екатерина Алексеевна Бекетова, в замужестве Золотарева, была матерью Е. Д. Золотаревой, предмета позднего увлечения Д. В. Давыдова и адресата ряда его стихотворений 1830-х годов (Давыдов Д. Полн. собр. стихотворений. Л., 1933 (Б-ка поэта. Большая серия), с. 271).

² Имеется в виду один из сыновей писателя А. Н. Радищева — Павел Александрович (1783—1866) или Николай Александрович (1778—1829), литератор, член Вольного общества любителей словесности, наук и художеств.

³ Радищев Василий Александрович — старший сын А. Н. Радищева.

⁴ Ушаков Николай Васильевич (ум. не позднее 1845) — чиновник Комиссии для строений, статский советник, отец Екатерины и Елизаветы Ушаковых, близких приятельниц А. С. Пушкина.

⁵ Мордвинов Николай Семенович (1754—1845) — адмирал, один из ближайших друзей отца П. А. Вяземского.

⁶ Возможно, Хомяков Алексей Степанович (1804—1860) — писатель, драматург, критик.

⁷ Голицын Владимир Сергеевич (1794—1861), князь — с 1828 г. генерал-майор в отставке, знакомый Пушкиных, известный меломан и музыкант.

⁸ Старшая Ушакова — Екатерина Николаевна, в замужестве Наумова (1809—1872). Свадьба ее с Александром Ивановичем Долгоруковым (1789—1868), сыном поэта И. М. Долгорукова, не состоялась. П. А. Вяземский писал В. Ф. Вяземской из Москвы 19 декабря 1828 г.: «Мы вчера ужинали у Василия Львовича с Ушаковыми, пресненскими красавицами, но не подумай, что это был ужин для помолвки Александра. Он хотя и влюбляется на старые дрожжи, но тут сидит Долгорукий горчаковский и дело на свадьбу похоже» (Литературное наследство, т. 58. М., 1952, с. 85). В. Л. Пушкин упоминает княгиню Варвару Юрьевну Горчакову, урожд. Долгорукову (1774—1828).

⁹ Соболевский Сергей Александрович (1803—1870) — библиофил, автор эпиграмм, друг А. С. Пушкина.

¹⁰ Речь идет о письме Вяземского к А. С. Пушкину от 26 июля 1828 г. (XIV, № 385, с. 23); настоящее письмо позволяет с уверенностью утверждать, что письмо Вяземского написано в Пензе. Пушкин ответил на него 1 сентября (XIV, № 387, с. 26).

¹¹ Отец Дельвига, барон Антон Антонович Дельвиг (1772—1826), скончался неожиданно 8 июля в своем имении под Харьковом во время пребывания там сына и его жены — С. М. Дельвиг.

¹² Речь идет о переводе С. П. Шевыревым драмы Ф. Шиллера «Валленштейн» (см.: Отрывок из Шиллера Валленштейнова лагеря. — Московский вестник, 1828, № XII, с. 346, 353).

¹³ Мещерские — возможно, Петр Иванович (1802—1876), князь, с 1826 г. подполковник в отставке, и его брат Сергей Иванович (1800—1870), поручик л.-гв. гренадерского полка.

22. ¹ О какой готовящейся критике говорит В. Л. Пушкин — не совсем ясно. В 1829 г. в «Атенее» появился критический разбор «Графа Нулина» (№ 1, с. 79—85), но к моменту написания письма журнал уже вышел из печати. Более поздние отклики на «Полтаву» не могли готовиться в феврале, так как поэма была опубликована в конце марта 1829 г.

² Кологривова Прасковья Юрьевна, урожд. кн. Трубецкая, по первому браку кн. Гагарина (1762—1846) — теща П. А. Вяземского.

23. ¹ Речь идет об одном из изданий стихотворений В. Гюго: Odes, vol. I, 1822; vol II, 1824; vol. III, 1825.

² Имеется в виду Муромцев Демид Федорович — управляющий П. А. Вяземского.

³ Переводы В. Л. Пушкина русских народных песен на французский язык были опубликованы в «Mercure de France» в 1803 г. Эти песни — «Ты воспой, воспой, млад жаворончик», «Сад ли мой, садочек», «Как у нас, братцы! через темный лес» — в своем переводе В. Л. Пушкин переписал в письме к П. А. Вяземскому в январе 1820 г. (ЦГАЛИ, ф. 195, оп. 1, ед. хр. 2611, л. 105).

⁴ В. Л. Пушкин описался. В данном случае речь идет об А. И. Долгорукове (см. письмо № 21, примеч. 8).

⁵ Новикова Антонина-Варвара Ивановна, урожд. кн. Долгорукова (1797—1877) — дочь И. М. Долгорукова, жена тайного советника П. А. Новикова.

⁶ Меллас — итальянская певица петербургской оперы.

⁷ Ромберг Бернгардт (1767—1841) — музыкант-виолончелист.

⁸ Декамп (Desamps) Амедей (ум. ок. 1837) — лектор французской словесности в Московском университете; в 1827 г. А. С. Пушкин слушал его лекцию у М. М. Сопцова.

⁹ Суме (Soumet) Александр (1788—1845) — французский поэт, в 1822 г. написал две трагедии — «Клитемнестра» и «Саул», открывшие ему двери во Французскую Академию.

¹⁰ Дюсис (Ducis) Жан-Франсуа (1733—1816) — французский поэт и драматург.

¹¹ Башилев Александр Александрович (1807—1854) — армейский офицер, поэт.

¹² Нарышкин Иван Александрович (1761—1841) — обер-церемониймейстер, сенатор, тайный советник, дядя Н. Н. Пушкиной; на свадьбе А. С. Пушкина был посаженным отцом со стороны невесты.

¹³ В «Московском телеграфе» (1829, № 6) были помещены восторженная рецензия на «Роеуе Adama Mickiewicza (Стихотворения Адама Мицкевича). 2 части. Новое, дополненное издание. СПб. 1829 г.» и стихотворение В. Л. Пушкина «К А. С. Пушкину».

¹⁴ Раич Семен Егорович (1792—1855; настоящая фамилия Амфитеатров) — поэт, переводчик, журналист; в 1829—1830 гг. издавал журнал «Галатей» (в 1830 г., в № 35, был напечатан некролог В. Л. Пушкину).

¹⁵ В. Л. Пушкин приводит эпиграмму на С. Е. Раича «Новобрачный журналист — Пигмей», напечатанную в «Дамском журнале» (1829, № 14). Раич женился 15 февраля 1829 г. на Терезе Андреевне Оливье (Русский библиофил, 1913, № 8, с. 30).

24. ¹ Долгоруков Николай Андреевич (1792—1847) — генерал от кавалерии, кавалер многих орденов, участник Отечественной войны 1812 г., русско-турецкой войны 1828—1829 гг.; в 1829 г. после убийства А. С. Грибоедова в Персии был назначен на его место.

² По-видимому, Потемкин Яков Алексеевич (1778—1831) — генерал-адъютант, участник наполеоновских войн, русско-турецкой войны 1828—1829 гг.

³ Дмитрий Николаевич Маслов (1799—1856), лицейский товарищ А. С. Пушкина, женился на Марии Дмитриевне Мертваго (ум. 1865).

⁴ Речь идет о графе Владимире Алексеевиче Мусине-Пушкине (1798—1854) и его жене Эм依ли Карловне, урожд. Шернваль фон Валлен (1810—1846) — известной красавице, адресате стихотворения Лермонтова.

⁵ Князьин Александр Яковлевич (1771—1829) — сын драматурга Я. Б. Князьина, генерал-лейтенант, участник войн против Наполеона; автор мелодрам, комедий и комических опер.

⁶ Хвостов Дмитрий Иванович (1756—1835), граф — стихотворец, член «Беседы любителей русского слова». Речь идет о его стихах «Надгробие Александру Яковлевичу Князьину, сыну Якова Борисовича, скончавшемуся 27 марта 1829 года» (Русский инвалид, 1829, № 88, 2 апреля).

⁷ Филимонов Владимир Сергеевич (1787—1858) — архангельский гражданский губернатор; поэт, прозаик, переводчик, журналист.

⁸ «Дурацкий колпак» — поэма В. С. Филимонова.

25. ¹ В. Л. Пушкин имеет в виду помещенную в «Московском телеграфе» (1829, № 8) рецензию на «Евгения Онегина» А. С. Пушкина, где говорилось: «Вспомните о Гомере: у него боги настоящие простолудины, герои драчуны, и вся Иллиада настоящая бойня...»; вспомните о пьянице и шалуне Анакреоне, о буйном Горации...» (с. 485), а также опубликованную в «Московском телеграфе» (1829, № 10) рецензию К. А. Полевого на «Полтаву» А. С. Пушкина, где были экскурсы в историю античной и французской литературы, упоминался Фальстаф — «бессмертное создание Шекспира» (с. 235).

² В «Московском телеграфе» (1829, № 7, 9, 12) были напечатаны статьи барона Экштейна «О драматической литературе новых народов».

³ Маркевич Николай Андреевич (1804—1860) — поэт, историк Украины, этнограф.

26. ¹ Дибич Иван Иванович (Иоганн-Антон) (1785—1831), барон, с 1827 г. граф — генерал-фельдмаршал, главнокомандующий 2-й армией в русско-турецкой войне 1828—1829 гг.

² Пален Петр Петрович (1778—1864), граф, фон дер — генерал-адъютант и генерал от кавалерии, участник русско-турецкой войны 1828—1829 гг.

³ В рапорте И. И. Дибича Николаю I о сражении под Шумлою 30 мая 1829 г. говорилось, что неприятель «побежал, оставив на месте 40 орудий артиллерии со всеми зарядными ящиками, весь лагерь и обоз, до 1500 человек пленных и потеряв убитыми более 2000 человек» (Русский инвалид, 1829, № 151 и 152, 14 июля, с. 604).

⁴ Герман Александр Иванович (ум. 1829) — генерал-майор, начальник штаба второго пехотного корпуса.

⁵ И. И. Дибич в рапорте Николаю I писал: «Между ранеными находятся генерал-майор Отрощенко и Глазенап» (Русский инвалид, 1829, № 151 и 152, 14 июня, с. 605). Отрощенко Яков Осипович — участник войн с Наполеоном, генерал-майор.

⁶ П. И. Шаликов поместил в «Дамском журнале» (1829, № 21, 22) разгромную критическую статью «Первый номер Галатеи».

⁷ Михайлов — гобочный сын Михаила Петровича Голицына (1764—после 1836), князь, камергера.

⁸ Трубецкой Николай Иванович (1797—1874), князь — отставной ротмистр.

⁹ Жена Н. И. Трубецкого — В. А. Трубецкая, урожд. гр. Мусина-Пушкина.

¹⁰ Бесугужев — покушник Волдына.

27. ¹ Фильд (Field) Джон (1782—1837) — ирландец, пианист и композитор, знакомый В. Л. Пушкина.

² Шульдц — арфист.

³ Марку — виолончелист.

⁴ Миллер — певец.

⁵ Булахов Петр Александрович (ум. 1835) — певец императорской сцены, композитор, учитель пения.

⁶ Свадьба Сергея Дмитриевича Киселева (1793—1851) с Елизаветой Николаевной Ушаковой (1810—1872) состоялась 30 апреля 1830 г.

⁷ Салтыков Михаил Александрович (1767—1861) — знакомый А. С. Пушкина, тестя А. А. Дельвига.

⁸ Сочинитель «Липецких вод» — А. А. Шаховской. В его комедии «Урок кокеткам, или Липецкие воды» (СПб., 1815) в образе гусара Угарова пародировался В. Л. Пушкин и герой его поэмы «Опасный сосед» Буянов.

⁹ Рассуждение «о Киклопах» — статья II «Размышлений и разборов» П. А. Катенина, где речь идет о «Киклопе» Эврипида (Литературная газета, 1830, № 11, 20 февраля, с. 85—89). Известен рассказ А. С. Пушкина и Вяземского, что последними словами В. Л. Пушкина были: «...как скучны статьи Катенина» (XIV, 90, 112; Вяземский П. А. Полн. собр. соч., т. IX. СПб., 1883, с. 137—138).

¹⁰ «Царское Село. Альманах на 1830 год» — издавался Н. Коншиным и Б. Розеном в Петербурге.

¹¹ Розен Егор (Георгий) Федорович (1800—1860), барон — поэт, драматург, критик.

¹² Коншин Николай Михайлович (1793—1859) — поэт-элегик, известен как подражатель Е. А. Баратынского.

¹³ В. Л. Пушкин приводит словосочетания из стихотворения Е. Ф. Розена «Рында».

¹⁴ «Сказка о медведе костоломе и об Иване купецком сыне» принадлежала О. Сомову.

¹⁵ «Юлия» — повесть Н. М. Карамзина (1796).

¹⁶ Н. А. Полевой в рецензии на «Учебную книгу русской словесности» Н. И. Греча писал: «Можно ли поверить <...>, что лучшее произведение в ряде философических разговоров на Русском языке есть „Разговор о счастье“ Карамзина <...>? — можно ли также выставить за образчики для учащихся <...> „Фрола Силина“, соч. Карамзина; переводы Карамзина из Цицерона <...>?» (Московский телеграф, 1830, № 2, с. 244).

¹⁷ Речь идет об Е. А. Карамзиной, вдове Н. М. Карамзина, сводной сестре Вяземского.

28. ¹ В. Л. Пушкин цитирует экспромт Л. С. Пушкина (см.: Литературное наследство, т. 58. М., 1952, с. 89).

² Речь идет о сочинении Шаховского «Москва и Париж в 1814 г.» (М., 1830).

³ Речь идет о постановке трагедии в 4 действиях Ф. В. Цыглера «Эйлалия Мейнау, или Следствия примирения», которая была продолжением комедии А. Коцебу «Ненависть к людям, или Раскаяние» (см.: Арапов П. Летопись русского театра. СПб., 1861, с. 159).

29. ¹ Лудольф (Ludolf) Каролина-Вильгельмина, урожд. Штакельберг (ум. 1868), графиня — жена посланника неаполитанского и обеих Сицилий в Петербурге. В «Литературной газете» (1830, № 34) напечатано стихотворение П. А. Вяземского «Графине Лудольф перед отъездом».

² В приложении к «Московскому телеграфу» (1830, № 10) «Новый живописец общества и литературы» был напечатан памфлет «Утро в кабинете знатного барина», где были задеты князь Н. Б. Юсупов, адресат пушкинского послания «К вельможе», и сам поэт; Пушкин был представлен в виде заискивающего перед вельможей стихотворца.

³ Речь идет о «Литературной газете» А. А. Дельвига (1830—1831).

В. П. СТЕПАНОВ

ЗАМЕТКИ О В. Л. ПУШКИНЕ

1. Автограф «Путешествия NN в Париж и Лондон» И. И. Дмитриева

В известном к настоящему времени рукописном наследии И. И. Дмитриева имеется существенный пробел. Представленное шестью прижизненными собраниями сочинений его поэтическое наследие почти неизвестно нам в автографах. В частности, современное «Полное собрание стихотворений» помимо белого оригинала 6-го издания «Сочинений» (1823) дает ссылку лишь на разрозненные автографы 13 стихотворений.¹

Между тем в дореволюционной литературе встречаются указания, хотя и немногочисленные, на имевшиеся в частных руках рукописи Дмитриева. По одной из таких рукописей в 1867 г. М. Н. Лонгинов опубликовал несколько стихотворений Дмитриева, не попавших в печать при жизни поэта.² Он обозначил эти произведения как «шуточные», хотя большинство их представляют весьма острые, злые и в свое время весьма популярные эпиграммы на писателей начала XIX в. Источником новых текстов, как писал Лонгинов, ему послужила извлеченная из бумаг П. П. Бекетова «тетradка со следующим заглавием, писанным рукою И. И. Дмитриева на титульном листе: „Именинный подарок любезному брату Платону Петровичу Бекетову. Москва, 1807 г., ноября 18 дня“».³

Впоследствии эта рукопись исчезла из поля зрения историков литературы и издателей сочинений Дмитриева, а публикация в «Русском архиве» осталась единственным источником текстов весьма важных для понимания литературной позиции писателя произведений.⁴ Неожиданно в 1979 г. эта рукопись была обнаружена при разборе материалов поступившей в Пушкинский Дом библиотеки Н. К. Пиксанова и передана в Рукописный отдел (ф. 497, поступления 1979 г., № 37).

Таким образом, автограф И. И. Дмитриева счастливо уцелел во время московского пожара 1812 г., который разорил П. П. Бекетова и в котором погибли большая часть его коллекции рукописей, отпечатанные тиражи изданий его типографии, а также замечательное собрание гравюр и рисунков. После смерти П. П. Бекетова (6 января 1836 г.) остатки сильно уменьшившейся в размерах коллекции попали в руки новых владельцев: портреты и гравюры разошлись между П. Ф. Карабановым, М. П. Погодиным и Касаткиным (принадлежавшую Касаткину часть позднее приобрел А. И. Барятинский), древние русские рукописи попали к Ф. А. Толстому, автографы Петра I — к М. Ю. Виельгорскому (сгорели в 1837 г.).⁵ О судьбах остальных бумаг своего двоюродного

¹ Дмитриев И. И. Полн. собр. стихотворений. Вступит. ст., подгот. текста и примеч. Г. П. Макогоненко. Л., 1967 (Б-ка поэта. Большая серия), с. 418.

² Лонгинов М. Н. Неизвестные шуточные стихотворения И. И. Дмитриева. — Русский архив, 1867, № 5—6, с. 981—990.

³ Там же, с. 981.

⁴ См.: Дмитриев И. И. Полн. собр. стихотворений, с. 418.

⁵ См.: Симоны П. К. П. П. Бекетов, биографические о нем сведения, его литературная, собирательская и учено-археологическая деятельность. Издательство и типография (1761—1836). — Старые годы, 1908, № 3, с. 165; Виноградов С. П. Собрание портретов, издаваемых П. П. Бекетовым. Каталог. М., 1913, с. 3.

брата сразу после его смерти, в том же 1836 г., И. И. Дмитриев уже ничего не мог сообщить заинтересовавшемуся ими П. А. Вяземскому.⁶ Между тем собрание Бекетова не исчерпывалось указанными материалами.

Из переписки П. А. Вяземского и И. И. Дмитриева о судьбе бекетовского наследства известно, что кроме коллекционных документов после него оставалась еще «куча рукописей» (слова Дмитриева), среди которых находилось много чисто литературных редкостей. Дмитриев был заинтересован в их получении не меньше Вяземского, в особенности потому, что некоторые из литературных раритетов в свое время он сам подарил Бекетову. Однако хлопоты Дмитриева были неутешительными; наследник никак не откликнулся на его просьбу. «Бог ведает, что с ними будет», — писал Дмитриев Вяземскому в конце 1836 г. о бекетовских бумагах.⁷

Отдельные рукописи из бекетовского архива, по свидетельству П. И. Бартенева, стали появляться на букинистическом рынке в 1850-е годы. Позднее, в 1870-е годы, Бартеневу удалось спасти из рук старьевщиков и опубликовать еще одну порцию бекетовских бумаг. Судя по составу публикации, это была часть коллекции (письма Екатерины II, Павла I, Александра I, списки с официальных документов и популярных сатирических произведений и проч.).⁸

В руках М. Н. Лонгинова из числа бекетовских бумаг находилась также не только одна эта тетрадка; он обещал познакомить читателей «Русского архива» и с другими рукописями И. И. Дмитриева, однако не осуществил своего намерения.⁹

Во всяком случае естественно предположить, что тетрадь стихотворений И. И. Дмитриева от Лонгинова попала к Бартеневу. Следующим ее владельцем оказался В. Я. Брюсов, поскольку кроме дарственной надписи Дмитриева на титульном листе имеется и брюсовский автограф: «Уважаемому Николаю Кириаковичу Пиксанову, в руках которого эта книжка окажется полезнее, чем в моих. 1922 г. Валерий Брюсов».

В юношеские годы, с 1900 по 1902 г., Брюсов был помощником Бартенева по изданию «Русского архива», сохранил с ним дружественные отношения до смерти Бартенева в 1912 г., и посвятил его памяти теплую, полумемуарную статью «Обломок старых поколений».¹⁰ В значительной степени с помощью Бартенева состоялась и принадлежавшая Брюсову коллекция автографов.¹¹

Что послужило конкретным поводом для передачи рукописи Пиксанову — неясно. Однако дата — 1922 г. — достаточно характерна. Она фиксирует начало довольно близкого знакомства Брюсова с Пиксановым. Пиксанов преподавал в организованном Брюсовым Высшем литературно-художественном институте с начала его существования и до ликвидации, после смерти Брюсова, в 1924 г. О работе его семинара по русской литературе XVIII—XIX вв. в 1923/24 учебном году приводятся некоторые сведения в статье Д. С. Бабкина «Исследователь художественного мира. (Из воспоминаний о Н. К. Пиксанове)».¹² По рассказу Д. С. Бабкина, бывшего студента института, между Пиксановым и Брюсовым в эти годы существовали тесные деловые отношения. Кроме участия в многочисленных московских литературных диспутах, о которых вспоминает

⁶ Русский архив, 1880, т. III, № 3, с. 327.

⁷ См. переписку за февраль—ноябрь 1836 г.: Русский архив, 1868, № 4—5, с. 645, 647, 651; Старина и новизна, т. II. СПб., 1898, с. 184, 194.

⁸ Русский архив, 1880, т. III, № 3, с. 327 и след.

⁹ Там же, 1867, № 5—6, с. 990.

¹⁰ Русская мысль, 1912, № 12, с. 108—118.

¹¹ Сводку документальных данных о взаимоотношениях Брюсова и Бартенева см. в кн.: Ашукин Н. Литературная мозаика. М., 1931, с. 144—194, особенно с. 181—182, 185—186. По материалам собственной коллекции Брюсов осуществил несколько публикаций в «Известиях Московского литературно-художественного кружка» (1914, вып. 4; 1916, вып. 13—15). Однако рукопись Дмитриева не упоминается здесь среди принадлежавших Брюсову документов.

¹² Русская литература, 1972, № 4, с. 174—178.

Д. С. Бабкин, Брюсова и Пиксанова связывала общность историко-литературных интересов. После 1918 г. Брюсов начал особенно широко и углубленно заниматься творчеством Пушкина. Одна за другой появляются его статьи на пушкинские темы, выходит однотомное полное собрание сочинений Пушкина, им подготовленное.¹³

5 февраля 1922 г. состоялось заседание Общества любителей российской словесности, на котором было решено возобновить деятельность Пушкинской комиссии общества и, в частности, обратиться к Брюсову с просьбой принять в ней участие. На организационном заседании Пушкинской комиссии 16 февраля 1922 г. Пиксанов был выбран ее председателем, а Брюсов наряду с другими пятью членами — в Президиум Комиссии.¹⁴ В 1921—1922 гг. Брюсов вел в Государственном институте слова семинарий «Творчество Пушкина»¹⁵ и явно использовал в работе со студентами такие известные пособия Пиксанова, как «Три века русской литературы» и особенно «Пушкинская студия». В последней работе имелся раздел «Брюсов-пушкинист», включавший кроме списка тем и первую библиографическую сводку основных работ Брюсова о Пушкине.¹⁶ Более полную библиографию Пиксанов приложил позднее к помертвому сборнику статей Брюсова «Мой Пушкин», составленному им совместно с И. А. Брюсовой и вышедшему под его редакцией.¹⁷ Характерно, что последняя работа Брюсова о Пушкине появилась в изданном Пушкинской комиссией сборнике «Пушкин», также под редакцией Пиксанова. Имеется листовка-аннотация к сборнику, подписанная его редактором, в которой абзац посвящен памяти только что скончавшегося В. Я. Брюсова.¹⁸ К тому же 1922 г. относится и другой книжный подарок Брюсова Пиксанову. В библиотеке Пиксанова сохранился оттиск наделавшего в свое время много шума окончания «Египетских ночей», с дарственной надписью: «Николаю Кириакевичу Пиксанову. На строгий суд — сей опыт уже давнего для меня прошлого. Валерий Брюсов. Июнь 1922».¹⁹

Пиксанов был автором статьи о В. Л. Пушкине в «Русском биографическом словаре» и заметки «Дядя и племянник», помещенной в брошюзовском издании сочинений А. С. Пушкина, в котором сотрудничал и Брюсов.²⁰ Возможно, это именно обстоятельство Брюсов и имел в виду, передавая Пиксанову рукопись И. И. Дмитриева, начинавшуюся с «Путешествия Василия Львовича в Париж и Лондон».

Рукопись Дмитриева представляет тетрадь в малую четверку, объемом в 16 листов, из которых заполнены двенадцать. Между пустыми листами 14 и 15 следы 10 аккуратно вырезанных страниц, 5 из них явно были с текстом.

¹³ Цявловский М. А. Брюсов-пушкинист. — В кн.: Валерию Брюсову. Сборник, посвященный 50-летию со дня рождения поэта. М., 1924, с. 31—37.

¹⁴ См.: Общество любителей российской словесности при 1-м Московском университете. Отчет о заседаниях Общества, посвященных Пушкину, начиная с 1917 г. — В кн.: Пушкин, сб. 1. М., 1924, с. 247, 255.

¹⁵ Там же, с. 329.

¹⁶ «Пушкинская студия» вышла первоначально малым тиражом в виде оттиска из «Научно-педагогического сборника Саратовского института народного образования» (Саратов, 1921). Расширенное издание: Пг., «Атеней», 1922 (о Брюсове — с. 88—89).

¹⁷ Брюсов В. Я. Мой Пушкин. Статьи, исследования, наблюдения. М.—Л., 1929, с. 309—317. Несколько писем И. А. Брюсовой к Пиксанову от 1927 г. по поводу состава сборника, а также рукопись не вошедших в издание заметок В. Я. Брюсова «Записки о правописании в изданиях Пушкина» хранятся среди брюсовских материалов библиотеки Н. К. Пиксанова в Пушкинском Доме.

¹⁸ Брюсов В. Я. Пушкин-мастер. — В кн.: Пушкин, сб. 1, с. 97—114. Листовка приложена к экземпляру книги Брюсова «Мой Пушкин», подаренному Пушкинскому Дому И. А. Брюсовой (Пушкинский кабинет, шифр 38 $\frac{4}{23}$).

¹⁹ Египетские ночи. Поэма в 6-ти главах. (Обработка и окончание поэмы А. Пушкина). Оттиск из альманаха «Стремнина». М., 1916.

²⁰ Пушкин. [Соч.]. Под ред. А. С. Венгерова. Т. 5. СПб., 1911, с. LXXVII—LXXII. Черновые материалы работ Брюсова к этому изданию частично сохранились в архиве С. А. Венгерова (ИРЛИ, ф. 377).

Всего в бекетовскую тетрадь Дмитриев включил 22 стихотворения. Из них 17 имеют позднейшую нумерацию красным карандашом в соответствии с порядком расположения стихотворений, однако номера их не совпадают с нумерацией публикации М. Н. Лонгинова.

Этот беловой автограф, с аккуратными подчистками описок, явно составлялся специально. Например, в расположении произведений отсутствуют следы типичной для рабочих тетрадей внутренней хронологии. Напротив, видна некоторая их систематизация: вначале идут более крупные вещи, затем следуют мелкие эпиграммы, пародии, шутливые стихи.

В тетради не содержится произведений, которые было бы можно убедительно датировать временем позднее 1805 г., т. е. позднее даты выхода второго собрания «Стихотворений» И. И. Дмитриева.

Все внесенные в тетрадь стихотворения отличают две характерные особенности: они принадлежат к сатирическому или юмористическому роду и ни одно из них до 1807 г. Дмитриев не считал возможным опубликовать. Всего лишь три из их числа он решился поместить в следующем, третьем издании «Стихотворений» (1810). Поэтому хотя тетрадь и предназначалась в подарок владельцу известной типографии, вряд ли можно предполагать, что Дмитриев имел намерение в 1807 г. опубликовать ее полностью. Дарственная надпись скорее свидетельствует, что список был сделан именно в качестве подарка страстному коллекционеру автографов. Впрочем, это не исключает и чисто литературных соображений. Передавая двоюродному брату — издателю, коллекционеру, историку, немного литератору — рукопись уже ставших достоянием устной традиции произведений, Дмитриев, таким образом, фиксировал свое авторство для близкого ему литературного кружка.

«Путешествие NN» было первым произведением из тетради, попавшим в печать. Характерно, однако, что изданная явно с согласия Дмитриева и при его участии брошюра вышла все-таки анонимно и, как бы мы определили сейчас, «на правах рукописи».

Поводом и темой этой стихотворной пародии «в трех частях» на путевые записки в виде писем к друзьям послужила реальная заграничная поездка Василия Львовича Пушкина, во время которой он, отчасти повторяя маршрут Карамзина, посетил Германию, Францию и Англию. Это было одно из первых заграничных путешествий после отмены стеснений павловского царствования. Кроме того, Василий Львович отправлялся в Европу как просвещенный литератор, представитель московского кружка писателей, сложившегося вокруг Карамзина еще в 1790-е годы. В начале нового столетия, по мере углубления Карамзина в исторические изыскания, центром кружка стал Дмитриев, продолжавший активно участвовать в литературной борьбе.

«Путешествие NN» проливает свет на литературный быт кружка и сложившуюся в нем иерархию отношений. Вместе с тем, хотя Дмитриев иронизирует над неумеренной галломанией В. Л. Пушкина, его преклонением перед европейскими знаменитостями (типичные темы сатиры тех лет), его тщеславием и суетностью, ирония эта не выходит за рамки отношений в пределах единой литературной группы.

Принято считать, что «Путешествие NN» было написано еще до отъезда В. Л. Пушкина, и соль шутки Дмитриева заключалась прежде всего в априорности содержания стихотворения. Некоторые особенности рукописного текста дают основание поставить эту датировку под сомнение и тем самым несколько иначе оценить характер иронии Дмитриева.

В целом текст автографа ничем существенно не отличается от бекетовского издания 1808 г.²¹ Лишь зашифровки печатного текста — NN и Д. — в рукописи всюду раскрыты — Пушкин и Долгорукой.

Столь близкое совпадение текстов можно объяснить только тем, что именно по этому автографу Дмитриева П. П. Бекетов и готовил свое изда-

²¹ Отметим, что в издании сочинений Дмитриева под редакцией Г. П. Макогоненко, воспроизводящем первопечатный текст, случайно пропущен 5-й стих третьей части «Путешествия»: «А NN наш в коротком фрячке».

ние. По этому малотиражному и редчайшему изданию «Путешествие» и стало затем известно.²² П. А. Вяземский, собиравшийся еще при жизни Дмитриева воспроизвести «Путешествие» в своем неосуществившемся альманахе «Старина и новизна» на 1836 г., также, видимо, имел под руками не рукопись, а печатный текст. Экземпляр издания он получил, по всей вероятности, от А. С. Пушкина, так как, испрашивая у Дмитриева разрешение на перепечатку «Путешествия», писал ему: «Пушкин сказывал мне, что у него есть поэтическая шутка ваша о путешествии Василия Львовича. Он мне уступает ее, если только вы на это согласитесь».²³ То, что в руках Пушкина действительно был экземпляр издания 1808 г., подтверждается сохранившимся наброском его заметки о «Путешествии», написанной в том же 1836 г. в форме рецензии на это редкое издание и содержащей точное библиографическое описание брошюры: «Путешествие NN в Париж и Лондон, писанное за три дня до путешествия. В трех частях. Москва, тип. Платона Бекетова. 1808, In 16. Картинка представляет В. Л. Пушкина и Тальма». Именно здесь Пушкин называет стихотворение Дмитриева «образцом игривой легкости и шутки живой и незлобой» и свидетельствует, что книжка эта никогда не была в продаже (XII, 93).²⁴

Тираж книжки действительно был рассчитан на узкий дружеский кружок. По одним источникам он определяется в 50, по другим в 80 экземпляров.²⁵

Существующую датировку, 1803 г., впервые предложил М. Н. Лонгинов в своей заметке о бекетовском издании. Он исходил из сведений, данных в заглавии, и из даты отъезда Василия Львовича за границу. Установив, что отъезд состоялся в середине 1803 г., М. Н. Лонгинов пришел к выводу, что «Путешествие» написано «гораздо ранее, т. е. в начале 1803 года». Дополнительный аргумент датировки М. Н. Лонгинова — написано до коронации Наполеона, так как в тексте он называется Бонапартом, — вряд ли можно принимать всерьез. В русском обществе императора Наполеона и после коронации продолжали презрительно именовать генералом Буонапарте.

С датировкой М. Н. Лонгинова согласился и Н. Н. Трубицын, автор специальной работы о заграничном путешествии В. Л. Пушкина, и даже попытался подкрепить эту датировку.²⁶ По спискам отъезжающих в «Московских ведомостях» он уточнил дату его выезда из Москвы (22 апреля 1803 г.). Определая время написания «Путешествия», он опирался также на рассказ, приведенный П. В. Анненковым в «Материалах для биографии А. С. Пушкина», согласно которому замысел стихотворения возник у Дмитриева во время прощального дружеского обеда, данного В. Л. Пушкиным. Как теперь известно, сведения П. В. Анненкова восходят к се-

²² Описание известных к началу XX в. экземпляров издания см.: Старые годы, 1908, № 3, с. 229. Мы пользовались экземпляром Пушкинского кабинета, шифр Бр $\frac{\text{II-51}}{44}$.

²³ Русский архив, 1868, № 4—5, с. 649. Ответ Дмитриева см.: Старина и новизна, т. II. СПб., 1898, с. 192. На основании письма П. А. Вяземского высказывалось предположение, что А. С. Пушкин первоначально сам собирался напечатать «Путешествие» в «Современнике», а затем по просьбе Вяземского передал ему право публикации для «Старины и новизны» (Пушкин. Письма последних лет. 1834—1837. Л., 1969, с. 398). Нам кажется, что это не вполне соответствует ни тексту письма Вяземского, ни смыслу его обращения к Дмитриеву за разрешением на перепечатку. В данном случае речь идет лишь о возможности взять у Пушкина принадлежавший Дмитриеву печатный экземпляр «Путешествия NN».

²⁴ В описании библиотеки Пушкина Б. Л. Модзалевского «Путешествие» не зафиксировано (Пушкин и его современники, вып. IX—X. СПб., 1910); нет его и в дополнениях Л. Б. Модзалевского (Литературное наследство, т. 16—18. М., 1934, с. 985—1024).

²⁵ П. К. Симони указывает тираж 50 экземпляров (Старые годы, 1908, № 4, с. 229).

²⁶ Трубицын Н. Н. Из поездки Василия Львовича Пушкина за границу (1803—1804). — В кн.: Пушкин и его современники, вып. XIX—XX. Пг., 1914, с. 242—243.

мейному преданию, почерпнутому из рассказов О. С. Павлицевой. Эта устная традиция зафиксирована и другими мемуаристами, которых, правда, вряд ли можно считать достоверными свидетелями событий самого начала XIX в.²⁷

Между тем тот же Н. Н. Трубецын справедливо, но с некоторым удивлением отметил, что в шутке Дмитриева замечательна точность «названий многих мест и лиц, которые Василий Львович действительно затем посетил». Перечень приведенных им фактических совпадений между двумя известными письмами В. Л. Пушкина к Карамзину и «Путешествием NN» в самом деле значителен.

Оба письма В. Л. Пушкина к издателю «Вестника Европы» — одно с дороги, из Германии, и второе уже из Парижа — были тогда же опубликованы Карамзиным как «письма русского путешественника».²⁸ В парижском письме Василий Львович рассказывает о своем представлении Бонапарту, посещении салона мадам Рекамье, встречах с Л. С. Мерсье, С. Ф. де Жанлис, Л. Ж. Виже, Сегюром, о прогулке во Фраскати. «Наша» в Париже из «Путешествия», по очень правдоподобному предположению Н. Н. Трубецына, это упоминаемая в том же письме «московская знакомка», г-жа Вайлер. Дмитриев, как и Василий Львович, должен был знать ее по Москве. В качестве хозяйки московского салона она фигурирует в его «Старинной шутке к портрету Н. М. Карамзина»: «Со мною — милый друг, у Вейлер — селадон».

Карамзин напечатал только два письма Василия Львовича. Существовало мнение (его высказывает, например, М. Н. Макаров в некрологической статье о Василии Львовиче), что писем к московским друзьям было больше.²⁹ Однако независимо от достоверности сообщения М. Н. Макарова примечательно, что английская часть «Путешествия», эпистолярного соотвествия которой у нас нет, много скуднее по реалиям и ограничивается упоминанием общеизвестных лондонских достопримечательностей: Вестминстерское аббатство, прения в парламенте, петушинные бои и т. п.

Все это наводит на мысль, что «Путешествие» не предугадывало перипетий поездки Василия Львовича, но основывалось на содержании его писем, а, может быть, и непосредственно на рассказах возвратившегося в Москву путешественника. И только позднее, когда появился замысел публикации для узкого круга друзей, возникла и идея мистификации — дать стихотворению вид описания еще не совершенного путешествия. Во всяком случае, когда Дмитриев в ноябре 1807 г. передавал П. П. Бекетову вместе с другими ненапечатанными произведениями текст «Путешествия», он еще не думал о такой именно форме дружеского розыгрыша доверчивого Василия Львовича. В автографе оно озаглавлено просто как «Путешествие В. Л. Пушкина в чужие края в 1803 и 1804 годах». Отсутствуют здесь и иронические примечания, которые, очевидно, сочинялись непосредственно перед подготовкой издания, одновременно с гравюрой-заставкой, изображающей, как Василий Львович берет урок декламации у Тальма, и помеченной 1807 г. Мысль о мистифицирующем заголовке родилась одновременно с изданием «для немногих».

Доверчивый, тщеславный в своем авторском самолюбии, вспыльчивый, но отходчивый, Василий Львович был постоянной и удобной мишенью для такого рода розыгрышей. Наиболее известна история с приемом его в «Арзамас», обставленным как посвящение в члены тайного масонского сообщества, и с последующим исключением из «Арзамаса» за неудачный стих.³⁰ Но мемуары пушкинской поры сохранили и множество других

²⁷ См.: Пушкин в воспоминаниях современников, т. 1. М., 1974, с. 45—46; Дамский журнал, 1830, № 38, с. 185; Вяземский П. А. Полн. собр. соч., т. I. СПб., 1878, с. XXIX.

²⁸ Вестник Европы, 1803, № 14, с. 109—113; № 20, с. 245—251.

²⁹ Дамский журнал, 1830, № 37, с. 168.

³⁰ Гиллельсон М. И. Молодой Пушкин и арзамасское братство. Л., 1974, с. 81—89.

рассказов о бесцеремонном вышучивании Василия Львовича. Достаточно отметить, что близкие знакомые дважды, в 1812 и 1816 г., распространяли слухи о его мнимой кончине. Слухи настолько убедительные, что во второй раз Н. М. Карамзин писал П. А. Вяземскому: «Предпоследнее <письмо> едва было не испугало: я чуть было не поверил смерти дяди-поэта. Хорошо, что вы скоро оживили его и притом забавными стихами».³¹ Что касается отношений В. Л. Пушкина с Дмитриевым, то, как вспоминал Ф. Ф. Вигель, Дмитриев рано «прибрал его в руки, обратив в бесменные свои потешники».³²

Это делает понятным и сообщение О. Л. Павлицевой, что первоначально Василий Львович был огорчен и даже рассержен изданием. Насмешки над галломанией Василия Львовича, вполне уместные в конце 1804 г., до Аустерлица, приобрели иное звучание к началу 1808 г. После сражения при Фридланде и позорного Тильзитского мира в русском обществе всколыхнулись такие патриотические чувства, что публикация «Путешествия NN» вполне могла напугать реального героя стихотворения. В это время восхищение Наполеоном граничило с политической неполяностью, и «невинная шутка» способна была стать причиной неожиданных неприятностей. Например, известен донос П. И. Голенищева-Кутузова на столь же «девственного» в политическом отношении друга Василия Львовича, князя П. И. Шаликова, в котором последний был представлен главарем московских якобинцев.³³

Версию о более поздней, чем принято считать, датировке «Путешествия NN», как нам кажется, подкрепляет еще один его список, близкий ко времени написания стихотворения. Он сохранился среди бумаг Д. И. Хвостова и озаглавлен «Новый путешественник» (ИРЛИ, ф. 322, № 60, л. 268—274, бумага 1803 г.). В этом варианте заглавие намеренно соотносено как с путевыми письмами В. Л. Пушкина, так и с «Письмами русского путешественника» Карамзина. Стихотворение, так же как и в нашем автографе, еще не снабжено авторскими примечаниями; текст не содержит существенных отличий от окончательного, лишь в «части первой» при переписке выпал стих «я видел корпус мамелюков», а в «части второй» есть разночтение в одном слове (стих 22: «Хочу ль кого я уловлять» вместо «оскорблять»). Список имеет приписку другим почерком и также явно не рукой Хвостова: «Прекрасное стихотворение, едва ли где напечатанное. Сочинено по случаю возвращения из Парижа при владычестве Наполеона. Оно изображает Василия Львовича Пушкина». Формулировка «при владычестве Наполеона» показывает, что примечание сделано после 1814 г., много позднее, чем копия, скорее всего уже при разборке Хвостовым своих бумаг, и записано секретарем со слов Хвостова. Датировать же копию, хотя и приблизительно, позволяет вписанное вслед за «Путешествием» стихотворение И. И. Дмитриева «Стансы» («Я счастлив был во дни невинности беспечной»), созданное до 1805 г. В этом году Дмитриев напечатал его в «Вестнике Европы» со следующим пояснением: «Эта безделка уже давно мною переведена и известна была моим приятелям; ныне же я решился напечатать ее для того, чтобы не смешали моего перевода с другим, который напечатан от неизвестного под именем песенки в четвертой книжке „Друга Просвещения“ на 1805 год».³⁴ Этим «неизвестным» был Д. И. Хвостов; автограф «песенки» сохранился в его архиве (ИРЛИ, ф. 322, № 3, л. 143). Примечание Дмитриева, таким образом, имело откровенно полемический характер, и с этим связано появление у Хвостова списка «Стансов» с параллельным текстом французского оригинала — стихотворения Буше (Boucher). Позднее, после журнальной публикации и включения «Стансов» в третью часть второго издания «Сочинений и переводов» Дмит-

³¹ Письма Н. М. Карамзина к князю П. А. Вяземскому. 1810—1826. (Из Осташевского архива). СПб., 1897, с. 16.

³² Вигель Ф. Ф. Записки, т. 1. М., 1928, с. 132.

³³ См.: Васильчиков А. А. Семейство Разумовских, т. II. СПб., 1880, с. 288.

³⁴ Вестник Европы, 1805, ч. 21, с. 133.

риева (1805), Хвостову уже не было нужды пользоваться рукописной копией. Поэтому ее появление у Хвостова логично отнести ко времени, близкому полемике.

Выше было указано, что перед тем как Бекетов решил напечатать «Путешествие NN», Дмитриев не только дополнил его органически слитыми с текстом «примечаниями», но и зашифровал реальные имена.

Оказывается, однако, что часть реалий Дмитриев убрал из стихотворения на еще более ранней стадии, когда переписывал его для Бекетова. Копия из архива Хвостова восходит, очевидно, к первоначальной редакции и дает два имени, уже отсутствующие в автографе. Стихи:

Я слышу стук!.. Никак за мною?
Так точно, наш земляк зовет
На ужин к нашей же — прекрасно!
Секюр у ней почти всечасно...

читаются в ней следующим образом:

Так точно, князь Егор зовет
На ужин к Дивовой — прекрасно!

Эти имена, мало что говорящие современному читателю стихотворения, были абсолютно понятны в московском кругу и очень иронически оттеняли дружеские влечения Василия Львовича Пушкина. Князь Егор — это Егор Алексеевич Голицын. О его действительной биографии известно немного, но из сохранившихся отзывов современников вырисовывается колоритный, как будто сошедший со страниц сатирических журналов или подмостков комедийной сцены тип русского аристократа XVIII в. Он был близким родственником художника и медальера Ф. П. Толстого и сам обладал художественными наклонностями. Толстой в своих записках вспоминает о Голицыне в связи с семейными неприятностями, обрушившимися на него, когда в 1809 г. его избрали в почетные члены Академии художеств и он бесповоротно решил на карьере профессионального художника, — случай невиданный в его социальной среде. Тогда Голицыну удалось убедить мать и многочисленных родственников Ф. П. Толстого не препятствовать его намерениям. Одновременно Ф. П. Толстой сообщает и некоторые общие сведения о Голицыне, в частности, что он в возрасте 10 лет (Голицын родился в 1772 г.) был отправлен с гувернером в Париж, откуда вернулся через 8 лет единственно со знанием французского языка и «совершенно отжившим человеком». ³⁵ Тем не менее записанный с рождения в гвардию, Голицын исправно делал карьеру. В 1793 г. он был назначен камергером ко двору великой княгини Екатерины Алексеевны; два года спустя за участие в военных действиях против Костюшко получил Георгия 4-й степени; при Павле был уже генерал-майором. Карикатурист и острослов, при новом царствовании он быстро попал в опалу и подобно многим получил повеление жить в Москве. ³⁶ 3 апреля 1798 г. он по собственному желанию вообще уволился со службы при дворе вел. кн. Александра Павловича (ЦГИА, ф. 469, оп. 4, № 405). П. А. Вяземский в заметках об А. Сен-При, талантливом рисовальщике, пишет и о Голицыне, приходившемся Сен-При дядей: «Брат матери его, известный под именем князя Егора (Голицына), также в конце минувшего и начале нынешнего столетия славился своими забавными и удачными карикатурами. В молодую пору сердечных походов своих Карамзин встретил в нем счастливого соперника. Несмотря на свою безбидчивость и свое мягкосердечие, Карамзин в одной из своих повестей отплатил ему за это некоторыми штрихами и своего карандаша». ³⁷

³⁵ Русская старина, 1873, № 1, с. 39.

³⁶ Род князей Голицыных, т. 1. СПб., 1842, с. 179, 262, 340.

³⁷ Вяземский П. А. Старая записная книжка. — Русский архив, 1875, кн. 1, с. 208.

Таким образом, мимолетно упомянутое Дмитриевым имя Голицына проецировалось не только на личные отношения Карамзина, а тем самым и Дмитриева, но и на литературные отражения их симпатий и антипатий. В 1803 г. Карамзин опубликовал в «Вестнике Европы» короткое сочинение в неожиданном для него сатирическом роде под заглавием «Моя исповедь. Письмо к издателю журнала». Форма «письма к издателю» была широко распространена именно в сатире XVIII в., так же как и использование приема саморазоблачения героя. По существу, «Моя исповедь» нацелена против «Исповеди» Ж.-Ж. Руссо, а в еще большей степени против системы воспитания, изложенной в его романе «Эмиль». Но одновременно Карамзин смыкался здесь и с широкой критикой светского воспитания по французскому образцу, традиционной темой русской журналистики, начиная с новиковских изданий.

Именно в «Моей исповеди» обнаруживаются «штрихи» литературной карикатуры на некоторые черты характера Голицына. «Я родился сыном богатого, знатного господина — и вырос шалуном! — пишет Карамзин от лица своего героя. — Делал всякие проказы — и не был сечен! Выучился по-французски — и не знал народного языка своего! Играл десяти лет на театре — и в пятнадцать лет не имел идеи о должности человека и гражданина». ³⁸ В целом созданный Карамзиным достаточно широкий собирательный образ не мог, да и по замыслу не должен был, стать исключительно пародией на конкретное лицо. Это не исключает вместе с тем в «Исповеди» некоторых конкретных параллелей к биографии «князя Егора». Карамзин останавливается на путешествии своего героя с «образовательными целями», описывая, как он занимался не науками, а самыми грубыми развлечениями, на которые сквозь пальцы смотрел его «гофмейстер»; затем упоминает об оргиях в компании герцога Орлеанского в Париже и любовных похождениях героя в Петербурге и Москве. Характерно, что при этом дважды упоминается о его карикатурах, «единственном таланте, данном ему натурою». «Не все красавицы были моими Дидонами, — признается у Карамзина герой. — Нет, одна осмелилась указать мне двери. Я был в отчаянии — и на другой день представил ее в живой карикатуре: заставил всех смеяться, и сам утешился». ³⁹

«Моя исповедь» обыкновенно рассматривается только в плане идеологическом, как свидетельство, что в 1800-е годы Карамзин начинает глубоко критически оценивать философию века Просвещения. Pamфлетные мотивы в этом произведении, насколько известно, никогда не привлекали внимания и не учитывались при его интерпретации.

Экстравагантный образ жизни и поступки Елизаветы Петровны Дивовой также вызвали жадное любопытство современников. Урожденная Бутурлина, она рано была взята во дворец фрейлиной и скоро оказалась замешанной в придворные интриги. Скандальная хроника екатерининского царствования рассказывает, что она и ее подруга фон-Эльмпт, тоже фрейлина, рисовали многочисленные карикатуры и сочиняли памфлеты на близких к императрице придворных, вплоть до самого Г. А. Потемкина, и наконец, были «по-домашнему» наказаны прямо во дворце. ⁴⁰ Выйдя замуж, Дивова держала в Петербурге салон, где охотно принимали бежавших из Франции во время революции аристократов. За домом Дивовых в 1790-е годы утвердилось прозвище «petit Coblence» («малый Кобленц»). При Павле сенатор Адриан Иванович Дивов не избежал общей участи попасть под случайную вспышку императорского гнева. От ссылки его спасло родственное заступничество генерал-прокурора

³⁸ Карамзин Н. М. Избр. соч., т. 1. М.—Л., 1964, с. 730. О театре в московском доме князей Голицыных в середине 1780-х годов упоминается в письме Д. П. Горчакова к Д. И. Хвостову (ИРЛИ, ф. 322, № 60, л. 89).

³⁹ Карамзин Н. М. Избр. соч., т. 1, с. 731, 734.

⁴⁰ Гельбиг Г. Случайные люди в России. — Русский архив, 1865, № 12, с. 1468 (с примеч. П. И. Баргенева); Массон К. Мемуары о России. — Голос минувшего, 1917, № 9—10, с. 350.

А. Б. Куракина. Но испуг был так велик, что он решил, не испытывая судьбу, держаться подальше от Петербурга, и, ссылаясь на болезнь жены, получил редчайшее в то время разрешение Павла отправиться за границу (11 марта 1798 г.).⁴¹ По мере изменения политической ситуации Дивовы из Германии перебрались в Париж и осели там на несколько лет. Они сохранили старые отношения с вернувшимися во Францию эмигрантами, которых привечали в России, и завязали новые: Елизавета Петровна стала своим человеком в салоне Жозефины Богарне, к тому времени жены первого консула.

«Светская женщина без серьезного направления» — характеризовал свою тетку М. Д. Бутурлин. Он же забавно рассказывает, как, вернувшись в Россию, Дивовы поражали москвичей усвоенными в парижских салонах и утрированными до крайности модными привычками. Смешной пародией на стиль, введенный мадам Рекамье, были их приемы визитеров. Утренних посетителей они принимали, лежа в семейной двуспальной постели, в полном неглиже, с ночными чепцами на головах.⁴²

Имя другого лица, упомянутого во всех известных текстах «Путешествия NN», напротив, Дмитриев постоянно уточнял. В списке Хвостова 10-й стих «второй части» читался как «А уж Гаврило не услышит», в автографе — «А Журавлев уж не услышит»; в печатном тексте он получил примечание: «Почтенный старик, который незадолго перед тем умер и дружен был с путешественником». Откомментировать глухую отсылку Дмитриева не удастся, но, видимо, во всех трех случаях в виду имелось одно и то же лицо.

Хвостовский список относится к числу редких, но не уникальных. Аналогичный текст с раскрытием имен Дивовой и Голицына имеется в рукописном сборнике, принадлежавшем Д. И. Языкову, историку, активному участнику Вольного общества любителей словесности, наук и художеств (ГПБ, ф. 279, № 37, л. 1 об.—2 об.). «Путешествие» попало сюда в числе других рукописных литературно-полемических сочинений 1800—1810-х годов, интересовавших владельца. Что он был в курсе литературных споров и распрей, подтверждают сохранившиеся, начиная с 1803 г., письма к нему И. И. Дмитриева.⁴³ Текст языковского списка также не имеет примечаний. Существенное отличие от списка Д. И. Хвостова представляет пространное описательное заглавие. Это, по существу, даже не заглавие, а пояснение к стихотворению. Характерно, что оно учитывает либо сведения о «Путешествии NN», появившиеся в печатном тексте, либо устную легенду, возникшую по следам бекетовского издания: «Василий Львович Пушкин отправлялся в путешествие; Иван Иванович Дмитриев наперед описал оное следующим образом: Журнал Г. Пушкина».

Таким образом, хотя основная часть рукописей восходит к изданию 1808 г., наравне с ним копировались и находились в обращении среди любителей сатирической литературы предшествовавшие ему варианты текста «Путешествия». Присущая спискам Хвостова и Языкова детализация, еще большая, чем в автографе, не могла бы появиться априорно, до возвращения В. Л. Пушкина в Москву. Рассмотренные вместе автограф Дмитриева и список Д. И. Хвостова, как нам кажется, дают достаточно веские основания отнести создание «Путешествия NN» ко времени возвращения Василия Львовича в Москву, т. е. к концу 1804— началу 1805 г. А. С. Пушкин не знал действительных обстоятельств появления и издания стихотворной шутки Дмитриева, относящейся к ранней литературной биографии его дяди-поэта. В своей заметке 1836 г. об этом издании он следовал сложившейся вокруг «Путешествия NN» ли-

⁴¹ Русская старина, 1873, № 4, с. 508.

⁴² Бутурлин М. Д. Записки. — Русский архив, 1897, № 1, с. 227. В ЛОИИ (ф. 238, оп. 5, № 420) хранится альбом некоей Бутурлиной, в котором имеется автограф французского стихотворения В. Л. Пушкина «Épître aux sauvages».

⁴³ Дмитриев И. И. Соч., т. 2. СПб., 1893, с. 184 (и далее по оглавлению).

тературной легенде, а не подлинным фактам истории московского кружка Дмитриева.

Выше было указано, что впервые стихотворения из принадлежавшей П. П. Бекетову тетради были опубликованы в 1867 г. М. Н. Лонгиновым. Однако он воспроизвел авторский текст Дмитриева не полностью и не вполне точно. Он, естественно, опустил пять стихотворений, которые раньше уже появлялись в печати, в том числе и «Путешествие NN в Париж и Лондон», перепечатанное им самим десятью годами раньше в «Современнике».⁴⁴ Остальные, всего в количестве 16-ти, он напечатал. Семнадцатое стихотворение, эпиграмму «На рождение лирика»:

Пегас под бременем лирических творцов
С насады упустил, и вылился Хохлов —

он не включил в публикацию, по-видимому, из соображений чистого приличия, как не соответствующую репутации Дмитриева, «поэта изящного».

Эпиграмма эта была широко известна в начале XIX в., но никогда достоверно не приписывалась Дмитриеву. В качестве анонимной она появилась и в сборнике «Эпиграмма и сатира», составленном В. Н. Орловым, но в другой редакции:

Пегас под бременем лирических стихов
Вздохнул, натужился, и выскочил Хвостов.⁴⁵

Эпиграмма Дмитриева также направлена против Д. И. Хвостова: в рукописи «Хохлов» написано по более раннему откровенному «Хвостов», затем подчищенному. Подлинный текст Дмитриева ведет генеалогию Хвостова-стихотворца от эпигонов одической поэзии XVIII в., против которых поэт выступал в известной сатире «Кривой толк». Текст находившегося в руках В. Н. Орлова списка явно испорчен в устном бытовании.

Другие стихотворения сборника были воспроизведены М. Н. Лонгиновым с мелкими искажениями, которые традиционно сохраняются во всех последующих перепечатках. Прежде всего Лонгинов снял или изменил несколько дмитриевских заглавий. Так, эпиграмма на П. А. Сохацкого получила расширительное название «Новости литературы» (№ 306)⁴⁶ вместо конкретного «На журнал „Новости литературы“». Совсем было опущено заглавие «Песнь» при стихотворении «Обманывать и льстить...» (№ 251), впервые появившемся в «Карманном песеннике» на 1796 г. Вместе с тем стихотворению «Не понимаю я, откуда мысль пришла...» (№ 325), не имеющему у Дмитриева заглавия, М. Н. Лонгинов дал жанровый заголовок «Эпиграмма».

Лонгинов опускал и более крупные части текста Дмитриева, впрочем предварительно использовав содержащиеся в них сведения для собственного комментария к стихотворениям, но в своей публикации никак это не оговорил. Так, «Амур в карикатуре» (№ 326) имел авторское примечание: «Это пародия на известную французскую надпись „Sans armes come l'innocence“ («Безоружен, подобно Невинности», — В. С.) и проч.». Эту ссылку Дмитриева М. Н. Лонгинов заменил указанием литературного источника и опубликовал текст французского оригинала; на полях тетради (л. 10) сохранилась его предварительная карандашная помета: «XVI, 323. Grouvelle». Особенно пострадала эпиграмма на П. Ю. Львова «Седящий на мешках славяно-русских слов...» (№ 305). В подлиннике она имеет пространное название, указывающее не только

⁴⁴ Современник, 1856, № 8, Смесь, с. 141—147.

⁴⁵ Эпиграмма и сатира. Из истории литературной борьбы XIX века, т. 1. Л., 1931, с. 164. В качестве литературной новинки М. В. Милонов включил эпиграмму (текст с незначительными отклонениями от подлинного) в письмо к Н. Ф. Грамматину от 6 октября 1810 г., заметив: «Говорят, будто написал ее Дм.» (Библиографические записки, 1859, № 10, с. 294).

⁴⁶ Здесь и далее приводятся соответствующие номера стихотворений по «Полному собранию стихотворений» И. И. Дмитриева (Л., 1967).

адресата, но и конкретный отрывок из «Храма славы», вызвавший насмешку Дмитриева: «Пародия на слова: Сотворивший небо и землю, тот, который и проч. рек, сотворил нам бессмертного и — Петра Великого, явился, и творец восплескал творению своему. Храм славы сгромождения П. Ю. Львова». ⁴⁷ Столь же откровенно обозначил Дмитриев в рукописи и П. И. Шаликова, как объект пародирования в стихотворении «Любовь любовью пленилась...» (№ 301): «Пародия на Шаликову эпитафию И. Богдановичу». М. Н. Лонгинов обозначил ее просто «Пародия», а остальные сведения сообщил от собственного имени, одновременно изменив второй стих: «И с Душенькой соединилась» вместо «совокупилась», как в подлиннике.

В двух случаях рукопись позволяет установить осмысленный авторский текст дмитриевских стихотворений. Эпитафия «На смерть И. Богдановича» (№ 300) последовательно публикуется с опечаткой:

О чем ты сетуешь, прелестная Харита?
— Увы! с любимым я певцом разлучена!
Послала смерть Петру, ошибкою она
Сразила Ипполита.

Дмитриев, однако, знал, что Хариты не распоряжаются жизнью смертных, и поэтому употребил в эпитафии неопределенно-личный оборот: «Послала смерть Петру». К имени «Петр» в рукописи имеется примечание: «П. И. Богданович, бывший книгопродавец и плохой издатель журналов». М. Н. Лонгинов не привел этой характеристики П. И. Богдановича, хотя и сообщил некоторые биографические данные об однофамильце автора «Душеньки». Он, однако, не знал, какие журналы издавал П. И. Богданович, и поэтому не вполне понял смысл дмитриевского примечания. Между тем, характеризуя П. И. Богдановича как плохого журналиста, Дмитриев намекал на его участие в роли соиздателя в «Зеркале света» Ф. О. Туманского и на неудачу единоличного журнала П. И. Богдановича «Новый Санкт-Петербургский вестник», остановившегося на втором выпуске. «Зеркало света», как известно, резко полемизировало с «Московским журналом»; неодобрительный отзыв о «Санкт-Петербургском вестнике» имеется в письме А. М. Грибовского от 28 августа 1786 г., близкого в то время к окружению Г. Р. Державина. ⁴⁸

Эпиграмма «На журналы» (№ 322) напечатана у М. Н. Лонгинова с пропуском последнего стиха. Этот пропуск был отчетливо виден позднейшим издателям Дмитриева, так как в результате из трех последних стихов один стих остался незарифмованным. Поэтом В. Н. Орлов в своей хрестоматии предположительно обозначил пропуск предпоследнего стиха. В издании под редакцией Г. П. Макогоненко текст воспроизведен по Лонгинову как вполне завершённый. Составители сборника «Русская эпиграмма» предложили напрашивающуюся конъектуру:

Как этот год у нас журналами богат!
И «Вестник от Корел» и «Просвещения сват»,
«Аврора» и «Курьер Московский», не Европы,
И грузный «Корифей» — дорожник на Парнас...
«Какой запас для ж...»
Какой для чтения запас! ⁴⁹

Автограф Дмитриева дает:

Какой для чтения запас,
А более для ж..

⁴⁷ Храм славы российских героев от времен Гостомысла до царствования Романовых. СПб., 1803, с. XXXII—XXXIV.

⁴⁸ Державин Г. Р. Соч., т. 5. Изд. 2-е. СПб., 1876, с. 559.

⁴⁹ Эпиграмма и сатира, т. 1, с. 452; Дмитриев И. И. Полн. собр. стихотворений, с. 357; Русская эпиграмма второй половины XVII—начала XX века. Л., 1975 (Б-ка поэта. Большая серия), с. 160.

Именно эта концовка буквально вошла в эпиграмму, широко распространенную под именем А. С. Пушкина:

«Сыны Отечества» и «Вестники Европы»
Полезны для ума, а более для ж...⁵⁰

В тетради среди прочих стихотворений находится также стихотворение «Щастливец». В посмертные собрания стихотворений Дмитриева оно входит под названием «Блаженство» (№ 254). Источником печатного текста служат две публикации в «Русском архиве» за 1863 г., причем последняя по списку М. А. Дмитриева, племянника поэта, сделанному, как он сообщал, «в точности с оригинала».⁵¹ Этот оригинал остается неизвестным, и не вполне ясно, являлся ли он автографом. Во всяком случае наш автограф 1807 г. дает стилистически несколько иную редакцию стихотворения, может быть, более раннюю. В частности, третье и четвертое четверостишия в нем записаны в обратной последовательности по сравнению с публикацией М. А. Дмитриева.

Наличие рукописи позволяет теперь решительно сдвинуть и некоторые, также ставшие традиционными датировки. Это касается перевода из Мольера «Триссотин и Вадиус» (№ 56), эпиграмм «Подзобок на груди и подогнув колени...» (№ 333) и «На множество дурных од, вышедших по случаю рождения именитой особы» (№ 332). Поскольку они были включены Дмитриевым в третье издание «Сочинений» (1810), М. Н. Лонгинов не ввел их в публикацию и не упомянул, что они находятся в тетради. Поэтому они продолжают датироваться временем появления в печати. Теперь несомненно, что они написаны не позднее 1807 г. Пересматривая их для печати, Дмитриев внес в текст лишь незначительные изменения по сравнению с первоначальной рукописной редакцией.

2. Первое издание «Опасного соседа»

Так случилось, что два новых явления в истории русской книги XIX в. — литография и появление вольной русской печати за границей — оказались связанными с одним и тем же изданием. Издание это — литографическое воспроизведение «Опасного соседа» В. Л. Пушкина, сделанное П. Л. Шиллингом в Мюнхене. В настоящее время все его экземпляры считаются утраченными, и датируется оно приблизительно 1815—1816 гг.⁵² Первые сведения о существовании такого издания появились в биографической заметке Н. И. Греча о Шиллинге, заметке с элементом личных воспоминаний.

«По вторичном вступлении союзных войск в Париж (1815), — писал Н. И. Греч, — Шиллинг был там и вместе с другими русскими был приглашен министерством нашим к содействию в составлении и переписке разных актов на французском языке, которых нельзя было поверить иностранцам. Эти работы занимали значительное число лиц день и ночь. Шиллинг, по природе нетерпеливый и неусидчивый, крихтел за письменным столом и однажды как-то сказал, что этого продолжительного копирования бумаг можно было избежать употреблением литографии, которая в то время едва ли где была известна, исключая Мюнхена. Император

⁵⁰ Эта эпиграмма на журналы Н. И. Греча и М. Т. Каченовского была включена в сборник «Стихотворения А. С. Пушкина, не вошедшие в последнее собрание его сочинений», составленный Н. В. Гербелем (Берлин, 1861, псевдоним — «Русский»), и в лейпцигское издание Э. Л. Каспровича «Собрание запрещенных стихотворений А. С. Пушкина» (Лейпциг, 1873) и сохранялась в составе многочисленных перепечаток этих изданий русской вольной печати за границей (известно 15-е издание). Составители академического издания отнесли эпиграмму к числу псевдопушкинских стихотворений (XVII, 557).

⁵¹ Русский архив, 1863, № 2, с. 141; № 12, с. 959.

⁵² Список необнаруженных русских нелегальных и запрещенных изданий XIX века, известных по печатным и архивным источникам. М., 1975, с. 64, № 291; Коростин А. Ф. Начало литографии в России. 1816—1818. М., 1943, с. 35.

Александр, по представлении о том, приказал сделать опыт нового изобретения, и Шиллинг был для того послан в Мюнхен. Следовало на- литографировать что-нибудь по-русски. Шиллинг припоминал себе раз- ные стихотворения, выученные им в первом кадетском корпусе и в свете, и ни одного не мог вспомнить вполне. Вдруг он попал на карикатурную идиллию Василия Львовича Пушкина „Опасный сосед“, выгравировал ее и отправился с нею обратно в главную квартиру. Содержание опыта воз- будило общий смех, а исполнение оказалось безукоризненным; при Ми- нистрстве иностранных дел (в Петербурге) заведена была литография, первая в России, и Шиллинг назначен ее директором».⁵³

Рассказ в целом достоверно воспроизводит один из эпизодов биогра- фии П. Л. Шиллинга. Вместе с тем современные работы о Шиллинге позволяют уточнить отдельные детали этой истории.

Павел Львович Шиллинг (1786—1837) с 1803 г. был чиновником Коллегии иностранных дел и находился в штате русского посольства в Баварии. С началом Отечественной войны, в 1813 г., он вступил добро- вольцем в действующую армию, но уже в октябре 1814 г. вновь вернулся на дипломатическую службу. Постановка литографического дела в Мюн- хене, где действовала мастерская изобретателя литографии Алоизия Зе- нефельдера, была ему хорошо знакома. Более того, уже в 1813 г. Шил- лингу приходилось налаживать в Мангейме и Карлсруэ печатание лито- графическим способом военных карт для русской армии.

Прикладные области знания вообще очень интересовали Шиллинга. В наше время наиболее известными остаются его работы по практиче- скому применению электричества. Он явился создателем первого относи- тельно удобного и действительно работавшего электромагнитного теле- графа, телеграфного кода и электрического минного взрывателя. Возмож- ности литографии он использовал позднее для издания маньчжурских, тибетских и других восточных текстов, что было связано уже с его рабо- той в Азиатском департаменте. Поэтому и выбор начальством Шиллинга для закупки оборудования и литографического камня, и выбор Шиллин- гом для этого Мюнхена (к этому времени литографии открылись уже и в Париже) были совершенно естественными и логичными. Командировка Шиллинга в Мюнхен состоялась в июле 1815 г., а в первой половине 1816 г. в Петербурге начала работу первая русская литография.⁵⁴

Заметка Н. И. Греча вошла в научный оборот благодаря известному библиофилу С. Д. Полторацкому. В 1855 г. в русской типографии в Лейп- циге он выпустил наиболее авторитетное и известное издание «Опасного соседа», впрочем, быстро ставшее библиографической редкостью.⁵⁵ Из публикации Н. И. Греча он с удивлением обнаружили, что не является первоиздателем стихотворения В. Л. Пушкина.

«В мае месяце 1830 года, — писал он в предисловии, — перед выездом моим из Москвы за границу виделся я в последний раз с Василием Льво- вичем Пушкиным, в доме его на Басманной <...> Пушкин рассмешил нас всех следующею просьбой, с которою обратился ко мне: „Милый мой, ты, вероятно, будешь в Берлине, Лейпциге, Париже; там есть русские типо- графии; потешь меня, пожалуйста, напечатай моего „Опасного соседа“, лучшее и удачнейшее из моих стихотворений. Оно известно в России

⁵³ Греч Н. И. П. Л. Шиллинг фон Канштадт. — Северная пчела, 1853, № 142, 30 июня, с. 568.

⁵⁴ Яроцкий А. В. Павел Львович Шиллинг. 1786—1837. М., 1963, с. 147—152.

⁵⁵ «Опасный сосед». Стихотворение Василия Львовича Пушкина. Изд. второе. Лейпциг, в типографии Брокгауза, 1855. 10 с. Редкость этой книги С. Д. Полторац- кий объяснял так: «Брокгауз, в Лейпциге, напечатал для меня небольшое число экземпляров, которые разобраны были у меня нарасхват моими приятелями и друзьями, здесь за границею, и потом в Петербурге и Москве» (из рукописной заметки С. Д. Полторацкого на единственном оставшемся у него к 1865 г. экземпляре «Опасного соседа», см.: Ирой-комическая поэма. Л., 1933 (Б-на поэта. Большая серия), с. 736; подлинник: Пушкинский кабинет Института русской ли-

тературы, шифр Бр $\frac{П31}{30}$.

только в рукописи, и жаль, если пропадет и не дойдет до потомства. Вот тебе исправный список, тисни его, и тем порадуешь меня“. Вероятно, — добавляет С. Д. Полторацкий, — ему не было известно издание, литографированное в Мюнхене, потому что он не упомянул мне об этом, когда давал свое поручение. Первое издание должно быть большою библиографическою редкостью, — да и едва ли сохранилось оно у кого-нибудь». ⁵⁶

С. Д. Полторацкому не удалось найти ни одного экземпляра первого издания, но он был уверен в его существовании и собственное обозначил как «второе».

Независимое от рассказа Н. И. Греча указание на реальность раннего издания «Опасного соседа» находится в переписке П. А. Вяземского с А. И. Тургеневым, вышедшей в свет в 1899 г. По-видимому, первое известие о нем П. А. Вяземский получил именно от А. И. Тургенева, своего постоянного корреспондента, так как в письме от 5 октября 1816 г. изумленно спрашивал и требовал подтверждения новости: «„Буянов“ напечатан? Сила крестная с нами! Ради бога пришли „Буянова“: мы станем здесь продавать его в пользу наследников автора. . .». ⁵⁷ Впрочем, сведения Вяземского могли восходить и к кругу общих московских знакомых, потому что А. И. Тургенев несколько ранее, 26 сентября, в письме из Петербурга сообщил об издании Шиллинга как о литературной сенсации А. Я. Булгакову: «Объяви осторожнее Василью Л. Пушкину, но осторожнее, дабы ему от радости дурно не сделалось, что вчера явился ко мне Шиллинг из чужих краев и привез первый опыт литографический — и что же напечатано? „Опасный сосед“! Сам литограф челом бьет брату Константину «Булгакову»». ⁵⁸

Издатели дореволюционных библиофильских малотиражных публикаций опирались в основном на лейпцигское издание. В трех отдельных изданиях советского времени (М., изд. книжного магазина «Библиофил», 1918. Под ред. Бориса Садовского; М., книгоиздательство «Библиофаг», 1918. Под ред. С. П. Боброва; Петербург, изд. «Атеней», 1922. Под ред. В. И. Чернышева) литография П. Л. Шиллинга также показана как «малоизвестная» или, «по-видимому, совсем утраченная». Не имели ее в руках и исследователи, готовившие текст «Опасного соседа» для издания серии «Библиотека поэта» (Б. В. Томашевский, Г. В. Ермакова-Битнер). Б. В. Томашевский в 1933 г. авторитетно утверждал о литографическом издании Шиллинга, что «в настоящее время оно неизвестно ни в одном экземпляре». ⁵⁹

Неудача поисков этого издания, очевидно, была обусловлена тем, что описания и Н. И. Греча, и С. Д. Полторацкого давали основание предполагать, будто оно было оформлено в виде книги. На самом деле это не так.

Хранящийся в ленинградской Государственной Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина экземпляр имеет скорее вид рукописи, а не печатного издания. Именно поэтому он попал не в состав книжных фондов библиотеки, а оказался в Отделе рукописей среди автографов коллекции П. Н. Тиханова (ф. 777, оп. 1, № 1351).

Титульного листа издание не имеет; при заглавии указана лишь дата печатания — 1815 г. Весь текст стихотворения умещен на двух сброшюрованных, но не сшитых полулистах специальной литографской бумаги (4 архивных листа, 5 заполненных страниц) и представляет литографическое воспроизведение четко исполненного списка «Опасного соседа». Оригинал, скорее всего, был выполнен профессиональным переписчиком. Основание для такого предположения дают нарушающие размер стиха перестановки слов («ужасной сей битве вот что было виною» вместо

⁵⁶ «Опасный сосед»... с. 4—5.

⁵⁷ Остафьевский архив, т. I. СПб., 1899, с. 54.

⁵⁸ Письма Александра Тургенева Булгаковым. М., 1939, с. 152.

⁵⁹ Ирой-комическая поэма. Л., 1933, с. 733; Поэты-сатирики конца XVIII—начала XIX века. Вступит. статья, подгот. текста и примеч. Г. В. Ермаковой-Битнер. Л., 1959; Поэты 1790—1810-х годов. Вступит. статья и сост. Ю. М. Лотмана. Л., 1971 (раздел о В. Л. Пушкине готовила Е. Н. Дрыжакова, см. с. 812).

«ужасной битве сей вот было что виною») и недописанное (непрочитанное писарем) слово «благопристо» («благопристойности ничто не нарушало»). Автор обозначен в конце текста криптонимом «П.», что расшифровывается как «Пушкинъ». В 1815 г. такая подпись должна была однозначно относиться к В. Л. Пушкину, поскольку его родной племянник, А. С. Пушкин, как поэт был еще совершенно неизвестен.

В конце последней заполненной страницы (л. 4) имеется помета первого владельца этого экземпляра: «Литографический оттиск Барона П. Шиллинга, от него полученный. 1816. Окт. 3». К слову «полученный» карандашом, почерком того же времени, добавлено «в Париже». Кому конкретно был подарен этот экземпляр, неизвестно. Однако запись подтверждает, что оттиски действительно раздаривались Шиллингом.

С другой стороны, указание Н. И. Греча, будто бы Шиллинг напечатал «Опасного соседа» буквально по памяти, вызывает большое сомнение. Стихотворение насчитывает 154 стиха. Существует определенный психологический барьер для точного запоминания произведений большого объема; в этом случае обычно появляются пропуски рифмующихся между собою стихов, смысловые и синонимические замены отдельных слов и другие искажения. Между тем различия, которые имеются между литографированным текстом и изданием С. Д. Полторацкого, повторяющим «верный список» В. Л. Пушкина, в общем незначительны и не отличаются от типичных ошибок при переписке. Литография дает следующие варианты к печатному тексту 1855 г. (чтения печатного текста приводятся в скобках):

- «Извозчик ухерской, любуясь рысаками» (вместо *ухорской*);
- «Ты добрый человек, твой мне приятен вид» (вместо *мне твой*);
- «Один кривой лакей стоит в углу покойно» (вместо *спокойно*);
- «Я в полночь, наконец, до хижины своей» (вместо *моей*).

Популярность «Опасного соседа» была велика, и он разошелся в большом количестве списков. Список, использованный П. Л. Шиллингом, относится к числу сравнительно ранних. Строго формально он должен датироваться временем от середины 1811 г., когда появляются первые читательские отклики на сочинение В. Л. Пушкина, до середины 1815 г. Однако на самом деле он явно старше последней даты.

Установить точную генеалогию текста Шиллинга не представляется возможным. Отметим только, что одновременно с Шиллингом в Коллегии иностранных дел служили Д. В. Дашков, Д. Н. Блудов и С. С. Уваров, при бароне Штейне в Германии до 1816 г. находился Н. И. Тургенев, брат А. И. Тургенева. В этом же кругу людей, группировавшихся около Н. М. Карамзина, мы видим Шиллинга сразу после возвращения в Петербург. Например, в 1818 г. он уже знаком с К. Н. Батюшковым и А. С. Пушкиным, определившимися в Министерство иностранных дел, осенью 1820 г. неоднократно посещает Карамзиных вместе с А. И. Тургеневым, В. А. Жуковским, Д. Н. Блудовым.⁶⁰ Эти знакомства в конечном счете — среда арзамасского литературного общества, в котором «Опасный сосед» не только был популярен, но имел функциональное значение.

В. Л. Пушкин, родной дядя А. С. Пушкина, сочинил свою стихотворную новеллу в разгар борьбы «шишковистов» и «карамзинистов», и целый ряд стихов из нее, направленных против А. С. Шишкова и его сторонников, сразу стали летучими эпиграммами. Особенно В. Л. Пушкин гордился своим выпадом против А. А. Шаховского, описав успех его сочинений среди обитательниц публичного дома. Строка «Прямой талант везде защитников найдет!», как и другие сатирические и фривольно-игривые мотивы «Опасного соседа», вошли в специально разработанный

⁶⁰ См.: Черейский Л. А. Пушкин и его окружение. Л., 1975, с. 473; Остафьевский архив, т. II. СПб., 1898, с. 70, 95. Наиболее полный анализ литературных знакомств Шиллинга, и особенно его отношений с А. С. Пушкиным и пушкинским окружением, дан М. П. Алексеевым в работе «Пушкин и наука его времени» (перепечатана в кн.: Алексеев М. П. Пушкин. Сравнительно-исторические исследования. Л., 1972, с. 71—93).

ритуал приема Василия Львовича в «Арзамас». Удостоивая его почетным титулом «Старосты», арзамасцы постановили: «Вытребовать у него список известной его проказы с веселою музою, именуемой „Опасный сосед“, переписать ее чистым почерком, переплести в бархат и признать арзамасскою Кормчею книгою».⁶¹

Возможно, что список, находившийся в руках П. Л. Шиллинга, происходил из круга молодых противников «Беседы любителей русского слова». Но даже независимо от этого некоторые его разночтения позволяют поставить вопрос об особенностях первоначального текста ирои-комической новеллы В. Л. Пушкина.

Сохранились поздние замечания П. А. Вяземского на издание С. Д. Полторацкого. Он, в частности, отметил, что в описании героя новеллы, Буянова, стих «С цыганками, с б... ми, в трактирах с плясунами» должен читаться «в трактирах с ямщиками», и это чтение было принято С. Д. Полторацким в его личном экземпляре книги. В этот же экземпляр С. Д. Полторацкий внес, без ссылок на свой источник, второе исправление: в стихе «Пришел, — и понесло повсюду кабаком» последнее слово заменено на «*табаком*». Оба чтения канонизировал Б. В. Томашевский, полагая, что они основаны на каких-то не дошедших до нас автографах В. Л. Пушкина.⁶² Даже если его предположение и справедливо, нельзя исключить случая, что приведенные варианты просто восходят к автографам разного времени, которые зафиксировали разные стадии работы В. Л. Пушкина по исправлению, хотя и явно незначительному, текста своего стихотворения. Эти изменения в свою очередь могли отразиться и в списках «Опасного соседа». Напомним, что авторизованный список С. Д. Полторацкого относился к 1830 г. Более ранний список П. Л. Шиллинга дает по отношению к нему несколько вполне осмысленных вариантов, которые нет оснований считать простыми следствием порчи текста.

Прежде всего отметим, что в списке П. Л. Шиллинга совмещаются чтения «с ямщиками» и «кабаком», и таким образом он подтверждает существование этих, считающихся сомнительными вариантов.

Кроме того, литографированный текст дает и другие разночтения с печатным:

«Урыльник, самовар и карты на скамейке» (вместо *чашки на скамейке*);

«Уменье в свете жить желая доказать» (вместо *показать*);

«Буянов, не любя приветствия такого» (вместо *не стерпя*).

Характерной особенностью текста П. Л. Шиллинга является наличие эпиграфа «*Loripedem rectus derideat Aethiorem albus*» («Над кривоногим смеется прямой, а над неграми — белый»), которого нет в других изданиях «Опасного соседа». Он заимствован из третьей сатиры Ювенала.⁶³ Смысл этого латинского стиха в применении к новелле иносказателей: над несчастным приключением автора и Буянова, составляющим содержание стихотворения, может смеяться лишь тот, кто сам безгрешен. Подобные эпиграфы из латинских авторов встречаются и в других произведениях В. Л. Пушкина, особенно в его сатирических посланиях к друзьям (из Горация, Цицерона и т. п.). Василий Львович не только знал латынь, но и любил щегольнуть латинской цитатой.

Предположение, что какие-то редакции «Опасного соседа» имели латинский эпиграф, высказал в свое время П. И. Бартнев на основании случайно встретившегося ему списка с той же цитатой из Ювенала, что и в литографии Шиллинга.⁶⁴ Список, бывший у него в руках, остается неизвестным исследователям, и очевидно поэтому заметка Бартнева не была учтена при позднейших перепечатках стихотворения Пушкина.

⁶¹ Гиллельсон М. И. Молодой Пушкин и арзамасское братство. Л., 1974, с. 80—88.

⁶² Ирои-комическая поэма. Л., 1933, с. 737.

⁶³ Римская сатира. Переводы с латинского. М., 1957, с. 174.

⁶⁴ П. Б. [Бартнев П. И.]. Эпиграф «Опасного соседа». — Русский архив, 1889, № 9, с. 144.

Любопытно, что Бартенев, исходя из общего смысла сатиры Ювенала, бичующей «лицемеров и притворщиков, которые на словах чужды порока, между тем как втайне предаются ему», оспаривал ставший традиционным фетовский перевод стиха: «Кривоногому смейся прямой, Эфиопу сам белый». По его мнению, «Lorigedes» означает человека, ноги которого связаны ремнем, и поэтому правильнее стих переводить: «Смейся правый над колодником, белолицый над Эфиопом».

Хотя литографический «опыт» П. Л. Шиллинга был изданием более или менее случайным, частным и не предназначенным для широкого распространения, думается, что для воспроизведения «Опасного соседа» издатель выбирал достаточно достоверный с его точки зрения список. Литературные знакомства П. Л. Шиллинга свидетельствуют, что он был в состоянии оценить степень этой достоверности. Поэтому его издание заслуживает внимания и должно учитываться в текстологической работе над сочинениями В. Л. Пушкина.

«Опасный сосед» в издании П. Л. Шиллинга исполнен в Германии, немцами-литографами. Вместе с тем издание является первым литографическим воспроизведением русского литературного произведения. Это произведение, как хорошо понимали не только современники, но и позднейшие читатели В. Л. Пушкина, по содержанию своему не могло появиться в русской подцензурной печати XIX в. Поэтому все коммерческие издания «Опасного соседа», издания «для продажи», делались зарубежными типографиями (1859, 1871, 1876 гг.). В этом смысле издание П. Л. Шиллинга, обходящее цензуру, следует считать предвестником более поздних публикаций русской вольной печати.

А. А. КАРПОВ

ЭПОХА 1830-Х ГОДОВ В ПИСЬМАХ Н. М. ЯЗЫКОВА

Публикуемые ниже письма Николая Михайловича Языкова (1803—1846) представляют интерес, прежде всего, в двух отношениях: они заметно обогащают существующие представления о творческом пути одного из крупнейших русских лириков пушкинской эпохи и в то же время ярко рисуют литературно-общественную обстановку начала тридцатых годов в целом.

Материалы публикации охватывают промежуток от апреля 1831 до апреля 1833 г. и связаны главным образом с московским периодом жизни и творчества поэта (1830—1832). Это один из ключевых моментов в его биографии. Покинув в 1829 г. Дерпт, где он учился в университете «бездипломным студентом», Языков ясно ощущает неопределенность своего положения.¹ Первоначально он рассчитывает сдать в Москве университетский экзамен, но затем эти планы меняются. Поэт решает поступить на службу, чтобы после получения необходимого в глазах общества хотя бы первого чина выйти в отставку и уже всецело посвятить себя творчеству.² О реализации этого намерения, о характере деятельности Языкова-чиновника, как и о других фактах его биографии московской поры, мы и узнаем из ныне публикуемых писем.

Не меньший интерес имеют они и для характеристики литературной позиции писателя. Приехав в Москву после почти семилетнего дерптского удаления от центров литературной жизни, Языков оказывается теперь в самой ее гуще. Возобновляются его личные контакты с В. А. Жуковским и А. С. Пушкиным, происходит сближение с Д. В. Давыдовым, Е. А. Баратынским, М. П. Погодиным, братьями Киреевскими, М. А. Максимовичем и др. Языков втягивается в обострившуюся в то время борьбу писателей пушкинского круга с Ф. В. Булгариным и Н. А. Полевым. Он деятельно участвует в важных литературных начинаниях тридцатых годов — организации журнала «Европеец», издании альманаха «Северные цветы» на 1832 г., работе П. В. Киреевского по собиранию произведений русского фольклора.³ Письма поэта московских лет насыщены информацией о разнообразных фактах литературно-общественной жизни. Они отмечены резкостью и категоричностью суждений, обнаруживают активность языковского отношения к современному литературному процессу, доносят до нас живое дыхание пушкинской эпохи.

Содержание публикуемых документов отличается большой пестротой и разнообразием. Но очевидно и то, что все они объединены некой

¹ «По понятиям того времени, — писал в связи с этим родственник и друг братьев Языковых Д. Н. Свербеев, — каждому дворянину, каким бы великим поэтом он ни был, необходимо было служить или по крайней мере выслужить себе хоть какой-нибудь чинишко, чтобы не подписываться недорослем» (Свербеев Д. Н. Записки, т. 2. М., 1899, с. 97).

² См. в связи с этим: Языков Н. М. Письма к родным. Публикация А. А. Карпова. — В кн.: Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1976 год. Л., 1978, с. 147—178.

³ См.: Соймонов А. Д. П. В. Киреевский и его Собрание народных песен. Л., 1971.

стержневой темой, в разных своих аспектах и вариантах возникающей в различных письмах. Это важнейшая в тот момент для Языкова тема поэтического самоопределения, выбора нового пути. Представление о том, что на рубеже 1820—1830-х годов в творчестве Языкова намечается поворот, разграничение этих десятилетий как особых этапов деятельности писателя традиционны для нашей науки. Однако природа происходящей перестройки, многочисленные внешние и субъективные факторы, обусловившие направление, характер, логику эволюции поэта, изучены еще недостаточно. Публикуемая часть языковского эпистолярного наследия содержит исключительно интересный с этой точки зрения материал.

Основное содержание намеченного поворота, как оно рисуется Языкову, сводится к отказу от «лирики чувства», являющейся откликом на минутные события жизни, в пользу поэзии программной, философски значимой. Создание такого рода произведений свидетельствовало бы, по мысли писателя, о его литературной зрелости, раскрыло бы подлинную природу и масштабы его дарования. Поиски Языкова шли в русле общих устремлений русской литературы, выдвинувшей в ту эпоху лозунг создания «поэзии мысли», и не случайно поэтому были с пониманием встречены его современниками — Е. А. Баратынским, И. В. Киреевским, В. Д. Комовским и др. Характерно и то направление, в котором идет поэт, формируя свой новый этический идеал, создавая идеологически значимую поэзию. Письма начала тридцатых годов свидетельствуют о резком повышении его интереса к религиозной и богословской литературе; заметное место занимает в творчестве Языкова этих лет лирика псалмодического характера.⁴

С планами пересмотра творческого пути связан и возникающий у писателя замысел отдельного издания своих стихотворений. Как видно из писем тех лет, мысль о поэтическом сборнике вызвана стремлением Языкова подвести итог своей прошлой литературной деятельности и тем самым провести отчетливую границу между лирикой ранней поры и начинающейся новой эпохой творчества. Первое издание стихотворений задумывается писателем как своего рода поэтическое отражение дерптской эпохи его жизни, что подчеркивал и выбранный им для книги эпиграф из Гете:

Wer das Dichten will verstehen,
Muss in's Land der Dichtung gehen;
Wer den Dichter will verstehen,
Muss in Dichters Lande gehen.⁵

От начала и до конца работы над своим первым сборником Языков, таким образом, смотрел на него как на единство произведений, связанных определенной художественной задачей. Однако сама природа этого единства не оставалась неизменной в процессе подготовки книги. Тематический состав выпущенных в начале 1833 г. (цензурное разрешение от 4 января) «Стихотворений Н. Языкова» оказался более разнообразным, нежели это предполагалось вначале. Тема прощания с поэтической молодостью соединилась здесь с темой будущего литературного пути, контуры которого Языков уже стремится очертить. Эта направленность книги ясно выражена, в частности, в открывающем ее программном стихотворении «Поэту» (1831), не только являющемся обобщенной эсте-

⁴ «Песни священные (из Псалтыря, Экклезиаста, книги Бытия и пр.) наполняют теперь поэтическую жизнь его. Пора, пора перестроить звучную лиру...», — писала в 1832 г. о Языкове издававшаяся Н. И. Надеждиным газета «Молва» (№ 68).

⁵ Тот, кто хочет понять поэзию,
Должен отправиться в страну поэзии.
Тот, кто хочет понять поэта,
Должен отправиться в страну поэта (нем.).

тического декларацией Языкова, но и ярко раскрывающем его личное самосознание в ту переломную для писателя эпоху:

Когда с тобой сроднилось вдохновенье
И сильно им твоя трепещет грудь,
И видишь ты свое предназначенье
И знаешь свой благословенный путь;
Когда тебе на подвиг все готово,
В чем на земле небесный явен дар:
Могучей мысли свет и жар
И огнедышащее слово —
Иди ты в мир, — да слышит он пророка...

Выход в свет «Стихотворений Н. Языкова», появление первых откликов и рецензий на этот сборник (этому посвящены заключительные материалы подготовленной публикации) завершают целый период в жизни поэта — период его неуклонного творческого развития, укрепления его литературного авторитета.

Публикуемые в настоящем издании письма обращены к братьям Языкова и адресованы в Симбирскую и Уфимскую губернии, где они в то время находились. Старший из братьев, Петр Михайлович Языков (1798—1851), — известный общественный деятель, геолог и этнограф. Первоначально предполагая целиком посвятить себя научной деятельности, он, как старший в семье, был вынужден после смерти отца в 1819 г. заняться хозяйственными делами в симбирских имениях Языковых. Незаурядную фигуру представляет собой и особенно близкий поэту Александр Михайлович Языков (1799—1874) — человек широко образованный, тесно связанный с литературными кругами.

Письма печатаются по автографам, хранящимся в Рукописном отделе ИРЛИ АН СССР (19.4.11, 19.4.12, 19.4.13).⁶ Сделанные в некоторых из них небольшие купюры (отмеченные многоточием в ломаных скобках) касаются интимных деталей заболевания поэта и неудобны в печати. Орфография и пунктуация приближены к современным нормам, за исключением тех случаев, когда отклонения имеют экспрессивно-смысловой характер или передают характерные особенности произношения. Личности ряда упоминаемых лиц остались неустановленными.

1

А. М. Языкову

1831. Апреля 21. Москва.

Я, брат, теперь нахожусь в страдательном положении, вот уже две недели, как не встаю с одра болезни <...>. Теперь, слава богу, кажется, вся эта передрыга, которой одной только недоставало мне, чтобы вовсе знать, что такое жизнь молодая, прославленная поэтами, скоро кончится. Кроме неудовольствия быть больным <...> теперешние мои обстоятельства возымели вредное влияние и на план мой поскорее определиться в Архив:¹ я жительствую теперь в доме Малиновского² (два шага от Красных ворот), мой хозяин желает со мной познакомиться (он до сих пор смешивал меня с Дмитрием Иван<овичем> Языковым,³ своим старым знакомым, и не мог надивиться, что сей последний на

⁶ Выдержки из некоторых писем уже известны по следующим публикациям: Садовников Д. Н. Отзывы современников о Пушкине. — Исторический вестник, 1883, № 12; Шенрок В. И. Из писем Н. М. Языкова к брату его Александру Михайловичу. — Русская старина, 1903, № 3; Поляков А. Н. Н. М. Языков и Е. А. Боратынский. (Неопубликованные письма). — В кн.: Литературно-библиологический сборник. Пг., 1918; Языков Н. М. Полн. собр. стихотворений. Ред., вступит. статья и коммент. М. К. Азадовского. М.—Л., 1934; Из неизданной переписки Н. М. Языкова. Н. М. Языков и В. Д. Комовский. Переписка 1831—1833 гг. Публикация М. Азадовского. — Литературное наследство, т. 19—21. М., 1935.

старости лет пустился писать стихи и так разгулялся!); а в самый день моего сюда переезда объяснилось во мне существование одного несносного недуга. Между тем Малиновский на лето обыкновенно уезжает в деревню. Это уж, ей-богу, судьба или рок, а не собственная моя глупость. Сам ты посуди! Говорят, что Малиновский — добрый старик, знает и хорошо рассказывает много анекдотов про времена доекатерининские и последующие, с ним вообще любопытно познакомиться даже и бескорыстно, — тем паче...

Погодин уехал в деревню — писать.⁴ Верно, снова явится какой-нибудь вздор вроде «Марфы», «Адели» и тому подобных произведений сего человека, обманувшего ожидания всех людей благомыслящих, теперь мечущегося, как угорелая кошка, и отстраняющего всякую надежду, что он снова возвратится на путь истинный. Как тебе нравится «Телескоп»? Он, кажется, получше «Телеграфа», или, лучше сказать, «Телеграф» похуже его. «Молва» чрезвычайно глупа. Журнал Волкова не состоялся,⁵ вышло две книжки — и издатель скрылся неизвестно куда: так пишет Комовский!⁶ Что же твой хваленый птенец гр(аф) Толстой?⁷ С этим письмом ты получишь «Наложницу»:⁸ ты не знаешь ее в таком виде, как она напечатана — многое переделано, переправлено и целая глава прибавлена. Как ее начнут бранить наши журналисты! Особливо заглавие дает бесчисленные поводы к толкованиям и восклицаниям самым глупым! При ней предисловие — очень любопытное. Жуковский написал 11 новых баллад и несколько мелких стихотворений. Говорят, что они уже печатаются; а если еще нет, то, конечно, Елагина⁹ получит их в рукописи, и я тебе пришлю. Надобно ж услаждать горечь твоей одинокой жизни закамской — стихиками!

Что же ты не похвалил мой псалом, напечатанный в «Деннице»?¹⁰ (В нем по трусости Максимовича поставлено слово «природа» вместо «свобода», и вышла бессмыслица¹¹). Переехав на новую квартиру, я было принялся стихотворствовать — и довольно успешно, да не далеко успел — болезнь остановила. Теперь, кажется, на днях снова восстановлю моих богов. Само собою разумеется, что дело началось мелочами — это был только разбег, первоход Музы. По переезде в деревню начну писать повесть: это будет последняя дань моя моей разгульной юности, длинный поклон хозяйну дома, в котором было весело, но все-таки пора домой. Через неделю ты получишь эти стихи: теперь переписать и некогда, да и рука еще не тверда у больного. Предупеждаю тебя, что они писаны к цыганке — примадонне здешнего табора,¹² они любовные, хотя дела у меня с нею и не было <...>

Раич¹³ перевел VI песнь «Орланда» — и опять тем же глупым размером, как «Иерусалим». Каков Шаплет?¹⁴ Честь ему и слава! Сколько перевел, и все добрые книги: жаль только «Дон-Кихота», что с французского. Впрочем, он не уйдет от Петра Киреевского.¹⁵ Читал ли ты «Христину и двор ее» фон дер Фельде?¹⁶ Во время болезни я обратился было к романам — и этот мне понравился. «Что такое хороший тон?»¹⁷ — вздор, несмотря на то что он североамериканский. Я тебе буду присылать все мои стихи: прибавляй их в зеленую книгу.¹⁸ К 1 января 1832 должен я написать еще 2000 стихов — это необходимо: заклад, от которого зависит вся грядущая судьба моя,¹⁹ оселок моей поэтической силы; после того времени соберу все вместе и издам. Тогда будет пора! Не правда ли?

Благодарю за чекмень — присылай поскорее. Вообще я люблю подарки — и теперь, да и всегда, был бы рад даже чистому денежному: по случаю болезни я было начал терпеть нужду в деньгах. Слава богу, что нашел, где занять, и занял покуда 500 р. В Москву на днях явилась Ипполитовна, носящая в себе плод чрева своего, который, как слышно, она предназначает в пользу воспитательного дома. Она уже была у меня, я советовал ей относиться ко мне в случае нужды; ей скучно в Москве, опять хочется в Симбирск. Правда ли, что ты туда будешь? К Троицкому дню? Женись-ка, брат. Оно лучше, нежели то и то и прочее. Найти ум-

ную, добрую, образованную подругу, ей-богу, не очень трудно: только не гоняйся за красотой, а красоты, даже гончаровской, не станется на целую жизнь. А одному — всякому соскучится, особенно в глуши, и мы знаем, чем обыкновенно кончается холостячество! Обдумай это решительно: ты в чинах, в крестах и проч. Мое дело иное: ты увидишь, что я сделаю, когда буду (положимся смело) хоть коллежским регистратором. Свербеев²⁰ уже сыскал для тебя невесту. Говорят, красавица активная, княжна сверх того, певица и проч. Приезжай-ка хоть к зиме в Москву.

На лето, разумеется по совершенном выздоровлении, переселюсь я в деревню (25 верст от Москвы, 3 версты от знаменитого Архангельского),²¹ принадлежащую Остерману-Толстому,²² — Ильинское. Туда отправляются через неделю Елагины, у меня будет особое местопребывание. Деревенская жизнь, вообще приятная сердцу человеческому, теперь мне и необходима для восстановления жизненных сил, освежения моего духа после долговременного пребывания в духоте столицы, наконец, для стихописания, потому что обещает мне или полное уединение или неполное, но зато сообщество людей самых образованных, добрых, чуждых всех сует и вздоров, от которых мы бегаем из городов, а мы даже из деревень своих собственных. Ты все еще не написал мне, чем будешь заниматься в глуши. Ты, дискать, взял с собой Синклера,²³ но ведь невозможно же, чтобы все твое время наполнялось мыслями о хозяйстве. Верно, у тебя в голове есть какой-нибудь подвиг литературный? Вроде тех полезных намерений, исполнению которых так решительно мешали мое опрометчивое согласие в них участвовать и моя полная неспособность приняться за что-нибудь дельное и его кончить, хотя бы и не одному! Порадуй же меня известием, что ты уединился не для того, чтобы закопать свой талант в землю и подобно Свербееву копить деньги. Ты не рассердишься на меня, ежели я продержу здесь еще несколько месяцев Тьерса²⁴ — я все еще не собрался с духом прочесть его: то дело не шуточное — 10 частей, плотной печати. Что нужды, что в нем нет высоких взглядов: ей-богу, по крайней мере для меня, в истории главное факты, а взгляд да будет у всякого свой, тогда только польза истории самодействительна, а вытвердить чудную идею, не переварившуюся на фактах, едва ли полезно, и мне кажется, что главное искусство истории состоит совсем не в соображении множества фактов и выведении из них мысли, а в расставлении и гармонивании фактов так, чтобы мысль сама собою рождалась в голове читателя — тогда только она будет ему своя, родная, вечная!

В здешнем университете происходит что-то дивное: лучшие профессора подали в отставку, еще не знаем причины. Директором Московского театра вместо Кокошкина²⁵ сделан Загоскин, пожалованный в камергеры. Уж не к нему ли мне в службу? Впрочем, говорят, что он осел в обращении. Его роман скоро выйдет.²⁶ Говорят, что Греч поссорился с Булгариным, разорвал с ним все связи журнальные и прочие, отогнал от «Пчелы» и «Сына Отечества» и прогнал в Дерпт.²⁷ Дай-то бог! Пора кончиться царствованию Булгарина — и тем виднее будет в его погибели перст божий, что он пострадает от своего брата-мошенника!

Прощай покуда. Довольно, кажется, больному.

Весь твой Н. Языков.

2

А. М. Языкову

Июня 14. 1831. <Ильинское>.

Нахожусь я в деревне, зовомой Ильинское, находящейся верстах в 20 от Белокаменной, на берегу Москвы-реки, на месте высоком, осеннем различными древами садов и лесов. Я, брат, еще все только что оправляюсь, слаб и бледен <...>

«Рославлева» я тебе пришлю сам: зане я неосторожно поступил в отношении к нему, купив его. Ну, брат, кажется, Загоскину надобно бы перестать писать романы: вот уже другой,¹ служащий доказательством, что их автор не имеет таланта, потребного сему роду сочинений; есть порядочные, даже хорошие отдельные места, но связи с целым ни туго, потому что нет целого; ни одного характера не только завлекательного, но и живо нарисованного. А говорят, Загоскин уже заготавливает еще три романа: содержанием одного из них будет казнь Новгорода Иоанном IV!² Какова замашка! Что будет с нашею бедною историей? Того и гляди, что ее всю переберут и <...> бесталанные головушки! Извещал ли я тебя, что Погодин сочиняет трагедию «Алексей Петрович»,³ какой-то Трилунный⁴ — роман «Димитрий Самозванец»? Здесь вышел еще роман тоже почти исторический: «Удивительный человек», соч. М. Яковлева; он подстать двум другим, изображающим 12 год, и тоже по сей эпохе возится!⁵

Бестужев писал к Полевому, что собирается издать все свои повести вместе:⁶ это, дискать, поправит мое состояние. В «Телеграфе» напечатана его повесть «Страшное гадание». Говорят, прелесть. Я не читал.

Вот уже больше месяца, как я не получаю ни строчки из Симбирска от наших. Это меня сильно беспокоит. На прошлой неделе тут проехал князь Юрий с супругою⁷ и еще каким-то юношею графом Толстым: все это я слышал от Ивана.⁸ Ипполитовна чревата и таскается в Москве по гуляниям и проч., беспокоя Чухломского своими частыми посещениями.

Прощай покуда.

Весь твой Н. Языков.

Письма Карамзина у меня взяла Миротворцева. А я было только собирался их переплести!

3

П. М. Языкову

1831. Сентября 8. Москва.

У меня есть до тебя просьба: ты, которому известна вся подноготная сельского хозяйства вообще и русского в особенности, ты, который наблюдал многое по сей важной части и можешь (должен?) писать об ней, потому что грех и великий грех закапывать талант в землю: не решишься ли ты сообщить мне некоторые твои замечания, обратив их в статьи? Я найду им место достохвальное на будущий 1832 год! Воспрянь-ка ото сна и явись на делание общепольное и торжественное! Пора! пора! Эй, пора! После я поясню тебе, куда прошу статей твоих, а ответ пришли, не медля более.

Вот продолжение того, об чем было говорено кратко в предыдущем письме моем к вам, мои судьи и доверители и поверенные! Живши в Ильинском, я познакомился (т. е. был всего-то один раз у них) с семейством Гермеса — сенатора и директора Межевого департамента; оно все чрезвычайно доброе, особливо старик лет 80-ти, едва слышащий и говорящий: он заманивает меня к себе в канцелярию на место Баратынского,¹ которого служба была так важна, что он ездил в должность только один раз — и то присягать на чин. Вот в чем вся штука! На днях решится судьба сего начинания моей гражданской деятельности! Пора же и мне быть полезным Отечеству!!! А ты, между тем, не забывай присылать мне, что следует по бюджету. Ведь жить в столице не то, что

жить в деревне: здесь каждая кроха хлеба, каждая капля воды и вина, каждая нитка одежды — все за деньги, а не даром!

Прощай покуда, будь здоров. Всех твоих целую.

Весь твой Н. Языков.

В письме к Александру прилагаю любопытную грамотку одного из альманачников для хранения оной в общем архиве.

4

А. М. Языкову

1831. Сентября 23. Москва.

16 дня сего месяца присягнул я на службу царю и Отечеству. Итак, честь имею себя поздравить с новым годом и новым счастьем. Баратынский совершил великое дело на святой Руси: он создал такое укромное место для нашей братьи поэтов-лентяев, и создал его добро бы подле какого-нибудь из так называемых меценатов — ан нет: в канцелярии чело-вёка, едва ли читать умеющего, едва ли знающего, что такое проза или стих, и даже не могущего слышать ни того, ни другого, потому что глух. Права пословица: не родись ни хорош, ни пригож, а родись щастлив, — она сбылась надо мною. Сколько лет, сколько зим прошло у меня задаром оттого только, что я был без места на пиру земном? Вертелся, вертелся и вот наконец попал — и благодарю Провидение! Этакое местечка нет другого в России, а я на нем царствую!

Недавно проехал через Белокаменную наш симбирский Наумов в Питер. Он стремится на службу — дай ему бог счастья: оно ему очень и очень нужно; уж я, право, не знаю, что он может делать и что с ним будут делать в департаменте, да еще в Петербурге, где оные чиновники все люди грамотные, бойкие пером и умом оборотливые, а наш земляк письма и чтения, что говорится, ни в зуб толкнуть, да и ума-то-разума ни гугу: ну из рук вон. Ах он, прости господи, олух царя небесного! Уж и на то не стало у него сметливости, чтобы на вид не соватьсья; ан нет, в Петербург, в такой департамент!

У нас затевается дело важное, похвальное и литературное: И<ван> К<иреевский> издает с 1832 года журнал «Европеец». Ручаюсь тебе и клянусь, что добро будет: сам издатель малый бойкий, умный, образованный, только что из Мюнхена¹ — и мастер писать рассудительно. Что ты мне ответишь, если я тебе мигну зазывно на это предприятие? Я написал к нему следующий мадригал:

Молод ты! Ну что, что молод?
Размышленьем и трудом
Твой талант уж перемолот
И просеян: сила в нем!
Ты для мерзкого нахала,
И жиды, и прошлеца,
И для пылкого глупца,
И невежды-самохвала,
И огромного враля —
Остротой его заквасишь
Да наукою подкрасишь
И задашь им киселя!

Вообще я много пишу, на следкующей почте получишь что-нибудь.

Весь твой Н. Языков.

П. М. Языкову

1831. 30 сент<ября>. Москва.

Что же ты не отвечаешь на мои письма? В них были вопросы очень, очень важные касательно меня и даже тебя, мой любезнейший <и> почтеннейший! Наумов насказал мне разного вздора об вас и между прочим то, что он перед своим отъездом видел всех вас, был у вас на дому, а что Дюк¹ давно уже уехал в Уфу: первое позволительно и солгать, а что за корысть или, лучше, что за ум солгать последнее? А я уже давно пишу к Дюку в Уфу!

Я теперь, слава богу, служу благополучно, сидя дома и пиша стихотворения; зимой приеду в Симбирск на побывку, посмотреть на вас и показать вам себя, утонченного в теле и устремленного духом на службу отечеству, на деятельность государственную! Человеку, уже облеченному чином и украшенному святостью присяги царю, вообще лучше под луною, а всего лучше на дорогах: едешь как-то спокойнее, свободнее и проч., а не то, как бывало студентом: почтовые смотрители принимают тебя за семинариста и подсмеиваются. . .

Не нужно ли тебе каких книг, и пиши же. Прощай покуда, тороплюсь на почту.

Весь твой Н. Языков.

Всех твоих целую.

У меня лежат здесь пять томов сочинений Ф. Булгарина, принадлежащие Ел<изавете> Петровне.² Что повелит она с ними сделать: отнести ли их, куда следует, или отослать, куда следует? И то и другое исполню немедленно.

П. М. и А. М. Языковым

1831. Ноября 4. Москва.

Еще раз благодарю вас за деньги; да нельзя ли устроить присылание их так, чтоб мне не нужно было всякий раз (что обыкновенно бывает давно и давно) с вами, мои почтеннейшие, об этом переписываться: распределите бюджет по срокам, дайте мне знать, когда эти сроки, и присылайте безо всяких оговоров, не то у меня, и без того беспорядочного по части житейского устройства, всегда выходят разные разности, неприятные вообще и следственно мне, по одной причине, еще более.

Максимович дарит тебе, Петр, свое новое сочиненьице.¹ Это один из самых странных людей в нашем ученом мире: он не знает ни одного иностранного языка, а в его книгах встречаются мысли новейших философов. Вот как это: он таскается по домам и заводит разговор об том, о чем пишет, и всякую новость включает в статьи свои. Киреевские ему очень полезны в этом случае, хотя они теперь уже и осторожнее с ним разговаривают, заметив, что он многого не понимает и, перевирая, печатает непонятое.

На днях открылось его некоторое ухищрение: он переводит с французского какой-то словарь естественных наук и берет за это деньги с Ширяева.² Что ж это? Он дает переводить студентам, нанимает кой-кого подешевле, а себе — и прибыль и славу! Вот как у нас дела делаются! Макс<имович> по-французски знает едва ли не меньше, чем Чухломской по-немецки!

Сосчитайте на всякий случай, сколько раз присылали мне денег со времени утверждения моего бюджета: ежели не дослано (чего бог дай), то благоволите пополнить или сопричислить сюда мной недавно полученное количество к моим издержкам необычным, официальным! Дотекаю-

щий год был для меня необыкновенно дорог — и тем, что я долго был болен, и тем будет, что я определился в службу; но за то и другое — слава богу: первое меня освежило, сделало легче, мысленнее, бравее, а второе присадило к месту. Да, государи мои, я хочу выдать собрание моих стихотворений: вообще пора — и потому особенно, что пора переменить мне направление моей Поэзии. Так и будет с 1832 года. А что до сего времени написано, надобно напечатать особо, как своеобразное, не имеющее сходствовать с будущими моими стихами и проч. Пришлите же мне зеленой книги! Теперь мое стихописание приостановилось по причине приезда Жуковского: все вечера уже не мои, а они-то и главное мне; утро годится только на правку того, что написано вечером, несмотря на то что оно слывет мудренее, чем сей последний. Посылаю вам еще тетрадку стихов. Свербеев восхищается статьями П<етра> Андреевича³ в «Земледельческом журнале». Ему нельзя верить, ведь у него и об литературе мнение странное: первый поэт нашего времени — М. Дмитриев!⁴ А портрет-то мой что же?⁵ Присылайте: уж не думаете ли вы, что издам его, подобно Анчарову? Давайте-ка мне хоть по рублю за стих в награду труда и поощрение таланта!

Здесь теперь все скачет, пляшет и веселится: то и дело балы, театр и проч., украшенные присутствием венценосцев. Наследник тоже здесь. Я имею счастье всякий день видеть Жуковского; он написал очень много нового: скоро выйдут (уже напечатаны: дело остановилось за гравюрою) его баллады — прежние и много новых; кроме этого он рассказал стихами некоторые русские сказки: прелесть! Одна из них будет в первом № «Европейца».⁶ Пушкин печатает свои повести в прозе⁷ и написал тоже много нового и между прочим сказку под названием «Балда»! «Вечера на хуторе» — славная вещь. Полевой бранит их⁸ за то, что думает, будто их сочинитель Перовский.⁹ Ну уж, брат, какой вздор издал адмирал Шишков под скромным титулом «Кратких записок»: ¹⁰ книга истинно калмыцкого достоинства. Неправда, что Пушкин сделан историографом Петра: он получил только дозволение от государя рыться в архивах и библиотеках!¹¹ В Москве прибавят вечно втрое!¹²

Книги от Грефа¹³ получены, но ведь их нельзя отправить прежде пути зимнего. Здесь прилагается письмо Гр<ефа> к бр<ату> Алек<сандру>.

Благодарю Ив<ана> Ден<исовича>¹⁴ за сказки и присказки, для меня им собираемые: нетерпеливо жду их в Москву и сделаю <нрзб.> все, что можно! Два литератора, об которых упоминает «Пчела», что они собирают русские песни, — это мы.¹⁵ Комовский сказал об этом Очкину¹⁶ — а тот и тиснул! Свербеев хочет, чтобы ты, Ал<ександр>, посылал к нему письма через меня! Не знаю, что уж тут за счет! Напиши подробнее, в чем дубровское дело: мы справимся. Вчера я был на службе, поздравлял моего начальника с днем его ангела; вот и все!

Прощайте покуда.

Весь ваш Н. Языков.

<Вверху одного из листов приписка:> С Ширяевым я счелся: ты должен ему только за «Вечера на хуторе». Вот все дело прилагаю.

7

А. М. Языкову

1831. Ноября 11. Москва.

Полно вам смеяться над моею службою: что ж мне делать, что оно так сделалось? Может быть всякое *иначе* было бы лучше, но покуда мне довольно и настоящего. О дубровском деле на днях справлюсь. За что ты считаешь меня самым худым исполнителем твоих поручений? Книги, которых <ты> требовал, давно уже в Уфе, с Ширяевым я рас-

челся за тебя, даже расплатился (счет послан в Симбирск на прошлой неделе). Вторая тетрадь моих новых стихотворений отправлена к вам, жди в Уфу третьей. Да пришли же мне полное собрание прежних поэтических моих грехов и добродетелей: для печатания это необходимо. Мне бы хотелось совершить оное к Новому году, да едва ли успею. Я уже писал к вам, почему должен я собрать все, что написал доселе, и тиснуть, что можно или должно. Кроме этого удовольствия духовного, разумеется, что мне хочется и денег, яко причины многих удовольствий (в смысле, данном сему слову статс-секретарем Н. Наз. Муравьевым¹).

На прошлой неделе я наслаждался слушанием истинно очаровательного пения соловья российского — Бартеновой² — и обещался написать к ней стихи — и напишу. Заметь странность и игру судьбы: я встречаюсь сим славословием — с кем бы ты думал? С А. А. Кикиным: ³ еще в прошлом году он воспевал Бартеневу и кончил похвалу ей стихом «Чу! Бартенева поет!». Теперь его стихотворческая деятельность расширилась до огромнейшего безумства и души, так сказать, до подлости: он сочинил предлинное стихотворение «Вальс».⁴ Предмет оного государь и паче государыня; нравственная цель — желание, чтобы его Машиньку⁵ взяли во фрейлины. Свербеев будет издателем сей галиматии, по словам его, ужаснейшей. Я пришлю тебе нашу родную поэзию.

Погодин все еще в Питере возится со своим «Петром»: ⁶ вот уже два месяца, как он таким образом прогуливает университетские лекции и таким образом, замечают его критики, крадет у слушателей золото для того, чтобы читателям дать г...!

Здесь университет превращается в монастырь — и для неказенных студентов. Говорят, что на время отсутствия теперешнего попечителя к князю Голицыну,⁷ отправляющегося за границу, будет в «нем» самодержцем Голохвастов: ⁸ тот самый!

Прощай покуда.

Весь твой Н. Языков.

8

П. М. Языкову

1831. Ноября 18. Москва.

Как тебе понравились «Повести Белкина»? Мне так не очень: «Выстрел» и «Барышня-крестьянка» лучше прочих, а прочие не стоят письма и тем паче печати. Баратынский тоже пишет повести в прозе: ¹ его будут гораздо лучше, он вообще мастер рассказывать. Например, прежде, нежели мы видели «Выстрел», он рассказал его здесь удивительно ладно и стройно, неизмеримо лучше, чем в печатном оный написан. Пушкин издает третью часть своих стихотворений. Погодин возвратился из Питера с пишом: ни да, ни нет. Неизвестно еще, что будет с его «Петром», который пойдет под высочайшую волю. Хомяков пишет трагедию «Димитрий Самозванец», его «Ермак»² уже напечатан и с гравюркою сочинения Брюло.³

Здесь случилось весьма важное приключение в университете. Оно должно иметь благодетельное влияние на дух здешних студентов: переменить оный из пошлого в благопристойный, из подлого в торжественный. Граф Панин⁴ (чиновник по особым поручениям при попечителе), вдохновенный собственной глупостью или следуя внушению уст высших, вздумал остричь под гребенку и своекоштных студентов. Вошел в университет с вооруженною рукою: с пьрюльниками и алгвазилами; только накоротко <?> — барона Будберга (лифляндца) и хотел было его насильничать пострижением. Тот отвечал, что пострижется дома, если это угодно правительству, но силою стричь себя не даст: слово за слово, пошел крик, спор и проч.; студенты подхватили, приняли Панина в свист, обругание и хоют; он было в другое отделение, в политиче-

ское — там тоже: он наконец к министру просвещения»⁵ (который теперь здесь), но сей муж, истинно велико себя явивший в сем случае позорном и опасном университету, взглянул на дело с истинной точки зрения, с таковой же точки доложил государю, и Панин должен был просить прощения у студентов.

Граф Хвостов написал стихи <...> под заглавием «Радостные в августе вести!» Заглавие-то гениальное! Он называет меня своим благодетелем,⁶ а Мих. Дмитриева поборником. Погодин привез эти новости. Я до сих пор еще не послал в Уфу театр Шишкова⁷ — виноват. Впрочем, на днях исправлюсь. Сергей Глинка издает свои записки, говорят, чрезвычайно любопытные.⁸ Полевой продал роман свой Ширяеву за 10 тыс. р.⁹ Орлов¹⁰ пишет тоже роман «Настоящий Выжигин», по программе, тебе известной из «Телескопа». На «Телескоп» и «Европейца» для Котла¹¹ я подпишусь. «Европеец» будет славная штука, все лучшее в нашем кругу литературном в нем участвует. Между прочим и заграничные новости — из русских уст: от Ал. Тургенева. Он человек очень образованный, знаком со всеми лучшими головами в Европе, хорошо пишет по-русски и проч. Бальзака «Картины частной жизни» переводит на русский Авдотья Петровна.¹² Я жду окончания перевода, и пусть Котел читает на русском,¹³ не все же на заморских наречиях. Сомов издает свои повести:¹³ их выйдут томов с 10 по его собственному сказанию. Все это хорошо и благо.

Вот тебе стихи, по которым ты можешь возыметь некоторое понятие о Свербеевой:¹⁴ в них больше и гораздо больше неправды обо мне самом, чем об ней:

Мысль неразгульного поэта
Является божественно-стройна:
В живые образы одета,
Святым огнем озарена;
Блажен, кто силен ей предаться:
Тот, чья душа спокойна и чиста,
Да в ней вполне изобразится
Ее гармония и блеск и чистота.

* * *

Так вы блистательно-прекрасны...
А что мой стих? Питомец буйных лет
И проповедник разногласный
Мирских соблазнов и сует!
Доселе пьяными мечтами
Студент кипеть не перестал,
И странны были бы пред вами
Вакхический напев и хмель его похвал.

* * *

Но — чужд святому вдохновенью —
Он ведает, где небо на земле;
Но место есть благоговенью
На удалом его челе;
И полн таинственной отрады,
Смирненно вам приносит он
Свои потушенные взгляды,
Смутившуюся речь и робкий свой поклон.

Ее зовут Екате^рина Алексан^{др}овна. Ее супругу понравился мой комплимент, а это не шутка, потому что у него чудные мнения о стихах и поэтах. Кстати, пора мне перестать писать мелочи: чувствую себя званным на большее — и с 1832 года оно должно начаться, а до сего срока нельзя, потому что дело идет к спеху. Впрочем, все хорошее хорошо; можно удовольственно есть и б. . . . орехи, несмотря на то, что они не апельсины или конфекты!

Что ты? Приедешь ли в Москву по снеговому пути? Приезжай: издавать мои стихотворения, а пришли их прежде и себя. Наберется книжица порядочной толщины. Что делать, что много пьянства и буянства в моих

стихах, зато у меня и то и другое оригинальны и *гуце*, нежели у прочих воспевателей пштыя^а и гульбы, как мне заметил Бартенев,¹⁵ директор гимназии костромской.

Прощай покуда.

Весь твой Н. Языков.

9

А. М. Языкову

1831. Ноября 25. Москва.

Наконец я знаю, где ты находишься. Поздравляю тебя с приездом в твой любимый улус, в глушь непроходимую, хотя никак не приложу ума, что ты там делаешь, что тебя держит в оной пустыне, во всех смыслах сего неевропейского слова. Неужели ты вовсе и, так сказать, навсегда намерен проживать жизнь свою таким безжизненным образом? Что кидает тебя в сие нравственное оцепенение и безнравственное самозабвение, мироотвержение и несообразность всяческую? Нет, брат, это, ей-богу, не дело и не поэтическое безделье, а просто грех — и великий! Войди, сделай милость, в себя поглубже, побеспристрастнее, поразвязнее — смело и браво, — и твоя совесть скажет тебе, что делать: ты как-то с собой или церемонишься, или обходишься круто, можно сказать, варварски, рассуждая о себе бесталанно и приговаривая себя к обезглавлению ни за что ни про что. Ежели тебе нужен какой-нибудь рычаг для действия как следует и ежели *Я* хоть несколько гождусь тебе, то *вог Я тебе*. Прошу не принимать сего изречения ни за лесть, ни за великодушие: первой не может быть, а второго во мне вовсе нет. Еще говорю тебе: войди в себя и в меня и придумай, как бы нам идти, так сказать, рука с рукой, а куда, знаем и проч.

Видишь ли ты движение перста моего по части посылания к тебе книг? Теперь отправляется «Обзор русской истории от смерти Петра I до воцарения Елисаветы»¹ — вещь довольно хорошая, потому что почти всего этого не бывало на русском. Прилагаю письмо Комовского.² Из него ты увидишь, куда мое стремление: для одного торжественного перехода я уже готов, по крайней мере душою, — а прочее будет со временем. Пришли же мне *все* мои прежние стихотворения. Я хочу поступить совершенно противно известному попу, который продал книги и купил карты. Ах, господи, я все еще и без тех книг, которые уже имею! Когда-то с ними увижусь и соединюсь! Что ни говори, а из одной библиотеки для чтения Ширяева, где нет ни одной порядочной книги, не много почерпнешь и ничего не выпишешь. Какой знатный человек твой Комовский! Мне, ей-богу, совестно беспокоить его моими поручениями, видя, *как* он обо мне беспокоится. Благодарю тебя за удовольствие, что узнаю более и более душу его, исполненную изящества и блага, — и радуюсь, что ты с ним сблизился.

Что делает брат Петр? Я его не понимаю: что он делает? Попробую посылать ему книг литературных: не станет ли он читать их! А те, которые скоро к нему поедут, *нрзб.* для досуга и, следственно, все-таки могут только что еще более способствовать сидячей и дремучей жизни нашего постника и молчальника. Уж его-то, брат, ничем не расколыхаешь: плотно уселся он на мягкий стул бездействия и тесно сжился с халатом безмыслия!

Пиши к Свербееву (об дубровском деле *справляемся*) через меня: так ему хочется. Не знаю, какой тут расчет и экономия! Жена его женщина очень прекрасная, образованная, умная и торжественная, его ты знаешь подробно и тонко; а со всем этим я не знаю места, где было бы так скучно, как у них в доме. Этому причина — учтивость самая чопорная

^а В рукописи ошибочно «жития».

и чистоплотность духа хозяина, до того выдержанная, что к этому голландскому полотну боишься прикоснуться чем бы то ни было.

Ширяев чрезвычайно нежен со мною с тех пор, как я сказал ему, чтобы он со своими счетами прибыл ко мне. Это и для тебя лучше: здесь виднее (потому что ближе), чем из газет, что посылать к тебе. Погодин привез из Петербурга приятные новости: Галич³ печатает свою психологию, Арсеньев⁴ составил статистику России для наследника, кто-то издал перевод логики Бахмана⁵ под заглавием «Соломонова голова» (где задевает Полевого), он же собирает подписку на роман свой в 2 ч. «Муромский Донкишот, или Честные сумасброды, исторический нравственный» роман с портретом автора и изображением отрубленного лошадиного хвоста.⁶ Все это должно сердить наших романистов.

Едва ли есть под небесами — и дай бог, чтоб не было его, — человек, так сильно не умеющий домовничать, а следственно, и жить вообще, как я: видно, уж мне судьба такая — и не знаю, как помочь этому; а оно и скучно, и досадно, и проч., и проч.

В «Балладах» Жуковского много новых; я пришлю их тебе, на днях выйдут.⁷ Благодарю за русские песни. «Северные Цветы» явятся в начале декабря — это тризна по Дельвиге: они издаются в пользу его детей и брата, малолетних пленцов.⁸ Востоков⁹ издает и пространную русскую грамматику. Погодин собирается и уже пишет оперу «Гаральд смелый» (это тайна — большая, чем мои новые стихи) и меня зазывает с ним состихотворствовать?¹⁰

Прощай покуда.

Весь твой Н. Языков.

А что ты в Москву? Посмотреть на мой быт.

10

П. М. Языкову

1831. Декабря 16. Москва.

Посылаю тебе «Баллады и повести» Жуковского. В них много нового и славного. Ты уже давным-давно не читал ничего литературного: подпишись на «Европейца», хоть ради чтения стихов твоего брата. Видал ли ты в «Коммерческой газете» статью о выставке в Москве? — Это сочинение князя Вяземского.¹ Тэера² другой экземпляр у меня, он пришлет к вам с прочими книгами, которым на днях отыщется извозчик. Никифор действует по сей части, и весь спех или медленность от него зависит.

Письмо Комковского, о котором ты пишешь, достопамятно тем, что из него видно, от каких целкоперов зависит судьба наша — и все вообще. А Комковский молодец, что сообщает нам таковые известия и может быть слишком дурак, что поверяет их почтовой бумаге. Письмо твое Носу (?) я доставил тогда же: он отвечал, что придет со мной увидеться — и не бывал. Я справлюсь. Разве у вас переписка верная?

О приезде моей в Симбирск идет у меня переписка с Дюком уже давно и, вероятно, кончится благополучно. Что ты не стараешься женить Дюка? Ему уже пора: он и в чинах, и человек, умеющий жить домом. Или пусть он придет в Москву: здесь невест вдоволь — каких угодно. Мы ему сыщем самую тонкую и проч., пожалуй, хоть литературную, но заметь, что сие последнее нехорошо для брачного сожития — так же, как и модницы, — надоедят как можно скорее, а жена не гусли: поигравши, на стену не повесишь. А какая прекрасная, умная, образованная жена Свербеева: загляденье и восхищенье! И как он счастлив! Даже со стороны завидно.

Ермолов взят в Петербург и живет во дворце.³

Да, я было расписался не на шутку, но теперь это дело приостановилось: прежде ему помешал приезд Жуковского, а теперь как-то не могу хорошенько попасть в тот <нрзб.>. Вот еще приехал Пушкин. Вперед

все-таки моя поэзия пойдет славно: нынешние стихи — вздор <?> — а <нрзб.> с 1832 года. Спасибо за деньги.

Всех твоих целую елико возможно.

Весь твой Н. Языков.

11

А. М. Языкову

1831. Декабря 22. Москва.

Ты оттолкнул мою руку! Клянусь Христом и богом, что я подавал ее тебе сердечно и благонамеренно. Может быть, ты и прав в твоей недоверчивости: едва ли я не заслужил ее. По крайней мере, так объясняю себе эту неудачу моего самоисправления и искренности — очевидно, поздних! Ты немилосердно лжешь на себя, и не знаю причину сему греху, непросчительному во всех смыслах. Я было ожидал очень много добра от нашего свидания, но, видно, моя надежда меня обманывала! Ты мне ни в чем не поверишь. Но довольно! Обещаю тебе не тревожить тебя моими помышлениями о тебе и проявлениями желания сблизиться с тобой как можно дружнее: ты ими оскорбляешься, а это мне и грустно, и досадно, и несносно! Будем по-прежнему: только что братьями, назовем нашу духовную разделенность судьбою — и успокоимся!!!

«Вечера на Диканьке» сочинял Гоголь-Яновский (я, кажется, писал тебе это?). Мне они по нраву: если не ошибаюсь, то Гоголь пойдет гоголем по нашей литературе: в нем очень много поэзии, смышленности, юмора и проч.

«Лейтенант Белозор» — меня восхитил.¹ Какой мастер своего дела А. Б., какая широкая кисть и какой верный взгляд и искусство ставить предмет перед глаза читателя живо, ярко и разительно. Что перед ним или даже далеко лет за 8 прежде этого Белкин? Суета сует и всяческая суета. Пушкин сегодня отправился обратно в Питер. Между нами будь сказано, он приезжал сюда по делам не чисто литературным или, лучше сказать, не за делом — для картежных сделок — и находился в обществе самом мерзком: между щелкоперами, плутами и обдирайлами! Это всегда с ним бывает в Москве: в П<етер>б<урге> он живет опрятнее. Видно, брат, не права пословица: женится — переменится!

Погодин испустил в свет свою «Марфу»² — я пришло ее тебе — так, для сведения: ты уже ее знаешь по отрывкам, помещавшимся в «Теле-скопе», который собирается расхвалить ее безбожно!³ Дружба дружбой! О «Петре» еще ничего не слышно. Баллады Жуковского пришло тебе вместе с «Северными» Цветами». Последние на днях выйдут. Цензор Семенов⁴ издает альманах, я ему послал стихотворение, здесь прилагаемое: нельзя не послать — в его руках власть вязать<?> и решить! Это стихотворение покажет тебе, между прочим, и то, что я перестал восхвалять б.у, пьянство и буянство. А все-таки прежние напечатать должно вкупе. Благослови же меня на это, хоть издали.

Сердечно радуюсь, что брат Петр принялся за дело: честь ему великая и слава! Грех зарывать талант в землю, особенно на святой Руси!!

«Минеи» у меня будут — но ты согласишься, что должно вполне вдаться в Св<ященное> п<исание>, чтобы разрабатывать сей драгоценный золотой рудник — не наобум, не как у нас обыкновенно все делается! Я начну с того, что для практики переложу еще несколько псалмов и издам их особо.⁵ Это будет переход — нельзя же вдруг!

Благодарю тебя за распространение «Европейца»: в вашей глуши замкамской всякая грамота читаемая — великая польза, а сей журнал должен быть лучший, как я уже писал к тебе. У немцев явился какой-то великий поэт, по сказанию Менцеля.⁶ Дай им бог! Пора! А то было их поэзия вовсе заглохла: все Раупахи,⁷ Грильпарцеры⁸ и проч. <нрзб.>.

О Каподистрии⁹ написал что-то Стурдза¹⁰ и напечатал в Одессе. Я постараюсь достать эту любопытную вещь и перешлю к тебе. Вчера получил я еще повестку от Грeфа на получение ящика с книгами от конторы дилижанс<ов>. Прeжний сегодня поехал в Симбирск. 2 экз. «Истории госуд<арства> Росс<ийского>» и Тeер в нем, то же и 3 экз. переводов Шишкова. Сей Шишков сотрудничает теперь Надеждину — и довольно плохими переводами прозаическими — и между прочим обесчестил Бальзака, которого мастерски переводит Авд<отья> Петр<овна> и которого я издам для пользы нашей публики и для моего собственного удовольствия.

Голохвастов<е> более свинья, чем осел, по замечанию натуралиста Максимовича. «Христианс<кое> чтение»¹¹ мне необходимо; кроме того, оно чрезвычайно важно у нас и в лит<ературном> отношении — из него можно многому научиться спасительному, особенно для меня, как человека и даже как поэта. Прилагаю здесь же перевод моего стихотворения, сотворенный знаменитою и тобою виденною Каролиною Яниш.¹² К ней написал я комплимент, который увидишь в «Сев<ерных> Цвет<ах>». Она издает где-то за морями собрание своих стихотворных переводов с русского, польского и исп<анского>: в нем, между прочим, отрывок из Жук<овского> «Певца во стане русских воинов», из «Цыганов» и «Пророка» Пушкина, мое это и «Ливония», которая переведена еще хуже, но все-таки это благо и добро.

Прощай покуда.

Весь твой Н. Языков.

Прости мне первые строки сего письма — они сами вылились из сердца, ей-богу!

12

П. М. и А. М. Языковым

1831. Декабря 29. Москва.

Никифор¹ получил известие из Симбирска, что Ал<ександр> Мих<айлович> приехал туда — итак, мои почтеннейшие, я пишу к вам вместе к обоим.

Тебе, Петр, я посылаю подарок — трубу подзорную, английскую: смотри в нее на месяц, на звезды, на высь беспредельную неба! Она и для хозяйственного наблюдения вещь не лишняя: глаз, ею вооруженный, видит дальше и больше, чем простой, обыкновенный *oculus communis*. Но в этой же посылке будет штука, для всего нашего семейства гораздо важнейшая и занимательнейшая: это «Хор для вальса», стихотворение, о котором я уже давно писал к вам, и которого по экземпляру собирался прислать всем вам. Его достать довольно трудно: бог весть, где оно продается, а между тем это уже второе издание, исправленное. Я имею его по близким сношениям Свербеева с самим автором, читающим ему все свои произведения доверчиво и с жестами!

Я начинаю обзаводиться, как говорят в просторечии. Между прочим, шью себе рубашки из английской холстинки, русские: своя рубашка к телу ближе. К празднику я было приготовился довольно чинно: сшил новый жилет, купил модных манишек и галстуков белых и черный и пуговиц к манишкам. Но судьба воспрепятствовала мне исполнить сей первый светский мой выезд: взяли меня за ручку и усадили дома. В Новый год все-таки съезжу, хоть к моим начальникам, которые меня навещают почетными визитами. Рука же моя вообще получше, но все еще не в своей тарелке: как-то опустилась и размочалилась, нервы ее ослабли, говорят знатоки, но это, дискать, пройдет! Дай-то бог — к тому же она и правая.

«Петра», трагедию Погодина, не позволено печатать, а «Марфу» собираются здесь на театре поставить в бенефис Щепкина. Само собою разумеется, что выгода будет большая: предмет русский, как бы он обработан ни был для сцены, все-таки собирает толпы зрителей, как видно по

«Пожарскому» Крюковского.² Полевой сильно обманул — кого бы вы думали? — щелкопер щелкопера: Шириева. И на ту же самую штуку, на какую прежде поддел публику. Он продал Шириеву свой роман (за 10 тысяч и деньги взял) в четырех частях — и в ус не дует.³

Андросов⁴ совершил подвиг достохвальный и первый в России по своей части: он составил статистику Москвы, под благопокровительством здешнего ген.-губернатора пересмотрел все городские архивы, сообразил все это умно, дельно, потрудился много — и вышла книга полезная и добляя. Об ней будет толковаться во 2 № «Европейца», на которого ты, Петр, подписался — не правда ли? Из числа книг, к вам следующих от Греха и отправляемых, остались на несколько дней здесь «Знаменитые тяжбы»: ⁵ из них пишет и кончает уже роман один благонамеренный голова<?>.⁶ Это моя вина; но да не смущается сердце ваше. Сия книга прискачет к вам на почтовых — и скоро.

А каково исправляю я должность вашего литературного корреспондента? Пропустил одну «Марфу», да и ту на днях отправляю — все нужно видеть вам и сию редкость. «Сев<ерные> Цветы» выйдут послезавтра. Пушкин говорит, что нехороши. Он, дискать, не успел ими заняться. Еще важная новость: Д. Давыдов написал биографию Суворова,⁷ и мы ее прочтем еще в рукописи, должна быть отлично-хороша: он знает военное дело, любит Суворова, сам герой, и перо у него огненное. Кстати, Петр Никиф<орович>⁸ сказывал, что у него есть собственноручный проект Суворова, как идти в Царь-град. Правда ли это? И зачем же он таит под спудом сие государственное сокровище, если точно его имеет? Известите меня, как это?

Прасковья> Ипол<итовна> таскается по Москве, без дела, с <нрзб.> хвостом, ко мне по временам заходит, говорит, что не может найти хорошего места для служения: ей бы хотелось получить все удобства жизни, сидя сложа руки, но ее красота уже отцветает, работать руками она не умеет, если б и захотела, и мне жаль ее, жаль по-христиански. Вот пагубные плоды модного воспитания! Я советую ей выйти поскорее замуж. Впрочем, и эта задача ей трудная! Нынче мир крещеный хитер стал и прихотлив и разборчив: дай ему яичко, да еще облупленное!

Дайте прочесть «Вальс» Ивану Денисову:⁹ что он скажет? А что ж пословицы, им мне обещанные, и все вообще, что было так усердно, по словам вашим, пошло в дело для собиранья нашей народной литературы? <нрзб.>! Вы что, вы меня надуете, что ли?

Да пришлите же зеленую книгу и портрет мой.

Всех целую. Весь ваш Н. Языков.

13

А. М. Языкову

1832. Января 13. Москва.

Вчера получил я «Христианское чтение» и уже начал питаться им в удовольствие и во благо души моей. Оно книга чрезвычайно важная: все в ней дельно, умно, учено и изложено сильно и чисто; многому доброму можно или паче должно из нее научиться. Теперь для полного развития моих новых поэтических намерений недостает мне только хорошего перевода и толкования на Библию — из немецких, «Церковной истории» Иннокентия¹ (ее нельзя купить покуда: скоро выйдет новое издание) и «Миней». Но и все это приобрету со временем, которое скоро наступит, потому что связано с изданием моих стихов вакхических, которые уже едут ко мне, уже другую неделю из Симбирска... Тогда-то я во все успокоюсь духом и стану жить да поживать под кровом благодати!

Ком<овский> шлет статью в «Европейца»: перевод с англ<ийского> о скандинавской литературе, отрывок из книги, которую сей юноша доблий, вероятно, всю подарит нам, жаждущим движения благого пера

его.² Ты же, верно, откажешься сообщить мне что-либо туда же! Я точно расписался не на шутку — но все это только шутка: я попробовал перо и собрался... в путь, который просвещает всякого человека, грядущего в мир.

Как тебе понравились «Северные Цветы»? Это тризна по Дельвиге! Погодин написал еще несколько повестей, а теперь готовится сочинять оперу, и я ему помогать буду. Завтра начнется наш труд — или мой: зане Погодин пишет стихи чрезмерно скоро, а мне мои достаются не даром.

Очень хвалят здешние (мы еще не читали ее) «Радугу» — журнал, издаваемый в Риге.³ Я подписался на «Воспоминания» — издание Руссова⁴ — истории ради; вероятно, будет дельное дело. А Руссов между тем написал эпическую поэму!! Погодину это кажется непонятно и странно!

Сочинения Державина я тебе пришлю. Да вот в чем штука: не лучше <ли> переплетать книги, к тебе отправляемые? У вас в глуши, чать, вовсе нет сего искусства. Издание достопочтенное и удивительно дешево.

Прощай покуда. Будь здоров. У меня болит рука(?), уж не сын ли это <нрзб.> мази?

Весь твой Н. Языков.

14

А. М. Языкову

1832. Января 20. Москва.

Ширяев не виноват в том, что Лом<оносов>¹ получил географию Арсеньева,² а не карты географические: ты сам именно писал ко мне о доставлении ему только одной книги, а о картах ни слова, следовательно» и проч. На днях исполню и сие поручение во всей приличной точности, и все будет в порядке.

Вот что нового: Устрялов³ издал 1-ю часть собрания известий иностранцев о Дм. Самозванце; я тебе пришлю ее: вещь высокой важности. Евгений печатает свою «Историю Пскова» — тоже подвиг великий.⁴ Иакинф перевел китайский роман, отрывок из которого ты видел в «Сев<ерных> Цветах», и этот роман тоже скоро начнут печатать.⁵ Брат Петр, как сам извещает меня, открыл в Симб<ирске> голову мамонта и еще огромный остов какого-то допотопного зверя — весь целый. Все это дела достославные и радующие сердце человека мыслящего! Между тем: Полевой сделан корреспондентом Академии наук — на место Нибура,⁶ Масальский выдал три части своих «Стрельцов»⁷ и Булгарин — который яко романист есть Масальский I, ибо Масальский есть Булгарин II — написал что-то много нового, как идут слухи. Такова-то смесь агнцев и козлиц в мире! Полевой резко защищывает «Повести Белкина»;⁸ он вообще свирепеет не по дням, а по часам; делается все важнее и решительнее в приговорах и все выше и выше поднимает свой медный лоб.

«Хор на вальс», соч. Ал. Андр. Кикина, уже есть у брата, Петра Мих<айловича>. Заметь, что это второе издание, исправленное и сокращенное против рукописи. Его много раскупили знакомые автора — вероятно, в поощрение возникающего таланта! И как слышно, это одобрение публики подействовало во благо на перо Ал<ексея> Анд<реевича>. Он принялся писать еще и еще что-то и что-то.

Зеленую книгу наконец я получил и приступлю к приведению во исполнение моего давнего намерения по части моей Музы.

Прощай покуда. Будь здоров.

Весь твой Н. Языков.

П. М. Языкову

1832. Февраля 3. Москва.

Излечение десницы моей силою электричества приостановилось было: я ездил электризоваться в Шереметевскую больницу и при сей верной оказии простудил голову: дело дошло до испанской мухи, и голова моя теперь слава богу. Сегодня же водворю в свою обитель оную лечебную машину, нанимая за 50 р. на месяц. Это очень дорого, но ездить за 1½ версты ежедневно стоило бы втрое больше, потому что дома могу шпиговаться по несколько раз в день — следственно и проч. Да сверх того оно и спокойнее и сладостнее для души моей, не любящей тревожить тело, в нем же она обитается!

Нравится ли вам «Европеец»? Заметьте, что в нем принято правописание имен собственных по их выговору на языке природном: это иногда звучит странно для нашего слуха, привычного встречать их от Франции: потребно вместо Мексика — Мехико, вместо Аранхуец — и проч. Другие московские журналы все еще опаздывают («Телеграф» до сих пор еще возится с 1830!!). «Молва» глупее и глупее час от часу, между тем, как у Надеждина 1000 подписчиков. Видели ли вы, как меня бранят в «Северной Пчеле»?¹ Пушкин, кажется, примиряется с Булгариным!!!² Sic transit gloria mundi!^a Полевой мечется, как уторелая кошка: теперь сочиняет оперу!!!

Мне чрезвычайно скучно — работа поправлять то, что писано много лет за 8, под другим небом, при иных обстоятельствах, в ином духе, при меньшем числе лет автора и меньшем количестве парнасских опытов, есть работа очень и очень непривлекательная, утомительная и едва ли благодарная. Много придется вынимать: много было хорошо прежде, а теперь хоть брось. Но несмотря на всех сих искидышей все-таки выйдет книжка довольно толстая: чрезвычайно разнообразная содержанием, пестротою вдохновений чувств и воззрений на жизнь и тем лучше, тем похожее на сие время действования моей Музы! Кто молод не бывал!

Что ж мой портрет? Устрялов продал Смирдину³ свои «Сказания о Дим. Самозванце» за 12 000 руб. Каково! Честь и слава Смирдину! И да здравствует наша матушка Россия!

Прощайте покуда. Скучно писать, не надеясь, что разберется мое писание.

Весь ваш Н. Языков.

А. М. Языкову

1832. Марта 30. Москва.

Мои стихотворения как-то не покупаются; да дело и лучше, в некотором смысле: они вышли бы не в настоящем своем образе, слишком окарнаны, изуучены всемогущею рукою времени. Должно подождать того, сего и прочего — и, как говорит известный пасечник, потом уже... Жаль мне только одного: я было вперед рассчитывал на них и вперед купил то и это, даже задолжал тому и сему, надеясь многого и проч., но и эта беда невелика, и этот долг погасится при обстоятельствах, благоприятствующих развитию моего поэтического таланта: замечу мимоходом и некстати, что я кроме «Христианского чтения» не возмог ничего приобрести мне нужного для моих планов и тут должно подождать того, сего и проч. Вообще судьба моя — несмотря на то что она вовсе от меня зависит или от кого-то именно, чрезвычайно странна и глупа даже. Я все как-то не на своем месте, пишу не в приволе, а урывками, все на-

^a Так проходит земная слава (лат.).

деясь на будущее лучшее, а оно покуда еще не приходит! Если совершится желание мое, вероятно совершится, в мае посетить ваши страны приволжские, то я пробуду у вас долго — например, хоть до зимы, проводя время в семейственном счастье, какое только возможно человеку молодому = холостому, и работая стихи и таким побытом заживая и зарабатывая оную сумму! Понимаете, какова она? Счасть не трудно, если есть на то охота!

Никифор привез сюда разные об вас вести: какая у вас было случилась покража, как *«нрзб.»* весь оброс бороною, одичал и проч. Все это любопытно и назидательно!

Книги, об которых ты писал ко мне на прошлой почте, Александр, уже отправлены — все сполна, какие куда следует. Благо твое намерение купить для Котла фортепяно, в 400 р., можно достать отличное, должно только поручить это дело человеку знающему, не то, что я; впрочем, оное, уже испорченное, мною купленное, говорят, было действительно хорошо и дороже того стоило, что мною, грешным, за него заплачено.

Прощай покуда.

Весь твой Н. Языков.

Пишет ли Яковлев¹ к Петру? Или снова понукнуть его?

17

П. М. Языкову

1832. Апреля 27. Москва.

Я занимаюсь уже приготовлением экипажа, разных разностей и всякой всячины к моему путешествию: бричка, в коей приехал сюда в прошлом году Василий Афанасьевич, является очень удобною для сего моего важного предприятия, которое есть подвиг. Не знаю еще покуда, которого числа совершится мой выезд из Белокаменной, не знаю, одинок ли и тих поеду я, канцеляристом, существом вовсе безоружным против всех притеснений, задержек и проч., или под генеральскою формою Д. Давыдова: на днях оба эти вопроса разрешатся окончательно и, всеконечно, в вашу пользу, мои почтеннейшие!

Ганемановых¹ сочинений в Москве нет ни у единого из книгопродавцев, и должен ты, Петр, отнести теперь к Алек<сандру>, прося его отнести к Комовскому, — в Питере, верно, их сколько угодно. Москва вообще отстала европеизмом от своего младшего брата: в здешних книжках лавках иностранных только и есть, что старье или нового одна дребедень: романы, сонники, соломоны и проч., а все дельное должно выписывать издалеча.

Вам уже известно из «Молвы», что умер Калайдович² и что после него остались жена и дети — без куска хлеба. Это выражение здесь все не гипербола. Архив московский собирает ему вспоможение, предприниматель сего богоугодного дела Свербеев; оно идет хорошо, но что в нем всего хуже, так то, что Малиновский не дал ни гроша, отзываясь тем, что Калайдович у него худо служил. Мал<иновский> не благоволил к нему и прежде и теперь мстит при первом удобном случае его детям. Якая свиньяца! Я буду собирать таковое же благодеяние и от вас: будьте готовы!

Уваров сделан товарищем министра просвещения. Что-то из него будет? Ждут многие многого хорошего, а некоторые и в малом отчаиваются. «Логика» Бахмана³ раскупается как нельзя лучше, говорит Ширяев: это добрый знак, важная политическая новость на Руси православною. Я познакомился с переводчиком «Эстетики» Бахмана,⁴ которую вы получили: он юноша полный надежд — и отправляется учителем в Белоруссию, где, вероятно, погрязнет в тине худых обстоятельств и всех недостатков. Sic transit всё. Полевому позволено издавать газету, и с будущего 1833

он начнет сбивать петербургскую «Пчелу».⁵ Это приятное происшествие. Дай бог, чтоб сии щелкоперы хоть друг другом истреблялись.

Прощай покуда.

Весь твой Н. Языков.

18

А. М. Языкову

«26 марта 1833. Языкову».

Смирдин прислал 2 экз. «Новоселья»,¹ из коих один взял Петр на свою долю, другой же я, а я было еще выписывал от Ширяева и пришло тебе в Уфу вместе с моими стихотворениями, на днях ожидаемыми. Прозаическая часть «Новоселья» гораздо лучше стиховой; в последней кроме сказки Жуковского, басен Крылова и «На смерть Гете» все вздор, начиная от Пушкина до барона Розена. Барон Брамбеус молодец.² Ослы: Панаев, Федоров, а преимущественно Масальский.³

Тебе платят почти все готово, скоро отправится к тебе. Балдов сильно получает деньги в Пролучине(?) и начал уже возить восвосяи большими кипами; Греф, Ширяев, Бут(?) и проч. книжники и фарисеи удовлетворяются с сею же почтою. Полно, братец, тебе скаметь(?): делай дело и будь спокоен. Пора тебе вообще ... изгнаннику самовольному, не знаю за что светом и жизнью недовольному!

Христос воскрес!

Н. Языков.

19

А. М. Языкову

1833. Апреля 14. Языкову.

Много и много спасибо тебе за ревностное и благопоспешное действие твое в собирании *стихов*;¹ дело достославное и стоящее благодарности добромыслящих современников и правосудного потомства. Я уже сношусь по сей части решительно с П. Киреевским: трудно — и слава богу, что трудно! — найти на святой Руси человека, могущего столь добросовестно заняться порядком, нашего и своего собственного, труда сего, как сей Петр Киреевский. Он есть Петр, и на сем камени должна соорудиться церковь, нами приготавливаемая!²

Благодарю тебя за «Телеграф» — я уже прочел многоглаголение Н. Полевого о Жуковском и Державине.³ Изю всего, что он наболтал о них, понятно только то, что он сам себя не понимает в своих требованиях. Боже мой! сколько тут не вяжется вовсе близкого и промахов, никому не простибельных! Впрочем, «Телеграф» все-таки лучший русский журнал. «Сын Отечества» нынешнего года чрезвычайно пуст, пуще прошлогоднего: только с 9<го> № началась в нем повесть А. Б.⁴ «Фрегат Надежда», а до тех пор ни сучка ни задоринки! Замечательно глупо толкование Булгарина о Пушкине: пошлость нестерпимая!⁵

Наконец мы получили мои стихотворения в переплете, как было прошено. Великолепно убранный книжку труда моего отсылаю к Комовскому, совершившему дело издания отчетисто, красиво, достохвально, совершенно!

У Полевого должно быть многое множество русских народных песен: он купил за бесценок драгоценное собрание оных Ходаковского⁶ — у вдовы его, находившейся в крайности неимения денег.

П<етр> М<ихайлович> купил экземпляр стихотворений П. Катенина,⁷ приславшего несколько экземпляров к сибирскому губернатору для

распродает. У Катенина много хорошего, несмотря на полное его неумение писать хорошие стихи: у него слова трещат, а лезут в стих.

У нас погода продолжается самая сладостная. Петр возвратился уже, так сказать, восвояси, встретив светлый праздник в среде своего семейства. Водополюе уже кончилось — оно и было не долго: всего-то дня три волны черные, пенистые и многошумные скакали в вешняки обоих прудов обильными водопадами. Поля уже начинают зеленеть, лес готовится распустить свои листья, все благоухает и цветет и возродится для счастья жизни.

Платья посылаются с нынешнею почтою. П<етр> сильно сердился на тебя, узнав, что ты перешел на себя все ткани его, у него хранившиеся.

Прощай покуда.

Твой Н. Языков.

20

А. М. Языкову

1833. 22 апреля. <Языково>.

Нынешняя почта везет к тебе «Новоселье». Г<раф> Хвостов чрезвычайно сильно принял к сердцу мой подарок:¹ по сему случаю написал он ко мне три письма в три дня и возносит меня похвалами самыми торжественными и пышными. Не знаю, кто возвеличивает меня в «Сев<ерной> Пч<еле>», тут виден перст Комовского — уж не Очкин ли?²

Мы едем в Головино и в Репьевку, Петр собрался скоро и решительно. Оттуда напишу к тебе побольше. Петр Алекс<андрович>,³ кажется, еще не ускакал на свадьбу. Свербеев прислал тебе свой портрет, рисованный Добровольским,⁴ непохожий, как мне кажется, и хотя писанный карандашом, но изображающий Свербеева каким-то масляным, точно вылупившимся из яйца, как заключает остроумный Балдин. Портрет in ф<олио>!

Прощай покуда.

Весь твой Н. Языков.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. А. М. Языкову. Отрывок из письма, неверно датированный 28 апреля, см.: Русская старина, 1903, № 3, с. 530.

¹ В течение некоторого времени Н. М. Языков намеревался поступить на службу в Московский архив Министерства иностранных дел, однако отказался от этого плана, когда выяснилось, что в архив принимали только по именному повелению.

² Малиновский Алексей Федорович (1762—1840) — сенатор, начальник Московского архива Министерства иностранных дел, литератор и археолог.

³ Языков Дмитрий Иванович (1773—1845) — писатель и переводчик, археолог, академик, директор департамента Министерства народного просвещения.

⁴ Погодин Михаил Петрович (1800—1875) — историк, профессор Московского университета, писатель и журналист, один из близких знакомых Языкова. Далее речь идет об исторической трагедии Погодина «Марфа Посадница» и повести «Адель». В отличие от Пушкина, приветствовавшего литературные опыты Погодина, Языков относился к ним неизменно скептически. Деревня, упомянутая в письме, — купленное Погодиным в начале 1831 г. село Серково Дмитровского уезда Московской губернии.

⁵ Волков Платон Григорьевич (1799—?) — поэт и журналист; в 1830—1831 гг. издавал вскоре прекратившие свое существование журналы «Эхо» и «Журнал иностранной словесности». В первый из них Языков намеревался послать, по просьбе брата Александра, свои стихотворения (см.: Литературное наследство, т. 19—21. М., 1935, с. 41).

⁶ Комовский Василий Дмитриевич (1803—1851) — переводчик, археолог, чиновник Главного управления цензуры, брат лицейского товарища Пушкина. Принял деятельное участие в издании первого сборника стихотворений Языкова, вышедшего в 1833 г. В данном случае имеется в виду его письмо к Языкову от 15 апреля 1831 г. (Литературное наследство, т. 19—21, с. 42).

⁷ Толстой Дмитрий Николаевич, граф (1806—1884) — сослуживец А. М. Языкова, приятель П. Г. Волкова; предполагал издавать с 1831 г. журнал иностран-

ной словесности и изящных искусств с приложением, посвященным русской литературе, и пригласил Н. М. Языкова участвовать в нем (см.: Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1976 год. Л., 1978, с. 162—163).

⁸ «Наложница» (опубликована в 1831 г. с предисловием автора) — высоко ценившаяся Языковым поэма Е. А. Баратынского (в дальнейшем печаталась под заглавием «Цыганка»), до выхода отдельным изданием была известна в отрывках. А. М. Языков был знаком с этим произведением и по списку, присланном ему братом, Н. М. Языковым (ИРЛИ, ф. 348, № 104). При своем выходе «Наложница» вызвала резко отрицательные оценки Н. И. Надеждина (Телескоп, 1831, ч. I, № 2; ч. III, № 10) и Н. А. Полевого (Московский телеграф, 1831, № 6). Сочувственный разбор поэмы содержало «Обозрение русской словесности за 1831 год» И. В. Киреевского (Европеец, 1832, ч. I, № 2).

⁹ Елагина (урожд. Юшкова, по первому мужу Киреевская) Авдотья Петровна (1789—1877) — мать И. В. и П. В. Киреевских, родственница и друг В. А. Жуковского, хозяйка одного из известнейших литературных салонов Москвы. Тесное сближение Языкова с семейством Елагиных—Киреевских состоялось в 1830—1831 гг., когда поэт прожил в их московском доме около года.

¹⁰ Речь идет об одном из этапных произведений Языкова начала 1830-х годов — «Подражании псалму XIV» («Кому, о господи! доступны...»), опубликованном в альманахе «Денница» на 1831 г.

¹¹ Максимович Михаил Александрович (1804—1873) — один из близких знакомых Языкова, фольклорист и этнограф, историк, биолог, издатель альманаха «Денница» (1830, 1831, 1834). Языков имеет в виду исправления в следующих строках своего стихотворения: «...весь и град Взыграют радостью свободы».

¹² Имеется в виду знаменитая в те годы в Москве певица Татьяна Дмитриевна Демьянова (1810—1877) — «цыганка Тая». Ей посвящены три стихотворения Языкова, написанные в марте 1831 г.: «Весенняя ночь», «Элегия» («Блажен, кто мог на ложе ночи...») и «Перстень».

¹³ Рацич Семен Егорович (1792—1855) — поэт и журналист, литературный критик; переводил поэмы «Непстовый Роланд» Л. Ариосто и «Освобожденный Иерусалим» Т. Тассо, используя в качестве эквивалента октавы двенадцатистроичную балладную строфу Жуковского (чередование четырехстопного и трехстопного ямба с рифмовкой по схеме аВаВсДсDeFeF).

¹⁴ Шаплет Самуил Самуилович (ум. 1834) — переводчик (произведений В. Скотта, В. Ж.-Э. Жуи и др.); в 1831 г. вышел осуществленный им перевод романа «Дон-Кихот» с французского языка.

¹⁵ Киреевский Петр Васильевич (1808—1856) — близкий друг Языкова, археограф, историк, крупный фольклорист; как переводчик увлекался произведениями испанских авторов.

¹⁶ Исторический роман популярного в 1820-е годы в России немецкого писателя Карла Франца Фан-дер-Фельде (Фан-дер-Вельде, 1779—1824). Русский перевод Шаплетова вышел в 1830 г.

¹⁷ Речь идет о переведенном К. Масальским романе американской писательницы Гаррисон Смит (ч. I—IV. СПб., 1831).

¹⁸ Имеется в виду рукописный сборник произведений Языкова.

¹⁹ Речь идет о паре, заключенном Языковым с отчимом братьев Киреевских — Алексеем Андреевичем Елагиным (ум. 1846).

²⁰ Свербеев Дмитрий Николаевич (1799—1874) — дипломат, литератор, родственник и друг братьев Языковых.

²¹ Знаменитый усадебный ансамбль близ Москвы; в те годы Архангельское принадлежало Юсуповым.

²² Остерман-Толстой Александр Иванович, граф (1770—1857) — генерал, участник войны 1812 г.

²³ Вероятно, речь идет о широко известной работе английского экономиста, специалиста в области сельского хозяйства Джона Синклера (1754—1835) «Code of Agriculture».

²⁴ Речь идет об «Истории французской революции» Адольфа Тьера (1797—1877) («Histoire de la révolution française», vol. 1—10. Paris, 1823—1827).

²⁵ Кюкошкин Федор Федорович (1773—1838) — драматург, переводчик, в 1823—1831 гг. управляющий московскими театрами.

²⁶ Имеется в виду второй из исторических романов М. Н. Загоскина (1789—1852) — «Рославлев, или Русские в 1812 году» (1831).

²⁷ Слух о разрыве Н. И. Греча с его компаньоном Ф. В. Булгариным был ложен и основывался на том, что последний в 1831 г. уехал на некоторое время в свое имение Карлово под Дерптом.

2. А. М. Языкову.

¹ Имеется в виду также первый исторический роман Загоскина «Юрий Милославский, или Русские в 1612 году» (1829), принесший автору значительный успех.

² В 1570 г. — в царствование Ивана Грозного — произошел окончательный разгром Новгорода, завершивший длительную историю его борьбы с московскими князьями и лишивший город остатков самостоятельности и богатства.

³ В это время Погдин работал над трагедией «Петр I».

⁴ Трилунный (псевд., наст. фамилия Струйский) Дмитрий Юрьевич (1806—1856) — поэт и прозаик, участник периодических изданий писателей пушкинского круга. Отрывок из его романа «Дмитрий Самозванец» был помещен в «Литературной газете» 31 мая 1831 г. (№ 31, с. 247—251).

⁵ В действительности роман «Удивительный человек!» (ч. I, II, М., 1831) написан журналистом и писателем, братом лицейского товарища Пушкина — Павлом Лукьяновичем Яковлевым (1796—1835). Далее речь идет о романах «Рославль» М. Н. Загоскина и «Петр Иванович Выжигин» Ф. В. Булгарина.

⁶ План издания своих прозаических произведений Александр Александрович Бестужев-Марлинский (1798—1837) осуществил в 1832—1834 гг. (Русские повести и рассказы, ч. 1—7. СПб.). Рассказ «Страшное гадание» с подписью: «Александр Марлинский. 1830. Дагестан» — напечатан в «Московском телеграфе» (1831, № 5, 6). Творчество Бестужева-Марлинского пользовалось неизменной симпатией Языкова.

⁷ Свояк П. М. Языкова князь Юрий Петрович Хованский (1806—1868).

⁸ Речь идет о слуге Н. М. Языкова — Иване Чухломском.

3. П. М. Языкову.

¹ Е. А. Баратынский был зачислен на службу в канцелярию Главного директора Межевой канцелярии Ивана Богдановича Гермеса (1759—1839) в январе 1828 г., в апреле 1830 г. он был произведен в губернские секретари, а в июле 1831 г. вышел в отставку с этим же чином. «Заняв мое место у Гермеса, — писал он Языкову в сентябре 1831 г., — ты обязан вполне заменить меня. Я служил два года с отличной ревностью, за что и удостоился повышения в чине. Расспроси Киреевского о моих служебных подвигах: я уверен, что это воспламенит тебя благородным соревнованием. Кажется, бог поэтов ныне не Аполлон, но Гермес: кроме тебя и меня, служил у него когда-то Вяземский. Как бы написать ему стихи, в которых хорошенько похвалить его за то, что под его управлением и Межевая канцелярия превратилась в Геликон» (Боратынский Е. А. Стихотворения. Поэмы. Проза. Письма. М., 1951, с. 503).

⁴ А. М. Языкову. Отрывок см.: Литературное наследство, т. 19—21, с. 48.

¹ В 1830 г. Иван Васильевич Киреевский (1806—1856) предпринял для продолжения образования путешествие в Германию, где слушал лекции знаменитых берлинских (Гегель, Шлейермахер и др.) и мюнхенских (Окен, Шеллинг и др.) ученых.

5. П. М. Языкову.

¹ «Дюк» — домашнее прозвище А. М. Языкова.

² Языкова (урожд. Ивашева) Елизавета Петровна (1805—1848) — жена П. М. Языкова, сестра декабриста В. П. Ивашева.

⁶ П. М. и А. М. Языковым. Отрывок, неверно датированный 4 октября, см.: Русская старина, 1903, № 3, с. 530.

¹ Возможно, речь идет о книге Максимовича «Систематика растений; основания ботаники» (ч. II. 1831).

² Ширяев Александр Сергеевич (ум. 1841) — московский книгоиздатель и книгопродавец.

³ Речь идет о Петре Андреевиче Кикине (1775—1834) — сенаторе, бывшем статс-секретаре по принятию прошений на высочайшее имя, двоюродном дяде поэта.

⁴ Дмитриев Михаил Александрович (1796—1866) — второстепенный поэт, переводчик, литературный критик.

⁵ Имеется в виду известный портрет Н. М. Языкова работы А. Д. Хрипкова (1828).

⁶ Речь идет о написанных Жуковским летом—осенью 1831 г. в ходе поэтического «состояния» с Пушкиным «Сказке о царе Берендее...» и «Спящей красавице» (опубликована в 1832 г., в № 1 журнала «Европеец»). Тогда же была создана и сказка «Война мышей и лягушек», восходящая к древнегреческой сатирической поэме «Батрахомиомахия». Об отношении Языкова к «сказочным» опытам Пушкина и Жуковского см.: Азадовский М. К. Н. М. Языков. — В кн.: Языков Н. М. Полн. собр. стихотворений. М.—Л., 1934, с. 69—72.

⁷ Имеются в виду вышедшие в свет в конце октября 1831 г. «Повести покойного Ивана Петровича Белкина, изданные А. П.».

⁸ Н. А. Полевой посвятил вышедшим анонимно «Вечерам на хуторе близ Диканьки» крайне резкую рецензию (Московский телеграф, 1831, ч. 41, № 17).

⁹ Перовский (псевд. — Антоний Погорельский) Алексей Алексеевич (1787—1836) — близкий пушкинскому кругу писатель, автор книги повестей «Двойник, или Мои вечера в Малороссии» (1828) и романа «Монастырка» (1830—1833), также связанного с украинской темой. Вышедшая в 1830 г. первая часть этого произведения была встречена враждебным отзывом журнала Н. А. Полевого «Московский телеграф».

¹⁰ Речь идет о «Кратких записках адмирала А. Шишкова...» (СПб., 1831), посвященных событиям Отечественной войны 1812 г. и заграничному походу русских войск.

¹¹ Летом 1831 г. Пушкин обратился с официальной просьбой допустить его к работе в архивах с тем, чтобы со временем написать историю Петра. Наложен-

ная на записке резолюция предписывала принять Пушкина на службу в Иностранную коллегию с разрешением работать в архивах. С этими фактами и были связаны слухи, о которых говорится в письме Языкова.

¹² Фраза из «Горя от ума» (д. 2, явл. 3).

¹³ Греф (Грефф) В. (ум. 1839) — владетель магазина иностранных книг в Петербурге.

¹⁴ Управляющий именными Языковых И. Д. Балдов (Балдин), в числе других знаковых поэта привлеченный им к собиранию произведений фольклора.

¹⁵ Речь идет о заметке в «Северной пчеле» (1831, № 242).

¹⁶ Очкин Амплий Николаевич (1791—1866) — писатель, переводчик, критик, журналист; в 1820—1830-х годах один из ближайших друзей Н. М. Языкова.

7. А. М. Языкову. Отрывки см.: Русская старина, 1903, № 3, с. 530; Литературно-библиологический сборник. Пг., 1918, с. 63.

¹ Муравьев Николай Назаревич (1775—1845) — историк, археолог, статс-секретарь Николая I. Языков, видимо, имеет в виду следующее рассуждение Муравьева: «1) Человек каждым словом своим выражает свое постижение, предметом на чувства его напечатленное <...> 3) Уд, член тела; волю, желаю. Удовольствие есть чувство телесное. Любовь есть чувство телесное» (Некоторые из забав отдохновения, с 1805 г., Ник. Наз. Муравьева. Ч. III. СПб., 1828, с. 123).

² Бартенева Прасковья Арсеньевна (1811—1872) — певица-любительница (сопрано), ученица М. И. Глинки, с 1835 г. камер-фрейлина и придворная солистка. Стихотворения Языкова, посвященные ей, неизвестны.

³ Кикин Алексей Андреевич (1772—?) — двоюродный дядя Языковых, брат П. А. Кикина.

⁴ «Хор для вальса во время всерадостного присутствия их императорских величеств в Москве» (М., 1831).

⁵ Речь идет о дочери А. А. Кикина — Марии Алексеевне (в замужестве Бабиной).

⁶ В сентябре 1831 г. М. П. Погодин выехал в Петербург, чтобы добиться публикации своей трагедии «Петр I». Его хлопоты не увенчались успехом: Николай I, просмотревший рукопись, не разрешил печатать это произведение (см.: Литературное наследство, т. 49—51, с. 59).

⁷ Голицын Сергей Михайлович (1774—1859) — попечитель Московского учебного округа, председатель Московского пензенского комитета.

⁸ Голохвастов Дмитрий Павлович (1796—1849) — историк, товарищ попечителя (с 1847 г. — попечитель) Московского учебного округа. О нем и об эпизоде его назначения см. «Былое и думы» А. И. Герцена (гл. XXXI).

8. П. М. Языкову. Отрывки см.: Русская старина, 1903, № 3, с. 530; Литературно-библиологический сборник. Пг., 1918, с. 65—66; Языков Н. М. Полн. собр. стихотворений. М.—Л., 1934, с. 810.

¹ В 1831 г. Е. А. Баратынским была написана повесть «Перстень».

² Речь идет об издании: Ермак, трагедия в пяти действиях, в стихах, соч. Алексея Хомякова. М., 1832.

³ Т. е. Карла Ивановича Брюллова (Брюлло, 1799—1852).

⁴ Панин Александр Никитич, граф (1791—1850) — в 1830—1833 гг. чиновник особых поручений при попечителе Московского учебного округа (ему был поручен надзор за Московским университетом, его типографией и частными мужскими гимназиями Москвы); отличался строгим формализмом. См. о нем: Вистенгоф П. Ф. Из моих воспоминаний. — Исторический вестник, 1884, кн. 5, с. 336—337.

⁵ В то время министром народного просвещения являлся Карл Андреевич Ливен (1767—1844), ранее бывший попечителем Дерптского учебного округа (1817—1828).

⁶ Языкову, как и другим писателям пушкинского круга, свойственно было пролическое отношение к личности и произведениям графа Дмитрия Ивановича Хвостова (1757—1835), проявившееся, в частности, и в обоих языковских посланиях Хвостову — «Почтенный старец Аполлона!» (1827) и «Итак — мне новая награда...» (1829). В этом смысле любопытна одна деталь: на вьетках, сопровождающих текст этих стихотворений в издании 1833 г., в одном случае изображена обезьяна, смотрящаяся в зеркало, в другом — козлиная голова в соседстве с цевницей. Не понимая сути литературной игры, затеянной Языковым, Хвостов серьезно воспринял оба обращенных к нему послания, откликнувшись на них стихотворениями «Николаю Михайловичу Языкову» («Пуская летал иль только лазил...», 1827) и «В ответ Николаю Михайловичу Языкову» («Певца Кубры почтил Языков похваляй...», 1830).

⁷ Речь идет о собрании переводов Александра Ардалионовича Шишкова (1799—1832) «Избранный немецкий театр» (т. 1—4. М., 1831), в распространении которого Языков принимал деятельное участие.

⁸ Вероятно, речь идет о «Записках о 1812 годе» (опубликованы в 1836 г.) писателя и журналиста Сергея Николаевича Глинки (1775—1847).

⁹ Имеется в виду исторический роман Н. А. Полевого «Клятва при гробе господнем» (1832).

¹⁰ Орлов Александр Анфимович (1791—1840) — писатель, поэт, автор своеобразных полудубочных произведений; в некоторых из них он подхватывал темы и

образы романов Булгарина «Иван Выжигин» и «Петр Иванович Выжигин». Это дало Пушкину основание использовать сочинения Орлова в борьбе с Булгариным в памфлетах «Торжество дружбы, или Оправданный Александр Анфимович Орлов» и «Несколько слов о мизинце г. Булгарина и о прочем», опубликованных в журнале «Телескоп». К последнему из памфлетов был приложен план романа «Настоящий Выжигин», являющийся сатирической схемой биографии Булгарина. Языков имеет в виду роман Орлова «Родословная Ивана Выжигина...» (4 части, 1831).

¹¹ «Котел» — домашнее прозвище сестры поэта Екатерины Михайловны Языковой (в замужестве Хомяковой, 1817—1852).

¹² Речь идет об А. П. Елагиной. О дальнейшей судьбе осуществленного ею перевода сведений нет.

¹³ Издание повестей Ореста Михайловича Сомова (1793—1833) не было осуществлено из-за смерти писателя.

¹⁴ Свербеева (урожд. Щербатова) Екатерина Александровна (1809—1892) — жена Д. Н. Свербеева. Приведенное ниже стихотворение было напечатано в журнале «Европеец» (1832, № 1).

¹⁵ Бартенев Юрий Никитич (1792—1866) — литератор, директор училищ Костромской губернии.

9. А. М. Языкову.

¹ Речь идет об издании: Обзор главнейших происшествий в России с кончины Петра Великого до вступления на престол Елисаветы Петровны. Соч. Александра Вейдемейера. Ч. 1—2. СПб., 1831.

² Вероятно, речь идет о письме В. Д. Кововского к Языкову от 17 ноября 1831 г., содержащем ответ на просьбу поэта прислать ему богословскую литературу и сочувственный отклик на его планы пересмотра своего творческого пути: «Ваша перемена квартиры на Парнассе радует, восхищает — простите прозаическому человеку это, поэзии принадлежащее слово. Вам, который первый дал русской поэзии ее исторические романсы, долженствующие заменять эпопею, теперь, вероятно, будет она обязана и своими легендами, которые заступят в ней место мифологии; а может быть, вы не откажетесь от великого труда создать нам и ту и другую. Как идеалист в поэзии, я поклоняюсь тому и чествую того, кто наше стихотворство — материальное и матерное — выносит в мир фантазии — свободный, безграничный» (Литературное наследство, т. 19—21, с. 52).

³ Галич Александр Иванович (1783—1848) — философ, профессор российской и латинской словесности в Царскосельском лицее, впоследствии профессор философии Петербургского университета. А. М. Языков в молодости брал у него уроки. Далее, вероятно, речь идет о книге Галича «Картина человека», вышедшей в 1834 г.

⁴ Арсенев Константин Иванович (1789—1863) — статистик, историк, географ, профессор Петербургского университета, преподавал также историю и статистику наследнику престола (будущему императору Александру II). Как и Галич, был одним из учителей А. М. Языкова.

⁵ Речь идет о «Системе логики» («System der Logik», 1828) немецкого философа К. Ф. Бахмана (1785—1855).

⁶ Речь идет об издании: Муромской Дон-Кихот, или Честные сумасброды. Нравственно-сатирический роман. Соч. Александра Орлова. Ч. 1—2. М., 1833 (цензурное разрешение от 17 июля 1831 г.).

⁷ Имеется в виду сборник «Баллады и повести В. А. Жуковского» (СПб., 1831).

⁸ Речь идет об альманахе «Северные цветы» на 1832 г., посвященном памяти его издателя А. А. Дельвига (1798—1831). Языков поместил в нем стихотворения «На смерть А. А. Дельвига», «Песня» («Он был поэт: беспечными глазами...»), «К. К. Яниш» («Вы, чьей душе во цвете лучших лет...»), «Бессонница».

⁹ Востоков Александр Христофорович (1781—1844) — поэт, выдающийся ученый-филолог. В 1831 г. издал «Сокращенную русскую грамматику для употребления в низших учебных заведениях» и «Русскую грамматику, по начертанию сокращенной грамматики полнее изложенную».

¹⁰ Более подробными сведениями об этой совместной работе Погодина и Языкова мы не располагаем.

10. П. М. Языкову. Отрывок см.: Литературно-библиологический сборник. Пг., 1918, с. 66.

¹ Речь идет о статье Вяземского «Взгляд на Московскую выставку», посвященной выставке российских изделий в Москве.

² Вероятно, речь идет о популярном труде немецкого агронома А. Д. Тэера (1752—1828) «Grundsätze der rationellen Landwirtschaft» (1809).

³ В 1831 г. Николай I, стремясь расположить к себе общественное мнение, сделал попытку привлечь на службу находившегося в опале с 1827 г. генерала Алексея Петровича Ермолова (1777—1861). 6 декабря Ермолов был назначен членом Государственного совета.

11. А. М. Языкову. Отрывки см.: Исторический вестник, 1883, № 12, с. 534; Русская старина, 1903, № 3, с. 530—531; Литературное наследство, т. 19—21. М., 1935, с. 89 (с неверной датировкой).

¹ Повесть А. А. Бестужева-Марлинского «Лейтенант Белозор» была напечатана в журнале «Сын отечества и Северный архив» (1831, № 34—42).

² Трагедия М. П. Погодина «Марфа Посадница», пропущенная цензурой и отпечатанная еще в августе 1830 г., не выпускалась в свет по политическим причинам вплоть до конца 1831 г.

³ Произведению Погодина была посвящена статья Н. И. Надеждина «Марфа Посадница Новгородская» (Телескоп, 1832, ч. VII, № 2), не содержащая, однако, апологетической оценки трагедии.

⁴ Семенов Василий Николаевич (1801—1863) — литератор, с 1830 по 1836 г. цензор Петербургского цензурного комитета, цензурировал впоследствии сборник «Стихотворения Н. Языкова» (СПб., 1833). Альманах, о котором упоминается в письме, — «Комета Белы на 1833 год» (СПб., 1833), где были напечатаны стихотворения Языкова «Вино», «Мечтания» и «Поэту» (последнее и имеется в виду в данном случае).

⁵ План такого издания не был осуществлен.

⁶ Менцель Вольфганг (1798—1873) — немецкий писатель, журналист, литературный критик. Его произведения вызвали интерес в языковском окружении (в частности, В. Д. Комовский перевел в 1837—1838 гг. книгу Менцеля «Немецкая литература»). «Великий поэт», о котором говорится, — возможно, Г. Гейне, высоко ценный Менцелем в первые годы его литературной деятельности.

⁷ Раупах Э. В. С. (1784—1852) — плодовитый немецкий драматург.

⁸ Гримальцер Ф. (1791—1872) — австрийский поэт и драматург.

⁹ Каподистрия Иоаннис (1776—1831) — в 1816—1822 гг. вместе с К. В. Нессельроде возглавлял Коллегию иностранных дел, в 1822 г. в результате разногласий с Александром I покинул Россию. С 1827 г. — президент освобожденной Греции. Смерть Каподистрии от руки убийцы в 1831 г. вызвала широкий общественный отклик.

¹⁰ Стурдза Александр Скарлатович (1791—1854) — бывший секретарь Каподистрии, автор книги «Notice biographique sur le comte J. Capodistrias» (Paris, 1832).

¹¹ Журнал, издававшийся при Санкт-Петербургской духовной академии.

¹² Знакомство Языкова с поэтессой Каролиной Карловной Яниш (в замужестве Павлова, 1807—1893) состоялось в 1829 г.; ей посвящены многие стихотворения поэта 1820—1840 гг. Среди них «К—е К—е Я—ъ» («Бы, чьей душе во цвете лучших лет...»), опубликованное в «Северных цветах» на 1832 г. В 1833 г. в Германии вышел сборник переводных и оригинальных произведений Яниш на немецком языке — «Das Nordlicht. Proben der neuen russischen Literatur», куда вошли переводы нескольких стихотворений Языкова. О каком из них идет речь в данном случае, неизвестно.

12. П. М. и А. М. Языковым. Отрывок см.: Русская старина, 1903, № 3, с. 531.

¹ Слуга Языкова.

² Крюковский Матвей Васильевич (1781—1814) — драматург; прославился своей исторической трагедией «Пожарский» (1807), имевшей исключительный успех (3-е издание в 1828 г.).

³ Имеется в виду роман «Клятва при гробе господнем».

⁴ Андросов Василий Петрович (1803—1841) — литератор, критик, статистик, один из основных сотрудников «Московского вестника», а впоследствии редактор «Московского наблюдателя». Ниже речь идет о его «Статистической записке о Москве» (М., 1832).

⁵ Вероятно, имеется в виду книга «Causes célèbres étrangères publiées en France pour la première fois et traduites de l'italien, de l'allemand etc. par une société de juriconsultes et de gens de lettres» (Paris, 1827), на материалы которой опирался позднее Пушкин, работая над своей «Марьей Шонинг».

⁶ Кого имеет в виду Языков в данном случае, не известно.

⁷ Д. В. Давыдов, в течение многих лет собирая материалы о Суворове, предполагал написать посвященное ему обширное исследование. Однако этот замысел не был осуществлен. В 1835 г. в журнале «Библиотека для чтения» (т. II) были напечатаны воспоминания Давыдова «Встреча с великим Суворовым».

⁸ Речь идет об отце Е. П. Языковой — П. Н. Ивашеве.

⁹ Имеется в виду И. Д. Балдов.

13. А. М. Языкову. Отрывки см.: Русская старина, 1903, № 3, с. 531; Литературное наследство, т. 19—21. М., 1935, с. 52.

¹ Вероятно, имеется в виду «Начертание библейской истории от древнейших времен до XVIII в.» епископа пензенского и саратовского Иннокентия (в миру Илларион Смирнов, 1784—1819).

² В. Д. Комовский подготовил для «Европейца» перевод отрывка из книги американского государственного деятеля и писателя Генри Уитона (1785—1845) «History of the Northmen, or Danes and Normans» (London, 1831). Однако в результате запрещения журнала эта статья опубликована не была.

³ Речь идет об издании: «Радуга, журнал философии, педагогики и изящной литературы с присовокуплением остзейских записок». Издавался в 1832—1833 гг. в Ревеле А. Бюргером.

⁴ Руссов Степан Васильевич (1770—1842) — историк и писатель, в 1832 г. издавал исторический журнал «Воспоминание», заполненный в основном статьями его собственного сочинения. Поэма, о которой идет речь ниже, — возможно, оставшаяся неопубликованной «Елиада, или Война 1812 года».

14. А. М. Языкову. Отрывок см.: Русская старина, 1903, № 3, с. 531.

¹ Ломоносов Александр Спиридонович — уфимский знакомый А. М. Языкова, чиновник.

² Речь идет о выдержавшей множество изданий «Краткой всеобщей географии» (1818) К. И. Арсеньева.

³ Устрялов Николай Герасимович (1805—1870) — историк, в 1832 г. издал «Сказания современников о Дмитрие Самозванце».

⁴ Имеется в виду «История княжества Псковского, гражданская и церковная» (1831), написанная митрополитом Евгением Болховитиновым (1767—1837).

⁵ Бичурин Никита Яковлевич (в монашестве о. Иакинф, 1777—1853) — востоковед. Далее речь идет о романе «Хау Цю-джуань», т. е. «Беспримерный брак». Письмо Языкова — единственное известное прямое указание на переводчика романа, отрывок из которого (без указания имени переводчика) был помещен в «Северных цветах» на 1832 г.; по ряду косвенных данных автором перевода назывался иногда О. М. Сомов (см.: Вацуро В. Э. «Северные цветы». История альманаха Пушкина—Дельвига. М., 1978, с. 236, 274). Об истории этого романа см. также: Северные цветы на 1832 год. Издание подготовил Л. Г. Фришман. М., 1980, с. 344—349 (примеч. Б. Л. Рифтина).

⁶ Нибур Бартольд Георг (1776—1831) — выдающийся немецкий историк. Н. А. Полевой находился под его сильным влиянием и посвятил ему свою «Историю русского народа». Это посвящение вызвало иронические толки в критике.

⁷ «Стрельцы» (СПб., 1832) — исторический роман писателя и журналиста Константина Петровича Масальского (1802—1861).

⁸ В рецензии на «Повести Белкина», опубликованной в «Московском телеграфе» (1831, ч. 42).

15. П. М. Языкову. Отрывки см.: Исторический вестник, 1883, № 12, с. 535; Русская старина, 1903, № 3, с. 531.

¹ Имеется в виду рецензия на альманах «Северные цветы» на 1832 г. (Северная пчела, 1832, № 19, 25 января).

² Ложный слух о примирении Пушкина с Булгариным был вызван возобновлением отношений поэта с Н. И. Гречем.

³ Смирдин Александр Филиппович (1795—1857) — петербургский книгоиздатель и книгопродавец.

16. А. М. Языкову.

¹ Яковлев Алексей Александрович (1795—1868) — химик, двоюродный брат А. И. Герцена, знакомый братьев Языковых.

17. П. М. Языкову.

¹ Ганеман (Ханеман) Самуэль (1755—1843) — немецкий врач, основатель гомеопатии, которой Языков очень увлекался.

² Калайдович Константин Федорович (1792—1832) — историк, филолог, археограф.

³ «Система логики» Ф. Бахмана (ч. 1—2. СПб., 1832) была переведена преподавателем Петербургской духовной академии, секретарем духовной цензуры Вершинским.

⁴ Имеется в виду книга Бахмана «Всеобщее начертание теории изящных искусств» (ч. 1. М., 1832), переведенная известным педагогом и переводчиком Михаилом Борисовичем Чистяковым (1809—1885), в те годы студентом Московского университета, учеником Н. И. Надеждина.

⁵ Издание газеты не состоялось.

18. А. М. Языкову. Неверно датированный отрывок см.: Русская старина, 1903, № 3, с. 531.

¹ «Новоселье» — сборник в честь А. Ф. Смирдина (первый выпуск — 1833 г.). В нем, в частности, были опубликованы поэма Пушкина «Домик в Коломне», произведения Одоевского, Вяземского, Козлова, Хомякова, Сомова и др. Языков упоминает далее «Сказку о царе Берендее...» Жуковского, басни Крылова «Пастух» и «Белка», «Мыши», «Лиса», «Волки и овцы», стихотворение Е. А. Баратынского «На смерть Гете», стихотворение поэта и драматурга Егора Федоровича Розена (1800—1860) «Домовой».

² Барон Брамбрус — псевдоним писателя, журналиста, ученого-востоковеда Осипа Ивановича Сенковского (1800—1853). В начале 1830-х годов Языков неоднократно положительно отзывался о произведениях Сенковского. В «Новоселье» 1833 г. была опубликована «восточная повесть» Сенковского «Антар» и — под псевдонимом — повести «Незнакомка» и «Большой выход у сатаны».

³ Владимиру Ивановичу Панаеву (1792—1875) принадлежал в альманахе отрывок из исторической повести «Раскольник», Борису Михайловичу Федорову (1798—1875) — «исторический рассказ» «Призрак», К. Масальскому — рассказ «Русский Икар».

19. А. М. Языкову

¹ Речь идет о духовных стихах.

² Парафраза евангельского текста — слов Христа, обращенных к апостолу Петру:

«Ты — Петр (камень), и на сем камне Я создам церковь мою» (Еванг. от Матф., 16, 18).

³ Имеются в виду статьи «Сочинения Державина» (Московский телеграф, 1832, ч. 46, 47) и «Баллады и повести В. А. Жуковского» (там же, ч. 47).

⁴ Т. е. А. А. Бестужева-Марлинского.

⁵ Речь идет о «Письмах о русской литературе» Булгарина (Сын отечества, 1833, ч. 155, т. 23).

⁶ Ходаковский Зориан (наст. имя Адам Чарноцкий, 1784—1825) — историк, этнограф, археолог. По поводу слухов о присвоении Полевым собрания Ходаковского см.: Полевой Ксенофонт. Записки о жизни и сочинениях Николая Алексеевича Полевого. — В кн.: Николай Полевой. Материалы по истории русской литературы и журналистики тридцатых годов. Л., 1934, с. 236—240.

⁷ Имеется в виду сборник «Сочинения и переводы в стихах» (ч. 1—2. СПб., 1832).

20. А. М. Языкову.

Весьма любопытна также приписка к письму, сделанная И. Д. Балдовым: «74<й> № „Северной> Пчелки“ весьма много нас здесь покуражил. Видно, нечестивый Ф. Булгарин не мог отказать справедливому таланту Николая Михайловича! Дай бог ему путь дальше и дальше! Что-то возгласит присяжный Полевик (Н. А. Полевой, — А. К.)? Бога ради, пришлите „Телеграфы“ его разбора; если он осмелится дерзнуть, т. е. что-либо на свой лад, то боже упаси его, здесь все восстанет для его поражения. У Николая Михайловича ужасная переписка со всеми литераторщиками <нрзб.> нашего парнасского края. Даже Иоакимф Бичурин сегодня прислал свои переводы о Кит<ае>, Давыдову послан лучший экземпляр стихов и прочим досталось, благодаря бога! После этого, я думаю, легко идти и дальше — начали готовить белые книги (т. е. чистые тетради, — А. К.) уже. Будут сочиняться большие повести, поэмы и часть о великом Петре! <...>».

¹ Речь идет о сборнике «Стихотворения Н. Языкова», подаренном Хвостову.

² Автором хвалебной рецензии на книгу Языкова, напечатанной анонимно в «Северной пчеле» (1833, № 74), действительно был А. Н. Очкин.

³ Речь идет о зяте Языкова симбирском помещике П. А. Бестужеве, муже Прасковьи Михайловны.

⁴ Видимо, академиком живописи Василием Степановичем Добровольским (1787—1855) либо его братом Алексеем Степановичем (1791—1844).

Г. И. НАЗАРОВА, В. А. ЗЫЗИНА

ИЗ СЕМЕЙНОГО АРХИВА НАШОКИНЫХ

В 1978 г. рукописный отдел Всесоюзного музея А. С. Пушкина получил ценное пополнение — семейный архив Нащокиных.

Основу архива составляет его эпистолярная часть: письма Александра Петровича Нащокина и Дарьи Нестеровны Нагаевой к дочери Вере Александровне и к ее мужу Павлу Воиновичу Нащокину — другу Пушкина.

Александр Петрович Нащокин (1758—1838), тайный советник и камергер, — московский знакомый Пушкина. Дарья Нестеровна Нагаева (ум. 1836?)¹ — бывшая крепостная Александра Петровича, получившая от него вольную, мать его детей.

Незаконное происхождение Веры Александровны объясняет тот разрыв в ее девичьей фамилии, с которым сталкивается современный исследователь, встречающий в различных документальных источниках противоречивые сведения на этот счет. Получившая при рождении фамилию своей матери (Нагаева), Вера Александровна по достижении совершеннолетия, как и ее родные братья, стала именоваться Нарской.²

Павел Воинович Нащокин (1801—1854), муж Веры Александровны, приходился троюродным братом ее отцу Александру Петровичу. Став женой Павла Воиновича, Вера Александровна получила его фамилию и тем самым узаконила свою принадлежность к роду Нащокиных.

В составе архива Нащокиных 25 писем родителей Веры Александровны к дочери и к ее мужу Павлу Воиновичу, адресованные по большей своей части в Тулу, куда уехали после свадьбы молодые Нащокины.

В конце 1960-х годов семейный архив Нащокиных попал в поле зрения Н. А. Раевского, опубликовавшего (по фотокопии) в своей книге «Друг Пушкина Павел Воинович Нащокин» выдержки из двух писем, датированных 13 марта и 16 апреля 1834 г.³

Кроме писем, в составе архива Нащокиных имеются семейные документы 1840—1890-х годов. В их числе «Копии о дворянстве» 1849 и 1850 гг., выданные Московским дворянским депутатским собранием, о внесении детей П. В. Нащокина, согласно «резолуции» Правительствующего Сената, в 6-ю часть дворянской родословной книги. «Копии о дворянстве» были выданы дочерям Екатерине, Анастасии и Софье.

В одной из этих копий содержится церковная запись о смерти Веры Александровны Нащокиной 16 ноября 1900 г., в возрасте 89 лет.⁴

Находящийся в семейном архиве вид на жительство «вдовы поручика» Веры Александровны Нащокиной с отметками о прописке содержит новые или малоизвестные факты о ее местожительстве в Москве и Петербурге с 1886 по 1890 г.

¹ Личность Д. Н. Нагаевой впервые установил Н. Н. Белянчиков (см.: Белянчиков Н. Н. Нащокины — московские друзья Пушкина. — Москва, 1978, № 3, с. 199).

² Подробнее об этом см. заметку Н. Н. Петруниной в кн.: Пушкин. Письма последних лет. 1834—1837. Л., 1969, с. 432—433.

³ Раевский Н. А. Друг Пушкина Павел Воинович Нащокин. Л., 1976, с. 52, 54, 64—65.

⁴ Опубликована Н. А. Раевским, см.: там же, с. 60.

Особую группу архива составляют материалы, связанные с сыном П. В. и В. А. Нащокиных Андреем Павловичем Нащокиным (1854—1925), в частности его записные книжки, которые он вел в течение 20 лет (с 1905 по год смерти) и которые содержат дневниковые записи, заметки бытового и житейского свойства, замечания педагогического характера, связанные с воспитанием детей. Но главное место в них занимают многочисленные выписки стихов и прозаических отрывков из произведений русских писателей, и прежде всего Пушкина. Записные книжки А. П. Нащокина свидетельствуют о том, что их владделец хорошо знал и любил литературу.

Андрею Павловичу обязаны мы тем, что он, любя память своего отца и друга Пушкина Павла Воиновича Нащокина, сберег семейный архив, перешедший к нему после смерти матери Веры Александровны Нащокиной.

Последней хранительницей семейных реликвий явилась младшая дочь Андрея Павловича Вера Андреевна Зызина (Нащокина), которая и передала во Всесоюзный музей А. С. Пушкина — в составе семейного архива — письма, адресованные ее деду и бабушке — П. В. и В. А. Нащокиным.

Значение публикуемых ниже эпистолярных материалов из нащокинского архива определяется тем, что в подавляющем большинстве своем письма (22 из 25) относятся к 1834 г. — времени наиболее интенсивного общения Пушкина с Нащокиными.

* * *

1834 год был переломным в судьбе П. В. Нащокина. 28 января он обвенчался со своей невестой В. А. Нагаевой (Нарской).⁵ А. С. Пушкин одобрил этот важный шаг, предпринятый его слабохарактерным другом, который, наконец, оставил свою сожительницу, цыганку О. А. Солдатову; связь с нею в последнее время причиняла немало страданий обоим. Любовь к В. А. Нарской побудила его к столь решительному действию. Переписка между Пушкиным и «Войнычем» в конце 1833—начале 1834 г. повествует о перипетиях и тревожениях, предшествовавших жеманству Нащокина.

Существовало еще одно препятствие, которое должен был преодолеть влюбленный Нащокин. Как уже указывалось выше, В. А. Нарская была незаконнорожденной дочерью дворянина и крепостной крестьянки. Подобный мезальянс несомненно шокировал родственников Павла Воиновича, которые прочили ему другую невесту. Такой вывод позволяют сделать некоторые из публикуемых писем. Так, в письмах А. П. Нащокина и Д. Н. Нагаевой к дочери (письма № 3, 9) говорится о недовольстве и даже злости, с какими встретили известие о ее замужестве в родственном Нащокиным семействе Окуловых. Сам П. В. Нащокин упоминал в письме к Пушкину (около 26 января 1834 г.), что его «все отговаривали на разные манеры» (XV, 105).

Что же касается Пушкина, то в нем П. В. Нащокин нашел не только советчика, но и союзника, всячески укреплявшего друга в его намерении жениться на В. А. Нарской. В своих письмах Пушкин неоднократно напоминал другу, что тот именно ему «обязан жеманством своей» (XV,

⁵ Публикуя «выписку» из метрических книг Воскресенской церкви, Н. А. Раевский ошибочно принял порядковый номер записи («2») за дату венчания — 2 января 1834 г., тогда как истинная дата венчания В. А. Нагаевой (Нарской) с П. В. Нащокиным — 28 января 1834 г. (см.: Пушкин. Письма последних лет, с. 215). Эта ошибка, указанная Н. Н. Белявчковым (в его работе 1970 г. «Пушкин, Гоголь, Белинский, Нащокин», см.: ИРЛИ, ф. 244, оп. 31, № 165, с. 95), не устранена Н. А. Раевским при переиздании его работы в составе книги «Избранное» (М., 1978, с. 377), где сказано: «Итак, свадьба Павла Воиновича Нащокина состоялась 2 января 1834 г.». Исходя из неверной даты венчания Нащокиных, Раевский неосновательно подверг сомнению датировку письма Нащокина к Пушкину (где говорится об отъезде Нащокина из Москвы перед венчанием) в «большом» академическом издании сочинений Пушкина (XV, 105).

117). Позднее поэт пишет о своем желании «взглянуть» на «семейственную жизнь» Нащокина и «ею порадоваться», объясняя при этом: «Ведь и я тут участвовал, и я имел влияние на решительный переворот твоей жизни» (XVI, 73).

Отношение Пушкина к В. А. Нарской определилось с первых минут их знакомства. Судя по воспоминаниям Веры Александровны, между нею и поэтом сразу же возникло чувство симпатии, перешедшее затем в самую искреннюю дружескую привязанность. Приведем рассказ В. А. Нащокиной об их первой встрече в доме ее отца: «Пушкин сразу расположил меня в свою пользу. Несколько минут разговора с ним было достаточно, чтобы робость и волнение мои исчезли <...> Пушкин довольно долго просидел у нас и почти все время говорил со мной одной. Когда он уходил, мой жених, с улыбкой кивая на меня, спросил его:

— Ну что, позволяешь на ней жениться?

— Не позволяю, а приказываю! — ответил Пушкин».⁶

Поэту достаточно было первого знакомства, чтобы воочию убедиться в очаровании девушки, в ее уме, душевных и человеческих достоинствах, о которых он несомненно слышал и раньше от самого Нащокина.

В конце января 1834 г. наступила, наконец, развязка тех бурных событий, которые предшествовали женитьбе Нащокина. «Выехал я из Москвы... — сообщает он Пушкину. — Оленька не знает, что я ее оставляю, — и воображение мое насчет ее в грустном положении; возок уже заложенный, и еду я в одну подмосковную,⁷ где думаю жениться — на ком тебе известно» (XV, 105).

Скрываясь от своей бывшей возлюбленной, Нащокин после венчания с В. А. Нарской 28 января в с. Воскресенском отправляется вместе с нею в Тулу, где они вынуждены были оставаться, по-видимому, до начала июля 1834 г. Молодые супруги поселяются в доме купца Кондрашева, на Сенной площади. Сюда и приходили к ним письма, о которых пойдет речь в настоящей публикации.

К сожалению, до нас дошла только одна часть переписки. Ответные письма П. В. и В. А. Нащокиных нам неизвестны. Однако и эта часть дает представление не только о событиях в семье Нащокиных-Нарских, но также и о тульской жизни друга Пушкина и его жены. По своему содержанию письма являют собой семейную хронику, изобилующую всевозможными мелочами житейского и бытового характера. В них нашли отражение и те драматические события, которые омрачили начало семейной жизни Нащокиных. Повседневная жизнь семьи, с ее прозаическими заботами, реже радостными, чаще «злыми» и тревожными, развертывается перед читателем, как бы показанная через волшебный фонарь времени. Обилие обыденных подробностей придает письмам особую зримость и осязаемость, позволяя более точно и конкретно представить ту среду, с которой соприкасался Пушкин.

Круг тем, затрагиваемых в письмах, ограничен, как правило, семейными рамками. Однако и в этих пределах содержатся различные сведения общественно-политического и культурного характера. Так, в письме от 22 марта 1834 г. (№ 6) Д. Н. Нагаева сообщает дочери о бунте крестьян в имении Окуловых,⁸ в другом (№ 18) — описывает пожары в Москве в конце лета 1834 г. Из приписок брата В. А. Нащокиной Л. А. Нарского узнаем о возобновленной в Москве постановке оперы К. М. Вебера «Волшебный стрелок», шедшей в новых декорациях (№ 3). В письме от 20 июня 1834 г. Д. Н. Нагаева сообщает дочери о смерти архитектора О. И. Бове (№ 15).

⁶ Нащокина В. А. Рассказы о Пушкине. — В кн.: А. С. Пушкин в воспоминаниях современников, т. 2. М., 1974, с. 197—198.

⁷ Речь идет об имении князя И. А. Трубецкого, находившемся в селе Воскресенском Богородицкого уезда, в 46 км от Москвы.

⁸ Очевидно, в с. Никульском Московской губернии, Подольского уезда (рядом с с. Остафьевым), владелицей которого была П. С. Окулова. Рассказ Д. Н. Нагаевой проникнут сочувствием к крестьянам.

В письмах встречается немало имен людей из окружения Пушкина и Нащокина. Среди них — члены родственного Нащокиным семейства Окуловых: Прасковья Семеновна Окулова, ее сын Матвей Алексеевич Окулов, его жена Анастасия Воиновна (сестра Павла Воиновича), родные и сводные братья В. А. Нащокиной и др.

Согласно воспоминаниям В. А. Нащокиной, она познакомилась с Пушкиным в доме отца, куда привез поэта П. В. Нащокин. А. П. Нащокин, в прошлом богатый помещик, владевший многими землями,⁹ в 1834 г., в возрасте 76 лет, находился уже под опекой своих законных сыновей.¹⁰ Немоощный и полуслепой старик, он едва может держать перо в руках. Почти все его письма написаны под диктовку кем-либо из домашних. Трогательная любовь к дочери — «бесценному сокровищу», беспокойство о ее судьбе слышатся чуть ли не в каждой строке этих писем: «Вы не поверите, как восхищаюсь я радостью с вами увидеться», «... вы совсем сокрушили нас своим молчанием!», — восклицает отец, обращаясь к дочери и к ее мужу.

О Дарье Нестеровне Нагаевой — матери Веры Александровны Нащокиной до недавнего времени не было никаких сведений в пушкинской литературе. Оставшись вдовцом, А. П. Нащокин сделал ее своей фактической женой и владелицей дома в Москве.¹¹ Дарья Нестеровна платила Александру Петровичу искренней любовью и преданностью, но никогда не забывала своего положения и происхождения. Отца своих детей она не позволяла себе называть иначе, как «барин» или «милый друг».

Из писем Д. Н. Нагаевой к дочери и к зятю — П. В. Нащокину видно, что между ним и его тещей существовали хорошие, доверительные отношения. О том же свидетельствует письмо Нащокина к Пушкину от января 1834 г., в котором говорится о плане женитьбы: «... еду я в одну подмосковную, где думаю жениться — на ком тебе известно, но не знаю еще как удастся, ибо покуда, кроме будущей и ее матери, никто не знает о моем решительном намерении» (XV, 105).

Половина публикуемых писем написана рукой Д. Н. Нагаевой. Эти полуграмотные послания читаются с большим трудом (в них отсутствуют элементарные правила орфографии), но с неизменным интересом, так как отличаются живой, образной, эмоциональной речью. Своеобразный эпистолярный стиль Нагаевой сочетает особенности речи простонародной с элементами языка помещичьей среды, в которой она оказалась и психологию которой вполне восприняла.

Бывшая крепостная, а ныне московская мещанка, Дарья Нестеровна привыкла к своему положению хозяйки дома. С болезнью «барина» на ее плечи легли нелегкие хозяйственные и материальные заботы. Ей, крестьянке-госпоже, приходится управлять всем домом, думать о платежах, закладывать вещи, искать займодавцев, распорядиться прислугой. Как хозяйка дома, Дарья Нестеровна бережлива и расчетлива, обладает житейским умом и практической сметкой. Живя под бременем разного рода

⁹ Сохранился список 1822 г., из которого видно, что в это время А. П. Нащокин имел «всего мужеска пола дворовых людей и крестьян 2969 душ, столько же и женского» в имениях Московской, Тульской, Воронежской, Тверской и других губерний (ЦГИА, ф. 1343, оп. 26, № 660, л. 93).

¹⁰ Принимая опеку сыновей, А. П. Нащокин передал им свои владения, однако сделал оговорку в отношении села Глебово. См. копию от 3 октября 1832 г. прошения А. П. Нащокина и его сыновей на имя Николая I (ЦГИА, ф. 1343, оп. 26, № 660, л. 98 об.). В пункте 4-м этого документа сказано: «... а сельцо Глебово отдали бы по узаконенному акту в приданство воспитаннице моей девице Вере Александровой, при выходе ее в замужество». В пункте 8-м (л. 99 об.) названного документа А. П. Нащокин оговорил ежегодное содержание своим незаконнорожденным детям от Нагаевой — «малолетним воспитанникам» Льву, Михаилу, Федору и Вере.

¹¹ Этот факт установлен Н. Н. Белянчиковым, высказавшим убедительное предположение о том, что Пушкин был знаком с Д. Н. Нагаевой, матерью В. А. Нарской и хозяйкой дома, куда привез поэта П. В. Нащокин в ноябре 1833 г. (ИРЛИ, ф. 244, оп. 31, № 165, с. 85). Как явствует из писем Д. Н. Нагаевой (№ 3, 13), в 1834 г. этот дом пришлось заложить и отдать внаймы за неимением средств на его содержание. В 1836 г. дом перешел к другому владельцу.

семейных и домашних невзгод, она не утратила своей природной доброты и участия к людям, чья судьба находится в ее власти. В письмах Д. Н. Нагаевой немало колоритных зарисовок из жизни дворовых и крепостных. Перед читателем возникают фигуры второстепенных «персонажей» семейной истории, переживания которых не оставляют ее безразличной. Она сообщает дочери новость о дворовой девушке Группе, которая поневоле идет замуж, сочувственно рассказывает о швее Аленушке, уставшей от своей однообразной работы, хлопочет о том, чтобы определить в ученье рукодельни девочку — дочь служанки, жалуется на Ванюшку Каретникова (очевидно, также дворовый), который украл у нее салоп и «все пьет с тех пор», и т. п.

Дарья Нестеровна учит дочь умению быть благодарной простым людям, укоряет ее за недостаточное внимание к отцу. Искренняя доброта слышится в словах Нагаевой, когда она спрашивает о внебрачном сыне П. В. Нащокина: «... есть ли рубашечки у сыночка Павла Воиновича?». Напомним в связи с этим тульское письмо П. В. Нащокина к Пушкину об отношении и Веры Александровны к пасынку: «Что мне приятно, что жена моя в большой дружбе с моим сыном» (XV, 135).

Нравственный облик этой женщины ясно раскрывается в письме № 8, проникнутом чувством собственного достоинства. «Не беспокойся, матушка, — пишет она дочери, — я тебя собою никогда беспокоить не стану, ты мой характер знаешь. Люблю дома быть».

О своей любви и привязанности к дочери Дарья Нестеровна говорит почти в каждом письме. Письма эти, полные преданности и нежности к «прекрасной дочке», кажется, не умещают всех оттенков ее материнского чувства: «не найду слов, как тебя еще назвать», «как не хочется перестать к тебе писать» и т. п.

Бывшая крестьянка Дарья Нагаева, сама так и не выучившаяся грамотно писать, детям своим стремится дать образование, определить их в пансион. Она заботится о том, чтобы развить способности «к рисовке» сына Федора, хлопочет о переводе его в другой, лучший пансион.

Письма Д. Н. Нагаевой и А. П. Нащокина делают более зримыми фигуры друзей Пушкина Павла Воиновича и Веры Александровны Нащокиных, вносят новые штрихи и оттенки в их образы, раскрывают их вкусы и влечения. Так, из одного письма Нагаевой мы узнаем, что ее дочь очень много читает: «... я думаю, что ты всю московскую библиотеку перечитала» (№ 7). Известно, что В. А. Нарская получила хорошее домашнее образование, в особенности музыкальное,¹² но о ее пристрастии к чтению из этих строк узнаем впервые.

Интересны неоднократные упоминания о внешности и о портретах В. А. и П. В. Нащокиных (№ 2, 6). В нескольких письмах говорится о болезни Павла Воиновича — о приливах к голове и о том, что ему приходится ставить пиявки. О своем недомогании писал Нащокин Пушкину из Тулы в это же время — в конце марта 1834 г.: «Сей час сажусь кровь пускать. Моциону не делаю, сильных ощущений нет и потому кровь привалила до того, что я голову нагнуть не могу» (XV, 120). Судя по всему, он страдал гипертонией, и, быть может, это было причиной его сравнительно ранней смерти (он не дожил до 53 лет).

На страницах публикуемых писем многократно встречается имя Льва Александровича Нарского, брата Веры Александровны Нащокиной, знакомого Пушкина. Известен рассказ В. А. Нащокиной о первой встрече Пушкина с ее «меньшим братом», произошедшей, очевидно, в ноябре 1833 г., вероятно в тот самый день, когда П. В. Нащокин привез поэта к своей невесте. В этом рассказе, записанном И. Родионовым со слов В. А. Нащокиной в 1898 г., содержится характеристика ее брата: «Это была чистая, нежная, поэтическая натура. Пушкин с первого взгляда

¹² О занятиях В. А. Нащокиной музыкой, о ее игре на фортепиано в публикуемых письмах имеется несколько упоминаний. Известно также, что ее учителем был композитор Джон Фильд.

очаровался им, положительно не отходил от него и стал упрашивать его ехать к нему гостить в Петербург. Брат, не менее любивший поэта, долго колебался. Он сильно был привязан к родной семье, но наконец согласился на просьбы Пушкина, и они уехали».¹³

Судя по единственному известному нам портрету Л. А. Нарского, сохранившему в семье В. А. Зызиной (Нащокиной),¹⁴ характеристика, данная В. А. Нащокиной брату, достоверна: в красивом лице юноши, словно затуманенном легкой печалью, видится отображение его «нежной, поэтической натуры». Вероятно, под словом «нежная» В. А. Нащокина подразумевала хрупкость, полудетскую незащищенность своего младшего брата. По семейному преданию, он умер в горячке, 20 лет от роду, от неразделенной любви к актрисе.

Н. А. Раевский, по всей вероятности, прав, усомнившись в том, что Пушкин пригласил Л. Нарского погостить у него в Петербурге; скорее всего поэт взялся только довести юношу до столицы.¹⁵ Подтверждением служат два письма Пушкина к Нащокину с описанием своего путешествия вместе с шурином друга. В нескольких пушкинских фразах запечатлен выразительный (не без оттенка иронии) портрет «Лелиньки» — «Левиньки»,¹⁶ по-видимому совсем еще инфантильного существа: «Лелинька мне не мешал, он очень мил, т. е. молчалив — все наши сношения ограничивались тем, что когда ночью он прилегал на мое плечо, то я отталкивал его локтем. Я привез его здрава и невредима...» (XV, 96). И далее: «Сумасшедший отец его написал мне сумасшедшее письмо... он беспокоится... не плачет ли мальчик и не тоскует ли о своих родных?» (XV, 98).

В уста Л. А. Нарского вкладывает В. А. Нащокина рассказ о том, что «поэт в путешествиях никогда не дожидался на станциях, пока заложат ему лошадей, а шел по дороге вперед и не пропускал ни одного встречного мужика или бабы, чтобы не потолковать с ними о хозяйстве, о семье, о нуждах, особенно же любил вмешиваться в разговоры рабочих артелей».¹⁷

В публикуемых письмах родителей Левиньки и в его приписках содержатся просьбы к сестре и к зятю прислать тульских пряников или разрешить покататься на их лошадях, а также подробности, говорящие о музыкальных и театральных интересах юноши. Выше упоминалось о спектакле «Волшебный стрелок» в Большом театре, на котором присутствовал Л. А. Нарский. В письме от 22 марта 1834 г. он пишет сестре: «Голубушка Верочка! Напишите, есть ли у вас фортепианы, а то бы я вам прислал французскую кадрили из Цампы, чудесная» (№ 6).

В свете этих новых подробностей о личности Л. А. Нарского нам представляется убедительным предположение Н. А. Раевского о том, что П. В. Нащокин, называя себя в письме к Пушкину (XVI, 75) «шурином артиста», имел в виду именно Левиньку.¹⁸ Но, по-видимому, ар-

¹³ Нащокина В. А. Рассказы о Пушкине, с. 204. Поездка эта состоялась во второй половине ноября 1833 г.

¹⁴ Портрет Л. А. Нарского (акварель, исполненная П. Ф. Соколовым в 1836 г.) принадлежал В. А. Зызиной (Нащокиной) и был впервые обнаружен Г. И. Назаровой в 1960 г. Опубликовано Н. А. Раевским (Простор, 1969, № 5, с. 104). В 1978 г. портрет поступил во Всесоюзный музей А. С. Пушкина вместе с семейным архивом Нащокиных.

¹⁵ Раевский Н. А. Друг Пушкина Павел Воинович Нащокин, с. 153—154.

¹⁶ Н. Н. Белянчиков впервые верно прочел в письмах Пушкина уменьшительное имя Льва Нарского как «Левинька». См.: Белянчиков Н. Н. Литературная загадка. — Вопросы литературы, 1965, № 2, с. 255. Это прочтение подтверждается собственноручной подписью Л. А. Нарского в публикуемом письме № 2.

¹⁷ Нащокина В. А. Рассказы о Пушкине, с. 204. Н. А. Раевский подвергает сомнению, по всей вероятности основательному, принадлежность рассказа Л. А. Нарскому, считая, что этот эпизод привнесен журналистом (И. Родионовым), записавшим воспоминания В. А. Нащокиной с ее слов в 1898 г. См.: Раевский Н. А. Друг Пушкина Павел Воинович Нащокин, с. 151.

¹⁸ Раевский Н. А. Друг Пушкина Павел Воинович Нащокин, с. 156. В метрической выписи о венчании В. А. Нагаевой (Нарской) с П. В. Нащокиным (ян-

тистом (оркестрантом?) он стал позднее — в 1836 г., когда и было написано названное письмо П. В. Нащокина к Пушкину (10-е числа января 1836 г.). Два-три года раньше Лев Нарский, «Левинька», скорее всего был «копиистом» — возможно, переписчиком нот.

Музыкально-театральные интересы и наклонности, очевидно, были свойственны семейству Нащокиных. Напомним, что А. П. Нащокин имел крепостной театр в своем имении Рай-Семеновском. Д. Н. Нагаева, судя по ее письму к дочери 1836 (?) г., ездила в театр: «Благодарю за ложу. Точно я во сне видела, что я была в театре». Быть может, в молодости Дарья Нестеровна Нагаева была крепостной актрисой в Рай-Семеновском?

В письмах А. П. Нащокина часто фигурирует его старший сын — Петр Александрович Нащокин, сводный брат В. А. Нащокиной, которого Пушкин также знал. Образ этого жестокого и безнравственного человека ярко охарактеризован Н. А. Раевским.¹⁹ Сохранился рассказ Х. Х. Репмана о страшном жизненном конце П. А. Нащокина: «У него, в его богатой усадьбе с великолепным дворцом в Семеновском Рае <...> служил садовник по найму <...> этот садовник спихнул Нащокина в глубокий погреб, мстя ему за свою поруганную им дочь. При этом случае Нащокин сломал себе ногу <...> и пришлось ампутировать ногу. О смерти Нащокина <...> тоже рассказывали ужасы. Умирал он в своей усадьбе совершенно одиноким <...> умирал в параличе медленно, в полусознании, когда лакейство принялось грабить ценности; с пальцев сдирали дорогие перстни, когда он был еще в сознании».²⁰ По словам потомков В. А. Нащокиной, законные сыновья Александра Петровича Нащокина Петр и Павел, унаследовавшие богатства отца, обездолили свою сестру Веру Александровну, отобрав у нее единственное имение — Глебово.

Особо следует сказать о том письме в архиве Нащокиных, где упоминается Пушкин. Обращаясь к П. В. Нащокину, его тесть А. П. Нащокин иронически замечает: «Смотри, мой друг сердечный, Павел Воинович, не прокарауль чего в Туле. Ты дожидаешься из Петербурга денег от Пушкина, так ты весь век прождешь, ибо он кроме стихов ни алтына денег тебе не пришлет» (письмо № 14; датировано маем—июнем 1834 г.).

Как известно, приехав в Тулу, Нащокин вскоре оказался без всяких средств. В надежде на возврат долга Пушкиным Павел Воинович шлет ему шесть писем, взывая о помощи. Пушкин ответил только на одно из этих посланий (в середине марта 1834 г.). Объясняя невозможность немедленного возвращения долга, он писал: «Когда ты отправил меня из Москвы, ты помнишь, что мы думали, что ты без моих денег обойдешься; оттого-то я моих распоряжений и не сделал <...> до октября денег у меня не будет — но твои 3000 доставлю тебе в непродолжительном времени» (XV, 116—117). Чрезвычайно трудное материальное положение Пушкина в это время было причиной того, почему он не мог помочь другу в его крайних обстоятельствах. Напомним, что еще год назад (в мае—июне 1833 г.) острая нужда в деньгах вынудила поэта написать брату жены Д. Н. Гончарову: «Если я умру, моя жена окажется на улице, а дети в нищете».²¹ В 1834 г. материальные затруднения Пушкина еще более усугубились в связи с необходимостью взять на себя заботу о родителях. В том же письме к Нащокину (середина марта 1834 г.) Пушкин сообщает: «На днях отец мой посылает за мною. Прихожу — нахожу его в слезах, мать в постеле <...> Что такое?

варь 1834 г.) Лев Александрович Нарский (присутствовавший как поручитель) назван «отставным копиистом» (там же, с. 49). Добавим к этому, что в письме (№ 7) Д. Н. Нагаевой говорится о способностях ее сына Льва «по архитектурной части».

¹⁹ Раевский Н. А. Друг Пушкина Павел Воинович Нащокин, с. 65—67.

²⁰ Воспоминания Христиана Христиановича Репмана (1843—1927). — ИРЛИ, р. I, оп. 24, ед. хр. 437, с. 29—30 (машинопись).

²¹ Ободовская И., Дементьев М. Вокруг Пушкина. М., 1975, с. 111.

имение описывают. — Надо скорее заплатить долг. — Уж долг заплачен <...> Жить нечем <...> Надобно взять имение в руки, а отцу назначить содержание. Новые долги, новые хлопоты. А надобно: я желал бы и успокоить старость отца, и устроить дела брата Льва...» (XV, 117—118).

В первые недели тульской жизни Нащокин скрывал от молодой жены и от ее родителей свое безденежье, но затем вынужден был признаться Вере Александровне. Скорее всего она сама догадалась об отчаянном положении мужа и вместе с ним кротко и спокойно переносила нужду. Но обоюдное молчание супругов о причине, по которой они оставались в Туле, вызвало сетования и упреки Дарьи Нестеровны и Александра Петровича. Чуть ли не в каждом письме повторяются их недоуменные вопросы и восклицания: «Я совсем не понимаю, что вы в Туле делаете...», «Как будто бы Тула отдана <...> под присмотр ваш», — досадует отец Веры Александровны, не подозревая того, что у его зятя попросту нет денег на дорогу. В конце мая Павлу Воиновичу, очевидно, пришлось открыть причину своего вынужденного пребывания в Туле, что и вызвало иронические строки его тестя о Пушкине.

Предшествующее указанному выше письму А. П. Нащокина (№ 14) письмо (№ 13), в котором высказан очередной недоуменный вопрос, помечено 18 мая 1834 г. Эти вопросы уже отсутствуют в письме Д. Н. Нагаевой от 20 июня 1834 г. (№ 15). Следовательно, письмо А. П. Нащокина с упоминанием о Пушкине (№ 14) надо считать написанным, вероятно, в период между 18 мая и 20 июня 1834 г.

Пушкин, несмотря на свои денежные затруднения, 19 июня 1834 г. отправил Нащокину часть долга — 1000 рублей.²² Выехать из Тулы Нащокины смогли уже после пожара, случившегося там 29 июня 1834 г., что явствует из письма А. П. Нащокина, датированного 30 июня того же года (№ 18).

Спустя почти год после женитьбы Нащокина, в начале января 1835 г., Пушкин подвел своего рода итог событиям столь бурного для его друга, 1834 года, а также их денежным и человеческим отношениям. «Не можешь вообразить, с каким удовольствием получил я наконец от тебя письмо, — пишет Пушкин Нащокину. — Но прежде всего поговорим о деле: Соболевский, с которым имею денежные дела, немедленно тебе доставит 2000 р. Следовательно, будь покоен. Я бы нашел много что тебе сказать в извинение моей несостоятельности, но это по почте писать вещь излишняя; а дай бог, чтоб запоздалые мои деньги пришли к тебе в пору²³ <...> Все лето рыскал я по России и нигде тебя не заставал; из Тулы выгнан ты был пожарами; в Москве не застал я тебя неделью; в Торжке никто не мог о тебе мне дать известия. Рад я, Павел Воинович, твоему письму, по которому вижу, что твое удивительное добродушие и умная, терпеливая снисходительность не изменились ни от хлопот новой для тебя жизни, ни от виновности дружбы перед тобою» (XVI, 3). Последние слова Пушкина, на наш взгляд, нельзя игнорировать в комментарии к публикуемому упоминанию о нем в письме А. П. Нащокина. Как говорилось выше, в это время и сам поэт находился в труднейших материальных обстоятельствах и сумел откликнуться на воззвание Павла Воиновича о помощи лишь 19 июня. Примечательно, что почти одновременно с отправкой денег Нащокину Пушкин писал жене: «Грустно мне, женка <...> Здесь меня теребят и бесят без милости. И мои долги и чужие мне покоя не дают» (около (не позднее) 19 июня 1834 г. — XV, 162).

²² См. запись в дневнике Пушкина: «19 числа послал 1000 Нащокину. Слава богу! Слухи о смерти его сына ложны» (XII, 331).

²³ Нащокин не получил этих денег в Москве от Соболевского, и тогда Пушкин послал ему из Петербурга 1500 руб. (см. письмо Пушкина от 20 января 1835 г. — XVI, с. 6). Впоследствии Пушкин снова стал должником Нащокина. Этот последний долг был выплачен Нащокину опекой в 1838 г. См.: Государственный Литературный музей. Архив опеки Пушкина. М., 1939, с. 149.

Говоря о «терпеливой снисходительности» Нащокина и о своей «виновности» перед ним, Пушкин подразумевал, конечно, безответные, полные отчаяния тульские письма друга к нему. Однако просьбы и упреки в этих письмах (если они случаются) сопровождаются извинениями и постоянным стремлением оправдать поэта.

На фоне публикуемого отзыва А. П. Нащокина о Пушкине особую значимость приобретает цитированное выше письмо поэта к П. В. Нащокину от начала января 1835 г. (XVI, 3), свидетельствующее, что денежные осложнения не омрачили и не охладили их дружбы. Напротив, Пушкин еще более оценил «удивительное добродушие» и добросердечие Нащокина — эту высшую человеческую ценность. В Нащокине, одном из самых близких своих друзей последних лет жизни, находил Пушкин любовь, терпимость, преданность — все то, что было так необходимо поэту в пору его «печального заката».

* * *

Из 25 писем 1834 г., содержащихся в архиве Нащокиных, нами публикуются 18 писем. Три письма, относящиеся к 1836 г., исключены из публикации, так как они повествуют о сугубо семейных делах Нащокиных и не содержат каких-либо существенных новых фактов. Не приводятся здесь также еще 4 письма 1834 г., поскольку в них повторяются или варьируются одни и те же темы, затронутые в других письмах.

Остальные письма публикуются полностью. Тексты писем печатаются нами без сохранения орфографии оригиналов. Ряд имен, упоминаемых в письмах, не поддается комментированию. Отсутствие сведений о них специально в комментарии не оговаривается.

1

А. П. Нащокин — П. В. и В. А. Нащокиным

Около (не позднее) 17 февраля 1834 г. Из Москвы в Тулу

Друзья мои милые, родные, бесценные, Павел Воинович и Верочка! Кудрявое и наполненное превосходительствами письмо твое я получил, которые и без столь ближних родных мне наскучили. А при том несравненно глаже и друженнее называть обоюдно другом — так, как мы с Верочкой. Она меня называет милым другом, а я ее зову бесценным моим сокровищем, и это мне кажется гораздо свойственнее обходиться таким образом между родными. За воспитание ее напрасно меня ты благодаришь, ибо это есть долг родителя воспитать детей с должными правилами закона чести и нравственности. Следственно я чрезвычайно рад, что исполнил долг христианина.

Теперь, друзья мои родные, прошу вас как возможно поспешите окончить ваше путешествие, ибо здесь сравнение *<так!>* несносных морозов сделалась большая оттепель и вся дорога испортилась чрезвычайно, так что, говорят, проезду почти нету. А реки так испортились, что бедная дочь известного в Москве, Скюдери,¹ поехала через реку и утонула. Отец ее теперь в страшной горести. А она, бывши замужем, оставила после себя одного малютку. Представьте себе, какая это жалость, а потому и умоляю вас ради самого Христа-спасителя, если мало-мальски где реки худы, не едите через реку, а переходите пешком и будьте как можно осторожнее. Я при старости моей и жестокой болезни такого жестокого удара не вынесу, так поберегите, бога ради, мое несчастное положение.

Ты пишешь, Верочка, друг мой сердечный, чтобы прислать тебе в Тулу карету. Я не могу понять, на что она тебе в Туле. 1-е — что я отдал ее написать твой герб² и она не прежде будет готова к воскресенью, т. е. к 17 числу сего месяца.³ Да она же дорогой вся загрязнится и испортится, и так мы рассудили ее к тебе не посылать. Пожалуйста,

друг мой сердечный, Павел Воинович, попроси губернатора,⁴ чтобы он сделал милость — определил к себе Левочку и Мишеньку⁵ и оставил бы их в Москве учиться, чем он меня при остатке дней моих чрезвычайно утешит. Теперь посылаю к тебе часы, которые ты требовала, пожалуйста, сберегите их и привезите ко мне назад. Часы славные и очень хорошего мастера. Мы было думали послать к тебе твои золотые, но они неверно идут, а потому мы их тебе и посылаем, только сберегите и привезите их ко мне назад. Мне не жаль было с ними расстаться, ибо для тебя, мой милый друг Верочка, я ничего не пожалею на свете.

Затем прощайте, мои родные, Христос с вами, ангел-хранитель, не-счетно раз вас обоих целую и пребуду по гроб мой вернейший друг ваш

А. Нащокин.

2

Д. Н. Нагаева — В. А. Нащокиной

Около (не позднее) 17 февраля 1834 г.¹ Из Москвы в Тулу

Милая моя родная, прекрасная дочка Верочка!

Очень жаль, что муж твой Павел Воинович нездоров. Дай бог ему быть здоровому и с тобою вместе. Прошу тебя его беречь, он очень добрый человек. Это — Филарет милостивой. Анна Михайловна² всегда о тебе спрашивает и приказала кланяться. Все очень дивятся, что ты так скоро замуж вышла. Приходили к нам женщины³ Павла Воиновича, очень рады, что он женился, и как хотят тебя видеть. Что же вы своего человека не присылаете? Мы его ждем, постараюсь прислать, что ты пишешь. Что нам делать с Левочкой, сидит дома. Жалею очень, что к вам не отпустила его. Верочка, не ездите ночью, пожалуйста, и с гор выходите и по льду также, нет ли прорубей. Есть доктор Скюдери, так его дочь один год как замуж вышла, тоже красавица, под Смоленском поехала пораньше и с ребеночком и утонула.⁴ Такая жалость!

Мы на ваших лошадях ездили с барином⁵ кататься, а то они застоялись. Очень Лева просит ваших саней и лошадь в воскресенье покататься. Пошлю просить немца⁶ вашего. Отпишите, когда вы будете. Такая скука без вас. Очень хочу вас видеть. Из Тулы пиши, пожалуйста, к нам. Видишь, муж твой ленив, все от него писем ждут. Поморцев⁷ приехал к нам, так и ахнул, что ты вышла замуж. Ты не думай, чтобы мы твой портрет спрятали. Он всем нравится очень. Ты не поверишь, как мне грустно, что я без денег, не могу тебе сделать удовольствия никакого. Если только будет возможность, приплю тебе на платья, а то у тебя их очень мало.

Прощай, моя родная, дочка прекрасная, целую тебя, а ты мужа своего за меня поцелуй. Вели ему написать к Петру Александровичу⁸ что-нибудь, а то барин рассердится. Прощай, родная моя, Христос с тобою.

«Приписка Л. А. Нарского»:

Голубчик, Павел Воинович, приезжайте поскорее к нам. Без вас очень (то есть мне) скучно. Позвольте нам покататься на ваших лошадях, а то они очень застояты. Пришлите тульских пряников нам. Прощайте, дай бог вам быть здоровым и Верочке также. Остаюсь Левинька.

«Приписка Д. Н. Нагаевой»:

Анна Федоровна Зверева приказала долго жить, умерла. Как жаль! Прощай, родная моя, все тебе девушки и весь дом кланяются. Анна Петровна⁹ все об тебе плачет.

Д. Н. Нагаева — В. А. Нацокиной

После 12—13 февраля (до 9 марта) 1834 г. Из Москвы в Тулу

Милая моя, родная, прекрасная красавица Верочка! Дай бог, чтобы ты была здорова и с любезным мужем своим. Ты не поверишь, как мы обрадовались вашему человеку, особенно письмам. Очень рада, что вам весело. Дай бог вам пожить благополучно. Как ты своей свадьбой всех рассердила родных бариновых и Павла Воиновича. Отчего всем не рассказали об этом? Прасковья Семеновна¹ также сердится и ужасно зла. Говорит барину: «Какую ты штуку сыграл»; говорит: Анастасия Воиновна² за это очень сердится, а барин перед всеми трусит. Анна Михайловна раза три приказывала тебе кланяться и сказать тебе, что она тебя еще больше любит. Вот какое дело-то. Сазонова тебе кланяется и рада очень, что ты счастлива. Пиши к ним и благодари, они тебе большие друзья. Игуменья Надежда Ивановна как удивилась и до смерти рада и кланяется тебе. Теперь только и толку, что Павел Воинович хорошо это сделал, и смеются, никто не воображал от него. Говорят, видно хочет получше пожить.

Никак вы хотите в Туле жить, оно бы и хорошо для вас, да нам то скучно будет. Если муж твой голубчик поедет в Москву, ты от него не отставай. Прошу тебя его любить и покоить, не капризничать и бояться. Так ли что тебе сказал апостол, как венчали. Расцелуй Павла Воиновича за меня, благодари за его письмо и что он меня любит, а я его уж очень люблю. Не дождемся вас к себе.

Милый друг посылает вам свои часы, благодарите его. Не забудь: его рождение девятого марта, а именины четырнадцатого марта. Хорошо бы вы сделали, если бы приехали к рождению его. Посылаю тебе бусы Павла Александровича,³ ты хоть одна к нему пиши, что замуж вышла, и благодари за его любовь, а то неучтиво будет. За что сердиться? Пожалуйста, пиши и к Петру Александровичу. Посылаю Павлу Воиновичу перстень золотой, и с молитвой это я ему дарю, а другой ты подари.

На перину наволочку розовую китайчатую посылаю и две перинки. Прикажи себе одну сшить из ткацкой и простой холстины. Посылаю носков 15 пар. Женщине вашей я купила прекрасную шубу на дорогу. Есть ли рубашечка у сыночка Павла Воиновича,⁴ то вели емушить из холстины ткацкой. Князь⁵ у нас остановился. Вели Павлу Воиновичу и самой к нему и к жене написать и благодарите за их труды во время свадьбы вашей.

Прощай, родная моя, прекрасная дочка. Христос с тобой. Все говорят — здесь единой красавицы не осталось.

На что вам теперь карета и фортепяны? Они у нас в целости будут. Как можно на мельнице им стоять. Разве ты не уверена в нас, все отдадим. Ах, Верочка, как мне всегда по тебе грустно, не приведи бог розно жить, а ты обо мне не грусти, довольно со мною пожила. Привыкай к почтенному милому мужу своему.

Прощай, родная моя, господь с вами. Посылаю тебе твой ангел.⁶

Верочка, как с этим быть? Мы думаем непременно Каргашово же купить, если справимся и уладим с этим барином, а то невозможно нам жить в Москве. В неделю одних дров выходит на 35 рублей, так проживем, что и дом продам.⁷ Скажи Павлу Воиновичу, будет ли это хорошо. Мы бы тотчас и уехали, а дом весь отдали внаймы, три тысячи за все дадут. На почте буду писать, как это дело пойдет.

Приписка Л. А. Нарского:

Голубушка Верочка! Благодарю вас за письмо, которое я получил, уж как мне жаль, что маменька меня с вами не отпустила, а вы не взяли. Здесь мне такая без вас скука. Я был в театре, здесь играют

в первый раз «Волшебный стрелок»,⁸ декорации новые, где я и был. Благодарю Верушку⁹ за пряники, прощайте, голубушка Верочка», остаюсь Левинька. Павла Воиновича за меня поцелуйте.

4

Д. Н. Нагаева — В. А. Нащокиной

9 марта 1834 г. Из Москвы в Тулу

Милая, родная моя, прекрасная Верочка!

Желаю тебе и с мужем твоим быть здоровыми. Ты нас очень огорчаешь своей ленью. Мы об тебе с ума сходим, что ты здорова ли. От тебя и писем нету. Люди выходят замуж, чтобы сделать удовольствие своим родным, чтобы мы тобою утешились, а ты совсем и забыла нас. Что это значит, мы и подумать не можем. Нынче милого друга рождение, а ты и не вспомнила о нем, кто это может сделать. Мы очень рады, что ты счастлива, однако и нас тебе забыть грешно, точно в воду канула. Я от тебя непременно требую только — отпиши, здорова ли ты и Павел Воинович. Нам всего дороже, чтобы вы были здоровы и любили друг друга. Сейчас приехала поздравлять барина Груша-невеста <...>¹ Сказывают, что она от своего жениха бегаёт и бранит его, что к ней привязался, и плачет, надсаживается. Свадьба будет после святой и уедут в деревню за 200 верст.

Прощай, моя родная, Христос с вами. Мы теперь у Кати все спрашиваем, как она тебя видела. Прощай, голубушка, поцелуй мужа своего. Мы, слава богу, все здоровы. Милый друг в одном положении.

5

А. П. Нащокин — В. А. Нащокиной

13 марта 1834 г. Из Москвы в Тулу

Друг мой милый, родной, сердечный, бесценное мое сокровище Верочка.

Письмо твое получил. Очень и очень благодарю тебя, мой друг милый, сердечный, что ты вспомнила день моего рождения. Ты воображаешь, голубушка душа моя, что здесь родные мои, самые ближние мои, также интересуются днем рождения моего и спрашивают, много ли у меня было в этот день гостей, но вышло совсем напротив: так на меня все злы, что я самый несчастнейший и тяжело больной человек, совсем не знаю, за что такая злость на меня и что я кому сделал. Ей-богу, не могу придумать, чем я пред ними провинился.

1-е. Прасковья Семеновна так и шипит злобою на меня и не только приехать или дочек прислать меня поздравить, но ниже лакея с поздравлением не присылала. Также равнехонько и Матвей Алексеевич¹ и Настасья Воиновна сделали ниже собаки: не присылали поздравить, а оба сына² уж и говорить нечего. Он,³ во-первых, жаловался полковнику тайной полиции, что поверенный⁴ переписывает их воровской и разбойничий акт. Потом, приехав ко мне, я стал ему выговаривать, для чего он, не сообразясь с законами Христа, спасителя нашего, который говорит в 5-й заповеди своей, чтя отца своего и мать и пр.; в гражданских же законах Петр 1-й сказал, что у отца с сыном никакого суда нет, а во вновь изданных законах сказано, что отец за непочтение сына имеет право домашним образом наказать, т. е. просто высечь или отдать в сми-

рительный дом. Я, виноват, заговорил ему о сей родительской власти, и что он, не сообразясь с оной, встал, недослушав, и теперь 12-й день пога его у меня не была; следственно, он ни о дне рождения, ни о дне приобщения моего святых Христовых тайн, к которым меня творец небесный допустил неизреченною благостью своею. Но злость разбойника Петра,⁵ озлобившегося на меня за законы, о коих я ему напомнил, и не думал приехать поздравить меня, вот до какой степени этот злодей на меня остервенился. Итак, у меня гостей в день моего рождения было очень мало. Не прогневайся, мой друг, что я не похвалю и мужа твоего, который хотя бы письменно мог поздравить, но выходит теперь, что злиться ему на меня не за что, ибо мы в двухстах верстах живем друг от друга, следственно сего причесть не к чему или к лености. Вообрази, мой друг родной, сердечный, в каком я при остатке дней моих и при болезненном состоянии должен быть положении. Ах, мой друг, пожалей обо мне, несчастнейшем старике. На свете одна ты, моя прелестная красавица, обо мне несчастном вспомнила. А мы теперь с другом моим, а с твоей маменькой, что после святой недели, когда порядочно уже можно будет проехать, почему мы и собираемся приехать к вам после святой недели, тогда вы увидите, что старики умеют лучше исполнять долг родства и христианства. Затем прощайте, моя голубушка, Христос с тобою, ангел-хранитель.

Затем прости, моя душа, прелестное сокровище, Христос с тобою, ангел-хранитель. Несчетно раз тебя целую и пребуду по гроб мой вернейший друг твой.

Купленное мною имение в Тверской губернии в Новоторжском уезде, сельцо Глебово, назначенное мною тебе в приданое, я требовал от детей моих, чтобы они сие имение вам отдали, состоящие по 7-й ревизии 22 души, а что по 8-й налицо окажется, неизвестно; Петр Александрович хотел к вам писать, чтобы вы сие имение, сельцо Глебово, им продали. Итак, я спешу вас предостеречь: 1-е — лучше бы всего не продавать, ибо деревенька прекрасная, мужики, покамест я владел, были в самом лучшем состоянии, лесу и земли очень довольно, то остерегитесь, бога ради, не торопитесь продавать, а если вздумаете, то просите 20 тысяч, а меньше 18-ти ни под каким видом не отдавайте, без чего вы большую ошибку сделаете. Впрочем, если станете продавать, то переписитесь со мною, я по сущей совести души и сердца моего дурного совета вам не дам.

13-го марта 1834-го года.

Пожалуйста, остерегитесь и спишитесь со мною. А. Нащокин.

«Приписка Д. Н. Нагаевой»:

Милая моя, родная, сокровище Верочка, прекрасная дочка моя. Дай бог, чтобы ты с своим мужем была здорова. С почты письмо твое получила еще с каким-то барином. Как мы были рады, особенно тому, что в милого друга рожденье письмо твое пришло. Мы все вас к себе ждали, ну что-то нам так казалось, что вы будете к этому дню. Молодые вы люди, а сюрпризов не умеете делать. Какой бы вы нам подарок сделали своим приездом. Парашку к тебе пришлю непременно. Вообрази, Верочка, какая жалость, княгиня Трубецкая⁶ в водяной болезни и руки, ноги все распухли, точно она *«нрзб.»*. Доктора ей непременно советуют в Москву ехать лечиться. Князя теперь в Москве нету, уехал насчет какой-то деревни во Владимир. Теперь она прискачет, верно, к нам, что будет князю-то делать, если скоро не захватит ее болезнь, то должна умереть.

Насчет твоей деревни бумагу хотят подавать Петр Александрович, чтобы тебе ее выдали.⁷ Слава богу. Поезжайте на лето туда жить.

Прощай, родная моя, поцелуй Павла Войновича. Очень жалеем, что он все нездоров. Помилуй его господь. Напиши к Трубецкой письмо. Она все о тебе узнаёт. Христос с вами, дети здоровы.

Д. Н. Нагаева — В. А. Нащокиной

22 марта 1834 г. Из Москвы в Тулу

Твое Глебово очень хорошо. Мужики богатые и местоположение прекрасное. Лугов очень много. Есть где и дом вам сделать. Лесу довольно, только не очень толст. Дай бог, чтобы оно поскорее к вам перешло, вы бы туда и поехали, стали бы там строиться, вот вам и занятие будет. Верочка, скажи Павлу Воиновичу, чтобы он прислал барину гольцов.¹ Он будет очень рад. От вас многие ездят в Москву и к нам бы завезли. Приехала ли к вам Парашка? Отпиши ко мне. Говорил ли Павел Воинович губернатору² об Левочке или Мишелиньке, чтобы записал кого из них к себе в канцелярию. У Акуловых в деревне³ высекли мужиков плетьюми и которых в ссылку ушлют. 13 человек высекли, то мужики пожаловались, что их не кормят, а господа писали к начальству, что бунтуют. Теперь еще хуже об них говорят. Анна Михайловна нынче едет в Семеновское.⁴

Прощай, милая моя, поцелуй Павла Воиновича за меня. Варвара Ивановна Калошина без ума как любит и хвалит Павла Воиновича, говорит, эдаких мало людей, говорит, что хочет вас видеть очень. Мы взяли портрет Павла Воиновича у Зверева Якова Алексеевича. Похож очень, только теперь он лучше. Мы его поставили в золотую раму. Теперь у нас. Пришли его портрет, который у тебя есть написан. Пришли, голубушка. Прощай, Христос с тобой. У тебя ли образ золотой, кругленькое «Трех радостей». Я не помню, где он, хорошо, если он у тебя, помнишь еще его княгиня⁵ писала.

«Приписка Л. А. Нарского»:

Голубушка Верочка! Напишите, есть ли у вас фортепианы, а то бы я вам прислал французскую кадрилишь изъ Цампы,⁶ чудесная, я думаю, нужды нет, что ноты положены на скрышку. Прощайте, голубушка Верочка, поцелуйте Павлу Воиновичу. Что вы мне ничего не пишете? Дай бог вам быть здоровыми. Остаюсь Левинька.

«Приписка Ф. А. Нарского»:⁷

Целую обоих вас, Павел Воинович и Вера Александровна. Мне без вас очень, очень скучно, я вас обоих очень люблю. Брат ваш Федор Нарской. 22 марта.

Д. Н. Нагаева — В. А. Нащокиной

Март (после 22-го)—апрель 1834 г. Из Москвы в Тулу

Родная моя, милая Верочка!

Желаю тебе быть здоровой и с мужем своим. Получила от тебя с почты письмо. Очень рада, что ты села за работу. Пора перестать книги читать, я думаю, что ты всю московскую библиотеку¹ перечитала. Что же вы Модеста² своего не шлете к нам. Мы бы с ним к тебе отправили твою карету. Дай бог, чтобы Сазонов³ не спятился отдать деньги за булабочку, как он говорил, ведь они плуты большие, к чему-нибудь придерется и найдет отговориться. Об твоей деревне что-то слуху нет, что делается. Петр Александрович подавал здесь, чтобы за тобой не отказали, так ему просьбу назад возвратили, говорят, это должно в Торжок об этом писать. Не знаем, послал он туда. Павел Александрович пишет к барину письмо и поздравляет тебя с замужеством, «дай бог ей быть счастливой и здоровой» — вот что пишет.

Милому другу гораздо стало хуже, все лежит в постели, хороших дней и нету и очень слаб. Вот мне горячка будет, как умрет, я его смерть как люблю. Очень жаль, что в Москву не едете, хотя бы ненадолго. Князь⁴ стоит еще у нас в доме, к брату незачем ехать — он в Москве. А вы до сих пор к нему не пишете. Это очень нехорошо с твоей стороны. Его хлопот много было. Он думал новую родню нажить. Он ошибся, ты и княгине его, верно, не писала. Заставляете всех на себя сердиться. Левочку учит Аньденцов,⁵ приготавливает его к экзамену по архитектурной части, и он очень способен к этому. Фединька также ездит в пансион в Анатольинской⁶ вместе. Тридцать рублей за каждого в месяц. Пансион в доме Жоли на Трубе.⁷ Анетка⁸ дома сидит, за нее платить нечем, и как Фединька об ней хлопочет: ну, Аннушка, нынче я поеду, а завтра ты. Милый друг все хлопочет, чтобы тебе к празднику прислать шляп.

Отпиши, пожалуйста, писали ли вы к тетке Павла Воиновича⁹ и не пишет ли к вам Анастасия Воиновна с мужем. К барину не ездят и его к себе не принимают. Возможна ли эдакая злость за Елизавету Владимировну,¹⁰ женихов не слышать. Полегче ли вашему губернатору?¹¹ Я бы очень хотела, чтобы ты Павла Воиновича женщине, которая была нянюшкой, прислала гостинцу на платя или платок. Она так хочет и желает тебе послужить. Прощай, голубушка, поцелуй Павла Воиновича, он на меня сердит. Фединька нынче говорит: «Что же, маменька, Верочке Александровне полюбилась Тула. Милый друг ее учил на фортепьянах и всему, она уехала с Павлом Воиновичем, точно для него милый друг учил ее».

«Приписка Л. А. Нарского»:

Голубушка Верочка, нам очень на святой будет без вас скучно, прощайте, остаюсь Левинька.

Павлу Воиновичу засвидетельствуйте мое всенижайшее почтение. Дай бог, чтобы вы были здоровы.

«Приписка Д. Н. Нагаевой»:

Павел Воинович, отпишите ко мне об Верочкином здоровье. Не стала ли потолстее или все такая же.

Гольцы-то ваши поспеют к святой неделе?

8

Д. Н. Нагаева — В. А. Нацокиной

Март—апрель 1834 г. Из Москвы в Тулу

Друг мой милый, Верочка.

Получили от тебя письмо. Очень жалею, что Павел Воинович часто бывает нездоров от головы. Говорят, это очень дурно, что он приучил себя к пивкам.¹ Это еще больше в голову прилив делает и очень нехорошо. Верочка, по твоим письмам я вижу, что тебе в тягость и об своем-то здоровье к нам писать. С чего ты вздумала не отвечать на наши письма? Я к тебе писала, что хочешь ли ты, чтобы я к тебе приехала побывать, а ты ни слова и не пишешь. Так же и милый друг тоже писал, а ты ни слова на этот счет не пишешь, как же ты хочешь жить, чтобы ничего не знать. Это очень нехорошо ты делаешь. Не беспокойся, матушка, я тебя собою никогда беспокоить не стану, ты мой характер знаешь. Люблю дома быть.

Что же своему человеку не присылаете паспорта, он приходит, просит очень, что не шлет Павел Воинович. Он бы уехал к Василью Воиновичу.² У них есть там родные, они же вам и не слуги, только и толкуют, что Воину Васильевичу³ служили сорок лет, их же без паспорта и не держат. Отпиши ко мне, куда вы хотите ехать? Как же деревню-то вам отдадут? Кто же ее примет? Говорят, она у них в закладе. Кто же об-

этом станет хлопотать? Не отписать ли тебе письмо к Петру Александровичу, чтобы он дал туда приказ, что деревня эта твоя, и вы можете туда ехать, да и доверенность, чтобы прислал своего человека туда. Бог вас знает, как вы думаете. Привезла ли Парашка тебе блонды? Если твоя булабочка бриллиантовая фальшивая, то пришли, мы так сделаем, как говорил Сазонов, и деньги тебе пришлем.

Прощай, Христос с тобою. Мы, слава богу, здоровы.

«Приписка Л. А. Нарского»:

Голубушка Верочка! Что же вы меня позабыли, вы еще не так, а Павел Воинович и ни слова мне не велит написать, а еще, кажется, во все время мы с ним были заодно. Скоро ли вы к нам приедете? Как здесь весело, у нас все тает, того и гляди, что все растает. Куда это вы собираетесь ехать, уж не в чужие ли края, коли туда, то захватите меня кстати. Что же вы ничего не пишете насчет нот. Поклонитесь от меня Павлу Воиновичу. Прощайте. Желаю вам быть здоровыми.

Остаюсь Левинька.

«Приписка Ф. А. Нарского (рукой Д. Н. Нагаевой)»:

Верочка, я буду водиться с Павлом Воинымчем, а с тобою не хочу, ты спесивая стала. Приеду к нему чай пить.

Прощайте, Христос с вами. Целую вас обоих.

9

А. П. Нащокин — В. А. Нащокиной

13 апреля 1834 г. Из Москвы в Тулу

Друг мой милый, родной, бесценное сокровище Верочка! Поздравляю тебя с наступающим торжественным праздником воскресенья Христа, спасителя и искупителя нашего. Дай бог вам разговеться благополучно. Поздравь с тем же и мужа своего. Я совсем не понимаю, что вы в Туле делаете. 1-е — за квартиру платить, купанья, чай и кофей, а все это стоит дорого. Конечно, век не тот и люди не те стали. Бывало, покойница Елизавета Семеновна,¹ не думая ни о каких предложениях, дурных дорог, чего бы ей ни стоило, непременно ко всякому Христову воскресенью, не глядя ни на какие дороги, ни на разлив воды, всегда поедет к батюшке своему Семену Ив<ановичу> — непременно разговеться. Вообрази, какая приятная была отрада разговляться с детьми своими вместе, а я, несчастнейший старик, брошен всеми родными своими, лежу на одре болезни один-одинешенек, вздыхать и думать, о чем хочешь. В эдаком положении и самый здоровый человек с ума сойдет. Даже Н. В. Акулова, прогневавшись, что братец ее женился на тебе, перестала ко мне ездить. Даже не прислали меня поздравить с днем рожденья и ангела.

Вместо того теперь дорога прекрасная, реки прошли, жили бы со мною и матерью припеваючи. Дом, стол, экипаж — все было бы у вас даром. А у мужа твоего, я слышу, гроша нет, то какая бы разница была из приятности жизни и в расчете. Приезжайте, друзья мои, ко мне поскорее, утешьте меня старика в болезни моей. Вас сам бог за это вознаграждает.

На счет деревни твоей теперь по милости государя отсрочена подача ревизских сказок до августа; следственно тебе, слава богу, есть время все благополучно исправить.² Напиши верующее письмо на имя бурмистра Ивана Никитина, чтобы он, когда по посланной просьбе от Петра Алекс<андровича> откажут тебе деревню твою, то чтобы он тогда от имени твоего подал ревизские сказки и выбрал бы в новой твоей деревне старосту, который управлял бы ею, собирал бы оброк и относился обо всем к тебе, где ты жительство иметь будешь, или ко мне в Москву, а я

по знанию моему, зная всегда, где ты находиться будешь, доставлять буду к тебе.

Затем прощайте, друзья мои милые, сердечные, родные. Христос с вами, ангел-хранитель, несчетно раз обоих целую и пребуду по гроб мой вернейший друг

А. Нащокин.

1834 года апреля 13 числа.

Москва.

Отпишите, как зовут и фамилию губернатора.³

10

Д. Н. Нагаева — В. А. Нащокиной

Около 13 апреля 1834 г.¹ Из Москвы в Тулу

Родная моя, милая хорошая дочка Верочка. Дай господи тебе быть здоровой и с мужем твоим. Посылаю к тебе письмо Петра Александровича. Я тебе пересказать не могу, как оно нас огорчило. Мы так и думали, что эта деревня пропала. Первое — что время коротко, как он пишет — за просрочку вам платить нечем.

Барин совершенно деревянный лежит, больше пугает меня. Пошла к князю просить. Тот еще больше испугал. Говорит: «За неделю заплачат тысяч пять». Хотела к вам эстафету послать. Говорит князь: «Я своего бурмистра пошлю к нам в деревню, чтобы подать ревизскую сказку». Ты не поверишь, как я плакала во весь день. Думаю: «между вами и им двоими² деревня пропала». Поехала к Николаю Францевичу, его спросить, чтобы успокоить себя. Его дома нету. Вот еще поехала к Поморцеву. Слава богу, он успокоил меня. Говорит: «отсрочка на три месяца — это до августа. Верочке Александровне нечего теперь делать. Деревня еще не введена ей во владение, а это надо подавать Петру Александровичу самому ревизскую сказку, а он уж послал в Тверь, чтобы вам ее утвердили». Слава богу, теперь я успокоилась — времени довольно. Сделай милость, голубушка, послушайся нас, уговори Павла Воиновича, чтобы он приехал к нам. Дом готовый, пожалуй, и не выезжайте никуда, никто к вам не поедет. Отсюда и поедете в деревню всего лучше — сама ты посуди: кто же ее там примет без вас? Вот еще: если хочет Павел Воинович приписать своих дворовых людей, что надо сделать — купчую тебе их продать, потом уже и приписать можно. Завтра, если успею, то узнаю, не в закладе ли эта деревня у Петра Александровича. Если же нет, то бы вы ее и заложили для себя.

Вам надо самим приехать, за что вам напрасно за квартиру платить. Теперь я барину скажу, чтобы он дал приказ в деревню твою, что уж они не ихние, а твои. Тогда мы отправим вашу бывшую няньку и с мужем в вашу деревню, покуда до вас мужики их прокормят, приедете и разочтетесь с ними. К брату Павла Воиныча им ехать далеко и не с чем, а это будет лучше, как я советую. Пожалуйста, родная моя, делай дела как бы к лучшему. Зачем же вам упускать что следует. Так ты спроси Павла Воиныча насчет моего письма. Как он скажет, напиши ко мне. Вот еще: пришли, родная моя, свою булабочку на почте к нам, это верно же будет; то если нам дадут за нее деньги, как нам говорили, то ту же минуту я к вам и отправлю все, что дадут за нее денег, все к вам отправлю.

Послушай, родная моя, если вы сюда приедете, то думаю твое вызолоченное дежене³ продадим — вот вам и будут деньги, с чем вам ехать в деревню.

Вот еще что важное же дело: священники все свои бумаги подают в консисторию после нового года вскоре, а ты, моя родная, вышла за-

муж после нового года, следственно об тебе и не подано. Так я напишу в Воскресенское⁴ к священнику, чтобы он дал знать консистории, что ты венчана у него в приходе. Потом надо взять из консистории свидетельство об этом, потому что надо будет ее под твое *«нрзб.»*, а то почему же они будут знать, что ты замужем за Нащокиным? Как же они в Твери то сделают? Прочти Павлу Воиному и отпиши поскорее, пожалуйста. Ничего, ради бога, не пропускай. Прощай, мое сокровище, родная, Христос с тобою, целую тебя, а ты поцелуй за меня мужа своего.

Послушай, не продать ли мне твой сервиз-от без тебя и деньги прислать к вам. Вообрази, что я нынче не шла, не ела с огорченья, что деревня не твоя, что я нездорова сделалась, теперь покушаю и лягу отдохнуть. Пришли братья твои, здоровы. За Грушу⁵ благодарю, что ты ее приглашаешь к себе. Она для тебя послужила верно. Как же я-то останусь без нее.

11

А. П. Нащокин — В. А. Нащокиной

16 апреля 1834 г. Из Москвы в Тулу

Друг мой милый, родной, сердечный, Верочка.

Хотел было писать к тебе про старину, но это только оскорблять и себя и вас, ибо век не тот и люди не те стали. Я думал, что вы приедете вместе со мною разговеться, но этого не случилось ничего. Так поздравляю вас с высочайшим праздником воскресения милосердного Христа, спасителя нашего, дай бог вам разговеться благополучно и быть здоровым, награди вас бог своею милостию. Затем прощайте, друзья мои родные, Христос с вами, ангел-хранитель, несчетно раз вас обоих целую. Что вы зажились в Туле, бог вас знает, какая бы разница была и для вас и для меня, если бы мы были вместе, и праздники проводить гораздо приятнее, и веселее было. Хочется карету к вам прислать — дорого просят, 75 рублей, однако как-нибудь да постараюсь отправить. Прощайте, друзья мои милые, родные. Христос с вами.

А. Нащокин.

16-го Апреля
1834-го года.

12

А. П. Нащокин — В. А. Нащокиной

«Май 1834 г. Из Москвы в Тулу»

Христос воскрес!

Друг мой милый, родной, сердечное мое сокровище Верочка!

Мы уже имеем известие о привозе тебе кареты от извозчика, который возил ее и возвратился. Он нам сказал, что ты сама выходила, моя голубушка, смотреть ее и что он ее привез в целости. Я боялся, чтобы он ее не испортил, но от тебя ни строчки до сих пор нету, что ты, мой милый друг, родной, здорова ли ты. Отпиши к нам поскорее, что с тобою и с мужем твоим делается, здоровы ли вы оба. Ну теперь пускай маменька дописывает. Прощайте, родные мои, бесценные. Христос с вами, ангел-хранитель. Несчетно раз обоих вас целую и пребуду по гроб мой верный друг ваш

А. Нащокин.

«Приписка А. П. Нащокина»:

Христос воскрес!

Вот две недели прошло, что от вас ни одной строчки нет. Ах, моя родная, милая, вы нас совсем сокрушили. Сделай божескую милость — отпишите, здоровы ли вы? Что с вами делается, отчего такое молчание.

Приписка Д. Н. Нагаевой:

Посмотри, родная моя, как милый друг стал дурно писать. Совсем не видит. Деревня ваша не в закладе, наверное.

Вторая приписка (письмо) Д. Н. Нагаевой:

Христос воскрес!

Родное мое сокровище бесценное и друг мой сердечный Верочка! Желаем тебе и мужу твоему голубчику быть здоровым, быть счастливым и любить друг друга. Об этом я и прошу бога, чтобы вы были здоровы и согласны во всем. Меня здесь напугали смертельно, сказали, что Павел Воинович нездоров. От вас же писем нету. Отпиши, пожалуйста, здоровы ли вы оба. Ездил я смотреть деревушку,¹ премерзкая и мужики очень разорены. Прощай, моя родная красавица, Христос с вами, целую вас обоих. Павла Воиновича женщины приходят смотреть твой портрет, очень рады вас видеть и не дождутся, когда вы приедете. У этой женщины есть девочка десяти лет, то она просит, если тебе надобно, то отдать бы ее в ученье, у ней берут ее в бахромщицы учить, то это для тебя не нужно, то скажи Павлу Воиновичу об этом, вот бы ее отдать Гриневым² учиться пить в пьельцах. Скажи, пожалуйста, Павлу Воиновичу, как он прикажет этой женщине. Другая дочь ее у тебя служит, очень благодарит и богу молит за тебя, что ты ее жалеешь дочку. Прощай, мое сокровище родное. Федор мой уж об княгине³ перестал плакать. Как я на него рассержусь, сейчас заплачет об Вере Александровне, вот я и прощу во всем его.

13

А. П. Нащокин — В. А. Нащокиной

18 мая 1834 г. Из Москвы в Тулу

Друг мой милый, родное сокровище мое, Верочка! Любезный мой Павел Воинович!

Вы поехали от князя Трубецкого с тем, чтобы из Тулы переписавшись с Александрой Петровною,¹ но были вы у нее или нет, мне это неизвестно. А только ведомо то, что вы никуда, неподвижно проживаете в Туле. Как будто бы Тула отдана была под присмотр ваш и проживаете как за квартиру, так и за все другое очень дорого. Между тем я ожидал вас к себе, устроил бы так, чтобы вы очень у меня покойно жили и несравненно для вас дешевле, а для меня гораздо приятнее было — при закате дней моих пожил бы с вами вместе, но видно, что судьбе не угодно было меня, старика, тем порадовать и так я вопреки, а сходно только с искреннейшим и душевным моим чувством повидаюсь с вами, проезжая в Воронеж поклониться святому угоднику Митрофану и проезжая через Тулу. Если творцу небесному угодно будет совершить мое желание, не далее как через неделю заеду к вам и погощу у вас дня три-четыре. Вы не поверите, как я восхищаюсь радостью с вами увидеться. Итак, до свидания, прощайте, мои милые, сердечные и драгоценные друзья. Несчетно раз вас обоих целую. Христос с вами, ангел-хранитель, пребуду сердечнейший друг ваш А. Нащокин.

Приписка Д. Н. Нагаевой:

Христос воскрес, родная моя, милая послушная дочка Верочка! Желаю тебе и мужу твоему быть здоровыми. Я не дождусь этого времени, когда я или барин поедем в Воронеж. Не могу вообразить, как я тебя увижу, все говорят — ты очень похудела. Родная моя, дом я свой застраховала, теперь перезакладываем его. Все нам хочется деревушку какую-нибудь купить, а в Москве нам невозможно жить. Нам уж съскали деревню подле Можайска 4 версты, а от Москвы 90 верст, 36 душ.

Отдают ее от крайности за 10 тысяч. Только нам и надо внести 3 тысячи 500 рублей, а то не заложить и отдать продавщику. Хотели нынче приехать смотреть дом и привезти бумаги на деревню. Надо видеть, есть ли лес и земля господская. Говорят — мужики в хорошем положении. Деньги же за нее требуют в самом скором времени. Не знаю, успеем ли мы это все обделать. Мы прибили к дому билет, что внаймы отдается. Ты не поверишь, человека три в день придут нанимать. Вот как мы выедем отсюда, тотчас отдадим. Милый друг хочет бант бриллиантовый выкупить и привезти к тебе. Родная моя, что делать! Исправимся, бог даст, все отдадим тебе, что твое есть у нас. Аленушка ваша рубашечки шьет,² эдакая скука их шить, говорит, лучше бы я больших дюжину шила. Какие прекрасные будут! Родная моя, у меня пропал мой салоп атласный, черный в одну ночь. Лежал, лежал в этой комнате, что против спальни. Ванюшка Каретников³ унес и все шьет с тех пор. Приедет Петр Александрович, скажу ему об этом.

Прощай, мое сокровище прекрасное. Христос с тобою, целую тебя и мужа твоего. Дети мои тебя целуют.

18-го мая 1834-го года. Москва.

14

Д. Н. Нагаева — В. А. Нацокиной

Около 18 мая—20 июня 1834 г. Из Москвы в Тулу

Друг мой сердечный, любезная моя дочка.

Что вы это не пишете ко мне писем? Вы, верно, не решаетесь к нам об этом писать, что барин к вам в деревню хочет ехать. Я поверю, да мне кажется, он вам беспокойства мало сделает. Он меньше нынче проказничает. Я же не допущу вас ни до каких неприятностей и издержек. В понедельник мы получим за дом деньги и вам пришлю, а сама поеду во вторник или в среду. Как досадно — Савелов уехал в деревню, у него свадьба, а то бы я и дело кончила по новой деревне.¹ Может, мы и туда уедем. Можайск только 5 верст, квартиры дешевы и дрова. Это и вам и нам покойнее будет, а то я с детьми далеко буду жить — если у вас.

Мы к вам отправили фортепьяно, туалет, бюро и два стола, комод. Пиши, пожалуйста, что, как вы думаете? Я к вам сколько раз писала, а вы не отвечаете. Христос с вами. Целую вас обоих.

«Приписка А. П. Нацокина»:

Друзья мои сердечные, милые, Павел Воинович и драгоценная Верочка.

Смотри, мой друг сердечный, Павел Воинович, не прокарауль чего в Туле. Ты дожидаяешься из Петербурга денег от Пушкина, так ты весь век прождешь, ибо он кроме стихов ни алтына денег тебе не пришлет. Наверное, Даша² к вам очень скоро будет, а я вслед. Только вы меня сокрушили своим молчанием, давно уже от вас ни строчки не было. Здоровы ли вы, мои милые, родные. Напишите о себе поскорее. За тем прощайте. Христос с вами. Несчетно раз обоих вас целую и пребуду по гроб мой вернейший друг ваш.

А. Нацокин.

«Приписка Д. Н. Нагаевой»:

Ни он, ни я в Тулу не поедем.

Д. Н. Нагаева — В. А. Нащокиной

20 июня 1834 г. Из Москвы в Тулу

Друг мой родной, прекрасная моя, сокровище мое родное.

Я в таком теперь огорчении и досаде, насилу могу писать: который нам человек давал деньги под заем девять тысяч, все дела кончили и справки вынесены все, только бы нынче получать, а он разбойник и отказал и что не дает нам денег. Теперь Николай Францевич поехал искать у других, да все это еще продлится неделя или больше. Будь покойна, родная моя, барин уж не хочет к вам ехать в деревню. Это все пустое. Он подумал, куда забиваться во всякую маленькую деревушку. Может ли он жить в крестьянской избе 250 верст от Москвы, дети в Москве останутся, когда же я их увижу. Это все пустяки, родная, будь покойна. Ему никуда ехать нельзя.

Мы теперь остановили мебель, которую хотели послать к вам в деревню, разве вы поедете, тогда все и отправим для вас, что нужно вам, то можно очень туда ехать, если только исправитесь. Ты говоришь, эта деревня не введена еще во владение. Разве вас будут искать, где вы, и пошлют вам сказать об этом? Довольно и того — бурмистр Пестра Александровича не вступается ни во что, а выбрал у вас старосту, и волосовские мужики, которые тут жили, уже не падут землю, а в Волосово¹ им отвели. Вот эта земля и барская, может быть, теперь не пахана у вас. Может быть, не отписать ли тебе к старосте-то письмо, чтобы он к вам побывал, вы и переговоритесь с ним, узнаете обо всем. А старосту зовут *Яков Акимов*. Отписать в Торжок бурмистру Ивану Никитину в Волосово, чтобы он и передал *Якову Акимову*. Он недалеко живет от Волосова.

Ах, моя родная, сокровище, как бы я утешилась, что я тебе бы какое удовольствие могла сделать, теперь должна ждать, не знаю сколько время. Прощай, мое сокровище родное, бесценная моя, дай бог, чтобы вы оба были здоровы. Что это Павел Воинович все головой нездоров? Есть ли у вас там доктора-то? Пожалуйста, предпиши скорее к своему старосте. Вот к Петрову дню они должны оброк вам вносить, сполна надобно.

Напрасно вы думали, что милый друг не отдает эту деревню, — можно ли подумать. Ему только хотелось с тобою пожить. Об этом нечего теперь, он уж хочет ехать в Семеновское, остановиться в третьем номере,² и будет на своем коште жить и не вступаться ни во что. В деревне денег для него довольно будет. Я очень этому рада буду, а уж вы думали, что мы своим семейством на вас навяжемся. Как это возможно подумать. Прощай, мое сокровище, хорошая. Какая жалость, Бове Осип Иванович умер в девятый день.³ Авдотья Семеновна⁴ в отчаянии. Братья тебя целуют.

20-го июня
1834-го года.

А. П. Нащокин — Д. Н. Нагаевой, В. А. и П. В. Нащокиным

30 июня 1834 г. Из с. Рай-Семеновского в Тулу

Друзья мои родные, милые, сердечные Дапилька, Верочка и Павел Воинович!

Я в Семеновском, благополучно доехал и в проезде через Подольск слышал, что Тула вся выгорела,¹ почему чрезвычайно опасаясь, чтобы с Верочкой чего-нибудь не случилось. Это в теперешнем ее положении очень опасно, почему и отправляю нарочно Веру Сушакову узнать, не

случилось ли чего-нибудь неприятного, и меня уведоь обо всем обстоятельно, как можно поспешнее, ибо если в первый раз что-нибудь случится, то уже никогда благополучно родить не может.

Затем прощайте, друзья родные, вернейший по гроб друг ваш
А. Нащокин.

30 июня 1834 года.
Семеновское.

17

А. П. Нащокин — В. А. Нащокиной

Начало июля 1834 г. Из Рай-Семеновского в Тулу

Друг мой родной, сердечный, сокровище бесценное, Верочка!

Пришел ко мне мужичок из Волосова с рапортом из твоей вотчины Глебова.¹ Я у него обо всем расспрашивал. Он сказывал, что у них в Глебове строения наипрекраснейшие, избы с балконами. Словом сказать, хотя бы и вам жить, и они с большим нетерпением вас ожидают к себе в гости и хотят угощать как новую свою барыню. Говорят, что они вас со слезами встретят. Народ там очень опрятный, чистый и чрезвычайно ласковый. Когда мы с Лизаветой Семеновной приезжали, они пришли ночью просить позволения посмотреть, как она почивает. Ласковость их трогательна. Я бы, ей-богу, советовал вам побывать в той стороне, разве тульские занятия попрепятствуют вам туда ехать. Вот вам, друзья мои родные, описания сельца Глебова. Затем прощайте, мои родные, Христос с вами, ангел-хранитель, несчетно обоих вас целую и пребуду по гроб мой вернейший друг ваш

А. Нащокин.

«Преписка Д. Н. Нагаевой»:

Петра Александровича бурмистр выбрал старосту в Глебове, это очень хорошо. Без начальника нельзя.

18

А. П. Нащокин — В. А. и П. В. Нащокиным

30 августа 1834 г. Из Рай-Семеновского в Глебова

Матушка, друзья мои родные, Верочка и Павел Воинович.

Очень, очень чрезвычайно тебя благодарю, голубушка моя драгоценная, за такие аккуратные от тебя уведомления. Пиши смело обо всем на свете. Ты мне, мой ангел, сокровище мое бесценное, никогда не наскучишь. Я рад душою наставлять тебя на путь истинный, лишь бы только несчастнейшая моя болезнь дозволила давать тебе хорошие и выгодные советы. Я никогда на свете не поскучаю наставлять тебя, сколько силы и здоровье мое позволит. Я очень рад, что манера моя писать по пунктам тебе понравилась, и, конечно, я нахожу, что эта манера гораздо яснее и приятнее для объяснения порядочным манером, что нужно. Итак, я начинаю своим манером писать к тебе, душа моя.

1-е. Сельцо Глебово, хотя ты и пишешь, что у тебя охотно его торгуют, я очень поверю этому, ибо деревенька хотя и невелика, но прекрасная и весьма выгодная. Петр Александрович Остапково свое соглашается продать тебе и просит по 700 р. за душу; но я считаю, что это дорого. Итак, вы сочитесь и сообразите хорошенько, почем можно ему давать за душу, и уведомите меня поскорее, то я непременно тебе, мой друг прелестный, тебе ее куплю, только уведомите меня как можно поскорее.

2-е. Ты пишешь, мой друг, что ты получила от глебовских крестьян только 200 р., то, верно, Иван Никитин¹ содрал с них оброк заранее, и так скажи Павлу Воиновичу, чтобы он (т. е. Петр Александрович, —

Г. Н., В. З.) без дальней ссоры отдал им (т. е. П. В. и В. А. Нащокиным, — Г. Н., В. З.) надлежащий оброк, что с глебовских крестьян следовало, добровольно, без чего он со мною самим дешево не разделяется. Я же, когда творцу небесному угодно будет благословить меня благополучным возвращением из Воронежа, откуда привезу к тебе, мой друг родной, колечек, образов и всего того, что там только достану, и, возвратясь в Москву, поеду нарочно повидаться с Иваном Никитиным.

3-й. Что ж касается до Глебова, что у тебя Глебово охотно торгуют, я этому очень поверю, ибо я такую им вошь влил в самую середку, без которой им очень трудно будет. Итак ты, друг мой родной, сердечный, сельцо Глебово меньше 1000 рублей за душу не бери ни под каким видом, ибо кто у тебя торгует, хотя и жаться станет и выживать тебя оттуда, наверно, дадут по 1000 рублей ассигнациями за душу. Послушай меня, мой друг сердечный, подержись цене покрепче. Эти торгаши, верно, ищут, чтобы тебя сбить с толку долой.

4. Пожалуйста, поговори хорошенько с этой барыней, которая имеет в Глебове часть, не продаст ли она свою часть тебе. Это бы чрезвычайно хорошо было для Глебова, и тогда вы бы были полные владельцы всего селения. А в доме ее, я слышу, что есть большая горница, из которой можно бы было сделать домовую церковь, итак, имевши церковь в доме, было бы тебе отменно приятно, и благодать творца небесного была бы с тобою неразлучно вместе.

5-й. Теперь окончательно скажу тебе, родная моя, что я в субботу, то есть 1-го сентября, думаю, помолясь милосердному спасителю, отправиться в Воронеж, откуда, если господь благословит, благополучно приехать. Я считаю, что сие будет около 20-х чисел сентября. А может быть, удастся поспеть и к 17-му сентябрю, с которым от всей души и сердца моего тебя, душа моя, ненаглядная, поздравляю, равно и с рождением твоим, дай господи тебе всех благ от милосердного творца небесного; пожалуйста, прошу тебя и Павла Воиновича, приезжайте к нам к этому дню непременно.

Затем прощайте, мои сокровища, милые, родные, Христос с вами, ангел-хранитель. Несчетно раз обоих вас целую и пребуду по гроб мой вернейший друг ваш А. Нащокин.

Да скажи мужу своему, что он за ленивец такой, что ни строчки не пишет. Это, право, нехорошо.

«Приписка (письмо) Д. Н. Нагаевой»:

30-го Августа 1834-го года.

Матушка, родная моя, прекрасная красавица и сокровище нецененное Верочка. Видишь, как я тебя люблю, не найду слов, как тебя еще назвать. Слава тебе господи, что ты и Павел Воинович здоровы, а то я опять начала грустить, что ничего от вас не слышать было. Мы еще живем в Семеновском, а дети в Москве. Я уже без тебя два раза побывала в Москве, слава богу, что мы застраховали его (дом, — Г. Н., В. З.), а то всякий день все пожары необыкновенные, Рогожская вся сгорела и две церкви, очень много горит всякий день. Наши в Москве ни одну ночь не спят, все ходят вокруг дома и все караулят всякий свой дом.

Я очень боюсь, если вы эту деревню продадите, а другой не купите, чем тогда будешь жить? У тебя вот и детки будут. Смотри, мое сокровище, не останься без куска хлеба, у тебя только и именье, что Глебово.² Напиши к милому другу, сколько у вас душ. Прежде было 22 души, а теперь должно больше быть, а подмосковную мы вам пишем, можно очень выгодно купить. Павел Воинович может из своих денег прибавить тысяч десять, так это бы очень хорошую можно купить. Дурасов Егор Александрович³ купил подмосковную, заплатил 20 тысяч, а лесу продал на 60 тысяч. Вот бы с Дашею⁴ и вам бог дал, с деньгами-то можно приискать. Дай бог вам, прощай, мое сокровище. Всякую минуту прошу вас, чтобы вы были здоровы.

Вторая приписка в письме Д. Н. Нагаевой — П. В. и В. А. Нащокиным:

Батюшка, родная моя, сокровище. Еще хочу тебе написать: ты не поверишь, как мне хочется тебя видеть. Не дождусь этого времени, когда это будет. Мы, мое сокровище, едем в Воронеж 1 числа сентября, то ты, если будешь писать, пиши в Москву, а нам перешлют. Иванушка Щекин⁵ записки твоей нам не отдавал. Скажи, моя прекрасная, своему мужу, чтобы он отписал к своему доктору: не приищет ли он вам выгодную деревню купить-то. Он хороший человек, деревень очень много. Вот я ездила по новой Владимирской дороге, так там Голицын, князь какой-то не помню, купил деревню-то — от Москвы 50 верст, на большой дороге, 50 душ и дом, сад, оранжерея и пруд. Он довольно заплатил — 50 тысяч, а лесу тут, мужики сказывали, на двести тысяч так много, вот когда деревня та выгодная. Дай бог вам сделать, а то, помилуй бог, что ты с собою сделаешь, как эту продашь, другой не купишь. Праздник наш был очень скучен, гостей мало было. Ну да нынче нечему и веселиться, все несчастья такие: вот даже дождей нету нигде, многие речки пересохли, а в Москве все пожары — наказание божье на нас грешных.

Петру Александровичу милый друг говорил о деревне Осташково. Ему без брата нельзя сделать, надо посоветовать. Они же хотят делиться, Павла Александровича нет еще в Семеновском. Ну да бог с ними, как они хотят. У них четыре тысячи душ.

Прощай, моя матушка родная, сокровище. Как не хочется перестать к тебе писать, точно с тобою говорю. Белье твоему дитятеньке⁶ шьют. Милый друг говорит: «не дождусь, когда я увижу Верочкиных детей». Кажется, и Анна Михайловна⁷ тяжелая. Как она рада, дай бог им наследника. Прощай, матушка. Целую твои ручки и ножки. Поцелуй за меня мужа своего. Я от князя получила письмо, кланяется вам обоим. Он очень испугался, как Тула сгорела, что вы там жили. Вообрази, моя родная, Тулу же я нынче очень люблю, вот расцелую все твои дорожки, где ты ходила, и не нагляжусь на твой домик. Пошлю за Авдотьей,⁸ которую полюбила. Все тебе семеновские жители кланяются и ручки целуют и рассказывают мне, как они тебе рады были.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. А. П. Нащокин — П. В. и В. А. Нащокиным.

¹ Скюдери Петр Антонович — московский врач, коллежский ассессор при Кремлевской экспедиции.

² Имеется в виду герб рода Нащокиных (см. его описание в кн.: Общий гербовник дворянских родов Всероссийской империи. СПб., 1799, ч. 3, отд.-ние 1, № 14).

³ К 17 февраля 1834 г. Однако А. П. Нащокин ошибается в две недели: 17 февраля 1834 г. приходилось на субботу (см.: Месяцеслов и общий штат Российской империи на 1834 год. СПб., 1833).

⁴ Речь идет о губернаторе г. Тулы — Е. А. Зурове (1798—1871).

⁵ Нарские Лев и Михаил Александровичи — внебрачные сыновья Александра Петровича Нащокина и Дарьи Нестеровны Нагаевой, братья Веры Александровны Нащокиной. См. копию прошения А. П. Нащокина и его законных сыновей от 3 октября 1832 г. на имя Николая I (ЦГИА, ф. 1343, оп. 26, № 660, л. 98), где, перечисляя своих незаконнорожденных детей — «малолетних воспитанников», А. П. Нащокин называет Льва, Михаила, Федора и Веру. В последующих письмах они будут фигурировать как «Левочка», «Левинька», «Мишенька», «Мишелинька», «Фединька».

2. Д. Н. Нагаева — В. А. Нащокиной.

¹ Очевидно, это письмо было написано одновременно с письмом № 1.

² Анна Михайловна Нащокина, урожд. Еропкина — невестка А. П. Нащокина, жена его старшего сына Петра Александровича.

³ Имеются в виду дворюкы П. В. Нащокина.

⁴ Истинная судьба ребенка утонувшей дочери доктора Скюдери неизвестна.

⁵ «Барин» — так называет Д. Н. Нагаева своего фактического мужа А. П. Нащокина. В последующих письмах она называет его также «милый друг».

⁶ Очевидно, доверенный П. В. Нащокина Кнерцер Андрей Христофорович (1789—1853), механик, купец 2-й гильдии. О нем идет речь в переписке Пушкина с П. В. Нащокиным в 1832—1836 гг.

⁷ Возможно, Алексей Григорьевич Поморцев, коллежский секретарь (см.: Книга адресов столицы Москвы, изданная майором Метелеркампом и К. Нистремом. Т. II. М., 1839, с. 137).

⁸ Петр Александрович Нащокин (1793—1864) — старший сын А. П. Нащокина, сводный брат В. А. Нащокиной, троюродный племянник П. В. Нащокина, тульский помещик. О знакомстве его с Пушкиным свидетельствует письмо П. В. Нащокина поэту от декабря 1836 г.: «Я к тебе писал с П. А. Нащокиным; не знаю, получил ли ты мое письмо» (XIV, 212).

⁹ Анна Петровна — очевидно, няня или служанка В. А. Нащокиной.

3. Д. Н. Нагаева — В. А. Нащокиной.

¹ Прасковья Семеновна Окулова, урожд. Хвостова (1772—1864) — свояченица А. П. Нащокина, сестра его жены Елизаветы Семеновны и свекровь Анастасии Воиновны Окуловой; помещица, владевшая имением Никульское Московской губернии, Подольского уезда.

² Анастасия Воиновна Окулова (Акулова), урожд. Нащокина (1797—1862) — жена Матвея Алексеевича Окулова, сестра П. В. Нащокина. Пушкин был знаком с А. В. и М. А. Окуловыми и в свои приезды в Москву бывал в их доме (см. письмо Пушкина к Вяземскому от 7 мая 1836 г. с упоминанием об Окулове: XVI, 113).

³ Павел Александрович Нащокин (1798—1843) — сын А. П. Нащокина, сводный брат В. А. Нащокиной, троюродный племянник П. В. Нащокина, знакомый Пушкина еще с лицейских лет.

⁴ Речь идет о Павле — внебрачном сыне Павла Воиновича Нащокина и Ольги Андреевны Солдатовой. О нем и о дружеском отношении к нему В. А. Нащокиной идет речь в письме П. В. Нащокина к Пушкину из Тулы от конца апреля 1834 г. (XV, 135). Имя Павла Павловича несколько раз упомянуто в переписке Пушкина с Нащокиным в 1831—1834 гг. Так, в письме от 15 июня 1831 г. Нащокин поручает Пушкину — на случай своей смерти во время эпидемии холеры — «заботы о сыне: «... а проценты половину на воспитание сына <...> а другую на содержание матери» (XIV, 192). В конце 1833 г., когда Нащокин намеревался расстаться с О. А. Солдатовой, он обратился к Пушкину с просьбой пристроить его побочного сына, о чем свидетельствует письмо к нему поэта от 10-х чисел (после 12-го) декабря 1833 г. (XV, 99). В дневниковой записи Пушкина от 19 июня 1834 г. также речь идет о Павле Павловиче: «19 числа послал 1000 Нащокину. Слава богу! слухи о смерти его сына ложны» (XII, 331).

⁵ Имеется в виду князь Иван Алексеевич Трубецкой, приятель П. В. Нащокина. В подмосковном имении И. А. Трубецкого селе Воскресенском Нащокин обвенчался с В. А. Нарской.

⁶ Т. е. образок.

⁷ Д. Н. Нагаева была владелицей дома в Москве — на углу Скатертного и Мерзляковского пер., дом 229; сейчас на этом месте дом под номером 2/7. См.: Беляничков Н. Дом Мерзляковского переулка. — Вечерняя Москва, 1971, 17 апреля.

⁸ «Волшебный (или «Вольный») стрелок» («Der Freischütz») — опера Карла Мари фон Вебера (1786—1826). Здесь идет речь о возобновленной постановке оперы в Большом театре. Газета «Московские ведомости» сообщила 10 февраля 1834 г.: «В понедельник, 12 февраля, в счет абонеента, и во вторник, 13 февраля, не в счет абонеента, по возобновлении в первый раз Волшебный стрелок <...> новая декорация 2-го акта, представляющая вольчью долину <...> все машины вновь устроены...». Судя по словам Л. А. Нарского в этом письме, он присутствовал на одном из этих спектаклей (12 или 13 февраля). Заметим, что оперу Вебера «Фрейшиц», имевшую в России чрезвычайный успех и популярность, Пушкин упоминает в третьей главе «Евгения Онегина» (строфа XXXI).

⁹ Верушка — Вера Сушакова, дворовая А. П. Нащокина.

4. Д. Н. Нагаева — В. А. Нащокиной.

¹ Груша — по-видимому, дворовая Петра Александровича Нащокина.

5. А. П. Нащокин — В. А. Нащокиной.

¹ Матвей Алексеевич Окулов (1793—1853) — сын Прасковьи Семеновны Окуловой, муж Анастасии Воиновны Нащокиной, директор училищ Московской губернии, действительный статский советник, камергер; знакомый Пушкина.

² Имеются в виду Петр и Павел Александровичи Нащокины.

³ Т. е. Петр Александрович Нащокин. Здесь идет речь о спорах между А. П. Нащокиным и его законными сыновьями по поводу сельца Глебово Новоторжского уезда Тверской губернии (см. ниже в этом же письме) — приданом В. А. Нащокиной.

⁴ Т. е. поверенный А. П. Нащокина.

⁵ «Разбойником» называет А. П. Нащокин своего сына Петра. См. ту же характеристику П. А. Нащокина в письме А. Я. Булгакова к брату К. Я. Булгакову от 13 апреля 1827 г.: «...известный разбойник Нащокин обдул какого-то молодого человека, коего увез играть в Серпухов» (см.: Пушкин П. Письма, т. II. Под ред. и с примеч. Б. Л. Модзалевского. М.—Л., 1935, с. 247).

⁶ Очевидно, жена князя Ивана Алексеевича Трубецкого.

⁷ Эта прешписка Д. Н. Нагаевой была сделана, очевидно, после того, как спор А. П. Нащокина с его законными сыновьями о выдаче В. А. Нащокиной ее приданого — деревни-сельца Глебово закончился обоюдным согласием.

6. Д. Н. Нагаева — В. А. Нащокиной.

¹ Гольцы — речная рыба.

² Речь идет о тульском губернаторе Е. А. Зурове.

³ Имеется в виду с. Никульское Московской губернии, Подольского уезда (рядом с с. Остафьевым).

⁴ Именье Нащокиных Рай-Семеновское Московской губернии, Серпуховского уезда.

⁵ Возможно, княгиня Трубецкая.

⁶ Имеется в виду «Морской разбойник Цампа, или Мраморная невеста» — опера Луи Жозефа Фердинанда Герольда (1791—1833). В Москве эта опера была поставлена в 1833 г. и пользовалась необычайной популярностью. Отдельные номера из «Цампы», в частности кадрили, были излюбленными в домашнем музицировании.

⁷ Федор Александрович Нарский (1826—1906) — сын А. П. Нащокина и Д. Н. Нагаевой, брат В. А. Нащокиной.

7. Д. Н. Нагаева — В. А. Нащокиной.

¹ Речь идет о библиотеке Нащокиных (или ее части), находившейся в доме Д. Н. Нагаевой в Москве.

² Модест — дворовый Нащокиных.

³ Сазонов — по всей вероятности, ростовщик.

⁴ Имеется в виду Иван Алексеевич Трубецкой.

⁵ По всей вероятности, речь идет о Федоре Дмитриевиче Одинцове, коллежском асессоре, старшем землемере 1-го отделения чертежной комиссии для строения в Москве.

⁶ Анатолийка — возможно, воспитанник А. П. Нащокина и Д. Н. Нагаевой.

⁷ Карл Генрихович Жоли — зубной врач, владелец дома на Рождественке, близ Трубы (старое название Трубиной площади).

⁸ Анетка — возможно, воспитанница А. П. Нащокина и Д. Н. Нагаевой.

⁹ Речь идет об Александре Петровне Масловой, урожд. Нелидовой, тетке П. В. Нащокина, сестре его матери Клеопатры Петровны Нащокиной.

¹⁰ Елизавета Владимировна — вероятно, родственница Окуловых, которую они хотели выдать замуж за П. В. Нащокина.

¹¹ Губернатор Е. А. Зуров в это время уехал из Тулы в Москву для лечения. Однако во время пожаров, возникших в Туле летом 1834 г. (об этом говорится в последующих письмах), он, несмотря на свое недомогание, вернулся в Тулу.

8. Д. Н. Нагаева — В. А. Нащокиной.

¹ О своем недуге — приливах к голове П. В. Нащокин писал Пушкину в это же время из Тулы (см. письмо от конца марта 1834 г.: XV, 120).

² Василий Воинович Нащокин (род. 1796) — старший брат П. В. Нащокина, костромской помещик. Василий Воинович и его жена А. Н. Панова упоминаются в переписке Пушкина с П. В. Нащокиным (1831, 1832, 1834 гг.). В конце января 1832 г. Пушкин в письме к П. В. Нащокину писал: «Письмо твое о твоём брате ужасно хорошо» (XV, 8). В публикуемом письме идет речь об имени В. В. Нащокина в с. Шишкино Костромской губернии.

³ Всин (Доримедонт) Васильевич Нащокин (1742—1806) — отец П. В. и В. В. Нащокиных.

9. А. П. Нащокин — В. А. Нащокиной.

¹ Елизавета Семеновна Нащокина, урожд. Хвостова (ум. 1810?) — жена А. П. Нащокина.

² Имеется в виду с. Глебово. По этому поводу П. В. Нащокин писал Пушкину: «... хуже всего, что я рискую заплатить штраф — как за своих дворовых людей, которых числом до тридцати, так и за деревню жены моей, за непредставление ревизских сказок <...> и все потому, что я не могу выехать из Тулы, в которую я прехал на короткое время, именно дожидаться твоих денег — и ехать — потом в деревню, провести лето» (XV, 169).

³ Здесь говорится о губернаторе Тулы Е. А. Зурове.

10. Д. Н. Нагаева — В. А. Нащокиной.

¹ Это письмо было написано, очевидно, одновременно с письмом № 9.

² Д. Н. Нагаева говорит о Петре Александровиче Нащокине.

³ Дежне (le déjeuner) — прибор (или сервиз) для завтрака.

⁴ Воскресенское — имение кн. И. А. Трубецкого, где венчались В. А. и П. В. Нащокины.

⁵ Груша — Агриппина Нестеровна Нагаева, сестра Дарьи Нестеровны, тетка В. А. Нащокиной. По словам потомков Нащокиных, после смерти Д. Н. Нагаевой А. В. Нагаева заменила мать своим племянникам.

12. А. П. Нащокин — В. А. Нащокиной.

¹ Речь идет о намерении Д. Н. Нагаевой купить деревню (см. письма № 3 и 13).

² Возможно, семья Гринева Петра Терентьевича (ум. 1841), коллежского асессора, помещика, депутата дворянского собрания Подольского уезда Московской губернии.

³ Очевидно, речь идет о княгине Трубецкой.

13. А. П. Нащокин — В. А. Нащокиной.

¹ Александра Петровна Маслова (см. письмо № 7, примеч. 9).

² Д. Н. Нагаева говорит о приданом, которое готовили будущему ребенку В. А. Нащокиной.

³ Ванюшка Каретников — дворовый Нащокиных.

14. Д. Н. Нагаева — В. А. Нащокиной.

¹ Речь идет о деревне, которую собиралась купить Д. Н. Нагаева.

² Даша — Дарья Нестеровна Нагаева.

15. Д. Н. Нагаева — В. А. Нащокиной.

¹ Волосово — село Новоторжского уезда Тверской губернии.

² Речь идет о флигеле в усадьбе.

³ Бове Осип (Йосиф) Иванович (1785—1834) — архитектор. День его смерти — 16 июня.

⁴ Авдотья Семеновна — жена О. И. Бове, урожд. Гурьева, в первом браке кн. Трубецкая (1787—1871).

16. А. П. Нащокин — Д. Н. Нагасвой, В. А. и П. В. Нащокиным.

¹ Тула горела дважды — в апреле и в конце июня 1834 г.

17. А. П. Нащокин — В. А. Нащокиной.

¹ Судя по этим словам, к концу июня 1834 г. В. А. Нащокина вступила во владение Глебовым. В письме к Пушкину от 12 декабря 1834 г. П. В. Нащокин сообщает: «Теперь я в Москве <...> Я пробуду здесь до конца марта. Слава богу, здоров, но все не так, как в деревне» (т. е. в Глебове) (XV, 202—203). В ответном письме от 8 января 1835 г. Пушкин писал Нащокину: «С любопытством взглянул бы я на твою семейственную и деревенскую жизнь. Я знал тебя всегда под бурей и в качке. Какое действие имеет на тебя спокойствие? видал ли ты лошадей, выгруженных на Петербургской бирже? Они шатаются и не могут ходить. Не то ли и с тобою?» (XVI, 4).

18. А. П. Нащокин — В. А. и П. В. Нащокиным.

¹ Иван Никитин — бурмистр в с. Волосово.

² Впоследствии В. А. Нащокина, как свидетельствуют ее потомки, лишилась этой единственной своей вотчины.

³ Дурасов Егор Александрович (1781—1855) — действительный тайный советник, сенатор; знакомый Пушкина.

⁴ Даша — по-видимому, родственница Нащокиных.

⁵ Иванушка Щекин — очевидно, дворовый Нащокиных.

⁶ Речь идет о ребенке, которого ждала В. А. Нащокина.

⁷ Анна Михайловна Нащокина — жена Петра Александровича Нащокина.

⁸ Авдотья — дворовая Нащокиных.

III. ИЗ ИСТОРИИ ПУШКИНОВЕДЕНИЯ

М. П. АЛЕКСЕЕВ КАК ИССЛЕДОВАТЕЛЬ ПУШКИНА

В научном наследии выдающегося советского филолога академика Михаила Павловича Алексеева (1896—1981) трудам по пушкиноведению принадлежит особое место.

Деятельность М. П. Алексеева отличалась энциклопедической разносторонностью. Он занимался историей музыки, театра, эстетики в собственном смысле, английской, французской, немецкой, испанской и славянскими литературами, историей литературных и культурных взаимоотношений России с Западом и Востоком. Основной сферой своих занятий в последние десятилетия он считал сравнительное литературоведение. Но вся эта многообразная деятельность в конечном счете имела целью глубинное постижение русской литературы как существенной части мирового литературного процесса. Творчество Пушкина было для ученого одним из вершинных образцов русской культуры, и к нему М. П. Алексеев обращается уже на ранних этапах своего научного пути.

Углубленное изучение пушкинской эпохи ученый начал еще на студенческой скамье Киевского университета (1914—1918), когда писал работу о Бестужеве-Марлинском, позднее напечатанную («Этюды о Марлинском», 1928) и по сие время не утратившую своего значения, а сразу же по окончании университета он выступил со своей первой специальной пушкиноведческой статьей — о «Гавриилиаде», только что изданной под редакцией В. Я. Брюсова (1919). Уже в этой ранней работе определились характерные черты исследовательского почерка М. П. Алексеева — стремление ввести изучаемое произведение в широкий историко-литературный и культурный контекст. Не будучи принципиальным противником литературоведческой «экзегезы» — толкования, опирающегося преимущественно на внутритекстовые связи, М. П. Алексеев сам очень редко прибегал к этому методу: он считал необходимым изучать текст в конкретной историко-культурной среде, нередко возвращаясь к ранним замыслам, расширяя и обогащая их новыми фактами и наблюдениями. Так произошло и с «Гавриилиадой»: к этому сюжету ученый вернулся уже в последние годы.

В 1920—1927 гг. М. П. Алексеев — «профессорский стипендиат» Новороссийского (Одесского) университета по английской литературе, затем — консультант-библиограф и заведующий библиографическим отделом Одесской государственной публичной библиотеки. Одновременно он секретарь Пушкинской комиссии при Одесском доме ученых. Молодой ученый начинает систематическое изучение биографического окружения Пушкина на юге и шире — культурной атмосферы, в которой развивалось творчество Пушкина южного периода. Он с энтузиазмом разыскивает неизданные рукописные и иконографические материалы пушкинского времени, устанавливает контакты с пушкиноведами Москвы и Ленинграда. Под его редакцией Пушкинская комиссия выпускает три тома «Статей и материалов» о Пушкине, включивших «Материалы для биографического словаря одесских знакомых Пушкина» — образцовый библиографический справочник, основным участником которого был сам М. П. Алексеев. Это издание было заметным явлением в советской пушкиниане и до наших дней сохранило свою ценность. На его страницах были подняты темы, еще и

сейчас ожидающие фронтального исследования, подобно теме «Пушкин в библиотеке Воронцова», поставленной М. П. Алексеевым в специальной статье. Статья эта имела значение принципиальное: изучение книжных и рукописных собраний, с которыми соприкасался Пушкин на протяжении своей жизни, с этого времени стало в руках ученого эффективным средством проникновения в творческую лабораторию поэта. Разыскание книг, которые держал в руках Пушкин, — иной раз книг редчайших, — доставляло М. П. Алексееву подлинное исследовательское наслаждение и осуществлялось с редким эвристическим блеском. Прекрасное знание западноевропейских литератур позволяло ему свободно ориентироваться в этом книжном море. В специальной заметке 1946 г. он определяет несколько не поддававшихся ранее идентификации английских книг в описи пушкинской библиотеки; в 1961 г. пишет специальную, наиболее полную из существующих, работу об истории и составе библиотеки Вольтера в Государственной Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде, вновь затрагивая вопрос о работе в ней Пушкина; годом ранее создает фундаментальный труд по истории русских рукописных собраний, в котором специально останавливается на альбоме кн. Н. Б. Юсупова, проясняющем реалии пушкинского послания «К вельможе». Уже в последние годы он посвятил особую работу одной из книг «Всеобщей библиотеки романов», принадлежавшей Пушкину и содержавшей изложение немецкой народной книги о Фаусте (1979).

Работа в Одессе сделала М. П. Алексеева одним из лучших знатоков южного периода биографии и творчества Пушкина. Имя его к этому времени хорошо известно в Москве и Ленинграде; его обширная рецензия на первый том «Писем» Пушкина под редакцией Б. Л. Модзалевского (1928) еще более укрепила эту известность. Новый период его пушкиноведческой деятельности начался уже в Ленинграде, куда он приехал в 1933 г. после пятилетнего пребывания в Иркутске в качестве профессора кафедры всеобщей литературы Иркутского университета (с 1930 г. — Иркутский педагогический институт). В 1933 г. он уже профессор Ленинградского университета по кафедре зарубежных литератур, а с 1938 г. — заведующий кафедрой всеобщей литературы Ленинградского педагогического института им. А. И. Герцена. Во время Великой Отечественной войны он руководит кафедрой всеобщей литературы историко-филологического факультета Саратовского университета, а сразу же после окончания войны, вернувшись в Ленинград, избирается членом-корреспондентом Академии наук СССР (1946).

Начиная с 1930-х годов почти все пушкиноведческие работы М. П. Алексеева так или иначе связаны с проблемами сравнительного литературоведения. Их характерная особенность — понимание культурных связей не как одностороннего влияния, а как двустороннего взаимодействия. Наследуя культурно-исторической школе, советская школа сравнительного литературоведения изменила самую аксиоматику этой филологической дисциплины. Уже с середины 1930-х годов М. П. Алексеева столь же занимают вопросы отражения у Пушкина мировой культурной традиции, сколь и его воздействие на эту традицию. В 1937 г. появляется первый вариант его обширного обзора «Пушкин на Западе». Проблема рецепции пушкинского творчества в западном культурном мире теперь становится одной из центральных в научном творчестве М. П. Алексеева. Она возникает в общих работах и этюдах на частные темы — таких, как обширное исследование словарных записей Ф. Энгельса к «Евгению Онегину» и «Медному всаднику» (1951) или публикация затерянного на страницах английской монографии о Дж. Борро письма Пушкина к этому его английскому почитателю и переводчику, автору известного романа «Лавенгро» (1949). Последняя работа примечательна и в том отношении, что раскрывает одну из существенных сторон в подходе ученого к проблемам культурных взаимосвязей: особый интерес к каналам информации, к источникам сведений западных читателей и литераторов о Пушкине.

В последней, посмертно вышедшей фундаментальной работе М. П. Алексеева «Русско-английские литературные связи (XVIII век — первая половина XIX века)» (М., 1982) специальная глава — «Пушкин и английские путешественники в России» — посвящена личным контактам английских путешественников с русскими литераторами, и значительное место в ней отведено фигуре Дж. Борро. В следующей главе, «Т. Мур и русские писатели XIX века», подвергается внимательному изучению та информация о русской литературе — и в том числе о Пушкине, — которая поступала на Запад непосредственно из русской литературной среды (письмо Муру А. И. Тургенева 1829 г. с переводом стихотворения «К морю» и сведениями о «Полтаве»). Исследования такого рода всегда особенно трудны и требуют широкой осведомленности в деталях литературного быта. М. П. Алексеев тщательно собирал эти детали и считал нужным отмечать дальнейшие пути поисков, даже если они пока и гипотетичны; с этой целью написана им и специальная работа о возможных источниках знакомства Гете со «Сценой из Фауста» Пушкина (1979).

Собственно говоря, тем же задачам было подчинено у М. П. Алексеева и планомерное изучение зарубежной пушкинианы. Он считал необходимым тщательный учет и введение в широкий научный оборот всего ценного, что создается о Пушкине в мировой славистике, и сам был уникальным знатоком современного состояния мировой науки о Пушкине. Его монография о стихотворении «Я памятник себе воздвиг...» в значительной своей части построена как критический анализ отечественной и зарубежной литературы об этом пушкинском «поэтическом завещании», и одной из задач книги было продемонстрировать мировой культурный резонанс, который получило стихотворение.

Исследование же многообразных преломлений, которые получала в пушкинском творчестве мировая культурная традиция, основывалось у М. П. Алексеева на твердом убеждении в синкретическом характере любого значительного культурного явления. Интернационализм был органическим свойством научного мышления М. П. Алексеева, и сфера его сравнительных изучений все время расширялась. Так, он впервые предпринял фронтальное изучение русско-испанских литературных связей, не обойдя роли в них Пушкина, а в 1937 г. поставил парадоксальную на первый взгляд проблему «Пушкин и Китай», рассмотрев ее как часть общеевропейской волны ориентализма. Это стремление постоянно обогащать контекст изучения заставляло его выходить за пределы собственно литературы: профессионально зная музыку, М. П. Алексеев написал для академического издания Пушкина исследование-комментарий о «Моцарте и Сальери», а в 1958 г. выступил с большой статьей об отражении технических и естественнонаучных знаний в пушкинском творчестве.

В это время М. П. Алексеев уже окончательно связал свою научную биографию с Институтом русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР, где еще с 1934 г. был старшим научным сотрудником. В 1955—1957 гг. он руководит здесь сектором пушкиноведения и одновременно, в 1956 г., организует сектор взаимосвязей русской и зарубежной литератур. С 1958 г. он действительный член Академии наук СССР, а со следующего года — председатель Пушкинской комиссии при Отделении литературы и языка АН СССР. Как и ранее, занятия Пушкининым остаются одним из центральных направлений его многообразной деятельности, наряду с исследованиями по сравнительному литературоведению и самоотверженной работой по изданию фундаментального академического собрания сочинений и писем И. С. Тургенева.

В 1950—1960-е годы в пушкиноведческих трудах М. П. Алексеева стала явственно обозначаться линия исследования, которую мы могли бы условно обозначить как историко-философскую и историко-стилистическую. Сущность ее заключалась в аналитическом рассмотрении пушкинского текста с выделением семантически нагруженных художественных и идеологических мотивов, которые изучались затем на сравнительно-

историческом материале. Так была построена, например, работа «Пушкин и проблема „вечного мира“» (1958), где черновой фрагмент Пушкина 1821 г., отражающий его кишиневские споры с М. Ф. Орловым о «вечном мире», был сопоставлен с широким кругом аналогичных просветительских проектов XVIII—XIX вв. — от Руссо и Сен-Пьера до декабристских программ, или получившая широкую известность статья о заключительной ремарке «Бориса Годунова» (1967), где устанавливается идеологическая преемственность формулы «народ безмолвствует» с историко-социальной мыслью и фразеологией Французской революции. Проблемами художественной семантики ученый был занят в этюде о «поэтике розы» в раннем творчестве Пушкина, и позднее, вплоть до своих последних работ, — о незамеченном фольклорном мотиве в набросках так называемой «адской поэмы» Пушкина. По существу, та же идея лежит в основе книги о «Памятнике», где сделана попытка проследить сложный и не всегда очевидный ход поэтических ассоциаций Пушкина: кристаллизацию царскосельских «архитектурных мотивов», несущих на себе рефлексы державинской традиции и связавшихся в сознании Пушкина с воспоминаниями о Дельвиге; именно мемориальные стихи о Дельвиге были ориентированы Пушкиным на тип антологической эпиграммы, построенной как надпись к произведениям живописного или пластического искусства. Проблемы связи искусств в их глубинных основах особенно занимали М. П. Алексеева в последние годы.

Книга «Пушкин. Сравнительно-исторические исследования» (1972) подвела итог более чем пятидесятилетним изысканиям ученого в области пушкиноведения. В нее вошла значительная часть упомянутых выше работ, но она далеко не исчерпала существовавшего уже к тому времени пушкиноведческого наследия М. П. Алексеева: она не включила, в частности, обширной работы о рецепции Пушкина на Западе, которую автор не считал законченной и для которой продолжал собирать материалы. В 1973 г. эта книга была удостоена премии им. В. Г. Белинского.

Вся эта исключительная по своей интенсивности исследовательская деятельность сочеталась со столь же напряженной научно-организационной работой. С 1963 г. под редакцией М. П. Алексеева стал выходить ежегодный «Временник Пушкинской комиссии» — издание, насчитывающее к настоящему времени 17 выпусков объемом около 12 печатных листов каждый и включившее более трехсот пушкиноведческих статей историко-литературного характера, исследований новых приобретений пушкинского текста, обзоров, комментаторских и хроникальных заметок. «Временник», которому М. П. Алексеев отдавал много времени и сил, не только редактируя, но и составляя почти каждый его выпуск, заказывая статьи, переписываясь с авторами, явился новым типом издания, совмещающим в себе исследовательский сборник и информационный бюллетень, широко освещающий состояние современного советского и зарубежного пушкиноведения. В этом издании М. П. Алексеев принимал постоянное участие и как автор; здесь появились его статьи об источниках «Подражаний древним», о тексте стихотворения «Во глубине сибирских руд», о новонайденном автографе стихотворения «На холмах Грузии», а также многочисленные этюды, которые он сам обозначал как «мелкие заметки» или «заметки на полях» и которые по своему научному значению нередко превосходили большую специальную статью. Достаточно назвать «заметки» о пушкинской «Сцене из Фауста», комментарий к «Джону Теннеру» (1969), «Станционному зрителю» (1975), эпиграфу из Берка к «Евгению Онегину» (1977) и др. И в выборе этого жанра «заметок» — одного из любимых М. П. Алексеевым, — и в самой структуре «Временника» сказывалась принципиальная научная позиция: внимательное отношение к научной традиции, профессиональная осведомленность с опорой на предшествующий научный опыт были для М. П. Алексеева естественным условием всякой научной деятельности, и сохранение и активизацию этого опыта он считал одной из основных пушкиноведческих задач, обеспечивающих рождение «нового познания»

из «старых книг». Он работал всю жизнь, увлекая других силой своего научного авторитета, неослабевающим исследовательским энтузиазмом, живой заинтересованностью в чужой работе, и со щедрой благожелательностью делился своим опытом и знаниями с любым, кто обращался к нему, — будь то маститый ученый или неопытный любитель. Десятки авторов «Временника» были вовлечены им в профессиональную пушкиноведческую деятельность.

Он закончил одну из своих самых любимых пушкиноведческих работ — о «Сказке о золотом петушке» — за несколько часов до своей мгновенной кончины.

В. В.

СПИСОК ТРУДОВ М. П. АЛЕКСЕЕВА ПО ПУШКИНОВЕДЕНИЮ *

1916

1. Из впечатлений. [О возобновлении постановки оперы Н. А. Римского-Корсакова «Золотой петушок» в Городском театре]. — Киев. театр. курьер, 1916, 17 февр. Подпись: Мих. Алеев.

1918

2. А. И. Истомина. (К 70-летию со дня смерти). — Театр. жизнь, 1918, № 20, с. 5—7.

1919

3. «Гавриилиада» Пушкина. (По поводу издания В. Брюсова). — Родная земля, Киев, 1919, № 2, с. 1—11.

1921

4. О драматических опытах Достоевского. — В кн.: Творчество Достоевского. Сб. статей и материалов под ред. Л. П. Гроссмана. Одесса: Всеукр. гос. изд-во, 1921, с. 41—62.

С. 50—54: влияние «Бориса Годунова» на ранние драматические опыты Достоевского.

1922

5. Писатели-моряки. Друг Пушкина Ф. Матюшкин. — Моряк, Одесса, 1922, 5 мая. Подпись: П.

1923

6. Бальзак в России. — Кр. архив, 1923, № 3, с. 303—307.

С. 305: Бальзак в оценках Пушкина, А. Н. Вульфа, А. А. Бестужева-Марлинского.

1925

7. Автографы Пушкина в Одессе. — В кн.: Пушкин. Статьи и материалы. Вып. 1. Одесса, 1925, с. 56—57. Подпись: М. А.
8. Мелкие заметки к «Гавриилиаде». — Там же, с. 20—31.
9. Пушкин и Д. М. Княжевич. — Там же, с. 60—62. Подпись: М. А.
10. *Ред.*: Пушкин. Статьи и материалы. Вып. 1. Одесса, 1925. 80 с. (Одес. Дом ученых. Пушкинская комис.).

1926

11. К «Истории села Горюхина». — В кн.: Пушкин. Статьи и материалы. Вып. 2. Одесса, 1926, с. 70—87.
12. Материалы для биографического словаря одесских знакомых Пушкина. — В кн.: Пушкин. Статьи и материалы. Вып. 3. Одесса, 1926 [на обл.: 1927], с. 23—93. (В соавторстве).
13. Пушкин и библиотека Воронцова. — В кн.: Пушкин. Статьи и материалы. Вып. 2. Одесса, 1926, с. 92—98.
14. *Ред.*: Пушкин. Статьи и материалы. Вып. 2, 3. Одесса, 1926 [на обл. вып. 3: 1927], 103, 98 с. (Одес. Дом ученых. Пушкинская комис.).

1927

15. Пушкинский музей в Париже. — Веч. изв., Одесса, 1927, 6 июня; Веч. радио, Харьков, 1927, 9 июня.

* Составитель В. В. Зайцева.

16. Этюды о Марлинском. — Сб. тр. Иркут. ун-та, 1928, т. 15, с. 113—174.
То же, отд. отт.: Иркутск, 1928, 64 с.
С. 134—137: апокриф о встрече Пушкина с Марлинским в статье П. К. Мартянова «Встреча А. С. Пушкина с А. А. Бестужевым на Кавказе» (Ист. вестник, 1885, № 11, с. 413); отклики современников на смерть Пушкина и Бестужева. С. 155—156: драматические переделки произведений Пушкина.
17. *Рец.*: Пушкин. Письма. Под ред. и с примеч. Б. Л. Модзалевского. Т. I (1815—1825). Тр. Пушкинского Дома АН СССР. Госиздат. М.; Л. 1926. — Изв. по рус. яз. и словесности, 1928, т. 1, вып. 1, с. 309—325.

1930

18. Пушкин и Бестужев. (По поводу одной картины). — В кн.: Пушкин и его современники. Вып. 38—39. Л., 1930, с. 241—251.
По поводу статьи И. Ерофеева «Новые змалювання О. С. Пушкіна» (Бюллетень Музею Слобідської України ім. Г. С. Сковороди, Харків, 1927, с. 75—79).
Сводка данных об отношениях Пушкина и Бестужева. Картина Е. Ф. Крендовского как возможное отражение читательской легенды о Пушкине и Бестужеве.

1931

19. Пушкин А. С. Полное собрание сочинений. В 6-ти т. Т. 6. Путьеводитель по Пушкину. М.; Л.: ГИЗ, 1931. (Прил. к журн. «Красная нива»).
Статьи: Ирвинг, Купер, Моцарт, Сальери, Глюк, «Пир во время чумы».

1934

20. Борис Годунов и Дмитрий Самозванец в западноевропейской драме. — Борис Годунов. Однодневная газ. Ленингр. гос. акад. театра драмы. Сезон 1934/35 г. Л.: Гос. акад. театр драмы, 1934.

1935

21. Моцарт и Сальери. Подгот. текста и коммент. — В кн.: Пушкин. Полн. собр. соч. Т. 7. Драм. произведения. Л.: Изд-во АН СССР, 1935, с. 123—134, 523—546.

1936

22. Борис Годунов и Дмитрий Самозванец в западноевропейской драме. — В кн.: «Борис Годунов» А. С. Пушкина, Сб. статей. Под общ. ред. К. Н. Державина. Л., 1936, с. 79—124. (Гос. акад. театр драмы).
Библиогр.: с. 189—190.
23. Пушкин на Западе. — Рабселькор, 1936, № 23, с. 23—26.
Пушкин в оценках писателей и критиков (Мицкевич, Мериме, Флобер и др.).

1937

24. Виктор Гюго и его русские знакомства. Встречи. Письма. Воспоминания. — В кн.: Лит. наследство. Т. 31—32. Русская культура и Франция. Кн. 2. М.: Журн.-газ. объединение, 1937, с. 777—915, прил. с. 916—932.
С. 784—786, 789: Пушкин и Гюго.
25. Моцарт и Сальери. Подгот. текста. — В кн.: Пушкин. Полн. собр. соч. Т. 1—16. Т. 7. Драм. произведения. Л.: Изд-во АН СССР, 1937, с. 121—134.
26. Пушкин и западная литература. — Лит. учеба, 1937, № 1, с. 114—136.
27. Пушкин и Китай. — В кн.: Пушкин и Сибирь. Москва; Иркутск: Востсибоблгиз, 1937, с. 108—145.
- То же, испр. и доп. — В кн.: Пушкин в странах зарубежного Востока. Сб. статей. М.: Наука, 1979, с. 55—92.
28. Пушкин на Западе. — В кн.: Пушкин. Временник Пушкинской комиссии. Т. 3. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937, с. 104—151.
29. «Пушкин на Западе». На Пушкинской конференции [в Институте литературы АН СССР. Краткое излож.]. — Смена, 1937, 9 февр.
30. How Pushkin influenced English literature. — Moscow Daily News, 1937, Febr. 16.
31. *Ред.*: Пушкин. Полное собрание сочинений. Т. 1—16. Т. 7. Драм. произведения. Л.: Изд-во АН СССР, 1937. (Соредактор).

32. Пушкин в мировой литературе. — В кн.: Сто лет со дня смерти А. С. Пушкина. Тр. Пушкинской сессии АН СССР. 1837—1937. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1938, с. 175—202.

1940

33. Этюды из истории испано-русских литературных отношений. — В кн.: Культура Испании. Сб. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1940, с. 353—425.
С. 405, 412—414, 416—417, 419, 420: интерес Пушкина к испанскому языку и испанской литературе. С. 421—425: испанская тематика в творчестве Пушкина.
То же. — В кн.: Алексеев М. П. Очерки истории испано-русских литературных отношений XVI—XIX вв. Л.: ЛГУ, 1964.
С. 85—87, 110—111, 115, 122—125, 131, 132, 143, 145, 149—152, 156, 159—166.

1944

34. Английский язык в России и русский язык в Англии. — Учен. зап. ЛГУ, 1944, № 72. Сер. филол. наук, вып. 9, с. 77—137.
С. 101, 105—107, 133—134: о знакомстве Пушкина с английским языком; английский перевод «Евгения Онегина» (1881); переводы из Пушкина в антологии Дж. Поллена (1891).
35. Русские классики в литературах англороманского мира. — Звезда, 1944, № 5—6, с. 105—119.
С. 110—111: Пушкин о мадам де Сталь.

1945

36. Джон Вильсон и его «Город чумы». [Докл. на заседании каф. истории западных литератур ЛГУ]. — Науч. бюллетень ЛГУ, 1945, № 4, с. 47—48.
37. Pushkin and Chaucer. — Науч. бюллетень ЛГУ, 1945, № 3, с. 43—46.
То же, на рус. яз., в расшир. ред. — В кн.: Алексеев М. П. Пушкин. Л.: Наука, 1972, с. 378—392.

1946

38. Несколько английских книг библиотеки А. С. Пушкина. — Науч. бюллетень ЛГУ, 1946, № 6, с. 27—32.
Библиографические сведения о пяти книгах, заглавия которых не были точно определены в рукописной описи библиотеки Пушкина 1837 г. (Модзалевский Л. Б. Библиотека Пушкина. Новые материалы. Исслед. — В кн.: Лит. наследство, т. 16—18. М., 1934, с. 985—1024).

1947

39. Пушкин и бразильский поэт. [Томаш Антонио Гонзага]. — Науч. бюллетень ЛГУ, 1947, № 14—15, с. 54—61.

1948

40. И. С. Тургенев — пропагандист русской литературы на Западе. — Тр. Отд. новой рус. литературы Ин-та литературы АН СССР, 1948, т. 1, с. 39—80.
С. 44, 49—55, 57—60, 63: Тургенев — переводчик и пропагандист творчества Пушкина во Франции.

1949

41. Несколько новых данных о Пушкине и Батюшкове. — Изв. АН СССР. Отд-ние лит. и яз., 1949, т. 8, вып. 4, с. 369—372.
42. Письмо Пушкина к Джорджу Борро. — Вестн. ЛГУ. 1949, № 6, с. 133—139.
Сведения о переводах Борро из Пушкина. Записка Пушкина (благодарность за присланные книги переводов — приблизительно от марта 1836 г.), обнаруженная в монографии о Д. Борро (Лондон, 1899).

1950

43. [Сообщение на II Всесоюзной Пушкинской конференции о посвященной Пушкину статье чартистского поэта Э. Джонса, обнаруженной в английском журнале «Рабочий» за 1848 г. аспиранткой Е. В. Догель. Краткое излож.]. — Изв. АН СССР. Отд-ние лит. и яз., 1950, т. 9, вып. 2, с. 158—159.

1951

44. Словарные записи Ф. Энгельса к «Евгению Онегину» и «Медному всаднику» А. С. Пушкина. [Докл. на III Всесоюз. Пушкинской конференции. Ленинград. 1951. Краткое излож.]. — Вестн. АН СССР, 1951, № 9, с. 89—90; Изв. АН СССР. Отд-ние лит. и яз., 1951, т. 10, вып. 5, с. 517—518.

1952

45. Пушкин и русская наука. [Докл. на IV Всесоюз. Пушкинской конференции. Ленинград. 1952. Краткое излож.]. — Вестн. АН СССР, 1952, № 8, с. 120—121; Изв. АН СССР. Отд-ние лит. и яз., 1952, т. 11, вып. 6, с. 564—565.

1953

46. Вступительное слово [на переводческой секции III Всесоюзной Пушкинской конференции. Ленинград. 1951. В сокращении]. — В кн.: Пушкин. Исслед. и материалы. Тр. Третьей Всесоюз. Пушкинской конференции. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953, с. 446—449.
47. Вступительное слово [на V Всесоюзной Пушкинской конференции. Ленинград. 1953. Краткое излож.]. — Изв. АН СССР. Отд-ние лит. и яз., 1953, т. 12, вып. 5, с. 494.
48. Словарные записи Ф. Энгельса к «Евгению Онегину» и «Медному всаднику». — В кн.: Пушкин. Исслед. и материалы. Тр. Третьей Всесоюз. Пушкинской конференции. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953, с. 9—161.
Приложение: Словарные записи Фридриха Энгельса к «Евгению Онегину» и «Медному всаднику» А. С. Пушкина. (Публикация) (с. 101—161).
49. *Ред.*: Пушкин. Исслед. и материалы. Тр. Третьей Всесоюз. Пушкинской конференции. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953. 467 с.

1954

50. Вступительное слово [на VI Всесоюзной Пушкинской конференции. Ленинград. 1954. Краткое излож.]. — Вестн. АН СССР, 1954, № 8, с. 101—102; Изв. АН СССР. Отд-ние лит. и яз., 1954, т. 13, вып. 5, с. 492; Ленингр. правда, 1954, 6 июня.

1956

51. Вступительное слово [на VII Всесоюзной Пушкинской конференции. Ленинград. 1955. Краткое излож.]. — Изв. АН СССР. Отд-ние лит. и яз., 1956, т. 15, вып. 1, с. 85.
52. Новое письмо Пушкина. — Изв. АН СССР. Отд-ние лит. и яз., 1956, т. 15, вып. 3, с. 250—254.
Письмо к Е. К. Воронцовой от 5 марта 1834 г., обнаруженное в Краковском гос. архиве.
53. Предисловие. — В кн.: Пушкин. Исслед. и материалы. Т. 1. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956, с. 3—5.
54. Пушкин и мировая литература. — В кн.: Восьмая юбилейная Всесоюзная Пушкинская конференция. 7—8 июня 1956 года. Тез. докл. Л., 1956, с. 3—5. (АН СССР. Ин-т рус. литературы (Пушкинский Дом)).
55. Пушкин и мировая литература. [Докл. на VIII Всесоюз. Пушкинской конференции. Ленинград. 1956. Краткое излож.]. — Вестн. АН СССР, 1956, № 8, с. 128; Изв. АН СССР. Отд-ние лит. и яз., 1956, т. 15, вып. 5, с. 481—482; Лит. в школе, 1956, № 5, с. 88.
56. Пушкин и наука его времени. (Разыскания и этюды). — В кн.: Пушкин. Исслед. и материалы. Т. 1. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956, с. 9—125.
То же. — В кн.: Алексеев М. П. Пушкин. Л., 1972, с. 5—159, с поправками и дополнениями.
57. 50-летие Пушкинского Дома. — Вестн. АН СССР, 1956, № 5, с. 43—47. (В соавторстве).
58. *Ред.*: Бюллетени Рукописного отдела Пушкинского Дома. Вып. 6. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956. (В составе редколлегии).
59. *Ред.*: Пушкин. Исслед. и материалы. Т. 1. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956. 502 с.

1957

60. Великому Пушкину. — Ленингр. правда, 1957, 20 июня.
Выступление на митинге, посвященном открытию памятника Пушкину в Ленинграде.

1958

61. [Выступление на торжественном собрании, посвященном 121-й годовщине со дня смерти А. С. Пушкина. Краткое излож.]. — Ленингр. правда, 1958, 11 февр. (Вчера в мемориальной квартире А. С. Пушкина).

62. Легенда о Пушкине и Вальтере Гете. — В кн.: Пушкин. Исслед. и материалы. Т. 2. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958, с. 391—393.
То же, в расшир. ред. — В кн.: Алексеев М. П. Пушкин. Л., 1972, с. 434—446.
63. Пушкин и проблема «вечного мира». [Доклад на X Всесоюз. Пушкинской конференции. Ленинград, 1958. Краткое излож.]. — Вестн. АН СССР, 1958, № 8, с. 134; Пушкин. Исслед. и материалы. Т. 3. М.; Л., 1960, с. 502.
64. Пушкин и проблема «вечного мира». — Рус. лит., 1958, № 3, с. 3—39.
То же, с поправками и доп. — В кн.: Алексеев М. П. Пушкин. Л., 1972, с. 160—207.
65. *Ред.*: Пушкин. Исслед. и материалы. Т. 2. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958. 515 с.

1959

66. *Ред.*: Бюллетени Рукописного отдела Пушкинского Дома. Вып. 8. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959. (В составе редколлегии).

1960

67. Вступительное слово [на XII Всесоюзной Пушкинской конференции. Ленинград, 1960. Краткое излож.]. — Вестн. АН СССР, 1960, № 9, с. 128; Изв. АН СССР. Отд-ние лит. и яз., 1960, т. 19, вып. 6, с. 545; Вопр. лит., 1960, № 8, с. 246.
68. Джон Вильсон и его «Город чумы». — В кн.: Алексеев М. П. Из истории английской литературы. Этюды. Очерки. Исслед. М.; Л.: Гослитиздат, 1960, с. 390—418.
С. 410—418: «Пир во время чумы» Пушкина и «Город чумы» Вильсона.
69. Из истории русских рукописных собраний. — В кн.: Неизданные письма иностранных писателей XVIII—XIX веков из ленинградских рукописных собраний. Под ред. М. П. Алексеева. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960, с. 7—122.
С. 7, 10—13, 15—20, 22, 25—27, 29, 57, 72, 73, 76, 77, 83, 87—89, 94, 104—115: о Пушкине.

1961

70. Библиотека Вольтера в России. — В кн.: Библиотека Вольтера. Каталог книг. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961, с. 7—67. (АН СССР. Ин-т рус. литературы (Пушкинский Дом); Гос. Публ. б-ка им. Салтыкова-Щедрина).
С. 41—54: Пушкин в библиотеке Вольтера.
71. О мировом значении творчества Пушкина. — В кн.: Взаимосвязи и взаимодействия национальных литератур. Материалы дискуссий 11—15 января 1960 г. М.: Изд-во АН СССР, 1961, с. 362—365. (АН СССР. Ин-т мировой литературы им. Горького).

1962

72. «Памятник» Пушкина в исследованиях последнего двадцатипятилетия. [Докл. на Общем собрании Отделения литературы и языка АН СССР, посвященном 125-летию со дня гибели А. С. Пушкина. Ленинград, 1962. Краткое излож.]. — Вестн. АН СССР, 1962, № 5, с. 128; Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз., 1962, т. 21, № 3, с. 282—283.
73. «Памятник» Пушкина по исследованиям последнего двадцатипятилетия. Критич. заметки. — Учен. зап. Горьк. ун-та им. Лобачевского, 1962. Сер. ист.-филол., вып. 57, с. 229—301.
74. *Ред.*: Пушкин. Исслед. и материалы. Т. 4. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962. 443 с. (Совместно с Д. Д. Благим, Б. П. Городецким, Н. В. Измайловым, Б. С. Мейлахом, Ю. Г. Оксманом).

1963

75. А. И. Белецкий. Некролог. — В кн.: Временник Пушкинской комиссии. 1962. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1963, с. 100—102. Без подписи.
76. Г. П. Блок. Некролог. — Там же, с. 102—103. Без подписи.
77. Заключительное слово [при обсуждении нового издания сочинений А. С. Пушкина на научном заседании в Москве 6 февраля 1963 г. Краткое излож.]. — Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз., 1963, т. 22, вып. 5, с. 447.
78. К источникам «Подражаний древним» Пушкина. — В кн.: Временник Пушкинской комиссии. 1962. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1963, с. 20—28.
То же. — В кн.: Алексеев М. П. Пушкин. Л.: Наука, 1972, с. 393—400.
79. Б. В. Казанский. Некролог. — В кн.: Временник Пушкинской комиссии. 1962. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1963, с. 103—104. Без подписи.
80. Новые памятники Пушкину. — Там же, с. 97—100. Без подписи.
81. Предисловие. — Там же, с. 3—8.
82. Томас Мур, его русские собеседники и корреспонденты. — В кн.: Международные связи русской литературы. Сб. статей. Под ред. М. П. Алексеева. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1963, с. 233—285.

С. 255—260, 264: о Пушкине в «Записке» А. И. Тургенева о русских переводчиках Байрона, составленной по просьбе Т. Мура в 1829 г. С. 266—270: публикуется письмо А. И. Тургенева к Т. Муру от 2 апреля 1829 г. с английскими переводами стихотворения Пушкина «К морю».

83. Н. Н. Фатов. Некролог. — В кн.: Временник Пушкинской комиссии. 1962. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1963, с. 104—105. Без подписи.
84. *Ред.*: Временник Пушкинской комиссии. 1962. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1963. 107 с. (АН СССР. Отд-ние лит. и яз. Пушкинская комис.).

1964

85. «Трагедия, составленная из азбуки французской». — В кн.: Проблемы сравнительной филологии. Сб. статей к 70-летию чл.-кор. АН СССР В. М. Жирмунского. М.; Л.: Наука, 1964, с. 293—302.
- Установление источника записи Пушкина об «Эно и Икаэль» («Буквы, составляющие славенскую азбуку...»).
- То же, под загл. «Запись Пушкина о „Трагедии, составленной из азбуки французской“». — В кн.: Алексеев М. П. Пушкин. Л.: Наука, 1972, с. 401—410.

1965

86. «Евгений Онегин» на языках мира. — В кн.: Мастерство перевода. Сб. 1964. М.: Сов. писатель, 1965, с. 273—286.
87. Пушкин и Шекспир. — В кн.: Шекспир и русская культура. М.; Л.: Наука, 1965, с. 162—200.
- То же. — В кн.: Алексеев М. П. Пушкин. Л., 1972, с. 240—280.

1966

88. Новый автограф стихотворения Пушкина «На холмах Грузии». — В кн.: Временник Пушкинской комиссии. 1963. М.; Л.: Наука, 1966, с. 31—47, факс.
89. А. Л. Слонимский. Некролог. — Там же, с. 108—111. Подпись: М. А.
90. Современное зарубежное пушкиноведение. [Докл. на заседании Пушкинской комиссии при Отделении литературы и языка АН СССР. Ленинград. 1965. Краткое излож.]. — Вестн. АН СССР, 1966, № 2, с. 175; Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз., 1966, т. 25, вып. 3, с. 276—277.
91. *Ред.*: Временник Пушкинской комиссии. 1963. М.; Л.: Наука, 1966. 126 с.

1967

92. А. А. Ахматова. Некролог. — В кн.: Временник Пушкинской комиссии. 1964. Л.: Наука, 1967, с. 68—71.
93. Вступительное слово [на XIX Пушкинской конференции. Ленинград. 1967. Краткое излож.]. — Вестн. АН СССР, 1967, № 8, с. 122; Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз., 1968, т. 27, вып. 2, с. 177.
94. Л. П. Гроссман. Некролог. — В кн.: Временник Пушкинской комиссии. 1964. Л.: Наука, 1967, с. 64—68.
95. Н. К. Гудзий. Некролог. — Там же, с. 61—63.
96. Реплика Пушкина «Народ безмолвствует». — Рус. лит., 1967, № 2, с. 36—58. То же, с поправками и доп. — В кн.: Алексеев М. П. Пушкин. Л., 1972, с. 208—239.
97. Стихотворение Пушкина «Я памятник себе воздвиг...». Проблемы его изучения. Л.; Наука, 1967. 272 с.; 1 л. портр., факс. (АН СССР. Отд-ние лит. и яз. Пушкинская комис.).
- Приложение I. Автографы «Памятника». Приложение II. Русские переводы оды Горация «*Exegi monumentum*».
98. *Ред.*: Временник Пушкинской комиссии. 1964. Л.: Наука, 1967. 83 с.

1968

99. Еще раз о стихотворении Пушкина «Роза». — Рус. лит., 1968, № 3, с. 91—115.
- Ответ на статью У. Викери «К вопросу о замысле „Розы“ Пушкина», напечатанную в том же номере журнала (с. 82—91).
- То же, под загл. «Споры о стихотворении „Роза“». — В кн.: Алексеев М. П. Пушкин. Л., 1972, с. 326—377. Статья пополнена первой главой (с. 326—339).
100. Мелкие заметки. 1. «С португальского». [Стихотворение Пушкина «Там звезда зари взойшла» — перевод одной из лир Томаса Антонио Гонзаги]. — В кн.: Временник Пушкинской комиссии. 1965. Л.: Наука, 1968, с. 82—85. Подпись: М. А.
101. Shakespeare and Puschkin. — Shakespeare Jahrbuch, Weimar, 1968, Bd 104, S. 141—174.
102. *Ред.*: Временник Пушкинской комиссии. 1965. Л.: Наука, 1968. 95 с.

103. Мелкие заметки. 2. К статье Пушкина «Джон Теннер». 6. «Скупой рыцарь» в Мексике. [О стихотворном переводе Энрике Диес-Канедо, напечатанном в журнале «El hijo prodigo» (1944, № 16, pp. 42—47)]. — В кн.: Временник Пушкинской комиссии. 1966. Л.: Наука, 1969, с. 50—56, 63—65.
104. *Ред.*: Временник Пушкинской комиссии. 1966. Л.: Наука, 1969. 84 с.
105. *Ред.*: Пушкин. Исслед. и материалы. Т. 6. Л.: Наука, 1969. 308 с. (Совместно с Д. Д. Благим, Б. П. Городецким, Н. В. Измайловым, Б. С. Мейлахом, Ю. Г. Оксманом).

1970

106. Андре Менье. Некролог. — В кн.: Временник Пушкинской комиссии. 1967—1968. Л.: Наука, 1970, с. 126—135.
107. Предисловие [к статье: Егуннов А. Н. Немецкая «Пиковая дама»]. — Там же, с. 111—113. Подпись: Ред.
108. *Ред.*: Временник Пушкинской комиссии. 1967—1968. Л.: Наука, 1970. 152 с.

1971

109. Вступительное слово [на XXI Пушкинской конференции. Тбилиси. 1971. Краткое излож.]. — Рус. лит., 1971, № 4, с. 240; Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз., 1972, т. 31, вып. 1, с. 94; «Шумит Арагва предо мною...». Сост. В. Шадури. Тбилиси, 1974, с. 117—118.
110. Звучит великое имя Пушкина. — Веч. Тбилиси, 1971, 12 июня.
111. К тексту стихотворения «Во глубине сибирских руд». — В кн.: Временник Пушкинской комиссии. 1969. Л.: Наука, 1971, с. 20—42.
То же. — В кн.: Алексеев М. П. Пушкин. Л., 1972, с. 411—433.
112. Примечание [к статье: Ласорса К. Опера Якопо Наполи «Скупой барон» по Пушкину]. — Там же, с. 115—116. Подпись: Ред.
113. [Пушкин и Кавказ. Высказывания по данной теме, обсуждавшейся на XXI Пушкинской конференции]. — Заря Востока, Тбилиси, 1971, 12 июня (Не зарастет народная тропа).
114. *Ред.*: Временник Пушкинской комиссии. 1969. Л.: Наука; 1971. 140 с.

1972

115. Вступительное слово [на научной сессии «Пушкин и Достоевский» 9 июня 1972 г. в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР. Краткое излож.]. — Рус. лит., 1972, № 4, с. 237.
116. За пределами науки. — Вопр. лит., 1972, № 8, с. 161—175. (В соавторстве).
Ред. на кн.: Мальцев М. И. К спору о Пушкине. — В кн.: Вопросы русской и чувашской филологии. Вып. 1. Чебоксары, 1971, с. 30—77.
117. Г. М. Кока. Некролог. — В кн.: Временник Пушкинской комиссии. 1970. Л.: Наука, 1972, с. 109. Подпись: Ред.
118. Пушкин. Сравнит.-исторические исследования. Л.: Наука, 1972, 468 с. (АН СССР. Ин-т рус. литературы (Пушкинский Дом)).
Содерж.: Предисловие. — Пушкин и наука его времени. — Пушкин и проблема «вечного мира». — Реплика Пушкина «Народ безмолвствует». — Пушкин и Шекспир. — Заметки о «Гавриилиаде». — Споры о стихотворении «Роза». — Пушкин и Чосер. — К источникам «Подражаний древним» Пушкина. — Запись Пушкина о «Трагедии, составленной из азбуки французской». — К тексту стихотворения «Во глубине сибирских руд». — Легенда о Пушкине и Вальтере Гете. — Библиогр. справки. — Указатель произведений Пушкина. — Указатель имен.
119. Pouchkine et Dostojevsky. [Докл. на франц. яз. на Международном конгрессе «Достоевский в сознании современного человека» в Венеции 10—15 апреля 1972 г. Краткое излож.]. — Nuova antologia, Roma, 1972, maggio, № 2057, p. 34—36; Przegląd humanistyczny, Warszawa, 1973, № 1, s. 176—181.
120. *Ред.*: Временник Пушкинской комиссии. 1970. Л.: Наука, 1972. 135 с.

1973

121. *Ред.*: Временник Пушкинской комиссии. 1971. Л.: Наука, 1973. 114 с.

1974

122. Вступительное слово [на XXIII Пушкинской конференции, посвященной 175-летию со дня рождения А. С. Пушкина, организованной Институтом русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР и Ленинградской писательской организацией. Ленинград. 1974. Краткое излож.]. — Вестн. АН СССР, 1974, № 10, с. 102; Рус. лит., 1974, № 4, с. 213; Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз., 1975, т. 34, вып. 1, с. 90.

123. Испанистика в свете истории испано-русских культурных связей. — В кн.: Вопросы испанской филологии. Материалы I Всесоюз. науч. конф. по испанской филологии. Л.: Изд-во ЛГУ, 1974, с. 10—25.
С. 21—22: о знакомстве Пушкина с испанским языком.
124. Любовь народная. К 175-летию со дня рождения А. С. Пушкина. — Правда, 1974, 6 июня.
То же. — В кн.: Пушкин и литература народов Советского Союза. Ереван: Изд-во Ереван. ун-та, 1975, с. 5—10.
125. Пушкин и Китай. [Докл. на конф. на тему «Творчество Пушкина в странах зарубежного Востока», проходившей в Институте востоковедения АН СССР 21—22 марта 1974 г. Краткое излож.]. — Вестн. АН СССР, 1974, № 10, с. 106.
126. Пушкин и Петербург. — В кн.: Пушкинский Петербург. Pushkin's St. Petersburg. Авт.-сост. А. М. Гордин. Л., 1974, с. I—IV.
127. Anton Dietrichs Beziehungen zu Konstantin Batjuškov und Aleksandr Puškin. — В кн.: Alekseev M. P. Zur Geschichte russisch-europäischer Literaturtraditionen. Aufsätze aus vier Jahrzehnten. Berlin: Rütten und Loening, 1974, S. 173—178. (Neue Beiträge zur Literaturwissenschaft, Bd 35).
128. Boris Godunov und der Falsche Demetrius im westeuropäischen Drama. — Там же, S. 179—218.
129. Puškin und der «ewige Frieden». — Там же, S. 219—259.
130. *Ред.*: Временник Пушкинской комиссии. 1972. Л.: Наука, 1974. 160 с.
131. *Ред.*: Пушкин. Исслед. и материалы. Т. 7. Л.: Наука, 1974. 276 с. (В составе редколлегии).
132. *Ред.*: Пушкинский Петербург. Pushkin's St. Petersburg. Авт.-сост. А. М. Гордин. Науч. ред. akad. М. П. Алексеев. Л.: Художник РСФСР. 1974. 107 с.

1975

133. Заметки на полях. 1. — В кн.: Временник Пушкинской комиссии. 1973. Л.: Наука, 1975, с. 90—94.
Об ошибочном переводе Андре Менье глагола «мести» в «Станционном смотрителе».
134. Об итогах и задачах советского пушкиноведения. [Докл. на Юбилейной науч. конф., посвященной 175-летию со дня рождения А. С. Пушкина, в Институте мировой литературы. 1974. Краткое излож.]. — Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз., 1975, т. 34, вып. 1, с. 88.
135. *Ред.*: Временник Пушкинской комиссии. 1973. Л.: Наука, 1975. 135 с.

1977

136. Б. П. Городецкий. Некролог. — В кн.: Временник Пушкинской комиссии. 1974. Л.: Наука, 1977, с. 156—157. Подпись: М. А.
137. Заметки на полях. 2. Эпиграф из Э. Бёрка в «Евгении Онегине». 3. Забытое воспоминание о Пушкине Н. И. Греча. — Там же, с. 98—113.
138. *Ред.*: Временник Пушкинской комиссии. 1974. Л.: Наука, 1977. 187 с.

1978

139. Вступительное слово [на XXV Пушкинской конференции. Ленинград. 1978. Краткое излож.]. — *Вопр. лит.*, 1978, № 10, с. 304; *Рус. лит.*, 1978, № 4, с. 214; *Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз.*, 1979, т. 38, вып. 1, с. 76.
140. *Ред.*: Пушкин. Исслед. и материалы. Т. 8. Л.: Наука, 1978. 310 с. (В составе редколлегии).

1979

141. Заметки на полях. 4. К «Сцене из Фауста» Пушкина. 5. Пушкин и французская народная книга о Фаусте. — В кн.: Временник Пушкинской комиссии. 1976. Л.: Наука, 1979, с. 80—109.
- 141а. «Культурный центр им. А. С. Пушкина» в Люксембурге. — Там же, с. 176—179. Без подписи.
142. Незамеченный фольклорный мотив в черновом наброске Пушкина. — В кн.: Пушкин. Исслед. и материалы. Т. 9. Л.: Наука, 1979, с. 17—68.
Свидетельство о Пушкине в письме А. П. Толстого к А. А. Муханову от 12 июля 1833 г. История публикации «адской поэмы» Пушкина. Близость «Набросков к замыслу о Фаусте» сказке «Солдат и Смерть».
143. *Ред.*: Временник Пушкинской комиссии. 1975. Л.: Наука, 1979. 159 с.
144. *Ред.*: Временник Пушкинской комиссии. 1976. Л.: Наука, 1979. 182 с.
145. *Ред.*: Пушкин. Исслед. и материалы. Т. 9. Л.: Наука, 1979. 357 с. (В составе редколлегии).
146. *Ред.*: Пушкин в странах зарубежного Востока. Сб. статей. М.: Наука, 1979. 230 с. (В составе редколлегии).

147. Памяти О. А. Пини. — В кн.: Временник Пушкинской комиссии. 1977. Л.: Наука, 1980, с. 137—138. (Совместно с В. Б. Сандомирской и А. П. Холиной).
148. Пушкин воздействует на Гете? [Заметки на полях «Сцены из Фауста»]. — Учит. газ., 1980, 25 сент.
149. Пушкинские конференции (1949—1978). — В кн.: Зайцева В. В. 25 Пушкинских конференций. 1949—1978. (Библиогр. материалы). Л.: Наука, 1980, с. 3—8.
150. Слово о первом хранителе Лицея [М. П. Руденской]. — В кн.: Руденская М. П., Руденская С. Д. Пушкинский лицей. Очерк-путеводитель. Л.: Лениздат, 1980, с. 227—228.
151. *Ред.*: Временник Пушкинской комиссии. 1977. Л.: Наука, 1980. 160 с.
152. *Ред.*: Зайцева В. В. 25 Пушкинских конференций. 1949—1978. (Библиогр. материалы). Л.: Наука, 1980. 124 с.

1981

153. Предисловие. — В кн.: Гдалин А. Д. Филателистическая пушкиниана. М.: Радио и связь, 1981, с. 3. (Б-ка юного филателиста. Вып. 9).
154. Предисловие. — В кн.: Русаков В. М. Рассказы о потомках А. С. Пушкина. Л.: Лениздат, 1982, с. 3—5.
155. *Ред.*: Болдинские чтения. Горький: Волго-Вят. кн. изд-во, 1981. 192 с. (В составе редколлегии).
156. *Ред.*: Временник Пушкинской комиссии. 1978. Л.: Наука, 1981. 167 с.

1982

157. Заметки на полях. 6. Пушкин и повесть Ф. М. Клингера «История о Золотом Петухе». — В кн.: Временник Пушкинской комиссии. 1979. Л.: Наука, 1982, с. 59—95.
158. Переписка с Б. Л. Модзалевским. 1924 и 1927 гг. Публик. Е. И. Семенова. — В кн.: Пушкинский Дом. Статьи. Документы. Библиография. Отв. ред. В. Н. Баскаков. Л.: Наука, 1982, с. 215—223.
159. Русско-английские литературные связи. (XVIII век—первая половина XIX века). М.: Изд-во АН СССР, 1982 (Лит. наследство, т. 91).
Гл. VII: Пушкин и английские путешественники в России.
160. *Ред.*: Временник Пушкинской комиссии. 1979. Л.: Наука, 1982. 183 с.
161. *Ред.*: Пушкин. Исслед. и материалы. Т. 10. Л.: Наука, 1982. 391 с. (В составе редколлегии).

О ПУШКИНОВЕДЧЕСКИХ РАБОТАХ Н. В. ИЗМАЙЛОВА

Николай Васильевич Измайлов (1893—1981) был одним из виднейших пушкинистов старшего поколения. Его занятия Пушкиным начались в 1913—1914 гг. в известном семинарии С. А. Венгерова, где он прочел свою исследовательскую работу — «Пушкин и кружок московских любителей». Окончив в 1918 г. историко-филологический факультет Петроградского университета, Н. В. Измайлов был оставлен С. А. Венгеровым при кафедре русской литературы; одновременно он являлся слушателем Архивных курсов при Петроградском археологическом институте и заведующим отделом 1-го отделения IV секции Главархива. Уже в эти годы закладывается, таким образом, основа многочисленных последующих работ Н. В. Измайлова, опирающихся на изучение рукописных фондов. В 1921 г. он — ученый хранитель рукописей, а с 1924 г. — заведующий Рукописным отделом Пушкинского Дома при Российской Академии наук. Он принимает ближайшее участие в издании творческого и эпистолярного наследия А. Н. Островского, А. А. Бестужева, но в центре его внимания продолжает оставаться Пушкин и его ближайшая литературная среда. Уже первые печатные труды Н. В. Измайлова, посвященные лицейскому литературному творчеству, представляют собой образцовый по своей филологической культуре синтез текстологических, архивоведческих, биографических и историко-литературных разысканий, который станет в дальнейшем излюбленным жанром ученого. В середине 1920-х годов предметом его специального интереса становится и биография Пушкина; совместно с Б. Л. Модзалевским Н. В. Измайлов выпускает в свет популярный очерк жизни и творчества поэта и принимает участие в издании «Писем» (т. I и II, 1926—1928) — уникальной по своему фактическому богатству работы Б. Л. Модзалевского. Плодом этого неослабевавшего интереса были последующие комментарии и биографические работы Н. В. Измайлова: комментарии к новонайденным письмам Пушкина к Е. М. Хитрову (1927), статьи «Пушкин и Е. М. Хитрова» (1927), «„Роман на Кавказских водах“ — невыполненный замысел Пушкина» (1928), работы о письмах Пушкина к Л. Геккерну (1936, 1969), о Пушкине и салоне Карамзиных (1960), наконец редактирование томов переписки Пушкина в академическом собрании сочинений и книги «Пушкин. Письма последних лет (1834—1837)», завершающей прерванное издание Б. Л. и Л. Б. Модзалевских (1969).

Однако самым значительным научным достижением Н. В. Измайлова в 1920—1930-е годы была выработка новых методов текстологического исследования рукописи, осуществленная им, Б. В. Томашевским и С. М. Бонди и положившая основание современной советской текстологии. В процессе подготовки к печати пушкинских рукописей из «Онегинского» и «Майковского» собраний (1922, 1928—1929) стало очевидно, что старый «транскрипционный» метод издания черновики исчерпал себя, что авторская рукопись есть не статическая величина, а процесс, разложимый во времени и требующий аналитического подхода. Это новое понимание исходных принципов текстологического изучения легло в основу шестнадцатитомного «большого» академического издания Пушкина, с которого начался новый этап развития текстологии как науки. Для этого издания Н. В. Измайлов подготовил тексты «Полтавы», «Медного всад-

ника» (вместе с С. М. Бонди), ряда лирических стихотворений и писем; на основе этих работ возникли затем его статьи об «Анчаре» (1927), «Осени» (1974) и монографические исследования о «Полтаве» и «Медном всаднике». В 1960-е годы ученый обращается к анализу практического и теоретического опыта 16-томного собрания сочинений Пушкина в целом, исподволь разрабатывая пути подхода к новому академическому, широко комментированному изданию; так появляется серия его работ по истории текстологического изучения Пушкина (1966), по истории самого академического издания (1974) и специальная статья, обосновывающая принципы будущего собрания сочинений (1979).

С сентября 1941 г. Н. В. Измайлов находится в г. Чкалове (Оренбурге). Он читает лекции в Чкаловском педагогическом институте, выступает в печати, участвует в работе писательской организации. При этом он не оставляет занятий Пушкиным. В Оренбурге, в местах, по которым прошло пугачевское восстание, он получает точное знание географических и исторических реалий крестьянской войны, на которые накладывалась канва и пушкинской биографии. Возникает замысел работ об «Истории Пугачева» и «Капитанской дочке». Н. В. Измайлов изучает архивные фонды — оренбургского генерал-губернатора И. А. Рейнсдорпа и дела секретной экспедиции Государственной военной коллегии об «известном злодее» Пугачеве, прослеживая главную линию «пугачевских» разысканий Пушкина. Особое внимание он обращает на устное предание, которым широко пользовался Пушкин, нередко отдавая ему предпочтение перед официальным письменным источником. Этот вывод, обоснованный Н. В. Измайловым в статьях, сложившихся в своей основе еще в оренбургский период («Оренбургские материалы Пушкина для „Истории Пугачева“ и „Капитанской дочки“», 1953; «Об архивных материалах Пушкина для „Истории Пугачева“», 1960), был чрезвычайно существен для уяснения творческого метода Пушкина как историка и художника.

В 1953 г. Н. В. Измайлов вернулся в Ленинград, проработав в Оренбурге двенадцать лет. С 1955 г. он — старший научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР, с 1957 г. — заведующий его Рукописным отделом. В 1963 г. ему присваивается ученая степень доктора филологических наук по совокупности трудов.

Это последнее двадцатилетие творческой деятельности ученого было исключительным по плодотворности и многообразию. Не оставляя занятий Пушкиным, Н. В. Измайлов принимает ближайшее участие в работе над фундаментальными собраниями сочинений и писем И. С. Тургенева (т. I—XV — Сочинения; т. I—XIII — Письма, 1960—1968), углубленно занимается творчеством Жуковского. Пушкинист по преимуществу, Н. В. Измайлов всегда оставался в широком смысле слова исследователем русской литературы. В пушкиноведческих же его работах последних лет, помимо отмеченных выше тем, особое место заняло изучение зрелой лирики Пушкина, интересовавшей его еще со времени работы в академическом издании. В 1952 г. вышла в свет статья Н. В. Измайлова «Мицкевич в стихах Пушкина» — наиболее убедительная в настоящее время интерпретация стихотворения «В прохладе сладостной фонтанов»; за ней последовали статьи о «Мирской власти» (1958), об «Осени» и одна из самых значительных работ ученого — о лирических циклах Пушкина 1830-х годов, устанавливающая связи и творческие тенденции в позднем лирическом наследии Пушкина (1958). В 1974 г. по его инициативе и под его редакцией вышел сборник «Стихотворения Пушкина 1820—1830-х годов», посвященный изучению творческой истории 22 лирических произведений Пушкина.

В 1975 г. выходит в свет книга Н. В. Измайлова «Очерки творчества Пушкина», включившая избранные работы 1926—1975 гг. и написанную заново статью о «Полтаве» — результат многолетних исследований, единственный в пушкиноведческой литературе столь подробный и документированный монографический очерк творческой истории и проблематики одного из значительнейших созданий Пушкина. Не будучи формально

монографической работой, «Очерки творчества Пушкина» демонстрировали ту целостность и единство исследовательского подхода, которые не могли быть достигнуты ни строгим отбором, ни даже целенаправленной переработкой статей, но были естественным следствием всегда присущей Н. В. Измайлову монистичности научного мышления. Каждая из статей, составляющих книгу, отмечена той характерной синтетичностью охвата проблемы, о которой мы уже упоминали в связи с первыми работами Н. В. Измайлова, — единством текстологического, биографического, историко-литературного методов изучения. Представляя итог пятидесятилетнего изучения целого ряда пушкиноведческих проблем, книга Н. В. Измайлова была одним из наиболее выдающихся событий в современном пушкиноведении.

Есть, однако, своя закономерность в том, что из этих проблем выделась одна и что этой одной проблеме была посвящена вторая итоговая работа Н. В. Измайлова. Мы имеем в виду труд, посвященный «Медному всаднику» — «самому вершинному произведению в ряду поэм» Пушкина, «да и во всем его поэтическом творчестве», как определял его сам Н. В. Измайлов. Над историей этого произведения ученый, как мы уже упоминали, начинал работать еще в конце 1920-х годов, когда им был произведен пересмотр всего сохранившегося фонда автографов и установлено соотношение между «Медным всадником» и «Езерским»; в дальнейшем эти исследования были развиты и частью уточнены С. М. Бонди и О. С. Соловьевой, а также и самим Н. В. Измайловым в процессе подготовки (совместно с С. М. Бонди) текста поэмы для академического издания Пушкина. Из многолетних разысканий в области текста, творческой истории и художественной проблематики «Медного всадника» выросло подготовленное Н. В. Измайловым издание поэмы в серии «Литературные памятники», с обширной монографической вступительной статьей, которая, как и статья о «Полтаве», является в настоящее время наиболее всесторонним и фундаментальным исследованием пушкинского шедевра.

В 1980 г. «Очерки творчества Пушкина» и издание «Медного всадника» были удостоены высшей академической филологической награды — Пушкинской премии АН СССР.

В это время Н. В. Измайлову было уже более 85 лет. Возраст, однако, не остановил его творческой работы: наряду с подготовкой издания поэмы он продолжал участвовать в редакционных коллегиях изданий Пушкинского Дома, консультировать, руководить аспирантами. Его творческая деятельность продолжалась до последних месяцев жизни.

Научное творчество Н. В. Измайлова — органическая, неотъемлемая и необходимая часть современного советского литературоведения. С ним привыкли связывать понятие «академичности» в лучшем смысле этого слова — как синонима эрудиции, точности, высокого уровня филологической культуры. Его наследие осуществляет в то же время живую преемственную связь нашей современной науки с лучшими традициями русской науки о литературе, составляющими ее классический фонд.

В. В.

СПИСОК ТРУДОВ Н. В. ИЗМАЙЛОВА ПО ПУШКИНОВЕДИНИЮ *

1922

1. Неизданный Пушкин. Собрание А. Ф. Онегина. Труды Пушкинского Дома при Российской Академии наук. Пб.: Атеней, 1922. XXXII, 235 с.

1. Черновой набросок «Братьев разбойников». 2. Программа повести. 3. «Часто думал я об этом ужасном семейственном романе». 4. «Шварц ищет философского камня...». 5. «Un grand seigneur...». 6. Примечание к статье «Современника». 7. Записочка Пушкина к N [подготовка текста и комментарии].

То же: 2-е изд., испр. и доп. М.; Пг.: ГИЗ, 1923.

* Составитель В. В. Зайцева.

2. Новый сборник лицейских стихотворений. — В кн.: Сборник Пушкинского Дома на 1923 год. Пг.: ГИЗ, 1922, с. 35—77.

Характеристика и анализ тетради «Собрание лицейских стихотворений», полученной Пушкинским Домом в 1918 г.

3. 1-е отделение Российской Академии наук за 1917—1922 годы. — В кн.: Утренники. Под ред. Д. А. Лутохина. Кн. 1. Пб.: М. С. Кауфман, 1922, с. 124—128. С. 126—127: работа Пушкинского Дома и Комиссии по изданию сочинений Пушкина.
4. Политическая эпиграмма лицейской эпохи. — В кн.: Пушкинский сборник памяти проф. С. А. Венгерова. Пушкинист 4. М.; Пг.: ГИЗ, 1922 [на обл.: 1923], с. 13—23.

Эпиграмма на Александра I «Двум Александрам Павловичам» из рукописного сборника «Собрание лицейских стихотворений».

1923

5. С. П. Шевырев. Письмо к барону А. А. Дельвигу. Публик. и коммент. Н. В. Измайлова. — В кн.: Литературные портфели. Т. 1. Время Пушкина. Пб.: Атеней, 1923, с. 95—99.

По поводу полемики «Литературной газеты» с «Северной пчелой».

1924

6. Пушкин. Очерк жизни и творчества. Л.; М.: Петроград, 1924. 115 с. (Труды Пушкинского Дома при Российской Академии наук). (Совместно с Б. Л. Модзалевским).

С. 91—114: «Пушкинская библиография». Сост. Н. В. Измайлов.

7. Рукописное отделение. — В кн.: Пушкинский Дом при Российской Академии наук. Ист. очерк и путеводитель. Л., 1924, с. 44—99. (Совместно с Б. И. Копланом).

С. 43—51: обзор Пушкинского фонда.

1926

8. А. А. Бестужев до 14 декабря 1825 г. Публик. и коммент. Н. В. Измайлова. — В кн.: Памяти декабристов. Сб. материалов. 1. Л.: Изд-во АН СССР, 1926, с. 1—99.

О Пушкине в письмах от 27 октября 1820 г., 8 сентября 1824 г. и в записях 29 января и 20 июня 1824 г. («Памятная книжка А. А. Бестужева 1824 г.»).

9. Из бумаг К. Ф. Рыльева. Публик. и коммент. Н. В. Измайлова. — Там же, с. 140—150.

Письма О. М. Сомова к Н. М. Рылеевой от 18 марта и 4 августа 1827 г. в связи с участием Пушкина в «Звездочке» и о денежном долге Пушкина Рылееву.

10. Из Ruschkinian'ы за 1923—1925 годы. — В кн.: Атеней. Ист.-лит. временник. Под ред. Б. Л. Модзалевского и Ю. Г. Оксмана. Кн. 3. Памяти декабристов. Л., 1926, с. 129—151. (Тр. Пушкинского Дома АН СССР).

Критико-библиографический обзор.

11. Пушкин. Письма. Под ред. и с примеч. Б. Л. Модзалевского. М.; Л.: ГИЗ, 1926—1935. (Тр. Пушкинского Дома АН СССР).

Т. 1. 1815—1825.

Проверка текста и установление переводов писем, проверка примечаний. Т. 2. 1826—1830. 1928.

Сверка писем с автографами поэта.

Т. 3. 1831—1833. Под ред. и с примеч. Л. Б. Модзалевского. Academia, 1935.

Подготовка текстов писем, за исключением писем к А. Н. Гончарову, А. Н. Мордвинову и Е. М. Хитрову.

12. Пушкин и князь В. Ф. Одоевский. — В кн.: Пушкин в мировой литературе. Сб. статей. Л.: ГИЗ, 1926, с. 289—308 (текст), с. 394—399 (примечания). То же. — В кн.: Измайлов Н. В. Очерки творчества Пушкина. Л.: Наука, 1975, с. 303—325.

13. Пушкинский Дом Академии наук. — Науч. работник, 1926, № 7—8, с. 41—52.

1927

14. Из истории Пушкинского текста. «Анчар, древо яда». — В кн.: Пушкин и его современники. Вып. 31—32. Л.: Изд-во АН СССР, 1927, с. 3—14.

15. Письма Пушкина к Елизавете Михайловне Хитрово. 1827—1832. Л.: Изд-во АН СССР, 1927. X, 400 с.; 1 л. портр. (Тр. Пушкинского Дома, вып. 48).

Подготовка текстов, переводы писем и примечания (совместно с М. Д. Беляевым и Б. Л. Модзалевским). Подпись: Н. В.

16. Пушкин и Е. М. Хитрова. — Там же, с. 143—204.

1928

17. М. О. Гершензон как исследователь Пушкина. — В кн.: Берман Я. Э. М. О. Гершензон. Библиография. С прил. статьи Н. В. Измайлова. Одесса, 1928, с. III—XII. (Тр. Пушкинского Дома АН СССР, вып. 52).
18. Коллективное письмо к А. П. Керн из Тригорского. Публик. и коммент. Н. В. Измайлова. — В кн.: Пушкин и его современники. Вып. 37. Л.: Изд-во АН СССР, 1928, с. 8—10.
Письмо Пушкина, Алексея Н. Вульф и Анны Н. Вульф от 1 сентября 1827 г.
19. Б. Л. Модзалевский. — Кр. газ., веч. вып., 1928, 4 апр.
Некролог. Работы, посвященные Пушкину.
20. Б. Л. Модзалевский. — Мир приключений, 1928, № 5, с. 2—4, портр.
Некролог.
21. «Роман на Кавказских водах». Невыполненный замысел Пушкина. — В кн.: Пушкин и его современники. Вып. 37. Л.: Изд-во АН СССР, 1928, с. 68—99, 1 л. факс.
- То же под загл. «Роман на Кавказских водах». Неосуществленный замысел Пушкина. — В кн.: Измайлов Н. В. Очерки творчества Пушкина. Л.: Наука, 1975, с. 174—212.

1929

22. От редакции. — В кн.: Рукописи Пушкина в библиотеках, музеях и архивохранилищах СССР. Краткое описание. Вып. 1. Рукописи Пушкина в собрании Гос. Публичной библиотеки в Ленинграде. Сост. Л. Б. Модзалевский. Л.: Academia, 1929, с. V—XIV.
23. Пушкин и Ксенофонт Полевой. (Комментарий к неизданному письму). — Кр. нива, 1929, № 24, с. 15.
Письмо Пушкина от 11 мая 1836 г.
24. Рукописное наследие Пушкина. — В кн.: Рукописи Пушкина в библиотеках, музеях и архивохранилищах СССР. Краткое описание. Вып. 1. Рукописи Пушкина в собрании Гос. Публичной библиотеки в Ленинграде. Сост. Л. Б. Модзалевский. Л.: Academia, 1929, с. XV—XX.
Краткий исторический очерк судеб пушкинского архива.
25. *Ред.*: Модзалевский Б. Л. Пушкин. Л.: Прибой, 1929. 440 с.
Ред.: Н. В. Измайлов (совместно с П. Е. Щеголевым, при участии Л. Б. Модзалевского).
26. *Ред.*: Рукописи Пушкина в библиотеках, музеях и архивохранилищах СССР. Краткое описание. Под ред. Н. В. Измайлова и Ю. Г. Оксмана. Вып. 1. Рукописи Пушкина в собрании Гос. Публичной библиотеки в Ленинграде. Сост.: Л. Б. Модзалевский. Л.: Academia, 1929. XX, 51 с.
27. *Ред.*: Фомин А. Г. Puschkiniana. 1900—1910. Ред. Н. В. Измайлов. Л.: Изд-во АН СССР, 1929. X. 308 с.

1930

28. Из истории замысла и создания «Медного всадника». — В кн.: Пушкин и его современники. Вып. 38—39. Л.: Изд-во АН СССР, 1930, с. 169—190.
29. Примечание [к статье: Виноградов А. К. Новые строфы «Евгения Онегина» как свидетельство оставленного замысла]. — Там же, с. 7—10.
30. Пушкин А. С. Полное собрание сочинений. В 6-ти т. Под общ. ред. Демьяна Бедного, А. В. Луначарского, П. Н. Сакулина, В. И. Соловьева, П. Е. Щеголева. Вступ. статья А. В. Луначарского. Прил. к журн. «Красная нива» на 1930 год. М.; Л.: ГИЗ, 1930.
Т. 1—2. Стихотворения.
Подготовка к печати текстов из собрания Л. Н. Майкова (совместно с Б. В. Томашевским).
31. Пушкин и его современники. Вып. 38—39. Л.: Изд-во АН СССР, 1930. 280 с.
Подготовка к печати (совместно с И. А. Кубасовым и Б. В. Томашевским).

1931

32. К вопросу об участии В. Ф. Одоевского в посмертном «Современнике». — В кн.: Памяти П. Н. Сакулина. Сб. статей. М.: Никитинские субботники, 1931, с. 83—89.
С. 85—86: судьба посмертного «Современника».

1935

33. Говорят современники. — Лит. Ленинград, 1935, 2 июля.
Рец. на кн.: Литературное наследство. Т. 16—18. М.: Журн.-газ. объединение, 1934.

34. Варианты «Полтавы». Неопубликованные отрывки из черновых рукописей. — Лит. газ., 1936, 20 июля.
35. Записка [Пушкина] к М. Шимановской. Июль—август 1828 г. Петербург. Публик. и коммент. Н. В. Измайлова. — В кн.: Летописи Гос. Литературного музея. Кн. 1. Пушкин. М.: Журн.-газ. объединение, 1936, с. 327—332.
36. История текста писем Пушкина к Геккерену (17—21 ноября 1836—26 января 1837). — Там же, с. 338—357.
37. Рец.: А. Пушкин. Сочинения. Ред., биограф. очерк и примеч. Б. Томашевского. Вступ. статья В. Десницкого. Гос. изд. «Худож. лит.», Л., 1935, XII, 975 с. — В кн.: Временник Пушкинской комиссии. Т. 2. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1936, с. 401—414. (В соавторстве с М. Аронсоном, Г. Бялым, Ю. Г. Оксманом).
38. Рец.: Рукою Пушкина. Несобранные и неопубликованные тексты. Подгот. к печати и коммент. М. А. Цявловский, Л. Б. Модзалевский, Т. Г. Зенгер. Тр. Пушкинской комиссии Института литературы (Пушкинского Дома) АН СССР. Academia. M., 1935. 926 с. — В кн.: Пушкин. Временник Пушкинской комиссии. Т. 2. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1936, с. 414—429. (Совместно с Н. Козминым, С. Гессеном, Б. Казанским, Б. Язловским).
- С. 425—426: публикация и комментарий чернового письма Пушкина к неизвестному; расшифровка записи Пушкина («Рукою Пушкина», с. 269 — «Колонна цифр слева»); указывается, что автором письма к Пушкину от 23 мая был М. П. Бутурлин.

1937

39. Незданные стихотворные тексты. Сообщ. Н. Измайлова. — Новый мир, 1937, № 1, с. 5—8.
- I. Незданный вариант «Подражания Корану». — II. Незданная песня из «Полтавы». — III. [Смена размеров в творчестве Пушкина]. — IV. [Первоначальная редакция «Воспоминания» 1828 г.].
40. О «Полтаве». — На страже, 1937, 10 февр.
41. Поэма Пушкина о гетеристах. (Из эпических замыслов Кишиневского времени, 1821—1822). — В кн.: Пушкин. Временник Пушкинской комиссии. Т. 3. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937, с. 339—348.
42. Пушкин. Полное собрание сочинений. Т. 1—16, Спр. т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937—1949, 1959.
- Т. 2—5, 8, 11, 12, 14, 16: ред. Н. В. Измайлов и др.
- Т. 2, кн. 1. 1947; кн. 2. 1949.
- Стихотворения 1824 г. — подготовка текстов, вариантов и примечаний, подписанных: Н. И., частично при участии М. А. Цявловского.
- Т. 3, кн. 1. 1948; кн. 2. 1949.
- Стихотворения 1828, 1832, 1833, 1835, 1836 гг. и отдельные стихотворения других лет — подготовка текстов, вариантов и примечаний, подписанных: Н. И., частично при участии М. А. Цявловского.
- Т. 4. 1937.
- Поэма «Вадим» — подготовка текста, вариантов и примечаний.
- Т. 5. 1948.
- Поэмы «Полтава», «Езерский», «Медный Всадник», планы неосуществленных поэм — подготовка текстов, вариантов и примечаний; «Медный Всадник» — совместно с С. М. Бонди.
- Т. 8, кн. 1. 1938; кн. 2. 1940.
- «Гости съезжались на дачу», «На углу маленькой площади», «Участь моя решена», «Роман на Кавказских водах», «Мы проводили вечер на даче» — подготовка текстов, вариантов и примечаний.
- Т. 11. 1949.
- «Возражение на статью „Атеней“, «Возражение критикам „Полтавы“» — подготовка текстов, вариантов и примечаний.
- Т. 12. 1949.
- «Российская Академия», «Французская Академия», «Мнение М. Е. Лобанова», «Фракийские элегии» — подготовка текстов, вариантов и примечаний.
- Т. 14. Переписка. 1828—1831. 1941.
- Н. В. Измайлов — общий редактор тома.
- Тексты писем Пушкина за 1831 г., писем № 377, 402, 441, 443, 449, 509 и «деловые бумаги» — подготовка текстов, вариантов и примечаний; алфавитный указатель (совместно с Л. Л. Домгером).
- Т. 15. Переписка. 1832—1834. 1948.
- Тексты писем Пушкина — подготовка текстов, вариантов и примечаний; алфавитный указатель (совместно с Н. Г. Розенблюмом); редактирование переводов.
- Т. 16. Переписка. 1835—1837. 1949.
- Тексты писем Пушкина и «деловые бумаги» — подготовка текстов, вариантов и примечаний; редактирование переводов.

Спр. т. 1959.

- Н. В. Измайлов — контрольный рецензент (совместно с Б. В. Томашевским).
43. Пушкин в работе над «Полтавой». — Книжные новости, 1937, № 2, с. 31—34.
Статья положена в основу монографии «Пушкин в работе над „Полтавой“». См. № 117.

1938

44. Пушкин А. С. Полное собрание сочинений. В 6-ти т. Под ред. М. А. Цявловского. Т. 6. Письма. 1815—1837. М.: Гослитгиздат, 1938. 654 с.
Подготовка текстов писем за 1834—1837 гг.; комментарии (совместно с Л. Б. Модзалевским и П. А. Садиковым); переводы французских писем (совместно с П. К. Губером).

1939

45. К вопросу об исторических источниках «Полтавы». — В кн.: Пушкин. Временник Пушкинской комиссии. Т. 4—5. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1939, с. 435—452.
Статья положена в основу монографии «Пушкин в работе над „Полтавой“». См. № 117.
46. Пушкин А. С. [Сочинения в стихах. В 3-х т.]. Т. 2. Поэмы. Сказки. Ред. текста и примеч. С. М. Бонди, Н. В. Измайлова, В. Л. Комаровича, А. Л. Слонимского (общ. ред.), Н. Л. Степанова, Б. М. Эйхенбаума. Л.: Сов. писатель, 1939. 424 с. (Б-ка поэта. Большая серия).
Поэмы «Полтава», «Домик в Коломне», «Езерский», «Медный всадник» — подготовка текстов и примечания.

1940

47. Пушкин А. С. [Сочинения в стихах. В 3-х т.]. Т. 1. Стихотворения. Ред. текста и примеч. Н. В. Измайлова, Б. С. Мейлаха, Н. И. Мордовченко и А. Л. Слонимского (общ. ред.). Л.: Сов. писатель, 1940. Л, 638 с. (Б-ка поэта. Большая серия).
Стихотворения 1817—1820, 1831—1836 гг. — подготовка текстов и примечания в форме обзоров.

1941

48. Строфы о Наполеоне и Байроне в стихотворении «К морю». Публик. и коммент. Н. В. Измайлов. — В кн.: Временник Пушкинской комиссии. Т. 6. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941, с. 21—29.

1949

49. К истории создания «Полтавы» Пушкина. — Учен. зап. Чкалов. пед. ин-та им. Чкалова, 1949. Сер. филолог. наук, вып. 3, с. 53—78.
Статья положена в основу монографии «Пушкин в работе над „Полтавой“». См. № 117.
50. Певец декабризма. — За педагогические кадры. Однодневн. газ. Чкалов. пед. ин-та им. Чкалова, 1949, 29 апр.
51. А. С. Пушкин. — В кн.: Пушкин А. С. Стихотворения и поэмы. 1799—1949. Чкалов, Чкалов. изд-во, 1949, с. III—XX.
52. Пушкин в Оренбургском крае. — Чкалов. коммуна, 1949, 29 мая.
53. Пушкин и народное восстание. — За педагогические кадры. Орган Чкалов. пед. ин-та, 1949, 6 июня, спец. вып.
54. Пушкин — родоначальник новой русской литературы. — В альм.: Степные огни. Кн. 8. Чкалов: Чкалов. изд-во, 1949, с. 39—57.
55. Родоначальник новой русской литературы. (К 150-летию со дня рождения А. С. Пушкина). — Чкалов. коммуна, 1949, 8 мая.

1952

56. Мицкевич в стихах Пушкина. (К интерпретации стихотворения «В прохладе сладостной фонтанов»). — Учен. зап. Чкалов. пед. ин-та им. Чкалова, 1952. Сер. ист.-филол. наук, вып. 6, с. 171—214.
То же. — В кн.: Измайлов Н. В. Очерки творчества Пушкина. Л.: Наука, 1975, с. 125—173.

1953

57. Оренбургские материалы Пушкина для «Истории Пугачева» и «Капитанской дочки». — В кн.: Пушкин. Исслед. и материалы. Тр. Третьей Всесоюз. Пушкинской конф. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953, с. 266—297.
То же. — В кн.: Измайлов Н. В. Очерки творчества Пушкина. Л.: Наука, 1975, с. 270—302.

1954

58. Стихотворение Пушкина «Мирская власть». (Вновь найденный автограф). — Изв. АН СССР. Отд-ние лит. и яз., 1954, т. 13, вып. 6, с. 548—556, факс.

1955

59. Литература о Пушкине за 1950—1954 годы. — Вестн. АН СССР, 1955, № 3, с. 125—134.
Библиографический обзор.

1956

60. В. А. Жуковский. — В кн.: Жуковский В. А. Стихотворения. Вступ. статья, подготовка текста и примеч. Н. В. Измайлова. Л.: Сов. писатель, 1956, с. 5—50. (Б-ка поэта. Большая серия. 2-е изд.).
С. 20—22, 31, 36, 37, 39, 40: Жуковский и Пушкин.
61. Итоги и достижения изучения рукописей Пушкина. — В кн.: Восьмая юбилейная Всесоюзная Пушкинская конференция 7—8 июня 1956 г. Тез. докл. Л.: Наука, 1956, с. 6—9. (АН СССР. Ин-т рус. литературы (Пушкинский Дом)).
62. Рукописный отдел. — В кн.: 50 лет Пушкинского Дома. Под ред. В. Г. Базанова. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956, с. 28—40. (Совместно с В. В. Даниловым и Л. М. Добровольским).
63. *Ред.*: Бюллетени Рукописного отдела Пушкинского Дома. Вып. 6, 8. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956, 1959.
Вып. 6, 8 — Н. В. Измайлов — член редколлегии.
Вып. 8 — отв. ред. Н. В. Измайлов.
64. *Ред.*: Пушкин. Исследования и материалы. Т. 1—10. М.; Л., 1956—1981. (АН СССР. Ин-т рус. литературы (Пушкинский Дом)).
Т. 1—2 — при участии Н. В. Измайлова.
Т. 3 — под ред. Н. В. Измайлова.
Т. 4, 6 — под ред. Н. В. Измайлова и др.
Т. 5, 7—10 — Н. В. Измайлов — член редколлегии.
Т. 8 — отв. ред. Н. В. Измайлов.

1957

65. Критический реализм в русской литературе XIX века. (Стенограмма публичной лекции). Л., 1957. 47 с. (О-во по распространению полит. и науч. знаний РСФСР. Ленингр. отд-ние).
С. 16—21: реализм Пушкина.

1958

66. Берды. — В кн.: Пушкин. Исслед. и материалы. Т. 2. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958, с. 488, фото с. 489.
В разделе «Хроника. Пушкинские памятные места».
67. Лирические циклы в поэзии Пушкина 30-х годов. — Там же, с. 7—48.
То же под загл. «Лирические циклы в поэзии Пушкина конца 20—30-х годов». — В кн.: Измайлов Н. В. Очерки творчества Пушкина. Л.: Наука, 1975, с. 213—269.
68. Борис Викторович Томашевский. — Изв. АН СССР. Отд-ние лит. и яз., 1958, т. 17, вып. 1, с. 105—108.
Некролог.

1959

69. 12 тысяч пушкинских страниц. — Ленингр. правда, 1959, 6 июня.
Пушкинский рукописный фонд в Рукописном отделе Института русской литературы.
70. [Итоги изучения рукописного наследия Пушкина. Доклад на XI Всесоюз. Пушкинской конференции. Излож.]. — Изв. АН СССР. Отд-ние лит. и яз., 1959, т. 18, вып. 6, с. 557; Рус. лит., 1959, № 4, с. 250—251.
71. Памяти Б. В. Томашевского (1890—1957). — В кн.: Бюллетени Рукописного отдела Пушкинского Дома. Вып. 8. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959, с. 153—154. Подпись: Редакция.
72. Рукою поэта... — Лит. и жизнь, 1959, 7 июня.
Судьба рукописей Пушкина.

1960

73. Об архивных материалах Пушкина для «Истории Пугачева». — В кн.: Пушкин. Исслед. и материалы. Т. 3. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960, с. 438—454.
74. От редакции. — В кн.: Пушкин в письмах Карамзиных 1836—1837 годов. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960, с. 3—9.

75. Пушкин и семейство Карамзиных. — Там же, с. 11—48.
 76. Б. В. Томашевский как исследователь Пушкина. — В кн.: Пушкин. Исслед. и материалы. Т. 3. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960, с. 5—24.
 77. *Ред.*: Пушкин в письмах Карамзиных 1836—1837 годов. Под ред. Н. В. Измайлова. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. 436 с.

1962

78. Выступление [по докладу Л. Штильмана «Проблемы литературных жанров и традиций в „Евгении Онегине“»]. — В кн.: IV Международный съезд славистов. Материалы дискуссии. Т. 1. М.: Изд-во АН СССР, 1962, с. 586.
 79. «Капитанская дочка». — В кн.: История русского романа. В 2-х т. Т. 1. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962, с. 180—202.
 Гл. III раздела «Пушкин. Русский роман 30-х годов».
 То же. Извлечения из статьи. — В кн.: Пушкин в школе. Пособие для учителя. Сост. В. Я. Коровина. М.: Просвещение, 1978, с. 133—144.
 80. [Незавершенные замыслы Пушкина. Докл. на XIV Всесоюз. Пушкинской конференции. Излож.]. — Изв. АН СССР. Отд-ние лит. и яз., 1962, т. 21, вып. 3, с. 285.
 81. Основные проблемы пушкиноведения на современном этапе. [Проблемная записка]. — Изв. АН СССР. Отд-ние лит. и яз., 1962, т. 21, вып. 1, с. 14—33. (В соавторстве).

1963

82. Пушкин в переписке и дневниках современников. 1. П. А. Вяземский и К. Н. Батюшков о Пушкине. (Отзывы 1815 и 1818 годов). 2. Пушкин в дневнике гр. Д. Ф. Фикельмон. — В кн.: Временник Пушкинской комиссии. 1962. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1963, с. 29—37.
 83. Текстологические и историко-литературные вопросы изучения творчества Пушкина. Доклад о работах, представл. на соиск. учен. степени докт. филол. наук по совокупности трудов. Л., 1963. 39 с. (АН СССР. Ин-т рус. литературы (Пушкинский Дом)).
 Список работ автора: с. 37—39 (50 назв.).

1964

84. Предисловие. — В кн.: Соловьева О. С. Рукописи Пушкина, поступившие в Пушкинский Дом после 1937 года. Краткое описание. М.; Л.: Наука, 1964, с. 3—11.
 85. *Ред.*: Соловьева О. С. Рукописи Пушкина, поступившие в Пушкинский Дом после 1937 года. Краткое описание. Отв. ред. Н. В. Измайлов. М.; Л.: Наука, 1964. 112 с.

1966

86. Михаил Павлович Алексеев. (К 70-летию со дня рождения). — Рус. лит., 1966, № 2, с. 262—268.
 87. Источниковедение. — В кн.: Пушкин. Итоги и проблемы изучения. М.; Л.: Наука, 1966, с. 611—630.
 88. [О народном воспитании. Докл. на заседании Пушкинской комиссии при Отделении литературы и языка АН СССР. (Ленинград. 1965). Краткое излож.]. — Вестн. АН СССР, 1966, № 2, с. 175—176.
 89. О. С. Соловьева. Некролог. — В кн.: Временник Пушкинской комиссии. 1963. М.; Л.: Наука, 1966, с. 111—113. Подпись: Н. И.
 90. Текстология. — В кн.: Пушкин. Итоги и проблемы изучения. М.; Л.: Наука, 1966, с. 555—610.
 91. Художественная проза. — Там же, с. 460—485.
 92. *Ред.*: Пушкин. Итоги и проблемы изучения. Коллективная монография под ред. Б. П. Городецкого, Н. В. Измайлова, Б. С. Мейлаха. М.; Л.: Наука, 1966. 663 с.

1967

93. Вновь найденный автограф Пушкина — записка «О народном воспитании». — В кн.: Временник Пушкинской комиссии. 1964. Л.: Наука, 1967, с. 5—16, факс.
 Извлечение из доклада, прочитанного на пленарном заседании Пушкинской комиссии при Отделении литературы и языка АН СССР 23 ноября 1965 г.

1968

94. В. А. Жуковский. — В кн.: История русской поэзии. В 2-х т. Т. 1. Л.: Наука, 1968, с. 237—265.
 С. 237, 238, 240, 243, 244, 246—248, 250, 251, 253, 254, 257—265: Жуковский и Пушкин.

95. *Ред.*: Новонайденный автограф Пушкина. Заметки на рукописи книги П. А. Вяземского «Биографические и литературные записки о Денисе Ивановиче Фонвизине». Подгот. текста, статья и коммент. В. Э. Вацура и М. И. Гиллельсона. Отв. ред. Н. В. Измайлов. М.; Л.: Наука, 1968. 128 с.

1969

96. Борис Соломонович Мейлах (к 60-летию со дня рождения). — Рус. лит., 1969, № 4, с. 224—226, портр.
97. От редактора. — В кн.: Овчинников Р. В. Пушкин в работе над архивными документами («История Пугачева»). Л.: Наука, 1969, с. 3—5.
98. Предисловие. — В кн.: Пушкин. Письма последних лет. 1834—1837. Л.: Наука, 1969, с. 3—22.
99. Пушкин. Письма последних лет. 1834—1837. Отв. ред. Н. В. Измайлов. Л.: Наука, 1969. 528 с.
Пересмотр французских (и других иноязычных) текстов и переводов, подготовка раздела «Из вариантов и других редакций», публикация текста и комментарий письма к Л. Геккерну (№ 246 — совместно с В. Э. Вацура), В. Ф. Одоевского (№ 150), справки о Л. Геккерне и Жуковском (подпись: Н. И.).
100. Тургенев — издатель писем Пушкина и Н. Н. Пушкиной. — В кн.: Тургеневский сборник. Материалы к Полному собранию сочинений и писем И. С. Тургенева. Т. 5. Л.: Наука, 1969, с. 399—416.
101. *Ред.*: Гиллельсон М. И. П. А. Вяземский. Жизнь и творчество. Отв. ред. Н. В. Измайлов. Л.: Наука, 1969. 391 с.
102. *Ред.*: Овчинников Р. В. Пушкин в работе над архивными документами («История Пугачева»). Отв. ред. Н. В. Измайлов. Л.: Наука, 1969. 274 с.
103. *Ред.*: Пушкин. Письма последних лет. 1834—1837. Отв. ред. Н. В. Измайлов. Л.: Наука, 1969. 528 с. (АН СССР. Ин-т русской литературы (Пушкинский Дом)).

1971

104. Из истории русской октавы. — В кн.: Поэтика и стилистика русской литературы. Памяти академика В. В. Виноградова. Л.: Наука, 1971, с. 102—110. Октавы «Домика в Коломне».

1972

105. Страна поэта. — Лит. газ., 1972, 15 марта.
Воспоминание о посещении Пушкинского заповедника в 1923 и 1924 гг. Празднование 100-летия со дня приезда Пушкина в Михайловское.
106. Томашевский Борис Викторович. — Краткая литературная энциклопедия. Т. 7. М.: Сов. энциклопедия, 1972, стлб. 570—572.

1973

107. Пушкиниана: будущие страницы. Анкета «ЛГ». — Лит. газ., 1973, 6 июня.
Отвечают ученые-пушкинисты: Н. В. Измайлов и др.
108. Текстологическое изучение поэмы Пушкина «Медный всадник». — В кн.: Текстология славянских литератур. Докл. конф. Ленинград. 25—30 мая 1971 г. Л.: Наука, 1973, с. 119—130. (АН СССР. Ин-т рус. литературы (Пушкинский Дом); Ин-т мировой литературы им. М. Горького; Текстол. комис. Междунар. комитета славистов).
109. Фантастическая повесть. — В кн.: Русская повесть XIX века. История и проблематика жанра. Под ред. Б. С. Мейлаха. Л.: Наука, 1973, с. 134—169.
С. 137, 139—140, 142, 145—147, 149, 152, 153, 156—160: фантастика в творчестве Пушкина.

1974

110. Академическое издание сочинений Пушкина. — Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз., 1974, т. 33, № 3, с. 254—266.
111. Борис Львович Модзалевский. (1874—1928). — Рус. лит., 1974, № 3, с. 144—151.
112. О рукописях А. С. Пушкина. — В кн.: Белые ночи. Очерки, зарисовки, документы, воспоминания. Л.: Лениздат, 1974, с. 52—88.
113. От редактора. — В кн.: Стихотворения Пушкина 1820—1830-х годов. История создания и идейно-худож. проблематика. Л.: Наука, 1974, с. 3—7.
114. Осень. (Отрывок). — Там же, с. 222—254.
115. И. С. Тургенев — переводчик Пушкина на французский язык. — В кн.: Пушкин. Исслед. и материалы. Т. 7. Л.: Наука, 1974, с. 185—203.
116. *Ред.*: Стихотворения Пушкина 1820—1830-х годов. История создания и идейно-худож. проблематика. Отв. ред. Н. В. Измайлов. Л.: Наука, 1974. 415 с. (АН СССР. Ин-т рус. литературы (Пушкинский Дом)).

1975

117. Очерки творчества Пушкина. [Сборник]. Л.: Наука, 1975. 340 с. (АН СССР. Ин-т рус. литературы (Пушкинский Дом)).
Содерж.: От автора. — Пушкин в работе над «Полтавой». — Мицкевич в стихах Пушкина. (К интерпретации стихотворения «В прохладе сладостной фонтанов»). — «Роман на Кавказских водах». Неосуществленный замысел Пушкина. — Лирические циклы в поэзии Пушкина конца 20—30-х годов. — Оренбургские материалы Пушкина для «Истории Пугачева» и «Капитанской дочки». — Пушкин и В. Ф. Одоевский. — Справки о первоначальных публикациях статей, вошедших в настоящий сборник. — Указатель имен. — Указатель произведений Пушкина.
См. также № 12, 21, 43, 45, 49, 56, 57, 67.
Книге присуждена Пушкинская премия 1980 г.
118. Пушкин и его эпоха. — Лит. газ., 1975, 9 апр.
Рец. на кн.: Мейлах Б. С. Жизнь Александра Пушкина. М.: Худож. лит., 1974.

1976

119. [Вступительное слово на XXIV Пушкинской конференции. Краткое излож.]. — Рус. лит., 1976, № 4, с. 256; Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз., 1977, т. 36, вып. 4, с. 376.
120. Предисловие. — В кн.: Раевский Н. А. Друг Пушкина Павел Воинович Нащокин. Л.: Наука, 1976, с. 3—4.
121. Тема «вампиризма» в литературе первых десятилетий XIX в. — В кн.: Сравнительное изучение литератур. Сб. статей к 80-летию академика М. П. Алексеева. Л.: Наука, 1976, с. 510—519.
С. 510—512, 514—517: тема вампиризма в творчестве Пушкина.

1977

122. Забытая старина. (Из наблюдений над текстом «Медного всадника»). — В кн.: Замысел, труд, воплощение... Под ред. В. И. Кулешова. [Сборник статей, посвященный С. М. Бонди]. М.: Изд-во МГУ, 1977, с. 125—137.
123. *Ред.*: Гиллельсон М. И. От арамасского братства к пушкинскому кругу писателей. Отв. ред. Н. В. Измайлов. Л.: Наука, 1977. 200 с. (АН СССР. Сер. «Из истории мировой культуры»).

1978

124. «Медный Всадник» А. С. Пушкина. История замысла и создания, публикации и изучения. — В кн.: Пушкин А. С. Медный Всадник. Л.: Наука, 1978, с. 147—265. (Лит. памятники).
125. Пушкин А. С. Медный Всадник. Изд. подгот. Н. В. Измайлов. Л.: Наука, 1978. 288 с., 1 л. портр. (Лит. памятники).
126. Пушкин в сравнительно-историческом изучении. — В кн.: Пушкин. Исслед. в материалы. Т. 8. Л.: Наука, 1978, с. 137—146.
Доклад, прочитанный на XXIV Пушкинской конференции 2 июня 1976 г. Посвящен 80-летию академика М. П. Алексеева.

1979

127. Жизнь поэмы. — В кн.: Пушкин А. С. Полтава. М.: Книга, 1979, с. 13—52. (Книга и время).
История создания поэмы «Полтава» и ее публикации.
128. О принципах нового академического издания сочинений Пушкина. — В кн.: Пушкин. Исслед. и материалы. Т. 9. Л.: Наука, 1979, с. 5—16.

1981

129. Два документа в творчестве Пушкина. («Приметы» Отрепьева и «приметы» Дубровского). — В кн.: Пушкин. Исслед. и материалы. Т. 10. М.; Л.: Наука, 1981, с. 305—308.
130. *Ред.*: Телетова Н. К. Забытые родственные связи А. С. Пушкина. Отв. ред. Н. В. Измайлов. Л.: Наука, 1981. 175 с. (АН СССР. Сер. «Литературоведение и языкознание»).

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Абрамович С. Л. 131, 139
 Адеркас Б. А. 57
 Азадовский М. К. 153, 207, 270, 290
 Азарова Н. И. 215
 Айгустов 221
 Акплов Я. 316
 Акпифьев Ф. В. 226, 245
 Аладьин Е. В. 201
 Александр I 7, 34, 44, 80, 82, 99, 113, 126, 166, 167, 196, 202, 203, 213, 219, 241, 251, 257, 263, 293, 339
 Александр Николаевич, вел. кн. 276, 280, 292
 Александра Федоровна, имп. 7, 16, 89, 126, 276, 277
 Алексеев М. П. 4, 60, 165, 169—171, 265, 323—335, 344, 346
 Алексеев Н. С. 28, 79
 Алексей Михайлович 224
 Аленушка 227, 228, 245
 Алябьев А. А. 231, 247
 Анакреонт 70, 236, 248
 Анастасевич В. Г. 215, 239
 Андросов В. П. 175—177, 182, 183, 283, 293
 Анна Иоанновна, имп. 205
 Анна Петровна 305, 320
 Анненков П. В. 17, 28, 50, 66, 131, 149, 254
 Анчапов 276
 Апраксин В. С. 224, 244
 Апраксин С. С. 223, 243, 244
 Апраксина Е. В., урожд. Голицына 223, 243, 244
 Апраксины 224, 226, 227
 Арапов П. Н. 249
 Арендт Н. Ф. 208
 Арина Родионовна см. Яковлева А. Р.
 Ариосто Л. 34, 195, 289
 Аронсон М. И. 341
 Арсеньев К. И. 280, 284, 292, 294
 Арсеньев С. Н. 232, 247
 Ахматова А. А. 165, 332
 Ацаркина Э. Н. 107
 Апукин Н. С. 251
 Бабкин Д. С. 251, 252
 Баев 188
 Баевский В. С. 3
 Базанов В. Г. 201, 343
 Байрон (Вугон) Д.-Г.-Н. 23, 29, 31, 41, 54, 76, 118, 170, 193, 195, 196, 198, 199, 202, 205, 211, 212, 332, 342
 Балашов Д. М. 157
 Балдов (Балдин) И. Д. 276, 283, 288, 291, 293, 295
 Балк-Полев П. Ф. 219, 221, 222, 241, 242
 Бальзак О., де 278, 282, 327
 Бальмен М. В., урожд. Нарышкина 217, 219, 222, 225, 240, 242
 Вантшп-Каменский Д. Н. 152
 Баранов А. Н. 222, 242
 Баранов Н. И. 242
 Баранова В. А., урожд. Болтина 222, 226, 242
 Баратынский Е. А. 92, 93, 101, 106, 140, 141, 164, 169, 214, 231, 234, 236, 241, 249, 268—271, 274, 277, 289—291, 294
 Барк В. Н. 235
 Баркова 217, 240
 Баргенов П. И. 28, 184, 189, 251, 258, 266, 267
 Баргенов Ю. Н. 279, 292
 Баргенова П. А. 67, 277, 291
 Барятинский А. И. 250
 Басаргин Н. В. 93
 Баскаков В. Н. 335
 Батюшков (Batiuſkov) К. Н. 118, 167, 195, 200, 214, 216, 219—224, 226, 229, 230, 239, 241, 243, 244, 265, 329, 334, 344
 Бахман К. Ф. 280, 286, 292
 Бахтин М. М. 118
 Башилов А. А. 234, 248
 Башмаков Д. Е. 30
 Бедный Д. 340
 Бекетов Н. А. 237
 Бекетов П. П. 250, 251, 253—255, 257, 260
 Бекетова Е. А., в замужестве Золотарева 247
 Бекетовы 232, 247
 Бегович-Черкасский Ф. А. 24
 Белецкий А. И. 331
 Белинский В. Г. 115, 118, 126, 131, 154, 182, 297, 326
 Беляев М. Д. 339
 Беляничков Н. Н. 296, 297, 299, 301, 320
 Бенкендорф А. Х. 13, 33, 89, 95, 102, 208, 209, 211
 Бер В. М. 30
 Беранже П.-Ж., де 211
 Бёрк Э. 326, 334
 Берков П. Н. 78, 81
 Беркопец О. 149, 151, 152
 Беркопф В. И. 89
 Берман Я. З. 340
 Берхман Е. Г., урожд. Щербатова 226, 245
 Берхман С. Ф. 224, 226, 244
 Бестужев 236, 249
 Бестужев А. А. (псевд. — Марлинский) 45, 63, 76, 196, 273, 281, 287, 290, 292, 295, 323, 327, 328, 336, 339
 Бестужев М. А. 93, 104
 Бестужев Н. А. 207
 Бестужев П. А. 288, 295
 Бестужев-Рюмин М. П. 88, 90
 Бестужева П. М., урожд. Языкова 295
 Бестужевы 207
 Бирман Ю. Е. 130
 Биццлли П. М. 165, 169
 Бичурин Н. Я. (о. Иакинф) 284, 294, 295
 Благой Д. Д. 99, 103, 106, 111, 131, 133, 139, 147, 152, 160, 213, 331, 333
 Бларамберг И. П. 30
 Блок Г. П. 331
 Блудов Д. Н. 185, 190, 191, 215—218, 223, 231, 237—239, 265
 Бобринская А. В. 224, 231, 244
 Бобров С. П. 264
 Бове А. С., урожд. Гурьева 316, 322
 Бове О. И. 298, 316, 322
 Богарне Ж. 259
 Богданович И. Ф. 261
 Богданович П. И. 261
 Болонья Д., да 45
 Болховитинов Евфимий Алексеевич (в монашестве Евгений) 284, 294
 Бомарше П.-О. Карон, де 77
 Бонди С. М. 27, 115, 118—120, 150, 336—338, 241, 342, 346
 Бонифаций III Кастиланский 197, 199, 201
 Боргондио (Borgondio) 246

- Борро Д. 324, 325, 329
 Бояновский В. Л. 97
 Бочаров С. Г. 115, 120, 131, 135, 137, 140, 171
 Бродский Н. Л. 115, 118, 120, 126
 Брокгауз Ф. А. 252, 263
 Брунов Ф. И. 30
 Брюллов К. П. 277, 291
 Брюсов В. Я. 251, 252, 323, 327
 Брюсова И. А. 252
 Буавен, аббат 30
 Буало-Депрео (Boileau) Н. 169, 221, 228
 Буассар Ж.-Ж.-Ф. 218, 240
 Будберг 277
 Булахов П. А. 237, 249
 Булгаков А. Я. 217, 222, 227, 229, 233, 240, 264, 320
 Булгаков К. Я. 221—225, 229, 242, 243, 246, 264, 320
 Булгарин Ф. В. 77, 235, 236, 268, 272, 275, 284, 285, 287, 289, 290, 292, 294, 295
 Бурцов И. Г. 10
 Бутурлин Д. П. 214
 Бутурлин М. Д. 30, 259
 Бутурлин М. П. 341
 Бутурлина 259
 Бухштаб Б. Я. 128
 Буше (Boucher) см. Дюбуше М.
 Бычков Ф. А. 193, 196, 203
 Бэлза И. Ф. 104
 Бялый Г. А. 341

 Вайлер 255
 Валицкая А. П. 109
 Васильев Л. В. 218, 240
 Васильева М. В., в замужестве Безобразова 218, 227, 228, 233, 235, 236, 240, 245
 Васильчиков А. А. 256
 Вацуро В. Э. 3, 77, 108, 150, 163, 165, 167, 180, 192, 294, 345
 Вебер К. М. 298, 301, 307, 320
 Вейдемейер А. 279, 292
 Веллингтон А. 89
 Венгеров С. А. 97, 98, 149, 252, 336, 339
 Веневитинов А. В. 175, 228, 246
 Веневитинов Д. В. 92, 139, 228, 245, 246
 Веневитинова А. Н. 228, 245
 Вершинский (Дмитрий Степанович), протоиерей 294
 Вигель Ф. Ф. 217, 240, 256
 Виельгорский М. Ю. 250
 Виже Л. Ж. 255
 Викери У. 332
 Вильсон Д. 329, 331
 Виноградов 202
 Виноградов А. К. 152, 340
 Виноградов В. В. 131, 135, 136, 171, 192, 193, 345
 Виноградов С. П. 250
 Винокур Г. О. 16, 51
 Вистенгоф П. Ф. 291
 Власов 228, 245
 Воейков А. Ф. 180—182
 Воейкова А. А. 89
 Волков А. А. 227, 229, 245
 Волков П. Г. 271, 288
 Волконская З. А. 93, 123
 Волконская М. Н., урожд. Раевская 32, 93
 Волконская М. Н., в замужестве Толстая 228, 246
 Волконская Н. А., урожд. Мусина-Пушкина 228, 245
 Волконский А. Д. 228, 245
 Волконский Д. М. 245
 Волконский М. Д. 228, 245
 Волконский С. Г. 32, 93
 Вольтер Ф.-М. (Аруэт) 76, 77, 79, 81, 137, 149, 230, 233, 234, 243, 246, 324, 331
 Воробьев В. П. 149
 Ворожейкина А. Н. 226—228, 233, 245, 246
 Воронцов М. С. 40, 61, 64, 324, 327
 Воронцова Е. К. 31, 40, 330
 Востоков А. Х. 280, 292
 Времов Т. М. 247
 Всеволожский Н. В. 32
 Вульф Алексей Н. 60, 101, 102, 132, 134, 327, 340
 Вульф Анна Н. 61, 67, 340
 Вульф Е. Н., в замужестве Вревская 60
 Вучич 152
 Вышеславцева К. М. 239
 Вяземская В. Ф. 32, 46, 56, 63, 65, 90, 216, 217, 220, 221, 224, 225, 227, 229, 230, 232, 233, 235—239, 243, 246, 247, 280
 Вяземские 118
 Вяземский П. А. 3, 31, 34, 37, 41, 42, 44, 46, 47, 52, 54, 58, 61, 73, 76, 85, 90—92, 98, 101, 104, 106, 110, 111, 113, 116, 118, 121, 122, 132, 136—138, 164—173, 193, 213—249, 254—257, 264, 266, 280, 290, 292, 294, 344, 345
 Гагарин А. П. 221, 222, 224, 225, 230, 242
 Гагарин С. И. 224, 243
 Гагарин С. С. 223, 224, 243
 Гагарина Е. С., урожд. Меньшикова 221, 242
 Гагарина С. Ф., в замужестве Лодомирская 221, 223, 242
 Гаджи Магомет Селех-паша («Сераскир») 23
 Галич А. И. 280, 292
 Гандин 187, 188
 Ганеман С.-Х.-Ф. 286, 294
 Ганнибал А. П. 42, 64, 78, 132, 134—138
 Гдалин А. Д. 335
 Гегель Г.-Ф.-В. 290
 Гедеонов А. М. 246
 Гедеонова Н. П. 231, 246
 Гейне Г. 293
 Геккерн Л. 336, 341, 345
 Гельбиг Г. 258
 Геннади Г. Н. 66
 Гербель Н. В. 262
 Герман А. И. 236, 248
 Гермес И. Б. 273, 290
 Геродот 226
 Герольд Л.-Ж.-Ф. 309, 321
 Герцен А. И. 92, 291, 294
 Гершензон М. О. 340
 Гессен С. Я. 341
 Гете В. 331, 333
 Гете И.-В. 65, 76, 269, 287, 294, 325, 335
 Гиббон Э. 226, 244
 Гиллельсон М. И. 165, 168, 169, 180, 255, 266, 345, 346
 Гинзбург Л. Я. 165, 170
 Глазенап В. Г. 224, 236, 244, 249
 Глазунов М. П. 231, 246
 Глебов Г. С. 107
 Глинка М. И. 71, 291
 Глинка С. Н. 215, 216, 239, 278, 291
 Глинка Ф. Н. 107
 Глюк Х. В. 328
 Гнедич Н. И. 31, 71, 220, 229, 246

- Гоголь Н. В. 161, 174, 281, 290, 297
 Годунов Борис Федорович 12, 328
 Голенищев-Кутузов П. В. 88, 104, 205, 206, 208—210
 Голенищев-Кутузов П. И. 256
 Голиков И. И. 134
 Голицын 319
 Голицын А. Н. 218, 241
 Голицын В. С. 232, 247
 Голицын Е. А. 257—259
 Голицын М. П. 236, 249
 Голицын Н. Ф. 240
 Голицын С. Г. 69, 71
 Голицын С. М. 241, 277, 291
 Голицын Ф. С. 223, 243
 Голицына А. А., урожд. Грузинская 221, 230, 242
 Голицына А. Ф., урожд. Бахметьева 218, 240
 Голицына Е. И., урожд. Измайлова 219—222, 241, 242
 Голицына Н. П. 244
 Голицына С. Б., в замужестве Полторацкая 220, 221, 241
 Голохвастов Д. П. 277, 282, 291
 Гомер 24, 216, 236, 248
 Гонзага Т. А. 329, 332
 Гончаров А. Н. 339
 Гончаров Д. Н. 302
 Гораций 236, 241, 248, 266, 332
 Горбачевский И. И. 104
 Гордин А. М. 334
 Городецкий Б. П. 97, 98, 331, 333, 334, 344
 Горчаков Д. П. 258
 Горчакова В. Ю., урожд. Долгорукова 232, 247
 Гостомысл 261
 Гофман Ф.-Б. 240
 Гракхи, братья Тиберий и Гай 228, 245
 Грамматин Н. Ф. 260
 Греф В. 276, 282, 283, 287, 291
 Греч Н. И. 94, 236, 249, 262—265, 272, 289, 294, 334
 Грибовский А. М. 261
 Грибоедов А. С. 19, 90, 169, 235, 241, 248, 276, 291
 Григорьев Ал. А. 103
 Гримальцер Ф. 281, 293
 Гримм Ф. М. 117
 Гринев П. Т. 314, 322
 Гроссман Л. П. 327, 332
 Грот Я. К. 204
 Грузинский 232
 Губер П. К. 342
 Гудзий Н. К. 332
 Гудович И. В. 21
 Гуковский Г. А. 115, 116, 120, 126, 169
 Гюго (Hugo) В. 234, 235, 247, 328
 Давыдов Д. В. 169, 195, 214, 226, 244, 245, 247, 268, 283, 286, 293, 295
 Далейрак Н. 218, 240
 Данзас Б. К. 93
 Данилов В. В. 130, 343
 Дашков Д. В. 213, 215, 223, 226, 229, 237—239, 265
 Декамп (Desampre) А. 234, 248
 Дельвиг Ж. 168
 Дельвиг А. А. 33, 94, 102, 104, 107, 108, 113, 164, 192, 193, 196, 214, 232, 239, 246, 247, 249, 280, 284, 292, 294, 326, 339
 Дельвиг А. А., отец 232, 247
 Дельвиг С. М. 247
 Дельвиги 280
 Дементьев М. А. 302
 Демьянова Т. Д. 271, 289
 Державин Г. Р. 76, 261, 284, 287, 295
 Державин К. Н. 328
 Десницкий В. А. 341
 Джонс Э. 329
 Дибич И. И. 236, 248, 249
 Дивов А. И. 258, 259
 Дивова Е. П. 258, 259
 Диес-Канедо Э. 333
 Дмитриев И. Г. 220, 241
 Дмитриев И. И. 4, 76, 214, 218—220, 222, 223, 225, 226, 229, 231—233, 238, 239, 241, 243, 245, 247, 250—262
 Дмитриев М. А. 221, 242, 262, 276, 278, 290
 Дмитрий Донской 236
 Дмитрий Самозванец см. Лжедмитрий I
 Добровольский А. С. 288, 295
 Добровольский В. С. 288, 295
 Добровольский Л. М. 343
 Догель Е. В. 329
 Дозоров 209, 210
 Долгоруков А. И. 232, 234, 247, 248
 Долгоруков И. А. 79
 Долгоруков И. Г. 79
 Долгоруков И. М. 225, 228, 244, 245, 247, 248
 Долгоруков М. П. 253
 Долгоруков Н. А. 235, 248
 Домгер Л. Л. 341
 Достоевский Ф. М. 126, 327, 333
 Доу Дж. 19, 68, 108
 Дружинин, актер 219, 241
 Дружинин П. М. 219, 221, 241
 Дубельт Л. В. 8
 Дунаевский Ф. О. 196
 Дурасов Е. А. 318, 322
 Дурасов Н. А. 222, 242
 Дурова Н. А. 149
 Дыбник В. А. 151
 Дьяконов И. М. 132
 Дюбуше М. 256
 Дюкис 232
 Дюсис (Ducis) Ж.-Ф.-Ф. 149, 234, 248
 Егунов А. Н. 333
 Екатерина II 55, 56, 77, 80—84, 87, 88, 213, 251, 258
 Екатерина Алексеевна, вел. кн. 257
 Елагин А. А. 289
 Елагина А. П. 271, 278, 282, 289, 292
 Елизавета Алексеевна, имп. 7
 Елизавета Владимировна 310, 321
 Елизавета Петровна, имп. 279, 292
 Елизарова М. Е. 149, 151, 155
 Еремин М. П. 180
 Ермак Тимофеевич 277, 291
 Ермакова-Битнер Г. В. 264
 Ермолов А. П. 6, 8, 17—19, 280, 292
 Ермолов П. А. 19, 25
 Ерофеев В. В. 182
 Ерофеев И. 328
 Есипов 210
 Жанлис С.-Ф., де 223, 243, 255
 Живкович 152
 Жирмунский В. М. 153, 332
 Жихарев С. П. 114, 217, 229, 232, 238, 240
 Жоли К. Г. 310, 321
 Жоффруа Ж.-Л. 215, 239
 Жуи В.-Ж.-Э. 289
 Жуковский В. А. 12, 15, 31, 38, 53, 56, 57, 64, 89, 90, 98, 103, 110, 159, 164,

- 178, 179, 183, 195, 200, 213—221, 223, 225, 226, 229, 230, 237—239, 241, 244, 265, 268, 271, 276, 280—282, 287, 289, 290, 292, 294, 295, 337, 343—345
- Заборова Р. Б. 180, 182, 183
 Завадовская Е. М. 167, 168
 Загоскин М. Н. 223, 231, 243, 246, 272, 273, 289, 290
 Загряжский А. М. 183—185, 189—191
 Зайцева В. В. 327, 335, 338
 Зайцевский Е. П. 193
 Закревская А. Ф., урожд. Толстая 70, 71, 142, 220, 241, 242
 Закревский А. А. 220, 241
 Занд К.-Л. 245
 Захаров И. С. 216, 239
 Зверев Я. А. 309
 Зверева А. Ф. 305
 Зенгер Т. Г. см. Цявловская Т. Г.
 Зенефельдер А. 263
 Золотарев Н. А. 232
 Золотарева Е. Д. 247
 Зубков В. П. 93
 Зубов 217
 Зуров Е. А. 304, 309, 310, 312, 319, 321
 Зыкина В. А. 297, 301
- Иван Никитич** 316—318, 322
 Иван IV Грозный 103, 273, 289
 Иванов-Разумник Р. В. 115, 120, 121, 125, 127
 Иванова 228
 Иванова А. 239
 Ивашев В. П. 290
 Ивашев П. Н. 283, 293
 Иезуитова Р. В. 3, 96, 100
 Измайлов А. Е. 201
 Измайлов В. В. 231, 233, 246
 Измайлов Н. В. 4, 66, 69, 71, 95, 159, 331, 333, 336—346
 Иннокентий (в миру Илларион Смирнов) 283, 293
 Иованович (Jovanovitch) В. 150, 151
 Ирвинг В. 328
 Истомина Е. И. 117, 327
- Каверин П. П. 117, 124, 195—197, 199, 202, 203
 Кавос К. А. 229, 246
 Казанский Б. В. 331, 341
 Казначеев А. И. 30, 31, 39, 63, 64
 Кайсаров А. С. (Кайсаровы) 124, 218, 240
 Кайсаров М. С. (Кайсаровы) 218, 240
 Калайдович К. Ф. 286, 294
 Калигула Гай Цезарь 80
 Калошина В. И. 309
 Камынин В. Д. 232, 247
 Канова А. 241
 Канчев 232
 Капшист В. В. 51, 62, 63
 Каподистрия И. А. 223, 243, 282, 293
 Карабанов П. М. 216, 239
 Карабанов П. Ф. 250
 Карагеоргий 152, 160, 162
 Караджич В. С. 151, 152, 154
 Карамзин Н. М. 12, 13, 19, 51, 52, 64, 81—85, 87, 90, 113, 123, 164, 213—218, 220, 222, 223, 226, 230, 237, 239, 240, 242, 243, 245, 246, 249, 253, 255—258, 265, 273, 282, 295
 Карамзина Е. А. 123, 215, 216, 237, 238, 249
 Карамзина С. Н. 135
- Карамзины 135, 336, 343, 344
 Каратыгин П. А. 246
 Каретников И. 300, 315, 322
 Карл I Анжуйский 197—199
 Карпов А. А. 268
 Касаткин 250
 Каспрович Э. Л. 262
 Каталани (Catalani) А. 246
 Катенин П. А. 44, 65, 76, 123, 219, 220, 237, 241, 249, 287, 288
 Катарт В. Ш. 31
 Кауфман М. С. 339
 Каховский П. А. 88—90, 98
 Каченовский М. Т. 62, 215—217, 222, 223, 225, 226, 231, 243, 245, 246, 262
 Кен 232
 Керим-Гирей, хан 58
 Керн А. П. 340
 Кикин А. А. 277, 284, 291
 Кикин П. А. 276, 290, 291
 Кикина М. А., в замужестве Бабина 277, 291
 Кипренский О. А. 107—109, 111, 231, 246
 Киреевский И. В. (Киреевские) 268, 269, 274, 275, 289, 290
 Киреевский П. В. (Киреевские) 150, 154, 268, 271, 275, 287, 289
 Кириллук З. В. 139
 Кирияков А. А. 230, 246
 Кирияковы 230
 Киселев Д. И. 222, 242
 Киселев Н. Д. 69, 232
 Киселев П. Д. 224, 244, 245
 Киселев С. Д. 237, 249
 Киселева 224, 226
 Киселева В. Д. 224, 244
 Киселевы 229, 230
 «Китайка Алексашка» 226, 245
 Кишкин Л. С. 153
 Клингер Ф. М. 335
 Кнерцер А. Х. 305, 319
 Княжевич А. М. 204
 Княжевич Д. М. 327
 Княжнин А. Я. 235, 248
 Княжнин Я. Б. 248
 Кованько И. А. 159
 Ковтырев 98
 Козлов И. И. 242, 294
 Козмин Н. К. 341
 Кока Г. М. 333
 Кокоскин Ф. Ф. 218, 223, 229, 237, 238, 240, 246, 272, 289
 Кологривов А. С. 225, 244
 Кологривова П. Ю., урожд. Трубецкая 233, 235, 236, 247
 Колокольцев Г. 228, 246
 Колокольцева Е. Г., в замужестве Ржевская 228, 246
 Колотов П. 81
 Комарович В. Л. 342
 Комовский В. Д. 269—271, 276, 279, 280, 283, 286—288, 292, 293
 Кондаков М. К. 230, 246
 Кондрашев 298
 Констан Б. 140, 147, 165
 Константин Павлович, вел. кн. 241
 Коншин Н. М. 237, 249
 Кошлан Б. И. 86, 339
 Корнелия 228, 245
 Корнилович А. О. 134
 Коровина В. Я. 344
 Коростин А. Ф. 262
 Корсаков И. Е. 135, 137
 Костюшко Т. 257
 Коцебу А., фон 227, 245, 249

- Кочубей В. Л. 70, 234
 Кравков Д. И. 185, 190, 191
 Кравкова В. И. 183—191
 Кравковы 187, 188, 191
 Краевский А. А. 174—183
 Краснополюский Н. С. 153
 Крендовский Е. Ф. 328
 Крестова Л. В. 93
 Кривцов Н. И. 226
 Критские, братья 196
 Крылов И. А. 71, 196, 225, 244, 287, 294
 Крюковский М. В. 283, 293
 Кубасов И. А. 340
 Кугель 228
 Кукулевич А. М. 57
 Кулаковский П. А. 149, 152
 Кулешов В. И. 346
 Кульнев Я. П. 172
 Куник А. А. 134
 Купер Д.-Ф. 19, 141, 142, 328
 Куракин А. Б. 259
 Курбатов 235
 Курбский А. М. 19
 Курилов П. 196, 199
 Кутузов М. И. 123
 Кюхельбекер В. К. 7, 15, 38, 41, 62, 63, 159, 201
 Кюхельбекер Ю. Я. 62

 Лавров П. А. 149, 160
 Ладыженская Е. А. 67
 Лазукова М. 115
 Лакретель (Lacretelle) Ж.-П.-Д., де 221, 224, 242
 Ланская Е. Я. 221, 225, 242
 Ланской С. С. 187
 Лапкина Г. А. 139
 Лаптев, генерал 228
 Ласарса К. 333
 Лафонтен (La Fontaine) Ж., де 225, 226, 244
 Леве-Веймар Ф.-А. 151
 Левкович Я. Л. 3, 5, 18, 106
 Лермонтов М. Ю. 128, 163, 194, 198, 248
 Лернер Н. О. 97
 Лжедмитрий I 52, 273, 277, 284, 285, 290, 294, 328, 346
 Ливен К. А. 273, 291
 Ливий Тит 217
 Липранди И. П. 152
 Лифанов Е. 229, 246
 Лобанов М. Е. 243
 Лобанова К. И. 217, 240
 Лодомирский В. Н. 221, 242
 Ломоносов А. С. 284, 294
 Ломоносов М. В. 86
 Лонгинов М. Н. 250, 251, 253, 254, 260—262
 Лотман Л. М. 57, 98
 Лотман Ю. М. 115, 117—119, 121, 122, 126—129, 161, 165, 264
 Лудольф Г.-В. 249
 Лудольф (Ludolf) К.-В., уродж. Штакельберг 238, 249
 Луначарский А. В. 340
 Лунин Н. А. 223, 243
 Лунин П. М. 229, 246
 Лутохин Д. А. 339
 Львов П. Ю. 260, 261

 Магомед 58
 Мазепа И. С. 70, 133, 234
 Майков А. А. 217, 218, 223, 229, 240
 Майков В. И. 97, 98
 Майков Л. Н. 66, 101, 336, 340

 Майкова В. А. 218, 240
 Майкова К. А. 218, 240
 Макаров М. Н. 215, 216, 226, 228, 239, 245, 255
 Македонов А. В. 130
 Макогоненко Г. П. 86, 158, 169, 250, 253, 261
 Максимович М. А. 268, 271, 275, 282, 289, 290
 Малиновский А. Ф. 217, 240, 270, 271, 286, 288
 Мальцев М. И. 333
 Мандзони А. 126
 Мандрыкина Л. А. 196
 Мансуров А. П. 217, 218, 240
 Манюэль Ж.-А. 118
 Мария Федоровна, имп. 7
 Маркевич Н. А. 236, 248
 Марку 237, 249
 Марсолле Б.-Ж. 218, 240
 Мартьянов П. К. 328
 Марья-Мишель 221, 242
 Масальский 228
 Масальский К. П. 284, 287, 289, 294
 Маслов Д. Н. 235, 248
 Маслова А. П., уродж. Нелидова 310, 314, 321, 322
 Массон К. 258
 Матюшкин Ф. Ф. 327
 Мегюль Э. 240
 Медведева 217, 240
 Медведева И. Н. 169
 Медриш Д. Н. 130, 160, 161
 Мейлах Б. С. 169, 331, 333, 342, 344—346
 Мелиссино И. И. 244
 Мелиссино П. В. 224, 244
 Меллас, певица 234, 243
 Мельгунов А. С. 222, 243
 Мельгунов Н. А. 222, 243
 Менцель В. 281, 293
 Менье А. 333, 334
 Мерзляков А. Ф. 218, 226, 241
 Мериме (Mérimée) П. 149—155, 157, 328
 Мерсье Л. С. 255
 Мертваго В. М. 235
 Мертваго М. Д. 235, 248
 Метальников 184, 185
 Метлеркамп 320
 Мещерский П. И. (Мещерские) 233, 247
 Мещерский С. И. (Мещерские) 233, 247
 Миллер 237, 249
 Милло (Millot) К.-Ф.-К., аббат 197, 199
 Милонов М. В. 260
 Милорадович М. А. 70
 Минин-Сухорук К. З. 217, 218
 Мирович В. Я. 88
 Миротворцева 273
 Михайлов 236, 249
 Михайлова Н. И. 213
 Мицкевич (Mickiewicz) А. 214, 234, 248, 328, 337, 342, 346
 Могилянский А. П. 175, 176, 179, 180, 182
 Модзалевский Б. Л. 9, 33, 206, 254, 320, 324, 328, 335, 336, 339, 340, 345
 Модзалевский Л. Б. 184, 254, 329, 336, 339—342
 Мольер Ж.-Б. 23, 262
 Монтескье Ш.-Л., барон де Секонда 137
 Мординов А. Н. 339
 Мординов Н. С. 232, 247
 Мордовченко Н. И. 41, 342
 Морозов М. М. 130
 Моцарт В.-А. 328
 Мур Т. 10, 325, 331, 332
 Муравьев Н. М. 220, 241

- Муравьев Н. Н. 277, 291
 Муравьев-Апостол И. М. 32, 58, 65
 Муравьев-Апостол С. И. 88—90, 98
 Муравьева А. Г. 93
 Муравьева О. С. 3
 Муромцев Д. Ф. 234, 247
 Мусин-Пушкин А. И. 217, 240, 245
 Мусин-Пушкин В. А. 15, 19, 21, 22, 24, 25, 235, 248
 Мусина-Пушкина Е. А., в замужестве Оболенская 240
 Мусина-Пушкина Е. А., уржд. Волконская 217, 240
 Мусина-Пушкина С. А., в замужестве Шаховская 217, 228, 240
 Мусина-Пушкина Э. К., уржд. Шерваль фон Валлен 22, 24, 235, 248
 Мусины-Пушкины (Пушкины) 219, 221, 223, 225, 226, 241—243
 Муханов А. А. 334
 Мэтьюрин Ч.-Р. 194, 202
- Набоков (Nabokov) В. В.** 115, 117, 119—121, 124
 Нагаев Л. А. 299
 Нагаев М. А. 299
 Нагаев Ф. А. 299
 Нагаева А. Н. 313, 321
 Нагаева Д. Н. 296—322
 Надежда Ивановна 306
 Надеждин Н. И. 14, 154, 269, 282, 285, 289, 293, 294
 Назарова Г. И. 301
 Наполеон I Бонапарт 23, 31, 38, 41, 53, 54, 79, 87, 159, 213, 248, 249, 254—256, 342
 Наполи Я. 333
 Нарский Л. А. 298, 300—302, 305—307, 309—311, 316, 319, 320
 Нарский М. А. 305, 309, 316, 319
 Нарский Ф. А. 309, 310, 314, 316, 319, 321
 Нарышкин А. Л. 217—219, 240
 Нарышкин И. А. 234, 248
 Нарышкин И. В. 222, 242
 Нарышкина Е. И., уржд. Метем 222, 242
 Наумов 274, 275
 Нащокин А. П. 296—322
 Нащокин Василий В. 310, 312, 321
 Нащокин Воин В. 310, 321
 Нащокин Павел А. 302, 306, 307, 309, 319—321
 Нащокин Петр А. 302, 305—309, 311, 312, 315—317, 319—321
 Нащокин П. В. 3, 64, 296—322, 346
 Нащокин П. П. 306, 320
 Нащокина А. М., уржд. Еропкина 305, 306, 309, 319, 322
 Нащокина А. П. 296
 Нащокина В. А. 296—322
 Нащокина Д. П. 316
 Нащокина Е. П. 296
 Нащокина Е. С., уржд. Хвостова 311, 317, 320, 321
 Нащокина К. П. 321
 Нащокина С. П. 296
 Нащокины 3, 296—322
 Недович 152
 Неелов С. А. 230, 246
 Неклюдова, домовладелица 220
 Нелединская-Мелецкая С. Ю., в замужестве Самарина 219, 241
 Нелединский-Мелецкий Ю. А. 219, 241
 Непомнящий В. С. 159
 Нессельроде К. В. 243, 293
 Нестор, летописец 200
- Нечаев С. Д. 155, 221, 242
 Нечаева Н. С. 215
 Нибур Б. Г. 284, 294
 Никишов Ю. М. 115, 120, 127
 Николай I 5, 7, 16, 78, 84, 86, 88, 89, 92—95, 98, 99, 102, 104, 111, 126, 148, 166, 168, 179, 181, 182, 203, 204, 206—210, 213, 237, 248, 276, 277, 291, 292, 299, 319
 Николай Францевич 312, 316
 Нестрем К. 320
 Новиков П. А. 248
 Новикова А. Т. 229, 240
 Новикова А.-В. И., уржд. Долгорукова 234, 248
- «О***» («Ор — — —») 25**
 Ободовская И. М. 302
 Оболенские 219, 221, 223, 241, 243
 Оболенский А. П. 218, 226, 241, 245
 Оболенский В. П. 217, 240
 Оболенский Н. Н. 222, 243
 Обрескова Е. С., в замужестве Хилкова 227
 Овидий Назон Публий 47, 192, 193, 211, 212
 Овчинников Р. В. 345
 Огарев Н. Г. 25
 Одинцов Ф. Д. 310, 321
 Одоевская Е. А. 184, 189
 Одоевская О. С. 186—188
 Одоевский В. Ф. 139, 174—191, 201, 294, 339, 340, 345, 346
 Озеров В. А. 229, 246
 Ознобишин Д. П. 107
 Окен Л. 290
 Оксман Ю. Г. 174, 176, 179, 180, 331, 333, 339—341
 Окулов М. А. 299, 307, 310, 320
 Окулова А. В., уржд. Нащокина 299, 306, 307, 310, 311, 320
 Окулова П. С., уржд. Хвостова 298, 299, 306, 307, 320
 Окуловы (Акуловы) 297—299, 309
 Оленина А. А., в замужестве Андро де Ланжерон 67—71, 73, 74
 Оливье Т. А., в замужестве Раич 248
 Олизар Г. Ф. 32
 Ольдекоп Е. И. 33
 Онегин А. Ф. 336, 338
 «Ор, мой приятель» см. «О***»
 Орлеанский, герцог 258
 Орлов А. А. 278, 280, 291, 292
 Орлов А. Г. 76
 Орлов В. Н. 174, 182, 260, 261
 Орлов М. Ф. 30, 326
 Орловский А. О. 20
 д'Оррер 227, 245
 д'Оррер (D'Orreger), мадам 227, 228, 245
 Осипова П. А. 96
 Остерман-Толстой А. И. 272, 289
 Островский А. Н. 336
 Отон Ц. Л. 30
 Отрепьев Г. см. Лжедмитрий I
 Отрощенко Я. О. 236, 249
 Очкин А. Н. 276, 288, 291, 295
- Павел I 7, 52, 80, 251, 257—259
 Павлица О. С., уржд. Пушкина 32, 122, 205, 256
 Павлова К. К., уржд. Янин 282, 292, 293
 Пален П. П., фон дер 236, 248
 Пальчиков В. П. 93
 Панаев В. И. 287, 294
 Панаев И. И. 182

- Панни 196
 Панин А. Н. 277, 278, 291
 Панкратьевна 226, 245
 Панова А. Н. 321
 Панчулидзе 206
 Папон (Рарон) Ж.-П. 197, 199
 Парни Э.-Д. 220, 241
 Паскевич И. Ф. 5, 8, 10—12, 14, 19, 23
 Пашковы 231, 246
 Перне, мадам 227, 245
 Перовский А. А. (псевд. — Антоний Погорельский) 276, 290
 Пестель П. И. 15, 63, 80, 88, 90, 114, 196
 Петр I 6, 25, 77—80, 82—84, 86, 87, 99.
 103, 135—138, 166, 167, 204, 250, 261.
 273, 276, 277, 279, 281, 282, 289—292.
 295
 Петров А. 94
 Петров В. П. 76
 Петрунина Н. Н. 3, 133, 173, 296
 Пикар Л.-Ф. 240
 Пиксанов Н. К. 250—252
 Пиндемонти И. 150
 Пиви О. А. 335
 Плетнев П. А. 32, 33, 42, 51, 59, 62, 102,
 103, 176, 204, 211
 Плещеев А. А. 229, 246
 Погодин М. П. 92, 154, 164, 250, 268, 271.
 273, 277, 278, 280—282, 284, 288, 289,
 291—293
 Подолинский А. И. 155
 Пожарский Д. М. 217, 218, 283, 293
 Полевой К. А. (Полевые) 236, 243, 295,
 340
 Полевой Н. А. (Полевые) 77, 231, 234,
 236—238, 249, 268, 273, 276, 278, 280,
 283—287, 289—291, 294, 295
 Поллен Д. 329
 Полторацкие 231
 Полторацкий К. М. 220, 221, 230, 241
 Полторацкий С. Д. 263—266
 Полуэктов Б. В. (Полуэктовы) 225, 244
 Полуэктова Л. Ф., урожд. Гагарина
 (Полуэктовы) 225, 244
 Поляков А. Н. 270
 Поморцев А. Г. 305, 312, 320
 Попов Г. С. 204
 Потапов А. Н. 203
 Потемкин Я. А. 235, 243
 Потемкин-Гаврический Г. А. 222, 258
 Потемкина Е. П., урожд. Трубецкая 221,
 242
 Потоцкий 218, 240
 Потоцкий Я. 90, 104
 Прадт Д. Д., де 226, 245
 Прасковья Ипполитовна 271, 273, 283
 Прийма Ф. Я. 149—151, 157
 Прокопович-Антонский А. А. (Антон-
 ский) 226, 228, 245
 Пропп В. Я. 151
 Протасовы 140
 Пугачев Е. И. 88, 337
 Пудиков 228
 Пумпянский Л. В. 86
 Путилов Б. Н. 156, 160, 161
 Путила Н. В. 93, 94, 107
 Пушкин см. Мусин-Пушкин В. А.
 Пушкин А. А. 28
 Пушкин А. М. 215, 216, 220, 221, 223—
 225, 227, 229, 230, 239, 243, 244
 Пушкин В. Л. 3, 4, 96, 213—267
 Пушкин Л. С. 9, 16—18, 32, 33, 41, 42,
 49, 55, 58, 59, 61, 238, 249, 303
 Пушкин С. Л. 32, 33, 57, 96, 107, 232,
 237, 238, 302, 303
 Пушкина А. Л. 221, 242
 Пушкина Е. Г., урожд. Воейкова 216,
 220, 227, 230, 236, 239
 Пушкина Н. А., урожд. Волконская 223,
 227, 243, 244
 Пушкина Н. Н., урожд. Гончарова 6, 7,
 176, 184, 238, 243, 272, 302, 303, 345
 Пушкина Н. О. 32, 77, 107, 122, 238, 302
 Пушкины см. Мусины-Пушкины
 Пуцин И. И. 63, 114
 Пуцин П. С. 96
 Радищев А. Н. 77, 247
 Радищев В. А. 232, 247
 Радищев Н. А. 232, 247
 Радищев П. А. 232, 247
 Раевская Е. Н., в замужестве Орлова
 122
 Раевская М. Н. см. Волконская М. Н.
 Раевские 16, 17, 65
 Раевский А. Н. 33
 Раевский В. Ф. 199
 Раевский Н. А. 296, 297, 301, 302, 346
 Раевский Н. Н., мл. 12, 13, 21, 52
 Раевский Н. Н., ст. 32
 Разин С. Т. 100
 Раич С. Е. 234—236, 243, 271, 289
 Расин Ж.-Б. 223, 234, 243
 Раупах Э.-В.-С. 281, 293
 Ребянины 236
 Рейнсдорп И. А. 337
 Рекамье Ж.-Ф. 255, 259
 Репман Х. Х. 302
 Ржевская Е. Г. 230
 Ржевский К. А. 228—230, 246
 Ризнич А. 90, 113
 Римская-Корсакова А. А. 224, 244
 Римская-Корсакова Е. А. 224, 244
 Римская-Корсакова М. И., урожд. Нау-
 мова 224, 244, 245
 Римская-Корсакова Н. А., в замужестве
 Акинфьева 226, 245
 Римские-Корсаковы (Корсаковы) 226,
 229, 245
 Римский-Корсаков А. Р. 244
 Римский-Корсаков Н. А. 327
 Рифтин Б. Л. 294
 Робеспьер М.-М.-И. 87
 Ровинский Д. А. 108
 Родионов И. 300, 301
 Розалион-Сошальский В. 246
 Розанов И. Н. 164, 168
 Розберг М. П. 193
 Розен Е. Ф. 237, 249, 287, 294
 Розенблюм Н. Г. 341
 Романовы, династия 261
 Ромберг Б. 234, 248
 Россет А. О. см. Смирнова А. О.
 Руденская М. П. 335
 Руденская С. Д. 335
 Румянцев-Задунайский П. А. 76
 Русаков В. М. 335
 Руссо Ж.-Ж. 117, 258, 326
 Руссов С. В. 284, 293
 Рылеев К. Ф. 63, 88—90, 98, 99, 104, 107,
 114, 196, 339
 Рылеева Н. М. 99, 107, 339
 Сабуров Я. И. 58
 Савелов 315
 Садиков П. А. 342
 Садовников Д. Н. 270
 Садовской Б. А. 264
 Садыков 232
 Сазонов 309, 311, 321

- Сазонова 306
 Сакулин П. Н. 340
 Салтыков М. А. 237, 249
 Сальери А. 328
 Самарин Ф. В. 219, 241
 Сандомирская В. Б. 3, 27, 62, 69, 70, 335
 Сатиан Р. П. (Асатгани?) 186
 Саути Р. 240
 Свербеев Д. Н. 268, 272, 277—280, 282, 286, 288, 289, 292
 Свербеева Е. А., урожд. Щербатова 278, 279, 292
 Свищын П. П. 152
 Северин Д. П. 221, 223, 227, 242, 245
 Северина Е. С., урожд. Стурдза 222, 242
 Сегюр Ж.-Ф. 255
 Семен А. 102
 Семенко И. М. 115, 165, 184
 Семенов В. Н. 281, 293
 Семенов Е. И. 335
 Семенова Е. С., в замужестве Гагарина 223, 229, 230, 238, 243
 Сен-Жермен 149
 Сен-При А. 257
 Сен-Пьер Ш.-И. аббат, де 326
 Сенковский О. И. 287, 294
 Сераскир Арзрумский см. Гаджи Магомет Селех-паша
 Серафим, митрополит 206
 Сербинович К. С. 84, 110
 Сервантес Сааведра М., де 227, 289
 Сесси М. 227, 245
 Сеченов П. Д. 184—191
 Сеюн-мирза 65
 Сибилев Е. И. 221, 226, 242
 Сидяков Л. С. 43, 131, 138
 Симони П. К. 250, 254
 Синклер Д. 272, 289
 Сисмонди (Sismondi) Ж.-Ш.-Л., де 197, 199
 Скафтымов А. П. 162
 Скотт В. 18, 98, 102, 136, 145, 289
 Скюдери 304, 305, 319
 Скюдери П. А. 304, 305, 319
 Сленин И. В. 41
 Слонимский А. Л. 332, 342
 Слонимский М. Л. 153
 Смирдин А. Ф. 285, 287, 294
 Смирнов Н. М. 16
 Смирнов-Сокольский Н. П. 102
 Смирнова А. О., урожд. Россет 16
 Смит А. 117
 Смит Г. 271, 289
 Снятко Н. В. 213
 Соболевский С. А. 16, 92, 150, 232, 247, 303
 Соймонов А. Д. 268
 Соковнин С. М. 222, 243
 Соколов 217
 Соколов П. Ф. 301
 Соколова К. И. 165, 168, 169
 Солдатова О. А. 297, 298, 320
 Соллогуб А. И. 218, 240
 Соллогуб В. А. 240
 Соловьев В. И. 340
 Соловьев Н. В. 89
 Соловьева О. С. 338, 344
 Сомов О. М. 139, 192, 193, 237, 249, 278, 292, 294, 339
 Сонцов М. М. (Сонцовы) 221, 242, 247, 248
 Сонцова Е. Л., урожд. Пушкина (Сонцовы) 221, 225, 242
 Сохацкий П. А. 260
 Срезневский И. Е. 81
 Статья А.-Л.-Ж., де 80, 329
 Сташкевич Н. В. 130
 Стенник Ю. В. 3
 Степанов А. П. 178
 Степанов В. П. 4
 Степанов Н. Л. 342
 Степнинский 226, 245
 Стефан-Фома II 157
 Стефанович В. 153
 Стешка, цыганка 219, 241
 Струйский Д. Ю. (псевд. — Трилунный) 273, 290
 Стурдза А. С. 227, 245, 282, 293
 Суворов А. В. 76, 283, 293
 Суккин А. Я. 203, 206
 Сумароков П. 81, 82
 Суме (Soumet) А. 234, 248
 Суслов 26
 Сухтелен К. Н. 225, 242
 Сушаква В. 307, 316, 320
 Талон П. 117
 Тальма Ф.-Ж. 214, 255
 Тархов А. Е. 115, 118
 Тассо Т. 289
 Телетова Н. К. 346
 Тепляков Аггей Г. 196, 203—206, 211
 Тепляков Алексей Г. 192, 205
 Тепляков В. Г. 155, 192—212
 Тепляков Г. А. 202, 203, 206, 209, 210
 Тершигорев 221
 Тимпрязев И. С. 219, 241
 Тихаев П. Н. 264
 Тойбин И. М. 115, 125, 165, 167
 Толстая С. А., урожд. Дурасова 220, 241
 Толстая С. П. 224, 244
 Толстой 273
 Толстой А. П. 334
 Толстой Д. Н. 271, 288
 Толстой Л. Н. 130, 138, 245
 Толстой Ф. А. 220, 241, 250
 Толстой («Американец») Ф. И. 8, 9, 11, 19, 165, 219, 224, 226, 229, 231, 232, 241, 244, 246
 Толстой Ф. П. 257
 Томашевский Б. В. 9, 11, 16, 18, 28, 39, 67, 68, 81, 127, 146, 149, 153, 264, 266, 336, 340—345
 Тенчи С. 228, 245
 Тормасов А. П. 219, 241
 Третьяковский В. К. 134
 Трефурт 210
 Трилунный см. Струйский Д. Ю.
 Трубецкая 308—310, 314, 320—322
 Трубецкая А. И., в замужестве Мансурова 218, 240
 Трубецкая В. А., урожд. Мусина-Пушкина 228, 236, 246, 249
 Трубецкая Е. А., урожд. Мансурова 218, 221, 242
 Трубецкой И. А. 298, 306, 308, 310, 312, 314, 320, 321
 Трубецкой И. Д. 242
 Трубецкой Н. И. 236, 249
 Трубецкой С. П. 93, 96
 Трубицын Н. Н. 149, 154, 160, 254, 255
 Тугаева А. М., в замужестве Толстая 231, 246
 Тудоровская Е. А. 152
 Туманский Ф. О. 261
 Тургенев А. И. 90, 110, 118, 124, 168, 221, 223, 229, 230, 242, 243, 245, 246, 264, 265, 278, 325, 332
 Тургенев И. С. 130, 325, 329, 337, 345
 Тургенев Н. И. 80, 84, 85, 87, 91, 110,

- 111, 195—197, 231, 246, 265
Тургенев С. И. 110
Тургеневы, братья 110, 114, 246
Турьян М. А. 3
Туттолмин И. В. 230, 246
Тхоржевский С. С. 206
Тынянов Ю. Н. 5, 6, 8, 41, 143
Тьер А. 272, 289
Тээр А. Д. 280, 282, 292
Тюфякин П. И. 229, 246
- Уваров С. С. 178—181, 265
Уитон Г. 293
Урусова М. А., в замужестве Мусина-Пушкина 222, 224, 226, 242
Устрялов Н. Г. 284, 285, 294
Уткин Н. И. 108, 109, 230, 231, 246
Ухтомская М. И. 228
Ушаков Н. В. 232, 234, 247
Ушакова Ек. Н., в замужестве Наумова 66, 232, 234, 247
Ушакова Ел. Н., в замужестве Киселева 66—68, 71, 73, 74, 237, 247, 249
- Фазиль-хан-Шейда («поэт персидский») 9—11, 18, 23, 25
Фальконе Э.-М. 167
Фан-дер-Фельде К.-Ф. 271, 289
Фарыно Е. К. 125
Фатов Н. Н. 332
Федоров Б. М. 139, 287, 294
Фейнберг И. Л. 16, 64
Фикельмон Д. Ф. 123, 344
Филимонов В. С. 235, 248
Фильд Д. 237, 249, 300
Флобер Г. 328
Флорин Ж.-П.-К., де 201
Фомин А. Г. 340
Фомичев С. А. 3, 48, 61
Фонвизин Д. И. 42, 77, 345
Фонвизин М. А. 80, 83, 84
Фонтање В. 5
Фонтенель Б. де Бовье 137
Францев В. А. 153
Фрейдель Е. В. 493
Фрерон Э.-К. 76, 222, 243
Фридлендер Г. М. 3, 133, 139
Фридрих Вильгельм III 219, 241
Фризман Л. Г. 294
- Хвостов Д. И. 194, 200—202, 204, 205, 211, 235, 237, 248, 256—260, 278, 288, 291, 295
Хвостов С. И. 311
Хилков С. А. 227, 245
Хитров И. 215, 239
Хитрово Е. М. 123, 336, 339
Хлюстин С. С. 232, 247
Хлюстина В. И., урожд. Толстая 247
Хлюстины 232, 247
Хованский Ю. П. 273, 290
Ходаковский З. Я. (псевд. Адама Чарноцкого) 287, 295
Хозрев-мирза («персидский принц») 11, 23, 25
Холина А. П. 335
Хомутова А. Г. 222, 226, 242
Хомутовы 224
Хомяков А. С. 232, 247, 277, 291, 294
Хрипков А. Д. 276, 290
- Цебриков Н. Р. 89
Цицерон Марк Туллий 249, 266
Цыглер Ф. В. 238, 249
Цявловская Т. Г., урожд. Зенгер 16,
- 27—29, 59, 60, 63, 67—71, 94—96, 114, 196, 341
Цявловский М. А. 8, 27, 28, 34, 47, 53, 57, 65, 97, 98, 101, 121, 213, 252, 341, 342
- Чаадаев П. Я. 85, 87, 117, 121, 195
Ченстон В. см. Шенстон В.
Черейский Л. А. 30, 184, 214, 265
Черкасов И. 26
Чернышев А. И. 89
Чернышев В. И. 153, 264
Чернявский 30
Чертков А. Д. 221, 242
Чижевский (Čiževsky) Д. 121
Чилиев Б. Г. (Челяев) 9, 25
Чпркова С. Н. 226, 244
Чистяков М. Б. 294
Чичерин А. В. 140
Чичерина В. В. 220, 230, 241
Чосер (Chaucer) Г. 329, 333
Чумаков Ю. Н. 120, 170
Чухломской И. 273, 275, 290
Чюриков В. С. 241
- Шабельский И. П. 205
Шадури В. С. 333
Шаликов П. И. 200, 214, 223, 226, 236, 243, 245, 249, 256, 261
Шаллет С. С. 271, 289
Шатилов Н. А. 231, 247
Шаховской А. А. («мой приятель III») 25, 223, 225, 237, 238, 243, 244, 249, 265
Шваневец М. 134
Шварц Д. М. 32, 40, 59
Шебунин А. Н. 89
Шевырев С. П. 104, 175, 177, 178, 182, 183, 189, 232, 233, 247, 339
Шекспир (Shakespeare) В. 65, 130, 233, 236, 248, 332, 333
Шеллинг Ф.-В.-Ж. 290
Шенрок В. И. 270
Шенстон В. 150
Шенье А.-М., де 62, 63
Ш. «ереметев», мой приятель см. Шаховской А. А.
Шереметев Д. Н. 107
Шереметьев В. С. 224, 244
Шиллер Ф. 232, 247
Шиллинг П. Л. 262—267
Шимановская М. 67, 341
Ширяев А. С. 231, 246, 275, 276, 278—280, 283, 284, 286, 287, 290
Шишков А. А. 278, 282, 291
Шишков А. С. 33, 34, 198, 213, 215, 216, 222, 239, 265, 276, 290
Шлейермахер Ф.-Д. 290
Шлиппенбах Н. А. 233
Шнидлер И.-Г. 93
Шолье Г. 137
Штейн Г.-Ф.-К. фон 265
Штильман Л. 344
Шульгин А. С. 103, 227, 245
Шульд, арфист 237, 249
Шульд 226, 229, 244
Шульд М. И., урожд. Козлова 224, 226, 228, 229, 244
- Щастный В. Н. 155
Щеголев П. Е. 103, 340
Щекин И. 319, 322
Щепкин М. С. 282
Щербатов Н. А. 231, 246
Щербатов Н. Г. 231, 246
Щербатова А. А. 215, 239

Щербатова А. Г. 231, 246
Щербатовы 226, 245
Щербачев Ю. Н. 117, 196, 197
Щербинин 196
Щербинин М. А. 117, 196, 197, 215, 239
Щукин Д. Ф. 228
Щукин П. И. 196
Щукина А. С. 228

Эврипид 237, 249
Эйдельман Н. Я. 83
Эйнбродт 221
Эйхенбаум Б. М. 342
Экштейн 236, 248
Эльмит А. И., фон 258
Энгельс Ф. 324, 330
Эфрос А. М. 29, 38, 94, 95

Ювенал Децим Юний 266, 267
Юзефович М. В. 12
Юсупов Н. Б. 219, 229, 232, 238, 241, 249,
324

Яворский 221
Язловский Б. А. 341
Языков А. М. 270—277, 279—295
Языков Д. И. 259, 270, 288
Языков Н. М. 3, 101, 236, 268—295
Языков П. М. 270, 273—288, 290—294
Языкова Е. М., в замужестве Хомякова
278, 286, 292
Языкова Е. П., урожд. Ивашева 275,
290, 293

Яковлев А. А. 286, 294
Яковлев П. Л. 273, 290
Яковлева А. Р. 32, 56, 59, 100
Якубович Д. П. 131, 135, 136, 139
Якушкин В. Е. 7, 8, 14, 28, 43, 57, 65,
66, 97
Яроцкий А. В. 263
Яцимирский А. И. 149, 151—153, 160

Auguste, m-lle 224, 244
Aurelius Victor 56
Brice, актеры 219, 241
Byron см. Байрон Д.-Г.-Н.
Catalani см. Каталани А.
Chaucer см. Чосер Г.
Cizvsky см. Чижевский Д.
Demetrius F. 334
Dietrich A. 334
Hielscher K. 120
Jovanovitch см. Иванович В.
La Fontaine см. Лафонтен Ж., де
Lacretelle см. Лакретель Ж.-П.-Д.
Ludolf см. Лудольф К.-В.
Mérimee см. Мериме П.
Mickiewicz см. Мицкевич А.
Millot см. Милло
Nabokov V. см. Набоков В. В.
Papon см. Папон
Shakespeare см. Шекспир В.
Soumet см. Суме А.
Zacharias-Langhans G. 158

УКАЗАТЕЛЬ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ПУШКИНА

Акафист Екатерине Николаевне Карам-
зиной («Земли достигнув наконец»)
88, 91, 101, 106, 112, 113
Аквилон («Зачем ты, грозный акви-
лон») 113
Андрей Шенье («Меж тем, как изумлен-
ный мир») 62, 63, 103, 105
Анчар («В пустыне чахлой и скупой»)
69, 337, 339
«Арап Петра Великого» 78, 113, 131—148,
166, 167
Арлон («Нас было много на челне») 88,
92, 106—108, 111—113
Барышня-крестьянка (Повести покой-
ного Ивана Петровича Белкина) 150,
277
Бахчисарайский фонтан 31, 33, 42, 58,
65, 124, 196
Бесы («Мчатся тучи, вьются тучи») 170
«Благословен твой подвиг новый» см.
«Фазиль-Хану»
«Блеща среди полей широких» см. Дон
«Близ мест, где царствует Венеция зла-
тая» 108
Борис Годунов, трагедия 12, 13, 15, 29,
32, 44, 51—53, 61, 65, 85, 102, 139, 140,
150, 326—328, 332—334, 346
Бородинская годовщина («Великий день
Бородина») 76
Братья разбойники, поэма 196, 205, 338
«Буквы, составляющие славенскую аз-
буку» см. «Заметки и афоризмы раз-
ных годов»
«Был и я среди донцов» 13
«В надежде славы и добра» см. Стансы
«В начале 1812 г. ...» 146

«В пещере тайной, в день гоненья» 50,
51, 63
«В прокладе сладостной фонтанов» 337,
342, 346
«В пустыне чахлой и скупой» см. Анчар
«Вадим». Отрывок из неоконченной
поэмы 341
«Великий день Бородина» см. Бородин-
ская годовщина
«Весна, весна, пора любви» 88, 100, 101,
103—106, 112
Виноград («Не стану я жалеть о ро-
зах») 63
«Вкус верный, острый ум и нравов (?)
чистота» 59
«Во глубине сибирских руд» 99, 100,
326, 333
Военная Грузинская дорога 13—15, 18
Военная Грузинская дорога см. ПUTE-
шествие в Арзрум во время похода
1829 г.
«Возражение критикам «Полтавы»» 341
«Возражение на статью «Атеней»» 341
Вольность. Ода. 52, 196
Вольтер 77
«Воображаемый разговор с Александ-
ром I» 51, 52
Воспоминание («Когда для смертного
умолкает шумный день») 69, 341
Воспоминания в Царском Селе («Навис
покров утрюмой ноши») 76
«Воспоминаньем упоенный» см. Элегия
«Восстань, боязливый» см. Подражания
Корану. VII
«Восстань, восстань, пророк России» 94
«Вот, Зина, вам совет: играйте» см.
К. Е. Н. Вульф

- «Враги мои, покамест я ни слова» см. Приятелям
- «Все в таинственном молчаньи» см. Гроб Анакреона
- «Всею красны боярские конюшни» 100
- «Встреча с Кюхельбекером» 7, 15
- Второе послание к цензору («На скользком поприще Тяжковского» наследник!») 49, 56
- «Вы избалованы природой» см. А. Олениной
- Выстрел (Повести покойного Ивана Петровича Белкина) 277
- Гавриилиада, поэма 70, 323, 327, 333
- «Где наша роза» см. Роза
- «Город пышный, город бедный» 70
- «Гости съезжались на дачу...» 69, 140—145, 341
- Граф Нулин, поэма 132, 133, 142, 247
- Гроб Анакреона («Всё в таинственном молчаньи») 46, 47
- «Гроза луны, свободы воин» см. Дочери Карагеоргия
- «Да сохранит тебя твой добрый гений» см. «Кюхельбекеру»
- Двум Александрам Павловичам («Романов и Зернов лихой») 339
- Деревня («Приветствую тебя, пустынный уголок») 165, 166, 196—198
- Джон Теннер 326, 333
- «Дитя, не смею над тобой» см. Младенцу
- Дневник 6—19, 64
- «Дневник 1833—1835 гг.» 15
- «Долго ль мне гулять на свете» см. Дорожные жалобы
- Домик в Коломне, поэма 150, 287, 294, 342, 345
- Дон («Влеца средь полей широких») 13, 14
- Дорожные жалобы («Долго ль мне гулять на свете») 7
- Дочери Карагеоргия («Гроза луны, свободы воин») 152, 160
- «Дробясь о мрачные скалы» см. Обвал
- Дружба («Что дружба? Легкий пыл похмелья») 63
- Друзьям («Нет, я не льстец, когда царю») 78
- Дубровский 146, 150, 346
- «Духовной жаждою томим» см. Пророк
- Евгений Онегин 6, 13, 14, 29, 32, 33, 35—45, 48, 50, 53—61, 63, 64, 68, 70, 95, 100, 105, 113, 115—130, 132, 133, 138, 140—146, 165, 169—172, 196, 248, 320, 324, 326, 329, 330, 332, 334, 340, 344
- Египетские ночи 252
- Ее глаза («Она мила — скажу меж нами») 70, 73
- Езерский, поэма 78, 338, 341, 342
- «Если жизнь тебя обманет» 67
- Жених («Три дня купеческая дочь») 56—57
- «Забудь, любезный мой Каверин» см. К Каверину
- «Заметка о Катенине» 65
- «Заметки и афоризмы разных годов» 332, 333
- «Заметки по русской истории XVIII в.» 78—84, 87
- Записи песен 32, 150, 154
- «Записки молодого человека» 145, 172
- Записки А. С. Пушкина 6—9, 11, 16—18, 32, 64, 65
- «Заступники кнута и плети» 62
- «Зачем твой дивный карандаш» см. То Dawe ESQ?
- «Зачем ты, грозный аквилон» см. Аквилон
- «Зачем ты послан был и кто тебя послал?» 38, 53, 54
- «Земли достигнув наконец» см. Акафист Екатерине Николаевне Карамзиной
- «Зима. Что делать нам в деревне? Я встречаю» 168
- Зимнее утро («Мороз и солнце; день чудесный») 168, 169
- «И путник усталый на бога роптал» см. Подражания Корану. IX.
- «И я бы мог как шут...» 88, 93—100, 102, 105, 106, 111, 112
- «Из Ариостова «Orlando furioso» («Пред рыцарем блестят водами») 34
- «Из наслаждений жизни» см. Каменный гость
- Из Пиндемонти («Не дорого ценю я громкие права») 150
- Из А. Шенье («Покров, упитанный язвительною кровью») 62
- «Иван-царевич по лесам» 58—59
- «Играй, прелестное дитя» 60
- Иностранке («На языке, тебе невнятном») 29
- История Петра 78, 87
- История Пугачева 78, 337, 342, 343, 345, 346
- История села Горюхина 327
- К вельможе («От северных оков освобождая мир») 77, 249, 324
- К Е. Н. Вульф («Вот, Зина, вам совет: играйте») 60
- К Вяземскому («Так море, древний душегубец») 91, 92, 109, 173
- К Каверину («Забудь, любезный мой Каверин») 195
- К морю («Прощай, свободная стихия») 41, 54, 91, 325, 332, 342
- К Овидию («Овидий, я живу близ тихих берегов») 212
- «К Сабурову» («Сабуров, ты оклеветал») 58
- К Чаадаеву 196
- Кавказ («Кавказ подо мною. Один в вышине») 14
- «Кавказ подо мною. Один в вышине» см. Кавказ
- Кавказский пленник, повесть 24, 33, 62, 165, 199
- «Как бурю пловец» 100, 101, 103—106
- «Как жениться задумал царский арап» 64
- «Как узник, Байроном воспетый» 63
- «Какая ночь! Мороз трескучий» 29, 88, 100, 101, 103—106, 112
- Калмычке («Прощай, любезная калмычка») 8—10, 13, 20
- Каменный гость 67, 150
- Капитанская дочка 131—134, 138, 139, 146—148, 161, 337, 342, 344, 346
- «Картину раз высматривал сапожник» см. Сапожник
- «Кипренскому» («Любимец моды легкокрылой») 107—110, 112, 113
- Клеветникам России («О чем шумите вы, народные витии») 76

Клеопатра («Чертог сиял. Гремели хором») 48—50, 56
 «Клянусь четой и нечетой» см. Подражания Корану. I.
 «Кобылица молодая» 69, 70
 «Когда великое свершилось торжество» см. Мирская власть
 «Когда для смертного умолкнет шумный день» см. Воспоминание
 «Когда помилует нас бог» см. «Е. П. Полторацкой»
 «Когда твои младые лета» 142
 Кораблю («Морей «красавец» окриленный!») 31
 «Кристалл, поэтом обновленный» 101
 «Критон, роскошный гражданин» 10
 «Кто ты... не смей (?)» 64
 «Кухельбекеру» («Да сохранит тебя твой добрый гений») 62—63
 «Лизе страшно полюбить» 59
 «Лишь розы» увядают» 64
 «Любимец моды легкокрылой» см. «Кипренскому»
 Маленькие трагедии 113
 «Марья Шонинг» 293
 «Материалы для заметок в газете «Дневник»» 15, 16
 Медный всадник. Петербургская повесть 78, 86, 167, 168, 324, 330, 336—342, 345, 346
 «Меж тем, как изумленный мир» см. Андрей Шенье
 Метель (Повести покойного Ивана Петровича Белкина) 150
 Мирская власть («Когда великое свершилось торжество») 337, 343
 Младенцу («Дитя, не смею над тобой») 46
 «Мне жаль великия жены» 41, 55—56
 «Мне скучно, бес» см. Сцена из Фауста
 Мнение М. Е. Лобанова о духе словесности, как иностранной, так и отечественной 341
 «Многие недовольны нашей журнальной полемикой» см. Table-talk
 «Мой друг, забыты мной следы минувших лет» 59
 «Мой первый друг, мой друг бесценный» см. «И. И. Пушкину»
 «Мордвинову» («Под хладом старости угрюмо угасал») 99, 108
 «Морей «красавец» окриленный!» см. Кораблю
 «Мороз и солнце; день чудесный» см. Зимнее утро
 Моцарт и Сальери 325, 328
 Моя родословная («Смеясь жестоко над собратом») 78, 85
 «Мчатся тучи, вьются тучи» см. Бесы
 «Мы проводили вечер на даче...» 341
 «На Воронцова» («Сказали раз царю, что наконец») 61, 62
 «На небесах печальная луна» 63
 «На скользком поприще Тимковского наследник!» см. Второе послание к цензору
 «На углу маленькой площади...» 341
 «На холмах Грузии лежит ночная мгла» 9, 10, 326, 332
 «На языке, тебе невятном» см. Иностранке

«Наброски к замыслу о Фаусте» («адская» поэма) 60—61, 326, 334
 «Наброски к ненаписаным «Подражаниям Корану»» 50
 «Навис покров угрюмой ночи» см. Воспоминания в Царском Селе
 «Над Невою резво вьются» см. Пир Петра Первого
 Наперсник («Твоих признаний, жалоб нежных») 142
 «Напрасно ахнула Европа» 57, 63
 «Нас было много на челне» см. Арнон
 «Начало автобиографии» 7
 Начало I песни «Девственницы» («Я не рожден святыню славословить») 62
 «Не даром вы приснились мне» см. Подражания Корану. VI.
 «Не дорого ценю я громкие права» см. Из Пиндемонти
 «Не пой, красавица, при мне» 73
 «Не стану я жалеть о розах» см. Виноград
 «Недвижный страж дремал на царственном пороге» 54
 Несколько слов о мизинце г. Булгарина и о прочем 292
 «Нет, я не льстец, когда царю» см. Друзьям
 «Няне» («Подруга дней моих суровых») 100
 О вечном мире 331, 333
 «О дворянстве» 87
 «О дева-роза, я в оковах» 63
 «О, жены чистые пророка» см. Подражания Корану. II
 О народном воспитании 84, 95, 100, 102, 344
 «О переводе романа Б. Констана «Адольф»» 165
 «О «Разговоре у княгини Халдиной» Фонвизина» 77
 «О стихотворении «Демон»» 33, 61
 «О чем шумите вы, народные витии» см. Клеветникам России
 «Об Андрее Шенье» 62
 Обвал («Дробясь о мрачные скалы») 14
 «Овидий, я живу близ тихих берегов» см. К Овидию
 «Октябрь уж наступил — уж роща отряхает» см. Осень. (Отрывок)
 А. Оленной («Вы избалованы природой») 66—75
 Графу Олизару («Певец! издревле меж собою») 32, 42, 47
 «Он вежлив был в иных прихожих» 61
 «Она мила — скажу меж нами» см. Ее глаза
 «Они твердили: пусть виденья» 50
 Осень. (Отрывок) («Октябрь уж наступил — уж роща отряхает») 168, 337
 «От северных оков освобождая мир» см. К вельможе
 «От этих знатных господ покою нет...» 338
 Отрывок из письма к Д. 16, 18, 47, 58, 64—65
 «Певец! издревле меж собою» см. Графу Олизару
 «Перед гробницею святой» 76
 Песни западных славян 149—163
 Песня о Георгии Черном («Не два волка в овраге грызутся») см. Песни западных славян. 11

Пиговая дама 77, 135, 149, 333
 Пир во время чумы 328, 329, 331
 Пир Петра Первого («Над Невею резво
 вьются») 78
 Письмо к издателю 150
 «План статьи о русских песнях» 113
 «Планы повести о стрелце» 138
 «Плещут волны Флегетона» см. Прозер-
 пина
 Повести покойного Ивана Петровича
 Белкина 146, 150, 171, 172, 276, 277,
 281, 290, 294
 «Погасло дневное светило» 193, 212
 «Под небом голубым страны своей род-
 ной» 90, 113, 173
 «Под кладом старости утрюмо угасал»
 см. «Мордвинову»
 Подражания древним 326, 331, 333
 Подражания Корану 41, 48—51, 57, 58,
 63, 341
 «Подруга дней моих суровых» см.
 «Няне»
 «Пока супруг тебя, красавицу младую»
 58
 «Шокров, упитанный язвительною
 кровью» см. Из А. Шенье
 Полтава, поэма 14, 68—70, 76, 86, 133,
 138, 139, 142, 234, 247, 248, 325, 336—
 338, 341, 342, 346
 «Е. П. Полторацкой» («Когда помилует
 нас бог») 98
 «Полюби меня, девица» см. «Русская де-
 вушка и черкес»
 ««Поля и горы ночь» [объемлет]» см.
 «Поэма о гетеристах»
 Портрет («С своей пылающей душой») 142
 Послание Дельвигу («Прими сей череп,
 Дельвиг, он») 34, 112
 Послание В. Л. Пушкину («Скажи, пар-
 насский мой отец») 215
 Послание к Л. Пушкину («Что же? Бу-
 дет ли вино?») 59
 Последний из свойственников Иоанны
 д'Арк 149
 «Поэма о гетеристах», наброски начала
 (««Поля и горы ночь» [объемлет]») 341
 Поэт и толпа («Поэт по лире вдохновен-
 ной») 70
 «Поэт! не дорожи любовью народной»
 см. Поэту
 «Поэт по лире вдохновенной» см. Поэт
 и толпа
 Поэту («Поэт! не дорожи любовью на-
 родной») 108
 «Пред рыцарем блестит водами» см.
 «Из Ариостова «Orlando furioso»
 Предчувствие («Снова тучи надо мною») 68, 70, 71
 «Презрев и голос (?) укоризны» 57
 «Приветствую тебя, пустынный уголок»
 см. Деревня
 Признание («Я вас любил, — хоть я бе-
 шусь») 72
 «Прими сей череп, Дельвиг, он» см. По-
 слание Дельвигу
 «Приют любви, он вечно полн» 53
 Приятелям («Враги мои, покамест я ни
 слова») 34, 61, 62
 Прозерпина («Плещут волны Флегето-
 на») 29
 Пророк («Духовной жаждою томим») 282

«Прощай, любезная калмычка» см. Кал-
 мычке
 «Прощай, письмо любви! прощай: она
 велела» см. Сожженное письмо
 «Прощай, свободная стихия» см. К морю
 «Пустое вы сердечным ты» см. Ты и вы
 Путешествие в Арзрум во время похода
 1829 г. 5—26
 Путешествие из Москвы в Петербург 77,
 78, 150
 «Путешествие по Тавриде прочел я» см.
 Отрывок из письма к Д.
 И. И. Пущину («Мой первый друг,
 мой друг бесценный») 99, 100
 Разговор книгопродавца с поэтом
 («Стишки для вас одна забава») 32, 40, 54—55, 64, 127
 Роза («Где наша роза») 332, 333
 «Роман в письмах» 13, 14, 133, 141—146,
 165
 «Роман на Кавказских водах» 336, 340,
 341, 346
 «Романов и Зернов лихой» см. Двум
 Александрам Павловичам
 Российская Академия 77, 341
 Рукою Пушкина
 «Сей день есть день суда и мщенья» 53
 «Я мнил иной успех оправдал меня» 42
 2 août 1827 j'outrnèe h'eu reuse.
 4 août. R. J. P. Jich/areff/en souge 114
 «Русалка», драма 153
 Руслан и Людмила, поэма 100, 143
 «Русская девушка и черкес» («Полюби
 меня, девица») 13
 «Русский Пелам» 124
 С португальского («Там звезда зари взо-
 шла») 29, 100, 332
 «С своей пылающей душой» см. Портрет
 «С тобою древле, о всеильный» см.
 Подражания Корану. IV
 «Сабуров, ты оклевтал» см. «К Сабурову»
 Сапожник. (Притча) («Картину раз вы-
 сматривал сапожник») 14
 «Свободы сеятель пустынный» 196
 «Скажи, какие закинься» («Наброски
 к замыслу о Фаусте. I») 60
 «Скажи мне, ночь, зачем твой тихий
 мрак» 61, 64
 «Скажи, парнасский мой отец» см. По-
 слание В. Л. Пушкину
 «Сказали раз царю, что наконец» см.
 «На Воронцова»
 Сказка о золотом петушке 159, 327, 335
 Сказка о мертвой царевне и о семи бо-
 гатырях 159
 Сказка о попе и о работнике его Балде 159, 276
 Сказка о царе Салтане, о сыне его слав-
 ном и могучем богатыре князе Гви-
 доне Салтановиче и о прекрасной
 царевне Лебеди 69, 173
 Сказки 153, 154, 159
 Скупой рыцарь 65, 150, 333
 «[Словесность русская больна]» 62
 «Смеетесь вы, [что] девой бойкой» 60
 «Смеясь жестоко над собратом» см. Моя
 родословная
 «Смутясь, нахмурился пророк» см. Под-
 ражания Корану. III.
 «Снова тучи надо мною» см. Предчув-
 ствие

- Сожженное письмо («Прощай, письмо любви! прощай: она велела») 59, 60
- Стансы («В надежде славы и добра») 78, 86, 99, 103, 104, 148, 196
- Станционный смотритель (Повести покойного Ивана Петровича Белкина) 171—173, 326, 334
- «Стипки для вас одна забава» см. Разговор книгопродавца с поэтом
- Сцена из Фауста («Мне скучно, бес») 61, 325, 326, 334, 335
- «Сцены из рыцарских времен» 338
- «Счастливы, кто избран своенравно» 70
- «Т. прав, когда так верно вас» 64
- «Так море, древний душегубец» см. К Вяземскому
- «Так *(прзб.)* слезами» 59
- Талисман («Там, где море вечно плещет») 50
- «Там, где море вечно плещет» см. Талисман
- «Там звезда зари взошла» см. С португальского
- «Твое соседство нам опасно» 60
- «Твоих признаний, жалоб нежных» см. Наперсник
- Телега жизни («Хоть тяжело подчас в ней бремя») 169
- «Торгуя совестью пред бледной ницетою» см. Подражания Корану. VIII.
- Торжество дружбы, или Оправданный Александр Анфимович Орлов 292
- «Три дня купеческая дочь» см. Жених
- «Ты вянешь и молчишь; печаль тебя сдает» 62
- Ты и вы («Пустое вы сердечным ты») 69, 73
- «[Увы! язык любви болтливый]» 68, 70, 73
- «Умолкну скоро я... Но если в день печали» 59
- «Участь моя решена. Я женюсь...» 341
- Е. Н. Ушаковой. (В альбом) 66—75
- «Фазиль-Хану» («Благословен твой подвиг новый») 9—11, 18
- «Фонтан любви, фонтан живой!» см. Фонтану Бахчисарайского дворца
- Фонтану Бахчисарайского дворца («Фонтан любви, фонтан живой!») 58, 63
- Фракийские элегии. Стихотворения Виктора Теплякова, 1836. 211, 341
- Французская Академия 341
- «Холодный Вы сердечным Ты» см. Ты и вы
- «Хоть тяжело подчас в ней бремя» см. Телега жизни
- Цыганы, поэма 29—32, 38, 39, 45—47, 53, 63, 100, 102, 282
- «Часто думал я...» 338
- «Чертог сиял. Гремели хором» см. Клеопатра
- «Что дружба? Легкий пыл похмелья» см. Дружба
- «[Что же? Будет] ли вино?» см. Послание к Л. Пушкину
- «Шварц ищет философского камня...», план, см. «Сцены из рыцарских времен»
- Элегия («Воспомянем упоенный») 69
- «Я был свидетелем златой твоей весны» 61
- «Я вас любил, — хоть я бешусь» см. Признание
- «Я не дремал» см. Подражания Корану. IX. («И путник усталый на бога роптал»)
- «Я не рожден святыню славословить» см. Начало I песни «Девственницы»
- «Я памятник себе воздвиг нерукотворный» 109, 325, 326, 331, 332
- «Quand au front du convive, au beau sein de Délie» 64
- Table-talk 15
- To Dawe ESQ^r («Зачем твой дивный карандаш») 70, 73
- «Un grand seigneur» — план пьесы «От этих знатных господ покою нет...»